СТИВЕН

ТАЛИСМАН

КИНГ

ПИТЕР СТРАУБ

СТИВЕН

КИНГ

ПИТЕР СТРАУБ

СТИВЕН

КИНГ

ПИТЕР СТРАУБ

ТАЛИСМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
and Peter Straub

THE TALISMAN

Перевод с английского *В.А. Вебера*

Художник *В. И. Лебедева*

Компьютерный дизайн *А.И. Смирнова*

Печатается с разрешения автора, E Seafront Corporation
и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Талисман : [роман] / Стивен Кинг, Питер Страуб ; [пер. с англ. В.А. Вебера]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 896 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-090875-2

...Вновь и вновь двенадцатилетний Джек Сойер и его мать в спешке переезжают из одного города в другой, бегут, сменяя отели и стараясь не оставлять следов.

От кого они прячутся? Кто — или что — их преследует?

Этого Джек не знает, но он абсолютно уверен: его матери грозит смертельная опасность и только он может спасти ее.

Но для этого ему придется переступить черту — попасть в другую реальность, где обитают силы Тьмы, уже готовые нанести удар...

«Талисман» — одно из самых ярких произведений Стивена Кинга — в новом переводе и без сокращений!

Читайте «Черный дом» — продолжение романа «Талисман».

УДК 821.111-313.2 (73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Stephen King and Peter Straub, 1984
© Перевод. В.А. Вебер, 2013
ISBN 978-5-17-090875-2
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Посвящается
РУТ КИНГ и ЭЛВЕНЕ СТРАУБ

Ну так вот, когда мы с Томом подошли к обрыву и поглядели вниз, на городок, там светилось всего три или четыре огонька — верно, в тех домах, где лежали больные; вверху над нами так ярко сияли звезды, а ниже города текла река в целую милю шириной, этак величественно и плавно.

Марк Твен.
*Приключения Гекльберри Финна**

Мое новое платье было все закапано свечкой и вымазано в глине, и сам я устал как собака.

Марк Твен.
Приключения Гекльберри Финна

---

* Здесь и далее цитаты из романа «Приключения Гекльберри Финна» даны в переводе Н. Дарузес. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Часть первая
ДЖЕК УБЕГАЕТ

Глава 1
«АЛЬГАМБРА: ОТЕЛЬ И САДЫ»

1

Пятнадцатого сентября 1981 года Джек Сойер стоял у самой кромки воды, засунув руки в карманы джинсов, и смотрел на спокойный Атлантический океан. Джеку исполнилось двенадцать лет, и для своего возраста он был высок. Легкий бриз отбрасывал с красивого чистого лба каштановые, пожалуй, слишком длинные волосы. Противоречивые, тягостные чувства держали Джека, не отпускали последние три месяца — с того самого момента, как его мать заперла двери их дома на Родео-драйв в Лос-Анджелесе и в спешке сняла квартиру к западу от Центрального парка. Оттуда они перебрались в тихое курортное местечко на крошечном океаническом побережье Нью-Хэмпшира. Порядок и размеренность исчезли из мира Джека. Жизнь его стала такой же переменчивой и непредсказуемой, как поверхность простиравшегося перед ним океана. Мать тащила Джека за собой, перебрасывая с места на место. Но что гнало ее?

Она бежала, бежала.

Джек оглядел пустынный берег, повернув голову сначала в одну сторону, потом в другую. Слева находился парк развлечений «Аркадии веселая страна», в котором шум и

гвалт не утихали со Дня поминовения до Дня труда*. Сейчас парк обезлюдел и затих — как сердце между ударами. «Американские горки» казались строительными лесами на фоне одноцветного, затянутого облаками неба, вертикальные и наклонные опоры расчерчивали его угольными полосами. Там жил Спиди Паркер, но сейчас Джек о нем не думал. Справа высился «Альгамбра: отель и сады», и именно туда тянули мальчика тревожные мысли. В день приезда Джек на мгновение подумал, что видит радугу над двускатной крышей с мансардными окнами. Добрый знак, обещание перемен к лучшему. Но радуга ему померещилась. Только флюгер поворачивался справа налево, слева направо во власти переменчивого ветра. Джек выскочил из взятой напрокат машины, не обращая внимания на безмолвную просьбу матери заняться багажом, и огляделся. Над вращающимся медным петушком нависало лишь пустое небо.

— Открой багажник и достань вещи, сынок, — позвала его мать. — Загнанная старая актриса хочет зарегистрироваться и поискать выпивку.

— Коктейль «Мартини», — уточнил Джек.

— Тебе следовало сказать: «Не такая ты и старая», — отозвалась она, с трудом вылезая из-за руля.

— Не такая ты и старая.

Она просияла — став прежней бесшабашной Лили Кавано (Сойер), на протяжении двадцати лет считавшейся королевой би-фильмов** — и выпрямила спину.

— Здесь все будет хорошо, Джеки. Все-все. Это хорошее место. — Чайка пролетела над крышей отеля, и на секунду у Джека возникло тревожное чувство, что это флюгер отправился в свободный полет. — Избавимся на время от телефонных звонков, верно?

---

*День поминовения, День труда — официальные праздничные дни, отмечаемые соответственно 30 мая и в первый понедельник сентября.

**Фильм категории «Б» (би-фильм) — кинокартина с небольшим бюджетом, не предназначенная для массового проката.

— Конечно, — согласился Джек. Она стремилась спрятаться от дяди Моргана, больше не хотела цапаться с деловым партнером своего покойного мужа, мечтала о том, чтобы забраться в кровать с бокалом коктейля «Мартини» и натянуть на голову одеяло...

Мама, да что же с тобой не так?

Слишком много смерти, мир наполовину состоит из смерти. Чайка прокричала над головой.

— Шевелись, парень, шевелись, — добавила мать. — Давай войдем в Великое хорошее место*.

Тогда Джек и подумал: *А если станет совсем кисло, всегда можно позвать на помощь дядю Томми.*

Но дядя Томми уже умер: просто эта новость все еще оставалась на другом конце телефонного провода.

2

«Альгамбра» нависал над водой. Грандиозное викторианское сооружение из гигантских гранитных блоков, казалось, естественным образом врастало в выступающий в океан мыс — торчащая каменная ключица на считанных милях нью-хэмпширского побережья. Сады располагались со стороны материка, и Джек, стоя у воды, практически их не видел — только верхнюю часть зеленой изгороди. Бронзовый петух на фоне неба указывал на северо-запад. Мемориальная табличка в холле гласила, что в 1838 году здесь состоялась конференция методистов Севера, одно из первых крупных собраний сторонников отмены рабства в Новой Англии. На ней Дэниел Уэбстер произнес яркую, пламенную речь. Согласно табличке, Уэбстер, среди прочего, сказал: «С этого дня и навсегда — знайте, что рабство как американский институт слабеет и скоро отомрет во всех наших штатах и территориях».

* Аллюзия на рассказ классика американской литературы Генри Джеймса (1843–1916) «Великое хорошее место».

3

Тот день на прошлой неделе, когда они приехали, подвел черту под суматохой последних месяцев в Нью-Йорке. В Аркадия-Бич они не сталкивались с адвокатами, работавшими на Моргана Слоута, которые выскакивали из автомобилей, размахивая документами, требуя от миссис Сойер немедленно заполнить их и подписать. В Аркадия-Бич телефоны не звонили с полудня до трех часов ночи (кажется, дядя Морган забыл, что в окрестностях Центрального парка время вовсе не калифорнийское). Собственно, в Аркадия-Бич они не звонили совсем.

Пока они ехали по маленькому курортному городку (мать не переставала смотреть на дорогу), Джек заметил на улицах только одного человека — безумного старика, бесцельно катившего по тротуару пустую тележку для покупок. Над головой висело серое, враждебное небо. В отличие от Нью-Йорка здесь слышался только шорох ветра, продувавшего пустынные улицы: из-за отсутствия на них транспорта они казались более широкими. Надписи на витринах магазинов гласили: «РАБОТАЕМ ТОЛЬКО ПО ВЫХОДНЫМ» или, того хуже, «УВИДИМСЯ В ИЮНЕ!» На улице перед «Альгамброй» гостей ожидала сотня парковочных клеток, пустующих, как и столики в «Чае с вареньем».

Лишь небритые безумные старики катили пустые тележки для покупок по заброшенным улицам.

— Я провела счастливейшие три недели своей жизни в этом странном маленьком городке. — Лили проехала мимо старика (который, как заметил Джек, повернулся, испуганно и подозрительно посмотрел им вслед и что-то прошептал, но Джек не смог разобрать, что именно), а потом свернула на изогнутую дугой подъездную дорожку, проложенную через сады к отелю.

Вот почему они упаковали все необходимое в чемоданы, сумки и полиэтиленовые пакеты и заперли на ключ дверь квартиры (не обращая внимания на пронзительные звонки телефона, которые просачивались через замочную скважину и, казалось, преследовали их даже в коридоре первого этажа); вот почему забили раздутыми коробками и чемоданами заднее сиденье и багажник взятого напрокат автомобиля и провели в нем долгие часы, медленно продвигаясь на север по Генри-Гудзон-паркуэй, а потом еще более долгие часы — по автостраде 95: потому что именно здесь Лили Кавано Сойер однажды ощутила себя счастливой. В 1968 году, за год до рождения Джека, Лили номинировали на «Оскар» за роль в кинофильме «Блейз». Фильм этот по уровню превосходил большинство фильмов, в которых снималась Лили, и в нем ее талант раскрылся более полно, чем в привычных для нее ролях «плохих девчонок». Никто не ожидал, что Лили способна победить, и меньше всех сама Лили; но клише, что номинация на премию Академии уже большая честь, в полной мере отражало ее состояние: Лили от души радовалась, и Фил Сойер увез ее на три недели в «Альгамбру», чтобы достойно отпраздновать этот успех. Там, на другом конце континента, они смотрели вручение «Оскаров» по телевизору и пили шампанское в постели. Будь Джек старше и возникни у него интерес к подобным вопросам, он мог бы произвести нехитрые математические действия и узнать, что жизнь ему дали именно в «Альгамбре».

Когда огласили список актрис, выдвинутых на соискание премии в номинации «Лучшая женская роль второго плана», Лили, в соответствии с семейной легендой, прошептала Филу: «Если выиграю, а меня нет на церемонии, станцую манки у тебя на груди *в туфлях на шпильках*».

Но победила Рут Гордон, и Лили сказала: «Уверена, она заслуживает этого. Отличная актриса. — И тут же,

стукнув мужа кулаком по груди, потребовала: — Найди мне еще одну такую же роль, раз уж ты у нас знаменитый агент».

Больше таких ролей она не получала. А последней, сыгранной через два года после смерти Фила, стала роль циничной бывшей проститутки в фильме «Маньяки на мотоциклах».

Именно тот период вспоминала сейчас Лили, и Джек это знал, вытаскивая вещи с заднего сиденья и из багажника. Полиэтиленовый пакет «Д'АГОСТИНО» порвался, отделив «Д'АГО», и скатанные носки, фотографии, шахматные фигуры, доска и комиксы высыпались на вещи, еще лежавшие в багажнике. Джеку удалось распихать большую часть выпавшего по другим пакетам. Лили, держась за поручень, медленно, будто старушка, поднималась по ступенькам.

— Я найду коридорного, — пообещала она не оборачиваясь.

Джек разогнулся, оторвавшись от пакетов, и вновь посмотрел вверх, туда, где, он в этом не сомневался, видел радугу. Увы, теперь его глазам открылось только враждебное, переменчивое небо.

А потом:

Иди ко мне, тихо, но явственно раздалось за его спиной.

— Что? — спросил он, оглядываясь. Но увидел только пустынные сады и подъездную дорожку.

— Да? — окликнула его мать. Спина ее согнулась вопросительным знаком, она опиралась на ручку дубовой двери.

— Померещилось, — ответил он. Само собой, и голос, и радуга. Джек выбросил все это из головы, посмотрев на мать, сражавшуюся с тяжелой дверью. — Подожди, я помогу. — И торопливо взбежал по ступенькам, неловко неся большой чемодан и раздувшийся бумажный пакет со свитерами.

4

До встречи со Спиди Паркером Джек, словно спящая собака, не замечал хода времени: один день в отеле просто перетекал в другой. Вся жизнь казалась сплошным сном, полным теней и необъяснимых переходов. Даже ужасная весть о дяде Томми, пришедшая по телефону прошлым вечером, не сумела полностью разбудить его, не повергла в шок. Увлекайся Джек оккультизмом, он мог бы предположить, что какие-то неведомые силы захватили его и управляют их с матерью жизнями. В свои двенадцать Джек Сойер привык всегда что-то делать, и плавное и бесшумное течение этих дней после суеты Манхэттена смущало и раздражало его.

Джек вдруг осознал, что стоит на берегу, но не смог вспомнить, как сюда попал, и не имел ни малейшего понятия, что здесь делает. Вроде бы он горевал о дяде Томми, но у него создалось ощущение, что разум его завалился спать, предоставив телу самому заботиться о себе. Концентрации внимания не хватало даже для того, чтобы держать в голове сюжеты сериалов, которые они с Лили смотрели по вечерам, не говоря уж о том, чтобы запоминать какие-то подробности.

— Ты устал от всех этих переездов. — Мать глубоко затянулась и сощурилась, глядя на него сквозь дым. — Что тебе нужно, Джеки, так это немного расслабиться. Это чудесное местечко. Давай же насладимся им, пока есть возможность.

В красном отблеске экрана Боб Ньюхарт разглядывал туфлю, которую держал в правой руке.

— Именно этим я и занимаюсь, Джеки. — Лили улыбнулась сыну. — Расслабляюсь и наслаждаюсь.

Джек взглянул на часы. Они сидели перед телевизором уже два часа, а он не мог вспомнить, что они смотрели до этой программы.

Мальчик как раз встал, чтобы идти спать, когда зазвонил телефон. Старый добрый дядя Морган Слоут нашел их. Новости дяди Моргана никогда не приносили радости, но последняя тянула на блокбастер, даже по его меркам. Джек стоял посреди комнаты, наблюдая, как лицо матери белеет, белеет, белеет. Рука поднялась к шее, на которой за последние месяцы появились новые морщины, чуть сжала ее. Мать слушала молча и лишь перед тем, как повесить трубку, прошептала: «Спасибо тебе, Морган». Повернулась к Джеку, внезапно постаревшая и совсем больная.

— Крепись, Джеки, ладно?

Джек не думал, что сможет выдержать удар.

Она взяла его за руку.

— Дядя Томми сегодня погиб, Джек. Его сбил автомобиль, когда он переходил улицу.

Мальчик ахнул, как от удара под дых.

— Он переходил бульвар Ла Синега, и его сбил фургон. Согласно показаниям свидетеля, черного цвета, с надписью «ДИКОЕ ДИТЯ»*, но это... Это все... — Лили начала плакать. Минутой позже, удивляясь самому себе, Джек тоже заплакал. Все это случилось тремя днями раньше, но Джеку казалось, что прошла целая вечность.

5

Пятнадцатого сентября 1981 года подросток по имени Джек Сойер смотрел на ровную поверхность океана, стоя на пустынном берегу перед отелем, напоминавшим старинный замок из романов Вальтера Скотта. Ему хотелось плакать, но он не мог выжать из себя ни слезинки. Его окружала смерть, смерть составляла половину мира, и в небе не было радуги. Фургон с надписью «ДИКОЕ ДИТЯ» вычеркнул дядю Томми из этого мира. Дядю Томми, кото-

* Дикое Дитя — герой комиксов компании «Марвел».

рый погиб в Лос-Анджелесе, очень далеко от восточного побережья, хотя даже Джек знал, что его дом именно здесь. Человеку, обязательно повязывавшему галстук перед тем, как пойти в «Эрбис», чтобы съесть сандвич с ростбифом, следовало держаться подальше от западного побережья.

Его отец умер, дядя Томми умер, мать тоже может умереть. Он ощутил смерть и здесь, в Аркадия-Бич: она говорила по телефону голосом дяди Моргана. И речь шла не о дешевой меланхолии, окутывавшей курорт в межсезонье, когда постоянно сталкиваешься с призраками ушедшего лета. Смерть проявляла себя в текстуре предметов, в запахе ветра с океана. Джек боялся... и боялся давно. Это место, такое тихое, только помогло ему осознать... помогло ему осознать, что, возможно, смерть ехала с ним по автостраде 95 из Нью-Йорка, щурясь от сигаретного дыма и прося его найти по приемнику что-нибудь быстрое и ритмичное.

Он помнил — смутно, — как отец говорил ему, что он родился с разумом старика, но сейчас Джек так не думал. Напротив, он ощущал, что у него разум младенца. *Я напуган*, подумал Джек. *Чертовски напуган. Конец света наступит здесь, да?*

Чайки кружили в сером воздухе над головой. Тишина серостью соперничала с воздухом, такая же убийственная, как растущие мешки под глазами матери.

6

Джек не знал, сколько дней бесцельно брел сквозь время, ощущая, будто все его чувства заблокированы, но встреча с Лестером Спиди Паркером, случившаяся в «Веселой стране», вывела его из этого состояния. Чернокожий, с курчавыми седыми волосами и глубокими морщинами, изрезавшими лицо, Лестер ничем не привлекал к

себе внимания, хотя многого добился, путешествуя по стране и играя блюз. Он и не рассказывал ничего особенно интересного. Однако, ненароком зайдя в зал игровых автоматов «Веселой страны», Джек встретился взглядом с его выцветшими глазами — и почувствовал, что оцепенение ушло. Будто некая волшебная сила передалась от старика Джеку. Спиди улыбнулся ему.

— Кажется, у меня появилась компания. Пришел маленький странник.

И правда, апатию как рукой сняло. Мгновением раньше он чувствовал себя облепленным мокрой шерстью и сахарной ватой, а теперь обрел свободу. Казалось, над Спиди вспыхнул серебристый нимб, едва заметный ореол света, который исчез, стоило Джеку моргнуть. И только тут мальчик заметил, что в руках у старика широкая и тяжелая швабра.

— С тобой все в порядке, сынок? — Уборщик потер поясницу, прогнулся назад. — Мир только что стал хуже или чуть изменился к лучшему?

— Э... изменился к лучшему, — прошептал Джек.

— Тогда ты пришел куда надо, скажу я тебе. Как тебя величают?

Маленький странник, назвал его Спиди в тот первый день. *Старина Джек-Путешественник*.. Высокий и худой, уборщик привалился к автомату для игры в скибол, а его руки обнимали черенок швабры, словно девушку в танце. *А перед тобой — Лестер Спиди Паркер, тоже странник, сынок, хи-хи, ей-бо. Спиди знает дорогу, он знает все дороги, даже дорогу в прошлое. У меня был оркестр, Странник Джек, и мы играли блюз. Гитарный блюз. Мы даже записали несколько пластинок, но я не буду смущать тебя вопросом, слышал ли ты их.*

В каждом слоге звучал свой напевный ритм, в каждой фразе — римшот и бэкбит. Спиди Паркер держал в руках швабру, а не гитару, но все равно оставался музыкантом.

В первые пять секунд общения с ним Джек понял, что его отцу, любившему джаз, понравился бы этот человек.

Большую часть последующих трех или четырех дней Джек всюду ходил за Спиди, наблюдая за его работой и помогая, если возникала такая необходимость. Старик позволял ему забивать гвозди, шкурить штакетины, требовавшие покраски. Только эти простые задания, которые Джек выполнял под руководством Спиди, и могли сойти за учебу в тот период времени, но мальчик чувствовал себя совершенно счастливым. Теперь Джек считал первые дни в Аркадии-Бич жутким кошмаром, от которого его спас новый друг. Спиди Паркер был другом, в этом Джек не сомневался — не сомневался до такой степени, что эта дружба обретала налет таинственности. За несколько дней, прошедших после того как Джек сбросил с себя оцепенение (или Спиди стряхнул с него оцепенение, расколдовав одним взглядом светлых глаз), этот человек стал ему ближе, чем любой из друзей, исключая разве что Ричарда Слоута, которого Джек знал практически с пеленок. И сейчас он чувствовал, как притяжение мудрости и тепла его нового друга, который находился где-то поблизости, уравновешивают боль утраты дяди Томми и страх, что мать действительно умирает.

Но у Джека вновь возникло неприятное ощущение, что *им управляют*, манипулируют: будто длинная невидимая нить притащила их с матерью в это пустынное место на берегу океана.

Они хотели, чтобы он оказался здесь, кем бы *они* ни были.

Или это глупости? Мысленным взором Джек увидел согнутого старика, безусловно, рехнувшегося, что-то бормочущего себе под нос и катящего тележку для покупок по тротуару.

В небе закричала чайка, и Джек дал себе слово поговорить со Спиди Паркером о своих ощущениях. Даже если

Спиди подумает, что у Джека съехала крыша, даже если начнет смеяться над ним. Но в душе Джек знал, что Спиди смеяться не будет. Они *были* близкими друзьями: Джек знал, что может рассказать старому сторожу практически все.

Но он не мог решиться. Слишком уж это напоминало бред, и Джек сам пока не во всем разобрался. Пересиливая себя, он повернулся спиной к «Веселой стране» и по песку поплелся к отелю.

Глава 2
ВОРОНКА

1

На следующий день Джек Сойер понимал происходящее ничуть не лучше. Ночью ему приснился *один из самых страшных снов* в его жизни. В нем за матерью крался какой-то жуткий монстр — карлик с перекошенными глазами и гниющей, облезающей кожей. *Твоя мать почти мертва, Джек, скажи «аллилуйя»!* — прохрипел монстр, и Джек знал — такое знание приходит только во сне, — что монстр радиоактивный, а его прикосновение грозит смертью. Он проснулся в холодном поту, едва сдерживая крик. Только шум прибоя помог ему осознать, где он находится, и прошел еще не один час, прежде чем Джек снова уснул.

Утром он собирался рассказать этот сон матери, но Лили пребывала в дурном настроении, не шла на разговор, прячась за клубами сигаретного дыма. И лишь когда Джек под каким-то надуманным предлогом собрался уйти из кафетерия отеля, Лили едва заметно ему улыбнулась.

— Подумай, где хочешь поужинать.

— Правда?

— Да. Только не в фаст-фуде. Я удрала из Лос-Анджелеса в Нью-Хэмпшир не для того, чтобы травиться хот-догами.

— Давай поедем в один из рыбных ресторанов в Хэмптон-Бич? — предложил Джек.

— Отлично. Теперь иди и поиграй.

Иди и поиграй, с непривычной злостью подумал Джек. *Да, мамочка, ловко у тебя получается! Легко! Иди и поиграй! С кем? Мама, почему ты здесь? Почему мы здесь? Ты очень больна? Почему не хочешь говорить со мной о дяде Томми? И чего хочет дядя Морган? Чего?..*

Вопросы, вопросы... И все не стоят выеденного яйца, потому что никто может на них ответить.

Разве что Спиди...

Смех, да и только: как чернокожий старикан, с которым он только что познакомился, мог разрешить хоть какую-то из его проблем?

Тем не менее Джек думал о Спиди Паркере, когда пересек променад и зашагал по наводящему тоску пустынному берегу.

2

Конец света наступит здесь, да? — снова подумал Джек.

Чайки кружили в серой вышине. На календаре было еще лето, но в Аркадия-Бич оно заканчивалось в День труда. Тишина серостью соперничала с воздухом.

Джек взглянул на свои кроссовки и увидел, что они запачканы чем-то вроде дегтя. *Грязь с пляжа*, решил он. *Вынесло волнами?* Он не знал, где измазался, но на всякий случай отступил от кромки воды.

Чайки кричали и кружили в воздухе. Крик одной из них раздался прямо над головой Джека, и сразу после этого мальчик услышал негромкий удар, словно по металлу.

Он вовремя повернулся и увидел, как что-то упало на скалу. Чайка быстро, точно робот, вертела головой по сторонам, чтобы убедиться, что никто ее не потревожит. Потом запрыгала к тому месту, где на ровном, утрамбованном песке лежал брошенный ею моллюск. От удара о камень раковина треснула, как яйцо, и Джек увидел внутри подрагивающее мясо... Или у него разыгралось воображение?

Не хочу на это смотреть.

Но прежде чем он успел отвернуться, желтый крючковатый клюв чайки ухватил мясо, растягивая его, как эластичную ленту, и Джек почувствовал, что желудок завязался узлом. Мысленно он услышал крик разрываемой живой плоти... ничего связного, просто тупая плоть кричит от боли.

Джек вновь попытался отвернуться от чайки — и не смог. Птичий клюв открылся, демонстрируя грязно-розовую глотку. Моллюск нырнул обратно в разбитую раковину, и с мгновение чайка смотрела на Джека мертвенно-черными глазами, подтверждая ужасные истины: умирают отцы, умирают матери, умирают дядья, даже если они окончили Йельский университет и выглядят в своих костюмах-тройках с Савил-роу* несокрушимыми, как стены банка. Дети тоже умирают... и в конце остается только тупой, бездумный крик живой плоти.

— Эй, — произнес Джек, не замечая, что говорит вслух. — Эй, отстаньте от меня!..

Чайка сидела над добычей, буравя его маленькими черными глазками. Потом вновь принялась клевать мясо. *Хочешь кусочек, Джек? Оно еще трепещет! Боже мой, мясо такое свежее, похоже, и не знает, что мертво!*

Крепкий желтый клюв вновь вцепился в моллюска и потянул. Потя-я-я-я-я...

Мясная резинка разорвалась. Голова чайки вскинулась к серому сентябрьскому небу, заработали мышцы горла.

* Савил-роу — улица в Лондоне, на которой расположены ателье дорогих мужских портных.

У Джека снова возникло ощущение, что птица смотрит на него, как, бывает, смотрят на тебя глаза с висящей на стене картины, в какой бы части комнаты ты ни находился. И глаза... он знал эти глаза.

Внезапно ему захотелось оказаться рядом с матерью — с ее темно-синими глазами. Он не помнил, когда еще с таким нетерпением хотел увидеть ее — разве что в далеком-далеком детстве. *Баю-бай*, услышал он голос Лили, запевший у него в голове, и этот голос был *голосом ветра,* который сейчас звучит здесь, а скоро зазвучит где-то еще. *Баю-бай, засыпай, Джеки, мой в окошке свет, твоего папаши нет, он уехал слушать джаз, не до нас ему сейчас!* — Он помнил, как его укачивали, мать курила одну сигарету «Герберт Тейритон» за другой, возможно, не отрывая глаз от сценария — синих страниц, так она говорила. *Баю-бай, мой Джеки, все у нас так хорошо! Я люблю тебя, мой Джеки. Ш-ш-ш... засыпай. Баю-бай.*

Чайка смотрела на него.

С внезапным ужасом, который заполнил горло, как горячая соленая вода, Джек увидел, что *чайка действительно смотрит на него.* Эти черные глаза (*чьи они?*) *рассматривали* его. И он знал этот взгляд.

Кусок сырого мяса все еще торчал из клюва чайки, однако пока Джек смотрел, птица всосала его. Клюв раскрылся в странной, но ясно различимой ухмылке.

Он повернулся и побежал, опустив голову и крепко сжимая веки, чтобы остановить поток горячих соленых слез. Кроссовки зарывались в песок, и если бы кто-нибудь смог подняться над пляжем, все выше и выше, то с высоты полета чайки он различил бы в этом сером дне только подростка, только его следы. Джек Сойер, двенадцатилетний и одинокий, мчался к гостинице, забыв про Спиди Паркера. Слезы и ветер заглушали его крик, а он все пытался выкрикивать одно и то же слово-отрицание: *нет*, и *нет*, и *нет*!

3

Взбежав на променад, Джек остановился, совсем выдохшийся. Жарко кололо в левом боку — от середины грудной клетки до подмышки. Он присел на одну из скамеек, поставленных для приходящих сюда стариков, и откинул падающие на глаза волосы.

Возьми себя в руки. Если сержант Фьюри уходит с восьмым расчетом, кто встает во главе ревущей команды?*

Мальчик улыбнулся и действительно приободрился. Здесь, на пятидесятифутовой высоте, все выглядело чуть лучше. Возможно, изменилось атмосферное давление или что-то в этом роде. Случившееся с дядей Томми было ужасно, но Джек полагал, что сможет это пережить, смириться с тем, чего уже не изменишь. Так, во всяком случае, говорила мама. Дядя Морган в последнее время очень их доставал, но, с другой стороны, дядя Морган доставал их *всегда*.

Что касалось мамы... что ж, в этом и заключалась главная загвоздка, верно?

Если на то пошло, думал он, сидя на скамье и ковыряя кроссовкой песок на границе с настилом променада, если на то пошло, с ней, возможно, все в порядке. Такое *вполне* вероятно, очень даже. В конце концов, никто не говорил, что у нее рак, верно? Никто. Будь у нее рак, она бы не привезла его сюда, правда? Скорее они поехали бы в Швейцарию, где она принимала бы лечебные ванны и ела бы козьи железы или что-нибудь в этом роде. Именно так она и поступила бы.

Так, может быть...

Низкий, шуршаще-шепчущий звук проник в раздумья Джека. Он посмотрел вниз, и его глаза широко раскры-

---

* «Сержант Фьюри и его ревущая команда» — комиксы о вымышленном подразделении рейнджеров времен Второй мировой войны, издававшиеся в 1963–1981 гг.

лись. Песок у левой кроссовки зашевелился. Маленькие белые песчинки скользили по кругу диаметром с длину пальца. В центре этого круга песок внезапно опустился, образовав ямку. Ямку глубиной в пару дюймов. Боковая поверхность ямки находилась в непрестанном движении — песчинки кружили против часовой стрелки, быстро-быстро.

Этого нет, тут же сказал себе Джек, но его сердце застучало быстрее, а дыхание участилось. *Этого нет, мне грезится, ничего больше, а может, это краб или что-то...*

Но ни краб, ни грезы к ямке отношения не имели. Ведь это было не то, другое место, которое Джек представлял себе, если вдруг становилось скучно или немного страшно. А насчет краба — краб здесь вообще ни при чем.

Песок закрутился еще быстрее, звук — шуршащий и сухой — наводил Джека на мысль о статическом электричестве, об опытах с лейденской банкой на уроке физики, которые они проводили в прошлом году. Но еще больше звук этот напоминал долгий и тягостный вздох, последний вздох умирающего.

Все больше песка проваливалось вниз и начинало вращаться. Ямка уже превратилась в воронку, напоминавшую перевернутый смерч. Появилась яркая желтая обертка жевательной резинки, исчезла, появилась, исчезла, появилась вновь. Чем шире становилась воронка, тем больше букв мог прочитать Джек: «ДЖ», потом «ДЖУ», потом «ДЖУСИ Ф». Воронка росла, и песок стащило с обертки. Быстро, резко, словно враждебная рука сдернула покрывало с застеленной кровати. «ДЖУСИ ФРУТ», — прочитал он, и песок потащил обертку за собой.

Песчинки вращались быстрее и быстрее, с яростным шуршанием. *Х-х-х-х-х-ха-а-а-а-ах-х-х-х-х-х-х*, — пели они. Джек смотрел на воронку, сначала завороженно, потом с ужасом. В песке раскрывался большой темный глаз: глаз чайки, бросившей моллюска на скалу и теперь выта-

скивающей из раковины живое мясо, будто резиновую ленту.

Х-х-х-х-х-ха-а-а-а-ах-х-х-х-х-х, — насмехались песчинки сухим, мертвым голосом. Он звучал не в голове. Джек бы очень хотел, чтобы этот голос звучал только в его голове, но нет, голос был реален. *Его вставные зубы, Джек, они вывалились, когда «ДИКОЕ ДИТЯ» сбило его, бах-тарарах — и все. Йельский университет или нет, но когда «ДИКОЕ ДИТЯ» сбивает тебя и вышибает твои вставные зубы, это конец. И твоя мать...*

Джек вновь побежал, ничего не видя перед собой, не оглядываясь. Ветер сдувал волосы с его лба, а в широко раскрытых глазах застыл ужас.

4

Тускло освещенный вестибюль отеля Джек пересекал со всей возможной скоростью, но не бегом. Атмосфера этого места запрещала беготню: тишина как в библиотеке, серый свет, падавший через высокие створчатые окна, смягчал и размывал узоры и без того потертых ковров. Поравнявшись с регистрационной стойкой, Джек все-таки перешел на бег, и именно в это мгновение из обшитой деревом арки появился сутулый, с землистым цветом лица дневной портье. Он не произнес ни слова, однако уголки рта на мрачном лице осуждающе опустились еще на сантиметр. Словно Джек посмел бегать в церкви! Мальчик вытер рукавом лоб, усилием воли заставил себя дойти до лифта шагом. Нажал кнопку, физически ощущая, как портье буравит взглядом его лопатки. Насколько Джек помнил, за всю неделю тот улыбнулся только раз — когда узнал его мать. И улыбка отвечала лишь минимальным стандартам вежливости.

— Вот, значит, каким надо быть старым, чтобы помнить Лили Кавано, — пожаловалась мать Джеку, когда

они остались в номере одни. А ведь в свое время, и не так давно, ее узнавали хотя бы по одному из пятидесяти фильмов, в которых она снялась в пятидесятых и шестидесятых (Лили называли королевой би-фильмов, но она нашла себе другое прозвище — Любимица Автокино). Таксисты, официанты, женщина, продававшая блузки в «Саксе» на бульваре Уилшира, — все узнавали Лили, и потом она не один час пребывала в отличном настроении. Теперь мать лишилась даже этого маленького удовольствия.

Джек переминался с ноги на ногу перед застывшими дверьми лифта, а в ушах у него звенел невероятный и знакомый голос, доносившийся из воронки в песке. На мгновение он увидел Томаса Вудбайна, надежного и милого дядю Томми Вудбайна — который, по существу, был одним из его опекунов, каменной стеной против бед и смуты, — раздавленного и мертвого на бульваре Ла Синега, а его вставные зубы, как поп-корн, валялись в сточной канаве, в двадцати футах от тела. Джек снова вдавил кнопку в панель.

Скорее же!

Потом ему померещилось кое-что похуже: его мать заталкивали в ожидавшую машину двое невозмутимых мужчин. Внезапно Джеку захотелось отлить. Он ударил по кнопке ладонью, и сутулый седой мужчина за регистрационной стойкой недовольно фыркнул. Другой рукой Джек ухватил некое магическое место пониже живота, чтобы уменьшить давление на мочевой пузырь. До его слуха донесся звук спускающегося лифта. Мальчик закрыл глаза и плотно сжал колени. Его мать выглядела неуверенной в себе, растерянной и сбитой с толку, а мужчины заталкивали ее в машину, точно ослабевшего колли. Но Джек знал, что в действительности этого не происходило. Это воспоминание — часть одной Дневной грезы, и случилось все не с матерью, а с ним самим.

Когда обшитые красным деревом двери лифта разошлись, открывая тускло освещенную кабину, из которой с покрытого пятнами зеркала на Джека смотрело собственное лицо, его вновь накрыло воспоминание о том давнем происшествии. Он увидел, как начали желтеть глаза мужчины, почувствовал, как рука другого стала превращаться во что-то костистое, жесткое, нечеловеческое... и запрыгнул в кабину лифта, словно ему в зад воткнули вилку.

Невозможно: его грезы — из области фантастики, он *не видел*, как глаза мужчины из синих превращались в желтые, и с его матерью все тип-топ, бояться нечего, никто не умирает, это только чайка представляет опасность для моллюска. Джек закрыл глаза, и кабина пошла вверх.

Эта тварь из песка смеялась над ним.

Джек протиснулся в щель между дверьми, как только они начали расходиться. Пробежал мимо плотно сжатых ртов других лифтов, повернул направо в отделанный деревянными панелями коридор, поспешил мимо бра и картин к их комнатам. Здесь бег выглядел не таким святотатством. Они занимали номера четыреста семь и четыреста восемь — две спальни, маленькую кухню и гостиную с видом на уходящий в обе стороны берег и бескрайний океан. Его мать раздобыла где-то цветы, расставила их по вазам, рядом стояли маленькие фотографии в рамочках.

Джек в пять лет, Джек в одиннадцать лет, Джек, еще младенец, на руках у отца. Его отец, Филип Сойер, за рулем старого «десото», автомобиля, на котором он и Морган Слоут приехали в Калифорнию в невообразимо далекие времена, когда были такими бедными, что часто ночевали в машине.

Джек распахнул дверь с табличкой «408» — она вела в гостиную — и позвал:

— Мама? Мама?

Его встретили цветы, фотографии улыбались, но ответа не последовало.

— Мама!

За спиной захлопнулась дверь. Джек почувствовал, как в животе похолодело. Он метнулся из гостиной в большую спальню справа.

— Мама!

Еще одна ваза с высокими яркими цветами. Пустая постель, аккуратно застеленная, с накрахмаленным бельем. Покрывало так натянуто, что, кажется, брось четвертак — отскочит. На прикроватном столике — батарея пузырьков из коричневого стекла с витаминами и другими таблетками. Джек попятился. Через окно материнской спальни на него накатывали и накатывали черные волны.

Двое неприметных мужчин вылезали из неприметного автомобиля, протягивали к ней руки...

— Мама! — заорал он.

— Я тебя слышу, Джек, — донесся из-за двери ванной голос матери. — Что стряслось?

— Ох, — выдохнул Джек и почувствовал, как все тело расслабляется. — Извини! Я не мог понять, где ты...

— Принимаю ванну, — ответила она. — Готовлюсь к ужину. Надеюсь, возражений нет?

Джек понял, что в туалет ему не нужно. Плюхнулся в одно из мягких кресел и с облегчением закрыл глаза. С ней все в порядке.

ПОКА все в порядке, прошептал мрачный голос, и мысленным взором Джек вновь увидел воронку и вращающийся песок.

5

Проехав семь или восемь миль по прибрежному шоссе, они нашли ресторанчик под названием «Шато лобстеров» рядом с административной границей Хэмптона. У Джека остались сумбурные впечатления от прошедшего дня — он уже отходил от пережитого на пляже ужаса, позволяя днев-

ным событиям блекнуть в памяти. Официант в красном пиджаке с вышитым на спине желтым лобстером проводил их к столику у широкого окна в дождевых разводах.

— Мадам желает что-нибудь выпить?

Глядя на свойственное межсезонью каменно-бесстрастное лицо уроженца Новой Англии, Джек подумал, что в водянисто-синих глазах официанта читается легкое презрение к его приталенному пиджаку от Ральфа Лорена и дневному платью матери от Халстона, которое та носила с восхитительной небрежностью, и почувствовал, как сердце сжалось от более привычного ужаса — тоски по дому. *Мама, если ты на самом деле не больна, какого черта мы здесь? Здесь так пусто! Просто мурашки бегут по коже! Господи!*

— Принесите мне бокал коктейля «Мартини», — попросила она.

Брови официанта приподнялись.

— Мадам?

— Лед в стакан, — пояснила она. — Оливку на лед. Джин «Танкерей» — на оливку. Потом... вы это уяснили?

Мамочка, ради Бога! Или ты не видишь его глаз? Ты думаешь, что ведешь себя обаятельно, а он думает, что ты насмехаешься над ним! Или ты не видишь его глаз?

Нет. Она не видела. Не могла поставить себя на его место, хотя всегда так остро чувствовала людей. На сердце Джека лег еще один камень. Мать уходила... во всех смыслах.

— Да, мадам.

— Потом, — продолжала она, — берете бутылку вермута — любого — и наклоняете над стаканом. Далее ставите бутылку на полку и приносите стакан мне. Так понятно?

— Да, мадам. — Водянисто-холодные новоанглийские глаза смотрели на его мать, не выказывая никаких теплых чувств. *Мы здесь одни*, подумал Джек, впервые до конца это осознав. *Только мы, и никого больше.* — Молодой человек?

— Я бы выпил колы, — промямлил Джек.

Официант ушел. Лили порылась в сумочке, достала пачку «Герберт Тэрритун» (Джек с детства помнил, что она их так называла; иногда мать просила: «Достань с полки пачку «Тэрритун», Джеки») и закурила. Выкашляла три клуба дыма.

Еще один камень на его сердце. Два года назад мать бросила курить. Джек ждал, что все вернется на круги своя со странным фатализмом, оборотной стороной детской доверчивости и наивности: она курила всегда и скоро закурит снова. Но она держалась... закурила лишь три месяца назад в Нью-Йорке. «Карлтон»*. Кружила по их квартире у Центрального парка, дымя как паровоз... или присаживалась на корточки рядом с тумбочкой, в которой лежали пластинки, и начинала их перебирать, свои — старые рок-н-ролльные, мужа — старые джазовые.

— Ты снова куришь, мама? — спросил тогда он.

— Да, я курю капустные листья, — пошутила она.

— Лучше бы ты не курила.

— Почему бы тебе не включить телевизор? — перебила она с несвойственной ей резкостью, плотно сжав губы. — Может быть, как раз показывают Джимми Сваггерта или преподобного Айка. Посиди в аллилуйском уголке с аминьскими сестрами.

— Извини, — пробормотал он.

Тогда она курила только «Карлтон». Капустные листья. Но сейчас — «Герберт Тэрритун». Сине-белая старомодная пачка, сигареты с полоской у одного конца, которая выглядела как фильтр, но им не была. Он припомнил, как отец рассказывал кому-то, что сам курит «Уинстон», а его жена — «Черную чахотку».

— Увидел что-то необычное, Джек? — спросила мать, не сводя с него слишком ярких глаз, в свойственной ей странноватой манере зажав сигарету между средним и

* «Карлтон» — сигареты с очень низким содержанием смолы и никотина.

безымянным пальцами правой руки. Проверяя, хватит ли у него смелости продолжить, подталкивая произнести: «Мама, я вижу, ты опять куришь «Тэрритун». Значит, ты пришла к выводу, что тебе уже нечего терять?»

— Нет. — Опять накатила волна тоски по дому, и ему захотелось плакать. — Не считая этого места. Оно немного загадочное.

Она огляделась и улыбнулась. Два других официанта — один толстый, другой худой, — оба в красных пиджаках с желтым лобстером на спине, стояли у двери на кухню, тихо беседуя. Бархатная веревка отделяла огромный обеденный зал от ниши, где сидели Джек с матерью. Перевернутые стулья зиккуратами возвышались на столах в этой темной пещере. В дальнем конце за окном во всю стену открывался панорамный вид на готическую береговую линию, навевавшую мысли о «Возлюбленной смерти» — фильме с участием его матери. Она играла очень богатую молодую женщину, вышедшую замуж за симпатичного таинственного незнакомца вопреки воле родителей. Симпатичный таинственный незнакомец привез ее в большой дом на берегу океана и попытался свести с ума. «Возлюбленная смерти» была типичным фильмом Лили Кавано: она снялась во многих черно-белых картинах, в которых неплохие, но давно забытые актеры со шляпами на головах разъезжали в кабриолетах «форд».

На бархатной веревке, отгораживавшей темную пещеру, висела табличка с надписью: «ЭТА ЧАСТЬ ЗАКРЫТА».

— Мрачновато здесь, верно? — спросила Лили.

— Прямо-таки «Сумеречная зона», — ответил Джек, и она засмеялась, хрипловато и заразительно.

— Да, Джеки, Джеки, Джеки! — Мать наклонилась и с улыбкой ласково взъерошила его чересчур длинные волосы.

Он отвел ее руку, тоже улыбаясь. (*Боже, не пальцы, а кости! Она умирает, Джек!..*)

— Руками не трогать!

— Отвали!

— Хиппово для старой калоши.

— Ах так? Попробуй на этой неделе выпросить у меня денег на кино.

— Заметано.

Они улыбнулись друг другу, но Джек не помнил, когда бы еще ему так хотелось плакать или когда бы он так сильно любил ее. Эта ее отчаянная самоуверенность... отчасти проявившаяся в возвращении к «Черной чахотке».

Принесли напитки. Она легонько коснулась его стакана своим.

— За нас.

— Идет.

Они выпили. Официант принес меню.

— Я слишком уж на него наехала, Джеки?

— Есть немного.

Она задумалась, потом пожала плечами.

— Что будешь есть?

— Пожалуй, морской язык.

— Я составлю тебе компанию.

Джек сделал заказ, смущенно запинаясь, но зная, что мать хочет именно этого, и после ухода официанта по взгляду матери понял, что справился неплохо. Заслуга в этом принадлежала дяде Томми. После похода в «Хардис» дядя Томми сказал: «Думаю, ты небезнадежен, Джек, если только нам удастся одолеть твое отвратительное пристрастие к плавленому сыру».

Принесли еду. Джек смел морской язык, горячий, пахнущий лимоном, вкусный. Лили едва притронулась к своему, проглотила несколько зеленых фасолин, потом принялась возить остальное по тарелке.

— Занятия в школе начались две недели назад, — объявил Джек во время трапезы. Большие желтые автобусы с надписью «ШКОЛЫ ОКРУГА АРКАДИЯ» вызывали у

него чувство вины, хотя при сложившихся обстоятельствах он никак не мог считаться виноватым. Тем не менее школу он прогуливал.

Лили вопросительно посмотрела на него. Она уже заказала и выпила второй стакан; теперь официант принес третий.

Джек пожал плечами.

— Подумал, что надо об этом упомянуть.

— Ты хочешь в школу?

— Что? Нет! Не здесь!

— Хорошо, — согласилась она. — Потому что у меня нет справок о твоих чертовых прививках, а без медицинской карты тебя в школу не примут, дружок.

— Не называй меня дружком, — ответил Джек, но Лили даже не улыбнулась.

Мальчик, почему ты не в школе?

Он моргнул, как будто этот голос прозвучал где-то рядом, а не у него в голове.

— Что-нибудь не так? — спросила она.

— Нет. Ну... в этом парке развлечений, в «Веселой стране», есть один человек. Дворник, сторож, что-то в этом роде. Старый негр. Он спрашивал, почему я не в школе.

Мать наклонилась вперед. Радость ушла, остался только испуг.

— Что ты ему сказал?

Джек вновь пожал плечами.

— Сказал, что выздоравливаю после мононуклеоза. Помнишь, как было с Ричардом? Доктор сказал дяде Моргану, что Ричарду нельзя ходить в школу шесть недель, но он может гулять на улице. — Джек слабо улыбнулся. — Я думал, ему повезло.

Лили немного расслабилась.

— Я не люблю, когда ты разговариваешь с незнакомыми людьми, Джек.

— Мама, он всего лишь...

— Мне не важно, *кто* он. Я не хочу, чтобы ты разговаривал с незнакомцами.

Джек подумал о старом негре, его поседевших волосах цвета стали, темном морщинистом лице, умных светлых глазах. Тот протирал большой шваброй пол в павильоне игровых автоматов на пирсе — круглый год в «Веселой стране» работал только этот павильон, но и он пустовал, если не считать Джека, и уборщика, и еще двух старичков. Они играли в скибол, храня флегматичное молчание.

Но сейчас, в этом немного жутковатом ресторане, вопрос задал не старый негр, а он сам.

Почему я не в школе?

Все так, как она сказала, сынок. Нет ни справок о прививках, ни медицинской карты. Ты думаешь, она захватила сюда твое свидетельство о рождении? Ты так думаешь? Она бежит, и ты бежишь вместе с ней. Ты...

— Есть новости от Ричарда? — обронила Лили, и едва она закончила фразу, как до Джека дошло — нет, это мягко сказано, его поразило, словно удар молнии. Руки дернулись, стакан упал со стола и разбился.

Она умирает, Джек.

Голос из песчаной воронки, прозвучавший в голове Джека.

Голос дяди Моргана. И никакого «возможно», никакого «похожий на», никакого «как будто». Реальный голос. Голос отца Ричарда.

6

В машине по пути домой она спросила:

— Что там с тобой произошло, Джек?

— Ничего. Мое сердце сыграло рифф Джина Крупы*. — Он отстучал ритм на приборной панели. — Устро-

* Джин Крупа (настоящее имя Юджин Бертрам Крупа, 1909–1973) — американский барабанщик-виртуоз, звезда «свинговой эры». Известен благодаря очень энергичному и яркому стилю.

ило ускоренную вентиляцию легких, как в «Главном госпитале».

— Не умничай со мной, Джеки. — Мать выглядела усталой и измученной. Между средним и безымянным пальцами правой руки дымилась сигарета. Они ехали медленно — не быстрее сорока миль в час, — как всегда, если она садилась за руль, выпив лишнего. Лили выдвинула сиденье вперед до упора, юбка высоко задралась, колени торчали по обе стороны рулевой колонки, подбородок нависал над рулевым колесом. Она превратилась в старую каргу, и Джек быстро отвернулся.

— Ничего такого, — пробормотал он.

— Что?

— Я не умничаю. Почувствовал что-то вроде судороги, и все. Извини.

— Ладно, — ответила она. — Я подумала, это связано с Ричардом Слоутом.

— Нет.

Его отец говорил со мной из воронки в песке на берегу, ничего больше! Он говорил со мной в моих мыслях, как в фильме, где ты слышишь голос за кадром. Он сказал мне, что ты умираешь!

— Тебе его недостает, Джек?

— Кого? Ричарда?

— Нет, Спиро Агню*. Конечно, Ричарда.

— Иногда. — Ричард Слоут учился в школе в Иллинойсе — одной из тех частных школ, где церковные службы входили в обязательную программу и ни у кого не было угревой сыпи.

— Ты с ним еще увидишься. — Лили взъерошила его волосы.

— Мама, с тобой все в порядке? — Эти слова сами собой слетели с языка. Джек почувствовал, как его пальцы впились в бедра.

* Спиро Агню (настоящее имя Спирос Анагностопулос, 1918–1996) — вице-президент США от республиканской партии с 1969 по 1973 г.

— Да, — ответила она, прикуривая другую сигарету (и притормозив до двадцати миль — водитель ехавшего следом старого пикапа, объезжая их, возмущенно посигналил). — Лучше не бывает.

— На сколько ты похудела?

— Джеки, нельзя быть слишком худым или слишком богатым. — Мать помолчала и улыбнулась ему. В этой улыбке читались усталость и боль, и она сказала Джеку все, что он хотел знать.

— Мама...

— Хватит, — оборвала Лили. — Все хорошо. Поверь мне на слово. Посмотри, может, найдешь нам что-нибудь быстрое и ритмичное по приемнику.

— Но...

— Найди нам что-нибудь быстрое и ритмичное, Джеки, и закрой рот.

Он нашел джаз на одной из радиостанций Бостона: альт-саксофон выводил «Все, что ты есть». А фоном служил ровный, бессмысленный рокот океана. Джек уже видел скелет «американских горок», чернеющий на фоне неба, и раскинувшиеся в разные стороны крылья «Альгамбры». Если это был их дом, они к нему подъезжали.

Глава 3
СПИДИ ПАРКЕР

1

На следующий день вернулось солнце, и его тяжелый и яркий свет, словно краска, ложился на ровную полоску пляжа и крытый красной черепицей скат крыши, который Джек видел из окна своей спальни. Длинная плоская волна вдали от берега, казалось, затвердела от света и послала

ослепительный дротик прямо ему в глаза. Джек решил, что этот солнечный свет не такой, как в Калифорнии: разбавленный, более холодный, ненасыщенный. Волна посреди темного океана растворилась в нем, появилась вновь, и океан рассекла твердая слепящая золотая полоса. Джек отвернулся от окна. Он уже принял душ и оделся, и внутренние часы говорили, что пора на остановку школьного автобуса. Четверть восьмого. Но конечно, в школу ему сегодня не идти: в жизни все смешалось, и ему с матерью предстояло проскользить, как призракам, по еще двенадцати часам светлого времени суток. Ни распорядка дня, ни ответственности, ни домашних заданий... никаких дел, полный хаос, если не считать установленного администрацией отеля времени приема пищи.

Да и учебный ли нынче день? Джек застыл у кровати, чувствуя, как в нем шевельнулась паника: его мир становился таким неопределенным... но он не думал, что сегодня суббота. Он принялся отсчитывать уже прошедшие дни, пытаясь вспомнить хотя бы один, который совершенно точно отпечатался в памяти, и получилось, что это воскресенье. Отталкиваясь от него, выходило, что сегодня четверг. По четвергам он ходил в компьютерный класс к мистеру Бальго, а с утра занимался физкультурой. Так, во всяком случае, строился его день, когда жизнь текла своим чередом, но, хотя прошло всего несколько месяцев, время это, похоже, безвозвратно кануло в Лету.

Из спальни Джек вышел в гостиную. Раздвинул тяжелые шторы, и в окно хлынул свет, озарив всю комнату и выбелив мебель. Он включил телевизор и плюхнулся на диван. Мать встанет где-то через четверть часа, а сегодня, может, и позже, с учетом выпитых накануне за обедом трех бокалов «Мартини».

Джек посмотрел на дверь комнаты матери.

Двадцать минут спустя он тихо постучал.

— Мама?

В ответ раздалось сонное бормотание. Джек приоткрыл дверь и заглянул в спальню. Лили подняла голову с подушки и, едва разлепив глаза, посмотрела на него.

— Джеки. Доброе утро. Который час?

— Около восьми.

— Господи. Ты умираешь от голода? — Она села, прижала ладони к глазам.

— В каком-то смысле. Но больше меня тошнит от скуки. Хотел узнать, скоро ты встанешь?

— Вряд ли. Ты не против? Спустись в ресторан и позавтракай. Прогуляйся на пляж, ладно? Твоей маме будет сегодня значительно лучше, если ты дашь ей поспать еще часок.

— Хорошо, — кивнул он. — Конечно. Увидимся позже.

Ее голова уже упала на подушку.

Джек выключил телевизор и вышел из номера, предварительно убедившись, что ключ в кармане джинсов.

В лифте пахло камфарой и аммиаком — горничная уронила бутылку с тележки. Двери открылись; сидевший за регистрационной стойкой дневной портье хмуро глянул на Джека и нарочито отвернулся. Даже если ты ребенок кинозвезды, никаких привилегий тебе не положено, сынок... И почему ты не в школе? Джек направился к отделанному деревянными панелями входу в ресторан «Седло барашка», вошел и увидел ряды пустых столов в полутемном зале. Накрыто было от силы шесть. Официантка в белой блузке и красной плиссированной юбке взглянула на мальчика и отвернулась. В другом конце зала за столиком друг напротив друга сидели пожилые супруги. Больше желающих позавтракать не нашлось. Когда Джек посмотрел на них, старик, наклонившись над столом, механически разрезал яичницу, которую принесли его жене, на квадраты со стороной в дюйм.

— Столик на одного? — Позади него материализовалась женщина, днем встречавшая посетителей в «Седле

барашка». В руке она уже держала меню — взяла из стопки на столике у входа.

— Я передумал, прошу прощения. — И Джек ретировался.

«Морской вал», кафетерий «Альгамбры», находился по другую сторону вестибюля, в конце длинного коридора, заставленного пустыми шкафами-витринами. Голод Джека испарился при мысли о том, как он будет сидеть у стойки и наблюдать за скучающим поваром, переворачивающим ломтики бекона на черном от сгоревшего жира гриле. Он решил подождать, пока встанет мать, а еще лучше — купить пончик и пакет молока в каком-нибудь магазине по пути в город.

Джек толкнул высокую тяжелую дверь и вышел на солнечный свет, на секунду ослепивший его своей яркостью, — окружающий мир превратился в сверкающее пятно. Джек сощурился, пожалев, что не захватил солнцезащитные очки. Пересек вымощенную красным кирпичом площадку и спустился по четырем ступеням на подъездную дорожку, проложенную через сады к отелю.

Что будет, если она умрет?

Что его ждет, куда он пойдет, кто будет о нем заботиться, если вдруг произойдет самое худшее — и она умрет, умрет по-настоящему в этом гостиничном номере?

Он покачал головой, пытаясь отогнать ужасную мысль до того, как затаившаяся паника выскочит из ухоженных садов «Альгамбры» и разорвет его в клочья. Он не заплачет, не позволит такому случиться с ним и не позволит себе думать о «Тэрритунах», и о том, что она теряет вес, и об ощущении, что мать слишком беспомощна и не знает пути. Теперь он шел очень быстро, засунув руки в карманы. *Она убегает, сынок, и ты бежишь вместе с ней.* Убегает, но от кого? И куда бежит? Сюда... всего лишь сюда, в этот пустующий в межсезонье отель?

Джек добрался до более широкой улицы, которая уходила от берега в город. Расстилающаяся впереди пустота

напоминала водоворот, который мог засосать его и выплюнуть в каком-то темном месте, где не существовало ни покоя, ни безопасности. Чайка пролетела над улицей, описала широкий полукруг и взяла курс на берег. Джек проследил взглядом, как она превращается в белое пятнышко над размытыми очертаниями «американских горок».

Лестер Спиди Паркер, чернокожий человек с курчавыми седыми волосами и глубокими морщинами, прорезавшими щеки, находился где-то там, в «Веселой стране», и именно со Спиди ему следовало повидаться. Джек внезапно понял это с абсолютной ясностью, как не было у него сомнений и в том, что из воронки в песке он слышал голос отца Ричарда.

Закричала чайка, волна окатила его ярким золотым отсветом, и Джек вдруг увидел дядю Моргана и своего нового друга Спиди аллегорическими противоположностями, застывшими на постаментах статуями НОЧИ и ДНЯ, ЛУНЫ и СОЛНЦА, тьмы и света. Поняв, что Спиди Паркер понравился бы его отцу, Джек тут же пришел и к другому выводу: для него старый блюзмен опасности не представляет. Дядя Морган... тут речь шла о совсем другом человеке. Дядя Морган жил ради бизнеса, чтобы проворачивать сделки и делать деньги; его самолюбие не знало границ, он оспаривал любой розыгрыш мяча в теннисном матче, если возникала возможность истолковать его в свою пользу. Собственно, это безмерное честолюбие приводило к тому, что он жульничал даже в карточных играх, когда его сын уговаривал дядю Моргана присоединиться к ним. У Джека, во всяком случае, пару раз создалось ощущение, что дядя Морган жульничает... а из этого следовало, что он не из тех, кто с достоинством признает поражение.

НОЧЬ и ДЕНЬ, ЛУНА и СОЛНЦЕ, ТЬМА и СВЕТ, и во всех этих парах чернокожий человек являл собой светлую сторону. Эти мысли привели к тому, что паника, которую Джек поборол в ухоженных садах перед отелем, накатила вновь. Он побежал.

2

Джек нашел Спиди стоящим на коленях рядом с серым, облупившимся павильоном игровых автоматов — старик обматывал изоляционной лентой толстый кабель, почти касаясь седой головой досок пирса, в то время как его тощий зад, обтянутый изношенными зелеными штанами, смотрел в небо; подошвы башмаков напоминали две поставленные на попа доски для серфинга — и вдруг осознал, что понятия не имеет, о чем собирался рассказать уборщику. Спиди обернул кабель еще одним слоем изоленты, удовлетворенно кивнул, достал видавший виды складной нож из нагрудного кармана куртки и с хирургической точностью отрезал ленту от мотка. Джеку захотелось уйти: он лишь отвлечет человека от работы, да и как у него вообще могла возникнуть мысль, что Спиди каким-то образом сумеет ему помочь? Какую помощь он рассчитывал получить от старого уборщика пустующего парка развлечений?

Но тут Спиди поднял голову, и на его лице отразилась такая искренняя и теплая радость — речь шла даже не об улыбке, радость эта читалась в углубившихся морщинах, — что Джек понял: по меньшей мере его не сочтут незваным гостем.

— Странник Джек. — Улыбка Спиди стала шире. — Я уж было решил, что ты меня сторонишься, а ведь мы только подружились. Рад снова видеть тебя, сынок.

— И я, — ответил Джек. — Я тоже рад вас видеть.

Спиди убрал нож в карман куртки и с такой легкостью, вроде бы безо всяких усилий, вернул вертикальное положение своему длинному костлявому телу, что возникло ощущение, будто он невесомый.

— Все здесь потихоньку разваливается. Я что-то где-то чиню, чтобы хоть как-то работало. — Уборщик замолчал, пристально всмотрелся в Джека. — В старом добром мире

сейчас, похоже, тоже не слишком хорошо. Странник Джек весь в тревоге. Верно?

— Да, есть такое, — кивнул Джек. Он все еще понятия не имел, как выразить словами то, что его заботило. Это не укладывалось в обычные фразы, потому что в обычных фразах все выглядело таким здравым! Раз... два... три... Жизнь Джека больше не маршировала по прямой. Невысказанное тяжелым камнем давило на сердце.

Он жалобно посмотрел на стоявшего перед ним высокого худого старика. Спиди засунул руки глубоко в карманы; кустистые седые брови сошлись у глубокой вертикальной складки. Взгляд его светлых, почти бесцветных глаз прошелся по местами вспученной краске пирса, встретился со взглядом Джека — и внезапно мальчику вновь стало легче. Он не понимал, как такое возможно, но Спиди словно удавалось общаться с ним на эмоциональном уровне; как будто они встретились не неделей раньше, а давным-давно и связывало их гораздо большее, чем несколько слов, сказанных в пустующем зале игровых автоматов.

— Ладно, на сегодня с работой закончили. — Спиди посмотрел в сторону «Альгамбры». — Если продолжу, только испорчу уже сделанное. Ты еще не видел мой кабинет?

Джек покачал головой.

— Пора и перекусить, парень. *Я уверен, время пришло.*

И Спиди зашагал к выходу с пирса. Джек едва поспевал за ним. Когда они спустились по лестнице на выгоревшую траву и вытоптанную бурую землю и направились к строениям в дальнем конце парка, Спиди удивил Джека, внезапно запев.

Странник Джек, Странник Джек
Пройдет по долгому пути.
Дольше лишь назад идти.

Это не совсем пение, подумал Джек, *он не столько поет, сколько говорит со мной*. Если бы не слова, он бы с радостью вслушивался в хрипловатый, хорошо поставленный голос Спиди.

По долгому пройдет пути,
Дольше лишь назад идти.

Спиди оглянулся, его глаза весело блеснули.

— Почему ты так называешь меня? — спросил Джек. — Почему Странник Джек? Потому что я приехал из Калифорнии?

Они как раз подошли к выкрашенной в светло-синий цвет будке, в которой продавались билеты на «американские горки». Спиди сунул руки в карманы мешковатых рабочих штанов, крутанулся на каблуках и привалился спиной к стене. Быстрота и грациозность его движений выглядели почти театрально — словно старик ожидал этого вопроса.

Пришел из Калифорнии —
Вернется в Калифорнию.

Джеку показалось, что на лице Спиди, словно высеченном из камня, отразилась печаль.

Прошел по долгому пути —
Ну а теперь назад идти,
О бедный Странник Джек.

— Что? — переспросил Джек. — Назад? Думаю, моя мама продала дом... или сдала в аренду, или что-то в этом роде. Я не понимаю, черт побери, к чему ты клонишь, Спиди.

Он ощутил облегчение, когда Спиди ответил ему обычным голосом:

— Готов спорить, ты не помнишь нашу предыдущую встречу, Джек. Не помнишь, верно?

— Нашу предыдущую встречу? Где?

— В Калифорнии. По крайней мере мне *кажется*, что именно там. Нет ничего странного в том, что ты не помнишь, Странник Джек. Те несколько минут выдались очень суетными. И случилось это... дай вспомнить... четыре-пять лет назад. В тысяча девятьсот семьдесят шестом.

Джек с удивлением уставился на старика. В 1976-м? Ему тогда было семь.

— Давай отыщем мой маленький кабинет. — Спиди оттолкнулся от будки с присущей ему невесомой грацией.

Джек последовал за ним под высокие стойки «американских горок», тени которых черной сеткой расчертили землю под аттракционом, замусоренную пустыми банками из-под пива и обертками от сладостей. Рельсы нависали над головой, как недостроенный небоскреб. Джек видел, что идет Спиди с легкостью баскетболиста — голова поднята, руки опущены. В расчерченном тенями сумраке уборщик с его поджарым телом и упругой походкой выглядел гораздо моложе своего возраста — лет на двадцать с небольшим.

Потом он вышел на яркий солнечный свет, и еще пятьдесят прожитых лет посеребрили его волосы и покрыли морщинами шею. Джек остановился под последним рядом опор, подумав, а вдруг иллюзорная молодость Спиди Паркера сродни его грезам наяву, которые тоже всегда находились где-то рядом, буквально на расстоянии вытянутой руки.

Семьдесят шестой год? Калифорния? Джек последовал за Спиди, направлявшимся к маленькой красной сторожке, что притулилась к проволочному забору в дальнем конце парка развлечений. Он точно знал, что никогда не встречал Спиди в Калифорнии... но почти неосязаемое

присутствие его фантазий вернуло еще одно воспоминание давно ушедших лет, видения и чувства второй половины того дня, когда он, шестилетний мальчик, катал черное игрушечное такси позади дивана в отцовском кабинете... а отец и дядя Морган неожиданно, волшебным образом, заговорили о его Дневных грезах.

У них магия, как у нас — физика, верно? Аграрная монархия, использующая магию вместо науки. Ты представляешь, какое гребаное влияние мы могли бы обрести, предложив им хотя бы электричество? А если дать современное оружие кому следует? Что ты думаешь по этому поводу?

Притормози, Морган, у меня есть мысли, которые, очевидно, еще не пришли тебе в голову...

Джек буквально слышал голос отца, и удивительная страна Дневных грез, казалось, начала материализоваться на замусоренном пустыре под «американскими горками». Он прибавил шагу, догоняя Спиди, который открыл дверь маленькой красной сторожки и прислонился к ней, улыбаясь без улыбки.

— В твоей голове что-то засело, Странник Джек. Что-то жужжит там, как пчела. Давай зайдем в мой кабинет, и ты мне все расскажешь.

Если бы его улыбка стала шире, более явной, Джек мог бы повернуться и убежать: очень уж его слова смахивали на насмешку. Но Спиди лучился искренней заботой и доброжелательностью — все морщинки на старом лице говорили об этом, — и мальчик прошел мимо него в сторожку.

В кабинете Спиди, выкрашенном той же красной краской, Джек не увидел ни стола, ни телефона. Два перевернутых ящика из-под апельсинов стояли у одной боковой стены, рядом с ними — не подключенный к сети обогреватель, напоминавший радиаторную решетку «понтиака» пятидесятых годов. Середину комнаты занимали деревянный школьный стул с овальной спинкой и мягкое кресло, обитое выцветшей серой тканью.

Подлокотники кресла, похоже, драли несколько поколений кошек: лохмотья торчали во все стороны, как волосы; деревянную спинку школьного стула покрывали бесчисленные инициалы. Мебель со свалки. В одном углу двумя аккуратными футовыми стопками высились книги в обложках, в другой стоял дешевый проигрыватель с крышкой, имитировавшей крокодиловую кожу. Спиди указал на обогреватель.

— Приди ты сюда в январе—феврале, парень, понял бы, зачем он мне понадобился. Холодно! Брррр!

Но Джек уже рассматривал картинки на стене над ящиками из-под апельсинов.

Все, кроме одной, — вырезки из мужских журналов. Женщины с огромными грудями стояли, привалившись спиной к деревьям, расставив колоннообразные, накачанные ноги. Джека их лица завораживали и пугали — при поцелуе они могли откусить полгубы. Некоторые возрастом не уступали его матери, другие выглядели всего несколькими годами старше, чем он сам. Глаза Джека скользили по их зовущей плоти — молодым и не очень лицам, розовым, шоколадно-коричневым или медово-золотистым телам, которые, казалось, жаждали его прикосновения, и он чувствовал, что Спиди стоит за спиной, наблюдая за ним. Потом взгляд Джека наткнулся на пейзаж, висевший среди фотоснимков обнаженных тел, и у него перехватило дыхание.

Тоже фотоснимок, но словно объемный и манящий. Длинная, поросшая травой равнина, сверкающая особенным, поразительно ярким оттенком зеленого, уходила к низкой, чуть возвышающейся над землей горной гряде. Над долиной и горами раскинулось бездонное синее небо. Джек буквально почувствовал свежесть тамошнего воздуха. Он знал это место. Никогда не бывал там, но знал. Страна Дневных грез.

— Завораживает, правда? — послышался голос Спиди, и Джек вспомнил, где находится. Евразийская женщина,

повернувшись спиной к камере, выставила зад, формой напоминавший сердечко, и улыбалась ему через плечо.

Да, подумал Джек.

— Действительно, милое местечко, — продолжал Спиди. — Эту фотографию повесил я. Все девочки встретили меня, когда я сюда приехал. У меня не хватило духа сорвать их со стены. Они напоминают мне о временах, когда я колесил по миру.

Джек, вздрогнув, посмотрел на него, и старик ему подмигнул.

— Ты знаешь это место, Спиди? — спросил Джек. — То есть ты знаешь, где это?

— Может, да, может, и нет. Возможно, это Африка — где-то в Кении. А может, это всего лишь мое воспоминание. Присядь, Странник Джек. Кресло удобнее.

Джек развернул кресло так, чтобы видеть пейзаж.

— Это *Африка*?

— Может быть, и что-нибудь поближе. Скажем, место, куда можно попасть в любое время, если очень хочется.

Джек вдруг осознал, что уже некоторое время дрожит всем телом. Сжал кулаки и почувствовал, что дрожь сконцентрировалась в животе. Он уже не знал, хочется ли ему увидеть это место в стране Дневных грез, но вопросительно уставился на Спиди, который уселся на школьный стул.

— Так это не Африка?

— Я не знаю. Возможно... Я дал этому месту свое название, сынок. Я зову его Долины.

Джек вновь взглянул на фотографию — длинная равнина, низкие коричневые горы. Долины. Именно так; название подходило.

У них магия, как у нас — физика. Аграрная монархия... использующая магию вместо науки. А если дать современное оружие кому следует? — Дядя Морган строил планы. Отец притормозил его: *Мы должны проявлять осторожность,*

действуя там... помни, мы в долгу у них, действительно в долгу...

— Долины, — повторил он за Спиди, пробуя название на вкус, словно спрашивая, соответствует ли оно тому месту на фотографии.

— Воздух там как лучшее вино в подвале богача. Теплый дождик. Такое это место.

— Ты там бывал, Спиди? — Джек отчаянно надеялся на откровенный ответ.

Но Спиди разочаровал его, и Джек заранее знал, что так оно и будет. Старик просто улыбнулся ему, на этот раз настоящей улыбкой, не вспышкой тепла.

— Черт, я никогда не выезжал за пределы Соединенных Штатов, Странник Джек. Даже во время войны. Не бывал дальше Техаса и Алабамы.

— Откуда же ты знаешь о... Долинах? — Джек начал свыкаться с этим названием.

— Я из тех, кто слышит истории. Самые разные, о двухголовых попугаях, людях, которые летают на собственных крыльях, людях, которые обращаются в волков, истории о королевах. Больных королевах.

...магия, как у нас — физика, верно?

Ангелы и оборотни.

— Я знаю истории об оборотнях, — кивнул Джек. — Про них даже мультфильмы есть. Но это все глупости, Спиди.

— Возможно, и нет. Я слыхал, что если один человек выдергивает из земли редиску, то другой человек в полумиле от него ощущает запах этой редиски — так чист и прозрачен там воздух.

— Но ангелы...

— Люди с крыльями.

— И больные королевы, — добавил Джек в шутку — *да уж, ну и местечко ты выдумал, жокей на метле.* Но ему стало тошно, едва он произнес эти слова. Он вспомнил

черный глаз чайки, объясняющий ему, что он смертен, пока птица выклевывала моллюска из раковины, и услышал насмешливый, настырный голос дяди Моргана, спрашивающий, может ли Джек подозвать к телефону королеву Лили.

Королеву би-фильмов Лили Кавано.

— Ей-бо, — мягко произнес Спиди. — Кругом множество проблем, сынок. Больная королева... может, умирающая. *Умирающая*, сынок. И мир или два ждут, просто ждут, чтобы увидеть, а сможет ли кто-нибудь спасти ее.

Джек застыл с раскрытым ртом, будто сторож только что ударил его под дых. Спасти ее? Спасти свою мать? Вновь на него нахлынула паника: как он может спасти ее? И означает ли этот безумный разговор, что она действительно умирает в номере отеля?

— У тебя есть работа, Странник Джек, — заявил ему Спиди. — Работа, от которой тебе никуда не деться, и это святая правда. Мне бы хотелось что-нибудь изменить, но увы.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — ответил Джек. Воздух, казалось, не мог выйти из груди, перехватывался в каком-то жарком кармане у горла. Посмотрев в другой угол красной комнаты, он заметил обшарпанную гитару, прислоненную к стене. Рядом лежал аккуратно свернутый в рулон надувной матрас. Спиди спал рядом со своей гитарой.

— Ой ли. — Спиди покачал головой. — Грядут перемены, и ты знаешь, о чем я. Тебе известно гораздо больше, чем ты думаешь. Намного больше.

— Но я ничего... — начал Джек, однако внезапно замолк. Он вдруг кое-что вспомнил и перепугался пуще прежнего. Еще один эпизод прошлого всплыл в памяти, требуя внимания. Джека мгновенно прошиб пот, кожа вдруг стала очень холодной, словно его окатили водой из шланга. Именно это воспоминание он пытался подавить

вчера утром, стоя у лифта, надеясь, что его мочевой пузырь не лопнет.

— А не пора ли нам подкрепиться? — спросил Спиди и наклонился, чтобы сдвинуть в сторону незакрепленную половицу.

Джек вновь увидел двух ничем не примечательных мужчин, пытающихся затолкнуть его мать в машину. Ветви огромного дерева нависали над крышей автомобиля.

Спиди тем временем извлек из щели между половицами пинтовую бутылку. Сквозь темно-зеленое бутылочное стекло ее содержимое казалось черным.

— Это поможет тебе, сынок. Один глоток — это все, что тебе нужно... Это отправит тебя в новые места, поможет начать то, о чем я говорил.

— Я больше не могу оставаться, Спиди, — пробормотал Джек — ему не терпелось вернуться в «Альгамбру». На лице старика отразилось удивление, он вернул бутылку под половицу. Джек уже вскочил. — Я волнуюсь.

— О своей маме?

Джек кивнул, пятясь к открытой двери.

— Тогда тебе лучше пойти и убедиться, что с ней все в порядке. Ты можешь вернуться сюда в любое время, Странник Джек.

— Ладно, — буркнул мальчик и добавил: — Думаю... думаю, я вспомнил, когда мы встречались раньше.

— Нет-нет, у меня ум зашел за разум. — Спиди затряс головой и замахал руками. — Твоя правда. Мы никогда не встречались до прошлой недели. Беги к маме и убедись, что для тревоги нет причин.

Джек выскочил из сторожки и помчался сквозь чуть поблекший солнечный свет к высокой арке, за которой начиналась улица. Над аркой видел большущие буквы «АНАРТС ЯАЛЕСЕВ ИИДАКРА», темнеющие на фоне синего неба. Ночью они вспыхивали разноцветными лампами, складываясь в название парка развлечений, видное

отовсюду. Пыль вылетала из-под кроссовок «Найк». Джек напрягал мышцы, заставляя себя прибавлять и прибавлять скорость, и, пробегая под аркой, почувствовал, что сейчас взлетит.

Тысяча девятьсот семьдесят шестой. Джек шел домой по Родео-драйв одним июньским днем. Июньским? Июльским?.. В какой-то из дней сухого сезона, но еще до того времени, когда все начинают тревожиться о возможных лесных пожарах. Теперь он не мог сказать, куда ходил. В гости к приятелю? Но точно не по какому-то срочному делу. Джек помнил, что наконец настало время, когда он больше не думал об отце каждую свободную секунду. Многие месяцы после смерти Филипа Сойера в результате несчастного случая на охоте воспоминания о нем, ощущение его утраты обрушивались на мальчика с сокрушающей силой, когда он меньше всего был к этому готов. В семь лет Джек знал, что у него отняли часть детства — при том, что тогдашний Джек был невероятно простодушным и наивным, — но он научился доверять матери, поверил в силу ее характера. Неопределенные жуткие угрозы больше не прятались в темных углах, в чуланах с приоткрытыми дверьми, на улицах, окутанных тенью, в пустых комнатах.

События того бесцельного летнего дня 1976 года не оставили камня на камне от временной умиротворенности мальчика. После случившегося Джек полгода спал при свете; и его мучили кошмары.

С другой стороны улицы, за несколько домов от трехэтажного, в колониальном стиле, особняка Сойеров, к тротуару подкатил автомобиль. Зеленого цвета, и это все, что мог сказать об автомобиле Джек. Впрочем, нет, он еще знал, что это не «мерседес» — по внешнему виду он умел отличать только «мерседесы». Водитель опустил оконное стекло и улыбнулся Джеку. Поначалу мальчик подумал, что знает этого человека: он — знакомый Фила

Сойера и решил поприветствовать его сына. Человек улыбался очень обаятельно: легко, естественно, узнаваемо. Другой мужчина, сидевший рядом с водителем, наклонился к открытому окну и всмотрелся в Джека сквозь очки слепого — круглые и такие темные, что они казались черными. Джек отметил его ослепительно белый костюм. А мгновением позже водитель с улыбкой обратился к мальчику:

— Сынок, как проехать к отелю «Беверли-Хиллз»?

Выходило, что этот мужчина — незнакомец. Джек ощутил легкое разочарование.

Джек ответил, что надо проехать по улице чуть дальше. Отель находился в той стороне, так близко, что отец, бывало, пешком ходил туда на деловые встречи за завтраком.

— Прямо по улице? — все еще улыбаясь, переспросил водитель.

Джек кивнул.

— Ты смышленый паренек, — похвалил его водитель, а второй мужчина хохотнул. — Знаешь, как далеко? — Джек покачал головой. — В паре кварталов, наверное?

— Да. — Джеку стало как-то не по себе. Водитель продолжал улыбаться, но теперь улыбка его выглядела яркой, тяжелой и пустой. И пассажир рассмеялся как-то хрипло и влажно, словно всасывал при этом что-то мокрое.

— Может, в пяти? Или в шести? Что скажешь?

— Скорее, в пяти или шести. — Джек отступил на шаг.

— Что ж, мне хочется отблагодарить тебя, дружок, — произнес водитель. — Ты, конечно, любишь сладости? — Из окна высунулась сжатая в кулак рука, потом пальцы разжались: на ладони лежала упаковка «Тутси ролл». — Это тебе.

Джек нерешительно шагнул вперед; в голове у него звучали тысячи предостережений о незнакомцах и сладостях. Но этот мужчина сидел в машине. Попытайся он

что-нибудь сделать, Джек пробежал бы полквартала до того, как он открыл бы дверцу. И вежливость вроде бы требовала взять карамельки. Джек приблизился еще на один шаг. Взглянул мужчине в синие глаза, яркие и жесткие, как его улыбка. Интуитивно Джек чувствовал, что нужно опустить руку и уйти. Его рука приблизилась еще на дюйм или два к «Тутси ролл». Затем он попытался схватить упаковку кончиками пальцев.

Пальцы водителя сомкнулись на руке Джека, и пассажир в «слепых» очках громко засмеялся. Оторопев, мальчик взглянул в глаза державшему его мужчине и увидел, что они начали менять цвет — *подумал*, что, увидел, как они начали менять цвет — от синего к желтому.

Потом стали совсем желтыми.

Мужчина с пассажирского сиденья распахнул дверцу и побежал вокруг автомобиля. На лацкане его шелкового костюма блестел маленький золотой крест. Джек яростно вырывался, но водитель, ослепительно и холодно улыбаясь, крепко держал мальчика.

— НЕТ! — крикнул Джек. — ПОМОГИТЕ!

Человек в черных очках открыл заднюю дверцу со стороны Джека.

— ПОМОГИТЕ МНЕ! — завопил мальчик.

Но его уже схватили и начали заталкивать в салон. Джек брыкался, продолжая кричать, но хватка мужчины не ослабевала. Мальчик извивался в его руках, пытаясь оторвать их от себя, и в какой-то момент с ужасом почувствовал, что под пальцами совсем не кожа. Повернул голову и увидел, что из рукава высовывается и держит его за бок нечто жесткое и твердое, больше всего напоминающее клешню или птичью лапу. Джек снова заорал.

Издалека послышался громкий голос:

— Эй, оставьте этого мальчика в покое! Слышите, вы?! Оставьте мальчика в покое!

Джек с облегчением выдохнул, продолжая вырываться из цепких рук незнакомца. От угла к ним бежал высокий худощавый негр, продолжая кричать. Мужчина в белом костюме, державший Джека, бросил мальчика на тротуар и побежал вокруг автомобиля. За спиной Джека хлопнула дверь одного из домов — появился новый свидетель.

— Поехали, *поехали*. — Водитель уже нажимал на педаль газа. Человек в белом костюме запрыгнул на переднее сиденье, автомобиль рванул с места, по диагонали пересекая Родео-драйв. Едва не столкнулся с длинным белым «кленетом», за рулем которого сидел загорелый мужчина в тенниске и шортах. Тот возмущенно нажал клаксон.

Джек поднялся с тротуара. Кружилась голова. Какой-то лысый мужчина в светло-коричневом костюме «сафари» наклонился к нему и спросил:

— Кто они? Ты знаешь их имена?

Джек отрицательно покачал головой.

— Как ты себя чувствуешь? Мы сейчас вызовем полицию.

— Я хочу сесть, — ответил мальчик, и мужчина отступил на шаг.

— Ты хочешь, чтобы я вызвал полицию? — спросил он. Джек покачал головой.

— Не могу в это поверить, — продолжил мужчина. — Ты живешь здесь? Я же видел тебя раньше?

— Я Джек Сойер. Вон мой дом.

— Белый дом, — кивнул мужчина. — Ты сын Лили Кавано. Если хочешь, я отведу тебя домой.

— Где другой человек? — спросил его Джек. — Черный... который кричал.

Он отступил на шаг от мужчины в костюме «сафари» и огляделся: кроме них, на улице никого не было.

К автомобилю бежал Лестер Спиди Паркер. *Тогда Спиди спас мне жизнь*, осознал Джек и еще быстрее рванул к отелю.

3

— Ты завтракал? — спросила мать, выдохнув облако дыма. Шарф она повязала на голову, как тюрбан, и без волос лицо выглядело высохшим и ранимым. Полдюйма сигареты дымились между средним и безымянным пальцами. Перехватив его взгляд, она затушила окурок в пепельнице.

— Нет, в общем-то нет. — Он переминался с ноги на ногу у двери в спальню.

— Отвечай четко, да или нет. — Она вновь повернулась к зеркалу. — Двусмысленность меня добивает. — В отражении ее руки, накладывавшие косметику на лицо, выглядели пугающе исхудалыми.

— Нет.

— Ладно, подожди секундочку, сейчас твоя мать превратит себя в красотку, а потом спустится с тобой вниз и купит все, что ты пожелаешь.

— Хорошо, — кивнул он. — Это так тоскливо, сидеть там одному.

— Не понимаю, о чем тебе тут тосковать... — Она наклонилась вперед, внимательно разглядывая свое лицо. — Не мог бы ты подождать в гостиной, Джеки? Я предпочитаю краситься в одиночестве. Женские секреты.

Он молча повернулся и ушел в гостиную.

Зазвонил телефон, и Джек подпрыгнул на фут.

— Мне ответить? — крикнул он.

— Будь любезен, — донесся бесстрастный голос матери.

Джек снял трубку.

— Алло?

— Привет, малыш, наконец-то я вас нашел. — Дядя Морган Слоут. — Что, скажи на милость, творится в голове твоей мамочки? Господи, ситуация действительно сильно осложнится, если кто-то не начнет вникать в подробности. Она рядом? Скажи ей, что она должна поговорить

со мной... мне все равно, что она скажет, она должна поговорить со мной. Поверь мне, малыш.

Рука Джека, державшая трубку, упала. Ему хотелось положить ее на рычаг, сесть с матерью в автомобиль и уехать в другой отель в другом штате. Но вместо этого он крикнул:

— Мама, звонит дядя Морган. Говорит, что ты должна с ним поговорить.

Какое-то время она молчала, и Джек пожалел, что не видит выражения ее лица. Наконец Лили ответила:

— Я возьму трубку у себя, Джеки.

Джек уже знал, что ему делать. Мать мягко закрыла дверь в спальню. Он услышал, как она возвращается к туалетному столику, снимает трубку с телефонного аппарата.

— Я взяла трубку! — крикнула Лили через дверь.

— Хорошо. — ответил он, прижал трубку к уху, а ладонью прикрыл микрофон, чтобы никто не слышал его дыхания.

— Высший пилотаж, Лили, — заговорил Морган. — Потрясающе. Если бы ты по-прежнему снималась, мы бы смогли на этом что-нибудь наварить. Заголовки в газетах «Куда пропала известная актриса» и все такое. Не пора ли вновь начать вести себя, как положено здравомыслящему человеку?

— Как ты меня нашел? — спросила она.

— Думаешь, тебя трудно найти? Не смеши людей, Лили. Я хочу, чтобы ты немедленно вернулась в Нью-Йорк и на этот раз перестала убегать.

— По-твоему, я убегаю, Морган?

— Тебе осталось не так много времени, Лили, и я не хочу тратить свое, разыскивая тебя по всей Новой Англии. Послушай, твой пацан не положил трубку.

— Разумеется, положил.

Сердце Джека перестало биться несколькими мгновениями раньше.

— Не подслушивай, малыш! — рыкнул на него голос дяди Моргана.

— Это нелепо, Морган.

— Я скажу тебе, что нелепо, женщина. Ты умчалась на какой-то паршивый курорт, когда твое место в больнице. Вот это нелепо. Господи, разве ты не знаешь, что нам надо принять миллион деловых решений? Я забочусь об образовании твоего сына, и, похоже, не зря, черт побери! Потому что *тебе* не до этого!

— Я больше не хочу говорить с тобой.

— Не хочешь, но придется. Я приеду и насильно отправлю тебя в больницу, если до этого дойдет. Мы должны оформить доверенности, Лили. Тебе принадлежит половина компании, которой я пытаюсь управлять... и Джек получит эту половину после того, как ты уйдешь. Я хочу быть уверенным, что о Джеке позаботятся. А если ты считаешь, что ваше пребывание в этом чертовом Нью-Хэмпшире и есть забота о Джеке, тогда ты больна гораздо серьезнее, чем думаешь.

— Чего ты хочешь? — усталым голосом спросила Лили.

— Ты знаешь, чего я хочу — чтобы обо всех позаботились. Я хочу справедливости. Я позабочусь о Джеке, Лили. Я дам ему пятьдесят тысяч в год — подумай об этом, Лили. Я прослежу, чтобы он поступил в хороший колледж. А с тобой он даже не ходит в школу.

— Благородный Слоут! — фыркнула мать.

— Ты думаешь, это ответ? Лили, тебе нужна помощь, и предлагаю ее только я.

— И какова твоя доля, Слоут? — спросила его мать.

— Ты чертовски хорошо это знаешь. Я хочу то, на что имею право. Я беру причитающееся мне. Твои акции «Сойер и Слоут». Я пахал в этой компании, не разгибая спины, и она должна стать моей. Завтра утром мы можем подписать необходимые бумаги, а потом позаботиться о твоем здоровье.

— Как позаботились о здоровье Томми Вудбайна? Иногда я думаю, что вы с Филом добились слишком большого успеха, Морган. С управлением компанией «Сойер и Слоут» не возникало особых проблем, пока ты не занялся инвестициями в недвижимость и постановкой фильмов. Помнишь время, когда у вас в клиентах значились пара вышедших в тираж комиков да полдесятка начинающих актеров и сценаристов? До того как появились мегабаксы, жизнь мне нравилась гораздо больше.

— Да что ты знаешь об управлении компанией?! — завопил дядя Морган. — Ты собой не можешь управлять! — Он попытался успокоиться. — И я забуду, что ты упомянула Тома Вудбайна. Это низко даже для тебя, Лили.

— Я собираюсь положить трубку, Слоут. Держись от меня подальше. И держись подальше от Джека.

— Ты собираешься в больницу, Лили, и тогда вся эта беготня прекра...

Мать бросила трубку на середине предложения дяди Моргана, после чего Джек мягко положил свою. Отошел на пару шагов к окну, чтобы его не застали рядом с телефонным аппаратом. Из-за закрытой двери в спальню не доносилось ни звука.

— Мама? — позвал он.

— Да, Джеки? — Ее голос слегка дрожал.

— Ты в порядке? Все хорошо?

— У меня? Естественно. — Послышались мягкие шаги, и дверь в спальню приоткрылась. Их взгляды встретились, его синие глаза всмотрелись в ее, такие же синие. Лили полностью распахнула дверь. На мгновение повисла неловкая тишина. — Разумеется, все хорошо. А почему нет? — Взгляды расцепились. Произошел обмен информацией, но какой? Джек задался вопросом, знала ли она, что он подслушивал. И подумал, что впервые они признали — оба — факт ее болезни.

— Я не знаю. — В голосе Джека слышалось смущение. Болезнь матери, эта великая запретная тема, теперь разделяла их все увеличивающейся пропастью. — Точно не знаю. Но дядя Морган, похоже... — Он пожал плечами.

По телу Лили пробежала дрожь, и Джека ждало новое открытие. Его мать боялась... боялась, как и он.

Она сунула сигарету в рот, щелкнула зажигалкой. Бросила на Джека еще один пронзающий взгляд.

— Не обращай внимания на этого паразита, Джек. Я разозлилась только потому, что нет никакой возможности скрыться от него. Твоему дяде Моргану нравится наезжать на меня. — Мать выдохнула серый дым. — Боюсь, аппетита для завтрака у меня не осталось. Почему бы тебе не пойти вниз и не позавтракать по-настоящему?

— Пойдем со мной, — попросил он.

— Я хочу немного побыть одна, Джек. Постарайся это понять.

Постарайся это понять.

Поверь мне.

Эти фразы, которые произносят взрослые, когда имеют в виду что-то совсем иное.

— Когда ты вернешься, я стану более общительной. Обещаю.

В действительности она говорила: *Я хочу рвать и метать, не могу больше этого терпеть, убирайся, убирайся!*

— Тебе чего-нибудь принести?

Она покачала головой, сухо улыбнулась, и ему пришлось покинуть гостиную, хотя он тоже не хотел завтракать. Джек побрел по коридору к лифтам. Он вновь мог пойти только в одно место, но на этот раз понял, что другого пути нет, еще до того, как спустился в тускло освещенный вестибюль и увидел бледного и строгого дневного портье.

4

Джек не нашел Спиди Паркера в маленькой красной сторожке, служившей тому кабинетом. Не нашел ни на длинном пирсе, ни в павильоне игровых автоматов, где два старика играли в скибол, и, будь это война, оба знали, что потерпят поражение. Не оказалось Спиди и на замусоренном пустыре под «американскими горками». Джек Сойер бесцельно бродил по парку развлечений под ярким солнцем, оглядывая пустынные аллеи и аттракционы. Сидевший в нем страх усилился. Допустим, что-то случилось со Спиди? Невозможно, конечно, но вдруг дядя Морган прознал про Спиди (и что, что он мог прознать?), и... мысленно Джек увидел выкатывающий из-за угла фургон с надписью «ДИКОЕ ДИТЯ». Заскрежетала коробка передач, фургон начал набирать скорость.

Джек вырвался из грезы и зашагал дальше, понятия не имея, где искать Спиди. В накатившей на него волне паники он представил дядю Моргана, пробегающего мимо ряда кривых зеркал, превращенного ими в череду чудовищных, деформированных фигур. На лысом черепе выросли рога, между мясистыми плечами появился горб, толстые пальцы превратились в загребущие когти. Джек резко свернул направо и увидел перед собой странной формы, почти круглое здание, обитое белыми планками.

Изнутри вдруг донеслось ритмичное *тук-тук-тук*. Мальчик побежал на этот звук — туда, где кто-то то ли бил разводным ключом по трубе, то ли стучал молотком по наковальне, — на звук какой-то работы. Среди множества планок он обнаружил дверную ручку и потянул на себя хлипкую дверь.

Джек вошел в полосатую темноту, и звук усилился. Окруживший мальчика густой сумрак изменил все вокруг,

он уже не представлял себе, что далеко, а что близко. Джек вытянул руки и коснулся парусины. Сдвинул ее в сторону, и тут же перед глазами вспыхнул желтый свет.

— Странник Джек, — раздался голос Спиди.

Мальчик повернулся на голос и увидел сторожа, который сидел на земле рядом с частично разобранной каруселью. В руке он держал ключ, а перед ним лежала на боку белая лошадка с пушистой гривой и торчащим из живота серебристым штырем, которым она крепилась к поворотному кругу. Спиди мягко положил ключ на землю.

— Теперь ты готов к разговору, сынок? — спросил он.

Глава 4
ПЕРЕХОД ДЖЕКА

1

— Да, готов, — ровным голосом ответил Джек, а потом разрыдался.

— Говори, Странник Джек. — Спиди оставил ключ на земле и подошел к мальчику. — Говори, сынок, тебе сразу полегчает, сразу...

Но говорить Джек не мог. Внезапно пришло осознание, что ему этого не вынести, не вынести, или он плачет, или его накрывает огромная волна черноты — волна, которую не подсвечивала ни одна золотая искорка. Слезы причиняли боль, но Джек чувствовал, что ужас убьет его, если он не выплачется.

— Поплачь, Странник Джек. — Спиди обнял его. Джек прижался опухшим горячим лицом к тонкой рубашке, вдыхая запах мужчины — что-то от «Олд спайс», что-то от корицы, что-то от библиотечных книг, которые долгое

время никто не брал. Хорошие запахи, успокаивающие. Мальчик обнял Спиди. Его ладони нащупали кости на спине старика, у самой кожи, прикрытые тонким слоем мышц.

— Плачь, если это поможет тебе успокоиться. — Спиди покачивал его. — Иногда помогает, я знаю. Спиди знает, как далеко ты был, Странник Джек, и как далеко тебе придется пойти, и как ты устал. Поэтому поплачь, если тебе от этого полегчает.

Джек едва понимал смысл слов — слышал только звуки, успокаивающие, приносящие облегчение.

— Моя мать действительно больна, — наконец пробубнил он в грудь Спиди. — Я думаю, она приехала сюда, чтобы быть подальше от старого делового партнера отца, мистера Моргана Слоута. — Джек всхлипнул, отпустил Спиди, отступил на шаг, вытер опухшие глаза ладонями. Его удивило полное отсутствие смущения — раньше он стыдился плакать на людях... это было все равно что обмочить штаны. Не потому ли, что его мать всегда держалась так сурово? Джек полагал, что отчасти и поэтому, все верно. Лили Кавано слез не жаловала.

— Но это не единственная причина, которая привела ее сюда?

— Нет, — прошептал Джек. — Я думаю, она приехала сюда умирать. — На последнем слове его голос поднялся до визга, словно скрипнула несмазанная петля.

— Возможно. — Спиди пристально смотрел на Джека. — И возможно, ты здесь, чтобы спасти ее. Ее... и другую женщину, такую же, как она.

— Кто она? — Губы Джека онемели. Он знал кто. Имени не знал, но знал кто.

— Королева, — ответил Спиди. — Ее зовут Лаура Делессиан, и она королева Долин.

2

— Помоги мне, — пробурчал Спиди. — Подержи Серебряную Леди под хвостом. Ты, конечно, позволишь себе вольности с Леди, но, думаю, она не будет возражать, если ты поможешь вернуть ее на положенное место.

— Так ты ее называешь? Серебряная Леди?

— Будь уверен. — Спиди улыбнулся, показав дюжину зубов, верхних и нижних. — У всех карусельных лошадей есть имена, или ты этого не знал? Держи крепче, Странник Джек.

Джек сунул руки под деревянный хвост белой лошади, сцепил пальцы. Спиди, крякнув, обхватил большими коричневыми ладонями передние ноги Леди. Вдвоем они отнесли деревянную лошадь к поворотному кругу карусели, вниз штырем, чей конец поблескивал машинным маслом.

— Чуть левее... — прохрипел Спиди. — Да... теперь опускаем ее, Странник Джек! Только осторожно!

Они вставили штырь в гнездо и выпрямились. Джек тяжело дышал, Спиди улыбался и хватал ртом воздух. Потом негр смахнул пот со лба и все с той же улыбкой повернулся к Джеку.

— Какие мы молодцы, а?

— Как скажешь, — ответил Джек, тоже улыбаясь.

— Так и скажу! Ей-бо! — Спиди сунул руку в задний карман и достал пинтовую бутылку из темно-зеленого стекла. Снял крышку, выпил — и Джек мог поклясться, что видит сквозь Спиди, тот стал прозрачным, совсем как призраки в сериале «Топпер», который показывали в Лос-Анджелесе по одному из кабельных каналов. Спиди исчезал. *Исчезал*, подумал Джек, *или перемещался куда-то?* Но конечно, это была безумная мысль, напрочь лишенная здравого смысла.

Потом Спиди стал таким же, как прежде. Просто глаза сыграли с Джеком злую шутку, мгновенная...

Нет. Не сыграли. На мгновение он почти покинул этот мир!

...галлюцинация.

Спиди пристально смотрел на мальчика. Уже собрался протянуть бутылку Джеку. Потом покачал головой, навернул на горлышко крышку, вернул бутылку в задний карман. Повернулся к Серебряной Леди, занявшей свое законное место на карусели. Теперь оставалось только надежно закрепить штырь.

— Мы потрудились на славу, Странник Джек.

— Спиди...

— У них у всех есть имена. — Спиди медленно обходил поворотный круг, его шаги гулко отдавались под высоким потолком. Наверху, где в сумраке едва виднелись потолочные балки, тихонько переговаривались деревенские ласточки. Джек последовал за стариком. — Серебряная Леди... Полночь... этот чалый — Скаут... эта кобылка — Шустрая Элла.

Спиди запрокинул голову и запел, распугав ласточек:

— «Шустрая Элла развлечься не прочь... очень был занят Билл Мартин в ту ночь». Эй! Смотри, как они летят! — Уборщик рассмеялся... но, повернувшись к Джеку, вновь стал серьезным. — Ты ведь хочешь попытаться спасти жизнь своей матери, Джек? Ее и другой женщины, о которой я тебе говорил?

— Я... — «Не знаю как», — собирался ответить Джек, но голос внутри, голос, который шел из той самой прежде запертой комнатки, где хранилось воспоминание о двух мужчинах, пытавшихся его похитить, вдруг набрал силу: *Ты знаешь! Тебе, возможно, понадобится помощь Спиди, чтобы сделать первый шаг, но ты знаешь, Джек. Знаешь.*

Он очень хорошо знал этот голос. Естественно — голос его отца.

— Я попытаюсь, если ты скажешь мне, что надо делать, — ответил он дрожащими губами.

Спиди уже отошел к дальней стене — высокой, закругленной, из узких планок, с нарисованными на ней мчащимися лошадьми. Джеку эта стена напомнила сдвигавшуюся доску отцовского стола (а стол этот стоял в кабинете Моргана Слоута, внезапно вспомнил он, когда они с матерью оказались там в последний раз; мысль эта разозлила мальчика).

Спиди достал здоровенную связку ключей, задумчиво принялся их перебирать, нашел нужный, вставил в висячий замок. Вытащил ушко из скобы, защелкнул, сунул замок в один из нагрудных карманов. Потом толкнул стену, и она отъехала в сторону. Яркий солнечный свет залил помещение, заставив Джека зажмуриться. Солнечные зайчики от волн мягко заплясали по потолку. Джеку открылся великолепный вид на океан, которым любовались наездники всякий раз, когда Серебряная Леди, и Полночь, и Скаут проносили их мимо восточной части круглого строения, в котором находилась карусель. Легкий ветерок с океана отбросил волосы со лба Джека.

— Лучше смотреть на солнечный свет, если мы собираемся об этом поговорить, — пояснил Спиди. — Иди сюда, Странник Джек, и я расскажу тебе все, что смогу... пусть и не все, что знаю. И не дай тебе Бог когда-нибудь узнать все.

3

Спиди говорил тихо, мягким и приятным голосом, который ассоциировался у Джека с хорошо выделанной кожей. Джек слушал, иногда хмурился, случалось, и ахал.

— Речь пойдет о том, что ты называешь Дневными грезами.

Джек кивнул.

— Только это не грезы, Странник Джек. Не дневные грезы и не ночные кошмары. Тот мир реальный. Во вся-

ком случае, достаточно реальный. Сильно отличается от нашего, но реальный.

— Спиди, моя мама говорит...

— Сейчас это не важно. Она не знает о Долинах... но в каком-то смысле она о них знает. Потому что твой отец, *он* знал. И этот другой человек...

— Морган Слоут?

— Да, пожалуй. Он тоже знает. — Спиди помолчал, затем резко добавил: — И я знаю, кто он там. Конечно, знаю! Еще бы мне не знать!

— Этот фотоснимок в твоем кабинете... не Африка?

— Не Африка.

— Правда?

— Да.

— И мой отец бывал там? — спросил Джек, сердцем уже зная ответ. И ответ этот слишком многое прояснял, чтобы не быть правдой. Джек не знал, во что готов поверить. Волшебные страны? Больные королевы? От этого ему становилось не по себе. Он начинал тревожиться о своем душевном здоровье. Разве в детстве мать не говорила ему снова и снова, что он не должен путать Дневные грезы с реальной жизнью? Говорила так строго, что даже пугала Джека. Возможно, подумал он, она и сама боялась. Разве она могла столь долго жить с отцом Джека и *ничего* не знать? Вряд ли. *Возможно*, сказал он себе, *знала она не много, но достаточно для того, чтобы бояться.*

Сходить с ума. Так она это называла. Люди, которые не могут отличить реальное от воображаемого, сходят с ума.

Но ведь его отец придерживался иного мнения? Да. Он и Морган Слоут.

У них магия, как у нас — физика, верно?

— Твой отец часто бывал там, да. И этот другой человек, Гроут...

— Слоут.

— Да. Он самый. Он тоже там бывал. Только твой отец, Джеки, он приходил туда, чтобы смотреть и учиться. А другой парень, он появлялся там только ради наживы.

— Это Морган Слоут убил моего дядю Томми? — спросил Джек.

— Об этом мне ничего не известно. Ты просто слушай меня, Странник Джек, потому что времени мало. Если ты действительно думаешь, что этот тип, Слоут, собирается заявиться сюда...

— По голосу я понял, что он страшно зол. — Джек начинал нервничать от одной мысли о том, что дядя Морган может примчаться в Аркадия-Бич.

— Тогда времени еще меньше. Ему смерть твоей матери только на руку. И его двойник, конечно же, надеется, что королева Лаура умрет.

— Двойник?

— У людей в этом мире есть двойники в Долинах, — ответил Спиди. — Не у всех, потому что численность населения там гораздо меньше... может, один человек там на сто тысяч здесь. Но двойникам легче всего переходить туда и обратно.

— Королева... она... моя мать... ее двойник?

— Да. Похоже на то.

— Но моя мать никогда...

— Да. Никогда там не бывала. Не было причины.

— У моего отца... был двойник?

— Да, был. Милый человек.

Джек облизнул губы... безумный какой-то разговор! Двойники и Долины!

— Когда мой отец умер здесь, его двойник умер там?

— Да. Не в тот же миг, но почти.

— Спиди?

— Что?

— У меня есть двойник? В Долинах?

Спиди посмотрел на него так серьезно, что Джек почувствовал пробежавший по спине холодок.

— У тебя нет, сынок. Ты единственный. Ты особенный. И этот Смут...

— Слоут. — Джек чуть улыбнулся.

— ...Да, как ни назови, он это знает. Это одна из причин, по которым он появится здесь очень скоро. И одна из причин, по которым ты должен отправляться в путь.

— *Почему?* — выкрикнул Джек. — Какой в этом смысл, если у нее рак? Если у нее рак и она здесь, вместо того чтобы лежать в клинике, причина только одна: надежды на спасение нет. Если она здесь, это означает... — Вновь подкатили слезы, но он вступил с ними в борьбу и победил. — Это означает, что... что ей конец.

Ей конец. Да, и сердцем он это тоже знал: ускорившаяся потеря веса, коричневые тени под глазами. *Ей конец, но, пожалуйста, Господи, эй, Господи, пожалуйста, чувак, это же моя мама...*

— Я хочу сказать, чем здесь поможет страна Дневных грез? — добавил он сиплым голосом.

— Думаю, пока хватит. — На вопрос Спиди не ответил. — Просто поверь, Странник Джек. Я бы никогда не сказал, что ты должен отправляться в путь, если бы ты не мог ей помочь.

— Но...

— Помолчи, Странник Джек. Нет смысла продолжать, пока ты не уяснишь смысла моих слов. Толку не будет. Пойдем.

Спиди обнял Джека за плечи и повел вокруг карусели. Они вместе вышли через дверь и зашагали по одной из пустынных аллей парка развлечений. Слева располагалось здание автодрома «Демонические автомобили», закрытое на все замки, с заколоченными окнами, справа — павильоны «Бросай до победного», «Знаменитые пицца и пончики с пирса», «Стрелковый тир» (также заколоченный; по

доскам прыгали выцветшие на солнце дикие звери — львы, и тигры, и медведи, вот так).

Добрались до широкой главной улицы, которая называлась Променад-авеню, совсем как в Атлантик-Сити, но в парке развлечений «Аркадии веселая страна» настоящего променада не было — только пирс. Здание игровых автоматов теперь находилось в сотне ярдов слева, а арка на входе в парк — в двухстах ярдах справа. Джек слышал и размеренный грохот обрушивавшихся на берег волн, и одинокие крики чаек.

Он посмотрел на Спиди, желая спросить, что теперь и что дальше, всерьез это или злая шутка... но ничего такого не сказал. Спиди протягивал ему зеленую бутылку.

— Это... — начал Джек.

— Отправит тебя туда, — пояснил Спиди. — Многим людям, которые отправляются туда, ничего такого не требуется, но ты давно там не был, правда, Джеки?

— Да.

Когда в последний раз он закрывал глаза в этом мире и открывал их в волшебной стране Дневных грез, мире с насыщенными, будоражащими запахами, с глубоким прозрачным небом? В прошлом году? Нет? Раньше... В Калифорнии... после смерти отца. Ему тогда было...

Глаза Джека широко раскрылись. Девять лет? Так давно? *Три года* назад?

Пугала сама мысль о том, как легко, как незаметно эти Дневные грезы, иногда радостные, иногда темные и тревожные, ушли от него — словно немалая часть его воображения умерла безболезненно, не сообщив об этом.

Он быстро взял у Спиди бутылку, едва не выронив ее. Ощутил панику. Некоторые Дневные грезы тревожили, все верно, и строгие наказы матери не смешивать реальность и выдумку (*другими словами, не сходи с ума, Джеки, не теряй здравомыслия, лады?*) немного пугали, но теперь он понимал, что все-таки не хотел полностью терять тот мир.

Джек посмотрел в глаза Спиди и подумал: *Он знает и это. Знает все, о чем я только что подумал. Кто ты, Спиди?*

— Если какое-то время там не бывать, забываешь, как попасть туда. — Спиди кивнул на бутылку. — Вот почему я даю тебе этот волшебный сок. Это особое средство! — В голосе Спиди слышалось чуть ли не благоговение.

— Оно оттуда? Из Долин?

— Нет. Магия есть и здесь, Странник Джек. Не так чтобы много, но есть. Этот волшебный сок из Калифорнии.

Джек с сомнением посмотрел на бутылку.

— Давай. Глотни капельку, и посмотрим, не отправишься ли ты в путешествие. — Спиди улыбнулся. — Если выпить достаточно много, можно отправиться в любое место. Перед тобой тот, кто знает.

— Господи, Спиди, но... — Джек ощутил страх. Во рту пересохло, солнце вдруг стало чересчур ярким, он чувствовал, как кровь стучит в висках. Под языком появился медный привкус, и Джек подумал: *Вот каким «волшебный сок» будет на вкус — отвратительным.*

— Если ты испугаешься и захочешь вернуться назад, сделай еще глоток, — сказал Спиди.

— Она отправится туда со мной? Бутылка? Ты обещаешь? — Его замутило от мысли, что он может остаться там, в загадочном и неведомом мире, тогда как его больная мать и досаждающий ей Слоут будут здесь.

— Обещаю.

— Ладно. — Джек поднес бутылку к губам... чуть опустил руку. Ужасный запах — резкий и противный. — Я не хочу, Спиди, — прошептал он.

Лестер Паркер смотрел на Джека, и губы его улыбались, но не глаза — они оставались суровыми. Требовательными. Пугающими. Джек подумал о черных глазах: глаз чайки, глаз воронки. Его охватил ужас.

Он протянул бутылку Спиди.

— Возьми ее, — попросил он молящим шепотом. — Пожалуйста.

Спиди не ответил. Не стал напоминать, что мать умирает, а Морган Слоут вот-вот приедет. Не назвал Джека трусом, хотя тот никогда в жизни не чувствовал себя большим трусом, чем теперь, даже когда в летнем лагере «Экомак» попятился с доски, не решившись прыгнуть в воду с вышки. Спиди повернулся к нему спиной и засвистел, глядя на облака.

Теперь к ужасу присоединилось одиночество, накрыло Джека, словно волна. Спиди отвернулся от него. Спиди стоял к нему спиной.

— Ладно, — вырвалось у Джека. — Ладно, раз ты считаешь, что я должен это сделать.

Мальчик вновь поднял бутылку и глотнул, прежде чем разум подсунул ему новые доводы для отказа.

На вкус снадобье оказалось даже хуже, чем он предполагал. Раньше он пробовал вино, оно ему даже понравилось (особенно сухие белые вина, которые его матери подавали с морским языком, снэппером или рыбой-мечом), и эта жидкость чем-то напоминала вино... но одновременно являла собой насмешку над всеми винами, которые ему доводилось пробовать. Вкус был резкий, сладкий, с тухлинкой, вкус не живого винограда, а мертвого, которому к тому же и жилось не очень-то хорошо.

Когда рот наполнился этим ужасным, сладко-мерзостным вкусом, Джек буквально представил себе грозди ягод — тусклых, запыленных, раздувшихся и гадких, висящих на грязной оштукатуренной стене под густым и вязким солнечным светом, в тишине, нарушаемой только жужжанием множества мух.

Он проглотил снадобье, и огонь змеей спустился в живот.

Джек закрыл глаза, поморщился, содержимое желудка едва не выплеснулось наружу. Его не вырвало, но Джек не сомневался, что без этого бы не обошлось, если бы он успел позавтракать.

— Спиди...

Он открыл глаза, и следующее слово застряло в горле. Джек забыл о тошноте, вызванной этой мерзкой пародией на вино. Он забыл о матери, и о дяде Моргане, и об отце, да и обо всем остальном.

Спиди исчез. Изгибающиеся на фоне неба арки «американских горок» — тоже. Исчезла Променад-авеню.

Он перенесся в какое-то другое место. Он перенесся...

— В Долины, — прошептал Джек, и по его телу пробежала дрожь ужаса и восторга. Он чувствовал, что волосы на затылке стоят дыбом, чувствовал, как идиотская улыбка растягивает уголки рта. — Спиди, я здесь, Господи. Я в Долинах! Я...

Но от изумления у него перехватило дыхание. Джек прижал руку ко рту и медленно повернулся на триста шестьдесят градусов, оглядывая новый мир, в который его перенес «волшебный сок» Спиди.

4

Океан остался на прежнем месте, но его синева стала более темной и насыщенной — обрела самый настоящий цвет индиго. На мгновение Джек завороженно застыл, легкий ветерок с воды трепал его волосы. Он смотрел на горизонт, где индиго океана встречалось с небом цвета линялой джинсы.

Линия горизонта слабо, но явственно изгибалась.

Джек покачал головой, нахмурился, повернулся к материку. Морская трава, высокая, густая, дикая, росла там, где минутой раньше стояло здание с каруселью. Пирс с павильоном игровых автоматов исчез. На его месте вдавалось в океан нагромождение гранитных блоков. Волны бились о камень, проникая в древние трещины и тоннели. Клочья пены, густой, как взбитые сливки, взлетали в чистый воздух и уносились ветром.

Джек резко ухватил левую щеку большим и указательным пальцами левой руки. Ущипнул. Глаза наполнились слезами, но ничего не изменилось.

— Все настоящее, — прошептал он, и еще одна волна с грохотом ударила о берег, поднимая в воздух клочья пены.

Джек вдруг осознал, что Променад-авеню осталась на прежнем месте... в каком-то смысле. С вершины мыса — в «реальном мире» (разум на этом настаивал) там, у входа в павильон игровых автоматов, заканчивалась Променад-авеню — колеи проселочной дороги спускались туда, где стоял Джек, а потом тянулись на север, как тянулась на север Променад-авеню, становясь Аркадия-авеню после арки, служившей границей парка развлечений. Морская трава росла и между колеями, но согнутая и прибитая, и Джек подумал, что дорога эта по-прежнему используется, во всяком случае, изредка.

Он зашагал на север, с зеленой бутылкой в правой руке. Почему-то подумал, что где-то, в другом мире, Спиди все еще держит крышку от этой бутылки.

Я исчез у него на глазах? Похоже на то. Круто!

Примерно сорок шагов привели Джека к зарослям ежевики. Среди шипов висели ягоды, такие большие, черные и налитые соком, каких видеть ему еще не доводилось. Желудок, вероятно, под воздействием «волшебного сока», громко заурчал.

Ежевика? В сентябре?

Не важно. После того, что случилось сегодня (а еще нет и десяти утра), удивляться появлению ежевики в сентябре — все равно что отказываться принять таблетку аспирина, предварительно проглотив дверную ручку.

Джек потянулся, набрал пригоршню ягод, бросил в рот. Они оказались фантастически сладкими, фантастически вкусными. Улыбаясь (губы уже окрасились в характерный синий цвет), думая, что он, вполне возможно, рехнулся, Джек набрал еще пригоршню... потом

третью. Он никогда не пробовал ничего более вкусного... хотя, как подумал позже, дело было не только в ежевике; сыграла свою роль и удивительная чистота воздуха.

На четвертой пригоршне он оцарапал руку — словно кусты говорили ему, что надо бы остановиться, хорошего понемножку. Лизнув самую глубокую из царапин — на ладони под большим пальцем, — Джек продолжил путь на север, вдоль колеи, идя медленным шагом, стараясь ничего не упустить, увидеть как можно больше.

Отойдя от зарослей ежевики, он взглянул на солнце, которое вроде бы уменьшилось в размерах, но стало более жарким. И не приобрело ли оно оранжевый ореол, как на средневековых картинах? Джек полагал, что да. И...

Крик, резкий и неприятный, словно кто-то медленно тащил из доски старый гвоздь, раздался справа от Джека, оборвав раздумья. Он повернулся, широко раскрыв глаза и вскинув плечи.

Кричала чайка — и ее размеры поражали, казались невероятными (но он видел перед собой чайку, из плоти и крови, реальную, как дома, только габаритами сравнявшуюся с орлом). Птица склонила белую пулеобразную голову набок. Клюв открывался и закрывался. Чайка взмахнула большущими крыльями, пригнув морскую траву.

А потом бесстрашно запрыгала по земле к Джеку.

Он уловил доносившиеся издалека, слившиеся воедино звуки горнов — и без всякой на то причины подумал о матери.

Мальчик посмотрел на север, в том направлении, куда шел, привлеченный этим звуком, вызывавшим у него какое-то неопределенное желание. Оно, подумал Джек (когда появилось время подумать), напоминало тягу к чему-то специфическому, чего ты давно уже не пробовал, — к мороженому, картофельным чипсам, может, тако.

Сам не знаешь, пока не увидишь перед собой. И пока не увидишь — есть только потребность в чем-то еще безымянном, и тебе это не дает покоя, нервирует тебя.

Он уже видел флаги и верхнюю часть большого шатра — павильона, — прорисованные на фоне неба.

Там, где находится «Альгамбра», подумал Джек, и тут закричала чайка. Он повернулся к ней и в тревоге увидел, что расстояние между ними сократилось до шести футов. Чайка вновь открыла клюв, демонстрируя его грязно-розовое нутро, заставив подумать о вчерашнем дне, о другой чайке, которая бросила моллюска на скалу, а потом точно так же уставилась на него своим ужасным взглядом. Чайка ухмылялась — Джек в этом не сомневался. Когда птица подпрыгнула еще ближе, он уловил идущее от нее зловоние — дохлой рыбы и гниющих водорослей.

Чайка зашипела на него и вновь взмахнула крыльями.

— Убирайся отсюда! — крикнул Джек. Сердце быстро качало кровь, во рту пересохло, но он не собирался в испуге убегать от чайки, даже такой большой. — Убирайся!

Чайка опять разинула клюв... а потом... заговорила какими-то хрипами... или Джеку так показалось.

— Ать а-а-а-ет эк... ать а-а-а-а-а-ет...

Мать умирает, Джек.

Чайка неуклюже подпрыгнула еще ближе, чешуйчатые лапы рвали траву, клюв открывался и закрывался, черные глаза неотрывно смотрели на Джека. Едва отдавая себе отчет в том, что делает, мальчик поднял зеленую бутылку и глотнул.

И на этот раз отвратительный вкус заставил его закрыть глаза, а открыв их, он понял, что таращится на дорожный знак с черными силуэтами бегущих детей, маленького мальчика и маленькой девочки, на желтом фоне. «СБАВЬТЕ СКОРОСТЬ — ДЕТИ» — гласила надпись на знаке. В воздух с криком поднялась чайка — обычного

размера: ее, несомненно, вспугнуло внезапное появление Джека.

Он огляделся, еще не понимая, где находится. Желудок, наполненный ежевикой и мерзким «волшебным соком» Спиди, недовольно перекатывался и стонал. Мышцы ног начали неприятно вибрировать, и Джек тут же опустился на бордюрный камень у стойки, к которой крепился знак, — настолько быстро, что отдача от удара поднялась по позвоночнику, а зубы щелкнули.

Джек наклонился вперед, раздвинув колени, широко раскрыл рот в полной уверенности, что съеденное и выпитое вылетит струей. Вместо этого он дважды икнул, чуть не подавился, а потом желудок успокоился.

Это ягоды, подумал Джек. *Если б не ягоды, меня бы вырвало.*

Он поднял голову, и вновь его охватило ощущение нереальности. По проселочной дороге в Долинах он прошел шагов шестьдесят, никак не больше. Джек это знал точно. Допустим, его шаг — два фута, ладно, даже два с половиной. Это означало, что пройденное им расстояние составляло сто пятьдесят футов. Но... Он оглянулся и увидел арку с большими красными буквами: «АРКАДИИ ВЕСЕЛАЯ СТРАНА». Близорукостью Джек не страдал, однако едва мог различить буквы, так далеко он ушел от парка развлечений. Справа находился отель «Альгамбра» с разбитым перед зданием парком, за гостиницей шумел океан.

В Долинах он прошел полторы сотни футов.

Здесь отмахал полмили.

— Господи Иисусе, — прошептал Джек Сойер и закрыл глаза руками.

5

— Джек! Джек, малыш! Странник Джек!

Голос Спиди перекрывал рев старого шестицилиндрового двигателя. Джек поднял голову — она стала неверо-

ятно тяжелой, конечности от усталости налились свинцом — и увидел медленно катящий к нему старый пикап «интернейшнл-харвестер». Самодельные борта кузова покачивались, как расшатавшиеся зубы. Пикап был отвратительного бирюзового цвета. За рулем сидел Спиди.

Он свернул к тротуару, прибавил газу (*Вуп! Вуп! Вуп-вуп-вуп!*), потом выключил двигатель (*хаш-ш-ш-ш-ш*). Быстро спрыгнул на мостовую.

— Ты в порядке, Джек?

Джек протянул Спиди бутылку.

— От твоего волшебного сока тошнит, Спиди, — устало ответил он.

На лице Спиди отразилась обида, потом он улыбнулся.

— Тебе кто-нибудь говорил, что у лекарства хороший вкус, Странник Джек?

— Наверное, никто. — Джек чувствовал, что силы возвращаются — медленно, по мере того как уходило ощущение дезориентации.

— Теперь ты веришь, Джек?

Мальчик кивнул.

— Нет, — покачал головой Спиди. — Этого мало. Скажи вслух.

— Долины, — ответил Джек. — Они есть. Они существуют. Я видел птицу... — Он замолчал, по его телу пробежала дрожь.

— Какую птицу? — резко спросил Спиди.

— Чайку. Чертовски огромную чайку... ты не поверишь. — Джек подумал и добавил: — Нет, ты как раз поверишь. Остальные — вряд ли, а ты поверишь.

— Она говорила? Многие тамошние птицы говорят. Всякие глупости в основном. Но некоторые говорят здраво... только они порождения зла и обычно лгут.

Джек просто кивнул. Ему становилось лучше только от того, что он слышал, как Спиди обо всем этом говорит, будто все это реально и естественно.

— Я думаю, она говорила. Но говорила, как... — Джек задумался. — В лос-анджелесской школе, куда ходили мы с Ричардом, учился мальчик, которого звали Брэндон Льюис. У него был какой-то дефект речи, и когда он говорил, мы с трудом его понимали. С птицей та же история. Но я знаю, что она говорила. Она сказала, что моя мать умирает.

Спиди обнял Джека за плечи, и некоторое время они сидели на бордюрном камне. Дневной портье из «Альгамбры», бледный, худой, подозревающий все живое во всех смертных грехах, вышел из ворот с толстой пачкой конвертов. Спиди и Джек наблюдали, как он идет к пересечению Аркадия-авеню и Бич-драйв, чтобы бросить конверты в почтовый ящик. На обратном пути он смерил Джека и Спиди подозрительным взглядом и направился по дорожке к отелю. Его макушка виднелась поверх широких зеленых изгородей.

Затем до них донеслись звуки открывающейся и закрывающейся парадной двери, и Джек вновь ощутил осеннюю заброшенность этого курортного городка. Широкие пустынные улицы. Длинный пляж с пустующими дюнами сахарно-белого песка. Пустой парк развлечений с вагончиками «американских горок», укрытыми брезентовыми чехлами, и запертыми на замок будками касс. Быть может, мать привезла его сюда, чтобы показать, каков он, конец света.

Спиди склонил голову набок и мелодично запел:

— «Я ходил по городу... Я играл и пел... Лето пролетело, и зима грядет... Значит, время, значит, вновь меня дорога ждет...»

Он замолчал и посмотрел на Джека.

— Ты чувствуешь, что тебе пора отправляться в путь, Странник Джек?

От ужаса у мальчика перехватило дыхание.

— Да, — наконец выдавил он из себя. — Если это поможет. Поможет ей. Мне удастся ей помочь, Спиди?

— Удастся, — очень серьезно ответил старик.

— Но...

— Да этих «но» вагон и маленькая тележка, — прервал его Спиди. — Целый *товарняк* «но», Странник Джек. Я не обещаю тебе легкую прогулку. Я не обещаю тебе успех. Не обещаю, что ты вернешься, а если и вернешься, нет уверенности, что твои разум и тело по-прежнему останутся единым целым. Немалую часть пути тебе придется пройти по Долинам, потому что Долины гораздо меньше. Ты это заметил?

— Да.

— Я так и подумал. Потому что с чайкой ты, конечно, встретился на дороге.

Тут Джек вспомнил о вопросе, который хотел задать раньше, и хотя он вроде бы был не к месту, не смог сдержаться:

— Я исчез, Спиди? Ты видел, как я исчез?

— Ты ушел, — ответил старик и резко хлопнул в ладоши. — Раз — и нет тебя.

Джек почувствовал, как медленная, неохотная улыбка растягивает его губы... и Спиди улыбнулся в ответ.

— Хотелось бы мне как-нибудь проделать такое в компьютерном классе на уроке мистера Бальго.

Спиди рассмеялся, как ребенок. Джек присоединился к нему. От смеха он повеселел, как чуть раньше повеселел, попробовав ежевику.

Но через несколько секунд Спиди вновь стал серьезным.

— Есть причина, по которой ты должен побывать в Долинах. Ты должен кое-что принести. Кое-что могущественное.

— И это кое-что там?

— Да.

— Оно поможет моей матери?

— Да... и другой.

— Королеве?

Спиди кивнул.

— Что это? Где это? Когда я?..

— Придержи лошадей. Остановись! — Спиди поднял руку. Губы его улыбались, но глаза оставались серьезными. — Всему свое время. И вот что еще... Джек, я не могу сказать тебе то, чего не знаю... или то, чего говорить мне не велено.

— Не велено? — в недоумении переспросил Джек. — Кто...

— Опять ты за свое, — прервал его Спиди. — Теперь слушай, Странник Джек. Уйти ты должен как можно быстрее, прежде чем покажется этот Блоут и посадит тебя...

— *Слоут*.

— Да, он самый. Ты должен уйти до его приезда.

— Но он будет доставать мою мать, — ответил Джек, гадая, а почему он это сказал: то ли потому, что это правда, то ли потому, что искал предлог избежать путешествия, в которое отправлял его Спиди, словно отказывался от еды, которая могла быть отравленной. — Ты его не знаешь! Он...

— Я его знаю, — ровным голосом возразил Спиди. — Я знаю его давно, Странник Джек. И он знает меня. Носит шрамы, оставленные мной. Они не видны... но они есть. Твоя мама позаботится о себе. Во всяком случае, какое-то время ей придется заботиться о себе. Потому что ты должен идти.

— Куда?

— На запад, — ответил Спиди. — От этого океана к другому.

— Что? — Джек пришел в ужас при мысли о такой дистанции. Потом подумал о рекламном ролике, который видел по телевизору тремя днями раньше: мужчина набирал в тарелку еду со шведского стола на высоте тридцати пяти тысяч футов и выглядел совершенно невозмутимым. Джек много раз летал с матерью с одного побережья на другое, и

особое удовольствие ему доставляли полеты из Нью-Йорка в Лос-Анджелес — тогда солнце не заходило целых шестнадцать часов. Ты словно обманывал само время. И летать было так легко.

— Могу я туда полететь? — спросил он Спиди.

— Нет! — Спиди почти выкрикнул это слово, его глаза широко раскрылись. Он сжал плечо Джека сильной рукой. — В воздух ни в коем случае подниматься нельзя! Тебе нельзя! Если ты перейдешь в Долины, когда будешь там, наверху... — Спиди больше ничего не сказал. Да и зачем. Джек разом представил, как падает с чистого, безоблачного неба — кричащий мальчик-ракета в джинсах и полосатой красно-белой рубашке, парашютист без парашюта.

— Ты пойдешь пешком, — продолжил Спиди. — Пользуйся попутками, если сможешь... но тут надо быть осторожным, потому что по дорогам кто только не ездит. Чокнутые, педики, которые захотят полапать тебя, воры, которые захотят тебя ограбить. Но попадаются и настоящие Чужаки. Жуткие типы, Странник Джек. Они стоят ногами в обоих мирах и выглядят и так, и этак, как чертов Янус. Боюсь, они очень скоро узнают, что ты отправился в путь. И будут настороже.

— И они... — Джек сглотнул слюну, — двойники?

— Некоторые — да. Другие — нет. Сейчас больше ничего сказать не могу. Но ты доберешься туда, если сможешь. Доберешься до другого океана. Постарайся идти по Долинам, и тогда сократишь себе путь. Возьми с собой сок...

— Я его ненавижу!

— Что ты ненавидишь, значения не имеет, — отрезал Спиди. — Ты доберешься туда и найдешь нужное тебе место, другую «Альгамбру». Место это пугающее, нехорошее. Но ты должен туда пойти.

— Как я его найду?

— Оно позовет тебя. Громко и отчетливо. Ты услышишь его зов, сынок.

— Почему? — спросил Джек. Облизнул губы. — Почему я должен туда идти, если это такое нехорошее место?

— Потому что Талисман находится там, — ответил Спиди. — Где-то в другой «Альгамбре».

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ты поймешь. — Спиди поднялся, взял Джека за руку. Тот тоже встал. Они стояли лицом к лицу, черный старик и белый подросток.

— Послушай. — В голосе Спиди появилась напевность. — Талисман окажется в твоей руке, Странник Джек. Он не малый, не большой, словно шар из хрусталя. Странник Джек, Странник Джек, в Калифорнию пойдешь, нам его ты принесешь. Но это будет твоя ноша, твой крест: уронишь его, Джек, потеряем все навек.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — в испуге упрямо повторил Джек. — Ты должен...

— Нет, — мягко оборвал его Спиди. — Этим утром я должен закончить ремонт карусели, вот что я должен. Для болтовни времени у меня больше нет. Мне надо возвращаться обратно, а тебе пора отправляться в путь. Это все, что я могу тебе сказать. Наверное, еще увидимся. Здесь... или там.

— Но я не знаю, что делать! — воскликнул Джек, когда Спиди залез в кабину старого пикапа.

— Ты знаешь достаточно, чтобы сделать первый шаг. Ты найдешь Талисман, Джек. Он притянет тебя к себе.

— Я даже не знаю, что такое Талисман!

Спиди рассмеялся и повернул ключ зажигания. Пикап взревел, выпустив облако сизого дыма.

— Посмотри в словаре! — крикнул старый негр и включил заднюю передачу.

Затем развернул пикап и покатил к парку развлечений «Аркадии веселая страна». Джек стоял у тротуара, глядя ему вслед. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким одиноким.

Глава 5
ДЖЕК И ЛИЛИ

1

После того как пикап Спиди свернул с дороги и исчез под аркой «Веселой страны», Джек зашагал к отелю. Талисман. В другой «Альгамбре». У другого океана. В сердце воцарилась пустота. Без Спиди, стоящего рядом, задача представлялась чудовищной, неподъемной, неопределенной... Когда Спиди говорил, Джеку казалось, что он почти понимает мешанину намеков, и предупреждений, и наставлений. Теперь все окончательно спуталось. Но Долины существовали, это он знал точно. И держался за их реальность, которая согревала его и одновременно бросала в дрожь. Это настоящее место, и он намеревался снова попасть туда. Даже если сейчас не до конца понимал, что к чему, даже если вообще мало что знал, отправляясь в это путешествие, он намеревался вновь попасть туда. А что он должен сделать теперь, так это попытаться убедить мать отпустить его. *Талисман,* повторил Джек про себя и пересек Аркадия-авеню, по ступенькам поднялся на дорожку между зелеными изгородями. Едва за ним захлопнулась дверь, как сумрак «Альгамбры» поразил его. Вестибюль напоминал длинную пещеру. Требовался огонь, чтобы разогнать тени. Бледнолицый портье стоял за длинной стойкой, сверля Джека бесцветными глазами. Этот взгляд что-то хотел сказать. Джек сглотнул слюну и отвернулся. Взгляд придал ему сил, придал уверенности в себе, хотя выражал презрение.

Джек направился к лифтам, неторопливо и расправив плечи. *Якшаешься с черными, да? Позволяешь им обнимать себя, да?* Лифт опустился вниз, как большая тяжелая птица, двери разошлись, Джек вошел в кабину. Нажал кнопку

с подсвеченной цифрой «4». Портье всё маячил за стойкой, передавая взглядом рвущее в клочья послание: *Негролюб Негролюб Негролюб (тебе так нравится, эй, засранец? Горячий и черный, это тебе подходит, да?).* Двери милосердно закрылись. Кабина рванула вверх, желудок Джека — вниз, к кроссовкам.

Ненависть осталась внизу, в вестибюле отеля. Даже воздух в кабине стал свежее, когда она поднялась выше первого этажа. Теперь нужно было лишь сказать матери, что он должен добраться до Калифорнии один.

И не позволяй дяде Моргану подписывать за тебя какие-либо документы.

Выходя из лифта, Джек впервые в жизни задался вопросом, а понимает ли Ричард Слоут, какой на самом деле у него отец.

2

Пройдя по коридору мимо потушенных бра и картин, изображавших маленькие суденышки в пенистых, бушующих морях, Джек нашел дверь с табличкой «408» приоткрытой, увидел кусочек светлого напольного ковра. Солнечный свет, вливавшийся в гостиную через окна, ложился длинными прямоугольниками на дальнюю стену.

— Мама? — позвал Джек, переступив порог. — Ты не закрыла дверь, что это на тебя... — Комната пустовала. — ...нашло? — спросил он мебель. — Мама? — В обычно прибранной гостиной ему бросились в глаза свидетельства странного беспорядка: переполненная окурками пепельница, недопитый стакан воды на кофейном столике.

Джек пообещал себе, что на этот раз не запаникует.

Медленно повернулся кругом. Дверь в спальню открыта, там темно, как в вестибюле отеля, потому что Лили никогда не раздвигала портьеры.

— Мама, ты здесь? — спросил он, пересек спальню, чтобы постучать в дверь ванной. Ответа не получил. Открыл дверь и увидел розовую зубную щетку рядом с раковиной и одинокую расческу на туалетном столике. В зубцах запуталось несколько волосков. *Лаура Делессиан*, объявил голос в голове Джека, и он попятился из ванной, словно это имя ужалило его.

— Нет, без паники, — сказал он себе. — Куда она пошла?

Но он уже видел, что произошло.

Видел, когда направлялся к своей спальне, видел, когда открывал дверь и оглядывал смятые простыни на кровати, пустой рюкзак, маленькую стопку книг в обложках, свернутые в клубок носки на комоде. Видел, когда заглянул в свою ванную, где полотенца по-восточному хаотично валялись на полу, на краю ванны, на пластиковых столешницах.

Морган Слоут врывается в дверь, хватает мать за руки, тащит вниз...

Джек поспешил в гостиную и на этот раз заглянул за диван.

...выводит через боковую дверь, заталкивает в машину, его глаза начинают желтеть...

Джек снял телефонную трубку и набрал «0».

— Это... э-э-э... Джек Сойер, я из... э-э-э... номера четыре ноль восемь. Моя мама не оставила мне сообщения? Я думал, она здесь, но... но по какой-то причине... э-э-э...

— Я проверю, — ответила девушка, и Джек со всей силой сжимал трубку в ожидании ее возвращения. — Для номера четыре ноль восемь никаких сообщений нет, сожалею.

— А для четыре ноль семь?

— Это одна ячейка, — ответила девушка.

— В последние полчаса к ней никто не заходил? Этим утром? Чтобы повидаться с ней, я хочу сказать.

— Это надо узнать на регистрационной стойке. Я не знаю. Хотите, чтобы я спросила?

— Пожалуйста.

— Это так приятно, хоть чем-то занять себя в этом морге, — ответила она. — Оставайтесь на линии. — И опять Джек в мучительном ожидании сжимал трубку. Наконец она вернулась. — Никаких гостей. Может, она оставила записку где-то в ваших комнатах?

— Да, я посмотрю. — Джек тоскливо положил трубку. Правду ли сказал портье? Или Морган Слоут протянул ему руку с лежащей на мясистой ладони двадцаткой, сложенной несколько раз и уменьшившейся до размера почтовой марки? Джек легко мог представить себе такое.

Он плюхнулся на диван, подавив иррациональное желание заглянуть под подушки. Разумеется, дядя Морган не мог ворваться в их номер и похитить ее — он по-прежнему в Калифорнии. Но он мог послать людей, которые сделали бы это за него. Людей, о которых упоминал Спиди, Чужаков, что стояли ногами в обоих мирах.

Джек больше не мог оставаться в номере. Он вскочил с дивана и вышел в коридор, закрыв за собой дверь. Пройдя несколько шагов, развернулся, подбежал к двери, отпер ее своим ключом. Оставил чуть приоткрытой и помчался к лифтам. Вполне возможно, что она ушла без ключа, в магазинчик в вестибюле, в газетный киоск за газетой или журналом.

Само собой. Но он с начала лета не видел, чтобы она брала в руки газету. Все новости приходили по внутреннему радио.

Тогда прогуляться.

Да, пройтись и подышать свежим воздухом. Или пробежаться трусцой. А может, Лили Кавано внезапно решила посоревноваться в беге на сто десять метров. Поставила барьеры на песке и начала подготовку к следующей Олимпиаде. Выйдя из лифта в вестибюле отеля,

Джек заглянул в магазинчик. Пожилая светловолосая женщина, сидевшая за прилавком, посмотрела на него поверх очков. Мягкие игрушки, тонкая стопка газет, полочка с бальзамом для губ «Чеп стик», в ячейках настенного стенда — журналы «Пипл», «Ас», «Нью-Хэмпшир мэгэзин».

— Извините. — Джек отвернулся.

Прямо перед ним была мемориальная табличка, рядом с которой рос в кадке огромный печальный фикус. *Слабеет и скоро отомрет...*

Женщина в магазине откашлялась. Джек осознал, что смотрел на слова Дэниела Уэбстера не одну минуту.

— Тебе что-то нужно? — спросила женщина за его спиной.

— Извините, — повторил Джек и вышел на середину вестибюля. Ненавистный портье изогнул бровь, повернулся и уставился на пустынную лестницу. Джек заставил себя подойти к нему.

— Мистер, — позвал он, встав перед стойкой. Портье, похоже, вспоминал то ли название столицы Северной Каролины, то ли основной экспортный товар Перу. — Мистер. — Мужчина хмурился: он приблизился к ответу на расстояние вытянутой руки, в такой момент его не следовало беспокоить.

Джек знал, что портье ломает комедию, поэтому продолжал гнуть свое.

— Я подумал, не сможете ли вы мне помочь.

Мужчина наконец-то соблаговолил обратить на него внимание.

— Все зависит от того, какая тебе нужна помощь, сынок.

Джек заранее решил проигнорировать его скрытую ухмылку.

— Вы не видели, моя мама недавно выходила из отеля?

— Недавно — это когда? — Портье явно насмехался над ним.

— Вы видели, как она выходила из отеля? Это все, о чем я спрашиваю.

— Боишься, что она увидела, как ты и твой голубок держались за руки?

— Господи, какой же вы урод. — Джек удивился, что посмел сказать такое. — Нет, этого я не боюсь. Мне просто хочется знать, выходила ли она из отеля, и вы могли бы мне сказать, если б не были таким уродом. — Кровь бросилась ему в лицо, пальцы сжались в кулаки.

— Ну хорошо, она выходила. — Портье отошел к ячейкам для корреспонденции. — Но тебе бы лучше придержать язык, парень. Лучше извинись передо мной, капризный маленький мастер Сойер. У меня тоже есть глаза. И я вижу многое.

— Ты следишь за своим ртом, я занимаюсь своим делом*, — ответил Джек фразой с одного из старых альбомов отца, возможно, не совсем уместной, но она сама сорвалась с языка, а портье захлопал глазами.

— Может, она гуляет в садах, я не знаю, — мрачно ответил мужчина, но Джек уже шел к двери.

Любимица Автокино и королева би-фильмов не гуляла в садах перед отелем, это Джек увидел сразу... да он и не думал, что она будет там гулять, потому что заметил бы ее, когда возвращался в отель. А кроме того, Лили Кавано — не из тех, кто слоняется по аллеям. С тем же успехом можно было представить ее устанавливающей барьеры для бега с препятствиями на пляже.

Несколько автомобилей проехало по Аркадия-авеню. Над головой закричала чайка, и у Джека сжалось сердце.

Он прошелся рукой по волосам, оглядел залитую ярким солнцем улицу. Может, ее заинтересовал Спиди... может, она захотела узнать, что за новый друг появился у ее сына, и пошла в парк развлечений? Но Джек не мог пред-

* «Ты следишь за своим ртом, я занимаюсь своим делом» — фраза из песни известного американского джазмена Луи Джордана (1908—1975).

ставить ее в «Веселой стране», как не мог представить любующейся садами «Альгамбры». Он повернулся в другую сторону, к городу.

Густая широкая зеленая изгородь отделяла от территории отеля «Чай с вареньем», первое в ряду ярко раскрашенных кафе. Только оно да «Новоанглийский аптечный магазин» работали после Дня труда. Несколько секунд Джек переминался с ноги на ногу на растрескавшемся бетонном тротуаре. Это кафе тоже не слишком уж подходило Любимице Автокино. Но это было ближайшее место для поисков, поэтому он пересек тротуар и прижался носом к витрине.

У кассового аппарата сидела женщина с забранными вверх светлыми волосами и курила. Официантка в розовом платье из вискозы привалилась к дальней стене. Посетителей Джек не видел. Затем за одним из столиков, в той части кафе, что находилась ближе к «Альгамбре», он заметил пожилую женщину, поднимавшую чашку. Похоже, единственную посетительницу. Джек наблюдал, как женщина ставит чашку на блюдце, достает из сумки сигареты, и тут у него засосало под ложечкой: это же его мать. Мгновением позже ощущение, что она старая, исчезло.

Но Джек его запомнил — он словно смотрел на мать через бифокальные очки, видел и Лили Кавано Сойер, и хрупкую старую женщину в одном теле.

Джек осторожно открыл дверь, однако висевшие над ней колокольчики — он предполагал, что так и будет — все равно затренькали. Блондинка, сидевшая за кассой, с улыбкой кивнула ему. Официантка выпрямилась и разгладила платье. Мать повернулась с написанным на лице искренним удивлением, а потом широко ему улыбнулась.

— Знаешь, Странствующий Джек, ты такой высокий, что выглядел совсем как твой отец, когда вошел в дверь. Иногда я даже забываю, что тебе только двенадцать.

3

— Ты назвала меня Странствующим Джеком. — Он отодвинул стул и сел за ее столик. На слишком бледном лице Лили мешки под глазами выглядели как синяки.

— Разве не так называл тебя отец? Вдруг вспомнилось... Все это утро ты где-то странствуешь.

— Он называл меня Странствующим Джеком?

— Что-то вроде этого... конечно, называл. Когда ты был совсем крошкой. Странник Джек, — поправилась она. — Вот как. Он называл тебя Странник Джек... когда ты ползал по лужайке. Думаю, шутил. Между прочим, дверь я оставила открытой. Не знала, вспомнил ли ты, что надо брать с собой ключ.

— Я видел, — ответил он, переваривая новую информацию, вскользь оброненную матерью.

— Хочешь позавтракать? Я просто не смогла заставить себя поесть в отеле.

Подошла официантка.

— Молодой человек? — Она подняла блокнотик, приготовившись записывать.

— С чего ты решила, что я найду тебя здесь?

— А куда еще тут можно пойти? — с железной логикой спросила Лили и повернулась к официантке. — Принесите ему сытный завтрак. Он растет по дюйму в день.

Джек откинулся на спинку стула. С чего начать?

Мать с любопытством смотрела на него, и он начал... ему пришлось.

— Мама, если мне придется на какое-то время уйти, с тобой все будет в порядке?

— Что значит, в порядке? И что значит, тебе придется на какое-то время уйти?

— Ты сможешь... у тебя будут проблемы с дядей Морганом?

— Со стариной Слоутом я разберусь. — Она натянуто улыбнулась. — Еще на какое-то время меня хватит. О чем ты говоришь, Джеки? Ты никуда не пойдешь.

— Я должен, — ответил он. — Честно. — И понял, что говорит, как ребенок, выпрашивающий игрушку. К счастью, подошла официантка с тостом на подносе и большим стаканом томатного сока. Он отвернулся, а когда вновь посмотрел на мать, та намазывала тост вареньем из баночки, что стояла на столе.

— Я должен уйти. — Мать протянула ему тост, на ее лице отразилась какая-то мысль, но она ничего не сказала. — Некоторое время ты меня не увидишь, мама. Я хочу попытаться тебе помочь. Поэтому и должен уйти.

— Помочь мне? — спросила она, и Джеку пришлось признать, что ее хладнокровие процентов на семьдесят пять естественное.

— Я хочу попытаться спасти твою жизнь.

— Всего-то?

— Я могу это сделать.

— Ты можешь спасти мою жизнь. Это впечатляет, Джеки-бой. Когда-нибудь попадешь в прайм-тайм. Никогда не думал заняться планированием сетки программ какого-нибудь телеканала? — Она положила вымазанный красным нож, и ее глаза насмешливо округлились. Но под нарочитым непониманием Джек заметил и полыхнувший пламенем ужас, и слабую, едва заметную надежду, что он действительно может что-то сделать.

— Даже если ты мне запретишь, я все равно это сделаю. Так что тебе лучше разрешить.

— Удивительное предложение. Если учесть, что я не имею ни малейшего представления о твоих намерениях.

— Я думаю, имеешь... я думаю, какое-то представление у тебя есть, мама. Потому что папа сразу бы понял, о чем я говорю.

Ее щеки покраснели. Рот превратился в тонкую полоску.

— Это так несправедливо, просто подло, Джеки. Ты не вправе обращать то, что мог знать Филип, против меня.

— Что он знал — не то, что мог знать.

— Это все собачье дерьмо, сыночек.

Официантка, ставя перед Джеком тарелку с яичницей, жареным картофелем и сосисками, шумно вдохнула.

Когда она отошла, Лили пожала плечами.

— Не могу выбрать правильный тон со здешней обслугой. Но собачье дерьмо есть собачье дерьмо и останется собачьим дерьмом, цитируя Гертруду Стайн.

— Я хочу спасти твою жизнь, мама, — повторил Джек. — Для этого мне придется пройти долгий путь и принести кое-что сюда. Именно это я и собираюсь сделать.

— Хотелось бы мне знать, о чем ты говоришь.

Прямо-таки обычный разговор, сказал себе Джек, совершенно обычный, будто речь идет о просьбе провести пару дней в доме приятеля. Он разрезал сосиску на две части, одну отправил в рот. Мать внимательно наблюдала за ним. Прожевав и проглотив половину сосиски, Джек принялся за яичницу. Бутылка Спиди камнем прижималась к его телу.

— Я также хочу, чтобы ты не вела себя так, будто не слышишь тех коротких фраз, с которыми я обращаюсь к тебе, какими бы глупыми они тебе ни казались. — Джек невозмутимо проглотил яичницу и отправил в рот несколько ломтиков соленого, с хрустящей корочкой, картофеля.

Лили сложила руки на коленях. Чем дольше он молчал, тем с большим вниманием она ждала, что он скажет еще. Джек вроде бы сосредоточился на завтраке: яичница-сосиска-картофель, сосиска-картофель-яичница, картофель-яичница-сосиска — пока не почувствовал, что мать вот-вот накричит на него.

Мой отец называл меня Странником Джеком, подумал он. *Это правильно. Как я понимаю, очень даже правильно.*

— Мама, — заговорил он первым, — иногда отец звонил тебе издалека, хотя ты знала, что он должен быть в городе?

Она приподняла брови.

— Иной раз ты заходила в комнату, думая, что он там, может, даже зная, что он там... но его не было?

Пусть над этим подумает.

— Нет.

На мгновение повисла тишина.

— Почти никогда.

— Мама, это случалось и со мной.

— Всегда находилось объяснение, тебе это известно.

— Мой отец — это ты точно знаешь — объяснять умел. Особенно то, что объяснить нельзя. Это у него получалось отлично. Отчасти именно поэтому он и был таким хорошим агентом.

Опять она промолчала.

— Что ж, я знаю, куда он отправлялся, — продолжил Джек. — Я там побывал. Этим утром. И если попаду туда снова, смогу попытаться спасти твою жизнь.

— *От тебя не требуется спасать мою жизнь, ни от кого не требуется ее спасать*, — прошипела мать. Джек, глядя в пустую тарелку, что-то пробормотал. — Что ты там шепчешь?

— Я сказал, думаю, что требуется. — Он встретился с ней взглядом.

— Допустим, я спрошу, как ты собираешься спасать мою жизнь?

— Я не смогу ответить. Потому что сам еще до конца не понимаю. Мама, я все равно не хожу в школу... дай мне шанс. Возможно, меня не будет неделю или около того.

Она приподняла брови.

— Или чуть дольше, — признал он.

— Я думаю, ты рехнулся. — Но он видел, что в глубине души ей хочется ему поверить, и следующие слова Лили это доказали. — Если... *если*... я настолько обезумею, что

позволю тебе отправиться в это загадочное путешествие, у меня должна быть уверенность, что тебе не будет грозить опасность.

— Папа всегда возвращался, — заметил Джек.

— Я бы предпочла рисковать своей жизнью, а не твоей. — И правда ее слов надолго повисла между ними.

— Я позвоню, когда смогу. Но ты особенно не волнуйся, если пара недель пройдет без моего звонка. Я обязательно вернусь, как всегда возвращался отец.

— Все это чистое безумие, — вздохнула она. — И я сумасшедшая. Как ты доберешься до того места, куда должен попасть? И где оно? Денег тебе хватит?

— У меня есть все, что нужно, — сказал он, надеясь, что она не будет требовать ответа на первые два вопроса. Пауза затянулась, и ему пришлось ее прервать. — Наверное, большую часть пути мне придется пройти пешком. Я не могу много об этом говорить, мама.

— Странник Джек. Я почти могу поверить...

— Да, — оборвал ее Джек. — *Да*, — закивал он. *И возможно, ты знаешь часть того, что знает она, настоящая королева, и поэтому так легко отпускаешь меня.* — Это правильно. Я тоже могу поверить. А потому все будет хорошо.

— Что ж... если ты говоришь, что уйдешь, что бы я ни сказала...

— Уйду.

— ...тогда не имеет значения, что я скажу. — Она встретилась с ним взглядом. — Впрочем, имеет, я знаю. Я хочу, чтобы ты вернулся как можно быстрее, сынок. Ты же не уйдешь прямо сейчас?

— Я должен. — Он глубоко вдохнул. — Я должен уйти немедленно. Как только встану из-за стола.

— Я почти поверила в эту сказочку. Ладно, ты же сын Фила Сойера. Ты не приглядел себе здесь девчонку? — Она пристально посмотрела на него. — Нет. Никакой дев-

чонки. Хорошо. Спасай мою жизнь. Иди. — Она покачала головой, и он подумал, что у нее еще сильнее заблестели глаза. — Если должен, убирайся отсюда. Позвони мне завтра.

— Если смогу. — Он встал.

— Если сможешь. Разумеется. Прости меня. — Она отвела взгляд, словно ее что-то заинтересовало на столе, и уставилась в пустоту. На ее щеках горели красные пятна.

Джек наклонился и поцеловал мать, но Лили только отмахнулась. Официантка смотрела на них, будто они разыгрывали пьесу. Несмотря на сказанное матерью, Джек полагал, что ему удалось снизить уровень ее недоверия процентов до пятидесяти, а это означало, что теперь она уже и не знала, во что верить.

Она коротко глянула на него, и он увидел, что ее глаза блестят еще ярче. От злости? От слез?

— Береги себя. — И Лили подозвала официантку.

— Я тебя люблю.

— Никогда не заканчивай разговор этой фразой. — Теперь она почти улыбалась. — Отправляйся странствовать, Джек. Отправляйся, пока я не осознала, какое это безумие.

— Я ушел. — Он повернулся и вышел из кафе. Голову распирало, словно кости черепа уже не умещались в покрывавшей их плоти. Солнечный свет ударил по глазам. Джек услышал, как хлопнула дверь «Чая с вареньем» через мгновение после звяканья колокольчиков. Моргнул. Пересек Аркадия-авеню, даже не посмотрев, нет ли на дороге автомобилей. Только на противоположном тротуаре понял, что должен вернуться в их номер, чтобы взять кое-какую одежду. Его мать еще не вышла из кафе к тому моменту, когда Джек открывал тяжелую дверь отеля.

Портье отступил на шаг и мрачно смотрел на Джека. Мальчик чувствовал, что тот кипит от каких-то эмоций, но в первую секунду не мог вспомнить, с чего ему злиться.

Разговор с матерью — на самом деле гораздо более короткий, чем он ожидал — длился едва ли не вечность. А на другом берегу этого обширного залива времени, который Джек пересек, пребывая в «Чае с вареньем», он обозвал портье уродом. Извиниться? Он уже не помнил, что именно вызвало у него вспышку гнева...

Мать согласилась на его уход — дала ему разрешение отправиться в путешествие, и, проходя под перекрестным огнем взглядов портье, Джек наконец-то понял, в чем причина. Он не упомянул Талисман, но если бы и упомянул — если бы рассказал о самом безумном аспекте своей миссии, — она приняла бы и это. И если бы он сказал, что собирается принести бабочку длиной в фут и запечь ее в духовке, мать согласилась бы съесть запеченную бабочку. И это было бы немного смешное, но самое настоящее соглашение. До чего же ей страшно, раз она готова хвататься даже за такие соломинки.

Но она хваталась. Потому что на каком-то уровне подсознания понимала: это не соломинки, а крепкие канаты. Его мать разрешила ему уйти, потому что где-то глубоко-глубоко знала о Долинах.

Просыпалась ли она иной раз по ночам с именем Лаура Делессиан, звучащим в голове?

Поднявшись в номер, Джек наполнил рюкзак почти не глядя: в него отправлялись все вещи небольшого размера, которые пальцы находили в ящиках комода. Рубашки, носки, свитер, трусы. Джек плотно скатал светло-коричневые джинсы и тоже засунул в рюкзак. Потом понял, что рюкзак слишком тяжелый, и вытащил большую часть носков и рубашек. Свитер тоже. В последний момент вспомнил про зубную щетку. Когда надевал лямки на плечи, ощутил вес на спине — не такая и тяжесть. Он мог идти целый день с этими несколькими фунтами.

Мгновение Джек постоял в пустой гостиной их номера, чувствуя — неожиданно остро, — что ему не с кем и не

с чем прощаться. Он знал, что мать вернется в номер лишь после его ухода: если бы она увидела его сейчас, никуда бы не отпустила. Он не мог попрощаться с этими тремя комнатами, как попрощался бы с домом, который любил: комнаты отеля воспринимали уход постояльца безо всяких эмоций. В конце концов он подошел к телефонному аппарату, взял лежавший рядом блокнот с изображением отеля на дешевой бумаге и длинным тупым карандашом с логотипом «Альгамбры» написал три строчки, в которые вложил все, что хотел сказать:

Спасибо
Я тебя люблю
И вернусь

4

Джек шел по Аркадия-авеню под слабеньким северным солнцем, гадая, где ему... прыгнуть. Слово вроде бы подходящее. И следует ли ему повидаться со Спиди, прежде чем он «прыгнет» в Долины? Джек чувствовал, что ему просто необходимо поговорить со Спиди еще раз, потому что он почти ничего не знал о местах, куда направлялся, о людях, которых мог там встретить, о предмете (*словно шар из хрусталя*), который следовало найти. Это все, что собирался сказать ему Спиди о Талисмане? Не считая предупреждения, что его нельзя ронять? Джека едва не мутило от ощущения, что он не готов к путешествию... словно перед выпускным экзаменом по дисциплине, о которой слышишь впервые.

Он также чувствовал, что готов прыгнуть прямо сейчас, так ему не терпелось начать, двинуться в путь, сорваться с места. *Я должен вновь перенестись в Долины*, внезапно осознал Джек: он жаждал этого всеми фибрами души. Хотел вдохнуть воздух тех мест, буквально задыхался без него. До-

лины звали: длинные равнины, окруженные грядами низких гор, луга с высокой травой, змеящиеся по ним речки. Джеку не терпелось все это увидеть. И он мог достать из кармана бутылку и заставить себя глотнуть этого ужасного сока, если бы в тот самый момент не увидел прежнего ее обладателя, который сидел на корточках, привалившись спиной к дереву и обхватив руками колени. Рядом с ним лежал пакет из плотной коричневой бумаги, а на пакете — огромный сандвич, вроде бы с ливерной колбасой и луком.

— Ты уже отправился. — Спиди улыбался. — Двинулся в путь, как я погляжу. Попрощался? Твоя мама знает, что какое-то время ты не будешь ночевать дома?

Джек кивнул, и Спиди протянул ему сандвич.

— Ты голоден? Для меня он слишком большой.

— Я уже поел, — ответил мальчик. — Я рад, что могу попрощаться с тобой.

— Старина Джек спешит, торопится уйти. — Спиди склонил голову набок. — Нельзя задерживать мальчика.

— Спиди?

— Но ты не можешь уйти, не взяв с собой пары вещиц, которые я приготовил для тебя. Все в пакете. Посмотришь?

— Спиди? — Старик, прищурившись, смотрел на него. — Ты знал, что мой отец называл меня Странник Джек?

— Может, где-то и слышал. — Спиди улыбнулся. — Подойди и посмотри, что я тебе принес. Плюс я должен сказать, куда тебе пойти прежде всего. Правда?

Облегченно вздохнув, Джек пересек тротуар, направившись к дереву Спиди. Тот переложил сандвич на колени и придвинул к себе пакет.

— Счастливого Рождества. — Он вытащил из пакета потрепанную узкую книгу в обложке. Джек увидел, что это дорожный атлас «Рэнд Макнэлли».

— Спасибо. — Джек взял атлас из протянутой руки Спиди.

— Там никаких карт нет, так что старайся держаться дорог, указанных в «Рэнд Макнэлли». Тогда ты будешь знать, где находишься.

— Хорошо. — Джек снял рюкзак, чтобы положить в него атлас.

— Следующая вещь не должна отправиться в твой модный рюкзак, который ты понесешь на спине. — Спиди вернул сандвич на бумажный пакет и поднялся одним плавным движением. — Нет, ты должен носить эту штуку в кармане. — Он сунул руку в карман рубашки. Достал: между средним и безымянным пальцами, совсем как один из «Тэрритунов» Лили, был зажат белый треугольник. Мальчику понадобилось лишь мгновение, чтобы понять, что это медиатор. — Возьми и держи при себе. Ты захочешь показать его одному мужчине. Он тебе поможет.

Джек повертел медиатор в пальцах. Он никогда таких не видел — из слоновой кости, с резными ажурными узорами и линиями, отчего возникало ощущение, что медиатор исписан какими-то инопланетными словами. Внешне прекрасный, он показался Джеку слишком тяжелым, чтобы использовать его для игры на гитаре.

— Кто этот человек? — спросил Джек. Медиатор он сунул в карман джинсов.

— Большой шрам на лице — ты увидишь его достаточно скоро, после того как окажешься в Долинах. Он стражник. Если на то пошло, капитан Внешней стражи. Он отведет тебя к даме, с которой ты должен повидаться. Чтобы ты знал и другую причину, по которой берешься за это дело. Он мой тамошний друг, он поймет, что ты делаешь, и найдет способ устроить тебе встречу с дамой.

— Эта дама... — начал Джек.

— Да, — кивнул Спиди. — Ты это усек.

— Она королева.

— Хорошенько всмотрись в нее, Джек. Ты увидишь то, что должен увидеть, когда встретишься с ней. Ты увидишь,

какая она, понимаешь? Потом ты отправишься на запад. — Спиди стоял, пристально глядя на него, словно сомневаясь, что когда-нибудь еще увидит Джека Сойера, а потом морщины на его лице дернулись. — Остерегайся этого Блоута. Не подпускай его к себе... ни его самого, ни его двойника. Старина Блоут скоро выяснит, куда ты пошел, если ты не будешь соблюдать осторожность, а когда выяснит, бросится за тобой, как лис за гусем. — Спиди сунул руки в карманы и вновь уставился на Джека. Чувствовалось, что большего он сказать не может и сожалеет об этом. — Добудь Талисман, сынок, — заключил он. — Добудь и принеси его сюда. Он будет тебе тяжелой ношей. Но ты должен эту ношу выдержать.

Джек до такой степени сосредоточился на словах Спиди, что даже прищурился, вглядываясь в морщинистое лицо старика. Мужчина со шрамом. Капитан Внешней стражи. Королева. Морган Слоут, который бросится за ним, как хищник. Нехорошее место на другом побережье страны. Ноша.

— Ладно. — И вдруг ему очень захотелось вернуться в «Чай с вареньем», под материнское крыло.

Спиди весело, тепло улыбнулся.

— Да. Старина Странник Джек готов отправиться в путь. — Улыбка стала шире. — Пора тебе глотнуть этого удивительного сока, что скажешь?

— Пожалуй, да. — Джек вытащил темную бутылку из кармана, свинтил крышку. Посмотрел на Спиди, чьи светлые глаза не отрывались от его глаз.

— Спиди поможет тебе при первой же возможности.

Из бутылки поднимался сладковатый запах гнили. Джек почувствовал, как горло сжал непроизвольный спазм. Он кивнул, моргнул, поднес бутылку к губам, наклонил. Неприятный вкус наполнил рот. Желудок дернулся. Джек глотнул, и обжигающая жидкость потекла по горлу.

Задолго до того, как Джек открыл глаза, он понял — по разнообразию и интенсивности запахов, — что прыгнул в Долины. Лошади, трава, дурманящий запах сырого мяса, пыль; и чистейший воздух.

ИНТЕРЛЮДИЯ
Слоут в этом мире (I)

— Я знаю, что работаю слишком много, — в тот вечер говорил Морган Слоут своему сыну Ричарду. Они общались по телефону, Ричард — стоя у автомата в коридоре первого этажа общежития, его отец — сидя за столом в своем кабинете, расположенном на последнем этаже здания в Беверли-Хиллз, приобретение которого стало одной из первых и самых удачных сделок компании «Сойер и Слоут». — Но вот что я скажу тебе, малыш. Очень часто, чтобы получилось как надо, приходится все делать самому. Особенно если дело касается семьи моего умершего партнера. Надеюсь, поездка будет короткой. Вероятно, я все улажу в этом чертовом Нью-Хэмпшире менее чем за неделю. Когда будет поставлена точка, я тебе позвоню. Может, отправимся покататься на поезде в Калифорнию, как в прежние времена. Справедливость еще восторжествует. Верь своему старику.

Сделку по этому зданию Слоут вспоминал с чувством глубокого удовлетворения, потому что в ней в полной мере отразилось его стремление делать все самому. Уладив связанные с покупкой проблемы — сначала с краткосрочными арендаторами, потом (после серии судебных разбирательств) с долгосрочными, — они с Сойером зафиксировали арендную плату за квадратный фут, провели необходимый ремонт и дали объявления, приглашая новых арендаторов. Им не удалось избавиться только от одного — китайского ресторана на первом этаже, платившего

треть той суммы, которую могло приносить это помещение. Слоут попытался договориться с китайцами по-хорошему, но едва разговор касался повышения арендной платы, они разом утрачивали способность говорить по-английски и понимать хоть слово, сказанное на этом языке. Так прошло несколько дней, а потом Слоут случайно увидел, как кухонный рабочий выносит бак с растопленным жиром через заднюю дверь. У Слоута тут же поднялось настроение. Он последовал за рабочим в темный узкий тупик. Увидел, как тот выливает жир в мусорный контейнер. Этого ему хватило с лихвой. Днем позже проволочный забор отделил тупик от ресторана, а еще через день инспектор отдела здравоохранения нагрянул в ресторан с проверкой и наложил немалый штраф. Теперь кухонным рабочим приходилось выносить мусор, в том числе и жир, через обеденный зал, а потом по отгороженному Слоутом узкому проходу вдоль витрины. Дела у ресторана пошли хуже некуда: раз понюхав отбросы, клиенты отправлялись в другие заведения. К владельцам вернулось знание английского, они предложили удвоить арендную плату. Слоут ответил благодарственной речью безо всякой конкретики. В тот же вечер, подкрепившись тремя бокалами мартини, он приехал к ресторану, достал из багажника бейсбольную биту и разбил витрину. Прежде из нее открывался приятный вид на улицу, но теперь она выходила на забор, огораживавший узкий проход, в конце которого стояли металлические мусорные баки.

Он делал все это... но если на то пошло, в такие моменты он был не совсем Морганом Слоутом.

Наутро владельцы китайского ресторана попросили еще об одной встрече и предложили увеличить арендную плату в четыре раза. «Теперь вы говорите дело, — ответил Слоут каменнолицему китайцу. — И вот что я вам скажу. Чтобы доказать, что мы в одной команде, наша компания оплатит половину расходов по замене вашей витрины».

Через девять месяцев, после того как здание перешло компании «Сойер и Слоут», арендная плата настолько возросла, что первоначальные расчеты окупаемости уже казались слишком пессимистическими. Теперь это здание рассматривалось как один из самых скромных их проектов, но Морган Слоут гордился им ничуть не меньше, чем небоскребами, которые они построили в центре города. Когда он проходил мимо того места, где стоял забор — а проходил он там каждое утро, — настроение у него поднималось от одной мысли о том, как много он вложил в компанию «Сойер и Слоут». И его желание стать ее единоличным владельцем выглядело вполне логичным.

Осознание собственной правоты с новым жаром вспыхнуло во время разговора с Ричардом... в конце концов, ради Ричарда он хотел заполучить долю Фила Сойера. Именно Ричард был продолжателем рода, гарантией его бессмертия. Ему предстояло окончить одну из лучших бизнес-школ, получить юридический диплом, а потом присоединиться к компании. И тогда, полностью подготовленный, в следующем веке Ричард сможет управлять сложной и требующей тонкой настройки махиной «Сойер и Слоут». Нелепое стремление мальчишки стать химиком не могло выдержать решимости отца подавить его в зародыше: Ричард достаточно умен, чтобы увидеть: отцовская работа гораздо интереснее, не говоря уже о том, что приносит больше денег, чем экспериментирование с пробиркой над бунзеновской горелкой. Эта «исследовательско-химическая» блажь быстро пройдет, едва парень повидает настоящий мир. А если Ричарда заботит справедливое отношение к Джеку Сойеру, отец объяснит ему, что пятьдесят тысяч в год плюс гарантия обучения в колледже — не просто справедливо, а великодушно. Прямо королевская щедрость. Да и кто сказал, что Джек захочет заниматься этим бизнесом, к которому у него, вполне вероятно, нет никакой склонности?

Кроме того, нельзя забывать про несчастные случаи. Как знать, может, Джек не доживет до двадцати лет?

— Что ж, вопрос в том, чтобы уладить наконец все проблемы с собственностью, получить все акции, — говорил Слоут сыну. — Лили слишком долго пряталась от меня. Теперь у нее в голове не мозги, а творог, можешь мне поверить. Жить ей осталось меньше года. Если я не помчусь к ней сейчас, зная, где она, и не подпишу все документы, она будет и дальше тянуть резину, чтобы отдать принадлежащие ей акции опекуну... или в доверительный фонд, и я не думаю, что мама твоего друга назначит меня директором-распорядителем. Ладно, не хочу докучать тебе своими проблемами. Просто хотел сказать, что несколько дней меня не будет дома, на случай если ты позвонишь. Пришли мне, скажем, письмо. И помни про поезд, хорошо? Мы это повторим.

Мальчик пообещал написать письмо, прилежно учиться и не тревожиться о своем отце, или Лили Кавано, или Джеке.

И со временем, когда послушный сын будет учиться на последнем курсе Стэнфорда или Йеля, Слоут намеревался познакомить его с Долинами. Ричарду будет на шесть или семь лет меньше, чем ему, если брать за точку отсчета день, когда Фил Сойер, накурившись травки в их первом маленьком офисе в Северном Голливуде, сначала удивил его, потом рассердил (Слоут не сомневался, что Фил насмехается над ним) и, наконец, заинтриговал (Фил так обдолбался, что, конечно же, не мог выдумать всю эту научно-фантастическую муть о другом мире). А когда Ричард увидит Долины — уж они-то расставят в его голове все по местам, если он прежде сам до этого не додумается. Само наличие Долин не оставит камня на камне от его уверенности во всемогуществе науки.

Слоут прошелся ладонью по сверкающей лысине, потом покрутил усы. Голос сына всегда вселял в него уверен-

ность: пока сын шагает с ним в ногу, все хорошо и лучше быть не может. В Спрингфилде, штат Иллинойс, уже стемнело, и в Нелсон-Хаусе, одном из общежитий школы Тэйера, Ричард Слоут возвращался по зеленому коридору к своему столу, возможно, думая о том, как хорошо они проводили время вместе и как будут проводить, сидя в вагончике игрушечной железной дороги Моргана, построенной на побережье Калифорнии. Он уже заснет, когда реактивный самолет его отца пронесется высоко над землей в сотне миль к северу, но Морган Слоут поднимет шторку иллюминатора в салоне первого класса и выглянет в надежде увидеть лунный свет и разрыв в облаках.

Он бы хотел сразу поехать домой — дом находился в тридцати минутах от офиса, — переодеться, перекусить, может, нюхнуть кокаина, прежде чем отправиться в аэропорт. Вместо этого предстояло мчаться по автостраде в Марину: встреча с клиентом, который после устроенного скандала находился на грани вылета из фильма, и собрание защитников окружающей среды, заявлявших, что текущий проект компании «Сойер и Слоут» в Марина-дель-Рей загрязняет пляж. Дела важные и не терпящие отлагательств. Впрочем, Слоут пообещал себе, что начнет сужать список клиентов, едва только уладит все вопросы с Лили Кавано и ее сыном: он собирался поймать рыбу покрупнее. Теперь речь шла о целых мирах, а не о жалких десяти процентах. Оглядываясь назад, Слоут уже не мог понять, почему он так долго терпел Фила Сойера. Его партнер играл не для того, чтобы сорвать большой куш, и никогда не считал их дело чем-то важным. Ему не позволяли развернуться сентиментальные идеи верности и чести, он воспринимал всерьез те глупости, что говорили вступающим на путь цивилизации детям, прежде чем сорвать шоры с их глаз. Ерунда, конечно, учитывая ставки, по которым он нынче играл, — но Слоут не мог забыть, что

Сойеры у него в долгу, это точно... При мысли, сколь велик этот долг, изжога прихватила его, словно инфаркт, и, еще не дойдя до своего автомобиля на залитой солнцем стоянке за зданием, он сунул руку в карман пиджака и вытащил уже ополовиненную упаковку «Ди-джела».

Фил Сойер недооценивал его способности, и обида никуда не ушла. Поскольку Фил видел в нем дрессированную гремучую змею, которую следовало выпускать из клетки лишь при определенных, полностью контролируемых обстоятельствах, так же воспринимали его и другие. Дежурный на стоянке, деревенщина в мятой ковбойской шляпе, смотрел на него, пока он оглядывал свой маленький автомобиль в поисках царапин и вмятин. «Ди-джел» справился со жжением в груди. Слоут чувствовал, как воротник пропитывается потом. Дежурный знал, что со Слоутом лучше не заговаривать. Несколькими неделями раньше он обругал его, обнаружив маленькую царапину на дверце «БМВ». По ходу выволочки Слоут заметил, как зеленые глаза деревенщины потемнели от ярости, и его охватила такая радость, что он, не умолкая, шагнул к дежурному в надежде, что тот посмеет его ударить. Но запал у деревенщины уже иссяк, и он извиняющимся тоном предположил, что этот «пустячок» на дверце появился где-то еще. Скажем, на стоянке у ресторана. Вы же знаете, как там относятся к автомобилям, и видно вечером не так хорошо, как днем, и...

«Заткни свой вонючий рот, — осадил его Слоут. — Этот пустячок, как ты его называешь, обойдется мне в твое двухнедельное жалованье. Мне следовало бы уволить тебя, ковбой, и не делаю я этого только по одной причине: есть вероятность, примерно два процента, что ты прав. Вчера вечером, уезжая от «Чейзена», я, возможно, не посмотрел под дверную ручку. Может, ПОСМОТРЕЛ, а может, и НЕТ, но если ты заговоришь со мной снова, если произнесешь хотя бы: «Привет, мистер Слоут» или «До свида-

ния, мистер Слоут», — я уволю тебя так быстро, что ты подумаешь, будто тебе отрубили голову».

Поэтому деревенщина молча наблюдал, как Слоут осматривает автомобиль, точно зная, что любой дефект на глянце обрушит ему на голову топор. И естественно, не пытался подойти поближе ради ритуального «до свидания». Иногда из окна, выходившего на автомобильную стоянку, Слоут видел, как дежурный что-то яростно стирает с капота «БМВ», возможно, птичий помет или пятнышко грязи. Вот это и называется эффективное управление, дружок.

Выезжая со стоянки, он посмотрел в зеркало заднего вида и отметил на лице деревенщины то самое выражение, которое появилось на лице Фила Сойера в последние секунды его жизни, в далекой Юте. Слоут улыбался до самого выезда на автостраду.

Фил Сойер недооценивал способности Моргана Слоута с их первой встречи, когда они учились на первом курсе Йеля. Вполне возможно, размышлял Слоут, что недооценить его не составляло труда... пухлый восемнадцатилетний паренек из Акрона, неуклюжий, снедаемый тревогами и честолюбивыми замыслами, впервые выбравшийся за пределы Огайо. Слушая непринужденные разговоры сокурсников о Нью-Йорке, о ресторане «21», о «Сторк-клаб», о том, что они видели Брубека на Бейсн-стрит и Эрролла Гарнера* в «Вангарде», он потел, пытаясь скрыть свое невежество. «Мне нравится центральная часть города», — говорил он с нарочитой небрежностью, с мокрыми от пота ладонями, судорожно стиснув пальцы в кулаки. (По утрам Слоут не раз и не два обнаруживал на ладонях синяки от ногтей.) «Какая центральная часть?» — как-то спросил Том Вудбайн. Остальные засмеялись. «Ты знаешь,

* Дейв Брубек (1920–2012) и Эрролл Гарнер (1921–1977) — американские джазовые пианисты.

Бродвей и Виллидж. Те места». Опять смех, еще более пренебрежительный. Он не блистал красотой и ужасно одевался. Его гардероб состоял из двух костюмов, темно-серых и сшитых на человека с плечами пугала. Лысеть он начал еще в старших классах, и розовая кожа просвечивала сквозь короткие прилизанные волосы.

Нет, красавчиком Слоут никогда не был, и это тоже бесило его. В присутствии остальных он чувствовал себя сжатым кулаком. И эти утренние синяки казались маленькими смазанными фотографиями его души. Другие, все, кто интересовался театром, как он и Сойер, могли похвастаться красивым профилем, плоским животом, легкостью манер. Они небрежно устраивались в шезлонгах в «люксе» в Давенпорте, тогда как Слоут, весь в поту, оставался на ногах, чтобы не помять брюки и иметь возможность не гладить их еще несколько дней. Они иногда напоминали ему молодых богов — кашемировые свитера, наброшенные на плечи, казались золотым руном. Они намеревались стать актерами, драматургами, поэтами-песенниками. Слоут видел себя режиссером: только он, объединив усилия, мог привести их к успеху, преодолев все трудности.

Сойер и Том Вудбайн, казавшиеся Слоуту невероятно богатыми, в студенческом общежитии занимали одну комнату. Вудбайн к театру относился весьма прохладно и на занятия драматического кружка приходил за компанию с Филом. Еще один представитель золотой молодежи, выпускник частной школы, Томас Вудбайн отличался от остальных абсолютной серьезностью и прямотой. Он собирался стать адвокатом и, похоже, уже обладал неподкупностью и беспристрастностью судьи. (Если на то пошло, большинство знакомых Вудбайна утверждали, что карьера приведет его в Верховный суд, чем смущали юношу.) По шкале Слоута, Вудбайн обладал нулевым честолюбием: ему гораздо больше хотелось жить правильно,

чем жить хорошо. Разумеется, у него и так все было, а если вдруг чего-то не оказывалось, так люди тут же давали ему недостающее. И откуда, скажите на милость, взяться честолюбию, если ты донельзя избалован природой и друзьями? Слоут презирал Вудбайна на подсознательном уровне и не мог заставить себя называть его «Томми».

За четыре года обучения в Йеле Слоут поставил две пьесы: «Нет выхода», которую студенческая газета охарактеризовала как «яростный кавардак», и «Хитрого лиса»*. Об этой пьесе написали, что она «бурлящая, циничная, мрачная и невероятно суетливая». Все это привнес в пьесы, конечно же, Слоут. Может, на режиссера он все-таки не тянул. Его видение спектакля получалось чересчур напряженным и путаным. Честолюбия у него не поубавилось, сместился лишь вектор. Если он не мог стоять за камерой, ничто не мешало ему стоять за людьми, которые находились перед ней. Примерно такие же мысли пришли в голову и Филу Сойеру: Фил никак не мог определить, куда его может завести любовь к театру, и в какой-то момент подумал, что его призвание — представлять интересы актеров и драматургов. «Давай поедем в Лос-Анджелес и откроем агентство, — предложил он Слоуту на последнем году обучения. — Это, конечно, безумная затея, и наши родители ее не одобрят, но, возможно, у нас получится. В худшем случае — поголодаем пару лет».

Фил Сойер — об этом Слоут узнал за годы учебы — к богачам отношения не имел. Он просто *выглядел* богатым.

— А когда сможем себе это позволить, возьмем Томми юристом. К тому времени он уже окончит юридическую школу.

— Да, конечно, — кивнул Слоут, думая, что Вудбайна он к их компании близко не подпустит. — И как мы себя назовем?

* Пьесы Жана Поля Сартра (1944) и Бена Джонсона (1606), соответственно.

— Как тебе нравится «Слоут и Сойер»? Или наоборот?

— «Сойер и Слоут», конечно, лучше, — ответил Слоут, но внутри у него все кипело от ярости, словно будущий партнер и тут намекнул, что ему вечно придется стоять позади Сойера.

Как и предполагал Сойер, ни тем ни другим родителям идея не приглянулась, но партнеры новорожденного агентства еще не признанных талантов отправились в Лос-Анджелес на старом «десото» (автомобиль принадлежал Моргану — еще одно свидетельство неоплатного долга Сойера), открыли офис в одном из зданий Северного Голливуда, населенном крысами и блохами, и принялись ходить по ночным клубам, раздавая только что отпечатанные визитки. На протяжении почти четырех месяцев все их усилия шли прахом. К ним обратились: комик, обычно слишком пьяный, чтобы кого-то рассмешить, писатель, который не умел писать, и стриптизерша, которая настаивала на оплате наличными, чтобы не отдавать агентам их долю. Но как-то во второй половине дня, под воздействием виски и марихуаны, Фил Сойер, идиотски хихикая, рассказал Слоуту о Долинах.

Знаешь, что я могу, ты, честолюбивый сукин сын? Я могу путешествовать, партнер. Далеко-далеко.

Вскоре после этого — теперь они оба путешествовали — Фил Сойер на вечеринке в студии встретил перспективную актрису, и часом позже у них появился первый важный клиент. У актрисы нашлись три подруги, также недовольные своими агентами. Бойфренд одной из подруг написал действительно приличный сценарий, и ему требовался агент. А один приятель бойфренда... Еще не закончился третий год их совместной работы, а они уже обжились в большом офисе, снимали хорошие квартиры, имели свой кусок голливудского пирога. Долины — Слоут это признавал, не понимая, как такое могло быть, — их благословили.

Сойер занимался клиентами, Слоут — деньгами, инвестициями, финансовой стороной деятельности агентства. Сойер тратил деньги — ленчи, билеты на самолет, — Слоут их экономил, и другого оправдания для того, чтобы прикарманивать часть прибыли, ему не требовалось. Именно Слоут настаивал на том, чтобы агентство расширяло сферу деятельности, занялось строительством, сделками с недвижимостью, вкладывалось в постановку фильмов. К тому времени, когда Томми Вудбайн прибыл в Лос-Анджелес, оборот агентства «Сойер и Слоут» составлял многие миллионы.

Слоут обнаружил, что по-прежнему терпеть не может бывшего однокурсника. Томми Вудбайн располнел на тридцать фунтов и своим видом — синие костюмы-тройки — и поведением еще больше походил на судью. Его щеки всегда пылали румянцем (Слоут задавался вопросом, а не алкоголик ли он), говорил он доброжелательно и весомо, как и прежде. Прошедшие годы оставили на нем свою метку: в уголках глаз появились маленькие морщинки, а сами глаза стали куда более настороженными, чем у золотого мальчика из Йеля. Слоут едва ли не сразу понял (и знал, что Фил Сойер этого не заметит, пока ему не скажут), что Томми Вудбайн хранил жуткую тайну: кем бы ни был золотой мальчик из Йеля, теперь Томми — гомосексуалист. Или гей. И это все сразу упростило... а впоследствии он смог без труда избавиться от Томми.

Потому что пидоров всегда убивают, верно? И мог ли кто-нибудь действительно хотеть, чтобы двухсотдесятифунтовый педик нес ответственность за воспитание подростка? Можно сказать, что Слоут всего лишь спас Фила Сойера от посмертных последствий серьезной ошибки, которой стало принятое им решение. Если бы Сойер назначил Слоута исполнителем завещания и опекуном сына, не возникло бы никаких проблем. А так убийцы из Долин — те, что ранее провалили похищение мальчика, —

проехали на красный свет, и их едва не арестовали до того, как они успели вернуться домой.

Все было бы гораздо проще, уже, наверное, в тысячный раз говорил себе Слоут, если бы Фил Сойер не женился. Нет Лили — нет Джека, нет Джека — нет проблем. Фил скорее всего и не заглянул в заботливо собранные Слоутом сведения о прежней жизни Лили Кавано: там подробно описывалось, с кем, когда и как часто, и эта информация должна была убить романтику с той же легкостью, с какой черный фургон размазал Томми Вудбайна по асфальту. Если Сойер и прочитал эти тщательно подобранные материалы, они не произвели на него никакого впечатления. Он хотел жениться на Лили Кавано — и женился. Как его чертов двойник женился на королеве Лауре. Еще один просчет. Но отплаченный той же монетой, что представлялось вполне уместным.

А это означало, удовлетворенно подумал Слоут, что после утряски последних деталей все встанет на свои места. По прошествии стольких лет его мечта воплотится: из Аркадия-Бич он вернется единственным владельцем компании «Сойер и Слоут». И в Долинах ситуация близится к разрешению: балансирующая на краю страна готова свалиться в руки Моргана. Как только королева умрет, власть перейдет к помощнику ее усопшего супруга, и он тут же введет все изменения, уже обговоренные им и Слоутом. *А потом деньги потекут рекой*, подумал Слоут, сворачивая с автострады в Марина-дель-Рей. *Потом все потечет рекой.*

Его клиент, Ашер Дондорф, жил в нижней половине нового кондоминиума на одной из тесных улочек у самого моря. Дондорф, старый характерный актер, в конце семидесятых приобрел необычайную популярность благодаря одному телесериалу: он сыграл роль домовладельца, сдающего квартиру молодой паре — частным детективам, милым, как детеныши панды, — звездам сериала. После по-

явления в первых сериях Дондорф получил столько писем, что сценаристы расширили его роль, прописав ему отцовскую заботу о молодой паре, позволили найти разгадку двух или трех убийств, подвергли смертельной опасности и так далее. Его жалованье удвоилось, утроилось, учетверилось, а когда через шесть лет сериал закончился, ему пришлось вернуться в кино. И в этом заключалась проблема. Дондорф полагал себя звездой, но студии и продюсеры видели в нем характерного актера — популярного, да, но не представляющего особой ценности. Дондорф требовал цветы в гримерной, собственного парикмахера и специалиста по сценической речи, хотел больше денег, больше уважения, больше любви, больше всего. Короче, вел себя как идиот.

Поставив автомобиль на крохотную стоянку, Слоут вылез из кабины, следя за тем, чтобы не поцарапать дверцу о кирпичную стену. И внезапно осознал: если в ближайшие дни он выяснит, даже заподозрит, что Джеку Сойеру известно о существовании Долин, мальчишке не жить. Потому что есть такое понятие, как неприемлемый риск.

Слоут улыбнулся сам себе, бросил в рот еще одну таблетку «Ди-джела» и постучал в дверь кондоминиума. Он уже знал наверняка: Ашер Дондорф покончит с собой. Сделает это в гостиной, чтобы создать максимум проблем. Такой темпераментный говнюк, как уже почти бывший клиент Слоута, придумает максимально грязный способ самоубийства, чтобы по полной программе отомстить банку, в котором лежит его закладная. Когда бледный, трясущийся Дондорф открыл дверь, Слоут поприветствовал его с искренней теплотой.

Часть вторая
ДОРОГА ИСПЫТАНИЙ

Глава 6
ПАВИЛЬОН КОРОЛЕВЫ

1

Остроконечные травинки перед глазами Джека казались застывшими и длинными, как сабли. Они резали бы ветер — не сгибались перед ним. Джек застонал, поднимая голову: он не мог держаться с таким достоинством. Желудок еще угрожающе трепыхался, лоб и глаза горели. Джек заставил себя подняться на колени, потом на ноги. Длинная телега, запряженная лошадью, приближалась к нему по пыльному проселку, и возница, бородатый краснолицый мужчина, размерами и формой не слишком отличавшийся от деревянных бочек, которые громыхали у него за спиной, глазел на мальчика. Джек кивнул и попытался внимательно рассмотреть мужчину, одновременно прикидываясь слоняющимся без дела мальчишкой, возможно, убежавшим из дома без разрешения родителей, чтобы всласть выспаться. В вертикальном положении его уже не мутило. Более того, после отъезда из Лос-Анджелеса он еще никогда так хорошо себя не чувствовал: не просто совершенно здоровым, но пребывающим в полной гармонии со своим телом. Теплый легкий ветерок Долин мягко гладил щеки — и Джек ощущал нежный цветочный аромат самого воздуха: его не мог полностью перебить более силь-

ный запах сырого мяса, приносимый тем же ветерком. Джек прошелся ладонями по лицу и украдкой взглянул на возницу, первого человека, встреченного им в Долинах.

Если мужчина обратится к нему, как отвечать? Говорят ли здесь на английском? На его английском? Джек представил, как пытается сойти за своего в мире, где в ходу: «Скажи на милость» или «Поведай, куда держишь путь, юный паж?» — и решил, что в такой ситуации лучше прикинуться немым.

Возница наконец-то оторвал взгляд от Джека и что-то сказал лошадям, определенно не на американском английском восьмидесятых. Но возможно, так здесь говорили только с лошадьми. *Шлеп, шлеп.* Джек попятился в морскую траву, сожалея, что не успел подняться несколькими секундами раньше. Возница вновь посмотрел на него и удивил Джека, кивнув ему. Дружелюбия в кивке не чувствовалось, враждебности тоже — просто общение на равных. *Я буду рад, когда этот рабочий день закончится, брат.* Джек кивнул в ответ, попытался сунуть руки в карманы и настолько изумился, что наверняка выглядел полным придурком. Возница рассмеялся, безо всякой злобы.

Одежда Джека изменилась. Вельветовые джинсы уступили место просторным штанам из грубой шерсти. Выше талии тело облегала куртка из мягкого синего материала. Пуговицы на куртке — или это был камзол? — заменял ряд крючков и петель. Как и штаны, куртку, безусловно, сшили вручную. Кроссовки «Найк» превратились в кожаные сандалии. Рюкзак трансформировался в кожаный мешок с тонкой лямкой на плече. Возница одевался по той же моде, только его камзол был из кожи. Множество пятен накладывалось друг на друга, как годовые кольца на срезе дерева.

В грохоте и пыли телега прокатила мимо. От бочек тянуло дрожжевым запахом пива. За бочками тремя стопками лежали, как показалось Джеку, покрышки от грузови-

ка. Он вдохнул запах «покрышек», одновременно отметив, что все они совершенно лысые. Этот сливочный запах, полный тайных глубин и утонченных удовольствий, мгновенно вызвал у него чувство голода. Сыр, но сыр, какого он никогда не пробовал. За колесами сыра, в задней части телеги, высилась гора сырого мяса: освежеванные бока, большие куски вырезки, липкие потроха, определить принадлежность которых он не мог, — все это лежало под поблескивающим слоем мух. Крепкий запах свеженины навалился на Джека, разом убив аппетит, разбуженный сыром. Он вышел на дорогу, повернулся вслед проехавшей телеге и наблюдал, как она, покачиваясь, приближается к гребню невысокого холма. Пару секунд спустя Джек двинулся следом, на север.

Он преодолел только половину подъема, когда увидел верхушку большой палатки, застывшую среди узких колышущихся флагов. Джек полагал, что ему нужно именно туда. Еще несколько шагов привели его к кустам ежевики, где он притормозил в прошлый раз. Вспомнив, какая она вкусная, Джек бросил в рот две огромные ягоды. Теперь он видел всю палатку. Не палатку вовсе, а большущий павильон: длинные крылья с каждой стороны, ворота, двор. Как и «Альгамбра», это необычное сооружение — летний дворец, подсказала Джеку интуиция — стояло над океаном. Небольшие группы людей скрывались в павильоне и выходили из него, движимые невидимыми, но могущественными силами, — железные опилки под действием магнита. Группы эти встречались, разделялись, сливались вновь.

Некоторые люди носили яркую, по виду дорогую одежду, но большинство одевалось, как Джек. Несколько женщин в белых сверкающих платьях или мантиях вышагивали по двору, важные, как генералы. По обе стороны от ворот Джек видел палатки поменьше и наспех сколоченные деревянные лачуги. Там тоже хватало людей: они ели, или что-то покупали, или разговаривали, только более

свободно и хаотично. Где-то в этой толпе ему предстояло найти мужчину со шрамом.

Но сначала он оглянулся, посмотрел вниз, чтобы понять, что произошло с «Веселой страной».

Увидев двух маленьких черных лошадок, тянувших плуги ярдах в пятидесяти от него, Джек подумал, что парк развлечений стал фермой, но тут заметил толпу, наблюдавшую за вспашкой с границы поля, и понял, что это какое-то состязание. Потом его взгляд остановился на здоровенном рыжеволосом мужчине, голом по пояс, который кружился как волчок. В вытянутых руках он держал какой-то длинный тяжелый предмет. Мужчина резко перестал вращаться и выпустил предмет из рук, а тот проделал долгий путь, прежде чем с глухим стуком взрыть траву. Только тут стало понятно, что это молот. «Веселая страна» превратилась в ярмарку — не ферму. Теперь Джек видел столы, ломившиеся от еды, детей на плечах отцов.

Ходил ли где-то там Спиди Паркер, проверяя, что все ремешки и упряжи в полном порядке, а в каждой печи достаточно дров? Джек надеялся, что да.

А его мать по-прежнему сидела в «Чае с вареньем», гадая, почему разрешила ему уйти?

Джек обернулся к вершине подъема и увидел, как длинная телега миновала ворота летнего дворца и свернула налево, разделяя людей при движении, как автомобиль, сворачивающий с Пятой авеню, разделяет пешеходов на поперечной улице. Мгновением позже он последовал за телегой.

2

Он боялся, что люди у павильона будут таращиться на него, мгновенно почувствовав, что он не такой, как они. Джек старался не поднимать глаз и изображал мальчика, посланного со сложным поручением: найти и принести вещи по длинному списку и ничего не забыть. *Лопата, две тяпки,*

моток шпагата, бутылка гусиного жира... Но Джек быстро понял, что никто из взрослых у летнего дворца не обращает на него никакого внимания. Они куда-то спешили или слонялись без дела, осматривали товары — ковры, железные котлы, браслеты, — выложенные в маленьких палатках, пили из деревянных кружек, дергали кого-то за рукав, чтобы что-то прокомментировать или завязать разговор, спорили со стражниками у ворот — каждый занимался исключительно своим делом. Так что стремление Джека казаться невидимым представлялось излишним и даже нелепым. Он распрямился, поднял голову и двинулся в нужном ему направлении — к воротам, пусть и не прямо, а по неровной дуге.

Почти сразу он понял, что не сможет просто войти в ворота — с обеих сторон стояли стражники, останавливавшие и допрашивавшие практически каждого, кто пытался попасть в летний дворец. Людям приходилось показывать бумаги либо предъявлять жетоны или печати, чтобы их пропустили. Джек мог показать только медиатор Спиди Паркера и не думал, что этого хватит, чтобы миновать стражников. Один мужчина как раз подошел к воротам. Сверкнул круглый серебряный жетон, и его обладатель проследовал дальше. Следующего за ним мужчину остановили. Он заспорил. Потом его тон изменился: Джек видел, что мужчина умоляет пропустить его. Стражник покачал головой и приказал ему отойти.

— *Его* люди проходят без проблем, — сказал кто-то справа от Джека, мгновенно решив вопрос языка, на котором говорили в Долинах. Джек повернул голову, чтобы понять, обращены ли эти слова к нему.

Но мужчина средних лет, шагавший рядом с ним, говорил с другим мужчиной, одетым так же просто, как и большинство людей, толпившихся около дворца.

— Оно и понятно, — ответил второй мужчина. — Он едет сюда... Насколько я знаю, должен прибыть сегодня, только неизвестно, когда именно.

Джек пристроился за этой парочкой.

Когда мужчины приблизились к воротам, стражники шагнули вперед, а поскольку оба направились к одному стражнику, второй взмахом руки подозвал к себе мужчину, который находился ближе к нему. Джек чуть отстал от парочки. Он по-прежнему не видел человека со шрамом, вообще не видел офицеров. Вооруженные силы представляли исключительно стражники, молодые деревенские парни с широкими красными лицами, в красивой, тщательно отутюженной форме с множеством складок и рубчиков. Они напоминали фермеров, наряженных в маскарадные костюмы. Двое мужчин, за которыми пристроился Джек, похоже, прошли проверку, потому что после короткого разговора парни в форме отступили, освобождая дорогу. Один из стражников строго глянул на Джека, и мальчик отвернулся и шагнул в сторону.

Он уже понимал, что во дворец попадет только при одном условии: если отыщет капитана со шрамом.

Несколько мужчин подошли к стражнику, который одарил Джека строгим взглядом, и тут же начали наседать на него. Им назначена аудиенция, им необходимо пройти, речь идет о больших деньгах, но, к сожалению, у них нет документов. Стражник покачал головой, царапая подбородок о белый гофрированный воротник формы. Пока Джек наблюдал за происходящим, гадая, как же ему найти капитана, предводитель маленькой группы продолжал требовать, чтобы их пропустили, махал руками, бил кулаком в ладонь. Лицо его стало таким же красным, как и у стражника. Наконец он принялся тыкать стражнику в грудь указательным пальцем. К первому стражнику подошел второй. Оба выглядели мрачными и враждебными.

Рядом с ними бесшумно возник высокий стройный мужчина в форме, которая чуть отличалась от формы стражников — словно годилась как для боя, так и для опе-

ретты. Секундой позже Джек отметил, что гофрированного воротника на нем нет, а головной убор островерхий, не треугольный. Он перекинулся парой слов со стражниками, потом повернулся к предводителю маленькой группы. Крики и тыканье пальцем прекратились. Мужчина заговорил ровным голосом. Джек видел, что неудачливые визитеры растеряли свою агрессивность. Они переминались с ноги на ногу, их плечи обреченно поникли. Затем они развернулись и отправились восвояси. Офицер проводил их взглядом, что-то объяснил стражникам.

И когда офицер, одним своим видом нагонявший ужас на буянов, оказался лицом к мальчику, Джек заметил длинный бледный шрам, зигзагом прочертивший щеку от правого глаза до челюсти.

Офицер кивнул стражникам и торопливо зашагал прочь. Не глядя по сторонам, он прокладывал путь через толпу, вероятно, направляясь в какое-то место за пределами дворца. Джек устремился следом.

— Сэр! — закричал он, но офицер уходил все дальше, словно не слыша его.

Джек обежал мужчин и женщин, тащивших свинью к одной из маленьких палаток, проскочил между двумя группами мужчин, направлявшихся к воротам дворца, и в конце концов догнал офицера и коснулся его локтя.

— Капитан?

Офицер развернулся, и Джек застыл на месте. Вблизи шрам стал куда шире и словно обрел собственную жизнь, ползая по лицу. *Даже без шрама*, подумал Джек, *это лицо могло осадить кого угодно*.

— Чего тебе, парень? — нетерпеливо спросил мужчина.

— Капитан, мне велено поговорить с вами... я должен увидеть Даму, но не думаю, что мне удастся попасть во дворец. Ой, я должен вам кое-что показать. — Он сунул руку в просторный карман штанов, которые носил впервые, и сомкнул пальцы на треугольном предмете.

Когда Джек разжал кулак, ему едва не стало дурно: на ладони лежал не медиатор, а длинный зуб, возможно, акулий, инкрустированный сложным золотым узором.

Переведя взгляд на капитана, в смутном ожидании, что тот сейчас ударит его, Джек увидел отражение собственного шока. Нетерпение, казавшееся второй натурой офицера, исчезло. На волевом лице читалась неопределенность, даже страх. Капитан протянул руку к Джеку, и тот подумал, что он хочет взять зуб с золотым узором. Подросток отдал бы его без колебаний, но капитан просто прижал пальцы Джека к ладони, скрывая зуб.

— Следуй за мной, — приказал он.

И зашагал вдоль стены большого павильона. В какой-то момент капитан откинул полог из жесткой светлой парусины, и они оказались в сумрачной нише. В мерцающем полумраке лицо капитана выглядело так, будто его разрисовали розовым мелком.

— Этот знак, — весьма спокойно сказал он. — Где ты его взял?

— Мне его дал Спиди Паркер, — ответил Джек. — Сказал, что я должен вас найти и показать его вам.

Мужчина покачал головой.

— Этого имени я не знаю. А теперь отдай мне этот знак. Сейчас же. — Он сжал запястье Джека. — Отдай его мне и скажи, где ты его украл?

— Я говорю правду, — стоял на своем Джек. — Мне его дал Лестер Спиди Паркер. Он работает в «Веселой стране». Но он давал мне не зуб. Я получил от него гитарный медиатор.

— Думаю, парень, ты не знаешь, что тебя ждет.

— Вы с ним знакомы. — В голосе Джека слышалась мольба. — Он мне вас описал. Сказал, что вы капитан Внешней стражи. Спиди *велел* мне вас найти.

Капитан покачал головой и еще сильнее сжал запястье мальчика.

— Опиши мне этого человека. Я хочу выяснить, не лжешь ли ты, так что на твоем месте я бы постарался.

— Спиди старый, — ответил Джек. — Раньше был музыкантом. — По выражению глаз капитана ему показалось, что тот начинает понимать, о ком речь. — Он черный... чернокожий человек. С седыми волосами. На лице глубокие морщины. Он очень худой, но гораздо сильнее, чем можно подумать с первого взгляда.

— Черный человек. Ты хочешь сказать, смуглый?

— Ну, черные люди на самом деле не черные. Как и белые — не белые.

— Мужчина со смуглой кожей, которого звать Паркер. — Капитан отпустил запястье Джека. — Здесь он зовется Паркусом. Так ты... — Он мотнул головой в сторону какой-то невидимой точки за горизонтом.

— Да, — ответил Джек.

— И Паркус... Паркер... послал тебя, чтобы ты увидел нашу королеву.

— Он сказал, что хочет, чтобы я увидел Даму. И что вы можете провести меня к ней.

— Надо действовать быстро. — Капитан уже перешел к делу. — Думаю, все получится, но нельзя терять время, — с военной четкостью озвучил он принятое решение. — Теперь слушай меня. Здесь полно бастардов, так что мы прикинемся, будто ты мой сын. Ты не выполнил работу, которую я тебе поручил, и теперь я на тебя зол. Думаю, никто нас не остановит, если наше представление будет выглядеть убедительно. По меньшей мере так я смогу провести тебя во дворец, но там будет сложнее. Думаешь, тебе удастся? Сможешь убедить людей, что ты мой сын?

— Моя мама — актриса, — ответил Джек, чувствуя за нее гордость.

— Что ж, тогда поглядим, чему ты научился. — И капитан удивил Джека, подмигнув ему. — Постараюсь не причинять тебе боли. — Потом вновь удивил, крепко сжав

его бицепс. — Пошли. — Он вывел Джека из ниши, буквально таща за собой.

— Когда я говорю, что ты должен вымыть каменные плиты за кухней, ты должен вымыть каменные плиты, — громко чеканил капитан, не глядя на Джека. — Это понятно? Ты делаешь *свою* работу. А если ты не делаешь свою работу, тебя наказывают.

— Но я вымыл несколько каменных плит... — заверещал Джек.

— Я не говорил тебе вымыть *несколько* каменных плит! — крикнул капитан, таща Джека за собой. Люди раздавались в стороны, пропуская их. Некоторые сочувственно смотрели на Джека.

— Я собирался все доделать, честно, я собирался все доделать, прервался только на минутку...

Капитан подтащил его к воротам и, даже не глянув на стражников, проскочил внутрь, сильно дернув Джека за руку.

— Не надо, папа! — взвизгнул Джек. — Мне же больно!

— Не так больно, как будет. — Теперь они быстро пересекали широкий двор, который Джек видел с дороги.

Капитан взбежал с Джеком по деревянным ступеням, и они оказались в большом дворце.

— Теперь ты должен играть еще лучше, — прошептал он и зашагал по длинному коридору, сжимая руку Джека достаточно сильно, чтобы остались синяки.

— Я обещаю, что буду хорошим! — прокричал Джек.

Они свернули в другой, более узкий коридор. Внутри павильон выглядел настоящим дворцом: лабиринт коридоров и маленьких комнат, в которых пахло дымом и сгоревшим жиром.

— Он обещает! — прорычал капитан.

— Обещаю! Да!

Теперь они шли по новому коридору, и впереди какие-то красиво одетые люди — они стояли, привалившись к стенам, или сидели на диванах — повернули го-

ловы, чтобы взглянуть на этот шумный дуэт. Один из них, что-то приказывавший двум женщинам, которые несли сложенные простыни, подозрительно глянул на Джека и капитана.

— А я обещаю выбить из тебя дурь! — воскликнул капитан.

Двое мужчин рассмеялись. Они были в широкополых, отделанных мехом шляпах. В бархатных сапогах. С алчными, эгоистичными лицами. Мужчину, разговаривавшего со служанками, которому, похоже, здесь все подчинялись, отличали высокий рост и невероятная худоба. Его напряженное, снедаемое честолюбием лицо поворачивалось вслед капитану и мальчику, когда те проходили мимо.

— Пожалуйста, не надо! — молил Джек. — Пожалуйста!

— Каждое «пожалуйста» — дополнительный удар розгой, — прорычал капитан, и мужчины вновь рассмеялись. Тощий выдавил из себя улыбку, холодную, как лезвие ножа, и вновь повернулся к служанкам.

Капитан втолкнул мальчика в пустую комнату, заставленную пыльной деревянной мебелью, и только тогда отпустил его руку, которая уже сильно болела.

— Это *его* люди, — прошептал он. — И какой станет жизнь, когда... — Он покачал головой, забыв о спешке. — В «Книге доброго земледелия» сказано, что кроткие унаследуют землю, но у этих парней на всех не наберется и чайной ложки кротости. Они могут только брать. Они хотят денег, хотят... — Капитан поднял взгляд к потолку, не смог или не захотел сказать, чего еще они хотят. Вновь посмотрел на Джека. — Мы должны действовать быстро. В этом дворце еще остались секреты, неведомые его людям. — Он указал на блеклую деревянную стену.

Джек последовал за ним и все понял, когда капитан надавил на две шляпки гвоздей на краю запыленной доски. Часть деревянной стены отошла внутрь, открыв узкий темный коридор размером с поставленный на попа гроб.

— Ты сможешь только глянуть на нее, но, думаю, это все, что тебе нужно. Да и в любом случае ни на что другое рассчитывать не приходится.

Повинуясь жесту капитана, Джек шагнул в коридор.

— Иди вперед, пока я не скажу, что делать дальше, — прошептал капитан, закрывая потайную дверцу. Джек медленно двинулся сквозь кромешную тьму.

Коридор поворачивал из стороны в сторону, изредка подсвечивался то через щель в стене, то через окошко высоко над головой. Скоро Джек уже совершенно не понимал, где находится, и лишь следовал командам, которые шептал капитан. Иногда в нос ударял дразнящий запах жарящегося мяса, иногда — канализационная вонь.

— Стой, — наконец приказал капитан. — Теперь я должен тебя поднять. Вскинь руки.

— Я ее увижу?

— Через секунду узнаешь. — Капитан ухватил подростка под мышки и поднял. — Перед тобой панель, — прошептал он. — Сдвинь ее влево.

Джек протянул руки к стене и тут же нащупал гладкое дерево. Панель легко сдвинулась, и в коридор хлынул свет. Джек увидел, как паук размером с котенка спешит к потолку. Он заглянул в большую, словно вестибюль отеля, комнату, заполненную женщинами в белом, с великолепной резной мебелью, заставившей мальчика вспомнить все музеи, в которых он бывал с родителями. Середину комнаты занимала огромная кровать, в которой спала или лежала без сознания женщина. Над простыней виднелись только голова и плечи.

А потом потрясенный Джек едва не закричал от ужаса, потому что на кровати лежала его мать. Да, его мать, и она умирала.

— Ты увидел ее, — прошептал капитан, вытягивая руки.

Джек разинув рот смотрел на мать. Она умирала, в этом он больше не сомневался: серую кожу покрывали

пятна, волосы словно выцвели. Вокруг суетились медицинские сестры, поправляли простыню, перекладывали книги на столике у кровати — но они только имитировали бурную и вроде бы целеустремленную деятельность, потому что не знали, как помочь пациентке. Они полностью отдавали себе отчет, что по-настоящему помочь ничем не могут. Всех их сил хватило бы, лишь чтобы оттянуть смерть на месяц, а может, всего на неделю.

Джек всмотрелся в лицо, напоминавшее восковую маску, и наконец-то увидел, что женщина на кровати — не его мать. Более округлый подбородок, более классический нос. Умирал двойник его матери, Лаура Делессиан. Если Спиди и хотел, чтобы Джек увидел больше, у него не получалось: белое, застывшее лицо ничего не говорило ему о женщине, которой оно принадлежало.

— Да, — прошептал он, устанавливая панель на место, и капитан опустил его на пол.

— Что с ней? — спросил Джек в темноте.

— Никто не может выяснить, — послышалось над его головой. — Королева ничего не видит, не говорит, не двигается. — Последовала пауза, потом капитан коснулся его руки. — Нам надо возвращаться.

Из темноты коридора они вышли в пустую пыльную комнату. Капитан стряхнул с формы прилипшую паутину. Склонив голову, долго смотрел на Джека. На лице мужчины читалась тревога.

— Теперь ты должен ответить на мой вопрос.

— Хорошо.

— Тебя послали, чтобы спасти ее? Чтобы спасти королеву?

Джек кивнул.

— Думаю, да... думаю, и для этого тоже. Но скажите мне... — Он замялся. — Почему эти уроды не могут просто взять власть? Ей их точно не остановить.

Капитан улыбнулся. Но безо всякого веселья.

— Я. Мои люди. *Мы* бы их остановили. Я не знаю, что творится в отдаленных поселениях, где порядок не такой жесткий... но здесь мы верны королеве.

Его щека под левым глазом дернулась, как рыбка. Он сжал руки, ладонь к ладони.

— И тебе велели... приказали... уж не знаю что... идти на запад, так?

Джек буквально почувствовал, что капитана трясет, а нарастающее беспокойство ему удается сдерживать только благодаря многолетней привычке к самодисциплине.

— Да, — кивнул он. — Я должен идти на запад. Или нет? Мне идти на запад? К другой «Альгамбре»?

— Я не могу сказать... я не могу сказать, что тебе делать, — пробормотал капитан, отступая на шаг. — Надо немедленно вывести тебя отсюда. А что тебе делать, я не знаю. — Джек видел, что мужчина не может даже смотреть на него. — Но здесь ты не должен оставаться ни минуты... Пошли, надо вывести тебя отсюда до приезда Моргана.

— Моргана? — переспросил Джек, думая, что ему послышалось. — Моргана Слоута? Он едет сюда?

Глава 7
ФАРРЕН

1

Капитан словно не услышал вопроса Джека. Он смотрел в угол этой пустой комнаты, как будто что-то там видел. Он думал, и думал напряженно. А дядя Томми говорил Джеку, что мешать взрослому думать так же неприлично, как прерывать взрослого, когда тот говорит. Но...

Остерегайся этого Блоута. Не подпускай к себе... ни его самого, ни его двойника... он бросится за тобой, как лис за гусем.

Так говорил Спиди, но Джек в тот момент думал только о Талисмане и едва не пропустил его наставления мимо ушей. Теперь слова вернулись, да с такой силой, что Джеку будто отвесили подзатыльник.

— Как он выглядит? — нервно спросил Джек.

— Морган? — переспросил капитан, словно проснувшись.

— Он толстый? Толстый и лысеющий? И ходит вот так, если зол? — Воспользовавшись врожденным даром подражать людям — глядя на сына, Фил Сойер покатывался со смеху, даже когда сильно уставал или настроение у него было хуже некуда, — Джек изобразил Моргана Слоута. Лицо мальчика разом постарело, когда он нахмурил лоб, как хмурил его дядя Морган, если на что-то злился. Одновременно Джек надул щеки и опустил голову вниз, чтобы создать второй подбородок. Губы по-рыбьи выгнулись, и он быстро задвигал бровями вверх-вниз. — Он такой?

— Нет, — ответил капитан, но что-то блеснуло в его глазах, как в тот момент, когда Джек сказал ему, что Спиди Паркер — старый. — Морган высокий. Волосы у него длинные... — капитан поднял руку к правому плечу, чтобы показать длину, — и он хромает. Одна ступня деформирована. Он носит специальный сапог, но... — Мужчина пожал плечами.

— Вы ведь узнали Моргана, когда я его изображал! Вы...

— Ш-ш-ш! Ради Бога, не так громко, парень!

Джек понизил голос.

— Думаю, я знаю этого человека. — Он впервые ощутил страх. Этот новый мир Джек осознать не мог, но со знакомыми чувствами проблем не возникало. *Дядя Морган здесь? Господи Иисусе!*

— Морган — всего лишь Морган. Но с ним лучше не связываться. Пошли отсюда. — Рука капитана вновь сжала бицепс мальчика. Джек поморщился, но не сдвинулся с места.

Паркер становится Паркусом. А Морган... не может это быть совпадением.

— Секундочку. — Внезапно ему в голову пришел еще один вопрос. — У нее был сын?

— У королевы?

— Да.

— У нее был сын, — с неохотой ответил капитан. — Да. Мы не можем здесь оставаться. Мы...

— Расскажите мне о нем.

— Нечего рассказывать, — ответил капитан. — Он умер в младенчестве, не прожив и шести недель. Ходили слухи, что один из людей Моргана... может, Осмонд... задушил его. Но таким слухам грош цена. Я не люблю Моргана из Орриса, но всем известно, что один ребенок из десяти умирает в колыбельке. Никто не знает почему. Они умирают загадочно, безо всякой на то причины. Есть поговорка... Бог вбивает свои гвозди. Для Него королевский ребенок — не исключение. Он... Что с тобой? Ты в порядке?

Перед глазами Джека мир застилала серая пелена. Мальчика повело в сторону, и когда капитан подхватил его, прежде жесткие руки стали мягкими, будто пуховые подушки.

Он сам едва не умер в младенчестве.

Мать рассказывала ему эту историю — как она нашла его практически бездыханным в кроватке, с синими губами, со щеками цвета погасших погребальных свечей. Она рассказывала, что с криком вбежала в гостиную с ним на руках. Его отец и Слоут сидели на полу, накачавшиеся вином, накурившиеся травки, и смотрели по телику реслинг. Отец вырвал его у матери, левой рукой с силой зажал ноздри («Синяки сошли только через месяц», — с нервным смешком рассказывала мать), потом прижался губами к крошечному ротику Джека, а Морган закричал: «Я не думаю, что это ему поможет, Фил. Я не думаю, что это ему поможет».

(«Дядя Морган такой забавный, да, мама?» — спросил тогда Джек. «Да, очень забавный, Джеки», — ответила мать, улыбнулась странной, невеселой улыбкой и раску-

рила очередную сигарету «Герберт Тэрритун» от дымившегося в пепельнице окурка.)

— Парень! — прошептал капитан и тряхнул Джека так сильно, что его повисшая голова едва не оторвалась от шеи. — Парень! Черт побери! Если ты потеряешь сознание...

— Все хорошо. — Собственный голос донесся до Джека издалека, совсем как голос диктора, объявляющий что-то на матче «Доджерс», когда проезжаешь мимо бейсбольного стадиона «Чавес равин» в кабриолете с опущенным верхом, как эхо из приятного сна о бейсболе. — Отпустите меня. Так что вы говорите? Дайте отдышаться.

Трясти его капитан перестал, но смотрел настороженно.

— Все хорошо, — повторил Джек и резко, со всей силы влепил себе оплеуху. — *Ой!* — Но перед глазами прояснилось.

Он чуть не умер в кроватке. Они тогда жили в квартире, которую он едва помнил. Мать называла ее Дворцом техниколоровой мечты, потому что из гостиной открывался прекрасный вид на Голливудские холмы. Он чуть не умер в кроватке, и его отец и Морган Слоут в это время пили вино, а когда выпьешь много вина, часто писаешь, и он достаточно хорошо помнил, что во Дворце техниколоровой мечты путь из гостиной до ближайшего туалета лежал через комнату, в которой стояла его кроватка.

Он это увидел: Морган Слоут поднимается, широко улыбаясь, говорит что-то вроде: «Секундочку, Фил, сейчас вернусь». Его отец пропускает эти слова мимо ушей, даже не смотрит на Моргана, потому что Стог Колхун как раз сворачивает в бараний рог злополучного соперника. Морган выходит из ярко освещенной гостиной в полумрак детской, где маленький Джеки Сойер спит в виннипуховой пижамке, маленькому Джеки Сойеру тепло и уютно в сухом подгузнике. Он увидел, как дядя Морган украдкой оглядывается на светлый дверной проем в гостиную, его лоб собирается морщинами, губы поджимаются,

превращая рот в узкую полоску, совсем как у озерного окуня. Он увидел, как дядя Морган берет с кресла подушку, осторожно, но решительно накрывает ею всю голову младенца и прижимает одной рукой, подсунув вторую Джеки под спину. Когда всякое шевеление прекращается, дядя Морган возвращает подушку на кресло, в котором обычно сидит у кроватки Лили, и идет в ванную, чтобы отлить.

Если бы его мать не пришла практически сразу, чтобы проверить, как он...

Джека пробил холодный пот.

Так оно и было? Так могло быть. Сердце подсказывало, что так и было. Слишком уж идеальное совпадение, удивительное.

В возрасте шести недель сын Лауры Делессиан, королевы Долин, умер в своей кроватке.

В возрасте шести недель сын Фила и Лили Сойер *чуть* не умер в своей кроватке... *и Морган Слоут находился рядом.*

Его мать всегда заканчивала эту историю шуткой: как Фил Сойер едва не разбил их «крайслер», мчась в больницу, хотя Джеки уже задышал.

Очень смешно, все верно. Да.

2

— Теперь пошли, — поторопил его капитан.

— Хорошо. — Слабость и оцепенение не проходили. — Хорошо, давайте...

— Ш-ш-ш! — Капитан повернулся на звук приближавшихся голосов. Справа их отделяла от коридора стена не из дерева, а из плотной парусины. Она заканчивалась в четырех дюймах от пола. В просвете были видны сапоги. Пять пар солдатских сапог.

Один голос выбился из общего шума:

— ...не знал, что у *него* есть сын.

— Да перестань, — ответил второй, — ублюдки только и делают, что плодят ублюдков... это ты должен знать очень хорошо, Саймон.

Последовал грубый гогот — так обычно смеялись старшеклассники в школе Джека, из тех, кто пускал по кругу косячки за мастерской и обращался к младшим загадочными, но иногда пугающими словами: вафлер, и рукоблуд, и марфодит. И после каждого такого слова следовал приступ гогота, какой он только что услышал.

— Заткнитесь! Быстро заткнитесь! — Третий голос. — Если он вас услышит, не успеет тридцать раз взойти солнце, как вы будете патрулировать Пограничье!

Кто-то что-то сказал, но так тихо, что Джек не разобрал ни слова.

Опять смех, более сдержанный.

Еще одна неразборчивая фраза.

И удаляющийся смех.

Джек посмотрел на капитана. Тот не отрывал глаз от парусиновой стены, его губы разошлись в злобном оскале. О ком говорили солдаты, сомнений не вызывало. А если они это говорили, кто-то мог их слушать... кто-то, кому это слышать не следовало. И кто-то мог задаться вопросом: а откуда взялся этот внезапно появившийся бастард? Даже такой ребенок, как Джек, это понимал.

— Ты услышал достаточно? — спросил капитан. — Нам надо идти. — Похоже, ему хотелось вновь тряхнуть Джека... но он не решился.

И тебе велели... приказали... уж не знаю что... идти на запад, так?

Он менялся, подумал Джек. *Менялся дважды.*

Первый раз — когда Джек показал ему акулий зуб, который был резным медиатором в мире, где товары по дорогам развозили грузовики, а не запряженные лошадьми телеги. И второй раз, когда Джек подтвердил, что собирается на запад. Угроза в его поведении сменилась желанием помочь... в чем?

Я не могу сказать... не могу сказать, что тебе делать.

На лице капитана отражалось религиозное благоговение... или религиозный ужас.

Он хочет выбраться отсюда, боится, что нас могут здесь застукать, подумал Джек. *Но это не все, верно? Он боится меня. Боится...*

— Пошли, — повторил капитан. — Пошли, ради Джейсона.

— Ради кого? — тупо переспросил Джек, но капитан уже потянул его за собой. Выйдя из комнаты, они повернули налево, и капитан наполовину потащил, наполовину повел Джека по коридору, одна стенка которого была деревянной, а вторая — парусиновой, пахнущей плесенью.

— Мы пришли не этим путем, — прошептал Джек.

— Не хочу попадаться на глаза тем, кто видел, как мы входили, — также шепотом ответил капитан. — Это люди Моргана. Помнишь высокого? Такого тощего, что сквозь него все видно?

— Да. — Джек помнил сухую улыбку и глаза, которые не улыбались. Этот тощий мужчина выглядел суровым. И безумным. И еще: у Джека возникло смутное чувство, что он знал этого мужчину.

— Осмонд. — Теперь капитан потянул Джека направо.

Запах жарящегося мяса усилился, воздух буквально благоухал им. И Джеку ужасно хотелось попробовать так вкусно пахнущее мясо. Его не отпускал страх, нервы натянулись как струны, он, возможно, стоял на грани безумия... но рот наполнился слюной.

— Осмонд — правая рука Моргана, — пробурчал капитан. — Он ничего не упускает, и я бы не хотел, чтобы он увидел тебя дважды, парень.

— Что вы имеете в виду?

— Ш-ш-ш! — Капитан сжал ноющую руку Джека еще сильнее. Они приближались к широкому пологу, который перегораживал дверной проем. Джеку он напомнил занавеску в душевой, но этот полог был из мешковины, нити

которой располагались так редко, что ткань больше походила на сеть. И кольца, на которых висел полог, были из кости, а не хромированного металла. — Теперь плачь, — горячо выдохнул капитан в ухо Джека.

Он сдвинул полог и втащил мальчика в огромную кухню, наполненную дразнящими ароматами (запах мяса по-прежнему доминировал) и клубящейся жарой. Джек смутно различил жаровни, большую трубу, женские лица под большими белыми косынками, напомнившими ему головные уборы монахинь. Несколько женщин стояли вдоль длинного железного корыта на козлах. Их раскрасневшиеся лица блестели от пота. Они мыли кастрюли и другую кухонную утварь. Другие расположились у стола, занимавшего середину комнаты, что-то резали, рубили, строгали, вычищали. Одна несла противень с еще не испеченными пирогами. Все таращились на Джека и капитана, когда те проходили по кухне.

— Чтобы больше этого не было! — орал капитан на Джека, тряся его, как терьер — крысу, и при этом быстро продвигаясь к двустворчатой двери в дальнем конце помещения. — Не было, слышишь меня? Если ты еще раз увильнешь от своих обязанностей, я сдеру с тебя шкуру, как снимают кожуру с печеной картошки.

Тут капитан прошипел:

— Они это запомнят и будут об этом говорить, так что плачь, черт бы тебя побрал!

В этот самый момент, когда капитан с изуродованным шрамом лицом тащил его по жаркой кухне, держа за руку и за шею, Джек сознательно представил себе ужасное: мать в похоронном бюро. Увидел ее в пышных складках белой органди: она лежала в гробу в свадебном платье, которое носила в фильме «Заварушка на Дрэг-стрип», вышедшем на экраны в 1953 году. Ее лицо все яснее и яснее проступало перед его мысленным взором, идеальная восковая копия, и Джек видел, что на матери миниатюрные

золотые сережки-крестики, которые он подарил ей на Рождество два года назад. Потом лицо изменилось. Подбородок закруглился. Нос стал более прямым, более патрицианским. Волосы чуть посветлели, стали жестче. Теперь в гробу лежала Лаура Делессиан, и гроб этот не изготовили в каком-то безымянном похоронном бюро, а выдолбили из цельного ствола — гроб викингов, если такие существовали. Не составляло труда увидеть, как этот гроб пылает на штабеле сухих бревен. Он определенно не предназначался для того, чтобы его опустили в безмолвную землю. Это была Лаура Делессиан, королева Долин, и в своем воображении Джек видел ее ясно и отчетливо, но королева была в свадебном платье его матери из фильма «Заварушка на Дрэг-стрип», и в ее ушах блестели сережки-крестики, которые дядя Томми помог ему выбрать в магазине «Шарпс» в Беверли-Хиллз. Внезапно слезы хлынули горячим, обжигающим потоком — не притворные слезы, а настоящие; Джек оплакивал не только мать, а обеих женщин, умирающих в разных мирах, связанных невидимой нитью, которая может гнить, но никогда не разорвется, по крайней мере до их смерти.

Сквозь слезы он увидел гиганта в развевающихся белых одеждах, который спешил к ним. Белый поварской колпак заменяла красная бандана, но Джек подумал, что предназначение ее то же самое — показывать, кто на кухне хозяин. Повар размахивал деревянной вилкой с тремя зубцами, выглядевшей очень грозно.

— УБИР-РАЙТЕСЬ! — заорал на них шеф, но из гигантской груди вырвался до абсурда тонкий голосок тщедушного гея, выговаривающего продавцу обуви за качество обслуживания. А вот в вилке Джек ничего абсурдного не видел. Она тянула на смертоносное оружие.

— УБИР-РАЙТЕСЬ ИЗ МОЕЙ КУХНИ, СЛИЗНЯКИ! ЧЕР-РЕЗ НЕЕ НИКТО ПУТЬ НЕ СР-РЕЗАЕТ! ЗДЕСЬ НЕ ПР-РОХОДНОЙ ДВОР-Р! И ЕСЛИ ВЫ ЭТОГО НЕ

ЗАПОМНИТЕ, КЛЯНУСЬ БОГОМ ПЛОТНИКОМ, Я ВЫР-РЕЖУ ЭТО НА ВАШИХ ЗАДАХ!

Он ткнул в них вилкой, отвернувшись и прикрыв глаза, как будто, несмотря на грубую речь, ему претил вид льющейся крови. Капитан убрал руку с шеи Джека и, как тому показалось, небрежно вытянул перед собой. Мгновением позже все шесть с половиной футов шеф-повара лежали на полу. Мясная вилка составляла ему компанию, оказавшись в луже клубничной начинки среди ошметков белого теста, которые так и не стали пирогом. Шеф катался, прижимая к груди сломанную в запястье правую руку, и кричал высоким, напоминавшим звуки флейты голосом. Новости, которые он сообщал тем, кто его слышал, конечно же, не радовали: он мер-ртв, капитан его точно убил, как минимум покалечил, жестокий и бессер-рдечный капитан Внешней стр-ражи изувечил ему пр-равую р-руку и лишил его ср-редств к существованию, так что отныне ему уготована жизнь нищего; капитан пр-ричинил ему ужасную боль, невозможно даже пр-редставить себе, какую сильную боль, ни один человек на...

— *Заткнись!* — рявкнул капитан, и шеф заткнулся. Незамедлительно. Он лежал на полу, как огромный ребенок, прижимая правую руку к груди, красная бандана пьяно сползла набок, открыв одно ухо (по центру мочки поблескивала маленькая черная жемчужина), толстые щеки дрожали. Работавшие на кухне женщины ахнули и зашептались, когда капитан наклонился над перепуганным властелином этой заполненной клубами пара пещеры, где они проводили дни и ночи. Джек, по-прежнему плача, заметил чернокожего мальчика (*смуглого* мальчика, поправил его внутренний голос), стоявшего у самой большой жаровни. Рот мальчика раскрылся, лицо выражало удивление, как у персонажа менестрель-шоу*, но он не забы-

* Менестрель-шоу — шуточное представление, в котором участвуют белые, загримированные под негров.

вал поворачивать ручку, и баранья нога продолжала вертеться.

— А теперь послушай, и этого совета тебе не найти в «Книге доброго земледелия», — начал капитан, когда его нос едва не соприкоснулся с носом шефа (парализующая хватка — к счастью, рука Джека уже онемела, и боли не чувствовалось — при этом не ослабла ни на йоту). — Никогда... никогда не подходи к мужчине с ножом... или с вилкой... или с копьем... или даже, прости Господи, со щепкой в руке, если не собираешься его убить. Всем известно, какие повара вспыльчивые, но вспыльчивость не подразумевает нападения на капитана Внешней стражи. Ты меня понимаешь?

Шеф простонал что-то слезливое и воинственное. Джек не разобрал, что именно — акцент повара заметно усилился, — но сказанное имело какое-то отношение к матери капитана и помоечным псам, рыщущим у павильона.

— Это возможно, — ответил капитан. — Никогда не знал эту даму. Но я не получил ответа на мой вопрос. — И он ткнул шефа в бок пыльным ободранным сапогом. Пнул достаточно мягко, но шеф взвыл так, будто капитан врезал ему со всей силы. Женщины вновь зашептались.

— Удалось ли нам достичь понимания в вопросе шефповаров, оружия и капитанов? В противном случае потребуются дополнительные разъяснения.

— Удалось! — выдохнул шеф. — Удалось! Удалось! Уда...

— Отлично. Потому что сегодня мне уже надоело разъяснять непонятливым. — Капитан вновь схватил Джека за шею. — Так ведь, парень? — И снова тряхнул мальчика, вызвав вопль, лишь отчасти наигранный. — Что ж... полагаю, это все, что он может сказать. Ума у парня не много, как и у его матери.

Капитан мрачно оглядел кухню.

— Доброго вам дня, дамы. Да пребудет с вами благословение королевы.

— И с вами, добрый сэр, — решилась ответить самая старая из них и сделала неуклюжий реверанс. Остальные последовали ее примеру.

Капитан потащил Джека через кухню. Джек сильно ударился бедром об угол корыта для мойки и вновь взвыл. Выплеснулась горячая вода. Дымящиеся капли, шипя, побежали по доскам и исчезли между ними. *У этих женщин руки постоянно в такой воде*, подумал Джек. *Как они это выдерживают?* Тут капитан, который уже почти нес его, вытолкнул Джека через еще один полог из мешковины в коридор, который находился за ним.

— Фу! — выдохнул капитан. — Мне это не нравится, совершенно не нравится, от этого мутит.

Налево, направо, снова направо. Джек чувствовал, что они приближаются к наружной стене павильона, и ему хватило времени, чтобы задаться вопросом, почему внутри павильон гораздо больше, чем можно себе представить, глядя на него снаружи. Потом капитан протолкнул его в щель между полотнищами, и они оказались под открытым небом, вышли в яркий дневной свет, который после сумрака павильона с такой силой ударил Джека по глазам, что ему пришлось зажмуриться.

Капитан не терял ни секунды. Грязь чавкала и хлюпала под ногами. Пахло сеном, и лошадьми, и навозом. Джек вновь открыл глаза и увидел, что они пересекают то ли огороженный пятачок для выгула лошадей, то ли загон, то ли двор у амбара. Он увидел парусиновую изгородь, за которой кудахтали куры. Тощий мужчина, голый, если не считать грязного килта и веревочных сандалий, деревянными вилами бросал сено в открытое стойло, из которого печально смотрела лошадь, размером чуть больше шетландского пони. Они уже миновали стойло, когда разум Джека смог переварить увиденное: у лошади было две головы.

— Эй! — крикнул он. — Могу я заглянуть в стойло? Там...

— Нет времени.

— Но у лошади...

— Я сказал, нет времени. — Тут капитан возвысил голос: — И если я еще раз увижу, как ты лежишь на боку, когда работа еще не сделана, то всыплю тебе дважды!

— Нет, это больше не повторится! — крикнул Джек (по правде говоря, повторы начали ему надоедать). — Клянусь, не повторится! Я же говорил, я буду хорошим!

Впереди уже виднелись деревянные ворота в стене из неотесанных бревен. Джек видел такие — они огораживали поселения в старых вестернах (его мать снялась в нескольких). К воротам были прибиты тяжелые скобы, но Джек отметил, что запорного бруса в них нет. Он стоял у стены слева от ворот, толстый, как железнодорожный шлагбаум. Створки разошлись на несколько дюймов. Джек вконец запутался, петляя по коридорам, но здравый смысл подсказал ему, что они на задворках павильона.

— Слава Богу, — проговорил капитан уже более нормальным голосом. — Теперь...

— Капитан, — раздалось позади них. Мужской голос, тихий, но внятный, звучащий нарочито небрежно. Капитан остановился как вкопанный. Голос раздался в тот самый момент, когда обезображенный шрамом спутник Джека протягивал руку к левой створке, чтобы толкнуть ее. Не вызывало сомнений, что обладатель голоса наблюдал за ними и дожидался именно этого момента.

— Быть может, ты представишь мне твоего... э-э-э... сына?

Капитан повернулся, Джек вместе с ним. Посреди загона — инородное тело среди всей этой грязи — стоял худющий придворный, которого боялся капитан. Осмонд. Он разглядывал их меланхоличными темно-серыми глазами. Джек увидел, как что-то шевелится в этих глазах, в самой глубине. Страх вдруг усилился, обрел острие. *Да он чокнутый*, осознал Джек. *Безумней не бывает.*

Осмонд приблизился на два аккуратных шага. В левой руке он держал обтянутую кожей рукоятку кнута. Кнуто-

вище чуть сужалось, переходя в сам кнут, трижды обмотанный вокруг плеча Осмонда, толстый, как гремучая змея. Ближе к свободному концу кнут разделялся на дюжину более тонких кнутиков из переплетенных полосок сыромятной кожи, а каждый кнутик оканчивался грубым блестящим металлическим наконечником.

Осмонд дернул рукоятку, и кольца кнута с сухим шипением сползли с его плеча. Покачал рукой, и косички из сыромятной кожи заерзали в перемешанной с соломой грязи.

— Твоего сына? — повторил Осмонд и приблизился еще на шаг. И внезапно Джек понял, почему этот человек показался ему знакомым. В тот день, когда его чуть не похитили... Белый костюм!

Джек подумал, что скорее да, чем нет.

3

Капитан сжал пальцы в кулак, поднес ко лбу, поклонился. После короткого колебания Джек последовал его примеру.

— Мой сын, Льюис, — сдавленно произнес капитан, не распрямляясь. Джек увидел это, скосив глаза влево. Он тоже не стал распрямляться, его сердце бешено колотилось.

— Спасибо, капитан. Спасибо, Льюис. Да благословит вас королева. — Когда Осмонд коснулся Джека кнутовищем, тот чуть не вскрикнул. Он выпрямился, подавляя вопль.

Осмонд стоял уже в двух шагах, не отрывая от Джека безумного, меланхоличного взгляда. На нем был кожаный жилет с вроде бы бриллиантовыми застежками, пенящаяся кружевами рубашка, на запястье правой руки поблескивал браслет-цепочка (судя по тому, как Осмонд держал кнут, Джек догадался, что он левша). Волосы забраны назад и перевязаны широкой лентой, похоже, из белого атласа. От Осмонда исходили два запаха. Один его мать называла «мужским ароматом», подразумевая лосьон после бритья,

одеколон, что-то такое. В случае Осмонда это был запах сухости и пудры. Джеку он напомнил старые черно-белые английские фильмы с судами на Олд-Бейли*. Судьи и адвокаты в этих фильмах носили парики, и Джек подумал, что коробки из-под париков пахли, как Осмонд: сушью и рыхлой сладостью, словно самый старый в мире пончик с сахарной пудрой. А под этим запахом проступал другой, более естественный и менее приятный, принадлежащий непосредственно Осмонду. Запах слоев пота и грязи, запах человека, который мылся редко, если мылся вообще.

Да. Осмонд был одним из существ, которые пытались похитить его в тот день.

Желудок Джека завязался узлом и дернулся.

— Я не знал, что у тебя есть сын, капитан Фаррен. — Хотя обращался Осмонд к капитану, смотрел он по-прежнему на Джека.

Льюис, думал тот. *Ты Льюис, не забывай...*

— Лучше бы его у меня не было, — ответил капитан, глянув на Джека со злобой и презрением. — Я оказал ему честь, приведя в большой павильон, а он сбежал от меня, как пес. Я поймал его за...

— Да, да, — оборвал его Осмонд и рассеянно улыбнулся.

Он не верит ни единому слову, в отчаянии подумал Джек и почувствовал, как его разум еще на шаг придвинулся к панике. *Ни единому слову!*

— Мальчишки плохие. Все мальчишки плохие. Это аксиома.

Он постучал кнутовищем по запястью Джека. Тот нервно вскрикнул... и его лицо тут же залила краска стыда.

Осмонд хихикнул.

— Плохие, да, это аксиома. Все мальчишки плохие. Я был плохим, и, готов спорить, ты тоже, капитан Фаррен. Да? Да? Ты был плохим?

* Олд-Бейли — улица в Лондоне, где находится Центральный уголовный суд.

— Да, Осмонд, — ответил Фаррен.

— Очень плохим? — спросил Осмонд. Невероятно, но он начал пританцовывать в грязи. Однако ничего женоподобного Джек в этом не видел. В худощавом, чуть ли не хрупком Осмонде не чувствовалось ничего гомосексуального. А если в его словах и улавливался какой-то намек, Джек интуитивно понимал, что дело в другом. Нет, куда явственнее проступали злоба и... безумие. — Очень плохим? На редкость плохим?

— Да, Осмонд, — деревянным голосом ответил Фаррен. Его шрам блестел в послеполуденном свете, теперь уже не розовый, а красный.

Осмонд прекратил импровизированный танец так же резко, как и начал. Холодно посмотрел на капитана.

— *Никто* не знал, что у тебя есть сын, капитан.

— Он незаконнорожденный, — ответил капитан. — И слабоумный. Как теперь выясняется, еще и ленивый. — Он вдруг повернулся и ударил Джека в ухо. Несильно, но рука у капитана Фаррена была тяжелая, как кирпич. Джек взвыл и упал в грязь, держась за ухо.

— Очень плохой, по большей части *на редкость* плохой, — повторил Осмонд, но теперь его худое лицо превратилось в бесстрастную маску, скрывающую все чувства. — Вставай, плохой мальчик. Плохих мальчиков, которые не слушаются отцов, должно наказывать. И плохих мальчиков должно допрашивать. — Он взмахнул кнутом. Раздался сухой щелчок. Охваченный паникой разум Джека попытался уйти в воспоминания о родном ему мире. Любым способом. Щелчок хлыста Осмонда напомнил ему выстрел из духовушки «Дейзи», которую ему подарили в восемь лет. Ему и Ричарду Слоуту.

Осмонд потянулся и схватил Джека за измазанное грязью предплечье белой, похожей на паучью лапку рукой. Привлек мальчика к себе, в эти запахи — старой сладкой пудры и старой затхлой грязи. Странные серые глаза впи-

лись в синие глаза Джека. Тот ощущал, как тяжелеет мочевой пузырь, и прилагал все силы к тому, чтобы не надуть в штаны.

— Ты кто? — спросил Осмонд.

4

Слова повисли в воздухе между ними.

Джек чувствовал, что капитан смотрит на него: лицо сурово, но глаза полны отчаяния. Слышал кудахтанье кур, лай собаки, скрип приближающейся большой телеги.

Скажи мне правду, ложь я отличу сразу, требовал взгляд Осмонда. *Ты очень похож на одного плохого мальчика, с которым я однажды повстречался в Калифорнии... Ты тот самый мальчик?*

И на мгновение на губах Джека задрожало признание:

Джек, я Джек Сойер, да, я тот мальчик из Калифорнии, королева этого мира была моей матерью, только я умер, и я знаю вашего босса, я знаю Моргана — дядю Моргана, — и я скажу вам все, что вы захотите узнать, если только вы перестанете буравить меня вашими ужасными безумными глазами, да, я все скажу, потому что я всего лишь ребенок, а именно это делают дети, они говорят, они рассказывают все...

Но тут он услышал голос матери, ее насмешливые интонации:

Ты собираешься все рассказать этому парню, Джеки? ЭТОМУ парню? От него воняет, как на распродаже в отделе мужских одеколонов, и он похож на средневекового Чарлза Мэнсона... но поступай как знаешь. Ты сможешь обвести его вокруг пальца — и без труда, — но поступай как знаешь.

— Кто ты? — повторил Осмонд, прижимаясь еще плотнее, и на его лице Джек прочитал полнейшую уверенность — он привык получать у людей интересующие его ответы... и не только у двенадцатилетних мальчишек.

Джек глубоко, со всхлипом, вдохнул (*Когда хочешь добиться максимальной громкости, когда хочешь, чтобы тебя услышали на последнем ряду балкона, ты должен задействовать диафрагму, Джеки. Тогда голосовые связки выдадут максимум*) и завопил:

— Я СОБИРАЛСЯ ВЕРНУТЬСЯ! КЛЯНУСЬ БОГОМ!

Осмонд, который наклонился вперед, рассчитывая на едва слышный слезливый шепот, отпрянул, словно Джек внезапно ударил его. Наступил одной ногой на хвостыкосички своего кнута и едва не упал.

— Ты, чертов маленький...

— Я СОБИРАЛСЯ ВЕРНУТЬСЯ! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ПОРИТЕ МЕНЯ, ОС-МОНД! Я СОБИРАЛСЯ ВЕРНУТЬСЯ! Я НИКОГДА НЕ ХОТЕЛ ПРИХОДИТЬ СЮДА НИКОГДА Я НИКОГДА Я НИКОГДА...

Капитан Фаррен подскочил к нему и ударил в спину. Джек распластался в грязи, по-прежнему крича.

— Он слабоумный, как я вам и говорил, — услышал он голос капитана. — Я приношу извинения, Осмонд. Можете быть уверены, я выпорю его так, что не останется и клочка целой кожи. Он...

— *Что он вообще здесь делает?* — взвизгнул Осмонд, тонко и пронзительно, совсем как торговка рыбой. — Что этот сопливый ублюдок здесь делает? Не предлагай мне показать его пропуск! Я знаю, нет у него пропуска! Насколько мне известно, ты мог притащить его сюда, чтобы накормить со стола королевы... чтобы он украл столовое серебро... одного взгляда достаточно, чтобы понять, что он очень *плохой*, невыносимо *плохой*, абсолютно *плохой*!

Вновь щелкнул кнут, но уже не тихим щелчком духовушки «Дейзи» — на этот раз словно грохнул выстрел из винтовки двадцать второго калибра, и Джек успел подумать: *Я знаю, к чему все идет*, — а потом большая жестокая рука вцепилась ему в спину. Боль ввинтилась в его плоть и

начала разрастаться, жаркая и сводящая с ума. Он закричал, извиваясь в грязи.

— *Плохой! Ужасно плохой! Абсолютно плохой!*

Каждый «плохой» сопровождался щелчком кнута Осмонда, пятерней, впивающейся в спину, криком Джека. Его спина горела. Он понятия не имел, как долго это продолжалось — с каждым ударом ярость Осмонда пылала все ярче, — но тут раздался новый голос:

— Осмонд! Осмонд! Вы здесь! Слава Богу!

И топот бегущих ног.

— Ну? Ну? Что такое? — резко спросил Осмонд, его дыхание чуть сбилось.

Рука схватила Джека за локоть, помогла подняться. Когда он покачнулся, она обхватила его за талию и удержала на ногах. Не верилось, что капитан, который так жестко и грубо тащил его по павильону, мог проявить подобную нежность.

Джек вновь пошатнулся. Мир стремился расплыться перед глазами. Струйки теплой крови текли по спине. Он смотрел на Осмонда с быстро набирающей силу яростью, и ему нравилось ощущать эту ярость. Она служила отличным противоядием страху и замешательству.

Ты это сделал... ты причинил мне боль, ты поранил меня. А теперь слушай, обезьяна. Если у меня появится шанс поквитаться с тобой...

— Ты в порядке? — прошептал капитан.

— Да.

— *Что?* — прокричал Осмонд двум мужчинам, появление которых прервало наказание Джека.

Первого Джек уже видел: один из денди, мимо которых они с капитаном прошли, направляясь к потайному коридору. Второй чем-то напоминал возницу, с которым Джек столкнулся, едва появившись в Долинах. Этот человек выглядел крайне испуганным, и ему изрядно досталось: кровь из рваной раны на левой стороне головы за-

пеклась, залив практически всю левую щеку. Он поцарапал левую руку, порвал камзол.

— *Что ты говоришь, шакал?*

— Мой фургон перевернулся на повороте в дальнем конце деревни Мастеровых, — ответил возница. Он говорил медленно, растягивая слова, как человек, еще не отошедший от шока. — Мой сын погиб, господин. Его раздавило бочками. В день майского сева ему только исполнилось шестнадцать. Его мать...

— *Что?* — вновь взвизгнул Осмонд. — Бочки? С элем? Не из Кингсленда? *Ты же не хочешь мне сказать, что перевернул фургон, полный бочек «Кингслендского эля», безмозглый осел? Ты же не хочешь мне этого сказать, да-а-а-а-а?*

На последнем слове голос Осмонда взлетел до невообразимых высот, словно он передразнивал оперную диву. Звук вибрировал и переливался. И одновременно Осмонд вновь начал приплясывать... но на этот раз от ярости. Сочетание получилось таким странным, что Джеку пришлось поднять обе руки ко рту, чтобы заглушить непроизвольный смех. От этого движения рубашка заскользила по растерзанной спине, мгновенно отрезвив мальчика еще до того, как капитан шепотом предупредил, что смеяться никак нельзя.

Терпеливо, словно Осмонд упустил самое важное (в чем возница, должно быть, не сомневался), мужчина начал вновь:

— Ему только исполнилось шестнадцать на день майского сева. Его мать не хотела, чтобы он ехал со мной. Я и подумать не мог...

Осмонд поднял хлыст и нанес удар с невероятной, неуловимой для глаза скоростью. Только что он держал кнутовище в опущенной руке, и хвосты-косички из сыромятной кожи месили грязь, а в следующее мгновение уже раздался хлопок — вновь как от выстрела из детской духовушки. Возница, закричав, отшатнулся, закрыл лицо

руками. Свежая кровь сочилась сквозь грязные пальцы. Он упал, бормоча сдавленным, булькающим голосом:

— *Мой господин! Мой господин! Мой господин!*

— Пойдемте отсюда, — простонал Джек. — Быстрее!

— Подожди! — ответил капитан. Его суровое лицо чуть смягчилось. В глазах затеплилась надежда.

Осмонд повернулся к денди, который отступил на шаг, безмолвно шевеля полными алыми губами.

— Это был «Кингсленд»? — тяжело дыша, спросил он.

— Осмонд, вам нельзя так волноваться...

Осмонд чуть приподнял левую руку. Металлические наконечники косичек заскребли по сапогам денди. Тот отступил еще на шаг.

— Не смей указывать, что мне можно, а что — нет. Только отвечай на мои вопросы. Я рассержен, Стивен, я невероятно, страшно рассержен. Это был «Кингсленд»?

— Да, — кивнул Стивен. — Я очень сожалею, но...

— На Сторожевой дороге?

— Осмонд...

— *На Сторожевой дороге, осел*?

— Да. — Стивен шумно сглотнул.

— Разумеется. — Тощее лицо Осмонда рассекла отвратительная усмешка. — Где находится деревня Мастеровых, как не на Сторожевой дороге? Может ли деревня летать? А? Стивен, может деревня перелететь с одной дороги на другую? Может? Может?

— Нет, Осмонд, конечно же, нет.

— Нет. Значит, эти бочки раскатились по Сторожевой дороге, правильно? И я могу предположить, что перевернувшийся фургон перегораживает Сторожевую дорогу, тогда как лучший в Долинах эль пропитывает землю, чтобы дождевые черви могли уйти в запой? Это правильно?

— Да... да. Но...

— Морган едет по Сторожевой дороге! — взвизгнул Осмонд. — *Морган едет, и ты знаешь, как мчатся его ло-*

шади! Если дилижанс обогнет поворот и наткнется на этот завал, кучер не успеет остановить лошадей! *Дилижанс может перевернуться! Морган может погибнуть!*

— Святойбоже, — прошептал Стивен в одно слово. Его бледное лицо побледнело еще сильнее.

Осмонд кивнул.

— Думаю, если дилижанс Моргана опрокинется, нам следует молиться за его смерть, а не выздоровление.

— Но... но...

Осмонд отвернулся и почти побежал к тому месту, где стоял капитан Внешней стражи со своим «сыном». За его спиной несчастный возница все еще копошился в грязи, повторяя: «Мой господин».

Взгляд Осмонда коснулся Джека, а потом сместился, словно мальчика и не существовало.

— Капитан Фаррен! Ты следил за тем, что происходило здесь в последние пять минут?

— Да, Осмонд.

— Следил внимательно? Ничего не упустил? Ты ничего не упустил?

— Думаю, что нет.

— Думаешь, значит? Какой ты прекрасный капитан! Полагаю, мы еще поговорим о том, каким образом такой прекрасный капитан мог стать отцом этой лягушачьей мошонки.

Холодный взгляд вновь коснулся Джека.

— Но сейчас времени для этого нет, правильно? Нет. Я предлагаю тебе взять с десяток твоих самых крепких людей и быстро... нет, очень быстро... отправить их на Сторожевую дорогу. Ты ведь сможешь определить место происшествия по запаху?

— Да, Осмонд.

Осмонд глянул на небо.

— Моргана ждут к шести часам... может, чуть раньше. Сейчас два. Я бы сказал, что два. По-твоему, два, капитан?

— Да, Осмонд.

— А что скажешь ты, маленький говнюк? Тринадцать? Двадцать три? Восемьдесят один? Который час?

Джек таращился на него. Осмонд пренебрежительно усмехнулся, и Джек почувствовал, как вновь закипает ярость.

Ты причинил мне боль, и если у меня появится шанс...

Осмонд вновь смотрел на капитана.

— Я предлагаю до пяти часов попытаться спасти те бочки, которые остались целыми. После пяти надо как можно быстрее очистить дорогу. Это понятно?

— Да, Осмонд.

— Тогда пошел отсюда.

Капитан Фаррен поднес кулак ко лбу и поклонился. Тупо таращась на Осмонда, ненавидя его так яростно, что стучало в висках, Джек последовал примеру капитана. Осмонд отвернулся от них еще до того, как кулак Фаррена поднялся ко лбу, и направился к вознице, пощелкивая кнутом, наполняя двор звуками выстрелов из духовушки «Дейзи».

Возница услышал шаги Осмонда и начал кричать.

— Пошли. — Капитан в последний раз потянул Джека за руку. — Ты не захочешь это видеть.

— Нет, — пробормотал Джек, — Господи, нет.

Но когда капитан Фаррен толкнул правую створку ворот и они наконец-то покинули павильон, Джек это услышал — и слышал той ночью во сне: один выстрел карабина следовал за другим, и каждый сопровождался криком обреченного возницы. А Осмонд издавал какие-то звуки. От напряжения у него перехватывало дыхание, и определить, что это за звуки, не представлялось возможным, не посмотрев на его лицо... а этого Джеку как раз и не хотелось.

Впрочем, он и так практически не сомневался.

Он знал, что Осмонд смеется.

5

Они вернулись к главным воротам дворца, где толпился народ. Люди бросали короткие взгляды на капитана Фаррена и расступались перед ним. Капитан шел быстро, мрачный, погруженный в свои мысли, и Джек почти бежал, чтобы не отставать.

— Нам повезло, — внезапно нарушил молчание капитан. — Нам чертовски повезло. Я думаю, он собирался тебя убить. — Джек уставился на капитана, во рту у него пересохло. — Он безумен, ты знаешь, безумен, как человек, который гонялся за пирогом. — Джек понятия не имел, о чем речь, но согласился, что Осмонд безумен.

— Что...

— Подожди. — Капитан подвел Джека к маленькой нише, куда они зашли после того, как Джек показал капитану акулий зуб. — Стой здесь и жди меня. Ни с кем не разговаривай.

Он скрылся за пологом. Джек стоял, смотрел и ждал. Мимо прошел жонглер, глянул на Джека, не сбиваясь с ритма, продолжая подкидывать с полдесятка шаров. Стайка грязных детей следовала за ним, как за крысоловом из Гамельна. Молодая женщина с младенцем, который сосал огромную грудь, сказала, что может кое-чему научить его, если у него есть пара монет, показать, что маленький стручок нужен не только для того, чтобы писать. Засмущавшись, Джек отвернулся, его лицо горело.

Молодая женщина залилась каркающим смехом.

— *О-о-о-о, этот симпатичный молодой человек СТЕСНЯЕТСЯ! Иди сюда, красавчик! Иди...*

— Отвали, шлюха, а не то закончишь этот день в подземелье.

Капитан вернулся в сопровождении другого мужчины, старого и толстого, но в чем-то схожего с Фарреном: он тоже выглядел как настоящий солдат, а не персонаж ко-

мической оперы Гилберта и Салливана. Толстяк пытался застегнуть форменную куртку на большом животе, не выпуская из руки инструмента, напоминавшего валторну.

Молодая женщина с грязным младенцем убежала, даже не взглянув на Джека. Капитан взял у толстяка валторну, чтобы тот мог застегнуться, и что-то ему сказал. Толстяк кивнул, привел форму в порядок, забрал инструмент, отошел и поднес его к губам. Это был не тот звук, который услышал Джек, впервые попав в Долины. Тогда трубили несколько горнов, словно сообщая о чем-то важном: у Джека возникла аналогия с герольдами. Сигнал валторны напоминал фабричный гудок: предстояла какая-то работа.

Капитан подошел к Джеку.

— Пошли со мной.

— Куда?

— На Сторожевую дорогу, — ответил капитан Фаррен и с удивлением, а отчасти и со страхом взглянул на Джека Сойера. — Которую мой дед называл Западной дорогой. Она тянется на запад через все более мелкие деревни, до самого Пограничья. За Пограничьем она ведет в никуда... или в ад. Если ты пойдешь на запад, тебе в сопровождающие понадобится Господь, парень. Но я слышал, Он сам никогда не бывал дальше Пограничья. Пошли.

Вопросы теснились в голове Джека — целый миллион, — однако капитан шагал так быстро, что на слова просто не хватало дыхания. От большого павильона они двинулись на юг, спустились с холма, миновали то место, где Джек впервые появился в Долинах. Сельская ярмарка шумела теперь совсем близко. Джек слышал зазывалу, приглашавшего всех желающих попытать удачу с Ослом дьявола. Удержавшийся на его спине две минуты получит приз, кричал зазывала. Дующий с моря ветерок далеко разносил его голос, как и запах горячей еды — поджаренной кукурузы и все того же мяса. Желудок Джека урчал.

Теперь, спасшись от Осмонда, Великого и Ужасного, он ощущал жуткий голод.

Не доходя до ярмарки, они свернули направо, на дорогу, гораздо более широкую, чем та, что вела к большому павильону. *Сторожевая дорога*, подумал Джек и тут же, ощутив внутри холодок страха, поправился: *Нет... Западная дорога. Путь к Талисману.*

И вновь поспешил за капитаном Фарреном.

6

Осмонд не ошибся: при необходимости они могли положиться на свой нюх. Еще за милю до деревни со странным названием ветер донес до них кислый запах разлитого эля.

Практически весь транспортный поток двигался в одну сторону — на восток. По большей части фургоны, которые тащили взмыленные лошади (впрочем, Джек не увидел ни одной с двумя головами). Он предположил, что в этом мире фургоны заменяли грузовые фуры, «даймондрео» и «питербилты». Некоторые были доверху загружены сумками, баулами и мешками, другие — сырым мясом, третьи — клетками с кудахчущими курами. На окраине деревни Мастеровых мимо них на огромной скорости пронеслась телега с женщинами. Все они смеялись и кричали. Одна поднялась, задрала юбку, открыв волосатую промежность, пьяно рыгнула и завертела бедрами. Она свалилась бы через край телеги в кювет — и, вероятно, сломала бы себе шею, — если бы другая женщина не схватила ее сзади за юбку и не дернула на себя.

Джек снова покраснел, как и в тот раз, когда увидел белую грудь молодой женщины, сосок в губах грязного младенца. *О-о-о-о, этот симпатичный молодой человек СТЕСНЯЕТСЯ!*

— Господи! — пробормотал капитан, прибавляя шагу. — Они все пьяные! Напились разлитого эля! И шлюхи, и

возница! Они разобьются на дороге или свалятся с обрыва... невелика потеря! Заразные шлюхи!

— По крайней мере, — пропыхтел Джек, — дорога, наверное, не перегорожена, раз по ней такое движение. Ведь так?

Они уже вошли в деревню Мастеровых. Широкую Западную дорогу здесь поливали маслом, чтобы прибить пыль. Мимо проезжали все новые фургоны, люди группами переходили улицу, и все разговаривали слишком громко. Джек увидел, как двое мужчин заспорили у здания, напоминавшего ресторан. Внезапно один врезал другому. Через мгновение оба катались по земле. *«Кингслендским элем» накачались не только шлюхи*, подумал Джек. *Я думаю, здесь его отведали все.*

— Эти большие фургоны, что мы видели, едут отсюда, — пояснил капитан Фаррен. — Некоторые, поменьше, могли проскочить, но дилижанс Моргана совсем не маленький.

— Морган...

— Давай пока забудем про Моргана.

Запах эля усиливался, становясь все резче, по мере того как они миновали центр деревни, приближаясь к дальней окраине. Ноги Джека болели, но он пытался не отстать от капитана. По его прикидкам, они отшагали мили три. *Сколько же это в моем мире?* — подумал он и тут вспомнил о волшебном соке Спиди. Лихорадочно ощупал камзол, убежденный, что бутылки нет... но нашел ее, надежно закрепленную в той части одежды, которая в Долинах заменяла нижнее белье.

Когда они добрались до западной окраины деревни, фургонный поток заметно обмелел, зато резко возросло число пешеходов, направлявшихся на восток. Большинство покачивалось, смеялось, у многих заплетались ноги. Ото всех разило элем. У некоторых он капал с одежды, словно они плюхались в лужу эля и лакали его, как собаки. Джек полагал, что так оно и было. Он увидел смеюще-

гося мужчину, который вел за руку смеющегося мальчика лет восьми. Пугающее сходство мужчины с отвратительным дневным портье из «Альгамбры» бросалось в глаза, и Джек понял, что видит его здешнего двойника. Оба — и мужчина, и мальчик — были пьяны, и когда Джек обернулся, чтобы посмотреть им вслед, мальчишку начало тошнить. Его отец — Джек предположил, что это его отец — грубо дернул мальчика за руку, когда тот попытался отойти за растущие у дороги кусты, чтобы проблеваться в относительном уединении. Мальчишку качнуло к отцу, как собаку на коротком поводке, и вырвало на какого-то пожилого мужчину, который лежал на обочине и храпел.

Лицо капитана Фаррена мрачнело больше и больше.

— Бог поколотит их всех, — прорычал он.

Даже те, кто крепко принял на грудь, по широкой дуге обходили капитана со шрамом на щеке. Теперь у него на ремне висели кожаные ножны, из которых торчала рукоять, как предполагал Джек, короткого, но острого меча (ножны и меч появились, когда капитан вернулся с толстяком). Если кто-то приближался, капитан брался за рукоять, и этого хватало, чтобы пьяный быстро освобождал дорогу.

Десятью минутами позже (Джек уже точно знал, что скоро свалится без сил) они прибыли к месту происшествия. Судя по всему, фургон накренился и перевернулся на повороте. В результате бочки раскатились по дороге. Многие разбились, и двадцать футов дороги превратились в болото. Одна мертвая лошадь лежала под фургоном, виднелись только ее задние ноги. Вторая валялась в кювете, из ее уха торчал обломок бочковой планки. Джек не думал, что он попал туда сам по себе. Вероятно, лошадь переломала ноги, и кто-то избавил ее от мучений подручными средствами.

Между лошадьми на дороге распростерся сын возницы. Половина его лица с тупым изумлением смотрела в синеющее над Долинами небо. Вторая половина превра-

тилась в красную пульпу, в которой, словно хлопья штукатурки, белели осколки кости.

Джек увидел, что карманы мертвеца вывернуты.

По месту происшествия бродили человек десять. Они медленно передвигались, часто наклоняясь, чтобы, сложив ладони лодочкой, зачерпнуть эля из следа лошадиного копыта или смочить в луже носовой платок либо кусок материи, оторванный от одежды. Большинство пошатывалось. Многие смеялись и что-то сварливо кричали. Както раз после долгих уговоров мать разрешила Джеку пойти с Ричардом Слоутом на сдвоенный вечерний сеанс в один из кинотеатров Уэствуда, где показывали «Ночь живых мертвецов» и «Рассвет мертвецов». Волочащие ноги пьяные люди напомнили ему зомби из тех фильмов.

Капитан Фаррен вытащил меч, короткий и предназначенный для боя, как и предполагал Джек, совсем не похожий на мечи в романтических фильмах. Чуть длиннее мясницкого тесака, в пятнах и вмятинах, с рукоятью, обтянутой старой кожей, потемневшей от пота. С темным лезвием... за исключением режущей кромки. Она сверкала, очень острая и без всяких зазубрин.

— Пошли прочь! — проревел капитан. — Держитесь подальше от королевского эля, безбожники! Пошли прочь и не смейте пить то, что вам не принадлежит!

Ему ответило недовольное ворчание, но они отошли от капитана Фаррена... за исключением одного здоровенного мужчины, на черепе которого волосы росли случайно разбросанными в океане лысины островками. Джек прикинул, что при росте под семь футов здоровяк весит фунтов триста.

— Ты хочешь потягаться со всеми нами, солдат? — спросил громила и махнул грязной рукой в сторону деревенских, которые отошли от болота эля и обломков бочек.

— Конечно. — Фаррен улыбнулся здоровяку. — Именно этого я и хочу, а прежде всего с тобой, пьяный кусок

дерьма. — Улыбка Фаррена стала шире, и здоровяк подался назад. — Подойди ко мне, если хватит духа. С удовольствием порублю тебя в капусту. Хоть чем-то скрашу этот отвратительный день.

Что-то бормоча себе под нос, здоровяк поплелся в деревню.

— Эй, вы все! — крикнул Фаррен. — Валите отсюда. Сейчас от королевского павильона придут мои люди. Они недовольны тем, что получили такой приказ, и я не могу их за это винить и отвечать за их действия! Я думаю, у вас хватит времени, чтобы дойти до деревни и попрятаться по подвалам до их прихода! Настоятельно советую вам так поступить! Пошли прочь!

Они уже шли к деревне Мастеровых, и впереди всех — здоровяк, который попытался возражать капитану. Фаррен что-то буркнул и вновь оглядел место происшествия. Снял форменную куртку и накрыл лицо сына возницы.

— Интересно, кто из них вывернул карманы парня, умирающего на дороге. — Фаррен, похоже, размышлял вслух. — Если б узнал, повесил бы на кресте еще до заката.

Джек промолчал.

Капитан долго стоял, глядя на мертвого юношу, одной рукой потирая бугристый шрам на щеке. Потом повернулся к Джеку, словно вспомнил, где находится.

— Ты должен уйти, парень. Немедленно. Пока Осмонд не решил, что хочет продолжить допрос моего сына-идиота.

— А что будет с вами? — спросил Джек.

Капитан улыбнулся.

— Если ты уйдешь, никаких проблем не возникнет. Я скажу, что отослал тебя к матери или что в приступе ярости ударил тебя поленом по голове и убил. Осмонд поверит. Ему не до того. Им всем не до того. Они ждут, когда она умрет. Это случится скоро. Если только...

Он не закончил.

— Иди, — после паузы продолжил Фаррен. — Не теряй времени. А когда услышишь приближение дилижанса Моргана, убегай с дороги в лес. *Глубоко в лес.* Иначе он учует тебя, как кошка — крысу. Он мгновенно узнает о малейших отклонениях от порядка. От установленного *им* порядка. Он дьявол.

— Я услышу его приближение? Дилижанса? — тихо спросил Джек. Он смотрел на дорогу за разбитыми бочками. Она чуть поднималась к опушке соснового леса. *Там будет темно*, думал Джек, *и если Морган поедет с другой стороны...* Страх и одиночество слились воедино и поднялись волной отчаяния, которая обрушилась на него. *Спиди, я не смогу этого сделать! Или ты этого не знаешь? Я всего лишь ребенок.*

— Дилижанс Моргана запряжен шестью парами лошадей, а тринадцатая бежит спереди, — ответил Фаррен. — Когда они мчатся галопом, кажется, что гром катится по земле. Ты его услышишь, будь уверен. И тебе хватит времени, чтобы спрятаться. Только сразу уходи с дороги.

Джек что-то прошептал.

— Что? — резко переспросил Фаррен.

— Я сказал, что не хочу идти, — чуть громче ответил Джек. Слезы подступили к глазам, и он понимал: если они польются, ему их не остановить. Он разрыдается и начнет упрашивать капитана Фаррена увести его отсюда, защитить, *сделать что-то...*

— Думаю, уже поздно говорить о твоих желаниях, — покачал головой капитан Фаррен. — Я не знаю твоей истории, парень, да и не хочу знать. Я даже не хочу знать твоего имени.

Джек стоял, глядя на него снизу вверх, ссутулившись, со жгучими слезами в глазах и дрожащими губами.

— Расправь плечи! — с внезапной яростью взревел капитан. — Кого ты сможешь спасти? Куда ты сможешь дойти? В таком виде ты не пройдешь и десяти шагов! Ты слишком молод, чтобы быть мужчиной, но ты хотя бы мо-

жешь им притвориться, верно? Ты похож на побитую собаку!

Обидевшись, Джек расправил плечи и вскинул голову. Его взгляд упал на останки сына возницы, и он подумал: *По крайней мере я жив, пока жив. Он прав. Жалеть себя — это роскошь, которую я не могу себе позволить.* Что правда, то правда. Но при этом Джек все равно злился на капитана со шрамом на лице, с такой легкостью заглянувшего ему в голову и нажавшего нужные кнопки.

— Так лучше, — сухо прокомментировал Фаррен. — Не намного, но лучше.

— Спасибо, — с издевкой ответил Джек.

— Тебе нельзя отступать, парень. Осмонд у тебя на хвосте. Скоро к нему присоединится Морган. И наверное... наверное, там, откуда ты пришел, тоже не все в порядке. Но возьми это. Если Паркус прислал тебя ко мне, значит, он хотел, чтобы я дал тебе это. Бери и уходи.

Капитан протягивал Джеку монету. Замявшись, мальчик взял ее. Размером монета была с полдоллара времен Кеннеди, но гораздо тяжелее... тяжелая, как золото, догадался он, однако цвета тусклого серебра. Джек смотрел на профиль Лауры Делессиан... и его снова поразило — на миг, но в самое сердце — сходство с матерью. Нет, не просто сходство: несмотря на мелкие отличия, скажем, более тонкий нос и чуть сильнее закругленный подбородок, это была его мать. Джек это знал. Он перевернул монету и увидел животное с головой и крыльями орла и телом льва. Зверь словно смотрел на Джека. Слегка занервничав, мальчик сунул монету под камзол, где она составила компанию бутылке с волшебным соком Спиди.

— Зачем она мне? — спросил Джек.

— Узнаешь. Когда придет время, — ответил капитан. — Может, и не узнаешь. В любом случае я выполнил свой долг перед тобой. Скажи это Паркусу, когда увидишь его.

Джек вновь почувствовал, как по нему прокатилась волна нереальности.

— Иди, сынок, — добавил Фаррен тише, но не намного мягче. — Делай свою работу... или то, что сможешь сделать.

В итоге именно ощущение нереальности — настойчиво убеждающее, что он часть чьей-то галлюцинации — и заставило Джека сдвинуться с места. Левая нога, правая, сено, солома. Пинком отбросил в сторону деревянный обломок, пропитанный элем. Переступил через искореженное колесо. Обошел край фургона, не обращая внимания ни на засыхавшую там кровь, ни на вьющихся над ней мух. Что Джеку кровь и жужжащие мухи, если ему все это грезится?

Он добрался до конца залитого элем и усеянного обломками бочек участка дороги и оглянулся... но капитан Фаррен стоял к нему спиной, вероятно, высматривая своих людей, а может, чтобы не смотреть на Джека. В любом случае причина значения не имела. Спина — она и есть спина. Чего на нее смотреть?

Он сунул руку под камзол, потрогал монету, которую дал ему Фаррен, потом стиснул ее в кулаке. Немного приободрился. Сжимая монету, как ребенок сжимает четвертак, который ему дали, чтобы купить в кондитерской сласти, Джек зашагал по дороге.

7

Прошло, наверное, часа два, когда Джек услышал звук, который капитан Фаррен назвал «громом, катящимся по земле»... а может, и все четыре. Как только солнце скрылось за западным краем леса (а произошло это вскоре после того, как Джек вошел в лес), он потерял счет времени.

Несколько раз экипажи проезжали на восток, вероятно, направляясь к павильону королевы. Всякий раз, слыша приближение одного из них (издалека — чистый воздух далеко разносил каждый звук, напоминая Джеку слова Спиди о том, как один мужчина выдергивал редиску, а

второй, находясь в полумиле, узнавал об этом), он думал о Моргане и спешно перебирался через кювет, чтобы укрыться в лесу. Ему не нравилось, пусть даже ненадолго, заходить под эти темные деревья, откуда было видно дорогу; приятного в лесу было мало, но еще меньше Джеку хотелось, чтобы дядя Морган (мальчик по-прежнему верил: именно он — начальник Осмонда, что бы ни говорил капитан Фаррен) поймал его на дороге.

Поэтому всякий раз, заслышав приближающийся фургон или карету, он уходил с дороги, а как только она пустела, возвращался на нее. Однажды, когда Джек пересекал сырой, заросший сорняками кювет по правую руку, что-то пробежало — или проползло — по его ноге, и он вскрикнул.

Конечно, все эти фургоны и кареты доставляли немало хлопот, замедляли его продвижение, но при этом и подбадривали: по крайней мере в этом мире он был не один.

Однако ему все равно чертовски хотелось выбраться из Долин.

Более противного лекарства, чем волшебный сок Спиди, Джеку пробовать не доводилось, но он с радостью сделал бы большой глоток, если бы знал, что кто-нибудь — к примеру, сам Спиди — появится перед ним и заверит, что, открыв глаза, он первым делом увидит золотистые арки «Макдоналдса», которые его мать называла великими американскими сиськами. Внутри у Джека нарастало ощущение давящей тревоги, чувство, что лес этот опасен сам по себе, что в нем есть существа, знающие о его присутствии, что, возможно, и *сам лес* знает о его присутствии. Ведь деревья приблизились к дороге, верно? Да. Раньше их останавливали кюветы. Теперь — нет. Прежде лес целиком состоял из сосен и елей. Теперь добавились и незнакомые виды деревьев; черные стволы некоторых переплетались друг с другом, прочие казались странными хвойно-папоротниковыми гибридами. Отвратительного вида се-

рые корни последних хватались за землю, как одутловатые пальцы. *Наш мальчик?* — словно шептала вся эта мерзость в голове Джека. *НАШ мальчик?*

Это только у тебя в голове, Джеки. Ты просто немного напуган.

Да, наверное, — но он в это не верил.

Деревья действительно *менялись*. Ощущение, что лес давит на него, становилось все более реальным. Как и чувство, что за ним *наблюдают*. И он начал думать, что ужасные мысли, крутившиеся у него в голове, — это послание леса... словно деревья что-то сообщали ему на коротких волнах.

Но бутылка Спиди с волшебным соком уже наполовину опустела, а ведь нужно, чтобы содержимого хватило на весь путь через Соединенные Штаты. А ведь сок может закончиться еще в Новой Англии, если он будет прикладываться к бутылке всякий раз, когда его охватит страх.

Мыслями он вернулся к тому огромному расстоянию, которое преодолел в своем мире, когда первый раз вернулся из Долин. Сто пятьдесят футов здесь равнялись половине мили там. При таком соотношении — если только оно не варьировало, чего исключить было нельзя, — он мог, пройдя десять миль, оставить за спиной Нью-Хэмпшир, словно надел сапоги-скороходы.

Но деревья... эти серые рыхлые корни...

Когда действительно начнет темнеть, когда небо из синего станет фиолетовым, я прыгну назад. Это точно. Двух мнений быть не может. Я не собираюсь шагать по этому лесу в темноте. Если волшебный сок закончится в Индиане или чуть раньше, старина Спиди сможет отправить мне бутылку через «Ю-пи-эс».

Все еще думая об этом — а также о том, что хорошо бы иметь план (пусть лишь на несколько ближайших часов), — Джек внезапно осознал, что приближается еще один экипаж, запряженный большим числом лошадей.

Вскинув голову, он замер посреди дороги. Его глаза широко раскрылись, и в голове с невероятной скоростью прокрутились два эпизода: сначала возник большой автомобиль — не «мерседес» — с двумя мужчинами в салоне, а потом — автофургон «ДИКОЕ ДИТЯ» с залитой кровью радиаторной решеткой, на огромной скорости мчащийся по улице от трупа дяди Томми. Он видел руки на рулевом колесе фургона... только это были не руки. Странные, сочлененные копыта.

Когда они мчатся галопом, кажется, что гром катится по земле.

И теперь, слыша этот звук — еще далекий, но совершенно отчетливый, спасибо чистому воздуху, — Джек задавался вопросом, как он мог принимать приближающиеся фургоны или кареты за дилижанс Моргана? Конечно же, никогда больше он такой ошибки не совершит. Звук, доносившийся до его ушей, зловещий, предвещающий беду... такой мог издавать только катафалк, да, катафалк, которым правил сам дьявол.

Джек застыл на дороге, словно кролик, выхваченный из темноты лучами фар. А звук нарастал — гремели колеса и копыта, скрипела кожаная упряжь. Теперь он слышал и голос кучера: *Хи-и-йя! Хи-и-йя! ХИ-И-ЙЯ!*

Джек стоял на дороге, стоял, и его голова гудела от ужаса. *Не могу шевельнуться, ох дорогой Боже ох дорогой Христос я не могу шевельнуться мама мама ма-а-а-а-а...*

Он застыл, представляя, как что-то огромное и черное, напоминающее почтовую карету, несется по дороге, запряженное черными животными, больше похожими на пум, чем на лошадей. Видел черные занавески, колышущиеся на окнах кареты, видел стоящего на козлах кучера, с развевающимися волосами и дикими, как у маньяка, глазами.

Видел, как они приближаются к нему, не сбавляя скорости.

Видел, как они размазывают его по дороге.

Только последнее и вырвало Джека из ступора. Он побежал направо, к обочине, зацепился ногой за один из шишковатых корней, упал, покатился по земле. Его спина, практически не дававшая о себе знать последние пару часов, вспыхнула болью, лицо мальчика искривила гримаса.

Он поднялся и, согнувшись, нырнул в лес.

Встал за одним из черных деревьев, бугристая кора которого — ствол напомнил Джеку баньяны, которые он в позапрошлом году видел на Гавайях, — была словно смазана каким-то маслом, и прикосновение к ней вызывало отвращение. Джек перешел к другому дереву, сосне, растущей чуть левее.

Грохот дилижанса и его сопровождения нарастал. Каждую секунду Джек ожидал, что они проскочат мимо, к деревне Мастеровых. Его пальцы то сжимались, то расслаблялись на смолистой коре сосны. Он кусал губы.

Прямо перед ним оказался узкий просвет между листьями, папоротниками и сосновыми иголками, через который он отчетливо видел дорогу. И когда Джек уже начал думать, что отряд Моргана так и не покажется, мимо галопом проскакал десяток, а то и больше всадников, направлявшихся на восток. Первый держал в руке флаг, но разглядеть его Джек не сумел... да, пожалуй, и не хотел. А потом мимо проскочил дилижанс.

В поле зрения он находился короткое время — не больше секунды, может, меньше, — но Джек рассмотрел его во всех подробностях. Огромный, высотой не меньше двенадцати футов. Еще три фута добавляли чемоданы и баулы, крепко привязанные к крыше. Голову каждой лошади украшал черный плюмаж. От ветра, возникавшего при такой скорости, плюмажи стелились по спинам лошадей. Джек потом подумал, что Моргану для каждой поездки требовались новые лошади, потому что те, которых он видел, бежали из последних сил. Пена и кровь пузырились на мордах, глаза безумно выкатывались из орбит, сверкая белками.

В его воображении — а может, у него на глазах — черные креповые занавески колыхнулись за незастекленными окнами. Внезапно в одном из этих черных продолговатых окон возникло бледное лицо, вроде бы обрамленное париком. Его появление шокировало ничуть не меньше, чем призрак в оконном проеме дома с привидениями. Это лицо не принадлежало Моргану Слоуту... но при этом и *принадлежало.*

И обладатель этого лица знал, что Джек — или другая опасность, столь же ненавистная и *личная* — затаился у дороги. Джек это понял, увидел по широко раскрывшимся глазам и злобно искривившемуся рту.

Капитан Фаррен говорил: «Он учует тебя, как кошка — крысу», — и теперь Джек в страхе подумал: *Он меня учуял, это точно. Он знает, что я здесь, и что теперь? Готов спорить, он остановит дилижанс и отправит солдат в лес, чтобы они отыскали меня.*

Еще один отряд всадников, охранявших Моргана с тыла, промчался мимо. Джек ждал, вжимая пальцы в сосновую кору, уверенный, что Морган даст команду остановиться. Но никто не остановился, скоро грохот дилижанса и сопровождавших его солдат начал затихать.

Его глаза, вот в чем сходство. Темные глаза на бледном лице. И...

Наш мальчик? ДА-С-С-С!

Что-то поползло по его стопе... вверх по лодыжке. Джек вскрикнул и отпрянул, думая, что это змея. Но, посмотрев вниз, увидел, что это один из серых корней поднимается по его голени.

Это невозможно, тупо подумал он. *Корни не двигаются...*

Он отступил назад, вырвал ногу из грозящих сжаться серых тисков. Почувствовал боль в голени, как от ожога. Поднял глаза, и страх змеей заполз в его сердце. Он понял, почему Морган, почуяв его, все равно уехал. Морган знал: войти в этот лес — все равно что войти в тропиче-

скую реку, кишащую пираньями. Почему капитан Фаррен не предупредил его? Джек нашел только одно объяснение: капитан со шрамом на лице не знал, никогда не заходил так далеко на запад.

Теперь пришли в движение все серые корни хвойно-папоротниковых гибридов. Они приподнимались, падали, ползли по мягкой земле к Джеку. *Энты и их жены*, мелькнула в голове Джека безумная мысль. *ПЛОХИЕ энты и их жены*. Один особенно толстый корень, шесть нижних дюймов которого были темными и сырыми от земли, поднялся и закачался перед ним, как кобра, вылезшая из корзинки факира. *НАШ мальчик! ДА-С-С-С!*

Корень наклонился к нему. Джек отпрыгнул, отдавая себе отчет, что корни уже сформировали живой барьер между ним и дорогой. Он прижался спиной к дереву... потом с криком подался вперед, потому что кора зашевелилась... как спазматически сокращающиеся мышцы. Джек оглянулся и увидел одно из деревьев с черными стволами. Теперь ствол двигался, извивался. На его бугристой поверхности сформировалось жуткое лицо, один глаз широко раскрылся, второй мерзко подмигивал. Раздался отвратительный скрежет: кора под глазами разорвалась, из щели закапала желтовато-белая жижа. *НАШ! О да-с-с-с!*

Корни, как пальцы, пролезли между руками Джека и грудной клеткой, словно собираясь пощекотать его.

Он вырвался, невероятным усилием воли уцепившись за остатки здравомыслия, принялся шарить под камзолом в поисках бутылки Спиди. Слышал — краем уха, — как что-то вспарывалось или рвалось. Наверное, деревья вырывали себя из земли. Толкин такого не писал.

Джек ухватил бутылку за горлышко и вытащил ее. Взялся за крышку, и тут один из серых корней мягко обвил ему шею, а мгновением позже затянулся удавкой палача.

У Джека перехватило дыхание. Бутылка выскользнула из его руки, он целиком и полностью сосредоточился на

корне-душителе. Джеку удалось подсунуть под него пальцы. На ощупь корень был не холодный и жесткий, как дерево, а теплый и гибкий, как плоть. Джек боролся, отдавая себе отчет, что хрипит, задыхаясь, и на подбородок летит слюна.

С невероятным усилием ему удалось оторвать корень от шеи. Тот попытался обвить запястье, но Джек с криком отдернул руку. Посмотрел вниз и увидел, что бутылка ускользает от него: другой корень ухватил ее за горлышко и тащил куда-то. Джек потянулся к ней. Корни цепляли его за ноги, обвивали их. Он тяжело упал на землю, пытаясь дотянуться до бутылки. Пальцы скребли мягкую лесную почву, чтобы выиграть дюйм-другой.

Он коснулся зеленого стекла... и схватил бутылку. Потянул на себя со всей силы, понимая, что корни накрепко прихватили его ноги и ему не вырваться. Снял крышку. Еще один корень опустился вниз, легкий, как паутина, попытался отбросить бутылку в сторону. Джек оттолкнул корень и поднес горлышко к губам. Внезапно его окутал запах гниющих фруктов.

Спиди, пожалуйста, пусть твой сок сработает.

Новые корни ползли по его спине, обвивали талию, поворачивая из стороны в сторону, но Джек уже жадно пил, дешевое вино текло по щекам. Он проглотил мерзкую жидкость, со стонами и мольбами, но ничего не менялось, *волшебство не срабатывало*, Джек не открывал глаз, но чувствовал, как корни оплетают руки и ноги, чувствовал...

8

...как вода пропитывает джинсы и рубашку, ощущал запахи

Вода?

грязи и сырости, слышал

Джинсы? Рубашку?

кваканье лягушек и

Джек открыл глаза и увидел оранжевый свет заходящего солнца, отражавшийся от широкой реки. На восточном берегу стеной стоял густой лес, на западном, где он находился, к кромке воды спускалось длинное поле, кое-где подернутое вечерним туманом. Земля хлюпала от влаги. Джек лежал у самой воды, в заболоченном месте, среди высокой травы. До морозов оставалось не меньше месяца, и Джек запутался в растительности, как человек, просыпающийся от кошмара, путается в простынях.

Окончательно вывалявшись в грязи, он с трудом поднялся, лямки рюкзака резали подмышки. Еще не придя в себя от пережитого ужаса, Джек стряхнул с рук и лица ошметки травы. Отступил от воды, оглянулся и увидел бутылку Спиди, лежавшую в грязи рядом с пробкой. Часть волшебного сока вылилась или расплескалась при борьбе со злобными деревьями Долин. Теперь бутылка опустела уже на две трети.

Он немного постоял, глядя на реку, его заляпанные грязью кроссовки наполовину погрузились во влажную землю. Он вернулся в свой мир, в старые добрые Соединенные Штаты Америки. Джек не видел ни золотых арок, хотя и надеялся, что увидит, ни небоскребов, ни спутника, поблескивающего в темнеющем небе, но знал, где находится и как его зовут. Вопрос состоял в следующем: а побывал ли он в другом мире?

Он всматривался в незнакомую реку, в незнакомую местность, вслушивался в далекое спокойное мычание коров. Подумал: *Это точно не Аркадия-Бич, Джеки.*

Нет, не Аркадия-Бич, но он недостаточно хорошо знал окрестности города, чтобы сказать, что находится от него дальше, чем в четырех или пяти милях. Однако в воздухе не ощущалось запаха Атлантического океана, и Джек точно знал, что он в глубине материка. Он вернулся назад, словно проснувшись от кошмара... ничего такого просто не могло быть, начиная с возницы и его телеги, на кото-

рой лежало облепленное мухами мясо, и заканчивая живыми деревьями. Какой-то кошмар с хождением во сне? Логично. Его мать умирала, и теперь он понимал, что знал об этом достаточно давно: все признаки были налицо, и подсознание сделало правильный вывод, хотя разум отрицал очевидное. Все это создавало подходящие условия для самогипноза, а безумный алкаш Спиди Паркер внес свою лепту. Конечно. Все складывалось.

Дяде Моргану это бы понравилось.

По телу Джека пробежала дрожь, он судорожно сглотнул. Ощутил боль. Не такую, как при воспалившемся горле, а как при мышечной травме.

Поднял левую руку — в правой была бутылка — и легонько погладил ладонью шею, словно женщина, проверяющая, нет ли морщинок. Нащупал вспухшую ссадину повыше кадыка. Кровоточила она не сильно, но прикосновение к ней вызывало болезненные ощущения. Ее оставил корень, который едва не задушил Джека.

— Явь, — прошептал он, глядя на оранжевую воду, слушая кваканье лягушек-быков и далекое мычание коров. — Все явь.

9

Джек начал подниматься по склону к дальнему краю поля, оставляя реку — и восток — позади. Прошел, наверное, с полмили, когда ритмичное ерзанье рюкзака по ноющей спине (последствия порки Осмонда никуда не делись, о чем ему не позволял забыть смещавшийся из стороны в сторону рюкзак) напомнило кое о чем. Он отказался съесть огромный сандвич Спиди, но разве Спиди не сунул то, что от него осталось, в рюкзак, пока он разглядывал медиатор?

Желудок от этой мысли радостно подпрыгнул.

Джек снял рюкзак, стоя по колено в тумане под вечерней звездой. Отстегнул один из клапанов — и да, там ле-

жал сандвич, не кусочек и не половина, а целый, завернутый в газету. Глаза Джека наполнились теплыми слезами. Ему хотелось, чтобы Спиди оказался рядом и он смог обнять старика.

Десять минут назад ты называл его безумным старым алкоголиком.

Лицо Джека вспыхнуло, но стыд не помешал ему расправиться с сандвичем в пять укусов. Он застегнул клапан, закинул рюкзак на плечи и двинулся дальше. Настроение улучшилось: урчащую дыру в животе на какое-то время удалось заткнуть. Джек снова стал самим собой.

Вскоре в сгущающейся темноте замерцали огни. Фермерский дом. Залаяла собака — хриплым басом крупного пса, — и Джек замер.

В доме, подумал он. *Или на привязи. Я надеюсь.*

Он взял правее, и через какое-то время пес перестал лаять. Ориентируясь по огням фермерского дома, Джек скоро вышел на узкую дорогу с гудронным покрытием. Посмотрел направо, налево, не зная, в какую сторону идти.

Что ж, друзья, а вот и Джек Сойер, на полпути из ниоткуда в никуда, мокрый до костей и в грязных кроссовках. Добро пожаловать, Джек!

Чувство одиночества и тоска по дому вновь навалились на него. Джек попытался их отогнать. Плюнул на указательный палец левой руки, потом резко ударил по левой ладони правой рукой. Большая часть слюны отлетела вправо — или так ему показалось, — и он повернулся и зашагал в выбранном направлении. Сорок минут спустя, когда его уже шатало от усталости (и, хуже того, снова мутило от голода), он увидел гравийный карьер, а рядом с ним — какую-то лачугу, к которой вела перегороженная цепью доро́га.

Джек нырнул под цепь и пошел к лачуге. На двери висел замок, но из-под одной стены маленького домишки вымыло землю. Потребовалась лишь минута, чтобы снять

рюкзак, подлезть под стену лачуги и затащить рюкзак за собой. Теперь благодаря замку на двери мальчик чувствовал себя в безопасности.

Он огляделся и увидел, что вокруг полно очень старых инструментов — карьер, судя по всему, давно забросили, и Джека это более чем устраивало. Он разделся догола, чтобы избавиться наконец от влажной грязной одежды. В одном из карманов джинсов нащупал монету, которую дал ему капитан Фаррен: в компании обычной мелочи она казалась гигантом. Джек вытащил ее и увидел, что монета с профилем королевы на одной стороне и крылатым львом на другой превратилась в серебряный доллар 1921 года. Какое-то время он смотрел на профиль леди Свободы, а потом убрал монету в карман.

Достал чистую одежду, подумав, что грязную сложит в рюкзак утром — она к тому времени высохнет, — а может, выстирает ее, либо в прачечной, либо в подвернувшейся реке.

В поисках носков его рука наткнулась на что-то узкое и твердое. Джек вытащил сей предмет и увидел, что это зубная щетка. Мгновенно возникли образы: дом, безопасность, здравомыслие. Щетка символизировала все это. И не представлялось возможным подавить эти чувства или хотя бы заставить их отстать от него. Зубную щетку положено видеть в ярко освещенной ванной, когда на тебе хлопчатобумажная пижама, а на ногах теплые шлепанцы. Ей не место на дне рюкзака в холодном и темном сарае для инструмента, на краю гравийного карьера в захолустном безымянном поселке.

Одиночество бушевало внутри, ощущение, будто он стал изгоем. Джек заплакал. Не истерично, как иной раз плачут люди, пытаясь замаскировать ярость слезами, а тихо и безысходно — так плачет человек, осознавший, что он совсем один и это надолго. Он плакал, потому что в его мире не осталось безопасности и здравомыслия. Одиночество стало реальностью, и до безумия был, возможно, всего один шаг.

Джек заснул до того, как слезы полностью иссякли. Заснул, свернувшись вокруг рюкзака, голый, если не считать чистого нижнего белья и носков. Слезы проложили чистые полоски в грязи, покрывавшей его щеки, а в одной руке он сжимал зубную щетку.

Глава 8
ТОННЕЛЬ ОУТЛИ

1

Шестью днями позже Джек практически полностью выбрался из грозившего поглотить его отчаяния. По прошествии этих первых дней на дороге он словно шагнул из детства во взрослую жизнь, миновав отрочество. Действительно, он не возвращался в Долины с того момента, как очнулся на западном берегу реки, но оправдывал свое решение, пусть продвигался на запад медленнее, желанием сохранить сок Спиди на крайний случай.

И потом, разве Спиди не говорил ему, что путешествовать лучше по дорогам этого мира? Просто следуй указателям, дружок.

Когда ярко светило солнце, автомобили подвозили его на тридцать—сорок миль к западу, а набитый желудок ни на что не жаловался, Долины казались невероятно далекими и призрачными; напоминали фильм, который он уже начал забывать, чистую фантазию. Иногда, если Джек откидывался на спинку пассажирского сиденья автомобиля какого-нибудь учителя и отвечал на обычные вопросы по своей Истории, он действительно о них забывал. Долины уходили от него, и он становился — почти становился — обычным мальчиком, каким был в начале этого лета.

Особенно на больших автострадах, где его обычно высаживали у съезда, а буквально через десять или пятнадцать минут рядом останавливалась следующая машина. Теперь он находился где-то рядом с Батавией, в западной части штата Нью-Йорк, шел спиной вперед по резервной полосе автострады 90, подняв руку с оттопыренным большим пальцем, чтобы добраться до Буффало. После Буффало он намеревался взять южнее. *Важно*, думал Джек, *продумать лучший способ что-то сделать, а потом следовать намеченному плану*. «Рэнд Макнэлли» и История позволили ему преодолеть часть пути, уже оставшуюся позади. Теперь требовался водитель, который подвез бы его до Чикаго или Денвера (или Лос-Анджелеса, если уж грезить об удаче, Джеки-бой), и тогда он смог бы отправиться в обратный путь еще до середины октября.

Он загорел, в кармане лежали пятнадцать долларов, полученные на последнем месте работы — посудомойщиком в придорожном ресторане «Золотая ложка» в Обурне, — мышцы окрепли. Иногда ему хотелось плакать, но после той первой ночи в сарае он не давал воли слезам. Держал все под контролем, и это имело значение. Теперь он знал, что надо делать, дошел до этого методом проб и ошибок, ничего не пускал на самотек и думал, что уже видит перед собой конец путешествия, хотя путь предстоял неблизкий. Оставаясь главным образом в этом мире, как и говорил ему Спиди, он мог продвигаться к цели достаточно быстро и вернуться в Нью-Хэмпшир с Талисманом, затратив не так уж много времени. Джек уже чувствовал, что все получится и проблем возникнет гораздо меньше, чем он поначалу ожидал.

Об этом, во всяком случае, думал Джек Сойер, щурясь от бившего в глаза послеполуденного солнца, когда запыленный синий «форд-фарлейн» свернул на обочину и остановился, ожидая, пока мальчик подбежит к нему. *Тридцать или сорок миль*, думал он. Представил себе стра-

ницу «Макнэлли», которую изучил этим утром, и решил: Оутли. Похоже, скучное, маленькое и безопасное местечко. Он двигался по намеченному пути, и теперь ничто не могло ему помешать.

2

Прежде чем открыть дверцу «фарлейна», Джек наклонился и заглянул в окно. Заднее сиденье было завалено каталогами и флаерами. Переднее пассажирское занимали два больших чемодана. Черноволосый мужчина с брюшком практически скопировал позу Джека, наклонившись над рулевым колесом, чтобы посмотреть в окно на подростка. Коммивояжер. Пиджак синего костюма висел на плечиках за спиной водителя. Узел галстука приспущен, рукава закатаны. Коммивояжер лет тридцати пяти, неспешно объезжающий свою территорию. И наверняка любящий поговорить, как и все его коллеги. Мужчина улыбнулся Джеку, взял один из чемоданов и перенес через спинку на заваленное заднее сиденье. За первым последовал второй.

— Освободим тебе местечко.

И Джек знал, что первым делом мужчина спросит его, почему он не в школе.

Он открыл дверцу.

— Спасибо. — И сел.

— Далеко едешь? — спросил коммивояжер, посмотрев в зеркало заднего вида, перед тем как включить передачу и вырулить обратно на проезжую часть.

— В Оутли, — ответил Джек. — Думаю, миль тридцать.

— Ты только что провалил географию, — сообщил ему коммивояжер. — До Оутли больше сорока пяти миль. — Он повернулся к Джеку и удивил мальчика, подмигнув ему. — Не обижайся, но мне не нравится, когда я вижу детей, голосующих на дороге. Поэтому всегда их подвожу. По

крайней мере знаю, что со мной они в безопасности. Никаких пощупываний-поглаживаний, понимаешь, о чем я? Здесь слишком много чокнутых, малыш. Ты читаешь газеты? Я говорю о хищниках. А ты можешь оказаться дичью.

— Конечно, вы правы, — ответил Джек. — Но я стараюсь быть осторожным.

— Как я понимаю, ты живешь где-то неподалеку?

Мужчина по-прежнему смотрел на него, бросая короткие взгляды на дорогу, а Джек лихорадочно рылся в памяти, вспоминая название какого-нибудь города, который остался позади.

— В Пальмире. Я из Пальмиры.

Коммивояжер кивнул.

— Приятный городок. — Он наконец-то повернулся лицом к дороге, и Джек чуть расслабился, привалившись к удобной плюшевой спинке. А потом мужчина наконец-то спросил:

— Надеюсь, ты не удрал из дому? — И подошло время Истории.

Джек рассказывал ее так часто, изменяя только названия городов по мере продвижения на запад, что она уже сама монологом слетала с языка.

— Нет, сэр. Мне просто надо попасть в Оутли, чтобы какое-то время пожить у тети Элен. Элен Воэн. Она сестра моей мамы. Учительница. Видите ли, прошлой зимой умер мой папа, и жить нам стало тяжелее... а две недели назад у мамы усилился кашель, и она едва могла подняться по лестнице, и доктор сказал, что ей хорошо бы какое-то время провести в постели, вот она и спросила сестру, не возьмет ли она меня к себе. Она учительница и все такое, так что в Оутли я смогу ходить в школу. Тетя Элен никому не позволит бездельничать, будьте уверены.

— Ты хочешь сказать, что твоя мать разрешила тебе добираться из Пальмиры в Оутли *на попутках*? — спросил мужчина.

— Нет, конечно же, нет... она бы никогда этого не сделала. Нет, она дала мне деньги на автобус, но я решил их сэкономить. У нас дома давно уже не так много денег, да и у тети Элен с ними напряженка. Моя мама разозлилась бы, узнав, что я голосую на дороге. Но мне кажется, это пустая трата денег. Я считаю, что пять баксов — это пять баксов, так чего отдавать их водителю автобуса?

Мужчина искоса глянул на него.

— И как долго ты собираешься пробыть в Оутли?

— Трудно сказать. Я надеюсь, мама скоро поправится.

— Только обратно не добирайся на попутках, хорошо?

— У нас больше нет машины, — ответил Джек, расширяя Историю. Ему это нравилось. — Можете поверить? Они пришли глубокой ночью и забрали ее. Жалкие трусы. Знали, что все будут крепко спать. Пришли глубокой ночью и забрали машину прямо из гаража. Мистер, я бы дрался за нашу машину, и тогда мама отвезла бы меня к тете. А теперь, когда маме надо к доктору, ей приходится спускаться вниз по холму и идти еще примерно пять кварталов до автобусной остановки. Как они могли это сделать? Просто пришли и украли нашу машину! Как только у нас появилась бы такая возможность, мы бы снова начали выплаты. Я хочу сказать, разве это не воровство?

— Случись такое со мной, я бы сказал, что воровство, — кивнул мужчина. — Что ж, я надеюсь, твоя мать быстро поправится.

— Мы оба на это надеемся, — искренне ответил Джек.

Разговор продолжался в том же духе, пока на щитах-указателях не начала мелькать информация о съезде в Оутли. Коммивояжер свернул на резервную полосу сразу за съездом, улыбнулся Джеку.

— Удачи тебе, малыш.

Джек кивнул и открыл дверцу.

— Надеюсь, тебе не придется провести в Оутли много времени.

Джек вопросительно посмотрел на него.

— Ты же знаешь, что это за место?

— Немного. Не так чтобы очень.

— Настоящая дыра. Из тех, где едят то, что раздавят на дороге. Гориллавилл. Ешь пиво, потом пьешь стакан. Что-то вроде этого.

— Спасибо за предупреждение. — Джек вылез из машины. Коммивояжер помахал рукой, и «фарлайн» уехал, быстро превратившись в темную точку, мчащуюся к низкому оранжевому солнцу.

3

Примерно милю или чуть дольше дорога тянулась по скучной равнине. Далеко впереди Джек видел маленькие щитовые двухэтажные дома, притулившиеся на краю полей, бурых и пустых, и дома эти не выглядели фермерскими. Унылые и редкие, они смотрели на пустынные поля, застыв в серой неподвижной тишине, нарушаемой только далеким гулом, который доносился с автострады 90. Не мычали коровы, не ржали лошади — Джек не видел ни животных, ни сельскохозяйственной техники. Около одного из домов стояло несколько старых ржавых автомобилей. В этих домах могли жить только люди, которые настолько не терпели себе подобных, что даже Оутли казался им излишне густонаселенным городом. Пустующие поля служили им рвом, отгораживавшим их щитовые облупившиеся замки.

Потом Джек вышел на перекресток, прямо-таки срисованный из комикса: две узкие пустынные дороги, перекрещивающиеся в абсолютной пустоте и уходящие в точно такую же пустоту. У Джека уже возникли сомнения в правильности выбранного пути, поэтому он поправил рюкзак и подошел к ржавому черному столбу, на котором крепились два указателя, такие же черные и

ржавые, с названиями дорог. Может, сойдя с автострады по съезду, ему следовало пойти налево, а не направо? Согласно указателю, дорога, проложенная параллельно автостраде, называлась Догтаун-роуд. Догтаун*? Джек прошелся по ней взглядом. Черная полоска асфальта среди бескрайних, ровных как стол, заросших бурьяном полей. Полоска асфальта, по которой шел он, согласно другому указателю, называлась Милл-роуд. Примерно через милю дорога ныряла в тоннель, почти скрытый кронами деревьев и ковром плюща, издали напоминавшего лобковые волосы. Среди плюща виднелся белый указатель, вероятно, на нем и державшийся. С такого расстояния надпись Джек разобрать не мог. Он сунул руку в карман и сжал монету, подаренную ему капитаном Фарреном.

Желудок уже подавал голос. Пора и пообедать, так что надо двигать отсюда и найти город, где он сможет отработать свою еду. Он решил не сворачивать с Милл-роуд, во всяком случае, пока не минует тоннель и не посмотрит, что на другой стороне. Джек продолжил путь, и черная дыра в зеленой стене деревьев росла с каждым шагом.

Холодный и сырой, пахнущий кирпичной пылью и вспаханной землей тоннель, казалось, всосал его в себя, а потом начал сжиматься. Джек даже испугался, что тоннель уводит под землю — просвета впереди не наблюдалось, — но потом понял, что асфальт идет ровно. «ВКЛЮЧИТЕ ФАРЫ» — предупреждал щит-указатель на въезде в тоннель. Джек наткнулся на кирпичную стену и почувствовал, как на руки посыпалась мелкая крошка.

— Фары, — сказал он себе, сожалея о том, что у него нет даже фонарика. Тоннель, по-видимому, немного изгибался. Джек медленно и осторожно, как слепой, уперся вытянутыми руками в стену и пошел вдоль нее, касаясь шероховатой поверхности пальцами. Когда такое проис-

*Догтаун — дословно «Собачий город» (*англ.*).

ходило с Койотом в мультфильмах про Дорожного бегуна, тот обычно оказывался на капоте грузовика.

Послышалось суетливое поскребывание по асфальту, и Джек замер.

Крыса, подумал он. *Может, кролик, срезающий путь между полями*. Нет, судя по звукам, животное было более крупное.

Звук повторился, удаляясь. Джек сделал еще шаг вперед. В глубине тоннеля кто-то вдохнул. Один раз. Мальчик остановился, гадая: *Это животное?* Он касался пальцами влажной стены, дожидаясь выдоха. На животное не похоже: ни крыса, ни кролик не могли так глубоко вдохнуть. Джек продвинулся еще на несколько дюймов, не желая признаваться себе, что боится того, кто мог затаиться в тоннеле.

Он вновь замер, услышав донесшийся из черноты звук, очень похожий на тихий смешок. В следующую секунду из глубин тоннеля разлился запах, знакомый, пусть пока Джек и не мог определить, где с ним сталкивался, резкий, сильный и мускусный.

Мальчик оглянулся. Вход в тоннель уже наполовину скрывшийся благодаря повороту стены, находился далеко-далеко и размером не превышал кроличью норку.

— Кто здесь? — спросил он. — Эй? Есть здесь кто-нибудь? Кто-нибудь?

Кажется, дальше по тоннелю зашептались.

Он не в Долинах, напомнил Джек себе, в самом худшем случае он мог спугнуть какого-то глупого пса, зашедшего в тоннель, чтобы вздремнуть в прохладной темноте. И тогда он просто спас псу жизнь, разбудив до того, как его раздавит автомобиль.

— Эй, песик! — крикнул он. — Песик!

И тут же его вознаградили звуки лап, бегущих по тоннелю. Но... они приближались или удалялись? Прислушиваясь к мягкому постукиванию, он не мог определить, бе-

жит ли животное к нему или от него. Потом подумал, что источник этих звуков, возможно, не впереди, а сзади, повернул голову и обнаружил, что входа в тоннель уже не видно.

Что-то заскреблось в футе или двух позади, Джек рванулся вперед и сильно ударился плечом об изгибающуюся стену.

Разглядел в темноте силуэт — вроде бы собачий. Джек шагнул и снова остановился — он настолько потерял ориентацию, что решил, будто перенесся в Долины. Тоннель наполнял резкий мускусный, животный запах, и приближался к нему точно не пес.

Дуновение холодного воздуха принесло новые запахи: машинного масла и перегара. Джек чувствовал, что силуэт все ближе.

Лишь на мгновение перед ним возникло зависшее в темноте лицо, словно подсвеченное изнутри слабенькой, едва тлеющей лампочкой: длинное, обиженное, только кажущееся молодым. Ему сопутствовали запахи пота, машинного масла, перегара. Джек вжимался в стену, подняв кулаки, и стоял так даже после того, как лицо растворилось в темноте.

Охваченный ужасом, он подумал, что слышит шаги, легкие и быстрые, удаляющиеся к входу в тоннель, и, оторвав взгляд от квадратного фута черноты, оглянулся. Темнота, тишина. Тоннель опустел. Джек сунул руки под мышки и откинулся на кирпичную стену, прижавшись к ней-рюкзаком. Через минуту продолжил путь.

Выйдя из тоннеля, он обернулся, чтобы посмотреть в него. Никаких звуков, никаких странных существ, спешащих к нему. Он приблизился к тоннелю на три шага, всмотрелся в его жерло. А потом сердце его чуть не остановилось, потому что к нему летели два огромных оранжевых глаза. Половину расстояния, разделявшего их и Джека, они преодолели в считанные секунды. Он не мог сдви-

нуться с места: его ноги по лодыжки ушли в асфальт. Наконец он сумел вытянуть перед собой руки, ладонями вперед, словно пытаясь оттолкнуть опасность. Глаза надвигались на него, загудел клаксон. За секунду до того, как автомобиль вырвался из тоннеля — за рулем сидел краснорожий мужчина, размахивая кулаком, — Джек успел отпрыгнуть в сторону.

— ГО-О-ОВ-НЮ-Ю-Ю... — донеслось из перекошенного рта. Еще не придя в себя, Джек повернулся и смотрел, как автомобиль мчится вниз по склону к городку, судя по всему, Оутли.

4

Расположенный среди заброшенных полей Оутли расползался от двух основных улиц. Первая, продолжение Милл-роуд, начиналась от огромного обшарпанного здания, возвышавшегося посреди большущей автостоянки. *Фабрика*, подумал Джек. Далее тянулись салоны подержанных автомобилей (с обвисшими флагами), рестораны быстрого обслуживания (великие американские сиськи), боулинг с гигантской неоновой вывеской («БОУЛ-А-РАМА!»), продовольственные магазины, заправочные станции. После них Милл-роуд превращалась в пять или шесть кварталов делового района, со старыми двухэтажными домами, перед которыми автомобили парковались капотом к тротуару. На другой основной улице, понятное дело, находились дома самых важных жителей города — большие, с верандами и широкими лужайками. На пересечении этих улиц в свете предвечернего солнца мигал красным светофор. Еще один светофор, кварталах в восьми, загорелся зеленым. Неподалеку находилось большое здание с множеством окон, которое выглядело как больница для душевнобольных, хотя, вероятнее всего, было школой. Эти улицы окружали маленькие домики, среди

которых встречались постройки непонятного предназначения, огороженные высоким сетчатым забором.

Многие окна фабрики были выбиты, а часть окон в центре города закрывали листы фанеры. В обнесенных сетчатым забором бетонированных дворах лежали груды мусора. Даже дома важных горожан казались запущенными, с просевшими половицами веранд, облупленной краской. Принадлежали они, похоже, владельцам автосалонов, стоянки которых заполняли непродаваемые автомобили.

Джек уже собрался было развернуться и отправиться в Догтаун, несмотря на название, но в этом случае ему вновь пришлось бы пройти по тоннелю на Милл-роуд. В торговом районе кто-то нажал клаксон, и от этого звука Джека охватили невыносимое чувство одиночества и ностальгия.

Он не мог расслабиться, пока не поравнялся с воротами фабрики. Тоннель на Милл-роуд остался далеко позади. Примерно треть окон на грязно-кирпичном фасаде отсутствовала, многие другие таращились на Джека большими квадратами коричневого картона. Даже на дороге ощущались запахи машинного масла, закопченных конвейерных лент, лязгающих шестерен. Джек сунул руки в карманы и быстрым шагом направился к центру города.

5

Вблизи Оутли выглядел еще более унылым, чем с вершины холма. В салонах подержанных автомобилей продавцы стояли у окон своих офисов, даже не выходя на улицу. Флаги обвисли, потрепанные и безрадостные; оптимистические плакаты, вывешенные вдоль потрескавшегося тротуара перед рядами автомобилей — «ОДИН ВЛАДЕЛЕЦ! ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОКУПКА! АВТОМОБИЛЬ НЕДЕЛИ!», — пожелтели. Чернила расползлись и стекали с некоторых букв, словно их смыло дождем. Очень мало людей ходило по этим улицам. Направляясь к

центру города, Джек увидел старика с запавшими щеками и серой кожей, который пытался закатить пустую тележку для продуктов на бордюрный камень. Когда мальчик приблизился, старик что-то проскрипел, враждебно и испуганно, оскалив черные, как у барсука, десны. Он подумал, что Джек хочет отнять у него тележку.

— Извините. — Сердце Джека вновь гулко забилось. Старик всем телом прикрывал тележку, защищая ее, демонстрируя врагу черные десны. — Извините, — повторил Джек. — Я только хотел помочь...

— Пайшивый вой! Пайшивый ВО-О-ОЙ! — взвизгнул старик, слезы покатились по его морщинистым щекам.

Джек поспешил уйти.

Двадцать лет назад, в шестидесятых, Оутли, должно быть, процветал. Часть Милл-роуд в городской черте напоминала о тех временах, когда акции росли, бензин стоил дешево и никто не слышал слов «дискреционный доход»*, потому что денег всем хватало. Люди вкладывали их во франшизы и маленькие магазинчики, и если не процветали, то хотя бы держались на плаву. Эти короткие кварталы все еще вселяли призрачную надежду, но во франшизных ресторанчиках сидели лишь немногочисленные подростки, потягивавшие колу, а в стеклянных витринах множества магазинов висели плакаты — старые, как и в автосалонах, — с надписями: «ПОСЛЕДНЯЯ РАСПРОДАЖА! ПОЛНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ!». Джек не увидел ни одного объявления о найме на работу.

В центре Оутли реальность проглядывала сквозь радостные клоунские цвета, оставшиеся от шестидесятых. Джек тащился вдоль понурых кирпичных домов, рюкзак становился все тяжелее, а ноги болели все сильнее. Он бы

* Дискреционный доход — часть чистого дохода потребителя, остающаяся после неизбежных расходов, уплаты налогов, затрат на удовлетворение первейших жизненных потребностей.

пошел в Догтаун, если бы не ноги и необходимость вновь пройти по тоннелю на Милл-роуд. Разумеется, в темноте не прятался скалящийся человек-волк — в этом он уже себя убедил. И никто не заговаривал с ним в тоннеле. Просто Долины очень его потрясли. Сначала королева, потом убитый парнишка у перевернувшейся телеги, половина лица которого превратилась в кровавую пульпу. Наконец, Морган и деревья. Но это произошло *там*, где подобное могло случиться... даже, вероятно, считалось нормальным. *Здесь* этим вещам не место.

Он оказался перед длинным грязным окном, над которым едва читалась облупившаяся надпись на кирпичной стене: «МЕБЕЛЬНЫЙ СКЛАД». Джек приложил руки к глазам, всмотрелся в стекло. Увидел деревянный пол, а на нем — диван и стул, покрытые белыми чехлами, на расстоянии пятнадцати футов друг от друга. Двинулся дальше, гадая, не придется ли ему выпрашивать еду.

Чуть впереди четверо мужчин сидели в автомобиле перед магазином с забитыми досками окнами. Джек посмотрел на автомобиль, древний черный «десото», который выглядел так, словно из него сейчас выскочит Бродерик Кроуфорд, отметил отсутствие покрышек. На лобовом стекле красовался приклеенный скотчем прямоугольник желтой бумаги пять на восемь дюймов, гласивший: «КЛУБ ХОРОШЕЙ ПОГОДЫ». Мужчины — двое на переднем сиденье, двое на заднем — играли в карты. Джек подошел к переднему пассажирскому окну.

— Извините, — обратился он к мужчинам, и сидевший ближе других картежник глянул на него рыбьим серым глазом. — Вы не знаете, где...

— Отвали, — сипло, словно с набитым ртом, ответил мужчина. Половину лица, обращенную к Джеку, испещряли старые шрамы от угрей, а само лицо выглядело на удивление плоским, словно кто-то наступил на него еще в младенчестве.

— Я просто хотел узнать, нет ли тут места, где я мог бы поработать пару дней.

— Попробуй Техас, — предложил мужчина, сидевший на водительском кресле, и пара на заднем сиденье загоготала, расплескав пиво на свои карты.

— Я сказал тебе, парень, отвали. — Плосколицый рыбьеглазый мужчина посмотрел на Джека. — Или я самолично выбью из тебя все дерьмо.

И Джек понимал, что тот говорит правду: задержись он еще на секунду, и мужчина вылезет и изобьет его в кровь. Потом вернется в машину и откроет новую банку пива. Пол был усеян банками «Роллинг рок»: выпитые валялись на боку, полные стояли в пластиковых упаковках. Джек отступил на шаг; «рыбий глаз» уже отвернулся от него.

— Наверное, действительно попробую поискать работу в Техасе. — Он двинулся дальше, ожидая услышать, как за спиной откроется дверца «десото», но услышал только, как вскрыли очередную банку пива.

Сначала треск, потом шипение.

Джек ушел не оглядываясь.

Он добрался до конца квартала и оказался на перекрестке с другой главной улицей. На засыхающей лужайке с желтыми сорняками стояли фибергласовые фигурки, отдаленно напоминавшие диснеевских оленят. Бесформенная старуха с мухобойкой в руке смотрела на него с дивана-качелей, стоящего на веранде.

Джек отвернулся от ее подозрительного взгляда и увидел перед собой последний из унылых кирпичных домов на Милл-роуд. Три бетонные ступени вели к раскрытой сетчатой двери. В длинном темном окне светилась рекламная надпись «БУДВАЙЗЕР». На фут правее красовалась вывеска: «БАР АПДАЙКА В ОУТЛИ», — а несколькими дюймами ниже к стеклу был приклеен желтый бумажный прямоугольник, такой же, как на ветровом стекле

«десото», только с желанными словами «ТРЕБУЮТСЯ ПОМОЩНИКИ». Джек снял рюкзак с плеч, сунул под мышку и поднялся по ступеням. И когда он переходил из утомленного солнечного света в темноту бара, ему вдруг вспомнился густой плющ на въезде в тоннель на Милл-роуд.

Глава 9
ДЖЕК В «ЛОВЧЕМ КУВШИНЕ»

1

Менее чем через шестьдесят часов Джек Сойер, пребывавший в совсем ином состоянии духа, чем тот Джек Сойер, который решился войти в тоннель Оутли в среду, находился в холодной кладовой «Бара Апдайка», прятал рюкзак за бочонками «Буша», стоявшими в дальнем углу, как алюминиевые кегли на боулинговой дорожке великана. Джек собирался убежать через два часа, после закрытия бара. Слово это — не *уйти*, не покинуть, а *убежать* — свидетельствовало о том, в какой отчаянной, по его мнению, ситуации он оказался.

Мне было шесть, Джону Б. Сойеру было шесть, Джеки было шесть. Шесть.

Мысль эта, несомненно, абсурдная, в тот вечер возникла у него в голове и принялась повторяться. Он счел ее очередным свидетельством того, как он напуган, насколько уверен, что попал в ловушку, которая вот-вот захлопнется. Он понятия не имел, что означает эта мысль, она просто кружилась и кружилась в голове, как деревянная лошадка, закрепленная на поворотном круге карусели.

Шесть. Мне было шесть. Джеки Сойеру было шесть.

Снова и снова, по кругу и по кругу несется она.

Кладовая примыкала к общему залу бара, и сегодня разделявшая их стена вибрировала от шума, пульсировала, как кожа на барабане. Всего лишь двадцатью минутами раньше это был пятничный вечер, а по пятницам текстильная фабрика Оутли и завод резинотехнических изделий Догтауна выплачивали зарплату. И теперь народу в баре набилось под завязку... и даже больше. Слева от барной стойки висело большое объявление: «ОДНОВРЕМЕННОЕ ПРЕБЫВАНИЕ В ЗАЛЕ БОЛЕЕ 220 ЧЕЛОВЕК ЯВЛЯЕТСЯ НАРУШЕНИЕМ ПУНКТА 331 ПРАВИЛ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ДЕЙСТВУЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ОКРУГА ДЖЕНЕСИ». Вероятно, пункт 331 временно прекращал свое действие по завершении рабочей недели, потому что, по прикидкам Джека, в баре собралось больше трехсот человек, отрывавшихся под музыку кантри-вестерн-группы, именовавшей себя «Парни из Дженни-Вэлли». Играли они ужасно, но у них была педальная стил-гитара. «Здешние парни любят педал-стил, Джек», — объяснил ему Смоуки.

— Джек! — проорала Лори, перекрывая стену звука.

Лори, женщина Смоуки. Джек не знал ее фамилии. Он едва слышал голос Лори за грохотом музыкального автомата, вопящего на полную мощность, потому что группа ушла на перерыв. Все пятеро музыкантов стояли у дальнего конца барной стойки и накачивались «Черным русским», который отпускался им за полцены. Лори сунула голову в кладовую. Тусклые светлые волосы удерживали детские белые заколки, поблескивавшие под флуоресцентным светом.

— Джек, если ты сейчас же не прикатишь этот бочонок, боюсь, он сломает тебе руку.

— Хорошо, — ответил Джек. — Скажи ему, что сейчас буду.

У него по коже побежали мурашки, и не от холода. У Смоуки Апдайка не забалуешь. Смоуки, который то и

дело менял бумажные поварские колпаки, нахлобучивая их на узкую голову, Смоуки с большими пластмассовыми вставными челюстями, купленными по почтовому каталогу, наводящими ужас и чересчур красивыми в своей идеальной ровности, Смоуки с яростными карими глазами и грязно-желтыми склерами старика. Смоуки Апдайк, который каким-то образом, по-прежнему непонятным для Джека — и оттого еще более пугающим, — сумел превратить мальчика в узника.

Музыкальный автомат временно смолк, остался рев толпы, который даже чуть усилился, чтобы компенсировать музыкальную паузу. Какой-то ковбой с озера Онтарио затянул грубым пьяным голосом: «*Йи-и-и-ХО-О!*» Вскрикнула женщина. Разбилось что-то стеклянное. Вновь включился музыкальный автомат, взревел, как двигатели ракеты «Сатурн» при взлете.

Из тех мест, где едят то, что раздавят на дороге.

Сырым.

Джек наклонился над алюминиевым бочонком, перетащил его примерно на три фута, скривив рот от боли. Несмотря на холод, на лбу выступил пот, спина запротестовала. Бочонок скрежетал, продвигаясь по неровному бетону. Джек остановился, тяжело дыша, в ушах у него звенело.

Он подвез ручную тележку к бочонку. Поставил его на обод, покатил вперед, к тележке, и когда уже опускал, потерял над ним контроль — тот весил лишь на несколько фунтов меньше Джека. Бочонок тяжело плюхнулся на переднюю часть тележки, где лежал кусок ковра, чтобы смягчать подобные удары. Джек попытался закатить бочонок на тележку, одновременно убрав руки, чтобы их не раздавило между бочонком и бортом тележки. Не успел. Тем не менее руки остались целы. Джек сунул пульсирующие болью пальцы левой руки в рот и пососал, в его глазах стояли слезы.

Ладно, пальцы он лишь слегка прищемил, но слышал шипение газа, выходящего из дренажного клапана на

крышке бочонка. Если Смоуки подключит бочонок и пойдет пена... или, хуже того, если откроет крышку и пиво гейзером ударит ему в лицо...

Лучше о таком не думать.

Прошлым вечером, в четверг, когда он попытался прикатить Смоуки бочонок, тот упал на бок. Дренажный клапан сорвало. Пиво, пенясь, потекло по полу к сливному отверстию. Джек стоял, перепуганный и застывший, не слыша криков Смоуки. Из бочонка вытекал не «Буш» — «Кингсленд». Не пиво, а эль... королевский эль.

Тогда Смоуки ударил его первый раз, отбросив мальчика на занозистую стену кладовой.

— Это твое жалованье за сегодня, — прорычал Смоуки. — И больше так не делай, Джек.

В этой фразе, «больше так не делай», сильнее всего Джека напугало предположение, что у него будет еще много возможностей сделать это. То есть Смоуки Апдайк ожидал, что он пробудет здесь долгое, долгое время.

— *Джек, поторопись!*

— Уже иду, — тяжело дыша, ответил Джек. Спиной вперед покатил тележку к двери, нащупал сзади ручку, повернул, распахнул дверь. Она ударилась обо что-то большое, мягкое и податливое.

— Господи, смотри, куда прешь!

— Ой, извините.

— Я тебе сейчас ойкну, говнюк, — ответил голос.

Джек подождал, пока не стихнут тяжелые шаги в коридоре, вновь попытался открыть дверь.

Узкий коридор был выкрашен ядовито-зеленой краской. В нем воняло говном, и мочой, и чистящим средством «Тайди Боул». Стены покрывали граффити — творчество скучающих пьяниц, дожидавшихся возможности использовать по назначению «ПОЙНТЕРОВ» или «СЕТТЕРОВ». Самая большая надпись, сделанная черным маркером, растянулась почти во всю зеленую стену и казалась

апофеозом тупой, бесцельной ярости, накопившейся в Оутли: «ОТПРАВИТЬ В ИРАН ВСЕХ АМЕРИКАНСКИХ НИГГЕРОВ И ЕВРЕЕВ».

Шум общего зала проникал и в кладовую. В коридоре он уже гремел. Джек бросил взгляд поверх бочонка на тележке, чтобы убедиться, что его рюкзак не виден от двери.

Он понимал, что должен уйти. *Должен*. Молчащий телефон наконец-то заговорил и, казалось, заковал его в капсулу темного льда... это было плохо. Но Рэндолф Скотт был еще хуже. Конечно, этот парень не был Рэндолфом Скоттом, просто он выглядел как Рэндолф Скотт в фильмах пятидесятых. Смоуки Апдайк, возможно, был еще хуже... хотя Джек в этом уже сомневался. С того момента, как увидел (или подумал, что увидел), что глаза человека, похожего на Рэндолфа Скотта, меняют цвет.

Но хуже всего был сам Оутли... это Джек знал наверняка.

Оутли, штат Нью-Йорк, в самом сердце округа Дженеси, теперь казался ужасной западней, которую поставили на Джека... прямо-таки муниципальным «ловчим кувшином». Одно из чудес природы, «ловчий кувшин». Попасть в него легко. Выбраться — практически невозможно.

2

Высокий мужчина с большущим, покачивающимся животом стоял, ожидая, когда освободится мужской туалет. Он перекатывал из одного уголка рта в другой пластиковую зубочистку и пристально смотрел на Джека. Подросток решил, что угодил дверью в этого пузатого.

— Говнюк, — сообщил пузатый, и тут дверь туалета открылась. Из него вышел мужчина. На мгновение глаза Джека встретились с его глазами. Тот самый мужчина, похожий на Рэндолфа Скотта. Но не кинозвезда — обычный рабочий из Оутли, пропивающий недельное жалованье.

Потом он уедет на наполовину оплаченном «мустанге» с дребезжащими дверцами или на оплаченном на три четверти мотоцикле — большом старом добром «харлее», возможно, с наклейкой «ПОКУПАЙ АМЕРИКАНСКОЕ» на боку.

Его глаза стали желтыми.

Нет, это твое воображение, Джек, всего лишь твое воображение. Он всего лишь...

...всего лишь рабочий, который приглядывается к нему, потому что он — новенький. Сам-то, наверное, учился здесь в старшей школе, играл в футбол, накачал девчонку-католичку из группы поддержки и женился на ней, девчонка растолстела на шоколаде и готовых обедах «Штоуффера». Обычный неудачник из Оутли, всего лишь...

Но его глаза стали желтыми.

Прекрати! Не стали!

И все-таки что-то в нем заставило Джека подумать о случившемся по пути в город... случившемся в темноте тоннеля.

Толстяк, обозвавший его говнюком, отпрянул от сухощавого мужчины в джинсах «Левайс» и чистой белой футболке. Рэндолф Скотт двинулся к Джеку, размахивая большими жилистыми руками.

Его глаза блеснули ледяной синевой... и начали изменяться, мутнеть и светлеть.

— Малыш, — произнес он, и Джек торопливо удрал, открыв задом дверь, не волнуясь о том, кого она могла ударить.

Шум обрушился на него. Кенни Роджерс ревел хвалебную песнь некоему Рубену Джеймсу. *Ты подставлял всегда другую щеку*, — вдалбливал Кенни набившимся в зал пьяницам, — *ведь кротких ждет прекрасный лучший мир*. Кротких в зале Джек не видел. «Парни из Дженни-Вэлли» возвращались на эстраду и разбирали инструменты. Все выглядели пьяными и потерянными... возможно, не по-

нимали, где находятся, за исключением игравшего на педальной стил-гитаре. На лице этого парня читалась скука.

Слева от Джека женщина что-то жарко говорила в трубку телефона-автомата. Сам Джек, будь его воля, больше никогда не прикоснулся бы к трубке, даже за тысячу долларов. Пока она говорила, пьяный спутник лапал ее, засунув руку под ковбойку. На большой танцплощадке не меньше семидесяти пар топтались и обнимались независимо от того, какая звучала музыка, быстрая или медленная. Просто обнимались, вжимаясь друг в друга, руки мяли ягодицы, губы сливались с губами, пот тек по щекам и проступал большими кругами под мышками.

— Слава тебе, Господи! — воскликнула Лори и открыла калитку, чтобы Джек мог вкатить бочонок за стойку. Смоуки стоял в середине, наполнял поднос Глории джин-тоником, водкой с лимонным соком и коктейлем «Черный русский», который действительно составлял конкуренцию пиву в борьбе за право называться самым популярным напитком Оутли.

Джек увидел Рэндолфа Скотта, выходящего в зал из коридора. Он смотрел в сторону Джека, его синие глаза тут же поймали взгляд мальчика. Рэндолф легонько кивнул, как бы говоря: *Мы поговорим. Да, сэр. Может, мы поговорим о том, что могло, а чего не могло быть в тоннеле Оутли. Или о кнутах. Или о больных матерях. Может, поговорим о том, что ты проведешь в округе Дженеси много-много времени, пока не станешь стариком, плачущим над тележкой для продуктов. Что думаешь насчет этого, Джеки?*

По телу Джека пробежала дрожь.

Рэндолф Скотт улыбнулся, словно увидел эту дрожь... или почувствовал. Потом нырнул в толпу.

Мгновением позже сильные тонкие пальцы Смоуки впились в плечо Джека — искали самое болезненное место и, как всегда, нашли. Умные пальцы, знающие, где проходят нервы.

— Джек, ты должен шевелиться быстрее. — В голосе Смоуки почти слышалось сочувствие, но пальцы давили, двигались, искали. От него пахло розовыми пастилками «Канада минт», которые он то и дело кидал в рот. Купленные по почте вставные челюсти клацали и щелкали. Иногда слышалось мерзкое чавканье, когда они сползали, а он засасывал их на положенное место. — Ты должен шевелиться быстрее, а не то мне придется смазать тебе зад скипидаром. Ты понимаешь, что я говорю?

— Д-да, — ответил Джек, стараясь не застонать.

— Ладно. Это хорошо. — На мгновение пальцы Смоуки вжались сильнее, надавили на нервный узел. Джек застонал. Смоуки это вполне устроило. Он убрал руку.

— Помоги мне подсоединить бочонок, Джек. И давай сделаем это быстро. Вечер пятницы, люди хотят пить.

— Утро субботы, — тупо поправил его Джек.

— И тогда тоже хотят. За дело.

Джеку как-то удалось помочь Смоуки поднять бочонок на квадратную подставку под стойкой. Тонкие, похожие на веревки мышцы Смоуки бугрились и извивались под футболкой с надписью «БАР АПДАЙКА В ОУТЛИ». Бумажный колпак на узкой голове этого хорька оставался на месте, край всегда касался левой брови, вопреки закону всемирного тяготения. Джек наблюдал, затаив дыхание, как Смоуки отворачивает красный дренажный клапан-пробку. Бочонок задышал более шумно, но не вспенился. Тихий вздох облегчения сорвался с губ Джека.

Смоуки уже катил к нему пустой бочонок.

— Отвези его в кладовую, а потом приберись в туалете. Помнишь, что я говорил тебе сегодня днем?

Джек помнил. В три часа дня взвыла сирена, словно оповещая о воздушном налете, и Джек чуть не выпрыгнул из штанов. Лори засмеялась и повернулась к Смоуки: «Глянь на Джека, Смоуки. Думаю, он только что обмочился». Смоуки мрачно, без тени улыбки глянул на Джека и

подозвал его взмахом руки. Объяснил, что эта сирена сообщает о начале выплаты недельного жалованья на текстильной фабрике Оутли. Сказал, что такая же сирена оповещает о начале выплаты на заводе резинотехнических изделий Догтауна. Там изготавливали пляжные игрушки, надувных кукол и презервативы с такими названиями, как «Ребрышки удовольствия». Скоро, сказал Смоуки, в бар потянется народ.

— И ты, и я, и Лори, и Глория должны стать быстрыми как молния, — наставлял его Смоуки, — потому что в пятницу после крика орла мы должны заработать все те деньги, которые недополучаем каждое воскресенье, понедельник, вторник, среду и четверг. Когда я крикну тебе, что надо привезти бочонок пива, ты должен сделать это, прежде чем смолкнет мой крик. И каждые полчаса заходи в туалет со своей шваброй. В пятницу вечером каждый посетитель облегчается раз в четверть часа, а то и чаще.

— Женский я беру на себя, — добавила подошедшая Лори. Ее тонкие волосы вились золотом, белизна кожи соперничала с вампирами из комиксов. Она то ли простудилась, то ли сидела на кокаине, потому что постоянно шмыгала носом. Джек полагал, что это простуда. Он сомневался, что в такой дыре, как Оутли, кто-то мог позволить себе кокаин: слишком дорогое удовольствие. — Женщины получше мужчин. Не намного, но все-таки получше.

— Заткнись, Лори.

— Сам заткнись, — огрызнулась она, и рука Смоуки сверкнула молнией. Прогремел гром, и внезапно на бледной щеке Лори возник отпечаток пятерни Смоуки, как переводная татуировка. Лори заплакала... но Джек, к своему полному недоумению, увидел, что ее глаза светятся счастьем. Она относилась к женщинам, верившим в принцип «бьет — значит, любит».

— Не сиди сложа руки, и у тебя не возникнет проблем, — продолжил Смоуки. — Помни, что должен поше-

веливаться, если я крикну, что надо привезти бочонок. И помни, что надо каждые полчаса заходить со шваброй в мужской туалет и подтирать блевоту.

Тут он снова сказал Смоуки, что хочет уйти, а Смоуки повторил свое лживое обещание насчет второй половины воскресенья... Но какой смысл думать об этом?

Крики стали громче, к ним добавился грубый смех. Раздался треск ломающегося стула и пронзительный крик боли. Кулачный бой — третий за вечер — завязался на танцплощадке. Смоуки выругался и протиснулся мимо Джека.

— Убери этот бочонок.

Джек положил пустой бочонок на тележку и повез к двери в коридор, опасаясь вновь наткнуться на Рэндолфа Скотта. Но увидел, что тот стоит в толпе вокруг дерущихся, и чуть расслабился.

В кладовой он поставил пустой бочонок на погрузочную платформу — за этот вечер в «Баре Апдайка в Оутли» опустошили уже шесть бочек. Покончив с этим, вновь проверил, на месте ли рюкзак. Его охватила паника — рюкзак украли, — и сердце застучало паровым молотом. В рюкзаке лежала и бутылка с волшебным соком, и монета из Долин, ставшая в этом мире серебряным долларом. Вспотев от ужаса, Джек сместился правее, сунул руку между двух следующих бочонков. Нащупал через зеленый нейлон рюкзака округлость бутылки Спиди. Сердцебиение начало выравниваться, но Джека трясло, а ноги подгибались — так бывает, когда едва не случилась беда.

Мужской туалет вызывал отвращение. Раньше Джека могло вырвать от одного вида блевотины, но за этот вечер привык к вони... и полагал, что это не самое худшее. Он налил горячей воды, добавил порошка «Комет» и принялся сгребать все это месиво к сливному отверстию, мыслями вернувшись к событиям последних двух дней, волнуясь, как волнуется животное, попавшее лапой в капкан.

3

Когда Джек впервые вошел в «Бар Апдайка в Оутли», его встретили темнота и пустота. Музыкальный автомат и еще два, для игры в пинбол и «Космических захватчиков», были выключены. Светилась только реклама пива «Буш» над барной стойкой: цифровые часы меж двух горных пиков, напоминавшие невиданную летающую тарелку.

Чуть улыбаясь, Джек направился к стойке. И почти подошел к ней, когда за спиной раздался бесстрастный голос:

— Это бар. Несовершеннолетних здесь не обслуживают. Ты что, тупой? Пошел вон.

Джек чуть не выпрыгнул из штанов. Он как раз нащупал в кармане деньги, думая, что все будет как в «Золотой ложке»: он сядет на высокий стул, что-то закажет, потом спросит о работе. Разумеется, нанимать на работу такого, как он, незаконно, во всяком случае, без разрешения, подписанного родителями или опекуном, но зато ему можно платить меньше установленного законом минимума. Намного меньше. И переговоры о жалованье обычно начинались с Истории № 2 — «Джек и злой отчим».

Он развернулся и увидел мужчину, сидевшего в одиночестве в одной из кабинок и смотревшего на него с холодной, презрительной настороженностью. Мужчину тощего, но крепкого — веревки мышц ходили под белой футболкой и на шее. Футболке составляли компанию мешковатые белые поварские штаны и бумажный поварской колпак, сдвинутый на левую бровь. Узкой головой мужчина напоминал хорька. Короткие волосы серебрились на висках. Между большими руками лежала стопка счетов и калькулятор «Тексас инструментс».

— Я увидел ваше объявление о работе, — ответил Джек, не питая особых надежд. Этот мужчина не собирался его нанимать, да он и сам не знал, хочет ли здесь работать. Мужчина выглядел злым и прижимистым.

— Увидел, значит? — хмыкнул тот. — Должно быть, научился читать в один из перерывов между прогулами. — На столе лежала пачка «Филлис черутс». Мужчина достал одну.

— Я не знал, что это бар. — Джек отступил на шаг к двери. Солнечный свет пробивался сквозь грязное стекло, а потом, казалось, замертво падал на пол, словно «Бар Ап-дайка в Оутли» находился в другом измерении. — Наверное, я подумал, что это... вы понимаете, бар и гриль. Что-то такое. Я уже ухожу.

— Подойди сюда. — Карие глаза мужчины пристально смотрели на него.

— Нет, все хорошо, — нервно ответил Джек. — Я уже...

— Подойди сюда. Сядь. — Мужчина зажег деревянную спичку, чиркнув о ноготь большого пальца, раскурил сигару. Муха, сидевшая на поварском колпаке, жужжа, улетела в темноту. Его взгляд не отрывался от Джека. — Я тебя не укушу.

Джек медленно подошел к кабинке, после короткого колебания скользнул за столик напротив мужчины, чинно сложил руки перед собой. Шестьдесят часов спустя, с падающими на глаза влажными от пота волосами, подтирая мочу и блевоту в мужском туалете в половине первого ночи, Джек думал — нет, *знал*, — что его глупая самоуверенность позволила ловушке захлопнуться (и она захлопнулась в тот момент, когда он сел напротив Смоуки Ап-дайка, пусть тогда он об этом не догадывался). Венерина мухоловка закрывается, если внутрь залетает несчастное насекомое. «Ловчий кувшин» с его тонким ароматом и гладкими как стекло стенками ждет, пока какой-нибудь крылатый идиот не окажется внутри, где и утонет в скопившейся на дне дождевой воде. В Оутли кувшин наполняла не вода, а пиво — других отличий не наблюдалось.

Если бы он тогда убежал...

Но он не убежал. И еще подумал, стараясь выдержать холодный карий взгляд, а вдруг он все-таки получит рабо-

ту. Майнетт Банберри, женщина, которой принадлежала «Золотая ложка» в Обурне, отнеслась к Джеку по-доброму, обняла на прощание, чмокнула в щеку и даже дала три больших сандвича в дорогу, но он прекрасно понимал, что к чему. Мягкость и даже некое подобие доброты не скрывали хладнокровной нацеленности на получение прибыли, то есть, откровенно говоря, жадности.

В штате Нью-Йорк минимальная часовая заработная плата составляла три доллара сорок центов. Как и требовал закон, эта информация висела на кухне «Золотой ложки»: ярко-розовый лист, размерами почти не уступавший киношному постеру. Но поваром здесь работал гаитянин, который едва говорил по-английски и наверняка въехал в страну нелегально. Так, во всяком случае, думал Джек. Готовил он как бог, ломтики картофеля и моллюски не проводили в кипящем масле ни секунды дольше положенного. Девушка, помогавшая миссис Банберри обслуживать клиентов, очень миленькая, но с пустыми глазами, попала к ней по программе обеспечения работой умственно отсталых. В таких случаях закон о минимальной часовой заработной плате не применялся, и шепелявая слабоумная красотка с неподдельным восторгом сообщила Джеку, что зарабатывает доллар двадцать пять центов *каждый час, и все эти деньги — ее.*

Сам Джек получал полтора доллара. Он выторговал себе такую оплату и знал: если бы миссис Банберри не оказалась в бедственном положении — ее посудомойщик смылся, ушел выпить чашечку кофе и не вернулся, — она бы торговаться не стала. Или соглашайся на доллар двадцать пять центов, сынок, или скатертью дорога. Это свободная страна.

И теперь, думал он с незнакомым ему прежде цинизмом, который являлся частью его новой самоуверенности, *перед ним другая миссис Банберри. Мужчина, а не женщина, крепкий и худой, а не толстый и приветливый, кислый, а не улыбчивый, но в принципе — все та же миссис Банберри.*

— Значит, ищешь работу? — Мужчина в белых штанах и бумажном колпаке положил сигару в пепельницу со словом «КЭМЕЛС» на дне. Муха перестала мыть ножки и улетела.

— Да, сэр, но вы говорите, что это бар и все такое...

Предчувствие беды вновь шевельнулось в нем. Эти карие глаза и желтые склеры его тревожили — глаза старого кота-охотника, который расправился со многими и многими мышками.

— Да, это мой бар. Смоуки Апдайк. — Он протянул руку. Джек в изумлении протянул свою. Мужчина сжал ее один раз, почти до боли. Потом ослабил хватку... но руки Джека не выпустил. — Ну?

— Что? — Джек понимал, что выглядит глупо и даже испуганно... но он *чувствовал* себя глупо и немного испугался. И потом, он хотел, чтобы Апдайк отпустил его руку.

— Разве родители не научили тебя представляться?

Вопрос прозвучал столь неожиданно, что Джек едва не назвал свои настоящие имя и фамилию, а не те, которыми воспользовался в «Золотой ложке». Их он называл и подвозившим его людям, если они хотели знать, кого посадили в свой автомобиль. Он уже свыкся с тем, что Льюис Фаррен — его «дорожное имя».

— Джек Со... э... Сотель, — ответил он.

Апдайк еще секунду сжимал его руку, карие глаза не мигая смотрели на мальчика. Потом разжал пальцы.

— Джек Со-э-Сотель. Наверное, самая длинная гребаная фамилия во всем телефонном справочнике, да, малыш?

Джек покраснел, но промолчал.

— Ты не такой уж здоровый. Думаешь, сможешь поставить на обод девяностофунтовый бочонок с пивом и закатить его на ручную тележку?

— Думаю, смогу, сэр, — ответил Джек, не зная, сможет или нет. Впрочем, особой проблемы он не видел: в таком

пустующем баре бочонки, похоже, приходилось менять только по большим праздникам.

Апдайк словно прочитал его мысли.

— Да, сейчас никого нет. В четыре-пять часов мы начинаем вертеться. А по выходным здесь действительно полно народу. Именно тогда тебе придется отрабатывать свои деньги, Джек.

— Ну, я не знаю. А сколько вы будете платить?

— Доллар в час, — ответил Апдайк. — Хотел бы платить больше, но... — Он пожал плечами и постучал пальцем по пачке счетов. Даже улыбнулся одними губами, как бы говоря: *Сам видишь, как обстоят дела, малыш, все в Оутли замедляется, как дешевые карманные часы, которые забыли завести... все замедляется с семьдесят первого года.* Его глаза по-прежнему неотрывно наблюдали за лицом Джека, пристальные, как у кота.

— Не так чтобы много. — Джек говорил медленно, но думать старался очень быстро.

«Бар Апдайка в Оутли» — могила... за стойкой не было даже несчастного алкоголика, посасывающего пиво и не отрывающего глаз от телевизора. Если в Оутли и пьют, так это в том автомобиле-«клубе». Полтора доллара в час — тяжело заработанные деньги, если пахать, не разгибая спины. В таком месте доллар в час — легкая работенка.

— Да, — согласился Апдайк, возвращаясь к калькулятору, — не много. — Его голос говорил, что Джек может согласиться или уйти. Обсуждение закончилось.

— Может, мне и подойдет.

— Что ж, это хорошо, — кивнул Апдайк. — Теперь мы должны выяснить еще один момент. От кого ты бежишь и кто тебя ищет? — Карие глаза вернулись к лицу Джека и теперь буравили его. — Если кто-то идет по твоему следу, я не хочу, чтобы он портил мне жизнь.

Этот вопрос не поколебал самоуверенности Джека. Он не считал себя семи пядей во лбу, но ему хватало ума, что-

бы понять: в пути потребуется еще одна легенда, предназначенная для потенциальных работодателей. История № 2 — «Злобный отчим».

— Я из маленького городка в Вермонте. Фендервилла. Мои мать и отец развелись два года назад. Отец пытался получить опеку надо мной, но судья отдал меня матери. Так они поступают практически всегда.

— Именно так они и поступают. — Апдайк снова занялся счетами и так низко склонился над калькулятором, что едва не касался носом клавиш, но Джек чувствовал, что он все равно слушает.

— Мой отец поехал в Чикаго и там нашел работу. Он пишет мне примерно раз в неделю, но перестал приезжать в прошлом году, после того как Обри избил его. Обри...

— Твой отчим, — вставил Апдайк, и Джек сощурился: к нему вернулось недавнее недоверие. В голосе Апдайка не было сочувствия. Тот будто смеялся над ним, зная, что история Джека — выдумка чистой воды.

— Да, — кивнул Джек. — Моя мама вышла замуж полтора года назад. Он часто меня бьет.

— Грустно, Джек. Очень грустно. — Апдайк поднял голову, сардонические недоверчивые глаза вновь смотрели на Джека. — И ты удрал в Чикаго, где вы с отцом будете счастливо жить до скончания веков.

— Я на это надеюсь, — ответил Джек, и тут его осенило. — Я точно знаю, что мой настоящий отец не будет подвешивать меня за шею в стенном шкафу. — Он оттянул ворот футболки, показав отметину. Она уже поблекла, но пока он работал в «Золотой ложке», оставалась яркой и отвратительно лилово-красной. Как клеймо. Однако в «Золотой ложке» у него не было повода демонстрировать ее. Разумеется, оставил эту отметину корень, который едва не оборвал жизнь Джека в другом мире.

Экспромт удался: он увидел, как глаза Апдайка широко раскрылись от удивления, а может, и шока. Мужчина

наклонился вперед, сдвинув несколько желтых и розовых листков.

— Господи Иисусе, малыш. Это сделал твой отчим?

— Тогда я и решил убежать.

— Он может появиться здесь в поисках своего автомобиля, или мотоцикла, или бумажника, или гребаной заначки травки?

Джек покачал головой.

Смоуки еще несколько секунд смотрел на Джека, потом выключил калькулятор.

— Пойдем в кладовую, малыш.

— Зачем?

— Хочу посмотреть, сможешь ли ты поставить один из этих бочонков на ребро. Если сможешь привезти бочонок, когда он мне потребуется, работа твоя.

4

Джек, к полной удовлетворенности Апдайка, продемонстрировал, что может поставить большой алюминиевый бочонок на ребро, а потом, перекатывая, поставить на тележку. Он справился без особых проблем — только днем позже он уронит бочонок и получит в нос.

— Что ж, неплохо, — кивнул Апдайк. — Ты, конечно, маловат для такой работы и, возможно, наживешь гребаную грыжу, но тебя никто не неволил.

Он сказал Джеку, что начинать тот будет в полдень и работать до часа ночи («Во всяком случае, пока сможешь»), а платить ему будут каждый вечер при закрытии. Наличными.

Они вернулись в зал и там увидели Лори, в темно-синих баскетбольных шортах, таких коротких, что из-под них виднелись края вискозных трусиков, и блузке без рукавов, которую она наверняка приобрела в «Маммот-марте» в Батавии. Ее жидкие светлые волосы удерживали

пластмассовые заколки, и она курила «Пэлл-Мэлл», густо измазав фильтр помадой. Большой серебряный крест болтался между грудями.

— Это Джек, — представил своего нового работника Апдайк. — Можешь убрать объявление.

— Беги, малыш, — посоветовала ему Лори. — Еще есть время.

— Закрой хлебало.

— Заставь меня.

Апдайк шлепнул ее по заду, достаточно сильно, чтобы она отлетела к стойке. Джек моргнул, вспомнив, как щелкал кнут Осмонда.

— Мужлан. — Глаза Лори заблестели от слез... но выглядела она очень довольной, словно считала, что так и должно быть.

Тревога Джека теперь ощущалась отчетливее, резче... перешла в страх.

— Не обращай на нас внимания, малыш. — Лори направилась к желтому прямоугольнику объявления. — Все будет хорошо.

— Его зовут Джек — не *малыш*. — Смоуки вернулся в кабинку, где проводил «собеседование» с Джеком, и начал собирать счета. — Малыш — это гребаный козленок. Или тебя не учили этому в школе? Приготовь парню пару бургеров. Он будет начинать работу в полдень.

Лори сняла с окна объявление и положила за музыкальный автомат с таким видом, будто проделывала это многократно. Проходя мимо Джека, подмигнула ему.

Зазвонил телефон.

Все трое посмотрели на него, вздрогнув от резкого звука. Джеку показалось, что к стене прилип большой черный слизняк. Мальчик словно выпал из времени. Успел заметить бледность Лори — цветом выделялись только поблекшие пятнышки прыщей. Успел всмотреться в жесткое, скрытное лицо Апдайка, увидеть выпирающие вены

на его длинных кистях. И прочесть пожелтевшее объявление над телефонным аппаратом: «ПОЖАЛУЙСТА, ОГРАНИЧЬТЕ РАЗГОВОР ТРЕМЯ МИНУТАМИ».

В повисшей тишине телефон звонил и звонил.

Джек, охваченный внезапным ужасом, подумал: *Это меня. Издалека... из далекого, ОЧЕНЬ далекого далека.*

— Ответь, Лори, — бросил Апдайк, — чего стоишь?

Лори пошла к телефону.

— «Бар Апдайка в Оутли». — Ее тихий голос дрожал. Она послушала. — «Бар Апдайка в Оутли». Алло? Алло?.. Твою мать.

И с треском повесила трубку.

— Никого. Мальчишки, наверное. Иногда хотят знать, есть ли у нас «Принц Альберт» в жестянке. Какие ты любишь бургеры, малыш?

— Джек! — взревел Апдайк.

— Джек, хорошо, хорошо, Джек. Какие ты любишь бургеры, Джек?

Джек ответил, что не сильно прожаренными, с коричневой горчицей и бермудским луком. Он расправился с едой в мгновение ока и выпил стакан молока. Тревога ушла вместе с голодом. Мальчишки, сказала она. Но его глаза то и дело возвращались к телефону, и он задавался вопросом, действительно ли это были мальчишки?

5

Ровно в четыре пополудни дверь открылась, словно пустота бара служила хитро расставленной западней, призванной привлечь его (как «ловчий кувшин» привлекает невинным видом и сладким запахом), и в зал вошли мужчины в рабочей одежде. Лори включила музыкальный автомат и автоматы для игры в пинбол и «Космических захватчиков». Несколько человек громко поприветствовали Смоуки, который сухо улыбнулся в ответ, продемонстрировав

купленные по почте вставные челюсти. Большинство заказало пиво. Двое или трое — «Черного русского». Один — член «Клуба хорошей погоды», Джек в этом практически не сомневался — бросал в музыкальный автомат четвертаки, вызывая голоса Микки Джилли, Эдди Рэббита, Уэйлона Дженнингса и других. Смоуки велел Джеку взять в кладовой ведро и швабру и вымыть танцплощадку перед эстрадой, которая пустовала в ожидании пятницы и «Парней из Дженни-Вэлли». А после того как площадка просохнет, сказал Смоуки, надо взять «Пледж» и натереть ее. «Ты поймешь, что все сделано по правилам, когда увидишь в ней свою улыбающуюся физиономию», — объяснил он.

6

Так Джек начал работать в «Баре Апдайка в Оутли».

В четыре-пять часов мы начинаем вертеться.

Что ж, Смоуки ему не солгал. До того момента, как Джек отодвинул тарелку и начал зарабатывать деньги, бар практически пустовал. К шести часам собралось человек пятьдесят, и на работу пришла официантка Глория, девушка крепкого сложения. Некоторые посетители встретили ее радостными воплями и криками «Ур-р-ра». Глория присоединилась к Лори, разнося вино, множество «Черных русских» и океаны пива.

Помимо бочонков «Буша», Джек таскал из кладовой бутылочное пиво — «Будвайзер», само собой, а также местных фаворитов — «Дженеси», «Утика-клаб» и «Роллинг рок». На руках появились волдыри, заболела спина.

Между походами в кладовую за ящиками с пивом и походами в кладовую после команды: «Привези мне бочонок, Джек» (эта фраза уже вызывала у него дрожь ужаса), — он возвращался на танцплощадку со шваброй и большой бутылкой «Пледж». Один раз пустая пивная бутылка пролетела мимо его головы, разминувшись с ней на

несколько дюймов. Он пригнулся, с гулко забившимся сердцем, и бутылка разбилась о стену. Смоуки выгнал пьяного хулигана вон, его вставные челюсти обнажились в крокодильей улыбке. Выглянув в окно, Джек увидел, как хулиган ударил парковочный счетчик с такой силой, что выскочила красная табличка «НАРУШЕНИЕ».

— Иди сюда, Джек, — нетерпеливо позвал его Смоуки, вернувшийся за стойку. — Она пролетела мимо, так? Убери осколки.

Полчаса спустя Смоуки отправил его в мужской туалет. Мужчина средних лет с прической а-ля Джо Пайн стоял, покачиваясь, у одного из писсуаров. Одной рукой он держался за стену, другой тряс огромный необрезанный член. Между его стоптанными рабочими ботинками дымилась лужа блевоты.

— Приберись здесь, малыш. — Мужчина, покачиваясь, двинулся к двери, по пути так хлопнув Джека по спине, что едва не свалил мальчика с ног. — Нужно освобождать место любым доступным способом, верно?

Джек сумел дождаться, пока за мужчиной закроется дверь, а потом его вырвало.

Ему удалось воспользоваться единственной кабинкой, где в унитазе плавала несмытая зловонная рвота предыдущего посетителя. Джек выблевал остатки обеда и пару раз судорожно вдохнул, после чего его вырвало вновь. Трясущейся рукой он нащупал кнопку слива, нажал. Через стену доносились приглушенные голоса Уэйлона и Вилли, поющих о Лакенбахе, штат Техас.

Внезапно перед Джеком возникло лицо матери, более прекрасное, чем на экране, с огромными глазами, потемневшими и печальными. Он увидел ее одну, сидящую в их номере в «Альгамбре», забытая сигарета дымилась в пепельнице. Она плакала. Плакала о нем. Его сердце заболело очень сильно, и он подумал, что сейчас умрет от любви к ней и желания быть рядом... от стремления к жизни, где

нет тварей, затаившихся в тоннелях, нет женщин, радующихся отвешенным им оплеухам, после которых они могли поплакать, нет мужчин, которые блюют между ног, пока отливают. Ему хотелось вернуться в «Альгамбру», и он ненавидел Спиди Паркера черной ненавистью за то, что тот убедил его пойти этой ужасной дорогой на запад.

В этот самый момент последние остатки самоуверенности исчезли, окончательно и бесповоротно. Здравомыслие сменил идущий изнутри первобытный детский крик: *Я хочу к маме пожалуйста Господи я хочу к МАМЕ...*

Из кабинки он выходил на ватных ногах, думая: *Ладно с меня хватит пошел ты Спиди этот мальчик отправляется домой, где бы он ни находился.* В этот момент его не тревожила умирающая мать. В этот момент невыносимой боли он думал только о себе, его волновало только самосохранение, будто он превратился в преследуемое хищником животное — оленя, кролика, белку, бурундука. В этот момент он соглашался на смерть матери от рака с расползающимися по всему телу метастазами, если только перед смертью она сможет обнять его и поцеловать. Пожелать ему спокойной ночи и сказать, чтобы он не слушал в кровати чертов транзисторный приемник и полночи не читал под одеялом при свете карманного фонарика.

Он оперся рукой о стену и мало-помалу пришел в себя. Сознательным этот процесс Джек бы не назвал, просто он медленно, но верно брал себя в руки. Это он унаследовал от Фила Сойера и Лили Кавано. Он допустил ошибку, да, но назад не пойдет. Долины существовали, и Талисман скорее всего тоже. Он не собирался убить мать своей слабохарактерностью.

Джек наполнил ведро горячей водой из крана в кладовой и смыл блевоту.

Когда он вернулся в зал, часы показывали половину одиннадцатого, и толпа начала редеть: Оутли был рабочим городком, и выпивохи-трудяги по будням расходились рано.

Смоуки отослал его в кладовую за бочонком пива.

— Ты бледный как тесто, Джек, — заметила Лори. — Все нормально?

— Как думаешь, могу я выпить имбирного эля? — спросил он.

Она принесла ему стакан, и он выпил эль, заканчивая натирать танцевальную площадку. Без четверти двенадцать Смоуки велел ему привезти бочонок пива. Джек справился — но на пределе. В четверть первого Смоуки начал кричать на оставшихся посетителей, предлагая им разойтись. Лори отключила музыкальный автомат — Дик Керлесс с протяжным стоном замолк под вялые крики протеста. Глория отключила игровые автоматы, надела свитер (розовый, как пастилки «Канада минт», которые постоянно сосал Смоуки, как десны его вставных челюстей) и ушла. Смоуки начал выключать лампы и подталкивать к двери оставшихся четверых или пятерых клиентов.

— Молодец, Джек, — похвалил он мальчика, когда зал окончательно опустел. — Ты поработал хорошо. Еще есть к чему стремиться, но начало достойное. Ты можешь лечь спать в кладовой.

Вместо того чтобы попросить заработанные деньги (Смоуки их ему не предложил), Джек поплелся к кладовой. Он так устал, что шатался, словно уменьшенная копия пьяниц, которых недавно попросили за дверь.

В кладовой он увидел Лори, сидевшую в углу на корточках — баскетбольные шорты задрались до неприличия высоко, — и с притупленной тревогой подумал, что она роется в его рюкзаке. Потом понял, что она расстилает пару одеял на джутовых мешках из-под яблок. Лори положила с одного конца маленькую атласную подушку с надписью «НЬЮ-ЙОРКСКАЯ ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА».

— Я подумала, что устрою тебе уютное гнездышко, малыш.

— Спасибо. — Это доброе дело не представляло собой ничего особенного, но Джек едва не разрыдался. Он сдержал слезы и сумел улыбнуться. — Огромное спасибо, Лори.

— Пустяки. Все будет хорошо, Джек. Смоуки не такой уж плохой. Как только ты узнаешь его, поймешь, что он совсем неплохой. — В голосе Лори слышалась подсознательная тоска, будто ей хотелось, чтобы так оно и было.

— Наверное, неплохой, — ответил Джек, а потом импульсивно добавил: — Но завтра я уйду. Пожалуй, Оутли не для меня.

— Может, и уйдешь, Джек... а может, решишь немного задержаться. Почему не отложить решение до утра? — В ее маленькой речи звучало что-то натужное и неестественное, и ничего не осталось от искренней улыбки, с которой она сказала: «Я подумала, что устрою тебе маленькое гнездышко, малыш». Джек это заметил, но слишком устал, чтобы делать какие-то выводы.

— Ладно, посмотрим.

— Конечно, — согласилась Лори, направившись к двери. Послала ему воздушный поцелуй с грязной ладони. — Спокойной ночи, Джек.

— Спокойной ночи.

Он начал снимать рубашку... оставил ее, решив, что снимет лишь кроссовки: в кладовой было очень холодно и промозгло. Сел на мешки, развязал узлы, снял одну кроссовку, потом вторую. И уже собрался улечься на принесенную Лори подушку-сувенир с «НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ВСЕМИРНОЙ ЯРМАРКИ» — и заснул бы, еще прежде чем голова коснулась ее, — когда в баре зазвонил телефон, пронзая тишину, ввинчиваясь в нее, заставляя подумать о колышущихся серых корнях, и кнутах с косичками из сыромятной кожи, и двухголовых пони.

Дзы-ынь, дзы-ынь, дзы-ынь — в тишину, в мертвую тишину.

Звонок, звонок, звонок, в час, когда мальчишки, интересующиеся «Принцем Альбертом» в жестянке, давно уже спят. Дзы-ынь, дзы-ынь, дзы-ынь. *Привет, Джеки, это Морган, и я почувствовал твое присутствие в моих лесах, маленький шустрый говнюк, я УЧУЯЛ тебя в моих лесах, и с чего ты взял, что в своем мире ты будешь в безопасности? Там тоже мои леса. Это твой последний шанс, Джеки. Возвращайся домой, а не то я вышлю войска. Против них тебе не устоять. Ты не...*

Джек поднялся и в носках пересек кладовую. Холодный пот, от которого бросало в дрожь, казалось, покрывал все его тело.

Он приоткрыл дверь.

Звонок, звонок, звонок, звонок.

И наконец:

— Алло. «Бар Апдайка в Оутли». И лучше бы вам звонить по делу. — Голос Смоуки. Пауза. — Алло? — Еще пауза. — Твою мать! — Смоуки с грохотом повесил трубку, и Джек услышал, как тот идет к двери, а потом поднимается по лестнице в маленькую квартирку на втором этаже, которую он занимал с Лори.

7

Джек, не веря своим глазам, переводил взгляд с листка зеленой бумаги в левой руке на несколько банкнот — по одному доллару — и мелочь в правой. Пришло утро четверга, и он попросил с ним расплатиться.

— Это что? — спросил он, по-прежнему не в силах поверить увиденному.

— Читать ты умеешь, — ответил Смоуки, — и считать тоже. На работе ты, конечно, еще тормозишь, Джек, во всяком случае, пока, но ума тебе хватает.

Теперь он сидел с зеленым листком в одной руке и деньгами в другой. Тупая злость начала пульсировать по

центру лба, как вена. «ЧЕК ГОСТЯ» — значилось на зеленом листке. Точно такие же миссис Банберри выдавала клиентам «Золотой ложки». Далее шел заказ:

1 гамбургер	$1.35
1 гамбургер	$1.35
1 большой стакан молока	.55
1 имбирный эль	.55
Налог	.30

Внизу крупными цифрами — общая сумма, $4.10, обведенная ручкой. Джек заработал девять долларов, начав работу в четыре часа дня и закончив в час ночи. Смоуки вычел почти половину. У него осталось четыре доллара девяносто центов. Он поднял голову, охваченный яростью. Посмотрел сначала на Лори, которая вроде бы смутилась, потом на Смоуки, который невозмутимо встретил его взгляд.

— Это обман, — пискнул Джек.

— Джек, это неправда. Посмотри на цены в меню...

— Я про другое, и вы это знаете!

Лори поморщилась, словно ожидала, что Смоуки ударит Джека... но Смоуки лишь терпеливо смотрел на мальчика.

— Я не взял с тебя за постель, правда?

— Постель! — крикнул Джек, чувствуя, как кровь приливает к щекам. — Та еще постель! Мешки из-под яблок на бетонном полу! Та еще постель! Не хватало брать с меня и за это, грязный обманщик!

Лори испуганно ахнула и бросила взгляд на Смоуки... но тот спокойно сидел в кабинке напротив Джека, а между ними вился густой синеватый сигарный дым. На узкой голове Смоуки красовался новый бумажный поварской колпак, как обычно, сдвинутый на левую бровь.

— Вчера мы говорили о твоем ночлеге, — напомнил Смоуки. — Ты спросил, получишь ли его вместе с опла-

той. Я ответил, что да. О твоей еде речи не было. Если бы ты задал этот вопрос, думаю, мы бы что-нибудь придумали. Может, и нет. Но ты этого не коснулся, так что пока получаешь только то, о чем мы договаривались.

Джека трясло, слезы беспомощной злости стояли в глазах. Он попытался что-то сказать, но с губ сорвался только сдавленный стон. От ярости он лишился дара речи.

— Разумеется, если ты хочешь сейчас обсудить скидку на еду и питье для сотрудников...

— Идите к черту! — наконец выдавил он из себя, поднял руку с четырьмя долларами и мелочью. — Хотелось бы, чтобы это стало хорошим уроком следующему мальчишке, который придет сюда наниматься на работу. Я ухожу!

Он направился к двери, но, несмотря на злость, знал — не просто думал, а знал наверняка, — что до тротуара ему не дойти.

— Джек.

Он взялся за дверную ручку, собираясь повернуть ее и выйти... но голос, наполненный скрытой угрозой, не допускал возражений. Джек разжал пальцы и обернулся, злость уходила. Внезапно он почувствовал себя ссохшимся и старым. Лори ушла за стойку и, напевая, подметала пол. Судя по всему, она решила, что Смоуки не пустит в ход кулаки, а поскольку остальное значения не имело, получалось, что все хорошо.

— Ты же не хочешь оставить меня в сложном положении накануне уик-энда.

— Я хочу отсюда уйти. Вы меня обманули.

— Нет, сэр, — ответил Смоуки. — Я все объяснил. Если кто и обсчитал тебя, так это ты сам. Теперь мы можем обсудить твой стол — пятидесятипроцентная скидка на еду, пожалуй, и бесплатная газировка. Раньше я не шел на такие уступки молодым работникам, которых время от времени нанимаю, но в этот уик-энд народу будет особенно

много, учитывая сезонных рабочих, которые появляются здесь при сборе яблок. И ты мне нравишься, Джек, поэтому я и не врезал тебе, когда ты поднял на меня голос, хотя, наверное, и следовало. Но на этот уик-энд ты мне нужен.

Джек почувствовал, как ярость вспыхнула вновь, но тут же угасла.

— А если я уйду? — спросил он. — Я все равно заработал пять долларов, а уход из этого маленького говняного городка вполне можно считать премией.

Глядя на Джека, Смоуки сухо улыбнулся.

— Ты помнишь, как вчера вечером пошел в туалет, чтобы прибраться за парнем, который похвалился харчишками?

Джек кивнул.

— Помнишь, как он выглядел?

— Короткие волосы. Хаки. И что?

— Это Землекоп Этуэлл. Вообще-то его имя Карлтон, но он десять лет проработал на городских кладбищах, и все называют его Землекопом. Это было... да, двадцать или тридцать лет назад. Он пошел в городскую полицию примерно в то время, когда Никсона избрали президентом. Теперь он начальник полиции.

Смоуки поднял сигару, затянулся, посмотрел на Джека.

— Мы с Землекопом давнишние друзья, — продолжил он. — И если ты просто уйдешь отсюда, Джек, я не могу гарантировать, что у тебя не возникнет проблем с Землекопом. Все может закончиться тем, что он отправит тебя домой. А может, тебе придется собирать яблоки в садах, принадлежащих городу... у нас, если не ошибаюсь, их сорок акров. А может, тебя изобьют. Или... я слышал, старине Землекопу нравятся бродячие детки. Особенно мальчики.

Джек подумал о пенисе размером с дубинку. Его замутило. Внутри все похолодело.

— Здесь ты, как говорится, под моим крылышком. А как только шагнешь за порог... как знать? Землекоп ча-

сто кружит по улицам. Ты можешь уйти из города без проблем, но, с другой стороны, рядом с тобой в любой момент может остановиться большой «плимут», на котором он ездит. Землекоп не так уж и умен, но нюх у него есть, а иногда... кто-то может ему и позвонить.

За стойкой бара Лори расставила вымытые тарелки, вытерла руки, включила радио и начала подпевать старой песне «Степпенволф».

— Вот что я тебе скажу. Задержись здесь, Джек. Поработай выходные. Потом я посажу тебя в свой пикап и сам вывезу из города. Ты уедешь отсюда в полдень воскресенья с тридцатью баксами в кармане, которых у тебя не было, когда ты сюда пришел. И после этого ты не будешь думать, что Оутли такое уж плохое место. Что скажешь?

Джек посмотрел в эти карие глаза с желтыми склерами и маленькими красными точками. Отметил широкую, искреннюю улыбку Смоуки, открывшую вставные челюсти. Даже испытал странное, пугающее чувство дежавю, увидев, что муха вернулась на бумажный поварской колпак и моет тонкие лапки.

В том, что Смоуки лжет, он не сомневался. И подозревал, что Смоуки об этом знает. Закончив работу далеко за полночь, в воскресенье Джек вполне мог проспать до двух часов дня. И Смоуки откажется везти его, потому что Джек проспал, а он, Смоуки, теперь хочет посмотреть футбольный матч «Кольтов» и «Патриотов». А Джек не пойдет пешком не только потому, что все тело будет болеть от усталости, но и из страха, что Смоуки сможет оторваться от игры на минуту-другую, чтобы позвонить своему хорошему другу Землекопу Этуэллу и сказать: «Землекоп, старина, он сейчас идет по Милл-роуд, почему бы тебе не забрать его? А на вторую половину игры приезжай сюда. Пиво бесплатно, но, пожалуйста, не блюй в писсуар, пока не вернешь мне парня».

Таким представлялся ему один сценарий. Он мог придумать и другие, отличающиеся в мелочах, но с одинаковым исходом.

Улыбка Смоуки Апдайка стала шире.

Глава 10
ЭЛРОЙ

1

Когда мне было шесть...

Два предыдущих вечера «Бар Апдайка» к этому времени начинал затихать, но нынче гулянка только набирала ход, словно посетители рассчитывали встретить здесь зарю. Джек увидел, что два стола исчезли — пали жертвами кулачного боя, который начался перед его походом в сортир. Теперь на том месте, где они стояли, танцевали люди.

— Самое время, — пробурчал Смоуки, когда Джек протащил вдоль стойки ящик с бутылками и поставил у холодильника. — Поставь их на полку и возвращайся с гребаным «Бадом». Тебе следовало принести его первым.

— Лори не сказала...

Обжигающая, нестерпимая боль пронзила ногу Джека, когда Смоуки опустил на нее тяжелый ботинок. Подросток сдавленно вскрикнул и почувствовал, как от слез защипало в глазах.

— Заткнись. Лори не отличит говна от гуталина, а ты достаточно умен, чтобы это знать. Бегом в кладовую и притащи мне ящик «Бада».

Он пошел, прихрамывая, морщась от боли в ноге, которую отдавил Смоуки, гадая, не сломаны ли пальцы. Вполне возможно. Голова трещала от дыма, и шума, и бьющего по ушам визга «Парней из Дженни-Вэлли», двое

из которых едва держались на ногах. Только одна мысль четко просматривалась в застилающем разум тумане: нельзя ждать до закрытия. Он просто не выдержит так долго. Если Оутли был тюрьмой, а «Бар Апдайка» — камерой в ней, то усталость являлась не менее суровым надзирателем, чем Смоуки Апдайк.

Несмотря на все тревоги, связанные с Долинами и тем, что могло его там поджидать, волшебный сок начал казаться единственным способом вырваться. Он мог сделать глоток и прыгнуть... а потом, если бы ему удалось пройти милю, максимум две на запад, он бы глотнул еще и вернулся бы в США, далеко-далеко к западу от административной границы этого жуткого маленького городка, быть может, возле Бушвилла или даже Пемброука.

Когда мне было шесть, когда Джеки было шесть, когда...

Он поднял ящик «Бада», вынес в коридор и потащил к двери в зал... а там стоял и смотрел на него высокий худощавый ковбой с длинными руками, который выглядел как Рэндолф Скотт.

— Привет, Джек, — поздоровался он, и подросток почувствовал, как его захлестывает волна ужаса, потому что глаза мужчины были желтыми, словно куриные лапки. — Разве тебе не говорили, что надо уйти? Ты не очень внимательно слушаешь, верно?

Джек застыл с ящиком «Бада», оттягивающим руки вниз, глядя в эти желтые глаза, и внезапно страшная мысль ворвалась в разум: а ведь это он мог затаиться в тоннеле — этот человек-нежить с мертвыми желтыми глазами.

— Оставьте меня в покое. — Слова сорвались с губ едва слышным шепотом.

Ковбой шагнул вперед.

— Тебе уже следовало *уйти*.

Джек попятился... но уперся в стену, и ковбой, который выглядел как Рэндолф Скотт, наклонился к нему. Джек ощутил в его дыхании запах гниющего мяса.

2

В четверг, между полуднем, когда Джек начал работу, и четырьмя часами дня, когда в «Баре Апдайка» появились первые посетители, у которых рабочий день закончился, телефон-автомат с надписью «ПОЖАЛУЙСТА, ОГРАНИЧЬТЕ РАЗГОВОР ТРЕМЯ МИНУТАМИ» звонил дважды.

Когда это произошло в первый раз, Джек нисколько не испугался — и действительно, позвонил адвокат из «Юнайтед фонд».

Двумя часами позже, когда Джек укладывал в мешок последние пустые бутылки, оставшиеся после вчерашнего вечера, раздался второй звонок. На этот раз Джек резко вскинулся, словно животное, почувствовавшее огонь в сухом лесу... только пахнуло на него не жаром, а холодом. Он повернул голову к телефонному аппарату, отделенному от места его работы какими-то четырьмя футами, услышал, как хрустнули позвонки в шее. Ожидал увидеть, что телефонный аппарат набит льдом, талая вода проступает на черном пластмассовом корпусе, капает из отверстий трубки, сосульки свисают с наборного диска и торчат из лотка для возврата монет.

Но увидел обычный телефонный аппарат, а холод и смерть прятались внутри.

Мальчик смотрел на него как загипнотизированный.

— Джек! — рявкнул Смоуки. — Ответь на этот гребаный звонок! Какого хрена я плачу тебе деньги?

Джек обернулся к Смоуки с отчаянными, как у загнанного в угол зверька, глазами... но Смоуки смотрел, поджав губы; такое же выражение — «мое-терпение-на-исходе» — появилось у него на лице перед тем, как он вмазал Лори. Джек направился к телефону, едва отдавая себе отчет, что ноги двигаются. Он все глубже и глубже входил в пещеру холода, чувствуя мурашки,

бегущие по рукам, ощущая, как влага замерзает в ноздрях.

Он протянул руку и взялся за трубку. Кисть онемела.

Поднес трубку к уху. Оно онемело.

— «Бар Апдайка в Оутли», — сказал он в мертвую черноту, и у него онемел рот.

Из трубки донесся не голос, а надломленный, хриплый скрежет чего-то давно умершего, какого-то существа, которого не видел никто из ныне живущих. Один его вид свел бы живого человека с ума или убил, оставив со свисающими с губ сосульками и вытаращенными глазами, покрытыми катарактами льда.

— *Джек,* — прошептал этот дребезжащий, скрипучий голос из телефонной трубки, и лицо мальчика онемело, как бывает, когда предстоит провести тяжелый денек в кресле дантиста и тот впрыскивает двойную дозу новокаина. — *Вали домой, Джек. Быстро.*

Издалека, похоже, с расстояния в несколько световых лет, до Джека донесся собственный голос:

— Это «Бар Апдайка». Кто говорит? Алло?.. Алло?..

Холодно, как же холодно. Его горло окоченело. Он вдохнул — и почувствовал, как замерзли легкие. Скоро сердце превратится в лед, и он упадет мертвым.

А арктический голос прошептал:

— *Плохое может приключиться с мальчиком, если он один на дороге, Джек. Спроси кого хочешь.*

Джек резко повесил трубку. Убрал руку, постоял, глядя на телефонный аппарат.

— Тот самый говнюк, Джек? — спросила Лори, и ее голос тоже долетал издалека... но был чуть ближе, чем его собственный несколькими мгновениями ранее. Мир медленно возвращался. На трубке телефона-автомата отпечатался след руки Джека, окруженный сверкающей изморозью. У него на глазах изморозь таяла и каплями стекала по черному пластику.

3

В тот вечер — вечер четверга — Джек увидел мужчину, так похожего на Рэндолфа Скотта, но проживавшего, судя по всему, в округе Дженеси. Народу собралось меньше, чем в среду — оно и понятно, день перед выплатой жалованья, — но посетителей хватило, чтобы заполнить стойку и все столики и кабинки.

Эти люди обитали в городишке, расположенном в сельской местности, да только плуги давно уже ржавели в сараях. Местные жители, возможно, и хотели бы стать фермерами, но забыли, как это делается. Многие носили бейсболки с надписью «Джон Дир», однако, по мнению Джека, лишь считанные чувствовали бы себя свободно за рулем трактора. Среди них были мужчины, ходившие в серых чиносах, и коричневых чиносах, и зеленых чиносах; мужчины с вышитыми золотой нитью именами на нагрудных карманах синих рубашек, мужчины в крепких ковбойских сапогах «Динго» с квадратными мысами и большущих рабочих ботинках «Сервайверс». Эти мужчины носили ключи на поясных ремнях. На лицах этих мужчин хватало морщин, но только не от смеха. Эти мужчины отдавали предпочтение ковбойским шляпам, и, как подметил Джек, как минимум восемь посетителей за стойкой напоминали Чарли Дэниелса на рекламе жевательного табака. Но эти мужчины ничего не жевали. Они курили сигареты, и в большом количестве.

Джек протирал переднюю панель музыкального автомата, когда в зал вошел Землекоп Этуэлл. Музыкальный автомат не работал: по кабельному каналу показывали игру «Янкиз», и мужчины не отрывали глаз от экрана. Вчера Этуэлл оделся по местной спортивной моде (чиносы, рубашка цвета хаки с множеством авторучек в одном из двух больших нагрудных карманов, рабочие сапоги со стальными мысками). Сегодня он пришел в синей поли-

цейской форме. Отделанная деревом рукоятка большого револьвера торчала из кобуры, которая покачивалась на поскрипывавшем широком кожаном ремне.

Землекоп Этуэлл посмотрел на Джека, которому сразу вспомнились слова Смоуки: «Я слышал, старине Землекопу нравятся бродячие детки. Особенно мальчики», — и мальчик съежился, будто почувствовал, что в чем-то провинился. Губы Землекопа Этуэлла неспешно разошлись в широкой улыбке.

— Решил еще какое-то время здесь поработать?

— Да, сэр, — пробормотал Джек и брызнул «Уиндексом» на переднюю панель музыкального автомата, которая и так уже сверкала чистотой. Он просто ждал, когда Этуэлл уйдет. И через какое-то время тот ушел. Джек повернулся, чтобы проводить взглядом массивного копа, направляющегося к стойке... и в этот момент мужчина, который сидел с левого края, обернулся и посмотрел на него.

Рэндолф Скотт, подумал Джек, *вылитый Рэндолф Скотт*.

Но, несмотря на глубокие, въевшиеся в щеки морщины, в лице настоящего Рэндолфа Скотта проступал неоспоримый героизм, и пусть оно казалось суровым, не вызывало сомнений, что морщины могут сложиться в обаятельную улыбку. А этот мужчина в «Баре Апдайка» выглядел скучающим и немного безумным.

Джек испугался по-настоящему, осознав, что мужчина смотрит именно на него, на *Джека*. Не просто отвернулся от телевизора во время рекламной паузы, чтобы оглядеть сидящих в баре. Обернулся, чтобы посмотреть на Джека. Джек это знал.

Телефон. Звонящий телефон.

С невероятным усилием Джеку удалось отвести глаза. Он уставился на музыкальный автомат и увидел свое испуганное лицо, призраком зависшее над пластинками.

На стене зазвонил телефон-автомат.

Мужчина, сидевший у левого края стойки, посмотрел на телефон... вновь перевел взгляд на Джека, который застыл как истукан с бутылкой «Уиндекса» в одной руке и тряпкой — в другой. Волосы мальчика встали дыбом, кожа похолодела.

— Если снова этот говнюк, Смоуки, я достану себе свисток и буду свистеть в трубку всякий раз, как он наберет этот номер, — сказала Лори, с решительным видом направляясь к телефону-автомату. — Клянусь Богом, достану.

Она могла быть актрисой в пьесе, а все посетители бара — членами массовки, получавшими стандартные тридцать пять долларов в день. В реальном же мире существовали только два человека: Джек и этот ужасный ковбой с большими руками и глазами, которые Джек... не мог... разглядеть.

Внезапно ковбой одними губами произнес те самые слова: *Вали домой, Джек*. И подмигнул.

Телефон перестал звонить, как только Лори подняла руку, чтобы снять трубку.

Рэндолф Скотт повернулся к стойке, допил пиво и крикнул:

— Принеси мне еще стакан бочкового, лады?

— Будь я проклята, — фыркнула Лори. — В телефоне завелся призрак.

4

Позже, в кладовой, Джек спросил Лори, кто этот парень, похожий на Рэндолфа Скотта.

— Похожий на кого?

— На старого актера, игравшего ковбоев. Он сидел у края стойки.

Она пожала плечами.

— Для меня они все на одно лицо, Джек. Козлы, пришедшие расслабиться. По четвергам они обычно расплачиваются деньгами, которые их жены откладывают на еду.

— Он попросил стакан бочкового.

Ее глаза сверкнули.

— Ах этот. Выглядит таким гнусным. — Но в ее голосе слышалось одобрение... словно она восхищалась его прямым носом или белозубой улыбкой.

— Кто он?

— Имени я не знаю, — ответила Лори. — Он здесь неделю или две. Наверное, на фабрике вновь нанимают рабочих. Это...

— *Святой Боже, Джек, разве я не просил тебя быстро привезти мне бочонок*?

Джек уже поставил большой бочонок «Буша» на ребро и закатывал на ручную тележку. Поскольку его собственный вес не очень-то отличался от веса бочонка, процесс этот требовал точности в движениях. Когда Смоуки гаркнул из дверного проема, от неожиданности Лори вскрикнула, а сам Джек подпрыгнул. И потерял контроль над бочонком, который упал на бок. Предохранительный клапан вылетел, как пробка из бутылки шампанского, пиво ударило пенистой бело-золотистой струей. Смоуки по-прежнему кричал на него, но Джек мог только смотреть на пиво как завороженный... пока Смоуки не ударил его.

Когда двадцать минут спустя он вернулся в зал, прижимая бумажную салфетку к распухшему носу, Рэндолф Скотт уже ушел.

5

Мне шесть.
Джону Бенджамину Сойеру шесть.
Шесть...

Джек тряхнул головой, пытаясь отделаться от этой навязчивой мысли, а фабричный рабочий, который не был фабричным рабочим, наклонялся все ближе и ближе. Его глаза были... желтыми и какими-то чешуйчатыми. Он... оно... моргнуло, глаза быстро закрылись и открылись, и Джек понял, что глазные яблоки покрывают мигательные перепонки.

— Тебе уже следовало уйти, — вновь прошептало чудовище и потянулось к Джеку руками, которые начали извиваться, расплющиваться и твердеть.

Дверь распахнулась, в кладовую ворвались хриплые голоса «Оук ридж бойз».

— Джек, если не перестанешь валять дурака, я заставлю тебя об этом пожалеть, — прорычал Смоуки за спиной Рэндолфа Скотта. Тот отступил в сторону. Перестал меняться, копыта исчезли, руки вновь стали руками, большими и сильными, с выпирающими венами. Он опять моргнул, как птица, без участия век... а потом желтизна исчезла из блекло-синих глаз. Ковбой бросил на Джека последний взгляд и проследовал в мужской туалет.

Смоуки подошел к Джеку, чуть наклонив узкую, как у хорька, голову. Бумажный колпак нависал над лицом, губы разошлись, обнажая крокодильи зубы.

— Не вынуждай меня снова говорить с тобой. Это последнее предупреждение, и не думай, что это всего лишь слова.

Как и в случае с Осмондом, в Джеке вдруг полыхнула ярость, та ее разновидность, что напрямую связана с ощущением беспомощности перед лицом несправедливости, особенно сильная в двенадцать лет. Студенты колледжей иногда думают, что испытывают ее, но обычно это лишь интеллектуальное эхо.

На этот раз ярость выплеснулась наружу.

— Я не ваша собака, так что нечего относиться ко мне как к собаке. — Джек шагнул к Смоуки на все еще ватных от страха ногах.

Удивленный — может, даже потрясенный — совершенно неожиданной вспышкой ярости Джека, Смоуки отступил на шаг.

— Джек, я предупреждаю тебя...

— Нет, это я предупреждаю вас, — услышал Джек свой голос. — Я не Лори. Я не хочу, чтобы меня били. И если вы меня ударите, я ударю в ответ или что-нибудь сделаю.

Замешательство Смоуки Апдайка длилось лишь секунду. Конечно же, не вызывало сомнений, что он повидал далеко не все на свете — да и откуда, живя в Оутли, — но Смоуки верил в обратное, а порой одной уверенности более чем достаточно даже для игрока низшей лиги.

В следующее мгновение он уже схватил Джека за воротник.

— Ты мне не умничай, Джек. — Смоуки подтянул мальчика к себе. — Пока ты в Оутли, ты именно моя собака. Пока ты в Оутли, я буду гладить тебя, когда захочу, и бить, когда захочу.

И Смоуки сильно тряхнул его. Джек прикусил язык и вскрикнул. Пятна злости вспыхнули на бледных щеках Смоуки, словно он воспользовался дешевыми румянами.

— Ты, возможно, не думаешь, что это так, но будь в этом уверен. Пока ты в Оутли, ты моя собака, и ты будешь в Оутли, пока я не решу, что ты можешь уйти. И мы прямо сейчас начнем заучивать этот урок.

Он поднял сжатую в кулак руку. Три лампочки по шестьдесят ватт, висевшие под потолком узкого коридора, ярко сверкнули на бриллиантовой крошке перстня-подковы, который он носил на мизинце. Затем кулак пошел вниз и врезался в щеку Джека. Его отбросило к исписанной стене, половина лица полыхнула огнем и онемела. Во рту появился привкус крови.

Смоуки смотрел на него — пристальным, рассудительным взглядом человека, раздумывающего, покупать ли ему телку или лотерейный билет. Должно быть, в глазах

Джека он не увидел того, что хотел увидеть, потому что вновь схватил оглушенного мальчика за воротник, намереваясь во второй раз познакомить его со своим кулаком.

В этот момент в зале пронзительно закричала женщина: «Нет, Глен! Нет!» Последовали мужские крики, по большей части встревоженные. Вскрикнула еще одна женщина, громко и пронзительно. Грохнул выстрел.

— Дерьмо на хлебе! — воскликнул Смоуки, отчетливо произнося каждое слово, прямо-таки актер на бродвейской сцене. Он отбросил Джека к стене и метнулся в зал. Последовал второй выстрел, сопровождаемый криком боли.

Джек точно знал только одно: пришла пора сматываться. Не в конце смены, не завтра, не в воскресенье утром. *Прямо сейчас.*

Шум вроде бы утихал. Никаких сирен, может, никого и не подстрелили... но Джек помнил, что фабричный рабочий, похожий на Рэндолфа Скотта, все еще в туалете.

Он вернулся в холодную, пахнущую пивом кладовую, опустился на колени у алюминиевых бочонков, сунул между ними руку в поисках рюкзака. Вновь появилась перехватывающая дух уверенность — пальцы нащупали только воздух и грязный пол, — что один из них, Смоуки или Лори, заметил, как он прячет рюкзак, и забрал его. Лучший способ удержать его в Оутли, дорогая. Потом он испытал облегчение, от которого дух перехватило почти так же, как от страха: пальцы коснулись нейлона.

Джек надел рюкзак и с вожделением посмотрел на ворота в дальнем конце кладовой, у погрузочной платформы. Он бы предпочел воспользоваться ими, а не пожарной дверью в конце коридора. Она находилась слишком близко от мужского туалета. Но открой он ворота, на стойке загорится красная лампочка. Даже если Смоуки до сих пор разнимал драчунов, Лори могла увидеть ее и сказать ему.

Поэтому...

Джек пошел к двери в коридор. Приоткрыл ее и выглянул. Пусто. Что ж, это клево. Рэндолф Скотт опорожнил мочевой пузырь и вернулся туда, где кипела жизнь, пока Джек забирал рюкзак. Отлично.

Да, но, возможно, он до сих пор здесь. Тебе хочется столкнуться с ним в коридоре, Джеки? Хочется вновь посмотреть, как его глаза становятся желтыми? Подожди, пока не убедишься, что его нет.

Но ждать он не мог. Смоуки увидит, что в зале его нет, что он не помогает Лори и Глории убирать со столов, ничего не приносит за стойку, не загружает посудомоечную машину. Смоуки вернется в кладовую, чтобы закончить урок, объяснить Джеку, где его место в общем порядке вещей. Так что...

Что? Сматывайся!

Может, он поджидает тебя, Джеки... может, собирается выскочить перед тобой, как большой плохой черт-из-табакерки...

Невеста или тигр? Смоуки или фабричный рабочий? Агония нерешительности длилась еще секунду. Затаившийся в туалете мужчина с желтыми глазами — это еще вопрос, а возвращение Смоуки — неотвратимость.

Джек открыл дверь и вышел в узкий коридор. Рюкзак на спине, казалось, прибавил в весе — красноречивое свидетельство намерений мальчика для любого, кто его увидит. Он двинулся к концу коридора на цыпочках, несмотря на громкую музыку и рев толпы. Сердце гулко колотилось в груди.

Мне было шесть, Джеки было шесть.

И что? Почему эта мысль возвращается?

Шесть.

Коридор как будто удлинился. Джек словно шел по транспортеру против движения. Дверь в дальнем конце приближалась, но слишком медленно. Лоб и верхнюю губу Джека покрывал пот. Взгляд так и притягивала дверь справа, с черным собачьим контуром, под которым было

написано слово «ПОЙНТЕРЫ». Красная краска двери в дальнем конце выцвела и шелушилась. Надпись на ней гласила: «ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТОЛЬКО ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ! ПРИ ОТКРЫТИИ СРАБАТЫВАЕТ СИГНАЛИЗАЦИЯ!» На самом деле звонок сигнализации уже два года как сломался. Лори сказала об этом Джеку, когда тот никак не решался открыть дверь, чтобы вынести мусор.

Почти у цели. Напротив «ПОЙНТЕРОВ».

Он там. Я знаю, он там... и если он выскочит, я закричу... я... я...

Джек положил трясущуюся правую руку на металлическую ручку пожарной двери, божественно прохладную на ощупь. В этот момент он действительно поверил, что сможет выскользнуть из «ловчего кувшина» и раствориться в ночи... свободным.

А потом за его спиной внезапно с треском распахнулась дверь с надписью «СЕТТЕРЫ», и рука схватила его рюкзак. С губ Джека сорвался пронзительный, отчаянный крик пойманного зверька, и он рванулся к красной двери, не тревожась ни о рюкзаке, ни о бутылке волшебного сока, которая в нем лежала. Если бы лямки оторвались, он бы просто умчался через замусоренный, заросший сорняками пустырь позади «Бара Апдайка», ни о чем не думая.

Но лямки из крепкого нейлона не порвались. Дверь приоткрылась, показав черную полоску ночи, а потом захлопнулась вновь. Джека втянули в женский туалет. Потом развернули и отбросили назад. Если бы он приложился спиной к стене, бутылка бы разбилась и волшебный сок залил бы одежду и дорожный атлас, поделившись с ними запахом сгнившего винограда. Но Джек приложился поясницей к единственной раковине женского туалета. Все тело пронзила боль.

Фабричный рабочий медленно направлялся к нему, подтягивая джинсы руками, которые начали извиваться и расплющиваться.

— Тебе уже следовало уйти. — Голос становился все более хриплым, все сильнее напоминал рычание животного.

Джек начал смещаться влево, его взгляд не отрывался от лица мужчины. Глаза последнего казались почти прозрачными, не просто желтыми, но подсвеченными изнутри... глаза отвратительного хэллоуиновского фонаря из тыквы.

— Но ты можешь довериться старине Элрою. — Псевдоковбой улыбнулся, продемонстрировав полный рот кривых зубов; от некоторых остались только иззубренные корни, другие почернели. Джек закричал. — Ты можешь довериться старине Элрою. — Слова все больше напоминали собачье рычание. — Он не причинит тебе сильной боли. Все будет хорошо, — рычал ковбой, приближаясь к Джеку, — все будет хорошо, да, все... — Он продолжал говорить, но Джек уже не разбирал слов. Слышал только рычание.

Нога Джека задела высокую урну для мусора, стоявшую на полу. И когда псевдоковбой потянулся к нему похожими на копыта руками, Джек схватил урну и бросил ее. Она попала Элрою в грудь. Джек выскочил в коридор и рванул налево, к красной двери, врезался в металлическую ручку, зная, что Элрой наступает на пятки. Выскочил в темноту за «Баром Апдайка».

Справа стояли заполненные мусором контейнеры. Джек один за другим перевернул три, услышал, как они застучали, ударяясь о бетон, услышал вопль ярости наткнувшегося на них Элроя.

Он развернулся и успел увидеть, как монстр упал. Успел даже осознать — *ох дорогой Иисус хвост у него что-то вроде хвоста*, — что псевдоковбой превратился в какое-то животное. Глаза лучились золотом, словно яркий свет проникал через две одинаковые замочные скважины.

Джек попятился от монстра, стаскивая рюкзак со спины, пытаясь справиться с завязками одеревеневшими пальцами, в голове ревела мешанина...

...Джеки было шесть Господи помоги мне Спиди Джеки было ШЕСТЬ Господи пожалуйста...

...мыслей и бессвязных обращений к тем, кто скорее всего помочь не мог. Монстр рычал и ворочался среди мусорных контейнеров. Джек увидел, как одна рука-копыто поднялась, а потом ударила по металлическому контейнеру, проделав в нем извилистую дыру длиной в ярд. Монстр поднялся, покачнулся, опять чуть не упал, потом начал продвигаться к Джеку, продолжая рычать, опустив лицо, то есть морду, на уровень груди. Сквозь рычание, Джек смог разобрать слова твари: «Теперь я не просто растерзаю тебя, маленький цыпленок. Теперь я убью тебя... *после*».

Он слышал это ушами? *Или голос звучал в голове?*

Не имело значения. Пространство между этим миром и тем сжалось, из вселенной превратилось в едва заметную мембрану.

Элрой зарычал и пошел на Джека, неустойчиво шатаясь на задних ногах и двигаясь неуклюже. Тело распирало одежду в непривычных местах, язык вываливался из клыкастого рта. Но вот уже и пустырь за «Баром Апдайка в Оутли», наконец-то пустырь, заросший сорняками вперемежку с мусором. Тут — ржавая пружинная кровать, там — не менее ржавая радиаторная решетка «форда» модели пятьдесят седьмого года и призрачный полумесяц, напоминающий согнутую кость, зависший в небе над головой, превращающий каждый осколок стекла в таращащийся мертвый глаз. А ведь все началось не в Нью-Хэмпшире. Да. Все началось не после того, как мама заболела, и не с появлением Лестера Паркера. Все началось, когда...

Джеки было шесть. Когда мы все жили в Калифорнии, и никто не жил где-то еще, и Джеки было...

Джек развязал рюкзак.

Чудовище приближалось, покачиваясь, словно в танце, напомнив ему в переменчивом лунном свете какого-то персонажа из мультфильмов Диснея. Безумие, но Джек

расхохотался. Тварь зарычала и прыгнула на него. Тяжелые копыта-когти разминулись с ним на пару дюймов — он успел отпрянуть в сорняки и мусор. Элрой наступил на ржавую пружинную кровать и запутался в ней. Завывая, он рвался, роняя в воздух белые клочья пены, тянул ногу, поворачивал, дергал, но она крепко засела среди ржавых пружин.

Джек уже рылся в рюкзаке в поисках бутылки. Носки, грязные трусы, джинсы... его пальцы обхватили горлышко и вытащили бутылку из рюкзака.

Элрой, огласив ночь яростным криком, наконец освободился от кровати.

Джек упал на жесткую, заросшую сорняками бугристую землю, откатился в сторону, два пальца левой руки — мизинец и безымянный — цеплялись за лямку рюкзака, правая сжимала бутылку. Большим и указательным пальцами левой он откручивал крышку, рюкзак бил по боку. Крышка соскочила.

Он сможет последовать за мной? — мелькнула бессвязная мысль, когда он поднес горлышко к губам. *А вдруг, прыгая, я пробиваю где-то дыру? Сможет ли он последовать за мной через нее и прикончить меня на другой стороне?*

Рот Джека заполнил вкус гнилого винограда. Он давился, глотку перехватило. Теперь ужасный вкус заполнил носовые пазухи и каналы, и Джек издал долгий, дребезжащий стон. Он слышал, как кричит Элрой, но крик доносился издалека, словно монстр только входил в тоннель Оутли, а он, Джек, быстро падал к другому концу. Возникло явственное ощущение падения, и Джек подумал: *Господи, что, если я только что прыгнул с тамошнего утеса или горы?*

Он держался за рюкзак и бутылку, отчаянно сжимал веки, дожидаясь, что будет теперь — Элрой или никакого Элроя. Долины или смерть, — и мысль, которая досаждала ему весь вечер, вернулась, раскачиваясь, как танцую-

щая карусельная лошадка, Серебряная Леди или, возможно, Шустрая Элла. Джек поймал ее и помчался на ней в облако ужасного запаха волшебного сока, держась за нее в ожидании, чувствуя, как меняется его одежда.

Шесть о да когда нам всем было шесть и никто не был кем-то еще и это была Калифорния кто играет на саксофоне папа Декстер Гордон или это это и что имеет в виду мама когда говорит что мы живем на разломе и куда куда о куда ты ходишь папа ты и дядя Морган ох папа иногда он смотрит на тебя как как ох как будто разлом в его голове и землетрясение происходит за его глазами и ты в нем умираешь о папочка!

Падая, изгибаясь, поворачиваясь посреди незнамо где, поворачиваясь посреди запаха, похожего на пурпурное облако, Джек Сойер, Джон Бенджамин Сойер, Джеки, Джеки

...ему было шесть, когда это началось, и кто дул в тот саксофон? Кто дул в него, когда мне было шесть, когда Джеки было шесть, когда Джеки...

Глава 11
СМЕРТЬ ДЖЕРРИ БЛЕДСОУ

1

Джеки было шесть... было шесть... когда паровозы, которые в конце концов привезли его в Оутли и повезут дальше, только запыхтели, трогаясь с места. Громко играл саксофон. *Шесть. Джеки было шесть.* Поначалу он целиком и полностью сосредоточился на игрушке, которую дал ему отец, масштабной модели лондонского такси, тяжелой как кирпич, и до чего приятные звуки издавала машинка на гладком деревянном полу нового кабинета, мчась через комнату, если с силой ее толкнуть. Вечер, пер-

вый класс — по другую сторону августа, аккуратная новая машинка катится, как танк, по полоске паркета за диваном, приятная расслабленность кондиционированного кабинета... работа на сегодня закончена, нет таких телефонных звонков, которые нельзя перенести на завтра. Джек толкал тяжелое игрушечное такси по полоске паркета, едва слыша погромыхивание литых резиновых колес сквозь соло саксофона. Черный автомобильчик ударился о ножку дивана, его развернуло, он остановился. Джек подполз к нему, а дядя Морган сидел в одном из кресел по другую сторону дивана. Мужчины держали в руках стаканы, но уже в скором времени собирались поставить их, выключить проигрыватель и усилитель и спуститься вниз к автомобилям.

...когда нам всем было шесть и никто не был кем-то еще и происходило все в Калифорнии...

— Кто играет на саксофоне? — услышал он вопрос, заданный дядей Морганом, и, словно в грезе, уловил в знакомом голосе что-то новое: что-то шепчущее и затаившееся в голосе Моргана Слоута заползло в ухо Джеки. Он коснулся крыши игрушечного такси, и пальцы его замерзли, словно игрушка была изо льда, а не из английской стали.

— Декстер Гордон, кто же еще, — ответил отец. Его голос звучал лениво и дружелюбно, как и всегда, и Джек обнял рукой тяжелое такси.

— Хорошая пластинка.

— «Папа играет на трубе». Действительно, славная пластинка.

— Я ее поищу. — И тут Джек подумал, что знает, какую странность уловил в голосе дяди Моргана: тот совсем не любил джаз, но притворялся, что любит, в присутствии отца Джека. Эту особенность Моргана Слоута Джек знал все свое детство и не понимал, почему отец этого не замечает. Дядя Морган не собирался искать пластинку «Папа играет на трубе», он просто хотел сказать приятное Филу

Сойеру... и возможно, Фил Сойер не видел этого по одной простой причине: как и все остальные, он не обращал особого внимания на Моргана Слоута. Дядя Морган, умный и честолюбивый («Умный, как росомаха, скользкий, как судебный адвокат», — говорила Лили), добрый старина Морган не притягивал взглядов — посторонний глаз просто скользил по нему. Джек мог поспорить, что в школе учителя Моргана с трудом вспоминали его фамилию.

— Представь себе, кем этот парень стал бы там. — И эти слова дяди Моргана разом насторожили Джека. Фальшь все еще слышалась в его голосе, но не лицемерие Слоута заставило Джека поднять голову и сжать пальцами тяжелую игрушку. Слово «там» вплыло прямиком в разум и теперь звенело колоколами. Потому что под «там» подразумевалась страна Дневных грез Джека. Он это понял мгновенно. Его отец и дядя Морган забыли, что он за диваном, и говорили о Дневных грезах.

Его отец знал о стране Дневных грез. Джек никогда не говорил об этом ни отцу, ни матери, но отец знал о Дневных грезах, просто знал, и все. Более того, на эмоциональном уровне — не логически — Джек чувствовал: именно его отец помогал обеспечить безопасность страны Дневных грез.

Но по какой-то причине, которую он тоже не мог перевести из эмоций в слова, Джеку стало не по себе, когда он понял, что и Моргану Слоуту известно о существовании этой страны.

— Эй! — воскликнул Морган. — Этот парень научил бы их музыке, верно? Они, наверное, присвоили бы ему титул герцога Проклятых земель или что-то этакое.

— Наверное, нет, — ответил Фил Сойер. — Нет, если бы он понравился им, как нравится нам.

Но дяде Моргану он не нравится, папа, думал Джеки, внезапно осознав, что это важно. *Ему он совершенно не нравится, он думает, что музыка слишком громкая, он думает, что она что-то у него отбирает...*

— Да, ты знаешь об этом гораздо больше меня. — Голос дяди Моргана звучал легко и расслабленно.

— Что ж, я бывал там чаще. Но ты сокращаешь отставание. — И Джеки услышал, как отец улыбается.

— Конечно, кое-что я для себя уяснил, Фил. Но в действительности, знаешь ли... Я перед тобой в неоплатном долгу за то, что ты мне это показал. — Оба слога слова «долгу» заполняли дым и хруст битого стекла.

Но все эти маленькие предупреждения могли только чуть помять броню безмерной, прямо-таки божественной удовлетворенности Джека. Они говорили о стране Дневных грез. Удивительно, что такое возможно. Он не понимал, о чем они говорят (термины и слова, привычные взрослым), но шестилетний Джек вновь ощутил веселье и радость этой страны и мог уловить хотя бы общий смысл их разговора. Страна Дневных грез существовала, и Джеки каким-то образом делил ее с отцом. И половина его радости состояла в этом.

2

— Позволь мне высказаться прямо, — отчеканил Морган Слоут, и Джеки увидел, что слово «прямо» — как две линии, обвивающие друг друга, словно змеи. — У них магия, как у нас — физика, верно? Аграрная монархия, использующая магию вместо науки.

— Точно, — ответил Фил Сойер.

— И, судя по всему, они живут так столетиями. Их жизнь никогда особенно не менялась.

— За исключением периодов политических переворотов, это точно.

Голос дяди Моргана напрягся, волнение, которое он пытался скрыть, щелкало маленькими кнутами в его согласных.

— Ладно, забудем о политике. Давай ради разнообразия подумаем о нас. Ты скажешь — и я с тобой соглашусь,

Фил, — что мы уже неплохо поработали в Долинах и надо проявлять особую осторожность с введением там каких-либо изменений. Я придерживаюсь того же мнения.

Джеки слышал молчание отца.

— Ладно, — продолжил Слоут. — Давай исходить из того, что ситуация в принципе выгодна для нас и мы можем поощрить тех, кто на нашей стороне. Мы не будем жертвовать нашим преимуществом, но мы не жадные. Мы у этих людей в долгу, Фил. Посмотри, что они сделали для нас. Я думаю, здесь мы вполне можем добиться синергии. Наша энергия может подпитывать их энергию, и получится результат, о котором мы никогда не думали, Фил. И в итоге мы будем выглядеть великодушными, а мы такие и есть... причем нам это совершенно не повредит. — Теперь он хмурился, наклонившись вперед, сложив ладони вместе. — Разумеется, я не могу полностью оценить ситуацию, ты это знаешь, хотя думаю, что одна только синергия — достаточная цена за вход, если уж честно. Но, Фил... Ты представляешь, какое гребаное влияние мы могли бы обрести, предложив им хотя бы электричество? А если дать современное оружие кому следует? Что ты думаешь по этому поводу? По мне, от этого захватывает дух. *Просто захватывает дух.* — Влажный, шлепающий звук соприкоснувшихся ладоней. — Я не хотел застать тебя врасплох или что-то в этом роде, но я подумал, что нам самое время двинуться в этом направлении, подумать о расширении нашего влияния на Долины.

Фил Сойер все молчал. Дядя Морган вновь хлопнул в ладоши. Наконец Фил уклончиво произнес:

— Ты хочешь подумать о расширении нашего влияния.

— Мне представляется, это путь, которым надо идти. Конечно, я могу предоставить тебе точную и полную информацию, Фил, но необходимости в этом нет. Ты помнишь, и я тоже, как все было до того, как мы начали появляться там вместе. Конечно, возможно, нам бы удалось

всего достигнуть и самим, возможно, мы бы и достигли, но если говорить обо мне, я благодарен за то, что больше не приходится представлять интересы двух паршивых стриптизерш и Маленького Тимми Типтопа*.

— Притормози, — посоветовал отец Джека.

— Самолеты. Подумай о самолетах.

— Притормози, притормози, Морган. У меня есть мысли, которые, очевидно, еще не пришли тебе в голову.

— Я всегда готов к новым идеям. — Голос Моргана вновь заволокло дымом.

— Хорошо. Я думаю, мы должны быть осторожней с тем, что там делаем, партнер. Я думаю, все серьезное — действительно важные изменения — может обернуться против нас и ухватить за задницу. У всего есть последствия, и некоторые могут оказаться крайне неприятными.

— Например? — спросил дядя Морган.

— Например, война.

— Это бред, Фил. Мы ничего такого не видели... если только ты не про Бледсоу...

— Я про Бледсоу. Это было совпадение?

Бледсоу? — удивился Джек. Вроде бы он помнил эту фамилию, но очень смутно.

— Слушай, мягко говоря, та это еще была война, да и связи я все равно не улавливаю.

— Хорошо. Ты помнишь рассказы о том, как Чужак убил старого короля... довольно-таки давно. Ты слышал эти рассказы?

— Да, наверное, — ответил дядя Морган, и Джек вновь уловил фальшь в его голосе.

Кресло отца заскрипело — он убирал ноги со стола, чтобы наклониться вперед.

— Убийство положило начало маленькой войне. Сторонникам старого короля пришлось подавлять мятеж, ко-

* Аллюзия на сказку Беатрикс Поттер «История Тимми Типтопа» о бельчонке, который стал очень толстым.

торый возглавили два или три недовольных дворянина. Эти ребята увидели шанс прийти к власти и править страной — захватывать землю, конфисковывать собственность, сажать врагов в тюрьму, богатеть.

— Но подожди, — вмешался Морган. — Я тоже слышал об этом. Они также хотели навести политический порядок в безумно неэффективной системе... Иногда надо применить силу, чтобы положить начало переменам. Я это понимаю.

— Не нам судить об их политике, я согласен. Но вот моя точка зрения. Та маленькая война продолжалась примерно три недели. Когда она закончилась, погибло, может, сто человек. Скорее всего меньше. Тебе кто-нибудь говорил, когда началась война? В каком году? В какой день?

— Нет, — пробормотал дядя Морган обиженным голосом.

— Первого сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года. Здесь в этот день Германия напала на Польшу. — Отец замолчал, а Джеки, сжимая черное игрушечное такси, бесшумно, но широко зевнул.

— Вот те на, — наконец вымолвил дядя Морган. — Их война начала нашу? Ты действительно в это веришь?

— Я в это верю, — ответил отец Джека. — Я верю, что трехнедельная заварушка там каким-то образом разожгла войну здесь, и длилась она шесть лет, унеся миллионы жизней. Да.

— Ну... — начал дядя Морган, и Джек видел, что он готов дать задний ход.

— Более того, там я говорил об этом со многими людьми, и, по моему разумению, они верят, что незнакомец, убивший короля, был настоящим Чужаком, *если ты понимаешь, о чем я*. Те, кто видел его, говорили, что в одежде Долин он чувствовал себя неуютно. И вел себя так, будто плохо знает местные обычаи... не сразу понял, что у них за деньги.

— Ага.

— Да. Если бы его не разорвали на куски после того, как он всадил нож в короля, мы могли бы теперь знать наверняка, но я тем не менее уверен, что он был...

— Таким же, как мы.

— Как мы. Совершенно верно. Гостем. Морган, я не думаю, что следует очень уж активно туда влезать. Потому что мы просто не знаем, какими будут последствия. По правде говоря, я думаю, на нас постоянно оказывает воздействие происходящее в Долинах. Хочешь, я скажу тебе кое-что еще, не менее безумное?

— Почему нет? — ответил Слоут.

— Долины — не единственный иной мир.

3

— Чушь собачья, — фыркнул Слоут.

— Я серьезно. Когда я там бывал, пару раз у меня появлялось ощущение, что я рядом с чем-то еще. С Долинами Долин.

Да, подумал Джек, *это правильно, так и должно быть, Дневные грезы Дневных грез, место еще более прекрасное, а на другой стороне — Дневные грезы Дневных грез Дневных грез, а еще дальше — мир, еще более прекрасный*. И впервые понял, что ему очень хочется спать.

Дневные грезы Дневных грез...

Он практически сразу заснул, с тяжелым маленьким такси на коленях, обмякнув, прижавшись к полоске паркетного пола, испытывая божественную легкость.

Разговор, вероятно, продолжался, и Джеки наверняка многое упустил. Он поднимался и падал, тяжелый и легкий, пока звучала вторая сторона отцовской пластинки «Папа играет на трубе», и все это время Морган Слоут, наверное, сначала спорил — мягко, но сжимая кулаки, морща лоб, — отстаивая свой план, потом, должно быть, по-

казал, что готов отступиться, и в итоге сдался под напором сомнений своего партнера. В конце этого разговора, воспоминание о котором вернулось к двенадцатилетнему Джеку Сойеру в опасный момент перехода из Оутли, штат Нью-Йорк, в безымянную деревеньку Долин, Морган Слоут не только позволил, чтобы его *убедили*, но и выразил благодарность за полученный урок. И когда Джек проснулся, он услышал вопрос отца: «Эй, Джек исчез, или как?» На что дядя Морган ответил: «Черт, я чувствую, ты прав, Фил. Умеешь ты видеть суть проблемы, здорово это у тебя получается».

— Так где, черт побери, Джек? — спросил отец, и Джек шевельнулся за диваном, теперь окончательно проснувшись. Черное такси упало на пол.

— Ага, — хмыкнул дядя Морган. — Дети любят подслушивать, да, цыпленок?

— Ты за диваном, малыш? — спросил его отец.

Послышался шум отодвигаемых кресел, мужчины встали.

— *О-о-о-х*, — промычал Джек и медленно поднял такси на колени. Ноги затекли, казались чужими: встанешь, и в них начнется покалывание.

Его отец рассмеялся. Шаги направились к нему. Красное полное лицо Моргана появилось над диваном. Джек зевнул и уперся коленями в спинку дивана. Рядом со Слоутом появилось лицо отца. Он улыбался. Секунду-две головы взрослых мужчин, казалось, плавали над диваном. «Пошли домой, соня!» — воскликнул отец. Посмотрев на дядю Моргана, мальчик увидел расчетливость, тонущую в коже, уползающую под щеки толстяка-весельчака, как змея уползает под камень. Он вновь казался папулей Ричарда Слоута, старым добрым дядей Морганом, который всегда приносил роскошные подарки на Рождество и день рождения, старым добрым, обильно потеющим дядей Морганом, которого так легко не заметить. Но как он вы-

глядел чуть раньше? *Как человеческое землетрясение, как человек, рушащийся по разлому за его глазами, как что-то взведенное и готовое взорваться.*

— Как насчет мороженого по пути домой, Джек? — спросил его дядя Морган. — Звучит неплохо?

— Да, — ответил Джек.

— Пожалуй, заглянем в то кафе на первом этаже, — кивнул отец.

— Ням-ням, пальчики оближешь, — согласился дядя Морган. — Теперь мы точно говорим о синергии. — И вновь улыбнулся Джеку.

Это случилось, когда ему было шесть, и повторилось в разгар невесомого полета между мирами: отвратительный лиловый вкус сока Спиди заполнял глотку и пазухи в носу, и вся эта неспешная вторая половина дня, окончившаяся шесть лет назад, проигрывалась в его сознании. Он видел все, потому что волшебный сок позволил все вспомнить, и пережитое им в тот день уложилось в те несколько секунд, когда Джек понял, что на этот раз его вырвет.

Глаза дяди Моргана затянуло дымом, а в голове Джека дымом затягивало вопрос, который требовал, чтобы его наконец увидели полностью.

Кто вызывает...

Что меняется что меняется

Кто вызывает эти изменения, папочка?

Кто...

...убил Джерри Бледсоу? Волшебный сок вернулся в рот мальчика, тошнотворными иголками принялся колоть носовые проходы, заполняя их изнутри, и в тот момент, когда земля закачалась под его руками, Джек сдался. *Что* убило Джерри Бледсоу? Мерзкая лиловая жижа вырвалась изо рта, едва не задушив Джека, и он инстинктивно подался назад — его ноги запутались в высокой жесткой траве. Джек приподнялся на четвереньках и ждал второй вол-

ны, терпеливый как мул, с разинутым ртом. Желудок скрутило, и подросток даже не успел застонать, прежде чем вонючий сок поднялся по пищеводу и горлу и выплеснулся изо рта. Розовая слюна толстыми соплями свисала с губ, и Джек смахнул ее трясущейся рукой. Потом вытер ладонь о штаны. Джерри Бледсоу, да. Джерри — который ходил в куртке с вышитым на ней именем, как работники автозаправочных станций, — который умер, когда... Мальчик тряхнул головой и вновь провел рукой по губам. Сплюнул в островок зубчатой дикой травы, торчащий из серо-коричневой земли, как букетик цветов, приколотый к корсажу великанши. Какой-то глубинный инстинкт — непонятный Джеку — заставил его забросать землей розовое рвотное озерцо. Другой побудил еще раз вытереть ладони о штаны. Наконец Джек огляделся.

Он стоял на коленях в гаснущем вечернем свете на краю проселочной дороги. Ужасный Элрой не преследовал его — это он понял мгновенно. Собаки, запертые в деревянном, похожем на клетку загоне, гавкали и рычали, просовывая носы в широкие щели. На другой стороне дороги Джек видел обросший пристройками деревянный дом, из которого к бескрайнему небу поднимались крики, очень напоминавшие собачий лай. И они ничуть не отличались от криков, которые он только что слышал по другую сторону стены в «Баре Алдайка»: пьяные мужики орали друг на друга. Бар — здесь таверна или трактир, предположил Джек. Теперь, когда его больше не тошнило от сока Спиди, он чувствовал бьющие в нос дрожжевые запахи солода и хмеля. И понимал, что люди в таверне не должны его увидеть.

Он представил себя удирающим со всех ног от тявкающих и рычащих собак, тыкающихся носами в щели, потом поднялся. Небо, казалось, наклонилось и потемнело. А в его мире, что происходило там? Что за маленькая катастрофа обрушилась на центр Оутли? Может, небольшой

потоп, милый скромный пожар? Джек попятился от таверны, затем бочком, бочком двинулся по высокой траве. Увидел свечи, горевшие в окнах другого дома, расположенного ярдах в шестидесяти. Откуда-то справа доносился запах свиней. Когда Джек отшагал половину расстояния до дома, собаки перестали лаять и рычать, и тогда он медленно направился к Западной дороге. Ночь выдалась темной и безлунной.

Джерри Бледсоу.

4

Оказалось, что домов гораздо больше, но Джек замечал их, только когда подходил совсем близко. Если не считать шумных выпивох, оставшихся в таверне, в сельской местности Долин люди ложились спать с закатом. В маленьких квадратных окнах не горели свечи. Приземистые и темные дома с каждой стороны Западной дороги стояли в странной изоляции — что-то было неправильно, как на картинке в детском журнале, предлагающей найти десять отличий, но Джек не мог понять, в чем дело. Ничего вверх тормашками, ничего сгоревшего, ничего экстравагантного. Разве что у большинства домов пушистые крыши напоминали скирды со стрижкой, однако Джек предположил, что они из соломы — он о таких слышал, но никогда не видел. *Морган*, внезапно подумал он в приступе паники. *Морган из Орриса*, — и увидел их обоих, мужчину с длинными волосами и обильно потеющего трудоголика, партнера своего отца; на мгновение они слились воедино в прихрамывающего Моргана Слоута с пиратской гривой. Но Морган — Морган этого мира — не имел отношения к вопросу: «Что не так на этой картинке?»

Джек как раз проходил мимо приземистого одноэтажного дома, напоминавшего раздутую клетку для кроликов,

стены которого были укреплены скрещенными деревянными балками. Топорщащаяся соломой крыша покрывала и его. Если бы он уходил из Оутли — то есть, не будем грешить против истины, если бы убегал из Оутли, — что бы он увидел в единственном темном окне этой клетки для гигантских кроликов? Джек знал: мерцающий отсвет телевизионного экрана. Но разумеется, в Долинах не могло быть и речи о телевизоре в доме, и в тупик его поставило не отсутствие цветного мерцания. Что-то еще, что-то связывавшее воедино придорожные дома. Нехватка этого чего-то оставляла дыру в ландшафте. И эта дыра явственно бросалась в глаза, пусть Джек пока не мог сказать, чего именно недоставало.

Телевидение, телевизоры... Джек миновал приземистый дом и увидел чуть впереди еще одно маленькое, даже карликовое обиталище, парадная дверь которого находилась в нескольких дюймах от края дороги. Этот дом был покрыт не соломой, а дерном. Джек улыбнулся: деревенька напомнила ему Хоббитон. Хоббитонский укладчик кабеля подойдет сюда и скажет хозяйке этой... лачуги? собачьей будки?.. не важно, скажет: «Мадам, мы прокладываем кабель в округе, и за скромную ежемесячную плату — присоединяйтесь прямо сейчас — вы получите пятнадцать новых каналов, вы получите «Миднайт блю», вы получите все спортивные каналы и все каналы о погоде, вы получите...»

И тут он внезапно осознал, чего не хватает. Перед домами не было столбов. Никаких проводов! Никаких телевизионных антенн, загораживающих небо! Высокие деревянные столбы не маршировали вдоль Западной дороги, потому что в Долинах не знали электричества. Вот почему он не мог определить отсутствующий элемент ландшафта. Джерри Бледсоу был — во всяком случае, часть своей жизни — электриком и механиком (точнее, мастером на все руки) компании «Сойер и Слоут».

5

Когда его отец и Морган упомянули эту фамилию, *Бледсоу*, он думал, что никогда не слышал ее раньше... хотя, вспомнив, о ком речь, понял, что наверняка слышал раз или два. Но Джерри Бледсоу обычно звали просто *Джерри*, как и значилось в вышитой над нагрудным карманом надписи на его спецовке. «Может ли Джерри что-то сделать с кондиционером?», «Попросите Джерри смазать петли этой двери, хорошо? Скрип сводит меня с ума». Джерри приходил, всегда в чистенькой и выглаженной рабочей одежде, с аккуратно причесанными редеющими рыжеватыми волосами, в круглых очках, знающий свое дело, и быстро и спокойно устранял все поломки и неудобства. Существовала миссис Джерри, которая следила, чтобы стрелки на светло-коричневых рабочих брюках оставались острыми, а сами брюки — чистыми, и несколько маленьких Джерри: о них компания «Сойер и Слоут» неизменно вспоминала накануне Рождества. Джек, в силу возраста, конечно же, ассоциировал Джерри с вечным соперником кота Тома и представлял себе, что электрик, и миссис Джерри, и маленькие Джерри живут в гигантской мышиной норке, в которую ведет арка, вырезанная в плинтусе.

Но кто убил Джерри Бледсоу? Его отец и Морган Слоут, всегда такие добрые к детям Бледсоу на Рождество?

Джек шагнул в темноту Западной дороги, сожалея, что не полностью забыл электрика компании «Сойер и Слоут», сожалея, что не заснул, как только заполз с игрушечным такси за диван. Поспать — вот чего ему хотелось сейчас, и хотелось гораздо больше, чем иметь дело с неприятными мыслями, вызванными воспоминанием о том подслушанном разговоре шестилетней давности. Джек пообещал себе, что найдет место для ночлега, отшагав пару миль от последнего дома. Поле вполне подойдет,

даже канава. Ноги больше не хотели двигаться. Мышцы и кости словно удвоили вес.

Произошло это сразу после одного из тех случаев, когда Джек заходил следом за отцом в какое-нибудь закрытое помещение с одной дверью и обнаруживал, что Фил Сойер странным образом исчез. Его отцу удавалось исчезать из спальни, из столовой, из конференц-зала компании «Сойер и Слоут». В тот раз он проделал свой загадочный трюк в гараже рядом с их домом на Родео-драйв.

Джек, сидевший на небольшом возвышении, которое в этой части Беверли-Хиллз могло сойти за холм, увидел, как отец вышел из дома через парадную дверь, пересек лужайку, роясь в карманах в поисках денег или ключей, вошел в гараж через боковую дверь. Джек ждал, что через несколько секунд поднимутся белые ворота в правой стене, но этого не произошло. Потом он сообразил, что отцовский автомобиль в это раннее субботнее утро припаркован у тротуара перед домом. И автомобиля Лили в гараже тоже нет: она сунула сигарету в рот и объявила, что едет на просмотр «Грязной дорожки», последнего фильма режиссера «Возлюбленной смерти», и никому не советует ее останавливать. Так что гараж пустовал. Несколько минут Джек ждал, но ни боковая дверь, ни ворота не открывались. Наконец он спустился с заросшего травой пригорка, направился к гаражу и вошел. Никого и ничего, лишь темные пятна масла на бетонном полу. И инструменты, висящие по стенам на серебристых крючках. Джек изумленно ахнул, потом позвал: «Папа?» — и вновь все осмотрел, чтобы убедиться, что глаза его не обманывают. На этот раз обнаружил сверчка, который прыгал к тени у стены, и почти поверил, что какой-то злобный колдун оказался рядом и... Сверчок добрался до стены и юркнул в какую-то щель. Нет, его отца не превращали в сверчка. Разумеется, нет. «Эй», — вырвалось у мальчика... наверное, он обращался к самому себе. Он вернулся к боковой двери и вышел из гаража. Солнечный свет зали-

вал выкошенные лужайки Родео-драйв. Он мог кому-нибудь позвонить, но кому? В полицию? *Мой папа вошел в гараж, и я не могу его там найти, и теперь я боюсь.*

Двумя часами позже Фил Сойер появился со стороны Беверли-Уилшир. Он шагал не спеша, с пиджаком, переброшенным через плечо, распустив узел галстука — словно человек, возвращающийся из кругосветного путешествия.

Джек покинул пригорок озабоченности и побежал к отцу. «Как быстро ты бегаешь, — улыбнулся тот, когда Джек прижался к его ногам. — Я думал, ты спишь, Странник Джек».

Они шли по дорожке к входной двери, когда услышали, что звонит телефон, и какой-то инстинкт — возможно, инстинкт держаться ближе к отцу — заставил Джеки взмолиться, чтобы телефон уже прозвонил с десяток раз и набравший их номер положил трубку до того, как они доберутся до входной двери. Отец потрепал ему волосы, положил большую теплую руку на плечи, распахнул дверь и в пять длинных шагов оказался у телефонного аппарата. «Да, Морган, — услышал Джеки голос отца. — Что? Плохие новости? Лучше скажи». Последовала долгая пауза, в течение которой до Джека доносился металлический, дребезжащий голос дяди Моргана, скользящий по телефонным проводам. «Ох, Джерри. Господи. Бедный Джерри. Сейчас приеду. — Потом отец посмотрел на него, не улыбаясь, не подмигивая, не делая ничего, но показывая, что они — единое целое. — Я приеду, Морган. Мне придется привезти Джека, но он сможет подождать в машине». Джек почувствовал, как расслабились мышцы, и испытал такое облегчение, что даже не спросил, а почему он должен ждать в машине, хотя в любом другом случае обязательно задал бы этот вопрос.

Фил проехал по Родео-драйв до отеля «Беверли-Хиллз», повернул налево на Сансет, взяв курс на офисное здание. Машину он вел молча.

Дождавшись просвета во встречном транспортном потоке, он свернул на стоянку у офисного здания. Там уже стояли два патрульных автомобиля, один пожарный, белый миниатюрный кабриолет «мерседес» дяди Моргана и ржавый старый двухдверный «плимут», на котором ездил электрик. За входной дверью дядя Морган разговаривал с полицейским, который медленно-медленно покачивал головой, несомненно, сочувствуя. Правая рука Моргана Слоута обнимала за плечи худенькую молодую женщину, одетую в великоватое для нее платье. Она уткнулась лицом ему в грудь. Миссис Джерри, понял Джек, видя, что большая часть лица закрыта носовым платком, который она прижимала к глазам. В коридоре, достаточно далеко от них, пожарный в каске и дождевике собирал в бесформенную кучу куски покореженного металла и пластика, пепел и осколки стекла. «Посиди здесь пару минут, хорошо, Джеки?» И отец побежал ко входу в здание. Молодая китаянка говорила с полицейским у бетонного ограждения автомобильной стоянки. Перед ней лежало что-то покореженное, и Джек не сразу понял, что это велосипед. Вдохнув, мальчик ощутил горький дым.

Двадцатью минутами позже его отец и дядя Морган вышли из здания. Все еще обнимая миссис Джерри, дядя Морган попрощался с Сойерами и повел женщину к пассажирскому сиденью своего автомобильчика. Отец Джека выехал со стоянки на Сансет.

— Джерри поранился? — спросил Джек.

— Какой-то странный несчастный случай, — ответил отец. — Электричество... могло загореться все здание.

— Джерри поранился? — повторил Джек.

— Бедный сукин сын так поранился, что умер, — ответил отец.

Джеку и Ричарду Слоуту потребовалось два месяца, чтобы восстановить полную картину случившегося по обрывкам подслушанных разговоров. Мать Джека и домо-

правительница Ричарда добавили подробности, домоправительница — самые душераздирающие.

Джерри Бледсоу приехал в субботу, чтобы попытаться исправить дефекты системы безопасности здания. Занявшись охранной системой в рабочий день, он переполошил бы арендаторов воем сирены. Электропитание охранная система получала от главного распределительного щита, который находился за двумя съемными панелями орехового дерева на первом этаже. Джерри приготовил инструменты и снял панели, предварительно убедившись, что в здании никого нет и никто не выпрыгнет из штанов, если завоет сирена. Потом пошел в свою мастерскую в подвале, позвонил в местный полицейский участок и попросил не реагировать на вызовы из здания компании «Сойер и Слоут» до его следующего звонка. В тот самый момент, когда он вернулся в холл, чтобы залезть в сорочье гнездо проводов, стекающихся к распределительному щиту со всех концов здания, двадцатитрехлетняя китаянка Лоретта Чан въехала на велосипеде на автомобильную стоянку. Она распространяла рекламные листки ресторана, который через пятнадцать дней открывался неподалеку.

Позже мисс Чан сообщила полиции, что она заглянула в вестибюль через парадную дверь и увидела мужчину в рабочей одежде, поднявшегося из подвала. Перед тем как мужчина взял отвертку и протянул руку к распределительному щиту, она почувствовала, как автомобильная стоянка под ногами заходила ходуном. Решила, что это мини-землетрясение: в Лос-Анджелесе Лоретта Чан жила с рождения и не обращала внимания на толчки, которые ничего не разрушали. Она увидела, как Джерри Бледсоу чуть расставил ноги (то есть он тоже почувствовал, как затряслась земля, хотя больше никто этого не заметил), покачал головой, а потом осторожно вставил кончик отвертки в переплетение проводов.

И тут вестибюль и коридор первого этажа здания «Сойер и Слоут» превратились в огненный ад.

Первым вспыхнул прямоугольный распределительный щит. Синевато-желтые дуги света, напоминавшие молнии, вырвались из него и заключили мужчину в свои объятия. Завыли сирены: «КА-БА-А-А-А-М! КА-БА-А-А-А-М!» Шар огня диаметром шесть футов вырвался из стены, отбросил в сторону уже мертвого Джерри Бледсоу и покатился по коридору к вестибюлю. Прозрачная входная дверь разлетелась вдребезги, повалил дым, ударной волной покорежило дверную коробку. Лоретта Чан бросила велосипед и помчалась к телефону-автомату на другой стороне улицы. Пока она сообщала адрес здания пожарным и смотрела на свой велосипед, аккуратно согнутый пополам неведомой силой, вырвавшейся из двери, поджаренный труп Джерри Бледсоу так и стоял перед взорвавшимся распределительным щитом. Тысячи вольт вливались в тело, раскачивая его взад-вперед в постоянном ритме. Все волосы электрика и большая часть одежды сгорели, кожа вздулась и посерела. Оправа очков из коричневого пластика облепила нос, как припарка.

Джерри Бледсоу. *Кто вызывает эти изменения, папочка?* Миновав последний дом, Джек еще полчаса заставлял ноги двигаться. Над головой незнакомые звезды складывались в незнакомые созвездия — послания на неведомом ему языке.

Глава 12
ДЖЕК ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ЯРМАРКУ

1

Ночь он проспал в стогу ароматного сена Долин. Сначала зарылся в него, но потом лег ближе к выходу, чтобы вдыхать свежий воздух в прорытом тоннеле. Он опасливо

прислушивался к скребущим звукам — услышал или где-то прочитал, что полевые мыши очень любят стога сена. Но если в этом стогу и жили мыши, то большая мышь по имени Джек Сойер так их напугала, что они не решались и шевельнуться. Мало-помалу он расслабился, левой рукой поглаживая бутылку Спиди. Заткнул ее пушистым мхом, который нарвал у маленькой речушки, где останавливался, чтобы попить. Он понимал, что часть мха обязательно попадет в бутылку, а может, уже попала. Какая жалость: конечно же, мох испортит и отменный вкус, и тонкий букет.

Лежа в стоге сена, наконец-то согревшись, уже очень сонный, он испытывал главным образом облегчение... словно на нем висела дюжина десятифунтовых блинов для штанги, а какая-то добрая душа расстегнула застежки, и они упали на землю. Он снова попал в Долины, место, которое такие милые люди, как Морган из Орриса, Осмонд-кнутовщик и Элрой, удивительный человек-козел, называли домом, в Долины, где могло случиться что угодно.

Но Долины могли быть и хорошими. Он это помнил с раннего детства, когда все жили в Калифорнии и никто не жил где-то еще. Долины могли быть хорошими, и он чувствовал, что сейчас хорошее окружает его, спокойное и милое, как запах сена, как аромат самого воздуха.

Испытывают ли облегчение муха или божья коровка, когда налетает неожиданный порыв ветра и переворачивает «ловчий кувшин», позволяя тонущему насекомому выбраться из него? Джек ничего об этом не знал, но знал, что выбрался из Оутли и теперь далеко от «Клуба хорошей погоды» и от стариков, которые плачут, защищая украденные тележки для продуктов, далеко от запахов пива и блевоты... а самое главное, далеко от Смоуки и «Бара Апдайка в Оутли».

Он подумал, что какое-то время может путешествовать и по Долинам.

И с этими мыслями заснул.

2

Наутро он отшагал две или три мили по Западной дороге, наслаждаясь солнечным светом и приятным, земляным запахом полей, на которых уже созрел урожай, когда рядом остановилась телега и усатый фермер, одетый в некое подобие тоги и бриджи из грубой материи, прокричал:

— На ярмарку, парень?

Джек вытаращился на него, осознав, что мужчина говорит не на английском. Какие там «Скажите на милость» или «Куда это вы направляетесь, юный паж?». Это вообще был не английский.

Компанию усатому фермеру составляла женщина в широком платье. Она сидела рядом, держа на коленях мальчишку лет трех. Женщина доброжелательно улыбнулась Джеку и закатила глаза, повернувшись к мужу.

— Он же дурачок, Генри.

Они говорят не на английском... но, на каком бы языке они ни говорили, я их понимаю. Я даже думаю на этом языке... и это еще не все... я вижу на нем, или через него, или уж не знаю, как это сказать. Джек осознал, что то же самое происходило и в прошлый раз... только тогда он пребывал в таком замешательстве, что не заметил этого: события разворачивались слишком быстро, все казалось чересчур *странным*.

Фермер наклонился к нему, улыбнулся, продемонстрировав жуткие зубы.

— Ты дурачок, малыш? — спросил он очень по-доброму.

— Нет. — Джек улыбнулся в ответ, отдавая себе отчет, что произнес не «нет», а какое-то долинское слово: при прыжке менялась не только речь, но и образ мышления (образ *воображения* как минимум: слово это в его словарном багаже отсутствовало, но он понимал, что говорит), точно так же, как одежда. — Дурачок — это не про меня.

Просто мама говорит, что надо быть осторожным с людьми, которых встречаешь на дороге.

Теперь улыбнулась жена фермера.

— Твоя мама говорит правильно. Ты идешь на ярмарку?

— Да, — кивнул Джек. — Я иду по дороге... на запад.

— Тогда залезай в телегу, — предложил фермер Генри. — День уходит. Я хочу продать все, что у меня есть, если смогу, и вернуться домой до заката. Кукуруза уродилась плохо — уже последняя в этом году. Мне повезло, что я собрал ее в девятом месяце. Кто-нибудь да купит.

— Благодарю. — Джек залез в телегу через задний борт. Здесь лежало множество кукурузных початков, связанных по десять грубой веревкой и уложенных, как поленья. *Если это плохо уродившаяся кукуруза*, подумал Джек, *тогда я и представить себе не могу, какой она будет, если уродится хорошо*. Никогда в жизни он не видел таких огромных початков. Тут же лежали горки кабачков, патиссонов и вроде бы тыкв, только красных, а не оранжевых. Джек не знал, какие они на вкус, но полагал, что удивительные. Его желудок сердито заурчал. Отправившись в дальний путь, он узнал, что такое голод — не мимолетный знакомый, скромно заглядывающий после школы, которого можно ублажить несколькими булочками и стаканом молока, сдобренного «Несквиком», а близкий друг, который иногда чуть отходит в сторону, чтобы тут же вернуться.

Он сидел спиной к фермеру и его жене, обутые в сандалии ноги болтались в воздухе, едва не касаясь плотно утрамбованной поверхности Западной дороги. Телег и фургонов в это утро хватало, большинство, как предположил Джек, направлялись на ярмарку. Время от времени фермер громко приветствовал кого-то из знакомых.

Джек все еще гадал, какой вкус у этих тыкв яблоневого цвета — и как ему вообще добыть еды, — когда маленькие

ручонки схватили его за волосы и дернули так резко, что на глаза навернулись слезы.

Он повернулся и увидел трехлетнего малыша, который босиком стоял позади него и широко улыбался. В каждом кулачке осталось несколько волосков Джека.

— Джейсон! — воскликнула мать — но в ее голосе слышались снисходительные нотки (*Вы видели, как он вырвал у него волосы? Ну и силач!*). — Джейсон, так нельзя!

Джейсон довольно улыбался. Эта широкая, глуповатая, солнечная улыбка чем-то напоминала аромат стога сена, в котором Джек провел ночь. Он сам не мог не улыбнуться в ответ... и понял, что завоевал дружбу жены Генри.

— Сесь. — Джейсон покачивался взад-вперед, словно бывалый матрос. И продолжал улыбаться Джеку.

— Что?

— На.

— Не понимаю тебя, Джейсон.

— Сесь-на.

— Не пони...

А потом Джейсон, мальчишка для своего возраста крупный, плюхнулся на колени Джека, все так же улыбаясь.

Сесь-на, да, конечно, теперь понял, подумал Джек, почувствовав, как тупая боль в придавленной мошонке расползается по низу живота.

— Джейсон плохой мальчик! — Все тот же прощающий голос матери — «ну-разве-он-не-милашка?» — и Джейсон, который знал, кто здесь главный, снова заулыбался — глуповато, ласково, обаятельно.

И тут до Джека дошло, что Джейсон обдулся, да налил так, что мало не покажется.

Добро пожаловать в Долины, Джеки.

И, сидя с ребенком на коленях, чувствуя, как теплая влага медленно пропитывает одежду, Джек рассмеялся, подняв лицо к синему-синему небу.

3

Несколько минут спустя жена Генри добралась до заднего борта телеги, где сидел Джек с ребенком на коленях, и забрала Джейсона.

— О-о-о, да ты мокрый, дрянной мальчишка. — Но ее голос продолжал прощать все. *Да, он надул в штаны, и сколько!* — подумал Джек и снова рассмеялся. Его примеру последовал Джейсон, а потом миссис Генри.

Переодевая Джейсона, она задала Джеку несколько вопросов, которые он достаточно часто слышал в своем мире. Но здесь приходилось соблюдать большую осторожность. Он мало что знал о Долинах и мог угодить в скрытую ловушку. Он слышал, как отец говорил Моргану: «...настоящий Чужак, *если ты понимаешь, о чем я*».

Джек чувствовал, что муж женщины слушает очень внимательно. Он отвечал на ее вопросы чуть измененной Историей — не той, которую рассказывал, когда нанимался на работу, а другой, предназначенной для водителей.

Он сказал, что родом из деревни Мастеровых — мать Джейсона что-то слышала о такой, но не больше. Неужели он сумел так много пройти, захотела она узнать. Джек ответил, что да. И куда он идет? Он ответил ей (и молчаливо слушающему Генри), что держит путь в деревню Калифорния. О такой мать Джейсона слыхом не слыхивала, это название не мелькало даже в рассказах коробейников. Джека это не сильно удивило. И он порадовался, что ни один не воскликнул: «Калифорния? Да кто слышал о деревне с названием Калифорния? Кому ты пудришь мозги, парень?» В Долинах хватало мест — и территорий, и деревень, — о которых люди, живущие в собственных маленьких мирках, ничего не слышали. Ни телеграфа. Ни электричества. Ни кино. Никакого кабельного телевидения, чтобы рассказать, сколько всего замечательного в Малибу или Сарасоте. Отсутствовала в Долинах и «Ма Белл», ни-

где не висели рекламные листки, сообщающие, что теперь после пяти вечера трехминутный разговор с Пограничьем стоит всего пять долларов восемьдесят три цента плюс налоги (на Рождество и другие праздники тариф может быть повышен). *Они живут в окружении таинственного*, подумал Джек. *А если живешь в окружении таинственного, не задаешь вопросов о деревне только потому, что никогда о ней не слышал. Деревня Калифорния звучит ничуть не хуже деревни Мастеровых.*

Так что в существовании такой деревни они не усомнились. Он рассказал им, что отец умер годом раньше, а мать тяжело заболела (подумал, не добавить ли, что королевские сборщики налогов пришли глубокой ночью и забрали их осла, улыбнулся и решил, что эту часть Истории лучше опустить). Мать дала ему денег, сколько смогла — только на этом странном языке он произнес не «денег», а какое-то другое слово, что-то вроде «деревяшек», — и отправила в деревню Калифорния, пожить у тети Элен.

— Времена сейчас тяжелые, — признала миссис Генри, прижимая к себе Джейсона, переодетого в сухое.

— Деревня Мастеровых ведь около летнего дворца, верно? — Генри открыл рот впервые с того момента, как Джек залез на телегу.

— Да, — ответил Джек. — Довольно близко. Я...

— Ты не сказал, от чего умер твой отец.

Теперь фермер повернул голову. Он пристально и подозрительно всматривался в Джека, от прежней доброты в его глазах не осталось и следа, она погасла, словно поднявшийся ветер задул свечи. Да, ловушки здесь определенно были.

— Он болел? — спросила миссис Генри. — Сейчас столько болезней... оспа, чума... тяжелые времена...

И тут Джек дико захотел ответить: *Нет, он не болел, миссис Генри. Он получил мощнейший вольтовый разряд, мой отец. Видите ли, однажды в субботу он пошел выполнить*

одну работенку и оставил миссис Джерри и всех маленьких Джерри — включая меня — дома. Это случилось, когда мы все жили в дыре в плинтусе и никто не жил где-то еще, видите ли. И знаете что? Он сунул отвертку в переплетение проводов, и миссис Фини, она работает в доме Ричарда Слоута, она слышала, как дядя Морган говорил по телефону, и он сказал, что электричество перешло в отвертку, все электричество, и оно поджарило его, поджарило так сильно, что очки расплавились у него на носу, только вы ничего не знаете насчет очков, потому что здесь их нет. Нет очков... нет электричества... нет «Миднайт блю»... нет самолетов. Надеюсь, миссис Генри, вас не будет ждать тот же исход, что и миссис Джерри. Надеюсь...

— Не важно, болел он или нет, — вмешался усатый фермер. — Он занимался политикой?

Джек молча смотрел на него. Его губы шевелились, но с них не слетало ни звука. Он не знал, что ответить. Слишком много ловушек.

Генри кивнул, словно получил ответ.

— Слезай, парень. Ярмарка за следующим подъемом. Я полагаю, отсюда ты дойдешь и сам, правда?

— Да, — кивнул Джек. — Полагаю, что дойду.

На лице миссис Генри отразилось замешательство... но она вместе с Джейсоном отодвинулась от Джека, словно тот болел чем-то заразным.

Фермер, по-прежнему глядя через плечо, сочувственно улыбнулся.

— Извини, ты выглядишь хорошим парнем, но мы здесь простые люди... что бы ни происходило, наводить порядок — дело больших шишек. Или королева умрет, или нет... но, разумеется, когда-нибудь этот день придет. Господь рано или поздно забивает все гвозди. А если маленькие люди суют нос в борьбу больших, им обычно крепко достается.

— Мой отец...

— Я ничего не хочу знать о твоем отце, — резко оборвал его Генри. Миссис Генри все дальше отодвигалась от Джека, прижимая Джейсона к груди. — Хороший он человек или плохой, я не знаю и не хочу знать... мне лишь известно, что он мертв, думаю, здесь ты сказал правду, а его сын спит под открытым небом и, судя по всему, в бегах. И говорит сын так, будто он не из этих мест. Так что слезай. Сам видишь, у меня тоже есть сын.

Джек спрыгнул на землю, сожалея о страхе, читавшемся на лице молодой женщины, страхе, который вызвал он. Фермер все говорил правильно: маленьким людям нельзя совать нос в дела больших. Умные маленькие люди никогда этого не делают.

Глава 13
ЛЮДИ В НЕБЕ

1

Джек испытал шок, увидев, что деньги, которые он заработал тяжким трудом, превратились в деревяшки — теперь они напоминали игрушечных змей, изготовленных неумелым мастером. Шок длился не дольше мгновения. А потом Джек печально рассмеялся. Деревяшки, разумеется, и были деньгами. Когда он прыгнул сюда, *все* изменилось. Серебряный доллар превратился в монету с грифоном, рубашка — в камзол, английский — в язык Долин, старые добрые американские деньги — что ж, в составные деревяшки. Он прыгал примерно с двадцатью двумя долларами и предполагал, что теперь в его кармане лежала эквивалентная сумма местных денег, хотя насчитал четырнадцать звеньев на одной денежной деревяшке и больше двадцати — на другой.

Проблема заключалась не в количестве, а в стоимости этих денег: Джек понятия не имел, что дешево и что дорого, и, добравшись до ярмарки, ощутил себя участником телевикторины «Правильная цена» — только, ошибившись здесь, он не мог рассчитывать на утешительный приз и сочувственный шлепок по спине от Боба Баркера. Если он ошибется здесь, с ним могли... ладно, он точно не знал, что с ним могли сделать. Выгнать — наверняка. Избить? Возможно. Убить? Вероятно, нет, но полной уверенности у него не было. Они — маленькие люди, далекие от политики. А он — чужак.

Джек медленно прошел из одного конца шумной и людной ярмарки в другой, мучимый насущной проблемой. И сосредоточилась она в желудке — ужасно хотелось есть. Один раз увидел Генри, торговавшегося с мужиком, который продавал коз. Миссис Генри стояла рядом, но чуть позади, не мешая мужчинам. Спиной к Джеку, держа малыша на руках (*Джейсона, одного из маленьких Генри*, подумал Джек), но Джейсон его увидел. Помахал пухлой ручкой, и Джек тут же развернулся и нырнул в толпу, чтобы мальчик потерял его из виду.

Повсюду пахло жареным мясом. Он видел, как торговцы медленно поворачивали над раскаленными углями куски мяса, маленькие и побольше. Он видел, как помогавшие им мальчишки клали толстые ломти — ему показалось, свинины — на домашний хлеб и относили покупателям. В большинстве своем такие же фермеры, как Генри, те напоминали участников аукциона. И еду они заказывали, словно делали ставку — нетерпеливо вскидывали руку с растопыренными пальцами. Джек внимательно наблюдал за расчетами по некоторым таким сделкам, и в каждом случае происходил переход составных деревяшек из рук в руки... но сколько звеньев стоил один бутерброд? Джек не знал, однако это не имело значения. Очень хотелось есть, независимо от того, признают в нем чужака или нет.

Он прошел мимо представления, мельком глянув на толпу зрителей, в основном женщин и детей. Они покатывались от хохота и аплодировали. Двинулся к ларьку с брезентовыми стенами, где здоровяк с татуировками на бицепсах стоял у канавы в земле, наполненной горящими углями. Над канавой тянулся семифутовый железный вертел с нанизанными на него пятью большими кусками мяса. Потные, грязные мальчишки стояли по обе стороны вертела и синхронно поворачивали его.

— Отличное мясо! — бубнил мужчина. — Отличное мясо! Отличное *мя-я-ясо*! Покупайте мое мясо! Здесь отличное мясо! Отличное мясо прямо здесь! — И добавил другим тоном, обращаясь к мальчишке, который стоял ближе: — Шевелись, а не то Бог тебя поколотит, — после чего продолжил протяжно рекламировать свой товар.

Фермер, проходивший мимо с дочкой-подростком, поднял руку, потом указал на второй кусок слева. Мальчишки перестали вращать вертел на те мгновения, которые потребовались здоровяку, чтобы отрезать ломоть мяса и положить на хлеб. Один из мальчишек подбежал к фермеру, доставшему составную деревяшку. Пристально наблюдая, Джек увидел, как фермер отделил два звена и протянул мальчишке. Пока тот возвращался к ларьку, фермер убрал денежную деревяшку в карман, небрежно, но осмотрительно, как поступают со сдачей, отхватил огромный кусок бутерброда, а остальное отдал дочери, которая набросилась на мясо с хлебом с таким же энтузиазмом.

Желудок Джека заурчал и дернулся. Он вроде бы увидел все, что требовалось... во всяком случае, надеялся на это.

— Отличное мясо! Отличное мясо! Отличное... — Здоровяк замолчал и посмотрел на Джека, кустистые брови сдвинулись над глазами, маленькими, но далеко не глупыми. — Я слышу песню твоего желудка, приятель. Если у тебя есть деньги, я поменяю их на мой товар и вечером в своих молитвах попрошу Бога благословить тебя. Если де-

нег нет, вали отсюда со своей глупой бараньей мордой прямиком к дьяволу.

Оба мальчишки рассмеялись, но выглядели они очень уставшими, а потому смеялись так, будто не контролировали звуки, которые издавали.

Сводящий с ума аромат медленно жарящегося мяса не позволил ему уйти. Он достал меньшую из составных деревяшек и указал на второй слева кусок мяса. Не произнеся ни слова. Полагал, что так безопаснее. Продавец хмыкнул, достал из-за пояса широкий грубый нож и отрезал ломоть мяса — меньше, чем фермеру. Джек это видел, но его желудок не позволил об этом задуматься — безумно заурчал в предвкушении пиршества.

Продавец шлепнул ломоть мяса на хлеб и принес его сам, вместо того чтобы передать одному из мальчишек. Взял денежную деревяшку Джека. Отделил не два звена, а три.

Голос матери, горько-изумленный, зазвучал голове Джека: *Поздравляю, Джеки... тебя только что нагрели.*

Продавец смотрел на него, широко улыбаясь почерневшими, гнилыми зубами, предлагая ему что-нибудь сказать, запротестовать. *Ты должен меня благодарить, что я взял только три, а не все четырнадцать. Я мог, знаешь ли. У тебя же, парень, на шее висит табличка: «Я ЗДЕСЬ ЧУЖАК И Я САМ ПО СЕБЕ». Так что скажи мне, баранья морда, хочется ли тебе устраивать из-за этого скандал?*

Чего он хотел, значения не имело... очевидно, устроить скандал он бы не смог. Но Джек вновь почувствовал жгучую, бессильную ярость.

— Иди. — Продавец от него устал. Махнул большой рукой перед лицом Джека. Мальчик увидел шрамы на пальцах и кровь под ногтями. — Еду ты получил. Теперь уходи.

Джек подумал: *Я бы мог показать тебе фонарик, и ты бы побежал так, будто за тобой гонятся все дьяволы ада. Покажи тебе самолет, и ты, наверное, обезумеешь. Ты не такой крутой, как думаешь, дружище.*

Он улыбнулся, и, возможно, что-то в этой улыбке продавцу не понравилось, потому что он подался назад, на его лице отразилась тревога. Потом брови вновь сошлись вместе.

— Пошел отсюда, я сказал! — взревел он. — Убирайся, а не то Бог тебя поколотит!

На этот раз Джек ушел.

2

Мясо оказалось божественным. Джек умял на ходу и мясо, и хлеб, а потом, не отдавая себе в этом отчета, еще и слизал сок с ладоней. По вкусу мясо напоминало свинину... но только напоминало. Он было и нежнее, и острее. В любом случае оно основательно заполнило пустоту в животе, и Джек подумал, что с таким мясом на ленч он бы ходил в школу тысячу лет.

Теперь, когда ему удалось заставить желудок замолчать — хотя бы на какое-то время, — он оглядывался с большим интересом... и, пусть он этого не знал, начал сливаться с толпой. Уже стал деревенским подростком из глубинки, приехавшим на ярмарку, медленно ходил между киосками и лотками, пытаясь смотреть во все стороны одновременно. Торговцы замечали его, но только как одного из возможных покупателей. Они кричали ему и зазывали, когда он проходил мимо, но точно так же они кричали и тому, кто шел следом — мужчине, женщине, ребенку. Джек открыто таращился на товары, предлагаемые со всех сторон, товары удивительные и странные, и перестал быть чужаком, находясь среди других людей, тоже глазеющих на них... возможно, потому, что отказался от попыток выглядеть равнодушным там, где *никто не проявлял равнодушия*. Люди смеялись, спорили, торговались... но никто, похоже, не скучал.

Ярмарочная площадь напоминала ему павильон королевы, только без плохо скрываемой напряженности и напускного веселья. Его также окутывала невероятная смесь запа-

хов (доминировали, конечно, жареное мясо и навоз), и он видел разодетых людей (хотя самые разодетые в подметки не годились некоторым из тех денди, что встретились ему в павильоне), и все это непосредственное соприкосновение с неведомым вызывало и тревогу, и радостное волнение.

Джек остановился у ларька, торгующего коврами с вытканным на них портретом королевы. Внезапно подумал о матери Хэнка Шкоффлера и улыбнулся. С Хэнком он и Ричард Слоут дружили в Лос-Анджелесе. Миссис Шкоффлер как никто умела украсить квартиру ярким и безвкусным. Бог свидетель, ей бы эти ковры понравились. С изображением Лауры Делессиан с забранными наверх и уложенными короной волосами! Они смотрелись бы даже лучше ее бархатных аляскинских оленей или керамической диорамы Тайной вечери за баром в гостиной Шкоффлеров.

Потом лицо, вытканное на коврах, словно начало изменяться у него на глазах. Королева исчезла, и теперь он видел свою мать, повторяющуюся снова и снова, со слишком черными глазами и чересчур белой кожей.

Тоска по дому вновь захлестнула Джека. Прокатилась по нему, как волна, и он воззвал к матери всем сердцем: *Мама! Эй, мама! Господи, что я здесь делаю? Мама!* — задавшись вопросом, словно пылкий влюбленный, а что она делает в этот самый момент. Сидит у окна, курит, смотрит на океан с открытой книгой под рукой? Смотрит телик? Сидит в кино? Спит? Умирает?

Умерла? — добавил злобный голос, прежде чем Джек успел остановить его. *Умерла, Джек? Уже умерла?*

Прекрати!

Он почувствовал, как слезы жгут глаза.

— Эй, парнишка, как делишки?

Он вздрогнул, поднял голову и увидел, что продавец ковров смотрит на него. Такой же здоровяк, как и торговец мясом, тоже с татуировками на руках, но с открытой и солнечной улыбкой. Без намека на злобу. И это меняло дело.

— Ничего, — ответил Джек.

— Если от ничего у тебя такой вид, тогда тебе надо подумать о чем-то, сын мой, да, сын мой.

— Я что, выглядел очень грустным? — спросил Джек, чуть улыбнувшись. Он перестал задумываться о своей речи — во всяком случае, в тот момент, — и, возможно, по этой причине продавец ковров не уловил в ней ничего странного или необычного.

— Паренек, ты выглядел так, будто по эту сторону луны у тебя оставался только один друг и ты только что увидел, как Дикий Белый Волк прибежал с севера и сожрал его серебряной ложкой.

Джек снова улыбнулся. Продавец протянул руку и взял что-то из маленького шкафчика, который стоял справа от самого большого ковра. Что-то овальное и с ручкой. Когда мужчина повернул предмет, солнце отразилось от плоской поверхности. Зеркало. Джеку оно показалось маленьким и дешевым, какие дают в ярмарочном павильоне, если собьешь все три деревянные кегли.

— На, паренек, возьми. Прав я или нет — сам взгляни.

Джек взглянул, и у него отвисла челюсть. Увиденное потрясло его, и он подумал, что у него остановилось сердце. Да, лицо принадлежало ему, но выглядел он теперь как обитатель Острова удовольствий в диснеевской версии «Пиноккио», где избыток времени, отданного бильярду и курению сигар, превращал мальчишек в ослов. Его глаза, обычно синие и круглые, выдающие англосаксонское происхождение, стали карими и миндалевидными. Волосы, всклокоченные и падающие на лоб, напоминали гриву. Он поднял руку, чтобы откинуть их, и прикоснулся к коже — в зеркале его пальцы растворились в волосах. Торговец добродушно рассмеялся. Самое удивительное: длинные ослиные уши свисали ниже челюсти. Пока он смотрел в зеркало, одно ухо дернулось.

Внезапно пришла мысль: *У меня было такое зеркало!*

И тут же за ней последовала другая: *У меня было такое зеркало в стране Дневных грез. В обычном мире оно становилось... становилось...*

Тогда ему было годика четыре, не больше. В обычном мире (он перестал думать о нем как о *реальном* мире, сам того не заметив) оно становилось большим стеклянным шариком с розовой сердцевиной. Как-то днем, когда он играл с ним, шарик покатился по бетонной дорожке перед домом и упал в канализационную решетку — пропал навсегда, как он тогда думал, сидя на бордюрном камне и горько плача, закрыв лицо грязными руками. Но не пропал — старая игрушка вернулась, такая же удивительная, какой казалась ему в четыре года. Джек радостно улыбнулся. Изображение изменилось, Джек-Осел превратился в Джека-Кота, лицо стало мудрым и скрытным, но под скрытностью таилось веселье. Карие ослиные глаза уступили место зеленым кошачьим. Серые пушистые ушки стояли торчком, а не висели.

— Так лучше, — кивнул продавец. — Так лучше, сынок. Мне нравится видеть счастливого мальчика. Счастливый мальчик — здоровый мальчик, а здоровый мальчик найдет свой путь в этом мире. Об этом говорит «Книга доброго земледелия», а если не говорит, то должна. Я, возможно, подчеркну эту строчку в своем экземпляре, если наскребу достаточно денег от моей торговли, чтобы когда-нибудь его купить. Хочешь это зеркало?

— Да! — воскликнул Джек. — Да, конечно! — Он сунул руку в карман за денежными деревяшками, забыв про бережливость. — Сколько?

Продавец нахмурился и быстро глянул по сторонам, чтобы посмотреть, не наблюдают ли за ними.

— Убери это, сынок. Засунь поглубже, да, вот так. Меньше покажешь — больше останется. А не то было ваше — стало наше. На ярмарке полно щипачей.

— Кого?

— Не важно. Бесплатно. Бери. Половина из них разобьется в моем фургоне, когда я повезу их в мастерскую в десятом месяце. Матери приводят маленьких детей и показывают им эти зеркальца, но никогда не покупают.

— Люблю, когда истину не отрицают.

Продавец не без удивления глянул на него, а потом оба рассмеялись.

— Счастливый паренек и острый язычок, — кивнул продавец. — Приходи повидаться со мной, когда станешь старше и смелее. Опыт твой и язычок пригодятся нам, сынок. Мы на юг пойдем с тобою, нашу выручку утроим.

Джек снова рассмеялся. Слушать торговца оказалось веселее, чем альбом «Шугархилл гэнг».

— Спасибо, — ответил он (огромная, невероятная улыбка появилась на кошачьей морде в зеркале). — Огромное вам спасибо!

— Богу меня поблагодари, — улыбнулся торговец... и добавил, словно вспомнив: — И за карманом получше смотри.

Джек двинулся дальше, запрятав зеркало под камзол, рядом с бутылкой Спиди.

И каждые несколько минут проверял, на месте ли его деревяшки.

Он, похоже, понял, кто такие щипачи.

3

Через два ларька от продавца-весельчака неряшливо одетый мужчина с повязкой на одном глазу и сильным запахом перегара пытался продать фермеру большого петуха. Уверял, что с таким петухом следующие двенадцать месяцев все курицы будут нестись исключительно двухжелтковыми яйцами.

Джека, конечно, не заинтересовали ни достоинства петуха, ни хвалебная песнь продавца. Он присоединился к

толпе детей, не отрывавших глаз от другого сокровища одноглазого: попугая в большой плетеной клетке. Попугай ростом не уступал самым маленьким зрителям, а цветом напоминал темно-зеленую бутылку «Хейнекена». Глаза сверкали золотом... все четыре глаза. Как и у пони, которого Джек видел в конюшне королевского павильона, у попугая было две головы. Держась за шесток двумя крепкими желтыми лапами, он смотрел в обе стороны, пушистые хохолки почти соприкасались.

Попугай разговаривал сам с собой, на радость детишкам, но даже в своем изумлении Джек заметил, что детишки эти, хотя и смотрели на попугая с пристальным вниманием, не выглядели потрясенными и не сильно удивлялись наличию двух голов. Они не напоминали детей, впервые попавших в кинотеатр, а потому застывших в креслах с широко раскрытыми глазами. Скорее получали очередную субботнюю дозу мультфильмов. Что-то новенькое, безусловно, но, если на то пошло, не ах. Впрочем, для юных чудеса устаревают быстро.

— *Ба-а-арк!* Насколько высок верх? — спросила Восточная голова.

— Насколько низок низ, — ответила Западная, и детишки засмеялись.

— *Гра-а-ак!* Чем король отличается от простолюдина? — спросила Восточная голова.

— Королю быть королем всю жизнь, а простолюдину достаточно раз стать рыцарем! — без запинки ответила Западная. Джек улыбнулся, несколько детей постарше засмеялись, на лицах маленьких отразилось недоумение*.

— А что в буфете миссис Спрэтт? — спросила Восточная голова.

---

* Ответ (That a king will be a king all his life, but once a knight's enough for any man) содержит двусмысленность: поскольку буква k в слове knight не произносится, получается «а обычному человеку достаточно одного раза за ночь».

— Такое, чего не должен видеть ни один мужчина! — ответила Западная. Джек не понял, что к чему, а дети загоготали.

Попугай неспешно переместился по шестку, справил нужду на солому на дне клетки.

— Что в тот вечер до смерти напугало Алана Дестри?

— Он увидел свою жену — *гро-о-о-оук*, — вылезающую из ванны!

Фермер уходил, а одноглазый по-прежнему держал в руках петуха. В ярости продавец развернулся к детям.

— Убирайтесь отсюда! Убирайтесь отсюда, пока ваши задницы не отведали моих пинков!

Детишки разбежались. Джек тоже ушел, еще раз обернувшись, чтобы взглянуть на удивительного попугая.

4

В другом киоске он обменял два деревянных звена на яблоко и ковш молока. Самого вкусного, самого жирного молока, какое ему доводилось пробовать. Джек подумал, что «Нестле» и «Херши» разорились бы за неделю, если б в его мире продавалось такое молоко.

Он как раз осушил ковш, когда увидел семью Генри, медленно направлявшуюся в его сторону. Протянул ковш женщине за прилавком, которая бережно слила остатки в большую деревянную флягу, стоявшую рядом. Джек торопливо отошел, вытирая с верхней губы молочные усы и надеясь, что тот, кто пил из ковша до него, не болел проказой, герпесом или чем-то таким. Но почему-то он не верил, что здесь существовали такие ужасные болезни.

Он зашагал по центральной аллее ярмарки мимо актеров, мимо двух толстых женщин, продававших кастрюли и сковороды (*Долинский аналог «Тапервера»*, подумал Джек и улыбнулся), мимо удивительного двухголового попугая (его одноглазый владелец теперь открыто пил из глиняной

бутылки, его шатало от одной стены ларька к другой, петуха с закатившимися глазами он держал за шею и что-то грубо кричал прохожим... Джек увидел, что правая рука одноглазого измазана желтовато-белым петушиным пометом, и поморщился), мимо открытой площадки, где толпились фермеры. Здесь он из любопытства задержался. Многие фермеры курили глиняные трубки, и Джек заметил несколько переходивших из рук в руки глиняных бутылок, таких же, как у продавца петуха. На длинном поле, заросшем травой, мужчины подгоняли понурых лошадей, которые тянули за собой камни.

Джек прошел мимо ларька с коврами. Продавец заметил его и поднял руку. Джек ответил тем же, даже хотел крикнуть: *Используй лишь во благо — не во вред.* Решил, что не стоит. Внезапно вновь почувствовал себя чужаком. Ощущение, что он посторонний, из другого мира, вдруг захватило его.

Он вышел на перекресток. На север и на юг вели узкие проселки. Западная дорога значительно превосходила их шириной.

Странник Джек, старина, подумал он и попытался улыбнуться. Расправил плечи и услышал, как бутылка Спиди легонько стукнулась о зеркало. *Странник Джек идет по дороге в Долинах, которая в моем мире звалась бы автострадой 90. Ноги, не подведите меня сегодня!*

Он вновь отправился в путь, и вскоре бескрайняя земля грез поглотила его.

5

Через четыре часа, уже во второй половине дня, Джек сидел в высокой траве у дороги и наблюдал, как группа людей — с такого расстояния выглядели они чуть больше жучков — поднималась на высокую, хлипкого вида башню. Он выбрал это место, чтобы отдохнуть и

съесть яблоко, потому что именно здесь Западная дорога, похоже, подходила к башне ближе всего. До башни было около трех миль (может, и больше — чуть ли не сверхъестественная чистота воздуха сильно мешала в определении расстояний), и Джек заметил ее не меньше часа назад.

Он ел яблоко, вытянув уставшие ноги, и гадал, что это за башня посреди поля, в покачиваемой ветром траве. И разумеется, он задавался вопросом, почему все эти люди забираются на нее. С той поры как он покинул ярмарку, дул довольно сильный ветер, и когда он стихал, мальчик слышал, как люди перекликались и... смеялись. Много смеялись.

Через пять миль от ярмарки Джек миновал деревню, если таковой можно было назвать несколько маленьких домиков и лавку, несомненно, давно закрытую. После нее и до башни никаких поселений ему не встречалось. Перед тем как увидеть башню, Джек даже подумал, а может, он уже забрел в Пограничье, сам того не ведая. Он хорошо помнил слова капитана Фаррена: «За Пограничьем Западная дорога ведет в никуда... или в ад. Если пойдешь на запад, тебе в сопровождающие понадобится Господь, парень. Но я слышал, Он сам никогда не бывал дальше Пограничья».

По телу Джека пробежала дрожь.

Но, честно говоря, он не верил, что ушел так далеко. И не испытывал нарастающей тревоги, как рядом с живыми деревьями, среди которых очутился, прячась от дилижанса Моргана... живыми деревьями, теперь казавшимися жутким прологом ко времени, проведенному в Оутли.

Действительно, ощущение, что все вокруг хорошо (он испытывал его с того мгновения, как проснулся, согревшийся и отдохнувший, в ароматном стогу и пока фермер Генри не предложил ему слезть с телеги), теперь вернулось: чувство, что Долины, несмотря на обитающее в них

зло, по сути своей добрые, и он мог бы стать их частью, если бы захотел... то есть он совсем не Чужак.

Джек начал осознавать, что долгие периоды времени *был* частью Долин. Странная мысль возникла у него, когда он легко шагал по Западной дороге, мысль, пришедшая отчасти на английском, отчасти на языке Долин: *Если я вижу сон, я точно ЗНАЮ, что это сон, только в один момент — когда просыпаюсь. Если я вижу сон и просыпаюсь — когда звенит будильник или что-то такое, — я испытываю крайнее удивление. Поначалу пробуждение кажется сном. И я не чужак здесь, когда сон становится глубже... Так? Не совсем, но уже теплее. Готов спорить, у моего отца эти сны часто были глубокими. И готов спорить, у дяди Моргана — никогда.*

Он решил, что глотнет из бутылки Спиди и прыгнет обратно, как только увидит что-то опасное... или просто пугающее. Иначе будет идти и идти весь день, а уж потом вернется в штат Нью-Йорк. Он даже склонялся к тому, чтобы провести здесь ночь, если бы из еды прихватил с собой не только яблоко. Но он не прихватил, а у широкого пустынного проселка, именуемого Западной дорогой, не попадалось ни «С семи до одиннадцати», ни «Остановись и зайди».

Как только Джек миновал последнее поселение, старые деревья, окружавшие перекресток и росшие в городе, где была ярмарка, уступили место широким полям. У него появилось ощущение, что он идет по бесконечной дамбе, проложенной среди бескрайнего океана. В этот день он путешествовал по Западной дороге в одиночестве, под ясным и солнечным, но прохладным небом. (*Уже поздний сентябрь, понятно, что прохладным*, подумал Джек, только на ум пришло не «сентябрь», а долинское слово, которое переводилось как «девятый месяц».) Он не встретил ни одного пешехода, мимо не проезжали фургоны — ни груженые, ни пустые. Ветер дул с прежней силой, шурша тра-

вой, и в звуке этом слышались и осень, и одиночество. По поверхности полей бежала крупная рябь.

На вопрос: «Как самочувствие, Джек?» — он ответил бы: «Очень неплохо. Спасибо. Я бодр и весел». Слова эти, «бодр и весел», обязательно пришли бы ему в голову, когда он пересекал заросшую травой равнину; а слово «экстаз» у Джека в первую очередь ассоциировалось с одноименной песней, хитом группы «Блонди». И он бы очень удивился, если бы ему сказали, что он плакал несколько раз, наблюдая, как океан травы идет рябью до самого горизонта, пьянея от вида, открывавшегося лишь немногим американским детям его времени, — гигантских пустынных пространств, раскинувшихся под синим небом фантастической длины, и ширины, и, да, высоты. Небом, которое не прорезали следы, оставляемые реактивными двигателями самолетов, не затягивала грязная лента смога.

Чувства Джека подверглись мощному удару: глаза, уши, нос впитывали все новое, тогда как привычный поток информации сошел на нет. У Джека был неплохой опыт — он вырос в лос-анджелесской семье, его отец был агентом, мать — киноактрисой, так что не следовало считать его наивным, — но, с опытом или без, он все равно оставался ребенком, и именно это его спасало... во всяком случае, в сложившейся ситуации. У взрослого одиночное путешествие по этой заросшей травой равнине вызвало бы информационную перегрузку, возможно, привело бы к безумию или галлюцинациям. Взрослый потянулся бы за бутылкой Спиди — и, возможно, такими трясущимися руками, что она выскользнула бы из пальцев, — уже через час после того, как двинулся с ярмарки на запад, а может, и раньше.

В случае Джека поток новой информации проскакивал разум, практически целиком отправляясь в подсознание. А начав плакать от восторга, он не чувствовал слез (только

один раз его зрение затуманилось, но он списал это на пот), и из головы не выходила мысль: *Господи, как же мне хорошо... вроде бы мурашки должны бежать по коже от того, что рядом ни души, но ведь не бегут.*

И Джек воспринимал свой восторг всего лишь как что-то хорошее, веселое и бодрящее, шагал и шагал по Западной дороге, а отбрасываемая им тень удлинялась и удлинялась. Он об этом не думал, но отчасти столь положительный эмоциональный настрой вызывался и тем, что еще вчерашним вечером он был пленником в «Баре Апдайка в Оутли» (кровавые синяки от контакта с последним алюминиевым бочонком пока не сошли), а прошлой ночью лишь в последний момент ускользнул от жаждущего крови зверя, которого уже называл не иначе, как козлооборотень. Впервые в жизни он оказался на широкой, открытой всем ветрам дороге, совершенно пустынной, принадлежащей только ему. Нигде не рекламировалась кока-кола, не стояли рекламные щиты «Будвайзера» с «всемирно знаменитыми клейдесдалами*», и никакие провода не тянулись вдоль дороги и над ней, как бывало *на каждой дороге, по которой когда-либо путешествовал Джек Сойер.* Ниоткуда не доносился далекий рокот самолета, не говоря уже о реве «боингов», идущих на посадку в международном аэропорту Лос-Анджелеса, или F-111, взлетающих с авиационной базы в Портсмуте, а потом прорывающих звуковой барьер над «Альгамброй» (звук этот напоминал щелчок кнута Осмонда), уходя в сторону Атлантического океана. Джек слышал только шуршание ног по утоптанной земле да чистый звук собственного дыхания.

Господи, как же мне хорошо, подумал Джек, рассеянно вытирая глаза. Он был «бодр и весел».

---

* Клейдесдалы — порода лошадей-тяжеловозов, выведенная в начале XIX в. в Шотландии; символ компании «Будвайзер» с конца 1920-х гг.

6

И теперь он смотрел на башню и гадал, для чего она здесь.

Нет, меня не затащишь на нее ни за какие коврижки. Яблоко он обглодал до семечек, а потом, не отдавая себе отчета, не отрывая глаз от башни, вырыл ямку в жесткой, пружинистой земле и похоронил в ней огрызок.

Башня, кажется, была из амбарных балок. Высота ее, по прикидкам Джека, составляла футов пятьсот. Большая и полая, она поднималась к небу рядами иксов. Наверху находилась квадратная платформа, и Джек, прищурившись, видел прогуливающихся по ней людей.

Ветер мягко толкнул сидевшего на обочине дороги мальчика, и он подтянул колени к груди и обхватил их руками. Травяная рябь побежала к башне. Джек представил себе, насколько сильно раскачивается это хлипкое сооружение, и почувствовал, как бултыхнулся желудок.

НИ ЗА ЧТО не поднимусь наверх, вновь подумал он, *даже за миллион баксов.*

И тут случилось то, чего он боялся с того самого момента, как заметил людей на башне: один из них упал.

Джек вскочил. На его лице отразился ужас, он обмер, как человек, на глазах которого не удался опасный цирковой трюк, и теперь акробат бесформенным ворохом лежит на арене после неудачного прыжка, или воздушную гимнастку, проскочившую мимо трапеции, с глухим стуком подбрасывает страховочная сеть, или человеческая пирамида внезапно рассыпается грудой тел.

Ох, блин, ох, черт, ох...

Глаза Джека внезапно широко раскрылись, а челюсть отвисла, почти упершись в грудину, но потом до него дошло, что происходит, и его губы растянулись в щироченную, неверящую улыбку. Человек не упал с башни, и его не сдуло ветром. С двух сторон от платформы отходило по

узкому выступу, напоминавшему доски на вышке для прыжков в воду, и человек просто прошел по этой доске до конца, а потом прыгнул с нее. На полпути вниз что-то начало раскрываться — парашют, подумал Джек, точно зная, что до конца раскрыться он не успеет.

Как выяснилось — не парашют.

Крылья.

Падение человека замедлилось и полностью прекратилось футах в пятидесяти от высокой травы, а потом направление его движения изменилось на противоположное. Теперь человек летел вперед и вверх, крылья поднимались так высоко, что практически соприкасались — совсем как хохолки на головах попугая, — чтобы с невероятной силой опуститься, словно руки пловца у финишной черты.

Вау, подумал Джек, возвращаясь к самому тупому штампу, выражавшему полнейшее изумление. Это зрелище перекрывало все увиденное ранее, такого он и представить себе не мог. *Вау, вы только на это посмотрите, вау.*

Второй человек сиганул с трамплина на вершине башни, потом третий, четвертый. Менее чем через пять минут летало уже человек пятьдесят, все по заведенному порядку: спрыгнуть с башни, описать восьмерку, пролететь над башней, вновь описать восьмерку, вернуться к башне, опуститься на платформу, спрыгнуть с другой стороны, повторить все заново...

Они вращались, и танцевали, и пролетали друг над другом. Джек начал смеяться от восторга. Все это напоминало водный балет в старых фильмах Эстер Уильямс. Те пловцы — а прежде всего сама Эстер Уильямс — выглядели легко и непринужденно, словно любой зритель и несколько его друзей могли без труда это повторить, скажем, прыгнуть с разных сторон трамплина, создав человеческий фонтан.

Но Джек заметил разницу. Не создавалось ощущения, что летающим людям все это дается безо всяких усилий;

наоборот, чувствовалось, что они затрачивают немало энергии, чтобы удержаться в воздухе, и Джек внезапно понял, что эти полеты причиняют боль, как некоторые гимнастические упражнения на уроках физкультуры. «Что не болит, то не развивается!» — орал тренер, если кому-то хватало смелости пожаловаться.

Вдруг всплыло еще одно воспоминание: как-то раз мать взяла его с собой, когда поехала к подруге, Мирне, настоящей балерине, которая репетировала в танцевальной студии на чердаке одного из домов на бульваре Уилшира. Мирна выступала в балетной труппе, и Джек не раз видел ее и других танцоров на сцене — мать часто брала его на спектакли, и от скуки у него сводило челюсти, совсем как в церкви или во время «Санрайз семестр». Но он никогда не видел Мирну на репетициях... никогда не видел так близко. И его поразил, даже немного испугал разительный контраст между балетом на сцене, когда все летали, скользили или вращались на пуантах, вроде бы не прилагая к этому никаких усилий, и репетицией, когда от артистов тебя отделяли какие-то пять футов, яркий дневной свет вливался в высокие, от пола до потолка, окна и не звучала музыка — только хореограф ритмично хлопал в ладоши и жестко указывал на ошибки. Никакой хвалы — только критика. Их лица блестели от пота, трико намокли от пота, в студии, большой и просторной, стоял запах пота. Мышцы дрожали и вибрировали на грани изнеможения, сухожилия натягивались, как провода. Кроме хлопков и сердитых комментариев хореографа, слышались только шуршание пуантов по полу и тяжелое дыхание. Джек внезапно осознал, что эти танцоры не просто зарабатывали на жизнь — они убивали себя. Лучше всего он запомнил выражение их лиц — всю эту сосредоточенность на фоне полного изнеможения, всю эту боль... но сквозь боль, по крайней мере на периферии, он видел и радость. Она читалась безошибочно и напугала Джека, потому что

казалась необъяснимой. Какой человек — мужчина или женщина, без разницы — мог радоваться, подвергая себя постоянной, не утихающей, терзающей боли?

И он думал, что видит боль и здесь. Действительно ли они были крылатыми, как люди-птицы в старом сериале «Флэш Гордон», или надевали крылья, аналогичные тем, что использовали Икар и Дедал? Джек полагал, что значения это не имеет... во всяком случае, для него.

Радость.

Их жизнь — тайна, жизнь этих людей — тайна.

В полете их поддерживает радость.

Вот что имело значение. Радость поддерживала их в воздухе независимо от того, росли ли крылья из спины или каким-то образом крепились к ней пряжками и застежками. В то, что он видел сейчас, вкладывалось не меньше усилий, чем в увиденное на чердаке в нижнем Уилшире. Все эти невероятные затраты энергии, чтобы на какие-то мгновения преодолеть закон природы. Ужасно, что для преодоления этого закона на столь короткое время требовалось отдать так много. А то, что люди идут на это, не просто ужасно, но удивительно.

И ведь это всего лишь игра, подумал он и внезапно понял, что так оно и есть. Игра, а может, даже и не игра... может, *тренировка* для игры, точно так же как пот и дрожь усталых мышц на репетиции, увиденной им на чердаке в Уилшире. Репетиции для шоу, на которое могли прийти лишь несколько человек, которое могло очень быстро закрыться.

Радость, подумал он снова, теперь уже встав и повернувшись лицом к далеким летающим людям. Ветер отбрасывал волосы с его лба. Время невинности стремительно приближалось к концу (и даже сам Джек в глубине души чувствовал близость этого конца — нельзя было остаться невинным, пробыв в пути слишком долго, пережив Оутли), но сейчас, когда он стоял, глядя в небо, невинность,

казалось, окружала его, как юного рыбака в короткий момент прозрения в стихотворении Элизабет Бишоп, и вокруг «все радугой, радугой, радугой стало».

Радость — черт, до чего же бодрое и веселое словцо.

Чувствуя себя лучше, чем с того момента, как все это началось — и только Богу было известно, как давно все это началось, — Джек вновь зашагал по Западной дороге, легко и пружинисто, с широкой и глупой улыбкой. Время от времени он оглядывался и еще очень долго мог видеть летающих людей. Чистейший воздух Долин, казалось, обладал свойствами увеличительного стекла. Но и после того, как они скрылись из виду, ощущение радости осталось, словно радуга в голове.

7

Когда солнце начало садиться, Джек осознал, что откладывал возвращение в другой мир — в американские Долины, — и не только из-за ужасного вкуса волшебного сока. Откладывал, потому что не хотел уходить.

Вновь начали появляться небольшие рощи деревьев — высоких, с плоскими вершинами, напоминающих эвкалипты; среди травы заструился ручей и повернул направо, чтобы течь вдоль дороги. Далеко-далеко, по правую руку, Джек увидел огромное зеркало воды. Настолько огромное, что где-то с час, видя воду, принимал ее за небо, гадая, почему в этом месте оно такое синее. Но наконец понял: это не небо, а озеро. *Великое озеро*, подумал Джек и улыбнулся: все правильно. В другом мире он приближался бы к озеру Онтарио.

Он по-прежнему пребывал в отличном настроении. Продвигался в правильном направлении — может, взял чуть севернее, но не сомневался, что вскоре Западная дорога повернет куда надо. Это ощущение почти маниакальной радости — которое Джек определял как бодрость и

веселье — перешло в спокойную безмятежность, чувство такое же чистое, как воздух Долин. Только одно омрачало его прекрасное расположение духа — воспоминание

(шесть, шесть, Джеку было шесть)

о Джерри Бледсоу. Почему это воспоминание вызывало такую тревогу?

Нет... не воспоминание... два воспоминания. Первое — я и Ричард, подслушивающие, как миссис Фини рассказывает своей сестре, что электричество вырвалось и поджарило его, расплавило очки на носу, что она слышала, как мистер Слоут кому-то говорил об этом по телефону... И потом, за диваном, где я вовсе не собирался что-то подслушивать и вынюхивать, но услышал слова отца: «У всего есть последствия, и некоторые могут оказаться крайне неприятными». И Джерри Бледсоу действительно испытал на себе неприятные последствия, верно? Когда очки плавятся на твоем носу, можно точно сказать, что это очень даже неприятно, да...

Джек остановился. Остановился как вкопанный.

Что ты хочешь этим сказать?

Ты знаешь, что я хочу этим сказать, Джек. Твой отец уходил в тот день — он и Морган, оба. Они отправились сюда. Сюда, но куда именно? Я думаю, в то самое место, где находится их офисное здание в Калифорнии, в американских Долинах. И они что-то сделали, или один из них что-то сделал. Может, что-то серьезное, может, всего лишь бросил камень... или зарыл в землю огрызок яблока. И каким-то образом... это аукнулось там. Аукнулось там и убило Джерри Бледсоу.

Джек содрогнулся. Да, наверное, он знал, почему его память так долго возилась с этим воспоминанием — игрушечное такси, бормотание мужских голосов, Декстер Гордон, играющий на саксе. Воспоминание не хотело всплывать. Потому что...

(Кто вызывает эти изменения, папочка?)

оно предполагало, что, просто находясь здесь, ты можешь сделать что-то ужасное в другом мире. Развязать тре-

тью мировую войну? Нет, вероятно, нет. В последнее время он не убивал никаких королей, ни молодых, ни старых. Но что потребовалось для того, чтобы вызвать эхо, которое убило Джерри Бледсоу? Дядя Морган застрелил двойника Джерри (если таковой имелся)? Пытался продать кому-то из долинских шишек идею электричества? Вдруг хватило сущей мелочи — чего-то не более судьбоносного, чем покупка куска мяса на местной ярмарке? Кто вызывает эти изменения? Что дает ход этим изменениям?

Небольшой потоп, милый скромный пожар.

Внезапно во рту у Джека пересохло.

Он подошел к ручью, текущему вдоль дороги, плюхнулся на колени, опустил руку, чтобы набрать воды. Внезапно замер. Гладкую поверхность ручья окрашивали цвета надвигающегося заката... но вдруг в них добавилось красного, и создалось полное впечатление, что течет кровь, а не вода. Потом красное стало черным, а мгновением позже — прозрачным, и Джек увидел...

Жалкий писк сорвался с его губ, когда он увидел дилижанс Моргана, мчащийся по Западной дороге, запряженный чертовой дюжиной взмыленных лошадей с черными плюмажами. С нарастающим ужасом Джек осознал, что возница, восседающий на козлах, упирающийся в грязевой щиток сапогами, то и дело щелкающий хлыстом, — Элрой. Но хлыст он держал вовсе не в руке, а в некоем подобии копыта. Элрой правил этим кошмарным экипажем, Элрой ухмылялся, демонстрируя жуткие клыки. Элрой, которому не терпелось вновь увидеть Джека Сойера, чтобы вспороть Джеку Сойеру живот и вытащить внутренности.

Джек стоял на коленях у ручья, с вытаращенными глазами, его губы дрожали от отвращения и ужаса. Он только что увидел последний элемент своего озарения, мелочь, конечно, но, возможно, самую пугающую: глаза лошадей, похоже, светились. Похоже, светились, потому что их заполнял свет — закатный свет.

Дилижанс мчится на запад по этой самой дороге... вдогонку за мной.

На четвереньках, не уверенный, что сможет устоять на ногах, Джек отполз от ручья и неуклюже выбрался на дорогу. Упал в пыль, так что бутылка Спиди и зеркало продавца вдавились в тело, повернул голову, прижался правыми щекой и ухом к земле.

Почувствовал устойчивый гул сухой утрамбованной земли. Далекий... но приближающийся.

Элрой на козлах... Морган внутри. Морган Слоут? Морган из Орриса? Не важно. Один другого не лучше.

Он не без труда вырвался из гипноза, вызванного гулом в земле, поднялся. Достал из-под камзола бутылку Спиди — неизменную что в Долинах, что в США, — вытащил моховую пробку, не заботясь о том, что частички мха посыпались в оставшуюся жидкость — пару дюймов на донышке, не больше. Нервно посмотрел налево, словно ожидая увидеть на горизонте черный дилижанс, глаза лошадей, наполненные закатным светом, сверкающие, как колдовские фонари. Разумеется, ничего не увидел. В Долинах горизонты были уже, он это уже заметил, и звуки разносились на большие расстояния. Дилижанс Моргана мчался милях в десяти к востоку, может, и в двадцати.

И все же он близко, подумал Джек, поднимая бутылку ко рту. Но за какую-то секунду до того, как жидкость полилась в рот, его разум завопил: *Эй, подожди минутку! Подожди минутку, болван, или ты хочешь погибнуть?* Действительно, получилось бы круто, если бы он отхлебнул волшебного сока Спиди, стоя посреди Западной дороги, а потом перенесся бы в другой мир и материализовался на проезжей части, чтобы тут же угодить под колеса мчащейся на полной скорости фуры или почтового грузовика.

Джек поплелся к обочине... потом на всякий случай отошел на десять или двадцать шагов в высокую, по бедро, траву. Сделал последний глубокий вдох, заполняя лег-

кие сладостью Долин, хватаясь за чувство безмятежности... чувство радужности.

Я должен запомнить, каково здесь, подумал он. *Мне это понадобится... Возможно, я попаду сюда очень не скоро.*

Он поглядел на степь, постепенно темнеющую под напором наступающей с востока ночи. Порыв ветра, уже холодного, но по-прежнему сладостного, взъерошил ему волосы — и без того спутанные, — как ерошил траву.

Ты готов, Джеки?

Джек закрыл глаза, приготовился к встрече с отвратительным вкусом и приступом рвоты, который мог за этим последовать.

— Банзай, — прошептал он и выпил.

Глава 14
БАДДИ ПАРКИНС

1

Джека вырвало розовой слюной, его лицо находилось в считанных дюймах от травы на длинном склоне, спускавшемся к четырехполосному шоссе. Он тряхнул головой, стоя на коленях, выгнув спину к тяжелому серому небу. Мир — этот мир — вонял. Джек подался назад от струек рвоты, налипших на травинки, но вонь не уменьшилась. Пары бензина и бесчисленное множество других отрав наполняли воздух, и в нем явственно ощущались изможденность и усталость — даже шумы, долетавшие с автострады, добивали этот и без того умирающий воздух. Обратная сторона дорожного указателя высилась над головой, как громадный телевизионный экран. Пошатываясь, Джек поднялся. Далеко внизу, на другой стороне автотрассы, блестело бескрайнее зеркало воды, чуть менее

серое, чем небо. На поверхности то возникало, то исчезало неприятное свечение. От воды поднимался запах железной стружки и усталого дыхания. Озеро Онтарио и жалкий городишко дальше по трассе — Олкот или Кендолл. Джек сбился с пути — потерял сотню, а то и больше миль и четыре с половиной дня. Он вышел из-под щита, надеясь, что только четыре с половиной. Подняв голову, посмотрел на черные буквы. Вытер рот. «АНГОЛА». Ангола? Где это? Всмотрелся в закопченный маленький город сквозь уже почти пригодный для дыхания воздух.

И «Рэнд Макнэлли», бесценный компаньон, сообщил, что акры водяной глади — озеро Эри, и он не потерял драгоценные дни, а, наоборот, выиграл время.

Но прежде чем Джек мог решить, а не лучше ли вернуться в Долины, когда там станет безопасно — то есть как только дилижанс Моргана промчится мимо, — прежде чем сделать это, прежде чем даже подумать об этом, он собирался заглянуть в этот закопченный маленький город, Анголу, и посмотреть, не вызвал ли он, Джек Сойер, Джеки, какое-нибудь из тех изменений, папочка. Джек двинулся вниз по склону, двенадцатилетний подросток в джинсах и клетчатой рубашке, высокий для своего возраста, уже начавший превращаться в бродягу, и на его лице отражалась явная тревога.

Миновав половину склона, он осознал, что вновь думает на английском.

2

Много дней спустя и намного западнее мужчина (его звали Бадди Паркинс, и он только что выехал из Кембриджа, штат Огайо, по автостраде 40), решивший подвезти высокого подростка, назвавшегося Льюисом Фарреном, обратит внимание на его встревоженный вид и подумает,

что у Льюиса, совсем мальчишки, тревога эта словно навсегда впечаталась в лицо. *Расслабься, сынок, ради твоего же блага*, хотелось сказать Бадди, но у мальчишки, если верить его истории, бед хватало на десятерых. Мать больна, отец умер, едет к тетке-учительнице в Бакай-Лейк... да, Льюис Фаррен не мог пожаловаться на недостаток поводов для тревоги. И выглядел он так, словно с прошлого Рождества не держал в руках больше пяти долларов. Однако... Бадди почувствовал, что в какой-то момент паренек начал навешивать ему на уши лапшу.

Во-первых, пахло от него фермой, а не городом. Бадди Паркинс и три его брата обрабатывали триста акров земли неподалеку от Аманды, примерно в тридцати милях к юго-востоку от Колумбуса, и Бадди знал, что в этом ошибиться не может. Этот паренек пах Кембриджем, а Кембридж — сельская глубинка. Бадди вырос с запахом пахотной земли и амбара, навоза и кукурузы с горохом, и нестираная одежда паренька, который сейчас сидел рядом, вобрала в себя все эти запахи.

Да и сама одежда! Миссис Фаррен, наверное, очень тяжело болела, думал Бадди, если отправила своего сына к тетушке в таких мятых джинсах, и столь грязных, что складки, казалось, закаменели. А обувь! Кроссовки Льюиса Фаррена грозили развалиться у него на ногах. Шнурки из связанных узлами обрывков, ткань порвалась или расползлась в нескольких местах.

— Значит, они забрали отцовский автомобиль, Льюис? — спросил Бадди.

— Как я и говорил, именно так. Паршивые трусы пришли ночью и просто выкрали его из гаража. Не думаю, что им такое позволено. Нельзя отнимать автомобиль у людей, которые работают в поте лица и готовы при первой возможности вновь платить взносы. Так ведь? Вы согласны?

Честное загорелое лицо подростка повернулось к нему, словно это был самый серьезный вопрос в мире после по-

милования Никсона или, возможно, высадки в заливе Свиней, и Бадди, пожалуй, с этим соглашался — он склонялся к тому, чтобы согласиться с любым правильным мнением, высказанным этим мальчуганом, благоухавшим запахом работы на ферме.

— Я полагаю, если задуматься, у любой медали две стороны, — ответил Бадди Паркинс без особой радости в голосе.

Подросток моргнул, вновь повернулся лицом к ветровому стеклу. Опять Бадди почувствовал его тревогу — облако озабоченности, казалось, окутывало мальчугана — и даже пожалел, что не высказал вслух своего согласия с последним утверждением Льюиса Фаррена, которого тот, похоже, ждал.

— Как я понимаю, твоя тетя — учительница начальной школы в Бакай-Лейк, — нарушил паузу Бадди, надеясь хоть немного подбодрить паренька. Стремись в будущее — не в прошлое.

— Да, сэр, вы правы. Она учительница в начальной школе. Элен Воэн. — Выражение его лица не изменилось.

Но Бадди снова это услышал: он не считал себя Генри Хиггинсом, профессором из того мюзикла, однако знал наверняка, что юный Льюис Фаррен выговором не похож на детей, выросших в Огайо. Все слова малец произносил не так, ставил ударения не на тех слогах. Нет, этот голос не принадлежал уроженцу Огайо. Тем более уроженцу сельской глубинки. Подросток говорил с акцентом.

Возможно ли, чтобы какой-нибудь мальчишка из Кембриджа, штат Огайо, научился так говорить? По какой-то безумной причине? Этого Бадди исключить не мог.

С другой стороны, газета, которую Льюис Фаррен прижимал к боку левым локтем, кажется, подтверждала самое сильное и худшее подозрение, что его ароматный попутчик в бегах и каждое слово подростка — ложь. Название газеты, «Ангола геральд», не вызывало особых ас-

социаций. Бадди знал, что Ангола есть в Африке и многие англичане подались туда в наемники и есть в штате Нью-Йорк, на берегу озера Эри. Не так давно он видел в новостях репортажи из этого городка, но не мог вспомнить о чем.

— Я хочу задать тебе вопрос, Льюис. — Бадди откашлялся.

— Да?

— Как вышло, что мальчик из милого маленького городка, расположенного на сороковой автостраде, везет с собой газету из Анголы, штат Нью-Йорк? Города, который чертовски далеко отсюда? Мне просто любопытно, сынок.

Мальчик посмотрел на газету под левым локтем и еще сильнее прижал ее к себе, словно боялся, что она может выскользнуть.

— Ах это. Я ее нашел.

— Понятно.

— Да, сэр. Она лежала на скамье автобусной станции в моем городе.

— Ты утром пошел на автобусную станцию?

— До того, как решил сэкономить деньги и добираться на попутках, мистер Паркинс. Если вы сможете высадить меня у съезда в Зейнсвилл, мне останется совсем немного. Возможно, окажусь у тети еще до обеда.

— Возможно, — согласился Бадди, и несколько миль они проехали в напряженном молчании. Наконец он не выдержал и заговорил, спокойно и глядя перед собой: — Сынок, ты убежал из дому?

Льюис Фаррен удивил его, улыбнувшись — не ухмыльнувшись и не изображая улыбку, а именно улыбнувшись. Он находил саму идею бегства из дома забавной. Она развеселила его. Подросток повернул голову через долю секунды после того, как Бадди посмотрел на него, и их взгляды встретились.

На секунду, на две, три... сколько ни длился этот момент, но Бадди увидел, что сидящий рядом с ним немытый подросток — красавец. Он никогда не думал, что способен воспользоваться этим словом по отношению к представителю мужского пола старше девяти месяцев, но под дорожной грязью Льюиса Фаррена скрывалась красота. Его чувство юмора на мгновение расправилось с обуревавшими мальчика тревогами, и на Бадди — пятидесяти двух лет от роду и отца троих сыновей-подростков — глянула чистейшей воды доброта, чуть замутненная множеством необычных переживаний. Этот Льюис Фаррен, которому, по его собственным словам, было двенадцать лет, заходил куда дальше и видел гораздо больше, чем Бадди Паркинс, и увиденное превратило его в красавца.

— Нет, я не убежал из дому, мистер Паркинс, — ответил он.

Потом моргнул, его взгляд погас, глаза потеряли яркость, перестали светиться, и подросток вновь привалился к спинке сиденья. Поднял ногу, уперся коленом в приборный щиток, глубже засунул газету под мышку.

— Да, пожалуй, не убежал. — Бадди Паркинс вновь перевел взгляд на дорогу. Он испытывал облегчение, хотя и не мог сказать почему. — Пожалуй, ты не беглец, Льюис. Ты кто-то еще.

Подросток не ответил.

— Работал на ферме, так?

Льюис в удивлении посмотрел на него.

— Да, работал. Три последних дня. Два доллара в час.

И твоя мама так сильно болеет, что не смогла постирать тебе одежду перед тем, как отправить к своей сестре, да? — подумал Бадди. Но сказал другое:

— Льюис, я бы хотел, чтобы ты подумал и согласился поехать ко мне домой. Я не говорю, что ты убежал из дому или что-то такое, но если ты живешь в Кембридже или неподалеку, я готов съесть весь этот старый автомобиль.

Включая покрышки. У меня трое сыновей, и младший, Билли, только на три года старше тебя, так что в моем доме знают, как кормить парней. Ты сможешь оставаться у нас, сколько захочешь, в зависимости от того, на сколько вопросов согласишься ответить. Потому что я их задам, во всяком случае, после того, как мы вместе преломим хлеб. — Он провел ладонью по короткому седому ежику и искоса глянул на пассажира. Теперь Льюис Фаррен больше напоминал обычного подростка и меньше — писаного красавца. — Мы примем тебя с радостью, сынок.

Мальчик ответил с улыбкой:

— Премного вам благодарен, мистер Паркинс, но я не могу. Я должен повидаться с моей... э-э-э... тетей в...

— Бакай-Лейк, — закончил за него Бадди.

Подросток проглотил слюну и опять уставился перед собой.

— Я тебе помогу, если потребуется, — повторил Бадди.

Льюис похлопал его по предплечью, загорелому и крепкому.

— Вы мне очень помогли тем, что подвезли, честное слово.

Десятью минутами позже, проведенными большей частью в молчании, Бадди наблюдал, как одинокая фигурка паренька удаляется по съезду с автострады рядом с Зейнсвиллом. Эмми, конечно, отругала бы его, если бы он привез домой этого странного грязного мальчишку, но, разглядев Льюиса и поговорив с ним, достала бы лучшие стаканы и тарелки, подаренные ее матерью. Бадди Паркинс не верил, что в Бакай-Лейк живет женщина по имени Элен Воэн, и сомневался, что у этого загадочного Льюиса Фаррена есть мать: паренек больше всего походил на сироту, посланного по какому-то важному делу. Бадди смотрел вслед подростку, пока тот не скрылся за поворотом съезда, потом уставился на громадный желто-пурпурный рекламный щит торгового центра.

Уже собрался выскочить из автомобиля и броситься за Льюисом Фарреном, чтобы уговорить его поехать с ним... и тут вспомнил сюжет из шестичасового выпуска новостей, с клубами пыли и множеством людей. Какая-то катастрофа, слишком маленькая, чтобы появиться на экранах второй раз, произошла в Анголе. Одна из тех трагедий местного масштаба, которые мир хоронит под горами новой информации. Бадди помнил только балки, наваленные гигантскими соломинками на разбитые автомобили. Эти балки торчали из дымящейся дыры в земле... дыры, которая могла вести в ад. Бадди Паркинс еще раз взглянул на пустое место на дороге, где в последний раз видел подростка, потом включил первую передачу и тронул старую колымагу с места.

3

Память у Бадди Паркинса оказалась более точной, чем он себе это представлял. Если бы он увидел первую страницу номера «Ангола геральд» месячной давности, который загадочный подросток так ревностно прижимал к себе, прочитал бы следующее:

ЖЕРТВАМИ
АНОМАЛЬНОГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ
СТАЛИ ПЯТЬ ЧЕЛОВЕК
Джозеф Гаргэн, штатный репортер «Геральд»

Работы на строительстве «Рейнберд-Тауэрс», который стал бы самым высоким и роскошным кондоминиумом в Анголе, вчера, за шесть месяцев до завершения строительства, трагически прервал беспрецедентный подземный толчок, вызвавший разрушение каркаса здания и похоронивший под ним многих рабочих. Из-под руин недостроенного кондоминиума извлекли пять тел, еще двое пока не найдены, но предположительно

мертвы. Все семеро, монтажники и сварщики, работали в «Спейсер констракшн» и во время инцидента находились на двух верхних этажах строящегося здания.

Вчерашний толчок стал первым землетрясением в Анголе за всю историю города. Армин ван Пелт, сотрудник кафедры геологии Нью-Йоркского университета, в телефонном разговоре назвал фатальное землетрясение «сейсмическим пузырем». Представители комиссии по безопасности штата продолжают обследование строительной площадки вместе со специалистами...

Погибших звали Роберт Хайдел, двадцати трех лет, Томас Тилке, тридцати четырех, Джером Уайлд, сорока восьми, Майкл Хаген, двадцати девяти, и Брюс Дейви, тридцати девяти. Пятидесятичетырехлетний Арнольд Шулькамп и сорокатрехлетний Теодор Расмуссен пропали без вести. Джеку больше не требовалось смотреть на первую страницу, чтобы повторить имена: он их выучил. Первое землетрясение в истории Анголы, штат Нью-Йорк, случилось в тот день, когда он прыгнул с Западной дороги и приземлился на административной границе города. В глубине души Джек Сойер хотел поехать вместе с большим добрым Бадди Паркинсом, пообедать за столом на кухне с его семьей, насладиться вареным мясом и яблочным пирогом, а потом забраться в кровать, предназначенную для гостей, и с головой накрыться домашним лоскутным одеялом. И на протяжении четырех или пяти дней вылезать из кровати только для того, чтобы подойти к столу. Мешало лишь одно: мысленным взором он видел сосновый кухонный стол с лежащим на нем куском старого сыра, а за ним — мышиную нору, выгрызенную в огромном плинтусе. И через дырки в джинсах всех троих сыновей Паркинса торчали длинные тонкие хвосты. *Кто вызывает эти изменения, папочка? Хайдел, Тилке, Уайлд, Хаген, Дейви* плюс *Шулькамп и Расмуссен*. Эти изменения а-ля Джерри. И Джек знал, кто их вызвал.

4

Огромный желто-пурпурный рекламный щит «ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР БАКАЙ», который высился над последним поворотом съезда, проплыл мимо его плеча, а потом появился с другой стороны, и он понял, что щит установлен на треноге из высоких желтых столбов на автомобильной стоянке у торгового центра. Сам центр напоминал футуристическое нагромождение выкрашенных охрой зданий, вроде бы без окон... секундой позже Джек понял, что на самом деле перед ним одно здание. Он сунул руку в карман и нащупал плотную трубку из двадцати трех долларов, все его состояние.

В прохладном солнечном свете второй половины осеннего дня Джек перебежал через улицу к автомобильной стоянке торгового центра.

Если бы не разговор с Бадди Паркинсом, он скорее всего остался бы на автостраде 40 и попытался проехать еще пятьдесят миль — Джек хотел в ближайшие два или три дня добраться до Иллинойса, где учился Ричард Слоут. Именно мысль о встрече с его другом Ричардом поддерживала Джека в дни изнурительной непрерывной работы на ферме Элберта Паламаунтина. Образ Ричарда Слоута, в очках, с серьезным лицом, сидящего в комнате общежития школы Тэйера в Спрингфилде, штат Иллинойс, насыщал не хуже, чем обильная еда, которую ставила на стол миссис Паламаунтин. Джек по-прежнему хотел увидеться с Ричардом, и как можно скорее, но приглашение Бадди Паркинса выбило его из колеи. Он не мог сесть в другую попутку и вновь рассказывать Историю (в любом случае, напомнил себе Джек, История, похоже, теряла правдоподобность). Торговый центр предоставлял прекрасную возможность поболтаться здесь час-другой, особенно если в нем имелся кинотеатр: в данный момент Джек посмотрел бы и самую тупую слезливую мелодраму.

Но перед тем как пойти в кино — при условии, что найдется кинотеатр, — он собирался закончить еще два дела, которые откладывал всю неделю. Джек заметил, как Бадди Паркинс смотрел на его разваливающиеся кроссовки «Найк». Они не просто разваливались — подошвы, прежде пружинистые и эластичные, загадочным образом стали твердыми, как асфальт. И если ему приходилось достаточно долго идти пешком — или целый день работать стоя, — ступни жгло как огнем.

Второе дело — звонок матери — отягощалось и чувством вины, и страхом, так что Джек просто не позволял себе о нем думать. Он не знал, сумеет ли удержаться от слез, услышав ее голос. А если этот голос будет совсем тихим, однозначно указывающим, насколько тяжело она больна? Сможет ли он продолжить путь на запад, если Лили начнет хрипло умолять его вернуться в Нью-Хэмпшир? Так что Джек не признавался себе, что, возможно, все-таки позвонит матери. Разум внезапно очень четко показал ему ряд телефонов-автоматов под стеклянными колпаками и убегающего от них Джека: как будто Элрой или другая тварь из Долин могла вылезти из трубки и костлявой рукой схватить его за горло.

А тут три девушки на год или два старше Джека выпорхнули с заднего сиденья «субару-брэт», небрежно свернувшего в парковочную клетку у главного входа в торговый центр. На секунду застыли, словно модели, в элегантно-неловких позах, выражающих радость и изумление. Потом вновь обратились в девушек, с безразличием глянули на Джека и опытной рукой начали приглаживать волосы. Длинноногие, в обтягивающих джинсах, уверенные в себе принцессы десятого класса. Смеясь, они прикрывали руками рот, как бы намекая, что сам смех смешон. Джек замедлил шаг до черепашьего. Одна из принцесс вновь посмотрела на него и что-то шепнула подруге. С каштановыми волосами.

Я теперь другой, подумал Джек. *Я больше не похож на них.* И от осознания этого почувствовал себя еще более одиноким.

Крепко сложенный блондин в синей безрукавке вылез с водительского сиденья и собрал девушек вокруг себя, прикинувшись, будто их не замечает. Наверняка старшеклассник и скорее всего футболист, он бросил взгляд на Джека, а потом оценивающе оглядел фасад торгового центра.

— Тимми? — позвала его девушка с каштановыми волосами.

— Да, да, — ответил юноша. — Просто хочу понять, от кого здесь несет говном.

Он посмотрел на девушек, на его губах играла самодовольная улыбка. Девушка с каштановыми волосами обернулась, пренебрежительно усмехаясь, а потом поспешила со своими подружками за блондином. Все трое следом за здоровенным и самоуверенным Тимми вошли в стеклянные двери торгового центра.

Джек подождал, пока Тимми и его свита — он видел их через стекло — уменьшатся до размера щенков в длинном коридоре, а уж потом ступил на пластину, открывавшую двери.

Его окутал холодный кондиционированный воздух.

Вода стекала с фонтана высотой в два этажа, установленного посреди большого бассейна, вокруг которого расположились скамьи. Открытые фасады магазинов на обоих уровнях выходили на фонтан. Успокаивающая музыка и необычный бронзовый свет лились с охряного потолка. Запах поп-корна, который ударил в ноздри Джека, едва за его спиной с шипением закрылись стеклянные двери, исходил от антикварной поп-корновой тележки, выкрашенной в ярко-красный цвет и установленной у магазина «Уолденбукс» слева от фонтана на первом уров-

не. Джек сразу понял, что кинотеатра в «Торговом центре Бакая» нет. Тимми и длинноногие принцессы поднимались по эскалатору в другом конце коридора, направляясь, как предположил Джек, в ресторан быстрого обслуживания, называющийся «Капитанский столик». Эскалатор прямо в него и приводил. Джек вновь сунул руку в карман джинсов и коснулся свернутых в плотную трубку купюр. Медиатор Спиди и монета капитана Фаррена лежали на дне кармана, среди пригоршни десятицентовиков и четвертаков.

На первом этаже внимание Джека привлек обувной магазин «Файва», зажатый между кондитерской «Мистер Чипс» и винным магазином, представлявшим «СНИЖЕННЫЕ ЦЕНЫ» на бурбон «Хайрам Уокер» и вино «Инглнук шабли». Джек направился к длинному столу с обувью для бега. Продавец, сидевший за кассовым аппаратом, наклонился вперед и пристально наблюдал за Джеком, подозревая, что тот может что-то стянуть. Джек не узнавал выставленные на столе бренды. Никаких «Найка» или «Пумы», только «Спидстер», «Буллсай», «Зум», и каждая пара со связанными шнурками. Кеды — не настоящие кроссовки, но Джек полагал, что сойдут и такие.

Он купил самую дешевую пару своего размера, какая только нашлась в магазине, из синей парусины, с красными полосами-зигзагами на боках. Без всякого бренда. Они практически не отличались от другой обуви, выставленной на столе. Стоя перед кассовым аппаратом, отсчитал шесть влажноватых долларов и сказал продавцу, что пакет ему не нужен.

Потом сел на одну из скамеек перед высоким фонтаном, скинул дышащие на ладан кроссовки, даже не удосужившись развязать шнурки. Когда надел новые кеды, ноги издали явственный вздох облегчения. Поднявшись со скамьи, Джек бросил старые кроссовки в высокую черную урну с белой надписью «НЕ БУДЬ НЕРЯХОЙ». Ниже,

уже маленькими буквами, урна сообщала, что «Земля — наш единственный дом».

Джек двинулся по длинной аркаде первого этажа, оглядываясь в поисках телефона. У поп-корновой тележки расстался с пятьюдесятью центами и получил квартовый стакан, наполненный свежим, поблескивающим маслом поп-корном. Продававший поп-корн мужчина средних лет, с усами как у моржа, в котелке и нарукавниках, подсказал, что телефоны за углом, рядом с «Тридцать одним вкусом» на втором этаже, и махнул рукой в сторону ближайшего эскалатора.

Пригоршнями отправляя поп-корн в рот, Джек поднялся на второй этаж следом за женщиной лет двадцати и ее пожилой спутницей с такими широкими бедрами, что они почти перекрывали эскалатор. Обе дамы были в брючных костюмах.

Если бы Джек «выпрыгнул» из Долин в «Торговом центре Бакай» — или даже в миле-двух от него, — задрожали бы стены, рухнул бы потолок, сбрасывая кирпичи, балки, динамики и светильники на всех, кто — вот уж не повезло — оказался на первом этаже, и принцессы-десятиклассницы, и даже наглый Тимми, и большинство остальных попали бы в больницу с разбитыми головами, сломанными конечностями, раздавленными грудными клетками... За секунду до того как сойти с эскалатора, Джек увидел летящие вниз огромные куски бетона и металлические балки, услышал жуткий треск разваливающегося мезонина и крики... неслышные, но словно пропечатанные в воздухе.

Ангола. «Рейнберд-Тауэрс».

Джек почувствовал, как зачесались и покрылись потом ладони, вытер их о джинсы.

«ТРИДЦАТЬ ОДИН ВКУС» — сообщала сверкавшая холодным белым неоном вывеска «Баскин Роббинс» слева. Повернув к ней, Джек увидел на другой стороне про-

хода изогнутый коридор. Стены и пол сверкали коричневым кафелем. Обогнув изгиб коридора, Джек оказался рядом с тремя телефонами-автоматами, действительно накрытыми прозрачными пластмассовыми колпаками. Двери напротив вели в мужской и женский туалеты.

Джек нырнул под центральный колпак, набрал «0», потом междугородный код и номер «Альгамбры».

— Способ оплаты? — спросила телефонистка, и Джек ответил:

— Звонок за счет вызываемого абонента, миссис Сойер из номера четыре ноль семь и четыре ноль восемь. От Джека.

Теперь трубку взяла телефонистка коммутатора отеля, и у Джека защемило в груди. Она перевела звонок в номер. Раздался гудок, второй, третий.

Потом он услышал голос матери:

— Господи, малыш, как я рада! Для такой старушки роль брошенной матери весьма нелегка. Я скучаю по тебе, когда тебя нет рядом и ты не учишь меня, как надо вести себя с официантами.

— Ты слишком крутая для большинства официантов, вот и все, — ответил Джек и подумал, что вот-вот заплачет от облегчения.

— С тобой все в порядке, Джек? Скажи мне правду.

— Все хорошо, это точно. Да, у меня полный порядок. Я только хотел убедиться, что ты... ты понимаешь.

В трубке раздалось шипение, помехи напоминали шуршание песка, который ветер гнал по пляжу.

— Я в норме, — ответила Лили. — Все отлично. Во всяком случае, не хуже, если это тебя тревожит. Пожалуй, я хотела бы знать, где ты.

Джек замялся, и некоторое время в трубке слышались только треск и шипение помех.

— Я в Огайо. В скором времени собираюсь повидаться с Ричардом.

— Когда вернешься домой, Джеки?

— Не могу сказать, сам не знаю.

— Не можешь сказать. Клянусь, малыш, если бы твой отец не дал тебе такое глупое прозвище... если бы ты попросил меня об этом десятью минутами раньше или десятью позже...

Усилившийся вой помех заглушил ее голос, и Джек вспомнил, как она выглядела в кафе — осунувшаяся, слабая старуха. Когда помехи стихли, он спросил:

— У тебя есть проблемы с дядей Морганом? Он досаждает тебе?

— Твоего дядю Моргана я вышибла отсюда коленкой под зад.

— Он приезжал? Приезжал в отель? Он по-прежнему досаждает тебе?

— Я избавилась от Слоута через два дня после твоего ухода, малыш. Можешь из-за него не тревожиться.

— Он не сказал, куда поехал? — спросил Джек, и едва эти слова сорвались с его губ, трубка издала мучительный вопль, который, казалось, пронзил Джеку голову. Он поморщился и отодвинул трубку от уха. Статические помехи стали такими громкими, что разносились чуть ли не по всему коридору.

— МАМА! — прокричал Джек, вновь поднося трубку ближе к уху. Вой все нарастал, будто в телефонную линию встроили генератор помех.

Вдруг все стихло. Как отрезало. Джек прижал трубку к уху, но услышал только черное молчание мертвого воздуха.

— Эй. — Он подергал за рычаг. Молчание в трубке давило на барабанную перепонку.

И тут резко, словно от подергивания рычага, вернулся длинный гудок — свидетельство здравомыслия и порядка. Джек сунул руку в карман, чтобы достать еще одну монету.

Он неловко держал трубку левой рукой, а правой рылся в кармане, но замер, когда длинный гудок вновь сменился тишиной.

А потом с ним заговорил Морган Слоут, и голос его звучал так отчетливо, словно дядя Морган стоял у соседнего телефона-автомата.

— Вали домой, Джек. — Голос резал как скальпель. — Быстро вали домой, а не то нам придется привезти тебя.

— Подождите, — вырвалось у Джека, словно он пытался выиграть время. На самом деле его охватил дикий ужас, и он едва понимал, что говорит.

— Не могу дольше ждать, дружок. Ты теперь убийца. Ведь так? Ты убийца. Поэтому больше шансов тебе не положено. Быстро возвращайся в тот курортный городок в Нью-Хэмпшире. Прямо сейчас. А не то тебя привезут в мешке.

Джек услышал раздавшийся в трубке щелчок. Отбросил ее. Телефон-автомат затрясся, его вырвало из стены. На мгновение он повис на проводах... потом с грохотом рухнул на пол.

Дверь мужского туалета за спиной Джека открылась, раздался крик:

— СРАНЬ господня!

Джек повернулся, увидел худого коротко стриженного парня лет двадцати, уставившегося на телефоны-автоматы. В белом фартуке и галстуке-бабочке — продавца одного из магазинов.

— Я этого не делал, — сказал Джек. — Так получилось.

— Срань Господня, — повторил коротко стриженный продавец, на долю секунды уставился на Джека, дернулся, словно собрался бежать, провел рукой по волосам.

Джек попятился из коридора. И уже на эскалаторе наконец услышал крик продавца: «Мистер Олафсон! Телефон, мистер Олафсон!»

Джек побежал.

Снаружи его встретил яркий, на удивление влажный воздух. Ошарашенный, Джек брел по тротуару. В полумиле от него, на другом конце автостоянки, патрульный автомобиль сворачивал к торговому центру. Джек развернулся и пошел вдоль стены. Чуть впереди семья из шести человек пыталась протащить шезлонг через следующий вход в торговый центр. Джек сбавил шаг и наблюдал, как муж и жена наклоняют длинный шезлонг, чтобы он прошел в дверь. Их задерживали попытки детей усесться на шезлонг или помочь родителям. Наконец, словно солдаты со знаменитой фотографии, водружающие американский флаг над Иводзимой, семейство преодолело входную дверь. Патрульный автомобиль неспешно ехал по автостоянке.

Чуть дальше двери, через которую суматошная семья все-таки протащила шезлонг, сидел на деревянном ящике чернокожий старик, положив на колени гитару. Подойдя ближе, Джек увидел у его ног металлическую кружку. Лицо старика скрывали большие запыленные солнцезащитные очки и широкие поля грязной фетровой шляпы. Складчатые рукава джинсовой куртки напоминали слоновью шкуру.

Джек двинулся к краю тротуара, собираясь обогнуть музыканта по максимально широкой дуге, заметил висящий у него на груди кусок белого картона с надписью большими неровными буквами. Еще через пару шагов смог прочитать:

СЛЕПОЙ ОТ РОЖДЕНИЯ
СЫГРАЮ ЛЮБУЮ ПЕСНЮ
ДА БЛАГОСЛОВИТ ВАС БОГ

Он уже почти миновал старика с потрепанной гитарой на коленях, когда услышал, как тот произнес хрипловатым, звучным шепотом:

— Ей-бо.

Глава 15
СНЕЖОК ПОЕТ

1

Джек повернулся к чернокожему старику, сердце забухало в груди.

Спиди?

Негр рукой поискал кружку, поднял, потряс. На дне звякнуло несколько монет.

Это Спиди. За этими черными очками — Спиди.

Джек в этом не сомневался. Но мгновением позже он уже точно знал, что это не Спиди. У этого негра прямые плечи, широкая грудь. А у Спиди плечи сутуловатые, а грудь впалая. Миссисипи Джон Хёрт — не Рэй Чарлз.

Но я смогу сказать наверняка, Спиди это или нет, если он снимет свои очки.

Джек открыл рот, чтобы произнести вслух: «Спиди», — но внезапно старик заиграл, его морщинистые пальцы, тускло-темные, как мебель из орехового дерева, которую долго натирали маслом, но не полировали, быстро и умело задвигались по струнам и ладам. Он играл хорошо. И очень скоро Джек узнал мелодию. С одной из старых пластинок отца. Альбом, выпущенный звукозаписывающей компанией «Вангард», назывался «Миссисипи Джон Хёрт сегодня». И хотя слепой не пел, Джек помнил слова:

Разве это не удар, друзья мои милые?
На новом кладбище — старины Льюиса могила.
Уложили его туда сами ангелы...

Блондин-футболист и три его принцессы вышли из парадной двери торгового центра. Каждая принцесса держала в руке рожок мороженого. «Мистер Америка» нес в

обеих руках по «чили-догу». Не торопясь все четверо направились к тому месту, где стоял Джек. Он, полностью сосредоточившись на чернокожем старике, их не заметил. Его захватила идея, что перед ним — Спиди, умеющий читать мысли. А как еще мог этот человек заиграть композицию Миссисипи Джона Хёрта в тот самый момент, когда он подумал о внешнем сходстве Спиди с этим знаменитым блюзменом? И в песне, между прочим, упоминалось его дорожное имя.

Блондин-футболист переложил оба «чили-дога» в левую руку, а правой со всей силы хлопнул Джека по спине. Челюсти мальчика, словно медвежий капкан, сомкнулись на языке. Резкая боль чуть не свела его с ума.

— Не тряси так сильно свою штучку, и от тебя не будет вонять мочой, — посоветовал футболист. Принцессы захихикали и завизжали.

От удара Джека бросило вперед, и ногой он перевернул кружку слепца. Монеты зазвенели и покатились по бетону. Нежная мелодия блюза разом оборвалась.

«Мистер Америка» и три маленькие принцессы уже уходили. Джек посмотрел им вслед, ощущая уже такой знакомый прилив бессильной ярости. А что еще можно ощущать, если ты сам по себе и по молодости всегда в чьей-то власти — от психопата вроде Осмонда до лишенного чувства юмора старого лютеранина Элберта Паламаунтина, полагающего, что нормальный рабочий день — это труд не разгибая спины на вязком поле под непрекращающимся холодным октябрьским дождем с перерывом на обед в кабине пикапа «интернейшнл харвестер», а сам обед — сандвичи с луком под чтение Книги Иова.

Джек не испытывал желания свести с ними счеты, хотя почему-то чувствовал, что смог бы, если бы захотел, — какая-то сила накапливалась в нем, словно электрический заряд. И складывалось впечатление, что другие люди тоже знают об этом — когда они смотрели на него, это читалось

на их лицах. Но он *не хотел* считаться с ними; он хотел, чтобы его оставили в покое. Он...

Слепец ощупывал тротуар в поисках раскатившихся монет, его распухшие пальцы двигались осторожно, словно считывая каждую трещинку. Он нашел десятицентовик, поставил кружку, бросил в нее монету. *Дзинь!*

До Джека едва донесся голос одной из принцесс:

— Почему они разрешают ему здесь торчать? Он такой *отвратительный*, правда?

И еще более тихий ответ блондина-футболиста:

— Это точно.

Джек опустился на колени и начал помогать, поднимая монеты и кидая их в металлическую кружку слепца. Вблизи от старика пахло кислым потом, плесенью и чем-то сладковатым, возможно, кукурузой. Опрятно одетые посетители торгового центра обходили их стороной.

— Спасибо тебе. Спасибо тебе, — монотонно бубнил слепец. Его дыхание отдавало давно съеденным чили. — Спасибо тебе, благослови тебя Бог, благослови тебя Бог, спасибо тебе.

Он — Спиди.

Он — не Спиди.

Заговорить Джека заставило — и, наверное, это неудивительно — воспоминание о том, как мало волшебного сока у него осталось. Едва хватило бы на два глотка. Джек не знал, убедит ли себя вновь путешествовать по Долинам после случившегося в Анголе, но он по-прежнему хотел спасти жизнь матери, а это означало, что придется побывать там.

Чем бы ни был Талисман, добыть его он мог, лишь прыгнув в другой мир.

— Спиди?

— Благослови тебя, спасибо тебе. Благослови тебя Бог, вроде бы я слышал, что одна покатилась туда. — Слепец ткнул пальцем в сторону.

— *Спиди!* Это я, Джек!

— Здесь мы «спид» не держим, нет, парень, нет, сэр! — Его пальцы двинулись по бетону в указанном направлении. Одна рука нашла пятак и бросила в кружку. Вторая случайно прикоснулась к туфле модно одетой молодой женщины, которая проходила мимо. Ее симпатичное, не затуманенное мыслями лицо болезненно скривилось, и она отпрянула от слепца.

Джек поднял последнюю монету из сточной канавы. Серебряный доллар — большой, старый кругляш с леди Свободой на одной стороне.

Слезы полились из глаз мальчика, потекли по грязному лицу, и он вытирал их дрожащей рукой. Джек оплакивал Тилке, Уайлда, Хагена, Дейви и Хайдела. Оплакивал мать. Оплакивал Лауру Делессиан. Оплакивал сына возницы, лежащего на дороге мертвым с вывернутыми карманами. Но больше всего — себя. Он устал от путешествия. Может, на «кадиллаке» это и дорога грез, но когда тебе надо ловить попутки, когда ты поднимаешь руку с оттопыренным пальцем и твоя История вот-вот станет глупой выдумкой, когда ты во власти всех и каждого и добыча любого, это уже дорога испытаний. Джек чувствовал, что выдержал достаточно много... но не мог отступиться. Если он отступится, рак пожрет его мать, а дядя Морган — его самого.

— Не думаю, что смогу это сделать, Спиди, — говорил он сквозь слезы. — Не думаю, друг.

Теперь слепец искал не монеты, а Джека. Его мягкие, читающие пальцы нашли руку мальчика и сомкнулись на ней. Джек почувствовал твердые мозоли на подушечках. Чернокожий старик потянул Джека к себе, в запахи пота, жары и съеденного чили. Джек прижался лицом к груди Спиди.

— Эй, малыш. Я не знаю никакого Спиди, но, похоже, ты очень и очень надеешься на него. Ты...

— Я скучаю по маме, Спиди. — Джек все плакал. — И Слоут гонится за мной. Это его голос я слышал в телефоне в торговом центре, *его*. Но это не самое худшее. Самое худшее случилось в Анголе... «Рейнберд-Тауэрс»... землетрясение... пять человек... *я, это сделал я, Спиди, я убил этих людей, когда прыгнул в этот мир, я убил их точно так же, как мой отец и Морган Слоут убили Джерри Бледсоу!*

Вот и вырвалось — самое ужасное. Джека затошнило от комка вины, застрявшего в горле, грозящего задушить, и шторм слез обрушился на него, но на этот раз облегчения — не страха. Он только что признался. Он убийца.

— Хо-о-о-й-и-и! — воскликнул чернокожий старик. С неестественной радостью. Одной рукой он обнимал Джека, покачивал его. — Ты пытаешься нести очень тяжелую ношу, сынок. Точно, пытаешься. Может, часть надо бы сбросить.

— Я их убил, — прошептал Джек. — Тилке, Уайлда, Хагена, Дейви...

— Знаешь, если бы твой друг Спиди был здесь, — прервал его певец, — *кем* бы он ни был и *где* бы ни побывал в этом огромном старом мире, он бы сказал тебе, что ты не можешь нести этот мир на своих плечах, сынок. Это тебе не под силу. Никому не под силу. Попытайся нести на своих плечах мир, и сначала он сломает тебе спину, а потом сломает тебе душу.

— Я убил...

— Приставил пистолет к их головам и выстрелил, да?

— Нет... землетрясение... я прыгнул...

— Ничего об этом не знаю, — прервал его чернокожий старик. Джек оторвался от певца и с любопытством уставился на изрезанное морщинами лицо, но старик уже повернул голову к автомобильной стоянке. Если он и *был* слепцом, то мог отличить ровный, но более мощный рокот двигателя патрульного автомобиля от любого другого, потому что смотрел старик именно на этот

автомобиль, который приближался к ним. — Знаю только одно: кажется, ты шире, чем следует, воспринимаешь идею «убийства». Наверное, если сейчас какой-нибудь парень упадет замертво от сердечного приступа рядом с нами, ты подумаешь, что убил его. «Ой, посмотрите, я убил этого парня просто потому, что сижу здесь, ох, ужас, ох, беда, ох, тоска-а-а, *ох, то... ох, сё*!» — Со словами «то-сё» слепец провел пальцем по струнам, от «соль» к «до» и обратно к «соль», и рассмеялся, довольный собой.

— Спиди...

— Никакого «спида» здесь нет, — повторил чернокожий, показав в озорной улыбке желтые зубы. — Однако некоторые люди слишком торопливо возлагают на себя вину за то, что начали другие. Может, ты в бегах, парень, и, может, за тобой гонятся. — Вновь «соль».

— Но может, так нервничаешь ты зря.

«До», изящный короткий проигрыш, заставивший Джека улыбнуться сквозь слезы.

— Может, кто-то хочет достать тебя.

Опять «соль», а потом слепец отложил гитару (тем временем в патрульном автомобиле копы бросали монетку, чтобы определить, кому прикасаться к старине Снежку, если тот не захочет добровольно залезать на заднее сиденье).

— Может, беда, а может, тоска-а-а, и, может, то, а может, и сё. — И он снова рассмеялся, словно никогда не слышал ничего более смешного, чем страхи Джека.

— Но я не знаю, что произойдет, если я...

— Никто не знает, что произойдет, когда они что-то делают, верно? — прервал его чернокожий старик, который мог быть, а мог и не быть Спиди Паркером. — Нет. Они *не знают*. Если думаешь об этом, то сидишь дома весь день, боясь выйти за дверь! Я не знаю твоих проблем, парень. Не хочу их знать. Может, ты псих, со всеми этими разго-

ворами о землетрясениях. Но раз уж ты помог мне собрать монеты и не украл ни одной — я сосчитал все плюх-плюхи, поэтому знаю, — я дам тебе совет. Иногда ты ничего не можешь изменить. Некоторые люди погибают, потому что кто-то делает что-то... но если кто-то чего-то *не делает*, погибает гораздо больше людей. Ты понимаешь, к чему я клоню, сынок?

Пыльные солнцезащитные очки смотрели на Джека.

Он ощутил безмерное, пробирающее до глубины души облегчение. Он понимал, будьте уверены. Слепой старик говорил о трудном выборе. Он намекал, что, возможно, есть разница между трудным выбором и преступным поведением. И возможно, здесь преступников не было.

Преступником мог быть тот человек, что пятью минутами раньше предложил ему валить домой.

— Очень может быть, — продолжил слепец, взяв на гитаре мрачное «ре-минор», — что все служит промыслу Божьему, как моя мама говорила мне, а твоя — тебе, если она христианка. Может, мы думаем, что делаем одно, но на самом деле делаем другое. В «Доброй книге» все это написано, и даже зло служит Господу. Что ты на это скажешь, парень?

— Не знаю, — честно ответил Джек. Он совсем запутался. Стоило ему закрыть глаза, как он видел перед собой телефон-автомат, срывающийся со стены, повисший на проводах, словно жуткая марионетка.

— Что ж, *пахнет* так, будто тебе приходится заставлять себя пить.

— Что? — в изумлении переспросил Джек. *Я подумал, что Спиди выглядит как Миссисипи Джон Хёрт, и этот парень начал играть блюз Джона Хёрта*, вспомнил он. — *А теперь он говорит о волшебном соке. Говорит не впрямую, но, клянусь, говорит именно о нем... иначе быть не может!*

— Ты читаешь мысли, — прошептал Джек. — Правда? Ты научился этому в Долинах, Спиди?

— Ничего не знаю о чтении мыслей, — ответил слепец, — но в этом ноябре исполнится сорок два года, как отключились мои лампы, и за сорок два года нос и уши взяли на себя часть их работы. Я чую запах дешевого вина, сынок. Ты им *пропах*. Словно мыл им волосы.

Джек ощутил странное, но привычное чувство вины — как и всегда, если его обвиняли в том, к чему он отношения не имел... практически не имел. Прыгнув в этот мир, он едва прикасался к опустевшей бутылке. Но даже прикосновение наполняло его благоговейным ужасом — бутылку он теперь воспринимал так же, как средневековый крестьянин мог воспринять щепку Истинного креста или костяшку святого. Магия, безусловно. *Мощная* магия. Иной раз убивающая людей.

— Я его не пил, честно, — наконец выдавил из себя Джек. — То, что было вначале, почти закончилось. Оно... я... мне оно даже не нравится! — Его желудок нервно дернулся. От одной мысли о волшебном соке его замутило. — Но мне нужно его достать. На всякий случай.

— Достать крови Христовой? В твоем-то возрасте? — Слепец рассмеялся и пренебрежительно махнул рукой. — Черт, тебе это не нужно. Чтобы путешествовать, никаким мальчикам эта отрава не нужна.

— Но...

— Слушай. Я спою тебе песенку, чтобы подбодрить тебя. Похоже, тебе это не помешает.

Он запел, и его голос разительно изменился, стал глубоким, мощным, берущим за душу, а негритянский выговор куда-то исчез. Джек даже подумал, что это тренированный голос оперного певца, который развлекается, исполняя популярную песенку. От этого красивого, сильного голоса по рукам и спине побежали мурашки. На тротуаре, протянувшемся вдоль тусклой охряной стены торгового центра, поворачивались головы.

— *Красная малиновка прилетит, радостную песенку запоет, все наши тревоги унесет...*

Джек почувствовал, что знает эту песню, что слышал раньше ее или что-то очень похожее, и пока слепой пел, улыбаясь озорной желтозубой улыбкой, мальчик понял, откуда у него это чувство. Он знал, почему поворачиваются головы, словно на автомобильную стоянку у торгового центра прискакал единорог. В голосе этого человека слышалась удивительная и прекрасная чистота другого мира. Такой голос мог звучать только там, где воздух настолько чистый, что можно учуять редиску, которую кто-то вытаскивает из земли в полумиле от тебя. Конечно, эту песенку сочинили здесь... но голос принадлежал Долинам.

— Поднимайся... поднимайся, наша соня... из кровати... из кровати вылезай... чтобы жить-поживать и друзей наживать, чтоб смеяться и...

Гитара и голос оборвались резко и одновременно. Джек, который пристально вглядывался в лицо слепого музыканта (подсознательно пытаясь пробить взглядом темные очки и понять, прячутся ли за ними глаза Спиди Паркера), оглянулся и увидел двух копов, стоявших рядом с чернокожим стариком.

— Знаешь, я ничего не слышу, — игриво заметил слепец, — но вроде бы чувствую что-то синее.

— Черт тебя побери, Снежок, ты знаешь, что тебе запрещено работать у торгового центра! — воскликнул один из копов. — Что сказал тебе в последний раз судья Холлас? Деловой район между Центральной и Мьюрал-стрит. Больше нигде. Черт побери, парень, или ты совсем слабоумный? Или твой крантик отвалился от того, чем наградила тебя твоя женщина, прежде чем слинять? Господи, я просто... — Его напарник положил руку ему на плечо и кивнул в сторону Джека, который обратился в слух.

— Иди к своей матери и скажи, что ты ей нужен, — бросил первый коп.

Джек двинулся по тротуару. Он не мог остаться. Даже если бы сумел как-то помочь, не мог остаться. Ему еще

повезло, что копов интересовал только мужчина, которого они назвали Снежком. Если бы они еще раз глянули на него, то — Джек в этом не сомневался — спросили бы, кто он и откуда. Новые кеды не скрывали, какая грязная и поношенная у него одежда. Копам не требовалось много времени, чтобы отличить бродягу от обычных детей, а Джек, конечно же, был бродягой.

Он легко представил себе, как зейнсвиллские копы, отличные парни в синем, которые каждый день слушали консерватора Пола Харви и голосовали за президента Рейгана, сажают его в зейнсвиллскую тюрьму с тем, чтобы выяснить, каким образом он оказался в их славном городе.

Нет, он не хотел, чтобы зейнсвиллские копы присматривались к нему.

Ровно урчащий мотор приближался.

Джек поддернул рюкзак выше и уставился на свои новые кеды. Краем глаза увидел, как патрульный автомобиль медленно проезжает мимо.

Слепой старик сидел на заднем сиденье, в окне виднелся гриф его гитары.

Когда патрульный автомобиль повернул на одну из выездных полос, слепец резко повернул голову и посмотрел в окно, прямо на Джека...

И хотя Джек не мог заглянуть за пыльные очки, он совершенно точно знал, что Лестер Паркер по прозвищу Спиди подмигнул ему.

2

Джеку удалось не развивать эту мысль, пока он не добрался до выезда на автостраду. Он стоял, глядя на указатели. Только они оставались четкими и ясными в мире

(мирах?)

где все остальное превратилось в сводящий с ума серый водоворот. Он чувствовал, как черная депрессия кружит вокруг, просачивается внутрь, пытаясь уничтожить его решимость. Он понимал, что тоска по дому — часть этой депрессии, но в сравнении с тем, что происходило с ним сейчас, прежняя тоска казалась детским капризом, сущим пустяком. Он плыл без руля и ветрил, полностью потеряв опору под ногами.

Стоя рядом с указателями, наблюдая за автомобилями, проносящимися по трассе, Джек осознал, что чертовски близок к самоубийству. Какое-то время его поддерживала мысль о том, что он скоро увидится с Ричардом Слоутом (и хотя Джек не признавался в этом даже себе, он рассчитывал, что Ричард может составить ему компанию в путешествии на запад — в конце концов, это будет не первый раз, когда Сойер и Слоут вместе отправятся в необычные странствия, верно?), но тяжелая работа на ферме Паламаунтина и загадочные события в «Торговом центре Бакай» лишили привлекательности и эту долгожданную встречу.

Иди домой, Джеки, ты проиграл, прошептал голос. *Если продолжишь путь, закончится тем, что тебя забьют до смерти... и в следующий раз, возможно, умрут пятьдесят человек. Или пятьсот.*

Автострада 70 ВОСТОК.

Автострада 70 ЗАПАД.

Он рывком вытащил из кармана монету, которая в этом мире стала серебряным долларом. Пусть решают боги, раз и навсегда. Он слишком измотан, чтобы принимать решение самому. Спина болела в том месте, куда его ударил «Мистер Америка». Решка — он поднимается по въезду на восточные полосы и возвращается домой. Орел — продолжает путь... и больше не оглядывается.

Стоя в мягкой пыли обочины, он подбросил монету в холодный октябрьский воздух. Она взлетела к самому

небу, вращаясь и вращаясь, поблескивая в солнечных лучах. Джек вскинул голову, следя за ней взглядом.

Семья, проезжавшая мимо в старом универсале, на несколько мгновений перестала препираться, чтобы посмотреть на него. В голове сидевшего за рулем мужчины, лысеющего бухгалтера, который иногда просыпался ночью, вроде бы ощущая стреляющие боли в груди и левой руке, внезапно возникли абсурдные мысли: «Приключение. Опасность. Поход ради благородной цели. Грезы страха и славы». Он покачал головой, словно отгоняя их, и в зеркало заднего вида посмотрел на подростка, который наклонился, разглядывая что-то на земле. *Господи*, подумал лысеющий бухгалтер. *Выброси это из головы, Ларри, мысли у тебя что гребаная детская приключенческая книжка.*

Он нажал педаль газа, быстро разогнав универсал до семидесяти миль в час, забыв о подростке в грязных джинсах на обочине дороги. Теперь его занимали другие мысли: если он успеет добраться до дома к трем часам, то сможет посмотреть матч за звание чемпиона мира в среднем весе по спортивному каналу «И-эс-пи-эн».

Монета упала. Джек наклонился над ней. Решка... но не только.

На монете Джек увидел вовсе не леди Свободу, а профиль Лауры Делессиан, королевы Долин. Но, Господи, как лицо на монете отличалось от бледного спящего лица (что лишь на краткие мгновения открылось его глазам в павильоне), окруженного озабоченными медицинскими сестрами в широких белых одеяниях! Это было лицо настороженное и понимающее, напряженное и прекрасное. Речь не шла о классической красоте — недостаточно четкая линия челюсти, чуть пухловатая скула. Красота чувствовалась в королевской посадке головы, а также отсут-

ствии сомнений в том, что эта женщина не только умна, но и добра.

И при этом такое сходство с его матерью!

Слезы затуманили глаза Джека, и он крепко сжал веки. На сегодня он уже наплакался. Он получил ответ, который оплакиванию не подлежал.

Когда вновь открыл глаза, Лаура Делессиан исчезла: с монеты на него смотрела леди Свобода.

Джек наклонился ниже, поднял лежащую в пыли монету, сунул в карман и пошел к выезду на западные полосы автострады 70.

3

Днем позже белесое небо пахло приближающимся ледяным дождем. Отсюда до границы между штатами Огайо и Индиана оставалось совсем ничего.

Под «отсюда» подразумевалась лесополоса за площадкой для отдыха на автостраде 70 рядом с Льюисбургом. Джек прятался среди деревьев — надеялся, что успешно — и терпеливо ждал, пока крупный лысый мужчина с громким наглым голосом вновь сядет в «шеви-нову» и уедет. Он надеялся, что произойдет это скоро, прежде чем начнется дождь. Он и так замерз, не хватало еще и промокнуть. С утра нос у него заложило, а голос сел. Он понимал, что уже простудился.

Крупного лысого мужчину с громким наглым голосом звали Эмори У. Лайт. Он подобрал Джека около одиннадцати часов, к северу от Дейтона, и у мальчика буквально сразу засосало под ложечкой. Ему уже доводилось ехать с эмори у. лайтами. В Вермонте Лайт назвался Томом Фергюсоном и сказал, что он продавец обувного магазина. В Пенсильвании Лайт представился Бобом Даррентом («Совсем как тот парень, что пел «Плюх-плюх», ха-ха-ха»), который был директором окружной средней школы.

В этот раз Лайт оказался президентом Первого торгового банка Парадиз-Фоллс из Парадиз-Фоллс, штат Огайо. Фергюсон был худым и черноволосым, Даррент — пузатым и розовым, как только что выкупанный младенец, а этот Эмори У. Лайт — крупным и совоподобным, а его глаза за очками без оправы напоминали сваренные вкрутую яйца.

Джек выяснил, что все эти отличия лишь внешние. Они слушали Историю, затаив дыхание, с неподдельным интересом. Они спрашивали, есть ли у него подружка в родном городе. Рано или поздно он обнаруживал руку (большую наглую руку) на своем бедре, а когда после этого смотрел на Фергюсона/Даррента/Лайта, видел в глазах полубезумную надежду (смешанную с полубезумной виной) и капельки пота над верхней губой (у Даррента пот блестел сквозь черные усы, словно крошечные белые глазки, выглядывающие сквозь кусты).

Фергюсон спросил, хочет ли он заработать десять долларов.

Даррент поднял ставку до двадцати.

Лайт громким наглым голосом, который при этом дрожал и надламывался, поинтересовался, найдет ли Джек применение пятидесяти долларам. По его словам, он всегда носил полтинник в каблуке левой туфли и с радостью отдал бы его мастеру Льюису Фаррену. Они могли бы заехать в одно местечко неподалеку от Рэндолфа. В пустой амбар.

Джек не искал связи между все возрастающими денежными предложениями от Лайта в различных его воплощениях и теми изменениями, которые могли вызвать в нем приключения, — он по натуре не любил копаться в себе и не интересовался самоанализом.

Он быстро понял, как надо вести себя с эмори у. лайтами. Первый опыт общения с Лайтом, когда Лайт назвался Томом Фергюсоном, научил его, что осторожность — едва

ли не самая важная составляющая доблести. Когда Фергюсон положил руку на бедро Джека, Джек ответил автоматически, исходя из действовавших на тот день калифорнийских стандартов приличия, где геи — неотъемлемая часть пейзажа: «Извините, мистер. Я натурал».

Его, конечно, лапали и раньше, главным образом в кинотеатрах, но однажды он столкнулся с продавцом магазина мужской одежды в Северном Голливуде, который радостно предложил отсосать ему в примерочной (а когда Джек отказался, продавец сказал: «Ладно, тогда примерь этот синий блейзер»).

В Лос-Анджелесе симпатичному двенадцатилетнему парню приходится мириться с такими приставаниями, точно так же как симпатичной девушке приходится мириться с тем, что иногда ее лапают в метро. И со временем ты начинаешь относиться к этому философски, чтобы такой инцидент не испортил тебе весь день. Намеренные приставания, как в случае с Фергюсоном, представляли собой куда меньшую проблему, чем внезапное нападение из засады. На них он мог просто ответить отказом.

Во всяком случае, в Калифорнии. Геи с востока, особенно из глубинки, отказ воспринимали иначе.

Фергюсон остановил машину в скрежете тормозов, его «понтиак» оставил за собой сорокафутовый черный след жженой резины и поднял пыльную тучу с обочины.

— Кого ты назвал голубым? — взревел он. — Кого ты называешь *пидором*? Я не *пидор*! Господи! Подвозишь гребаного мальчишку, и он называет тебя гребаным *пидором*!

Джек ошеломленно смотрел на него. Резкая и неожиданная остановка привела к тому, что он сильно приложился головой к приборному щитку. Фергюсон, мгновением раньше смотревший на него млеющими карими глазами, теперь, казалось, был готов убить Джека.

— *Выметайся!* — орал Фергюсон. — *Это ты пидор, не я. Ты пидор. Убирайся, маленький пидор! Выметайся! У меня*

жена! У меня дети! Я, возможно, наплодил ублюдков по всей Новой Англии! Ты пидор, не я. ТАК ЧТО ВЫМЕТАЙСЯ ИЗ МОЕЙ МАШИНЫ!

Охваченный ужасом, какого не испытывал после встречи с Осмондом, Джек так и сделал. Фергюсон рванул автомобиль с места, обсыпав мальчика гравием, продолжая кричать. Джек, пошатываясь, отошел к каменной стенке, сел и начал смеяться. Постепенно смех перешел в истерический хохот, и в тот самый момент он решил, что должен разработать СТРАТЕГИЮ, по крайней мере пока не выберется из глубинки. «Любая серьезная проблема требует СТРАТЕГИИ», — однажды сказал отец. Тогда Морган горячо с ним согласился, но Джек решил, что это обстоятельство не должно мешать ему идти тем же путем.

Его СТРАТЕГИЯ неплохо сработала с Бобом Даррентом, и у него не было оснований сомневаться, что она сработает и с Эмори Лайтом... но за это время он успел простудиться, и у него полило из носа. Он хотел, чтобы Лайт побыстрее уехал. Стоя среди деревьев, Джек видел его на площадке для отдыха: он расхаживал взад-вперед, засунув руки в карманы, и большая лысая голова поблескивала под белесым небом. По автостраде проехал трейлер, заполнив воздух вонью сгоревшего дизельного топлива. В лесополосе хватало мусора, как всегда бывает рядом с любой придорожной площадкой для отдыха. Пустые пакеты от «Дорито». Раздавленные коробочки от «биг-мака». Смятые банки от пепси и «Будвайзера», внутри которых дребезжали колечки-открывашки. Разбитые бутылки от крепленого вина «Уайлд Айриш Роуз» и джина «Файв О'Клок». Разорванные нейлоновые трусики с заплесневелой прокладкой. Презерватив, надетый на сломанную ветку, заполненный понятно чем, да-да. На стенах мужского туалета Джек увидел множество надписей, и практически все предназначались для таких, как Эмори У. Лайт: «Я ЛЮБЛЮ САСАТЬ БОЛЬШУЮ ТОЛСТУЮ ДУБИ-

НУ», «БУДЬ СДЕСЬ В 4 И УВИДИШЬ ЧТО ЛУЧШЕ ТЕБЕ НИКТО НЕ ОТСАСЫВАЛ», «ВСТАВЬ МНЕ В ЖОПУ». Нашелся среди авторов и поэт с большими амбициями: «В ЖОПУ СРАЗУ ПОСЫЛАЙ / НА МОЕ ЛИЦО КОНЧАЙ».

Я тоскую по Долинам, подумал Джек и совершенно не удивился этому открытию. Он стоял за двумя кирпичными сортирами рядом с автострадой 70, где-то в западном Огайо, дрожа в поношенном свитере, который купил в секонд-хэнде за полтора доллара, и ждал, когда крупный лысый мужчина вернется к своей «лошади» и уедет.

СТРАТЕГИЯ Джека сложностью не отличалась: не настраивай против себя мужчину с большими наглыми руками и громким наглым голосом.

Джек вздохнул с облегчением. Наконец сработало. Большое наглое лицо Эмори У. Лайта выражало злость, смешанную с раздражением. Он вернулся к своему автомобилю, сел в него, сдал назад так быстро, что едва не врезался в только что свернувший на площадку пикап (последовал возмущенный рев клаксона, и пассажир пикапа показал Эмори У. Лайту палец), и уехал.

Теперь Джеку оставалось только подняться по съезду на автостраду и поднять руку с оттопыренным пальцем... и надеяться, что поймает попутку до того, как начнется дождь.

Джек еще раз огляделся. *Отвратительно, мерзко.* Эти слова естественным образом приходили в голову при взгляде на замусоренное запустение на задворках площадки для отдыха. Джек подумал, что здесь витает дух смерти — не на этой площадке и не на автостраде, но над всей страной, по которой он путешествовал. Подумал, что иногда даже видит его, страшную тень чего-то жаркого и темно-коричневого, похожего на облако, вырывающееся из выхлопной трубы быстро мчащегося трейлера.

Тоска по Долинам вернулась — желание перенестись туда и увидеть темно-синее небо, чуть закругляющийся горизонт.

Но возвращение приведет к повторению истории с Джери Бледсоу.

Ничего об этом не знаю... Знаю только одно: ты шире, чем следует, воспринимаешь идею «убийства».

Направляясь к площадке для отдыха — теперь ему действительно захотелось отлить, — Джек трижды чихнул. Проглотил слюну и поморщился: в горле саднило. *Заболеваю, да. Хорошенькое дело. Еще не в Индиане, похолодало до пятидесяти градусов*, вот-вот пойдет дождь, надо поймать попутку, а теперь я...*

Мысль оборвалась. Он смотрел на стоянку с отвисшей челюстью. В этот ужасный момент даже подумал, что сейчас надует в штаны, потому что все, что находилось ниже грудины, скрутило и сжало.

В одной из двух десятков косых парковочных клеток стоял покрытый дорожной пылью «БМВ» дяди Моргана. Ошибки быть не могло, какая уж тут ошибка! Калифорнийские заказные номера «МЛС», то есть Морган Лютер Слоут. Вид у автомобиля был такой, будто ехали на нем быстро и долго.

Но если он прилетел в Нью-Хэмпшир, как здесь мог оказаться его автомобиль? — простонал разум Джека. *Это совпадение, Джек, всего лишь...*

Потом он увидел мужчину, стоявшего спиной к нему у телефона-автомата, и понял, что никакого совпадения нет. Мужчину в объемной армейской куртке с капюшоном, с меховой подкладкой, рассчитанной на гораздо более низкую, чем пятьдесят градусов, температуру. И пусть Джек видел только спину, он знал, кому принадлежат эти широкие плечи и дородное, жирное тело.

Мужчина у телефона начал оборачиваться, зажав трубку между ухом и плечом.

* 10 °С.

Джек метнулся за кирпичную стену мужского туалета.

Он меня заметил?

Нет, ответил он сам себе. *Нет, не думаю. Но...*

Но капитан Фаррен говорил, что Морган — другой Морган — учует его, как кошка — крысу, и тот учуял. Прячась в опасном черном лесу, Джек видел, как изменилось отвратительное бледное лицо в окошке дилижанса.

И этот Морган мог учуять его, если дать ему время.

Шаги приближались к углу, за которым он стоял.

С онемевшим и перекосившимся от страха лицом Джек сдернул с плеч рюкзак и уронил его, зная, что опоздал, промедлил, что Морган сейчас покажется из-за угла и схватит его за шею улыбаясь. *Привет, Джеки! Все, кто спрятался, могут выходить! Игра закончена, верно, маленький говнюк?*

Высокий мужчина в клетчатом твидовом пиджаке прошел мимо угла мужского туалета, мельком глянув на Джека, и направился к фонтанчику с водой.

Возвращается. Он возвращается. Никакого чувства вины, во всяком случае, сейчас, один только страх загнанного в угол зверька, странным образом смешанный с облегчением и радостью. Джек расстегнул рюкзак. Вот и бутылка Спиди, волшебного сока осталось чуть меньше дюйма,

(чтобы путешествовать никаким мальчикам эта отрава не нужна но мне нужна Спиди мне нужна)

на самом донышке. Не важно. Он возвращается. Сердце гулко забилось при этой мысли. Широченная субботняя улыбка растянула губы, отметая и серость дня, и страх в сердце. *Возвращаюсь, чувак!*

Вновь приближающиеся шаги, и на этот раз дяди Моргана, в этом нет никаких сомнений, тяжелые и при этом семенящие. Однако страх ушел. Дядя Морган что-то учуял, но, обогнув угол, он увидит лишь пакеты из-под «Доритo» и смятые пивные банки.

Джек глубоко вдохнул — наполнил легкие вонью выхлопных газов и холодным осенним воздухом. Поднес к губам вскинутую бутылку. Глотнул, ополовинив остаток жидкости. И даже с закрытыми глазами сощурился, потому что...

Глава 16
ВОЛК

1

...сильный солнечный свет ударил по опущенным векам.

Сквозь сладко-мерзостный запах волшебного сока просачивался какой-то другой... теплый запах животных. И он их слышал, они двигались вокруг него.

В испуге Джек открыл глаза, но поначалу ничего не увидел — освещение изменилось неожиданно и резко, будто в темной комнате кто-то сразу включил десяток двухсотваттных лампочек.

Теплый, покрытый шерстью бок потерся о него, но не угрожающе (на что, во всяком случае, надеялся Джек), а словно говоря: мне-очень-надо-пройти-так-что-извините-подвиньтесь. Джек, который уже поднимался, вновь упал на землю.

— Эй! Эй! Отойдите от него! Прямо здесь и прямо сейчас! — После громкого, крепкого шлепка недовольное животное издало какой-то звук, нечто среднее между «му-у» и «бе-е». — Гвозди господни! Ничего не понимаете! Отойдите от него, а не то я вырву ваши поколоченные Богом глаза!

Глаза Джека приспособились к яркости безоблачного осеннего дня Долин, и он увидел молодого парня, стоя-

щего посреди стада толкущихся на месте животных, энергично, но, похоже, совсем не сильно шлепая их по бокам и чуть горбатым спинам. Джек сел, механически нашел бутылку Спиди — содержимого в ней осталось на один драгоценный глоток — и убрал ее, при этом не отрывая взгляда от спины пастуха.

Высокого пастуха — ростом не ниже шести футов пяти дюймов, прикинул Джек, — с такими широченными плечами, что они казались непропорциональными. Длинные сальные черные волосы доставали до лопаток. Мышцы бугрились и перекатывались, когда он ходил среди животных, напоминавших коров-пигмеев. Он оттонял их от Джека к Западной дороге.

Фигура у него была потрясающая, даже сзади, но что удивило Джека, так это одежда. Все, кого он видел в Долинах (включая его самого), носили туники, камзолы, бриджи.

А на этом парне был комбинезон с нагрудником.

Потом пастух повернулся, и Джек почувствовал, как из груди рвется крик ужаса. Он вскочил.

Псевдо-Элрой.

Пастухом был псевдо-Элрой.

2

Нет, конечно, не псевдо-Элрой.

Если бы Джек этого не понял, все, что случилось после — кинотеатр, сарай, ад «Лучезарного Дома», — возможно, не случилось бы вовсе (или случилось бы совершенно иначе), но запредельный ужас обездвижил его, едва он поднялся на ноги. Он не мог убежать, как не может убежать олень, выхваченный из темноты фонарем охотника.

Парень в комбинезоне приближался, а Джек думал: *Элрой не такой высокий и не такой широкий. И глаза у него желтые.* У этого существа глаза были яркого, невероятно-

го оранжевого цвета. Глядя в них, ты словно смотрел в глаза хэллоуиновского тыквенного фонаря. И если в улыбке Элроя сквозило безумие и убийство, то этот парень улыбался широко, весело и безвредно.

На его огромных босых лопатовидных ступнях пальцы располагались группами, по два и три, едва проглядывая сквозь завитки жесткой шерсти. Не копытоподобные ноги, осознал Джек, едва не сходя с ума от изумления, страха и пробуждающейся радости, а лапоподобные.

И чем ближе подходил парень, тем ярче становились его

(человечьи? звериные?)

оранжевые глаза. На мгновение они обрели тот оттенок люминесцентной краски, которому отдают предпочтение охотники и дорожные регулировщики. Потом поблекли до мутного светло-коричневого цвета. При этом Джек увидел, что улыбка парня не только дружелюбная, но и недоумевающая, и разом осознал два важных момента. Первое: этот парень никому не причинит вреда, совершенно никакого вреда. Второе: он глуповат. Может, не слабоумный, но глуповат.

— Волк! — улыбаясь, воскликнул огромный волосатый мальчик-зверь, и, заметив его длинный остроконечный язык, Джек с содроганием подумал, что именно на волка этот парень и похож. Не на козла, а на волка. Оставалось только надеяться, что он не ошибся в своей догадке и Волк не причинит ему вреда. *По крайней мере если я ошибся, мне больше не придется волноваться, как бы не допустить других ошибок... никогда.* — Волк! Волк! — Он протянул руку, и Джек увидел, что кисти, как и стопы, покрыты шерстью, более мягкой и пушистой, очень даже красивой. Особенно густо шерсть росла на ладонях, нежно-белая, как звездочка на лбу лошади.

Господи, кажется, он хочет обменяться со мной рукопожатием!

Робко, думая о дяде Томми, который говорил ему, что нельзя отказывать в рукопожатии даже худшему врагу («Потом сражайся с ним до смерти, если это необходимо, но сначала пожми ему руку», — учил его дядя Томми), Джек тоже протянул руку, гадая, раздавят ли ее... или съедят.

— Волк! Волк! Пожмем руки здесь и сейчас! — весело воскликнул парень-зверь в комбинезоне. — Прямо здесь и сейчас! Старый добрый Волк! Богу это понравится! Прямо здесь и сейчас! Волк!

Несмотря на бьющий ключом энтузиазм, рукопожатие Волка оказалось достаточно легким, спасибо пушистой упругой шерсти на ладони. *Детский комбинезон и энергичное рукопожатие от парня, который напоминает хаски-переростка и пахнет, как сеновал после сильного дождя*, подумал Джек. *Что за этим последует? Предложение прийти в его церковь в воскресенье?*

— Старый добрый Волк, будь уверен! Старый добрый Волк, прямо здесь и сейчас. — Волк обхватил руками широченную грудь и рассмеялся, довольный собой. Потом вновь схватил руку Джека.

На этот раз сильно ее тряхнул. Джек понял, что от него требуется какой-то ответ. Иначе этот приятный, но простоватый парень так и будет трясти его руку, пока не закатится солнце.

— Старый добрый Волк, — повторил он, потому что, похоже, именно эта фраза очень нравилась его новому знакомому.

Волк рассмеялся как ребенок и отпустил руку Джека. Тот испытал облегчение. Руку не раздавили и не съели, но мальчика покачивало, как при морской болезни. Волк слишком быстро тряс его ладонь, прямо-таки как игрок на одноруком бандите, которому выпала счастливая полоса.

— Чужак, да? — спросил Волк. Сунул руки в карманы и безо всякого стеснения принялся играть в карманный бильярд.

— Да, — ответил Джек, думая, а что означает здесь это слово. В Долинах оно имело специфическое значение. — Да, полагаю, что так. Чужак.

— Божья правда! Я в тебе это унюхал! Прямо здесь и сейчас, да, это точно! Пахнет неплохо, знаешь ли, но точно *странно*. Волк! Это я. Волк! Волк! Волк! — Он откинул голову и рассмеялся. Смех в какой-то момент плавно перешел в вой.

— Джек, — представился Джек. — Джек Со...

Его руку схватили и вновь тряхнули вверх-вниз.

— Сойер, — закончил он, когда руку отпустили. Джек чувствовал себя так, будто кто-то ударил его большой пуховой подушкой. Пятью минутами раньше он стоял у холодной кирпичной стены сортира рядом с автострадой 70. А теперь разговаривал с молодым парнем, в котором от зверя было, судя по всему, больше, чем от человека.

И будь он проклят, если полностью не избавился от простуды.

3

— Волк встречает Джека! Волк встречает Джека! Здесь и сейчас! Ладно! Хорошо! Ох, Джейсон! Коровы на дороге! Ну какие же они глупые! Волк! Волк!

Крича, Волк побежал по склону холма к дороге, где стояла половина стада, оглядываясь в тупом изумлении, как бы спрашивая, а куда подевалась трава. Животные действительно представляли собой нечто среднее между коровами и овцами, и Джек задался вопросом, а кому и для чего потребовалась такая помесь. У него в голове сразу мелькнуло название — коровцы, — и он решил, что оно удачное. *Здесь Волк приглядывает за стадом коровец. О да. Здесь и сейчас.*

Пуховая подушка вновь опустилась на голову Джека. Он сел и рассмеялся, прижимая руки ко рту, чтобы заглушить смех.

Самая большая коровца высотой не превышала четырех футов. Густая шерсть по цвету напоминала глаза Волка, во всяком случае, когда они не сверкали, как хэллоуиновские тыквенные фонари. Голову венчали короткие закругленные рога, судя по всему, совершенно бесполезные. Волк погнал коровец с дороги. Они шли послушно, не выказывая страха. *Если корова или овца в моем мире уловит запах этого парня*, подумал Джек, *она выпрыгнет из шкуры, лишь бы убраться с его пути.*

Но Джеку Волк понравился — понравился с первого взгляда, точно так же, как он с первого взгляда невзлюбил Элроя. И это казалось тем удивительнее, что сходство между ними не вызывало сомнений. Только Элрой выглядел более козлиным, тогда как Волк... более волчиным, что ли.

Джек медленно двинулся к тому месту, куда Волк отправил пастись свое стадо. Он помнил, как на цыпочках шел по вонючему коридору в «Баре Апдайка» к пожарной двери, чувствуя, что Элрой где-то рядом, возможно, ощущая его запах, как корова на той стороне безошибочно учуяла бы Волка. Он помнил, как начали изменяться руки Элроя, как раздулась его шея, как зубы превратились в почерневшие клыки.

— Волк?

Волк повернулся и, улыбаясь, посмотрел на него. Его глаза блеснули ярко-оранжевым и в этот момент выглядели дикими и умными. Потом блеск ушел, и в них вернулось вечное недоумение, вместе с цветом лесного ореха.

— Ты... в каком-то смысле оборотень?

— Конечно, — улыбаясь, ответил Волк. — Ты попал в точку, Джек. Волк!

Джек сел на камень, задумчиво глядя на Волка. Он точно знал, что удивить его еще чем-либо невозможно, но Волк проделал это играючи.

— Как твой отец, Джек? — спросил он небрежным, обыденным тоном, каким обычно спрашивают о чужих родственниках. — Что поделывает Фил? Волк!

4

У Джека возникла странная, но уместная ассоциация: он почувствовал, как все мысли словно ветром вынесло из головы. В ней не осталось ничего, кроме этой ассоциации, ни единой мысли, как бывает, когда радиостанция передает только несущую волну. Потом он увидел, что лицо Волка изменилось. Счастье и детская любознательность уступили место печали. Джек увидел, как часто-часто раздуваются и сужаются ноздри Волка.

— Он умер, да? Волк! Я сожалею, Джек. Бог поколотит меня! Я глупый! *Глупый!* — Волк кулаком стукнул себя по лбу и на этот раз действительно завыл. От этого звука у Джека похолодела кровь. Коровцы принялись нервно оглядываться.

— Все нормально. — Ему казалось, что говорит кто-то другой. — Но... как ты узнал?

— Твой запах изменился, — просто ответил Волк. — Я узнал, что он мертв, почувствовав это в твоем запахе. Бедный Фил! Такой хороший парень! Говорю тебе прямо здесь и сейчас, Джек! Твой отец был хорошим парнем! Волк!

— Да, был, — отозвался Джек. — Но откуда ты его знал? И как ты узнал, что он мой отец?

Волк посмотрел на него так, словно он задал вопрос, не требующий ответа.

— Разумеется, я помню его запах. Волки помнят все запахи. Ты пахнешь, как он.

Шмяк! Большая пуховая подушка опять обрушилась ему на голову. Джек испытал желание кататься по твердому, пружинистому дерну, держась за живот и хохоча во весь голос. Люди говорили ему, что у него глаза и рот отца, даже талант отца к рисованию, но никогда не говорили, что он пахнет, как его отец. Тем не менее он понимал, что это логично.

— Откуда ты его знал? — повторил он свой вопрос.

Волк замялся.

— Он приходил с другим, — наконец ответил он. — Тем, что из Орриса. Я был совсем маленький. Второй плохой. Второй выкрал некоторых из наших. Твой отец не знал, — торопливо добавил он, словно заметил, что Джек злится. — Волк! Нет! Он был хорошим, твой отец. Фил. Другой...

Волк медленно покачал головой. На его лице появилось странное выражение. Словно ему вспомнился какой-то кошмарный сон из далекого детства.

— Плохой, — продолжил Волк. — Он сделал себе логово в этом мире, говорит мой отец. По большей части он был в своем двойнике, но он из твоего мира. Мы знали, что он плохой, мы могли сказать, но кто слушает волков? Никто. Твой отец знал, что он плохой, но не мог разнюхать его так же хорошо, как мы. Он знал, что другой плохой, но не знал *насколько*.

Волк откинул голову и снова завыл, и долгий, леденящий кровь печальный вой эхом отразился от глубокого синего неба.

ИНТЕРЛЮДИЯ
Слоут в этом мире (II)

Из кармана широкой куртки с капюшоном (он купил ее, убежденный, что с первого октября Америка, начиная с восточных предгорий Скалистых гор, превращается в замерзшую пустыню, и теперь обливался потом) Морган Слоут достал маленькую стальную коробочку. Под защелкой находились десять маленьких кнопочек и прямоугольник со скругленными краями из матового желтого стекла, высотой в полдюйма и шириной в два. Ногтем мизинца левой руки он осторожно нажал несколько кнопок, и на дисплее появились цифры. Слоут купил эту штуковину,

которая позиционировалась как самый маленький в мире сейф, в Цюрихе. Согласно заверениям продавца, даже неделя в печи крематория не повредила бы этому чуду из углеродистой стали.

Сейф открылся.

Слоут откинул два крохотных полотнища черного бархата, столь любимого ювелирами, и посмотрел на вещицу, которую приобрел более двадцати лет назад, задолго до того, как родился этот ненавистный засранец, причинивший столько хлопот. Тусклый оловянный ключик когда-то торчал в спине заводного солдатика. Слоут увидел эту игрушку в витрине ломбарда в Пойнт-Венути, странном маленьком калифорнийском городке, где у него были свои немалые интересы. Подчиняясь импульсу, слишком сильному, чтобы его отвергать (впрочем, Морган Слоут ничего отвергать и не собирался — он знал цену своим импульсам), он вошел в магазин и заплатил пять долларов за помятого, пыльного солдатика... но требовался ему не солдатик, а ключ, который поймал его взгляд и что-то ему шепнул. Слоут вытащил ключ из солдатской спины и положил в карман, едва вышел за порог ломбарда. Солдатика он выбросил в урну у книжного магазина «Опасная планета».

Стоя у своего автомобиля на площадке для отдыха около Льюисбурга, Морган Слоут достал ключ из сейфа и оглядел его. Как и медиатор Джека, этот оловянный ключик в Долинах становился кое-чем еще. Однажды, вернувшись, он уронил ключ в вестибюле их старого офисного здания. И наверное, в нем осталась магия Долин, потому что не прошло и часа, как этот идиот Джерри Бледсоу сгорел заживо. Поднял ли Джерри ключик? Наступил ли на него? Слоут не знал, да его это и не волновало. Плевать он хотел на Джерри — а учитывая, что страховая премия удваивалась, если смерть наступала в результате несчастного случая (эту маленькую подробность Слоут узнал от управляющего зданием, с которым иногда выкуривал

трубку гашиша), он предполагал, что Нита Бледсоу тоже особо не грустила, — но он едва не сошел с ума, осознав, что потерял ключик. Нашел его Фил Сойер и вернул с коротким комментарием: «Вот, Морг. Твой счастливый амулет, верно? Должно быть, у тебя в кармане дыра. Я нашел его в вестибюле, после того как увезли бедного Джерри».

Да, в вестибюле. В вестибюле, где пахло так, словно там девять часов на максимальной скорости молотил моторчик блендера «Уэйринг». В вестибюле, где все почернело, перекосилось и оплавилось.

Все, кроме его неприметного оловянного ключа.

Который в другом мире превращался в страшное оружие — лучемет — и который Слоут повесил на шею на тонкой серебряной цепочке.

— Иду к тебе, Джеки. — В голосе Слоута слышалась нежность. — Пора завершить всю эту нелепую историю раз и навсегда.

Глава 17
ВОЛК И СТАДО

1

Волк говорил о многом, изредка поднимаясь, чтобы шугануть свое стадо с дороги, а однажды — чтобы перегнать его к речушке, которая протекала примерно в полумиле к западу. Когда Джек спросил, где он живет, Волк неопределенно махнул рукой на север. Жил он, по его словам, со своей семьей. Когда пять минут спустя Джек попросил уточнить, какая у него семья, на лице Волка отразилось удивление, и он ответил, что у него нет самки и детей, а луна зрелости наступит для него только через год или два. Не вызывало сомнений, что он с нетерпением

ждал «луны зрелости». Об этом говорила невинно-похотливая улыбка.

— Но ты сказал, что живешь с семьей.

— Ах, с семьей! С ними! Волк! — Волк рассмеялся. — Конечно. С ними! Мы все живем вместе. Должны заниматься скотом. *Ее* скотом.

— Королевы?

— Да. Пусть она никогда, никогда не умрет. — И Волк трогательно отдал честь, поклонился, прижав ко лбу правый кулак.

Последующие вопросы кое-что прояснили для Джека... во всяком случае, он так думал. Волк был холостяком (хотя слово это едва ли ему подходило). Семья, о которой он говорил, включала в себя всех волков и являла собой большую волчью стаю. Кочевники, верные королеве до гроба, они пасли стада на огромных пустующих равнинах, расположенных между Пограничьем на западе и Поселениями, под которыми Волк подразумевал города и деревни, на востоке.

Волки в большинстве своем отличались отменным трудолюбием и никогда не подводили тех, кто имел с ними дело. Об их силе слагали легенды, их храбрость никем не ставилась под сомнение. Некоторые из них отправлялись на восток, в Поселения, где служили королеве стражниками, солдатами, даже личными телохранителями. Их жизнь, объяснял Волк Джеку, стоит на двух краеугольных камнях: королева и семья. И большинство волков служит королеве, как и он, присматривая за стадами.

В Долинах коровцы являлись главным источником мяса, одежды, сала и лампового масла (этого Волк Джеку не говорил, он сам сделал такой вывод). Весь скот принадлежал королеве, а волчья семья присматривала за ним с незапамятных времен. В этом состояла их работа. Джек подумал, что это очень похоже на отношения бизоньих стад и североамериканских индейцев на Великих амери-

канских равнинах... во всяком случае, до того, как белый человек появился там и нарушил баланс.

— Смотри, и лев ляжет рядом с барашком, а Волк — с коровцой, — пробормотал Джек и улыбнулся. Он лежал на спине, подложив руки под голову. Спокойный и умиротворенный как никогда.

— Что, Джек?

— Ничего. Волк, ты действительно превращаешься в животное при полной луне?

— Разумеется, превращаюсь. — На лице Волка отражалось полнейшее изумление, словно Джек спросил: «Волк, ты действительно надеваешь штаны после того, как посрал?» — Чужаки так не делают, да? Фил мне говорил.

— А... э-э-э... стадо? — допытывался Джек. — Когда ты изменяешься, они...

— О, мы никогда не подходим к стаду, когда изменяемся, — со всей серьезностью ответил Волк. — Добрый Джейсон, нет! Мы их сожрем, разве ты этого не знаешь? И Волка, который сжирает свое стадо, должно казнить. Так сказано в «Книге доброго земледелия». Волк! Волк! У нас есть места, куда мы уходим при полной луне. И стадо тоже. Они глупые, но знают, что должны уходить, когда луна полная. Волк! И они должны знать, поколоти их Бог!

— Но вы едите мясо, так? — спросил Джек.

— Набит вопросами, как отец, — ответил Волк. — Волк! Я не возражаю. Да, мы едим мясо. Разумеется, едим. Мы ведь Волки, да?

— Но если вы не едите стадо, что вы едите?

— Мы едим хорошо, — ответил Волк и этим закрыл тему.

Как и все в Долинах, Волк являл собой тайну — тайну притягательную и пугающую. И факт, что он знал и отца Джека, и Моргана Слоута — по крайней мере встречал их двойников, и не один раз, — вносил свою лепту в этот ореол загадочности, но формировал его не полностью.

Все, что говорил Волк, вызывало у Джека десятки вопросов, на большинство из которых Волк не мог — или не хотел — ответить.

Визиты Фила Сотеля и Орриса занимали, конечно, центральное место. Впервые они появились, когда Волк был в «маленькой луне» и жил с матерью и двумя «сестрами-по-помету». Они, похоже, проходили мимо, как и Джек, только направлялись на восток, а не на запад («Сказать по правде, ты чуть ли не единственный человек, которого я видел так далеко на западе и который *идет* на запад», — признался ему Волк).

Они оба Волку понравились. Проблема возникла позднее... проблема с Оррисом. Случилось это после того, как партнер отца Джека «сделал себе логово в этом мире», как снова и снова повторял Волк — только он имел в виду Слоута в физическом облике Орриса. Волк сказал, что Морган украл одну из его «сестер-по-помету» («Моя мать месяц кусала руки и пальцы на ногах, когда точно узнала, что он ее забрал», — буднично объяснил Волк) и время от времени забирал других Волков. Волк понизил голос и с написанными на лице страхом и благоговейным ужасом рассказал Джеку, что этот «хромоногий человек» забирал кое-кого из Волков в другой мир, логово Чужаков, и учил их есть стадо.

— Это очень плохо для таких, как ты? — спросил Джек.

— Они прокляты, — просто ответил Волк.

Джек сначала думал, что Волк говорил о похищении — глагол, который он использовал, рассказывая про свою сестру, был долинским вариантом «брать». Потом начал понимать, что речь все-таки не о похищении — если только Волк не пытался с подсознательной поэтичностью сказать, что Морган похитил души некоторых членов волчьей семьи. Теперь Джек считал, что Волк говорил об оборотнях, которые отвернулись от королевы и стада и присяг-

нули на верность Моргану... Моргану Слоуту и Моргану из Орриса.

Отсюда, естественно, мостик перекинулся к Элрою.

Волка, который сжирает свое стадо, должно казнить.

К мужчинам в зеленом автомобиле, которые остановились, чтобы спросить его, как добраться до нужного им места, и предложили ему «Тутси ролл», и попытались затащить в свою машину. Глаза. *Глаза изменялись.*

Они прокляты.

Он сделал себе логово в этом мире.

До этого Джек чувствовал себя в безопасности и счастливым: счастливым, потому что вернулся в Долины, где теплый сладкий воздух не имел ничего общего с серым холодом западного Огайо; в безопасности рядом с большим дружелюбным Волком, в сельской глубинке, далеко от всех и вся.

Он сделал себе логово в этом мире.

Он спрашивал Волка о своем отце — Филе Сотеле в этом мире, — но Волк только качал головой. Он был хорошим парнем и имел двойника — то есть был Чужаком, — но, похоже, больше Волк ничего не знал. Двойники, говорил он, встречались среди людей редко, и это все, что он мог об этом сказать. Не мог описать внешность Фила Сотеля — не помнил. Запомнил только запах. И знал, по его словам, только одно: хотя оба Чужака казались хорошими, на самом деле хорошим был только Фил Сойер. Однажды он принес подарки Волку и его «сестрам-по-помету» и «братьям-по-помету». Одним из подарков, не изменившимся при переходе из мира Чужаков, стали комбинезоны с нагрудником для Волка.

— Я носил их все время, — говорил Волк. — Моя мать хотела выбросить их после того, как я проходил в них пять лет. Сказала, что они истерлись! Что я вырос из них! Волк! Сказала, что они все из заплат! Я их не отдал. В конце концов она купила материю у коробейника, который на-

правлялся в Пограничье. Я не знаю, сколько она заплатила. Волк! Я говорю тебе правду, Джек, я боялся спросить. Она выкрасила материю в синий цвет и сшила мне шесть комбинезонов. А те, которые подарил мне твой отец, я на них сплю. Волк! Волк! Это моя Богом данная подушка. — Волк улыбнулся так открыто и при этом так мечтательно, что Джек взял его за руку. Он никогда так не делал в прежней жизни, ни при каких обстоятельствах, и получалось, что напрасно. Теперь он с радостью прикоснулся к теплой сильной руке Волка.

— Я рад, что тебе нравился мой отец.

— Нравился! Нравился! Волк! Волк!

А потом разверзся ад.

2

Волк перестал говорить и настороженно огляделся.

— Волк? Что не?..

— Ш-ш-ш.

Тут Джек услышал. Чувствительные уши Волка уловили этот звук первыми, но он быстро нарастал: скоро, подумал Джек, его услышит и глухой. Коровцы принялись оглядываться, а потом попятились от источника звука, прижимаясь друг к другу. Казалось, будто кто-то медленно разрывает пополам простыню. Только громкость все нарастала и нарастала, и Джек подумал, что сейчас сойдет с ума.

Волк вскочил, ошеломленный, недоумевающий и напуганный. Этот треск рвущейся материи, это хрипловатое урчание продолжало становиться все громче. И блеяние коровец тоже стало громче. Некоторые зашли в воду, и когда Джек посмотрел в их сторону, одна упала в фонтане брызг и неуклюже замахала ногами. А ее уже топтали другие коровцы. Она пронзительно заблеяла. Еще одна коровца споткнулась и упала, после чего ее тоже затоптало медленно отступающее стадо. На другой стороне речушки бе-

рег был низкий и топкий, поросший изумрудной травой. Первая добравшаяся до него коровца сразу же увязла.

— Ох вы, поколоченные Богом ни на что не годные животины! — проревел Волк и помчался вниз по склону к тому месту, где в воду упала первая коровца, теперь корчившаяся в предсмертных муках.

— Волк? — позвал Джек, но Волк его не услышал. Джек сам едва слышал себя сквозь этот грохочущий треск рвущейся материи. Он посмотрел чуть вправо, на эту сторону речушки, и от изумления у него отвисла челюсть. Что-то происходило с воздухом. Какая-то его часть, футах в трех от земли, шла рябью, выпучивалась, извивалась и растягивалась. Сквозь этот феномен Джек видел Западную дорогу, но мерцающую и словно в тумане, как будто их разделял горячий поток, поднимающийся над мусоросжигательной печью.

Что-то раздирает воздух, как рану... что-то проходит через него — с нашей стороны? Ох, Джейсон, то же самое происходит, когда я прыгаю из мира в мир?

Но даже в панике и замешательстве он знал, что это не так.

Джек мог представить, кто переходил из мира в мир, словно насилуя преграду.

И побежал вниз по склону.

3

Треск разрываемой материи становился все громче. Волк на коленях стоял в воде, пытаясь помочь второй упавшей коровце. Первую, затоптанную, лениво уносило течением.

— Поднимайся! Бог поколотит тебя, поднимайся! Волк!

Волк что есть силы толкал и шлепал коровцу, которая билась и наваливалась на него, потом обеими руками обхватил туловище тонущего животного и потянул вверх.

— ВОЛК! ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС! — прокричал он. Рукава его рубашки разорвались на бицепсах, и он напомнил Дже-

ку Дэвида Баннера в момент превращения в Невероятного Халка. Брызги полетели во все стороны, Волк поднялся на ноги, его глаза сверкали оранжевым, синий комбинезон, намокнув, почернел. Вода потекла из ноздрей коровцы, которую Волк прижимал к груди, как щенка-переростка. Ее глаза закатились, видны были только белки.

— Волк! — крикнул Джек. — Это Морган! Это...

— *Стадо!* — крикнул в ответ Волк. — *Волк! Волк! Мое стадо! Джек! Не пытайся...*

Остальное утонуло в раскате грома, который сотряс землю. Гром поглотил и сводящий с ума монотонный треск рвущейся материи. Почти в таком же замешательстве, как и коровцы Волка, Джек поднял голову и увидел чистое синее небо, лишенное облаков, если не считать редких белых ватных комков на горизонте.

Гром вызвал панику в стаде Волка. Коровцы бросились наутек, но в своей исключительной глупости многие сделали это задом наперед. Они падали, поворачивались, уходили под воду. Джек услышал громкий треск ломающейся кости, потом отчаянное «бее-е-е-е» пронзенного болью животного. Волк взревел от ярости, бросил коровцу, которую пытался спасти, и пошел к дальнему берегу.

Но прежде чем успел добраться до него, пять или шесть коровец врезались в Волка и сбили с ног. Брызги воды летели во все стороны. Джек видел, какая опасность грозит Волку: его могли затоптать и утопить эти глупые перепуганные животные.

Джек бросился в воду, темную и мутную от поднятого со дна ила. Течение старалось утащить его с собой. Блеющая коровца с закатившимися глазами прошлепала по воде мимо него, чуть не свалив с ног. Ему плеснуло в глаза, и Джек поднял руку, чтобы протереть их.

Теперь треск рвущейся простыни заполнял весь мир: *Р-Р-Р-Р-Р-И-И-П-П-П-П...* Волк! К черту Моргана, во всяком случае, сейчас. Волк попал в беду.

Его мокрая мохнатая голова показалась над водой, а потом три коровцы пробежали по нему, и теперь Джек видел только одну размахивающую мохнатую руку. Он двинулся дальше, пытаясь пробиться сквозь стадо; одни животные еще стояли, другие барахтались и тонули.

— *Джек!* — проревел голос, перекрывая треск рвущейся простыни. Джек знал его. Голос дяди Моргана.

— *Джек!*

Раздался еще один раскат грома, оглушительный грохот, прокатившийся по небу, как после артиллерийского выстрела.

Тяжело дыша, с падающими на глаза мокрыми волосами, Джек оглянулся... и увидел площадку для отдыха на автостраде 70 рядом с Льюисбургом, штат Огайо. Он смотрел на нее словно сквозь рябое, тусклое стекло... но *видел*. В левую часть этой висящей в воздухе дыры с рваными краями попал даже угол туалета. В правой части торчал капот «шевроле», зависший в трех футах над полем, где они с Волком мирно сидели и беседовали пятью минутами раньше. А по центру, будто актер массовки в фильме о покорении адмиралом Бердом Южного полюса, стоял Морган Слоут, и его толстое раскрасневшееся лицо перекосила убийственная ярость. Ярость и что-то еще. Торжество? Да. Джек думал, что оно самое.

Он замер посреди речки по бедра в воде — коровцы обтекали его с двух сторон, то ли мыча, то ли блея — и смотрел в дыру, разрыв в самой ткани реальности, с широко распахнутыми глазами, с еще шире раскрытым ртом.

Он меня нашел, Господи Боже, он меня нашел.

— *Вот ты где, маленький засранец!* — проревел Морган. Голос был глуховатым, мертвым, потому что переходил из реальности того мира в реальность этого. Как голос человека, кричащего в закрытой телефонной будке. — *Теперь мы со всем разберемся, да? Разберемся?*

Морган двинулся на Джека, его лицо расплылось и пошло рябью, словно мягкий пластик, и мальчик успел заметить, что Морган что-то сжимает в руке, что-то висящее на шее, что-то маленькое и серебристое.

Джек не мог шевельнуться, словно парализованный, а Слоут продвигался сквозь дыру между вселенными. И, проходя, трансформировался, как оборотень, превращаясь из Моргана Слоута, инвестора, землевладельца, иногда голливудского агента, в Моргана из Орриса, претендента на трон умирающей королевы. Его пылающие толстые щеки худели. С них сходила краснота. Волосы отрастали, удлинялись по всему черепу, словно какое-то невидимое существо сначала покрасило голову Моргана, а потом надело на него парик. У двойника Слоута волосы были длинные, черные, развевающиеся, но какие-то безжизненные. Джек видел, что они схвачены на затылке лентой, однако узел растрепался.

Теплая куртка распахнулась, исчезла, вернулась плащом с капюшоном.

Высокие замшевые ботинки Моргана Слоута стали темными кожаными ботфортами с отворотами, над одним из которых торчала рукоятка кинжала.

Маленькая серебряная штучка в его руке превратилась в небольшую трубку, на конце которой переливался синий огонь.

Это же лучемет. Господи, это...

— Джек! — тихий крик, булькающий, полный воды.

Джек неуклюже повернулся, едва избежав столкновения с еще одной коровцой, захлебнувшейся и плывшей на боку. Увидел, что голова Волка снова ушла под воду и он машет уже обеими руками. Джек поспешил к этим рукам, по возможности стараясь избегать столкновения с коровцами. Одна сильно стукнула его в бедро, и он упал, хлебнув воды, быстро поднялся, кашляя и отплевываясь, сунул одну руку под камзол, чтобы убедить-

ся, что бутылка на месте, испугавшись, что мог ее потерять. Не потерял.

— Парень! Обернись и посмотри на меня! Парень!

Нет времени, Морган. Извините, но сейчас мне надо думать о том, как бы стадо Волка не утопило меня, прежде чем вы поджарите меня вашей трубкой смерти. Я...

Синий огонь с шипением прошел над плечом Джека — как смертоносная электрическая дуга. Луч угодил в коровцу, завязшую на противоположном берегу, и несчастное животное взорвалось, словно проглотило шашку динамита. Кровь полетела во все стороны. Ошметки плоти дождем падали на воду вокруг Джека.

— Повернись и посмотри на меня, парень!

Он чувствовал силу этого приказа, хватающую его за лицо невидимыми руками, пытающуюся развернуть на голос.

Голова Волка вновь появилась над водой, он поднялся на ноги, волосы прилипли к лицу, его ошеломленные глаза, едва видимые сквозь этот занавес, напоминали глаза английской овчарки. Он кашлял и пошатывался, похоже, уже не понимая, где находится.

— Волк! — прокричал Джек, но с ясного неба вновь раздался гром, заглушив его крик.

Волк согнулся пополам, и его вырвало фонтаном мутной воды. В следующее мгновение еще одна обезумевшая от ужаса коровца врезалась в него и утащила под воду.

Все, в отчаянии подумал Джек. *Это все, он утонул, оставь его, сматывайся...*

Но он рвался к Волку, оттолкнув умирающую, еще чуть подергивающуюся коровцу, чтобы добраться до него.

— Джейсон! — крикнул Морган из Орриса, и Джек осознал, что Морган звал его, Джека, по имени. Потому что здесь он не был Джеком. Здесь он был Джейсоном.

Но сын королевы умер в младенчестве, он...

Влажный, шипящий жар электричества, казалось, опалил ему волосы. Удар вновь пришелся на противополож-

ный берег. Одна из коровец Волка обратилась в пар. Но не совсем. Ноги животного торчали из болотистой земли, как столбики. На глазах Джека они начали падать, медленно наклоняясь в разные стороны.

— ПОВЕРНИСЬ И ПОСМОТРИ НА МЕНЯ, ДА ПОКОЛОТИТ ТЕБЯ БОГ!

Вода, почему он не направляет луч в воду, чтобы поджарить меня, Волка и всех коровец одновременно?

Тут ему вспомнился урок физики в пятом классе. Как только электричество попадает в воду, оно идет куда угодно... в том числе и к источнику электрического тока.

Вид ошеломленного лица Волка под слоем воды вышиб эти мысли из головы. Волк был жив, но его придавила коровца, от страха потерявшая способность двигаться, хотя целая и невредимая. Руки Волка едва трепыхались. И пока Джек преодолевал все еще разделявшее их расстояние, одна рука бессильно упала на воду и ее подхватило течением, словно кувшинку.

Не останавливаясь, Джек наклонил левое плечо и врезался в коровцу, совсем как Джек Армстронг в детской спортивной истории.

Будь это настоящая корова, а не долинская компактная модель, Джек не сдвинул бы ее с места, учитывая, что течение работало против него. Но коровца значительно уступала размерами корове, да и Джек ударил со всей силы. Она заблеяла, подалась назад, присела на задние ноги, а потом поспешила к дальнему берегу. Джек схватил Волка за руки и потянул вверх.

Волк поднимался неохотно, как пропитавшийся водой ствол дерева, его глаза остекленели и наполовину закрылись, вода текла из ушей, и носа, и рта. Губы посинели.

Молнии ударили справа и слева от того места, где Джек держал Волка, вместе они напоминали пару пьяниц, пытающихся вальсировать в бассейне. На другом берегу еще одну коровцу разнесло в клочья, ее отрезанная голова

все еще блеяла. На другом берегу жаркие полосы огня зигзагами рассекали болотистую почву, поджигали растущие на кочках камыши и более сухую траву там, где земля начинала подниматься.

— *Волк!* — крикнул Джек. — *Волк, ради Бога!*

— *Ох!* — простонал Волк, и его вырвало теплой мутной водой на плечо Джека. — *О-о-о-о-х-х-х-х!*

Теперь Джек видел, что Морган уже на берегу, высокая строгая фигура в черном плаще. Капюшон обрамлял бледное, как у вампира, серьезно-романтическое лицо. Мальчик успел подумать, что и в этом проявилась магия Долин. Здесь Морган не напоминал большую беспокойную жабу с сердцем пирата и разумом убийцы. Здесь его лицо похудело и обрело суровую мужественную красоту. Он направил на них лучемет, словно игрушечную волшебную палочку, и синий огонь разорвал воздух.

— Ты и твой тупой друг! — прокричал Морган. Его тонкие губы разошлись в торжествующей улыбке, обнажив кривые желтые зубы, и он раз и навсегда перестал быть красавцем.

Волк закричал и начал вырываться из уставших рук Джека. Он смотрел на Моргана, его глаза стали оранжевыми, и их переполняли ненависть и страх.

— *Ты, дьявол!* — крикнул Волк. — *Ты, дьявол! Моя сестра! Моя сестра-по-помету! Волк! Волк! Ты, дьявол!*

Джек вытащил бутылку из-под камзола. Все равно оставался один-единственный глоток. Одной рукой он удержать Волка не мог — тот соскальзывал вниз. Это не имело значения. Он же не мог взять его с собой в другой мир... или мог?

— *Ты, дьявол!* — кричал Волк, плача, выскальзывая из рук Джека. Со спины его комбинезон раздулся от воды.

Запах горящей травы и горящих животных.

Гром, взрыв.

На этот раз огненная струя пролетела так близко от Джека, что едва не опалила волоски в ноздрях.

— ДА, ВЫ ОБА, ВЫ ОБА! — бушевал Морган. *— Я ПОКАЖУ ТЕБЕ, ЧТО НЕЛЬЗЯ ВСТАВАТЬ У МЕНЯ НА ПУТИ, МАЛЕНЬКИЙ УБЛЮДОК! ВЫ ОБА! Я ПРИБЬЮ ВАС ОБОИХ!*

— Волк, держись! — крикнул Джек. Он оставил попытки не дать Волку уйти под воду. Вместо этого схватил его за руку и крепко сжал. — Держись за меня, слышишь?

— Волк!

Джек вскинул бутылку ко рту, и отвратительный холодный вкус сгнившего винограда в последний раз заполнил горло. Бутылка опустела. Проглатывая сок, он услышал звон разбивающегося стекла — один из лучей Моргана угодил в бутылку. Но звон доносился издалека... Джек ощутил пощипывание статического электричества... даже яростные крики Моргана и те отдалились.

Он почувствовал, как спиной валится в дыру. Может, в могилу. Потом Волк так сильно сжал его руку, что он застонал от боли. Это ощущение головокружения, падения начало уходить... и вместе с ним померк солнечный свет, сменившись лилово-серыми октябрьскими сумерками центральной части Америки. Ледяной дождь ударил Джека в лицо, и тут до него дошло, что вода, в которой он стоит, стала заметно холоднее. Откуда-то неподалеку доносился знакомый гул трейлеров, несущихся по автостраде... словно над головой.

Невозможно, подумал он, но не ошибся ли? Границы этого понятия, похоже, растягивались с завидной легкостью. На мгновение ему привиделись летающие долинские грузовики, которые тащат за собой летающие долинские люди с огромными парусиновыми крыльями, закрепленными на спине.

Я вернулся, подумал Джек. *Снова вернулся, то же время, та же автострада.* Он чихнул.

Та же простуда.

Но кое-что изменилось.

Никакой площадки для отдыха. Он стоял в ледяной речке под одной из эстакад автострады.

И он забрал с собой Волка.

И Волк кричал.

Глава 18
ВОЛК ИДЕТ В КИНО

1

По дороге, ревя дизельным двигателем, прогрохотал очередной трейлер. Эстакада задрожала. Волк взвыл и ухватился за Джека, едва не свалив их обоих в воду.

— Прекрати! — крикнул Джек. — Отпусти меня, Волк! Это всего лишь трейлер! Отпусти!

Он шлепнул Волка ладонью, не желая этого делать, — ужас Волка выглядел таким трогательным. Но, трогательный или нет, Волк нетвердо стоял на ногах и весил, наверное, фунтов на сто пятьдесят больше Джека. Если бы навалился на него, они оба упали бы в ледяную воду, гарантировав себе пневмонию.

— Волк! Не нравится! Волк! Не нравится! Волк! Волк!

Однако его хватка ослабла. Мгновением позже руки повисли по бокам. Когда над ними прогрохотал следующий трейлер, Волк сжался, но Джека не схватил. Только смотрел на него с молчаливой, трепетной мольбой, как бы говоря: *Уведи меня отсюда, пожалуйста, уведи меня отсюда, лучше умереть, чем жить в этом мире.*

Сам очень хочу убраться отсюда, Волк, но там Морган. А если бы его и не было, у меня больше нет волшебного сока.

Джек посмотрел на левую руку и увидел, что держит зазубренное горлышко бутылки Спиди, как человек, гото-

вый выставить серьезные аргументы в драке у барной стойки. Волку невероятно повезло, что он не порезался, в ужасе схватившись за Джека.

Он отбросил горлышко. *Плюх.*

Два трейлера один за другим — шум удвоился. Волк в ужасе взвыл и зажал руками уши. Джек заметил, что большая часть волос исчезла с рук Волка во время прыжка — большая, но не все. И он видел, что два первых пальца на кистях Волка одинаковой длины.

— Пошли, Волк, — сказал Джек, едва грохот поутих. — Пошли отсюда. Мы выглядим как двое парней, ожидающих, пока их покрестят в специальном выпуске воскресного «ВГ-клаба».

Он взял Волка за руку, потом в панике дернулся, когда лапища Волка сжала его ладонь. Волк увидел выражение лица Джека и ослабил хватку... чуть-чуть.

— Не оставляй меня, Джек, — взмолился он. — Пожалуйста, не оставляй.

— Не волнуйся, Волк, не оставлю, — ответил Джек. Подумал: *Как ты только в такое вляпываешься, говнюк? Стоишь под автострадой посреди Огайо с прирученным оборотнем. Как тебе это удается? Тренируешься, что ли? И между прочим, что там у нас с луной, Джеки? Ты помнишь?*

Он не помнил и ничего не мог сказать, потому что небо затянули тучи и лил дождь.

Какие у него шансы? Тридцать к одному в его пользу? Двадцать восемь к двум?

Какими бы ни были его шансы, выглядели они отнюдь не радужными. С учетом того, как все складывалось.

— Нет, я не оставлю тебя, — повторил он, а потом повел Волка к дальнему берегу речки. На мелководье плавала животом вверх грязная разломанная кукла, стеклянные синие глаза смотрели в сгущавшуюся тьму. Мышцы руки Джека ныли: он перенапряг их, перетаскивая Волка в этот мир. Плечевой сустав дергало, как больной зуб.

Едва они вышли из воды на замусоренный травянистый берег, Джек вновь начал чихать.

2

На этот раз в Долинах Джек прошел на запад полмили — именно на такое расстояние Волк перегнал стадо, чтобы коровцы смогли напиться из речки, едва не ставшей Волку могилой. Здесь, насколько Джек мог судить, они оказались на десять миль западнее. С трудом выбрались на берег — Волку, по существу, пришлось тащить Джека, — и в тающем дневном свете Джек увидел в каких-то пятидесяти ярдах съезд с автострады. «АРКАНУМ — ПОСЛЕДНИЙ СЪЕЗД В ОГАЙО. ДО ГРАНИЦЫ ШТАТА 15 МИЛЬ» — сообщал указатель.

— Нам надо поймать попутку.

— Попутку? — В голосе Волка слышалось сомнение.

— Дай я взгляну на тебя.

Он подумал, что Волк выглядит нормально, во всяком случае, в густых сумерках. Комбинезон с нагрудником остался, только теперь на нем появился ярлык «ОШКОШ». Сшитая матерью Волка рубашка превратилась в рубашку из синего шамбре фабричного производства и выглядела купленной в армейском магазине. На огромных босых ногах появились кожаные мокасины, с которых капала вода, и белые носки.

Самым странным предметом нового наряда Волка стали круглые очки в стальной оправе, вроде тех, что носил Джон Леннон.

— Волк, ты плохо видел? В Долинах?

— Не знаю, — ответил Волк. — Наверное! Волк! Здесь я точно вижу лучше, с этими стеклянными глазами. Волк, прямо здесь и сейчас! — Он посмотрел на проезжающие по трассе автомобили, и Джек увидел их глазами Волка: огромные стальные чудовища с большущими желто-

белыми глазами, с ревом несущиеся сквозь ночь на невероятной скорости в шуршании резиновых колес по асфальту. — Я вижу лучше, чем хочу, — печально добавил Волк.

3

Двумя днями позже они — уставшие, с ноющими ногами — прохромали мимо указателя «МУНИЦИПАЛЬНАЯ ГРАНИЦА ГОРОДА» на одной стороне шоссе 32 и кафе «С 10 до 4» на другой, оказавшись, таким образом, в городе Манси, штат Индиана. Температура у Джека поднялась до ста двух градусов*, и он постоянно кашлял. Лицо Волка распухло и побледнело. Он выглядел как боксер, потерпевший сокрушительное поражение. Днем раньше Волк полез за поздними яблоками на дерево, росшее в тени у заброшенного придорожного амбара. Забрался, начал собирать в нагрудный карман сморщившиеся осенние яблоки, когда на него напали осы, чье гнездо находилось под свесом старого строения. Завывая, Волк кубарем слетел на землю, над его головой вилось коричневое облако. И все же, с одним полностью заплывшим глазом и носом, напоминающим большую лиловую репу, он настоял, чтобы Джек съел лучшие из яблок. Они все выглядели не очень — маленькие, кислые, червивые, — и Джеку совершенно не хотелось их есть, но после того, что пришлось пережить Волку, отказать он не смог.

Большой старый «камаро» с усиленными задними рессорами (передний бампер почти утыкался в асфальт), сигналя, проехал мимо.

— *Эй-й-й, говнюки!* — Крик сменился взрывом пьяного хохота. Волк взвыл и приник к Джеку. Тот думал, что Волк со временем сможет перебороть свой страх перед автомобилями, но теперь у него появились сомнения.

* 38,9 °С.

— Все нормально, Волк, — устало успокоил он своего друга, в двадцатый или тридцатый раз за день освобождаясь от обхвативших его рук. — Они уехали.

— Так *громко*! — простонал Волк. — Волк! Волк! Так *громко*, Джек, мои уши, мои *уши*!

— Прямоточный глушитель, — пояснил Джек, утомленно подумав: *Тебе понравятся калифорнийские автострады, Волк. Мы туда попадем, если продолжим наше совместное путешествие, будь уверен. А потом заглянем на автомобильные гонки. Или на мотоциклетные. Ты придешь в восторг.* — Некоторым нравится этот звук, знаешь ли. Они... — Приступ кашля согнул его пополам. Мир поплыл в серые тени. Потом вернулся, медленно, очень медленно.

— *Нравится*, — пробормотал Волк. — Как такое может *нравиться*, Джек? И запахи...

Джек знал, что для Волка запахи — самое страшное. Они не пробыли здесь и четырех часов, как Волк начал называть Америку Страной плохих запахов. В первую ночь Волка рвало пять или шесть раз, сначала мутной речной водой из другой реальности, потом желчью. Это все запахи, страдальчески объяснял он. Он не знал, как Джек может их выносить, как все могут их выносить.

Джек понимал: вернувшись из Долин, ты окунаешься в запахи, которых не замечаешь, живя здесь. Дизельное топливо, выхлопные газы бензиновых двигателей, промышленные отходы, мусор, отравленная вода, химикалии. Потом ты снова к ним привыкаешь. Привыкаешь или перестаешь их ощущать. Только с Волком такого не происходило. Он ненавидел автомобили, ненавидел запахи, ненавидел этот мир. Джек не думал, что Волк когда-либо к нему привыкнет. Понимал: если ему не удастся в самом скором времени вернуть Волка в Долины, тот скорее всего рехнется. *И вероятно, в процессе сведет с ума меня*, подумал Джек. *Не так много для этого и надо.*

Грузовичок с дощатым кузовом, заполненным клетками с курами, протарахтел мимо, за ним следовал длинный хвост нетерпеливых легковушек, некоторые водители жали на клаксон. Волк буквально прыгнул в объятия Джека. Того, ослабленного болезнью, отбросило в заваленный мусором заросший кювет, где он приземлился на пятую точку, да так, что щелкнули зубы.

— Извини, Джек. — Голос Волка был совершенно несчастным. — Бог поколотит меня.

— Не твоя вина, — ответил Джек. — Устал. Пора отдохнуть.

Волк сел рядом с Джеком, молча, озабоченно глядя на него. Он знал, какие создает сложности для Джека, знал, что Джеку не терпится продвигаться на запад быстрее, чтобы оторваться от Моргана, но в основном — по какой-то другой причине. Он знал, что во сне Джек звал маму и иногда плакал. Но, бодрствуя, Джек заплакал только один раз, после того как Волк потерял самообладание на выезде из Арканума. Это случилось, когда он понял, что Джек подразумевал под попуткой. Когда он сказал Джеку, что не сможет ехать на попутке — по меньшей мере сейчас, а может, и никогда. После этого Джек сел на верхний рельс ограждения и заплакал, закрыв лицо руками. Потом перестал плакать... отнял руки от лица и посмотрел на Волка так, словно хотел сказать, что оставит его в этой жуткой Стране плохих запахов... а без Джека Волк очень скоро сошел бы с ума.

4

Они дошли до выезда из Арканума по резервной полосе, Волк сжимался в комок и обнимал Джека всякий раз, когда в сгущающихся сумерках мимо проезжала легковушка или трейлер. Однажды Джек услышал насмешливый голос, донесенный вихрем, поднятым проехавшим

автомобилем: «Где же ваша тачка, пидоры?» Он стряхнул с себя эти слова, как собака стряхивает попавшую в глаза воду, и просто продолжал идти, взяв Волка за руку и потянув за собой, когда почувствовал, что Волк сейчас рванет в лес. Джек понимал, как важно поскорее уйти с автострады, где запрещалось ловить попутки, и добраться до выезда из Арканума на западные полосы движения. В некоторых штатах законодательно разрешалось ловить попутку на выезде (так, во всяком случае, сказал Джеку бродяга, с которым они ночевали в одном сарае), но даже в тех штатах, где поднятая рука с оттопыренным вверх пальцем считалась преступлением, копы не обращали на тебя внимания, если ты стоял на выезде.

Поэтому первым делом предстояло добраться до выезда, надеясь, что по пути их не перехватит дорожный патруль. Джеку не хотелось и думать о том, как воспримут Волка копы. Наверное, решат, что это перенесенный в восьмидесятые Чарлз Мэнсон в очках Леннона.

Они добрались до выезда, подошли к уходившей на запад полосе. Десять минут спустя рядом остановился видавший виды старенький «крайслер». Водитель, плотный мужчина в бейсболке с надписью «СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕХНИКА "КЕЙС"», наклонился и открыл дверцу:

— Запрыгивайте, парни. Отвратительный вечер, правда?

— Спасибо, мистер, это точно, — весело ответил Джек. Голова его лихорадочно работала, пытаясь вплести Волка в Историю, так что выражения лица Волка он не замечал.

А вот мужчина заметил.

И его лицо закаменело.

— Унюхал что-то плохое, сынок?

Джека вернули в реальность резкие нотки в голосе водителя. Добродушие исчезло, и создавалось ощущение, что он только-только покинул «Бар Апдайка в Оутли», выпив виски и закусив пивом.

Джек тут же повернулся к Волку.

Ноздри Волка раздувались, совсем как у медведя, который почувствовал близкий запах скунса. Губы не просто оттянулись от зубов, они сложились складками, и верхняя напоминала череду холмов и лощин.

— Он что, умственно отсталый? — тихим голосом спросил Джека мужчина в бейсболке «СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕХНИКА "КЕЙС"».

— Нет... э-э-э... он просто...

Волк зарычал.

Это решило дело.

— Господи. — Мужчина, похоже, не верил своим глазам. Он нажал педаль газа, и автомобиль рванул с места, дверца захлопнулась на ходу. Задние фонари сверкнули в дождливом сумраке, их отражения красными стрелами прочертили асфальт.

— Это здорово. — Джек развернулся к Волку, который отпрянул от его злости. — Просто здорово! Если у этого парня есть радиопередатчик, он уже на девятнадцатом канале, вызывает копов, сообщает им, что парочка психов ловит попутку на выезде из Арканума! Джейсон! Или Иисус! Или кто там еще, мне без разницы! Ты хочешь увидеть, как заколачивают эти чертовы гвозди, Волк? Сделай такое еще несколько раз, и ты почувствуешь, как их заколачивают! *В нас!* Их заколотят в нас!

Уставший донельзя, плохо соображающий, раздраженный, едва держащийся на ногах, Джек надвигался на сжавшегося в комок Волка, который мог — если бы захотел — одним крепким ударом оторвать ему голову, но только пятился.

— Не кричи, Джек, — взмолился он. — Запахи... быть там... взаперти с этими запахами...

— Я не заметил никаких запахов! — крикнул Джек. Голос сел, воспаленное горло саднило еще сильнее, но он не мог остановиться: или кричать, или сойти с ума. Мокрые

волосы упали на глаза. Он отбросил их и шлепнул Волка по плечу — сильно, рука тут же отозвалась болью. Словно ударил камень. Волк жалобно взвыл, и Джек разозлился еще сильнее. Добавило злости и то, что он солгал. В этот раз он пробыл в Долинах менее шести часов, но в автомобиле этого мужчины воняло, как в клетке дикого зверя. Давно выпитым кофе, свежим пивом (вскрытая банка «Штроха» стояла у водителя между ног), а освежитель воздуха, висевший на зеркале заднего вида, пах сухой сладковатой пудрой со щеки трупа. И Джек уловил еще какой-то запах, более темный, более гадкий...

— *Никаких!* — прохрипел он. Шлепнул Волка по другому плечу. Волк снова взвыл и развернулся, сгорбился, как ребенок, которого ударил сердитый отец. Джек заколотил его по спине, выбивая брызги из комбинезона. Всякий раз, когда рука шлепала по телу Волка, тот подвывал. — Так что тебе лучше к этому привыкнуть (*Шлеп!*), потому что в следующем автомобиле, который здесь остановится, может сидеть коп (*Шлеп!*), или это будет мистер Морган Слоут в его блевотно-зеленом «БМВ» (*Шлеп!*), и если ты так и будешь большим младенцем, мы окажемся в большом гребаном мире страданий! (*Шлеп!*) Ты это понимаешь?

Волк молчал. Стоял, согнувшись, спиной к Джеку, дрожа всем телом. Плакал. Джек почувствовал, как к горлу поднялся комок, почувствовал, как защипало вдруг ставшие горячими глаза. И от этого ярость его разгорелась еще сильнее. Какая-то ужасная часть его сознания больше всего хотела, чтобы он поколотил самого себя, и знала, что самый чудесный способ это проделать — колотить Волка.

— *Повернись ко мне!*

Волк повернулся. Слезы текли из мутно-карих глаз за круглыми очками. Под носом висели сопли.

— *Ты меня понимаешь?*

— Да, — простонал Волк. — Да, я понимаю, но я не мог ехать с ним, Джек.

— Почему? — Джек сердито смотрел на него, прижимая кулаки к бокам. И как же у него болела голова!

— Потому что он умирал, — тихо ответил Волк.

Джек вытаращился на Волка, злость быстро уходила.

— Джек, ты не знал? — мягко спросил Волк. — Волк! Ты этого не учуял?

— Нет, — едва слышно выдохнул Джек. Но он *что-то* учуял, ведь так? Что-то такое, чего не улавливал раньше. Смесь...

Тут до него дошло, и силы разом его покинули. Он тяжело опустился на отбойник, глядя на Волка.

Говно и гниющий виноград. Вот что он учуял. Не совсем, но близко к тому.

Говно и гниющий виноград.

— Это самый худший запах, — пробормотал Волк. — Он появляется, когда люди забывают, как быть здоровыми. Мы называем это... Волк!.. Черной болезнью. Я не думаю, что он знал об этом. И... эти чужаки не могут ее унюхать, верно, Джек?

— Не могут, — прошептал Джек. Если бы он внезапно перенесся в Нью-Хэмпшир, в спальню матери в «Альгамбре», то унюхал бы этот отвратительный запах?

Да. От матери шел этот запах, струился изо всех пор, запах говна и гниющего винограда, черной болезни.

— Мы называем ее рак, — прошептал он. *Мы называем ее рак, и у моей матери эта болезнь.*

— Я не знаю, смогу ли ехать на попутке или нет. Я попробую, если ты хочешь, Джек, но запахи... внутри... снаружи тоже плохо — *Волк!* — но внутри...

Именно тогда Джек закрыл лицо руками и заплакал, от отчаяния, но главным образом от усталости. И да, Волк правильно понял выражение его лица: на мгновение искушение оставить Волка перестало быть просто искуше-

нием, превратилось в единственно возможный выход. Шансы добраться до Калифорнии и найти Талисман — чем бы он ни был — с самого начала были невелики, но теперь упали почти до нуля. Волк не просто замедлял его продвижение к цели. Из-за Волка они рано или поздно угодили бы в тюрьму. Скорее рано. И как он объяснит появление Волка Рациональному Ричарду Слоуту?

Так что в тот момент на лице Джека Волк увидел холодную расчетливость, от которой у него подкосились колени. Он упал на них и протянул к Джеку сцепленные руки, как влюбленный в плохой викторианской мелодраме.

— Не уходи и не оставляй меня здесь, Джек, — заплакал Волк. — Не оставляй доброго Волка, не оставляй меня здесь, ты перенес меня сюда, пожалуйста, пожалуйста, не оставляй меня здесь...

И все — связной речи Волк лишился. Возможно, он пытался что-то сказать, но мог только рыдать. Джек почувствовал, как на него навалилась безмерная слабость — не просто навалилась, хорошо села, как привычная куртка. *Не оставляй меня здесь, ты перенес меня сюда...*

Вот так. Теперь он в ответе за Волка, верно? Да. Естественно, да. Он схватил Волка за руку и перетащил из Долин в Огайо, и ноющее плечо — тому доказательство. Разумеется, выбора у него не было. Волк тонул, а если бы не утонул, Морган изжарил бы его этой хреновиной, которая метала молнии. И если бы он мог повернуть время вспять, то спросил бы: «Что бы ты предпочел, Волк, старина? Попасть сюда и бояться или остаться там и умереть?»

Да, конечно, спросить он мог, но только Волк ему бы не ответил, потому что туго соображал. И дядя Томми обожал цитировать китайскую поговорку: «Если ты спас человеку жизнь, ответственность за него лежит на тебе до конца жизни».

Купание в реке, побег — это не имело значения. Ответственность за Волка лежала на нем.

— Не оставляй меня, Джек, — рыдал Волк. — Волк-Волк! Пожалуйста, не оставляй старого доброго Волка, я тебе помогу, я буду охранять тебя всю ночь, я много чего умею, только не... не...

— Перестань голосить и поднимайся. — Голос Джека звучал ровно и спокойно. — Я тебя не оставлю. Но мы должны убраться отсюда, на случай если этот тип вызвал копов. Пошли.

5

— Ты придумал, что нам теперь делать, Джек? — робко спросил Волк. Они больше получаса просидели в заросшем кустами кювете, сразу за административной границей Манси, и когда Джек повернулся к Волку, тот с облегчением увидел его улыбку. Вымученную улыбку, и Волку не нравились темные мешки усталости под глазами Джека (еще меньше ему нравился запах Джека — больной запах), но все-таки улыбку.

— Думаю, я знаю, что нам сейчас надо сделать, — ответил Джек. — Я думал об этом несколько дней назад, когда купил новые кеды.

Он поднял ноги. Оба посмотрели на кеды в скорбном молчании. Ободранные, потрепанные, грязные. Левый просил каши. Джек относил их... он наморщил лоб, вспоминая. Температура мешала думать. Три дня. Только тремя днями раньше он купил их на распродаже в магазине «Файва». Теперь они выглядели старыми. Старыми.

— В любом случае... — Джек вздохнул, потом улыбнулся. — Видишь то здание, Волк?

Угловатое здание из серого кирпича островом возвышалось посреди огромной автомобильной стоянки. Волк знал, чем будет пахнуть асфальт на этой стоянке: мертвыми, разлагающимися животными. Он будет задыхаться от этого запаха, а Джек едва его заметит.

— К твоему сведению, на указателе написано «Таунлайн-сиксплекс», — пояснил Джек. — Звучит как кофейник, но на самом деле это кино с шестью залами. Так что найдется хоть один фильм, который нам понравится. — *И днем народу там будет немного, а это хорошо, потому что у тебя, Волк, есть раздражающая привычка слетать с катушек.* — Пошли. — И он тяжело поднялся.

— Что такое кино, Джек? — спросил Волк. Он знал, что превратился в жуткую проблему для Джека — настолько жуткую, что теперь, каким бы ни был повод, старался даже не выражать беспокойство, не говоря уже о том, чтобы протестовать. Но ему в голову пришла пугающая мысль: вдруг «пойти в кино» и «поймать попутку» — одно и то же? Джек называл ревущие телеги и кареты «машинами», и «шеви», и «джертранами», и «универсалами» (последние, думал Волк, выглядели как кареты в Долинах, которые перевозили пассажиров от одной станции к другой). Может, «кино» — еще одно название этих ревущих зловонных карет? Очень даже вероятно.

— Знаешь, лучше показать, чем объяснять, — ответил Джек. — Думаю, тебе понравится. Пошли.

Вылезая из кювета, Джек споткнулся и упал на колени.

— Джек, ты в порядке? — озабоченно спросил Волк.

Джек кивнул. Они направились к автомобильной стоянке, которая в полном соответствии с предположением Волка ужасно воняла.

6

Джек «прошел» добрую часть тридцати пяти миль между Арканумом, штат Огайо, и Манси, штат Индиана, на широкой спине Волка. Волк боялся легковушек, трейлеры ужасали его, едва ли не все запахи вызывали тошноту, при внезапных громких шумах он мог взвыть и убежать. Но при этом он почти не уставал. *Если судить по тому, как все*

идет, «почти» можно вычеркнуть, думал теперь Джек. *Полагаю, он не знает усталости.*

Джек как мог быстро увел их от арканумского выезда, заставляя мокрые уставшие ноги почти бежать. Голова гудела от боли, словно в черепе бился влажный гибкий кулак, по телу прокатывались волны жара и холода. Волк легко шагал слева от него, широким шагом, без труда поспевая за Джеком. Джек понимал, что насчет копов, возможно, преувеличил, но мужчина в бейсболке «СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕХНИКА "КЕЙС"» выглядел очень уж напуганным. И разозленным.

Они не прошли и четверти мили, когда поселившаяся в боку жаркая, колющая боль заставила его спросить Волка, не сможет ли тот понести его на закорках.

— Что? — переспросил Волк.

— Ну, знаешь. — И Джек показал, чего хочет.

Широкая улыбка расплылась по лицу Волка. Наконец он что-то понял. Наконец мог что-то *сделать*.

— Ты хочешь поехать на мне верхом! — радостно воскликнул он.

— Да, пожалуй...

— Да! Волк! Здесь и сейчас! Возил своих маленьких «братьев-по-помету»! Запрыгивай, Джек! — Волк наклонился, согнул руки.

— Когда я стану слишком тяжелым, просто опусти меня на...

Прежде чем он успел закончить, Волк подхватил его и побежал в темноте по дороге — действительно побежал. Холодный влажный воздух сдувал волосы с горячего лба Джека.

— Волк, ты выдохнешься, — крикнул Джек.

— Не я! Волк! Волк! Бежать здесь и сейчас! — Впервые после прыжка в голосе Волка слышалась радость. Следующие два часа он бежал вдоль пустынной, темной двухполосной асфальтовой дороги, пока Арканум не остался да-

леко на востоке. Потом Джек увидел брошенный амбар, притулившийся у заросшего сорняками поля, и в нем они переночевали.

Волку хотелось держаться подальше от городов, где автомобили катили ревущим потоком, а вонь облаком поднималась к небесам. И Джеку хотелось держаться подальше от городов, потому что Волк слишком выделялся. Но ему пришлось сделать одну остановку, едва они пересекли границу Индианы, неподалеку от Харрисвилла, чтобы зайти в придорожный магазин. Пока Волк нервно ждал у дороги, приседая на корточки, роясь в земле, поднимаясь, очерчивая шагами небольшой круг и снова усаживаясь на корточки, Джек купил газету и внимательно просмотрел раздел погоды. Следующее полнолуние приходилось на тридцать первое октября — Хэллоуин, понятное дело. Джек вернулся на первую страницу, чтобы понять, какой сегодня день... точнее, был вчера. Двадцать шестое октября.

7

Джек толкнул одну из стеклянных дверей и вместе с Волком вошел в фойе «Таун-лайн-сиксплекса». Бросил взгляд на Волка, но тот держался — во всяком случае, пока — вполне пристойно и выглядел, можно сказать, любопытно-оптимистичным... по крайней мере на тот момент. В здании ему не нравилось, но он находил, что здесь лучше, чем в автомобиле. И пахло хорошо, чем-то легким и вкусным. Хотя пробивался и какой-то другой запах, горький, с тухлинкой. Волк повернул голову влево и увидел стеклянный ящик, полный чего-то белого. Оттуда и шел хороший легкий запах.

— Джек, — прошептал он.

— Да?

— Я хочу вон того белого. Но без пи-пи.

— Пи-пи? О чем ты?

Волк поискал более правильное слово и нашел.

— Без мочи. — Он показал на емкость, на которой загоралась и гасла надпись «ВКУС СЛИВОЧНОГО МАСЛА». — Это же какая-то моча, да? Судя по запаху.

Джек устало улыбнулся.

— Поп-корн без заменителя масла, хорошо, — кивнул он. — А теперь помолчи, ладно?

— Конечно, Джек, — робко отозвался Волк. — Здесь и сейчас.

Девушка, продававшая билеты, жевала большущий комок виноградной жвачки. Перестала жевать. Посмотрела на Джека. Потом на его высокого сутулящегося спутника. Жвачка, прилипшая к языку, напоминала большую лиловую опухоль. Кассирша повернулась к продавцу попкорна и закатила глаза.

— Два билета, пожалуйста. — Джек достал скатанные трубкой деньги, грязные, заработанные тяжелым трудом однодолларовые купюры, за исключением сиротливой пятерки, запрятанной посередине.

— Какой фильм? — Ее глаза двигались слева направо, справа налево, с Джека на Волка, с Волка на Джека, как будто она смотрела теннисный матч.

— А что скоро начнется? — спросил Джек.

— Ну... — Девушка заглянула в лежавший перед ней листок, приклеенный скотчем. — «Летающий дракон» в четвертом зале. Кун-фу с Чаком Норрисом. — Слева направо, справа налево, слева направо. — В шестом зале — двойной показ. Мультфильмы Ральфа Бакши. «Волшебники» и «Властелин Колец».

Джек почувствовал облегчение. Ведь Волк — большой ребенок-переросток, а дети любят мультики. Так что все могло получиться. Волк найдет в Стране плохих запахов хоть что-то веселое, а Джек сможет поспать три часа.

— Это нам подходит, — сказал он кассирше. — Мультфильмы.

— С вас четыре доллара, — ответила она. — Дневные скидки до двух часов дня. — Нажала кнопку, и два билета выскочили из щели с механическим скрежетом. Волк, вскрикнув, отпрянул.

Девушка взглянула на него, приподняв брови.

— Вы нервный, мистер?

— Нет, я Волк. — Он улыбнулся, продемонстрировав слишком много зубов. Джек мог поклясться, что двумя днями раньше зубов было меньше. Девушка посмотрела на них. Облизнула губы.

— Все хорошо. Просто он... — Джек пожал плечами. — Слишком много времени проводит на ферме. Вы понимаете. — Он протянул сиротку-пятерку. Кассирша взяла ее с таким видом, будто жалела, что у нее нет щипцов.

— Пошли, Волк.

Когда они направились к киоску со сладостями — Джек засовывал доллар в карман грязных джинсов, — кассирша губами послала сообщение продавцу: «Посмотри на его нос!»

Джек посмотрел на Волка и увидел, что его ноздри ритмично раздуваются и сжимаются.

— Прекрати, — пробормотал он.

— Прекратить что, Джек?

— То, что ты делаешь носом.

— Ох. Я попытаюсь, Джек, но...

— Ш-ш-ш.

— Хочешь что-нибудь взять, сынок? — спросил продавец.

— Да, пожалуйста. «Джуниор минтс», «Ризес писэс» и большую порцию поп-корна без масла.

Продавец поставил заказ на прилавок и пододвинул к ним. Волк схватил ведерко обеими руками и тут же захрустел поп-корном, набив полный рот.

Продавец молча смотрел на него.

— Слишком много времени проводит на ферме, — повторил Джек. Он уже задавался вопросом, достаточно ли

увидели эти двое, чтобы вызвать полицию. Подумал — и не впервые — об иронии происходящего. В Нью-Йорке или Лос-Анджелесе никто не обратил бы на Волка внимания, не глянул бы на него во второй раз, а тем более — в третий. Вероятно, уровень терпимости к странностям в глубинке был куда ниже. Но разумеется, попади они в Нью-Йорк или Лос-Анджелес, Волк уже давно слетел бы с катушек.

— Это точно, — кивнул продавец. — С тебя два восемьдесят.

Джек заплатил, внутренне скривившись, осознав, что за три часа кино ему пришлось выложить четверть всего денежного запаса.

Волк улыбался продавцу с полным ртом поп-корна. Джек видел, что для Волка это дружелюбная улыбка номер один, но почему-то сомневался, что продавец тоже ее так воспринимает. Слишком уж она получалась зубастой, в сотню зубов.

И ноздри Волка опять раздувались.

Да пошли они, пусть зовут копов, если хочется, подумал Джек с обреченностью, скорее взрослой, чем детской. *Сильнее это нас уже не затормозит. Он не может ехать на новых автомобилях, потому что не выносит запаха нейтрализаторов, и не может ехать на старых, потому что они воняют выхлопными газами, и потом, и машинным маслом, и пивом. Да он, наверное, не сможет ехать ни на чем, потому что чертовски подвержен клаустрофобии. Признайся, Джеки, хотя бы самому себе. Ты твердишь, что он скоро привыкнет, но этого, вероятно, не случится никогда. И что мы собираемся делать? Пересекать Индиану на своих двоих, что же еще. Поправка. Волк собирается пересекать Индиану на своих двоих. А я собираюсь пересекать Индиану на спине Волка. Но сначала я собираюсь отвести Волка в этот чертов кинозал и поспать, пока не закончатся оба фильма или пока не появятся копы. Конец истории, сэр.*

— Что ж, приятного просмотра, — напутствовал их продавец.

— Спасибо, — ответил Джек. Повернулся и вдруг понял, что Волка рядом нет. Волк смотрел на что-то за головой продавца, и в его застывших глазах читался почти религиозный восторг. Джек вскинул голову и увидел вращающуюся в потоках воздуха рекламу фильма Стивена Спилберга «Близкие контакты третьей степени». — Пошли, Волк.

8

Волк понял, что ничего не выйдет, как только они переступили порог.

Маленькая, темная, сырая комната. Ужасные запахи. Поэт, обладай он обонянием Волка, сказал бы, что это зловоние горьких грез. Волк поэтом не был. Он только знал, что преобладает запах поп-корна с мочой, и его едва не вырвало.

И без того тусклые огни начали гаснуть, превращая комнату в пещеру.

— Джек, — простонал Волк, вцепившись в руку Джека. — Джек, мы должны выбраться отсюда, понимаешь?

— Тебе понравится, Волк, — пробормотал Джек, понимая тревогу Волка, пусть и не в полной мере. Волка всегда что-то тревожило. В этом мире тревога и Волк стали синонимами. — Попробуй.

— Ладно, — ответил Волк, и Джек услышал не только согласие — Волк изо всех сил пытался держать себя в руках. Они сели, Волк — у прохода, в неудобной позе, высоко подняв колени, прижимая к груди ведерко с попкорном, есть который ему уже совершенно не хотелось.

Перед ними кто-то чиркнул спичкой, вспыхнул желтый огонек. Джек унюхал сухой запах травки, такой знакомый по кинотеатрам Калифорнии, что его тут же перестаешь замечать. Волк учуял лесной пожар.

— Джек!..

— Ш-ш-ш, фильм начинается.

И я уже задремал.

Джек так и не узнал, какой героизм проявил Волк в следующие несколько минут. Волк и сам этого не знал. Он только знал, что старается выдержать этот кошмар ради Джека. *Все нормально*, думал Волк. *Смотри, Волк, Джек собирается поспать, собирается поспать прямо здесь и сейчас. И ты знаешь, Джек никогда бы не привел тебя в опасное место, так что просто сиди... просто жди... Волк!.. все будет хорошо...*

Но Волк жил циклами, и его цикл приближался к месячному пику. Острота инстинктов достигла максимума, противостоять им он не мог. Рациональный разум говорил, что здесь с ним ничего не случится, иначе Джек не привел бы его сюда. Но с тем же успехом человек, у которого свербит в носу, говорит себе, что нельзя чихать в церкви, потому что это неприлично.

Он сидел в этой сумрачной зловонной пещере, вдыхая запах лесного пожара, дергаясь всякий раз, когда тень скользила по проходу, покорно ожидая, что из темноты над головой на него что-то свалится. И когда в дальнем конце пещеры открылось магическое окно, он продолжал сидеть, купаясь в едкой вони собственного пота, широко раскрыв глаза, с перекошенным от ужаса лицом, и смотрел, как автомобили сталкиваются и переворачиваются, здания горят, а один мужчина преследует другого.

— Анонсы, — пробормотал Джек. — Я же говорил, тебе понравится.

Послышались голоса. Кто-то сказал: *Не курить*. Кто-то: *Не мусорить*. Кто-то: *Для групп скидки*. Кто-то: *Льготные цены до четырех часов дня*.

— Волк, нас нагрели, — пробормотал Джек. Начал говорить что-то еще, но вместо слов из горла вырвался храп.

Последний голос сказал: *Исейчасмыпредставляемвам*, — после чего Волк потерял контроль над собой. «Властелин Колец» Бакши озвучивался с использованием системы Dolby, и киномеханику велели на дневных сеансах врубать звук на полную, потому что на эти сеансы приходили наркоманы, а им громкость очень нравилась.

Раздались дикие грохот и скрежет, вновь открылось магическое окно, и теперь Волк увидел огонь — мельтешение оранжевого и красного.

Он взвыл и вскочил на ноги, потянув за собой успевшего задремать Джека.

— *Джек!* — крикнул он. — *Уходить! Надо уходить! Волк! Вижу огонь! Вижу огонь! Волк! Волк!*

— Сядь! — завопил кто-то.

— Заткнись, торчок! — гаркнул кто-то еще.

Открылась дверь в задней стене.

— Что тут происходит?

— Волк, заткнись! — прошипел Джек. — Ради Бога...

— *О-У-У-У-У-У-У-О-О-О-О-О-О-О-О-О-О!*

Волк завыл.

Какая-то женщина хорошо разглядела Волка в свете, падавшем через распахнутую дверь. Закричала и потащила маленького мальчика за руку. Буквально потащила: ребенок упал на колени, и женщина поволокла его по усыпанному поп-корном проходу. С ноги мальчика соскочила кроссовка.

— *О-У-У-У-У-У-О-О-О-О-О-О-О-О-О-О-О-О-О-У-У-У-У-У-О-О-О-О-О-У-У-У-У-У-О-О-О-О-О-О-О!*

Парень, куривший травку в трех рядах впереди, повернулся и с затуманенным интересом посмотрел на них. Один косяк дымился у него в руке, второй торчал за ухом.

— Ну... ни хрена себе, — вырвалось у него. — Гребаные лондонские оборотни снова атакуют, да?

— Ладно, — забормотал Джек. — Ладно, мы уходим. Никаких проблем. Просто... просто больше не делай этого, хорошо? Хорошо?

И он повел Волка к выходу. Вновь навалилась усталость.

В фойе свет больно ударил по глазам множеством иголок. Женщина, которая утащила мальчика из зала, попятилась в угол, обнимая ребенка. Когда увидела, что Джек вывел Волка из двустворчатых дверей шестого зала, подняла мальчика на руки и метнулась к выходу из кинотеатра.

Продавец, кассирша, киномеханик и высокий мужчина в спортивной куртке, напоминавший гоночного зазывалу, сбились в плотную кучку. Джек предположил, что мужчина в клетчатой куртке и белых туфлях — управляющий.

Приоткрылись двери других залов. Из них выглядывали люди, чтобы посмотреть, с чего такой шум. Джеку они казались барсуками, высунувшимися из своих нор.

— Убирайтесь! — крикнул мужчина в клетчатой куртке. — Убирайтесь, я уже вызвал полицию, они подъедут через пять минут.

Врешь, никого ты не вызвал, подумал Джек, ухватившись за соломинку надежды. *Не успел вызвать. И если мы немедленно уберемся отсюда, возможно — только возможно, — и не будешь вызывать.*

— Мы уходим, — ответил Джек. — Извините. Просто... мой старший брат — эпилептик, и у него случился припадок. Мы... мы забыли взять с собой его лекарство.

Слова «эпилептик» хватило, чтобы продавец и кассирша подались назад. Словно Джек сказал «прокаженный».

— Пошли, Волк.

Он увидел, как управляющий посмотрел куда-то вниз, увидел, как пренебрежительно изогнулись его губы. Проследил за его взглядом и заметил расплывающееся темное пятно на комбинезоне Волка. Тот обмочился.

И Волк это увидел. Многое в мире Джека было ему чуждо, но, вероятно, он понимал, как выглядит презре-

ние. И разразился громкими, всхлипывающими, рвущими сердце рыданиями.

— *Джек, я сожалею, Волк очень сожалеет!*

— Уведи его отсюда, — пренебрежительно бросил управляющий и отвернулся.

Джек обнял Волка и повел к выходу.

— Пошли, Волк, — говорил он спокойно, с искренней нежностью. Никогда еще он так остро не переживал за Волка. — Пошли, это моя вина — не твоя. Пошли.

— Извини. — Волк все рыдал. — Я плохой, Бог меня поколотит, я плохой.

— Ты хороший, — возразил Джек. — Пошли.

Он открыл дверь, и они вышли во все еще теплый октябрьский день.

Женщина с ребенком находилась в добрых двадцати ярдах от них, но, увидев Джека и Волка, попятилась к своему автомобилю, держа ребенка перед собой, как загнанный в угол гангстер — заложника.

— Не подпускай его ко мне! — закричала она. — Не подпускай этого монстра к моему ребенку! Ты меня слышишь?! *Не подпускай его ко мне!*

Джек подумал, что надо бы сказать ей что-нибудь успокаивающее, но нужных слов не нашел. Слишком устал.

Они двинулись прочь, под углом пересекая автомобильную стоянку. Когда преодолели половину пути до дороги, Джек покачнулся. Мир на короткое время заволокло серым.

Он смутно осознавал, что Волк подхватил его на руки и несет как ребенка. Смутно осознавал, что Волк плачет.

— Джек, я так сожалею, пожалуйста, не надо ненавидеть Волка, я могу быть хорошим добрым Волком, ты подожди, ты увидишь...

— Я тебя не ненавижу, — ответил Джек. — Я знаю, что ты... ты хороший добрый Волк...

Он заснул, не договорив. Когда проснулся, наступил вечер и Манси остался позади. Волк держался подальше от главных дорог, шагая по паутине местных проселков. Не обращая внимания на указатели и не путаясь на перекрестках, шагал строго на запад, ведомый инстинктом перелетной птицы.

Ночь они провели в пустующем доме к северу от Каммака, и утром Джеку показалось, что температура спала.

А ближе к полудню — полудню двадцать восьмого октября — он осознал, что на ладонях Волка вновь появились волосы.

Глава 19
ДЖЕК ПОД ЗАМКОМ

1

В ту ночь они заночевали в руинах сгоревшего дома. С одной стороны простиралось широкое поле, с другой высился лес. На дальней стороне поля стоял фермерский дом, но Джек полагал, что им здесь ничего не грозит, если они не будут шуметь и высовываться. После захода солнца Волк пошел в лес. Шагал медленно, наклонившись, почти касаясь лицом земли. Пока не скрылся из виду, напоминал Джеку близорукого человека, ищущего потерянные очки. Джек нервничал (буквально видел Волка, попавшего в капкан со стальными зубьями, Волка, пойманного и мрачного, но не воющего, отгрызающего себе ногу), но Волк вернулся и на этот раз шел, почти выпрямившись, неся в обеих руках какие-то растения. Их корни торчали из его кулаков.

— Что ты принес, Волк? — спросил Джек.

— Лекарство, — сухо ответил Волк. — Но не очень хорошее, Джек. *Волк!* В твоем мире хорошего *не много*!

— Лекарство? В каком смысле?

Но Волк больше ничего не сказал. Достал из нагрудного кармана две спички, разжег бездымный костер и спросил Джека, сможет ли тот найти банку. Джек нашел банку из-под пива в кювете. Волк понюхал ее и наморщил нос.

— Опять плохие запахи. Мне нужна вода, Джек. Чистая вода. Я схожу, если ты устал.

— Волк, я хочу знать, что ты задумал.

— Я схожу, — повторил Волк. — На той стороне поля — ферма. *Волк!* Там есть чистая вода. Ты отдыхай.

Джек представил себе, как жена фермера выглядывает из окна, готовя ужин, и видит Волка, идущего по двору с пивной банкой в одной мохнатой лапе и корешками и травами в другой.

— Я схожу.

Ферма находилась менее чем в пятистах футах от их лагеря. Теплые окна призывно желтели на другой стороне поля. Никем не замеченный, Джек наполнил банку из крана у амбара и двинулся обратно. На полпути осознал, что видит свою тень. Посмотрел на небо.

Луна, почти полная, поднялась над восточным горизонтом.

Встревоженный, Джек вернулся к Волку и отдал ему банку с водой. Волк понюхал, вновь поморщился, но ничего не сказал. Поставил банку на огонь и принялся просовывать кусочки собранных им растений в дырку в крышке. Минут через пять или чуть позже с паром начал подниматься ужасный запах — если по правде, настоящее зловоние. Джек внутренне сжался. Он не сомневался, что Волк захочет, чтобы он выпил этот отвар, как не сомневался и в том, что эта гадость его убьет, возможно, медленно и мучительно.

Он закрыл глаза и захрапел, громко и картинно. Если Волк увидит, что он спит, то, конечно, будить не станет.

Никто не будит больных людей, верно? А Джек болел. С темнотой температура вновь поднялась. Его бил озноб, и при этом он обильно потел.

Глядя сквозь ресницы, он увидел, как Волк снял банку с огня и поставил остужать. Сам сел и уставился в небо, обхватив руками колени, с мечтательным и, чего там, прекрасным лицом.

Он смотрит на луну, подумал Джек и ощутил страх.

Мы не подходим к стаду, когда меняемся. Добрый Джейсон, нет! Мы их сожрем!

Волк, скажи мне: теперь я — твое стадо?

Джека затрясло.

Пятью минутами позже — Джек к этому времени действительно почти заснул — Волк наклонился над банкой, понюхал. Кивнул, поднял ее и подошел к тому месту, где лежал Джек, привалившись к обугленной потолочной балке и подложив под голову запасную рубашку. Джек плотно закрыл глаза и вновь захрапел.

— Хватит, Джек! — радостно воскликнул Волк. — Я знаю, что ты не спишь. Волка не проведешь.

Джек открыл глаза и посмотрел на Волка с сонным негодованием.

— Откуда ты знаешь?

— У людей есть запах сна и запах бодрствования, — ответил Волк. — Даже чужаки должны это знать, верно?

— Нет, мы этого не знаем.

— В любом случае ты должен это выпить. Это лекарство. Выпей его, Джек, прямо здесь и сейчас.

— Я не хочу, — ответил Джек. Из банки тошнотворно тянуло болотом.

— Джек, от тебя идет запах болезни.

Джек молча смотрел на него.

— Да, — кивнул Волк. — И он становится хуже. Пока еще не совсем плохой, но — *Волк!* — станет таким, если ты не примешь лекарство.

— Волк, ты, конечно, можешь унюхать целебные травы и все такое в Долинах, но это Страна плохих запахов, помнишь? Ты, наверное, собрал крестовник-желтуху, и сумах, и вику, и...

— Это хорошие травы, — ответил Волк. — Просто не очень сильные, да поколотит их Бог. — На его лице отразилась тоска. — Здесь не все пахнет плохо. Есть и хорошие запахи. Но хорошие запахи — как лекарственные растения. Слабые. Я думаю, раньше они были сильнее.

Он вновь мечтательно посмотрел на луну, и Джек ощутил, как возвращается тревога.

— Я готов спорить, когда-то это было хорошее место, — продолжил Волк. — Чистое и полное энергии...

— Волк? — спросил Джек тихим голосом. — Волк, у тебя на ладонях вновь появилась шерсть.

Волк вздрогнул и повернулся к Джеку. Мгновение — возможно, сказалось воспаленное воображение Джека, но в любом случае это длилось не дольше мгновения — в глазах Волка откровенно читался голод. Потом он словно стряхнул с себя это наваждение, как дурной сон.

— Да. Но я не хочу говорить об этом и не хочу, чтобы ты говорил об этом. Это не имеет значения, пока не имеет. *Волк!* Просто выпей лекарство, Джек, это все, что ты должен сделать.

Джек видел, что отрицательный ответ Волка не устроит, и если он, Джек, не выпьет лекарство добровольно, Волк сочтет своим долгом разжать ему челюсти и вылить содержимое банки в глотку.

— Помни, если оно меня убьет, ты останешься один, — мрачно предупредил он, беря банку, все еще теплую.

На лице Волка отразился ужас. Он сдвинул круглые очки к переносице.

— Не хочу причинять тебе вреда, Джек... Волк никогда не захочет причинить тебе вреда. — На его лице читалось

такое страдание, что оно могло показаться нелепым, не будь совершенно искренним.

Джек сдался и выпил содержимое банки. Он ничего не мог противопоставить отчаянию Волка. Вкус, как он и ожидал, оказался отвратительным... *и разве мир не начал расплываться? Разве не начал расплываться, словно перед прыжком обратно в Долины?*

— *Волк!* — крикнул он. — *Волк, хватай меня за руку!*

Волк схватил, озабоченный и взволнованный.

— Джек? Джеки? Что такое?

Привкус лекарства уходил изо рта. И одновременно мягкое тепло — то самое тепло, которое возникало от глоточка бренди в тех редких случаях, когда мать разрешала выпить его, — начало растекаться по желудку. Мир снова обрел резкость. Это короткое расплывание могло быть плодом воображения Джека... но он так не думал.

Мы почти прыгнули. Еще мгновение, и это могло произойти. Может, я смогу это сделать и без волшебного сока... может, я смогу!

— Джек? Что такое?

— Мне уже лучше. — Джек выдавил из себя улыбку. — Я лучше себя чувствую, вот и все. — И он обнаружил, что так оно и есть.

— От тебя и пахнет лучше! — радостно воскликнул Волк. — *Волк! Волк!*

2

Джек шел на поправку, но на следующий день был еще очень слаб. Волк нес его на спине, и на запад они продвигались медленно. В сумерках начали искать место для ночлега. Джек заметил дровяной сарай в небольшом грязном овраге. Вокруг валялись мусор и лысые покрышки. Волк согласился без лишних слов. Весь день он держался тихо и выглядел мрачным.

Джек заснул сразу и проснулся около одиннадцати, потому что захотел отлить. Оглядевшись, увидел, что Волка нет рядом. Подумал, что тот ушел в лес, чтобы собрать травы для второй лекарственной дозы и закрепить эффект. Джек сморщил нос, но если бы Волк захотел, чтобы он выпил этот отвар, он бы выпил. Потому что после первой порции ему стало гораздо лучше.

Он отошел за угол сарая, высокий худощавый подросток в трусах, незашнурованных кедах и расстегнутой рубашке. Долго отливал, глядя на небо. Выдалась одна из тех странных ночей, какие случаются на Среднем Западе в октябре и даже в начале ноября, незадолго перед приходом зимы с ее жестокой железной хваткой. Было очень тепло, легкий ветерок ласкал кожу.

Над головой плыла луна, белая, и круглая, и прекрасная. Она заливала мир чистым, но странно-обманчивым светом, который, казалось, одновременно и выставлял все напоказ, и скрывал. Джек смотрел на луну, осознавая, что она его гипнотизирует, однако нисколько из-за этого не тревожась.

Мы не подходим к стаду, когда меняемся. Добрый Джейсон, нет!

Теперь я — твое стадо, Волк?

Джек увидел на луне лицо. Без удивления понял, что это лицо Волка... только не широкое, и открытое, и чуть удивленное, не простое и доброе. Нет, лицо было узкое и темное, темное от шерсти, но шерсть значения не имела. Лицо стало темным от намерений.

Мы не подходим к стаду, мы их сожрем, сожрем их, мы их сожрем, Джек, когда мы меняемся, мы...

Это лицо на луне, кьяроскуро на кости, было мордой рычащего зверя, склонившего голову набок перед тем, как броситься на него, разинув полную зубов пасть.

Мы едим мы убиваем мы убиваем убиваем УБИВАЕМ УБИВАЕМ

Палец коснулся плеча Джека и медленно спустился до талии.

Джек просто стоял, держа пенис в руке и глядя на луну. А тут из него вновь вылетела тугая струя мочи.

— Я испугал тебя, — раздался за его спиной голос Волка. — Сожалею, Джек. Бог поколотит меня.

Но в этот момент Джек не думал, что Волк о чем-то сожалеет.

По голосу чувствовалось, что Волк улыбается.

У Джека внезапно возникла уверенность, что его собираются съесть.

Дом из камней? — несвязно подумал он. *У меня нет даже дома из соломы, куда я могу убежать.*

Теперь, когда страх пришел, он пылал в крови жарче любой лихорадки.

Нам не страшен серый волк серый волк серый волк... действительно кто боится большого плохого волка кто...

— Джек?

Я я о Господи я боюсь большого плохого Волка...

— Джек?

Он медленно повернулся.

Лицо Волка, на котором, когда они подходили к сараю и устраивались на ночлег, едва проступала щетина, теперь покрывала густая борода, начинавшаяся от самых висков. И глаза горели красно-оранжевым огнем.

— Волк, ты в порядке? — просипел Джек. Громче говорить он не мог.

— Да, — ответил Волк. — Я бегал с луной. Это прекрасно. Я бегал... и бегал... и бегал. Но я в порядке, Джек. — Волк улыбнулся, показывая, в каком он порядке, продемонстрировав при этом полный рот гигантских острых зубов. Джек в тихом ужасе отпрянул. Он словно попал в кино и смотрел в пасть Чужого.

Волк поймал взгляд Джека, и на его загрубевшем лице промелькнуло огорчение. Но под огорчением — и не

слишком глубоко — таилось что-то еще. Что-то радостное, и улыбающееся, и скалящее зубы. Это что-то собиралось преследовать дичь, пока из ее носа от ужаса не брызнет кровь, пока она не примется стонать и молить о пощаде. Это что-то принялось бы хохотать, разрывая в клочья кричащую жертву.

Это что-то смеялось бы, даже если бы дичью был *он*, Джек.

Особенно если бы дичью был он.

— Джек, извини... — продолжил Волк. — Время... оно подходит. Мы должны что-то сделать. Мы... завтра. Мы должны... должны... — Он посмотрел вверх, на луну.

Поднял голову и завыл.

И Джеку послышался — очень тихий — ответный вой лунного волка.

Его охватил ужас, окутал с головы до пят. И до утра Джек уже не сомкнул глаз.

3

На следующий день Волку стало легче. Впрочем, лишь на самую малость, потому что его чуть не тошнило от напряжения. Когда он пытался объяснить Джеку, что надо делать — насколько мог, — высоко над их головами пролетел реактивный самолет. Волк вскочил, выбежал из сарая и завыл на него, потрясая вскинутыми к небу кулаками. Он вновь ходил босиком. Волосатые ноги увеличились и не влезали в дешевые мокасины.

Он пытался сказать, что делать, но мог основываться только на старых сказках и слухах. Он знал, как происходило изменение в его мире, но чувствовал, что здесь, в мире чужаков, все могло быть гораздо хуже — и сильнее, и опаснее. Он уже это чувствовал. Чувствовал силу, которая бурлила в нем, и точно знал, что сегодня, как только взойдет луна, сила эта выплеснется наружу.

Он снова и снова повторял, что не хочет причинить вреда Джеку, что скорее убьет себя, чем Джека.

4

Ближе всего к ним находился Дейлвилл, тихий маленький городок. Джек добрался туда вскоре после того, как часы на здании суда пробили полдень, и вошел в магазин скобяных товаров «Справедливая цена». Одну руку он держал в кармане, где лежали последние деньги.

— Чем-нибудь помочь, сынок?

— Да, сэр, — ответил Джек. — Я хочу купить навесной замок.

— Что ж, иди сюда, и давай поглядим. У нас есть йельские замки, и мосслеровские, и «Лок-тайты», так что выбирай. Какой тебе нужен замок?

— Большой, — ответил Джек, глядя на продавца потемневшими от тревоги глазами. Его лицо похудело, но по-прежнему светилось странной красотой.

— Большой, — задумчиво повторил продавец. — А позволь спросить, для чего он тебе нужен?

— Мой пес, — твердо ответил Джек. История. Они всегда хотели Историю. Эту он сочинил по пути от сарая, в котором они с Волком провели две ночи. — Он нужен для моего пса. Мне надо его запирать. Он кусается.

5

Замок, который он выбрал, стоил десять долларов, и примерно столько же теперь оставалось у Джека. У него защемило сердце от необходимости потратить так много... и он едва не взял более дешевый замок... но вспомнил, как выглядел Волк прошлой ночью, когда выл на луну, а его глаза сияли оранжевым огнем.

Он заплатил десять долларов.

На обратном пути Джек поднимал руку всякий раз, когда приближался автомобиль, но, разумеется, ни один не остановился. Может, из-за его диких глаз, из-за стоящего в них испуга. И он точно *чувствовал*, что глаза у него дикие и испуганные. Газета, в которую ему разрешил заглянуть продавец магазина скобяных товаров, обещала закат ровно в шесть вечера. О восходе луны не сообщалось, но Джек полагал, что она взойдет не позже семи. Час дня уже пробило, а он до сих пор понятия не имел, где запереть Волка на ночь.

Ты должен запереть меня, Джек, сказал ему Волк. *Надежно запереть. Потому что, вырвавшись, я разорву всех, кого смогу догнать и поймать. Даже тебя, Джек. Даже тебя. Поэтому ты должен запереть меня и держать под замком, что бы я ни делал и что бы ни говорил. Три дня, Джек. Пока луна не начнет уменьшаться. Три дня... может, четыре, если не будешь полностью уверен.*

Да, но где? Прежде всего подальше от людей, чтобы никто не услышал Волка, если — *когда*, с неохотой поправился Джек — тот начнет выть. И нужно что-нибудь более крепкое, чем сарай, в котором они ночевали. Если Джек повесит новый десятидолларовый замок на дверь этого сарая, Волк просто проломит стену.

Где?

Он не знал, но понимал, что на поиски остается лишь шесть часов... даже меньше.

Джек прибавил шагу.

6

Они проходили мимо нескольких пустых домов, а в одном даже провели ночь, и по пути из Дейлвилла Джек искал признаки пустующего жилья: окна без занавесок, табличку «ПРОДАЕТСЯ», некошеную траву на лужайке и ощущение пустоты, свойственное брошенным домам. Ко-

нечно же, он не надеялся запереть Волка в спальне какого-то фермера на три дня. Волк выломал бы дверь. Но в одном фермерском доме был земляной подвал, и вот это могло сработать.

Крепкая дубовая дверь в заросшем травой пригорке казалась сказочной, а за ней находилась комната без стен и потолка, подземная комната, пещера, из которой живое существо могло бы прорыть тоннель наружу только за месяц. Из этого подвала Волк бы не выбрался, а земляные стены и пол не позволили бы ему нанести себе серьезную травму.

Но пустой фермерский дом с земляным подвалом находился в тридцати или сорока милях к востоку. И они не успевали добраться туда за время, остававшееся до восхода луны. И захотел бы Волк пробежать сорок миль только для того, чтобы оказаться в одиночном заключении безо всякой еды, когда час Изменения практически пробил?

Допустим, прошло слишком много времени. Допустим, Волк так близко подошел к Изменению, что откажется садиться под замок. Допустим, его ненасытная, жадная оборотная сторона уже вылезла из глубин подсознания и принялась оглядывать этот странный новый мир, гадая, а где здесь прячется еда. Большой замок, грозивший разорвать швы кармана Джека, мог оказаться бесполезным.

Я могу развернуться, вдруг осознал Джек. *Могу вернуться в Дейлвилл и шагать дальше. Через день или два, в Лейпеле или Сисеро, проработаю несколько часов в магазине или на ферме, выручу немного денег или хотя бы украду обед, а потом за три-четыре дня доберусь до границы с Иллинойсом. В Иллинойсе будет проще*, думал Джек. Он не знал, как ему это удастся, но почему-то не сомневался, что по Иллинойсу путь до Спрингфилда и школы Тэйера займет день или два.

И еще: остановившись в четверти мили от сарая, Джек не мог найти ответ на вопрос: а как объяснить появление Волка Ричарду Слоуту? Своему давнему другу Ричарду, в его круглых очках, галстуке и туфлях из кордовской кожи. Ричарду Слоуту, рационалисту до мозга костей, очень умному и упертому. То, чего ты не можешь увидеть, вероятно, не существует. В детстве Ричарда никогда не интересовали сказки. На него не производили впечатления диснеевские фильмы о феях-крестных, которые превращали тыквы в кареты, о злобных королевах, обладательницах говорящих зеркал. Такие идеи казались слишком абсурдными, чтобы захватить воображение шестилетнего (или восьмилетнего, или десятилетнего) Ричарда в отличие, скажем, от фотографии электронного микроскопа. Ричард с энтузиазмом хватался за кубик Рубика, с которым мог разобраться за девяносто секунд, но вряд ли готов был принять идею существования шестнадцатилетнего оборотня ростом шесть футов пять дюймов.

Какое-то время Джек беспомощно крутился на дороге — он почти решил, что сможет оставить Волка и в одиночку отправиться к Ричарду и Талисману.

А если я — стадо? — молча спросил он себя. И вспомнил, как Волк бросился в воду вслед за бедными перепуганными животными, чтобы спасти их.

7

Сарай пустовал. Увидев распахнутую дверь, Джек понял, что Волк куда-то сбежал, но все равно пробрался по замусоренному оврагу, не в силах поверить своим глазам. Обычно днем Волк в одиночку не отходил от сарая и на десяток футов. Однако сегодня отошел.

— Я вернулся! — крикнул Джек. — Эй, Волк? Я купил замок.

Он знал, что говорит сам с собой, и взгляд, брошенный в сарай, это подтвердил. Его рюкзак лежал на маленькой деревянной скамье, рядом со стопкой дешевых журналов, датированных 1973 годом. Один угол деревянного сарая без окон занимала груда поленьев, будто кто-то нарубил дрова, а аккуратно сложить не удосужился. Больше внутри ничего не было. Джек отвернулся от распахнутой двери и беспомощно оглядел склоны оврага.

Лысые покрышки среди сорняков, пачка выцветших политических плакатов с еще читаемой фамилией «ЛУГАР», помятая сине-белая пластина с номерным знаком штата Коннектикут, пивные бутылки с выцветшими добела этикетками... никакого Волка. Джек поднял руки ко рту, сложил рупором:

— Эй, Волк! Я вернулся!

Он не ожидал услышать ответ — и не услышал. Волк ушел.

— Блин. — Джек упер руки в бедра. Его раздирали противоречивые эмоции: отчаяние, и облегчение, и озабоченность. Волк ушел, чтобы спасти Джеку жизнь — только этим и объяснялось его отсутствие. Когда Джек направился в Дейлвилл, Волк тоже покинул сарай. Убежал на своих неутомимых ногах и теперь находился за много миль отсюда, дожидаясь восхода луны. Сейчас Волк мог быть где угодно.

Осознание этого не уменьшило озабоченности Джека. Волк мог податься в лес, видневшийся за большим полем, которое с одной стороны ограничивал овраг, а в лесу хватало и зайцев, и мышей, и кто там еще мог жить: кроты, и барсуки, и все прочие персонажи «Ветра в ивах». Такой вариант выглядел идеально. Но Волк мог унюхать домашний скот, и вот тогда ему грозила реальная опасность. Он мог, внезапно осознал Джек, унюхать фермера и его семью. Или, того хуже, Волк мог

оказаться вблизи одного из лежавших к северу городков. Джек не знал этого наверняка, но предполагал, что трансформировавшийся Волк убьет не меньше полдесятка людей, прежде чем кому-нибудь удастся прикончить его.

— Черт, черт, черт, — пробормотал Джек и начал подниматься по дальнему склону оврага. Он не рассчитывал увидеть Волка — осознал, что, возможно, больше никогда его не увидит. А через несколько дней в газете какого-нибудь маленького городка прочтет описание жуткого побоища, устроенного огромным волком, который, вероятно, забрел на Главную улицу в поисках еды. И еще в статье будут фамилии. Такие же фамилии, как Хайдел, Тилке, Уайлд...

Сначала он посмотрел на дорогу, в надежде все-таки увидеть гигантскую фигуру Волка, удаляющуюся на восток, — тот вряд ли захочет встретить Джека, возвращающегося из Дейлвилла. Дорога пустовала, как и сарай.

Естественно.

Солнце, не уступавшее в точности наручным часам, опускалось все ниже. Джек повернулся к большому полю и лесу за ним. Ничего не двигалось, кроме верхушек стерни, качавшихся на холодном ветру.

«ОХОТА НА ВОЛКА-ЛЮДОЕДА ПРОДОЛЖАЕТСЯ» — будет гласить заголовок, который он прочитает через несколько дней.

А потом большой бурый валун на опушке сдвинулся, и Джек осознал, что валун этот — Волк. Он сидел на корточках и смотрел на Джека.

— Одни только хлопоты из-за тебя, сукин ты сын, — пробормотал Джек, испытывая облегчение, но зная, что в где-то душе радовался уходу Волка. Шагнул к нему.

Волк не сдвинулся с места, но поза его изменилась, стала более напряженной и динамичной. Так что следующий шаг потребовал от Джека большей храбрости.

Пройдя еще двадцать ярдов, он увидел, что Волк продолжает меняться. Волосы стали гуще, пышнее, слóвно их вымыли и высушили феном. Борода Волка теперь начиналась под глазами. Тело, хотя он и сидел на корточках, выглядело более широким и мощным. Его глаза, наполненные жидким огнем, сверкали хэллоуиновским оттенком оранжевого.

Джек заставил себя подойти ближе. Едва не остановился, когда ему показалось, что у Волка уже не руки, а лапы, но мгновением позже осознал, что кисти и пальцы полностью покрыты грубыми темными волосами. Волк продолжал смотреть на него сверкающими глазами. Джек сократил разделявшее их расстояние вдвое, вновь остановился. Впервые после встречи с Волком и его стадом в Долинах он не мог прочитать выражение лица своего друга. Может, Волк уже стал слишком чужим, а может, причиной тому были волосы, теперь покрывавшие почти все лицо Волка. Но Джек не сомневался, что Волк захвачен каким-то сильным чувством.

В дюжине футов он остановился окончательно и заставил себя взглянуть в глаза оборотня.

— *Теперь скоро, Джеки.* — И рот Волка раскрылся в ужасном подобии улыбки.

— Я думал, ты убежал.

— Сидел здесь, чтобы не пропустить твое возвращение. Волк!

Джек не знал, как истолковать его слова. Они вдруг напомнили ему о Красной Шапочке. Он видел, как много у Волка зубов, какие они острые и крепкие.

— Я купил замок. — Джек достал замок из кармана и поднял. — У тебя появились какие-нибудь идеи, пока меня не было?

Лицо Волка — глаза, зубы, все — сверкнуло.

— Ты теперь стадо, Джеки. — Волк поднял голову и протяжно завыл.

8

Менее испуганный Джек Сойер мог бы сказать: «Выть ты мастак, да?» или «Будешь продолжать в том же духе, сюда сбегутся все собаки округа», — но эти слова застряли у него в горле. От страха он потерял дар речи. Волк вновь улыбнулся ему во все зубы — напоминая рекламу ножей «Гинзу» — и одним движением поднялся. Очки Джона Леннона, казалось, утонули в верхней части его жесткой бороды и густых волосах, закрывавших виски. У Джека создалось ощущение, что Волк вырос до семи футов, размерами сравнявшись с пивными бочками в кладовой «Бара Апдайка в Оутли».

— В этом мире есть хорошие запахи, Джеки. — И Джек наконец-то понял, в каком Волк настроении. Волка распирало от восторга.

Он напоминал человека, который выиграл особо трудный турнир, хотя шансы на победу были невелики. И сквозь это чувство триумфа проглядывало что-то веселое и звериное, ранее уже виденное Джеком.

— Хорошие запахи! Волк! Волк!

Джек отступил на шаг, гадая, стоит ли он с наветренной стороны.

— Раньше ты говорил, что здесь ничего хорошего нет.

— Раньше было раньше, а теперь — это теперь, — ответил Волк. — Хорошее здесь есть. Вокруг много хорошего. Волк найдет все хорошее, будь уверен.

Его слова нагнали еще больше страха, потому что теперь Джек видел — и почти что чувствовал — неприкрытую самонадеянную жадность, жуткий звериный голод, горящий в этих красноватых глазах. «Я съем все, что поймаю и убью, — говорили эти глаза. — Поймаю и убью».

— Я надеюсь, Волк, что все хорошее не включает людей, — тихим голосом произнес Джек.

Волк вскинул подбородок и разразился воющим смехом.

— Волки должны есть. — Его голос звенел от радости. — Ох, Джеки, как же Волки хотят есть. ЕСТЬ! Волк!

— Я собираюсь запереть тебя в этом сарае. Помнишь, Волк? Я купил замок! Надо только надеяться, что он тебя удержит. Пойдем туда. Ты меня ужасно пугаешь.

На этот раз Волк захохотал.

— Пугаю! Волк знает! Волк знает, Джеки! От тебя пахнет страхом!

— Меня это не удивляет, — пожал плечами Джек. — Идем в сарай, хорошо?

— Нет, я не пойду в сарай. — Длинный заостренный язык вывалился между челюстей Волка. — Нет, не я, Джеки. Не Волк. Волк не может пойти в сарай. — Челюсти разошлись, обнажив лес зубов. — Волк вспомнил, Джеки. Волк! Прямо здесь и сейчас! Волк вспомнил!

Джек отступил на шаг.

— Больше запаха страха. Даже на твоих башмаках. Башмаках, Джеки! Волк!

Башмаки, пахнущие страхом, — конечно же, дико смешно.

— Ты должен идти в сарай, вот что тебе следовало вспомнить.

— Неправильно! Волк! *Ты* должен идти в сарай! Джеки идет в сарай! Я вспомнил! Волк!

Глаза оборотня сменили цвет с красновато-оранжевого до мягкого и приятного пурпурного.

— Из «Книги доброго земледелия», Джеки. История о Волке, который не должен навредить своему стаду. Помнишь ее, Джеки? Стадо идет в сарай. Помнишь? Замок вешается на дверь. Когда Волк знает, что Изменение близко, стадо идет в сарай и замок вешается на дверь. Волк не должен навредить своему стаду. — Челюсти вновь разошлись, и кончик длинного темного языка загнулся кверху, демон-

стируя прекрасное настроение Волка. — Нет! Нет! Не навреди стаду своему! Волк! Прямо здесь и сейчас!

— Ты хочешь, чтобы я просидел в сарае под замком три дня? — спросил Джек.

— Я должен есть, Джеки, — прямо ответил Волк, и Джек уловил что-то темное, быстрое и зловещее, скользнувшее к нему из переменчивых глаз Волка. — Когда луна заберет меня к себе, я должен есть. Здесь хорошие запахи, Джеки. Много еды для Волка. Когда луна меня отпустит, Джеки выйдет из сарая.

— А что будет, если я не захочу сидеть в сарае три дня?

— Тогда Волк убьет Джеки. И Волк будет проклят.

— И это тоже написано в «Книге доброго земледелия», да?

Волк кивнул.

— Я вспомнил. Я вспомнил вовремя, Джеки. Когда ждал тебя.

Джек пытался свыкнуться с идеей Волка. Он должен просидеть три дня без пищи и воды. Волк будет рыскать по округе. Он — в тюрьме, Волк — на свободе. Но похоже, это его единственная возможность пережить трансформацию Волка. Поставленный перед выбором — три дня сухого поста или смерть, — он, понятное дело, выбрал пустой желудок. И тут же понял, что ни о какой перемене позиций речи нет: он по-прежнему будет свободным, пусть и под замком в сарае, а Волк, перед которым лежал весь мир, все равно останется в тюрьме. Только клетка у него будет побольше, чем у Джека.

— Да благословит Бог «Книгу доброго земледелия», — вырвалось у Джека, — потому что я сам никогда бы до этого не додумался.

Волк ослепительно улыбнулся ему, а потом посмотрел на небо, и в его глазах читалось нетерпение.

— Скоро, Джеки. Ты стадо. Я должен запереть тебя в сарае.

— Ладно, — кивнул Джек. — Пожалуй, и вправду должен.

Эта фраза показалась Волку невероятно забавной. Со смехом, очень напоминавшим вой, он обнял Джека за талию, подхватил его и понес к сараю.

— Волк позаботится о тебе, Джеки, — сказал он, перестав выть, и поставил Джека на землю на краю оврага.

— Волк.

Волк разинул рот и начал потирать промежность.

— Тебе нельзя убивать людей. Помни это... Раз уж ты вспомнил ту историю, значит, вспомнишь, что людей убивать нельзя. Потому что на тебя начнут охоту. Если ты убьешь людей, хотя бы одного человека, другие придут, чтобы убить тебя. И они тебя убьют, это я тебе обещаю. И прибьют твою шкуру к стене.

— Никаких людей, Джеки. Животные пахнут лучше, чем люди. Никаких людей. Волк!

Они спустились по склону оврага. Джек достал замок из кармана и несколько раз показал Волку, как его запереть.

— Потом подсунешь ключ под дверь, — добавил он. — Когда ты вновь переменишься, я передам ключ тебе. — Джек посмотрел на двухдюймовую щель между дверью и землей.

— Конечно, Джеки. Ты мне его вернешь.

— И что мы будем делать теперь? — спросил Джек. — Мне идти в сарай прямо сейчас?

— Сядь там. — Палец Волка указывал на пол сарая, в футе от двери.

Джек с любопытством посмотрел на Волка, шагнул в сарай, сел. Волк присел на корточки у распахнутой двери, не глядя на Джека, протянул к нему руку. Джек взялся за нее. Она напоминала покрытого густой шерстью зверька размером с кролика. Волк сжал руку Джека так сильно, что тот едва не вскрикнул, а если бы и вскрикнул, Волк вряд ли бы его услышал. Он вновь смотрел на небо с меч-

тательным, умиротворенным, восторженным лицом. Через секунду или две Джек смог чуть поудобнее повернуть руку в лапище Волка.

— И до каких пор мы будем так сидеть? — спросил он.

Через минуту Волк ответил:

— До тех. — И вновь сжал руку Джека.

9

Так они и сидели, по разные стороны двери, долгие часы, не говоря ни слова, и наконец свет начал таять. Последние двадцать минут руку Волка сотрясала едва заметная дрожь, но по мере того как сгущались сумерки, она усиливалась. Джек подумал, что так, наверное, трясет породистую лошадь перед началом забега, в ожидании стартового выстрела и раскрывшейся калитки.

— Она начинает забирать меня к себе, — мягко заговорил Волк. — Скоро мы побежим, Джек. Как бы мне хотелось, чтобы и ты мог побежать со мной.

Он повернул голову, чтобы взглянуть на Джека, и тот увидел, что, хотя Волк говорил искренне, немалая его часть хотела сказать совсем другое: «Я могу бежать как рядом с тобой, так и за тобой, маленький друг».

— Как я понимаю, теперь мы должны закрыть дверь. — Джек попытался вытащить руку из лапы Волка, но не мог этого сделать, пока Волк — почти презрительно — не отпустил его.

— Запираем Джека внутри, запираем Волка снаружи. — Глаза Волка ярко сверкнули, ничем не отличаясь от красного сияния глаз Элроя.

— Помни, ты должен оберегать свое стадо. — Джек отступил на середину сарая.

— Стадо идет в сарай, замок вешается на дверь, — ответил Волк. — Он не навредит своему стаду. — Его глаза потускнели, стали оранжевыми.

— Повесь замок на дверь.

— Да поколотит его Бог, это я и делаю, — прорычал Волк. — Я вешаю Богом поколоченный замок на Богом поколоченную дверь. — Он с треском захлопнул дверь, и Джек мгновенно оказался в полной темноте. — Слышишь, Джеки? Это Богом поколоченный замок. — Джек услышал металлический лязг.

— Теперь ключ, — напомнил он.

— Богом поколоченный ключ, прямо здесь и сейчас, — ответил Волк. Вставил ключ в замочную скважину, повернул, вытащил. Секундой позже ключ отскочил от пыльной земли под дверью на половицы сарая.

— Спасибо, — выдохнул Джек, наклонился, поводил руками по полу, пока не нащупал ключ. Сжал его так сильно, что чуть не разорвал кожу ладони, — синяк, по форме отдаленно похожий на штат Флорида, рассосется только через пять дней, но Джек к тому времени будет слишком занят, чтобы заметить, что он сошел. Потом аккуратно убрал ключ в карман. Снаружи жарко и часто дышал Волк.

— Ты сердишься на меня, Волк? — шепотом спросил Джек сквозь дверь.

По двери крепко ударил кулак.

— Нет! Не сержусь! Волк!

— Хорошо. Никаких людей, Волк! Помни это! А не то они будут охотиться за тобой, пока не убьют.

— Никаких людЕЙ-Й-Й-Й-О-О-О-О-О-У-У-У-О-О-О-О! — Слово перешло в протяжный, переливчатый вой. Тело Волка ударилось о дверь, длинные, покрытые черной шерстью лапы просунулись в щель. Джек знал, что Волк всем телом прижался к двери. — Не сержусь, Джек, — прошептал Волк, словно рассердился на себя за этот вой. — Волк не сердится, Волк *жаждет*, Джеки. Уже так скоро, очень-очень *скоро*.

— Я знаю, — ответил Джек и почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Как же ему хотелось обнять сей-

час Волка. Как же он жалел, что они не остались на несколько дней в том фермерском доме. Тогда бы он стоял сейчас у двери подвала, в котором под замком, в полной безопасности сидел бы Волк.

Вновь пришла странная, тревожащая мысль, что Волк и сейчас как в тюрьме.

Лапы Волка исчезли из-под двери, и Джек подумал, что они стали более вытянутыми и узкими.

Волк зафыркал, тяжело задышал, снова зафыркал. Отошел от двери. Произнес что-то вроде: «А-а-а-а-х».

— Волк? — позвал Джек.

Над его головой раздалось оглушительное завывание. Волк уже вылез из оврага.

— Будь осторожен, — предупредил Джек, зная, что Волк его не услышит, и боясь, что Волк его в любом случае уже не поймет.

Волк взвыл опять, несколько раз подряд — то ли радуясь свободе, то ли, наоборот, оплакивая свое заключение, точно Джек определить не мог. Печальные звериные завывания, странным образом прекрасные, разлетались по залитому лунным светом воздуху, как струи ночного тумана. Джек не знал, что дрожит, пока не обхватил себя руками и не почувствовал, как вибрируют прижатые к груди ладони.

Завывания затихали, удаляясь. Волк бежал с луной.

10

Три дня и три ночи Волк пребывал в непрерывном поиске еды. Спал от зари до полудня в яме, которую обнаружил под поваленным стволом дуба. Конечно же, вопреки опасениям Джека у Волка не возникало и мысли, что он посажен в тюрьму. Лес на другой стороне поля простирался достаточно далеко, и в нем хватало живности, составлявшей естественный рацион волка. Мыши, зайцы, коты,

собаки, белки — он находил их без труда. Мог бы не выходить из этого леса и съесть достаточно много, чтобы продержаться до следующего Изменения.

Но Волк бегал с луной и не мог ограничить себя лесом, как не мог остановить трансформацию. И он рыскал по скотным дворам и пастбищам, пробегал рядом с одинокими домами, носился по недостроенным дорогам, где застывшие бульдозеры и асимметричные катки напоминали уснувших на берегу динозавров. Его вело обоняние: и без того острое, теперь оно не знало равных. Он не только мог за пять миль учуять полный курятник и отличить этот запах от запахов коров, и свиней, и лошадей на той же ферме — это труда не составляло, — но и по запаху определить, когда куры двигались, а когда — нет. Он чуял, что у одной спящей свиньи повреждена нога, а у одной коровы — язвы на вымени.

И этот мир — разве не луна этого мира вела его? — больше не вонял химикалиями и смертью. Более древнее, первозданное устройство мира открывалось ему в этих путешествиях. Он вдыхал то, что осталось от первичной сладости и мощи земли, то немногое, что роднило заселенные людьми земли с Долинами. Даже когда он приближался к человеческому жилью, даже когда ломал хребет дворовой собаке и рвал ее на куски, которые проглатывал целиком, Волк улавливал запахи потоков чистой воды, струящейся глубоко под землей, сверкающего снега на вершинах далеких западных гор. Это место казалось идеальным для изменившегося Волка, но если бы он убил хоть одно человеческое существо, он был бы проклят.

Но людей Волк не убивал.

Возможно, лишь потому, что не встретил ни одного человека. В эти три дня Изменения Волк убил и пожрал представителей, наверное, всех видов животных, которые встречались в восточной Индиане, включая одного скунса и целое семейство рысей, обитавшее в известковых пещерах в

склоне одного из соседних оврагов. В первую ночь в лесу он даже поймал летучую мышь, которая опустилась к самой земле, откусил ей голову и проглотил еще трепещущее тельце. В его глотку отправились эскадроны домашних котов и взводы собак. От дикого, неуемного веселья в одну из ночей он убил всех свиней в загоне размером с городской квартал.

Но дважды Волк загадочным образом не смог убить, и это тоже роднило его с миром, в котором он сейчас буйствовал. Причина заключалась в месте, а не в каких-то абстрактных моральных принципах, и на первый взгляд места эти выглядели совершенно обычными. Одним оказалась поляна в лесу, на которую он загнал зайца, вторым — задний двор фермерского дома, где сидел на цепи скулящий от страха пес. Едва лапа Волка ступала в эти места, шерсть вставала дыбом и электрические разряды пробегали по всему позвоночнику. Это были святые места, а в святом месте Волк убивать не мог. Не мог — и все. Как и первобытные стоянки людей, они появились давно, так давно, что для их описания подходило слово «древний», и, наверное, только этим словом можно охарактеризовать тот бездонный колодец времени, который Волк унюхал и во дворе фермы, и на маленькой лесной поляне. Тысячи лет спрессовались на этих крошечных участках земли. Волк просто попятился и отправился восвояси. Как и крылатые люди, которых видел Джек, он жил среди тайн, и такое соседство не доставляло ему никаких неудобств.

И об обязательствах перед Джеком Сойером он не забывал.

11

В запертом сарае Джек оказался один на один с собственным разумом и характером.

Вся мебель состояла из маленькой деревянной скамьи, отвлечься он мог, лишь перелистывая журналы поч-

ти десятилетней давности. Причем читать не получалось. Окон не было, и только очень ранним утром, когда свет просачивался под дверь, ему с трудом удавалось разглядеть картинки. Слова, совершенно не читаемые, напоминали длинных серых червей. Джек представить себе не мог, как проживет следующие три дня. Он направился к скамье, больно ударился об нее ногой, сел и задумался.

Он очень быстро осознал, что время внутри отличалось от времени снаружи. Вне сарая секунды бодро маршировали мимо, складывались в минуты, потом в часы. Целые дни тикали, как метрономы, целые недели. В сарае секунды упрямо отказывались двигаться, растягивались в гротескные монстросекунды, пластилиновые секунды. Час снаружи без труда укладывался в раздутые пять секунд внутри.

Далее Джек уяснил, что мысли о медлительности времени лишь ухудшают ситуацию. Как только человек сосредотачивался на уходящих секундах, они просто замирали. Вот Джек и старался мерить сарай шагами, не задумываясь над тем, какая прорва секунд составит три следующих дня. Ставя одну ногу перед другой и считая ступни, он вычислил, что размеры сарая составляют примерно семь на девять футов. Места вполне хватало, чтобы ночью вытянуться в полный рост.

Обойди он сарай по внутреннему периметру, его прогулка равнялась бы тридцати двум футам.

Повторив эту прогулку сто шестьдесят пять раз, он отшагал бы ровно милю.

Есть он не мог, но ходить — всегда пожалуйста. Джек снял часы и положил в карман, пообещав себе, что достанет их только в случае крайней необходимости.

Он уже преодолел четверть первой мили, когда вспомнил, что в сарае нет воды. Нет еды и нет воды. Он предполагал, что требуется больше трех или четырех дней, чтобы

умереть от жажды. И если Волк вернется, все будет хорошо... ну, может, не очень хорошо, но он по крайней мере не умрет. А если Волк не вернется? Тогда ему придется вышибить дверь.

В таком случае, подумал Джек, лучше сделать это сейчас, пока оставались силы.

Он подошел к двери и толкнул ее обеими руками. Толкнул сильнее, и петли заскрипели. Ударил плечом в край двери, со стороны замка, а не петель. Плечо заболело, а дверь его удара и не заметила. Он ударил плечом сильнее. Петли вновь заскрипели, но не сдвинулись ни на миллиметр. Волк сорвал бы дверь одной лапой, но Джек не думал, что у него что-то получится, даже если он превратит плечо в отбивную. Оставалось только ждать Волка.

К середине ночи Джек отшагал семь или восемь миль — он сбился со счета и не мог точно сказать, сколько раз досчитал до ста шестидесяти пяти, но полагал, что семь или восемь. В горле пересохло, желудок урчал. В сарае воняло мочой, потому что один раз Джеку пришлось отлить на дальнюю стену: щелочка в ней гарантировала, что хотя бы часть выльется наружу. Тело устало, но Джек не думал, что сможет заснуть. Судя по реальному времени, Джек провел в сарае чуть меньше пяти часов, но по сарайному — больше двадцати четырех. Он боялся лечь.

Разум не позволил бы ему уснуть — он это чувствовал. Попытался составить список всех книг, которые прочитал за прошлый год, учителей, занятия которых посещал, всех игроков «Лос-Анджелес доджерс»... но тревожные, беспорядочные образы продолжали возникать в голове. Снова и снова он видел Моргана Слоута, разрывающего воздух. Лицо Волка плавало под водой, и его руки шли ко дну, как тяжелые сорняки. Джерри Бледсоу извивался и покачивался перед распределительным щитом, с расплавленной оправой очков, прилипшей к переносице. Желтеющие

глаза, кисть, превращающаяся в когтистое копыто. Вставная челюсть дяди Томми, поблескивающая в сточной канаве Сансет-стрип. Морган Слоут направлялся к его матери, и не один.

— Песни Толстяка Уоллера, — громко произнес Джек, переключая себя на другую волну. — «У тебя слишком большие ноги», «Веди себя хорошо», «Джиттербаг-вальс», «Не попади в беду».

Псевдо-Элрой тянулся к его матери, что-то похотливо шептал, рукой хватал ее за бедро.

— Страны Центральной Америки. Никарагуа, Гондурас, Гватемала, Коста-Рика...

Даже устав до такой степени, что ему пришлось лечь и свернуться клубком на полу, используя рюкзак как подушку, он не смог изгнать из головы Элроя и Моргана Слоута. Осмонд с размаху опускал кнут на спину Лили Кавано, и в его глазах плясали огоньки. Волк поднимался на задние лапы, огромный, утративший всякое сходство с человеком, и пуля охотничьего карабина попадала ему прямо в сердце.

Первый свет разбудил его, и он уловил запах крови. Тело жаждало прежде всего воды, а уж потом пищи. Джек застонал. Еще три таких ночи ему не пережить. Лучи едва поднявшегося солнца били в щель под дверью, и он смутно видел стены и крышу сарая. По сравнению с ночью сарай словно увеличился в размерах. Джеку вновь хотелось справить малую нужду, хотя он не мог поверить, что организм способен отдать еще хоть какую-то жидкость. Наконец Джек понял, почему сарай казался больше: он лежал на полу.

Вновь унюхал кровь и скосил глаза в сторону двери. Под нее подсунули освежеванные задние лапы кролика. Они лежали на шершавых досках, блестели, сочась кровью. Пятна грязи и длинная царапина свидетельствовали

о том, что лапы проталкивали в сарай с большой силой. Волк пытался его накормить.

— Боже, — простонал Джек. Освежеванные кроличьи лапы очень напоминали человеческие ноги. Его желудок сжался. Но вместо того чтобы скорчиться в приступе рвоты, Джек рассмеялся, пораженный этим абсурдным сравнением. Волк вел себя как домашний любимец, каждое утро радующий хозяев дохлой птичкой или выпотрошенной мышкой.

Он аккуратно взял это ужасное подношение двумя пальцами и положил под скамью. Ему все еще хотелось смеяться, но его глаза увлажнились. Волк пережил первую ночь трансформации, и Джек тоже.

На следующее утро Джек получил яйцевидный кусок мяса на обломанной с обеих сторон белой кости неизвестного происхождения.

12

Утром четвертого дня Джек услышал, как кто-то спускается в овраг. Вспугнутая птичка чирикнула, потом шумно взлетела с крыши сарая. Тяжелые шаги приближались. Джек приподнялся на локтях, моргнул в темноте.

Крупное тело привалилось к двери и больше не двигалось. В щели виднелась пара порванных, замызганных мокасин.

— Волк? — тихо спросил Джек. — Это ты, да?

— Дай мне ключ, Джек.

Джек сунул руку в карман, достал ключ, протолкнул в щель под дверью между замызганными мокасинами. Большая коричневая рука появилась за щелью и подняла ключ.

— Принес воды? — спросил Джек. Несмотря на то что он сумел выжать из ужасных подношений Волка, обезвоживание организма подошло к критической отметке: губы

опухли и потрескались, язык раздулся и напоминал терку. Ключ скользнул в замочную скважину, повернулся, и Джек услышал, как открылся замок.

Потом замок сдернули с двери.

— Немного, — ответил Волк. — Закрой глаза, Джек. У тебя сейчас ночные глаза.

Когда Волк распахнул дверь, Джек прикрыл руками глаза, но хлынувший в сарай свет сумел проникнуть сквозь пальцы и уколоть его. Он зашипел от боли.

— Скоро пройдет. — Голос Волка раздавался совсем рядом. Потом его руки обхватили Джека и подняли. — Не открывай глаз, — предупредил он и, пятясь, вынес Джека из сарая.

Прошептав: «Воды» — и почувствовав губами ржавый край старой кружки, Джек хоть и в глубине сознания, но все-таки понял, почему Волк не задержался в сарае. Снаружи воздух казался невероятно свежим и сладким — словно перенесся сюда из Долин. Джек выпил несколько глотков воды, вкусом не уступавшей лучшему блюду, когда-либо приготовленному на земле. Вода влилась в него, как бурлящая маленькая речка, оживляя по пути все, к чему прикасалась. Его прямотаки орошали.

Волк убрал кружку от губ Джека.

— Если я дам тебе больше, тебя вырвет, — пояснил он. — Открой глаза, Джек... но только на чуть-чуть.

Джек послушался. Миллионы световых частичек ворвались в щель между веками. Он вскрикнул.

Волк сел, покачивая его на руках.

— Маленький глоточек. — Он вновь поднял кружку к губам Джека. — Еще приоткрой глаза.

Теперь свет ударил не так сильно. Джек смотрел сквозь завесу ресниц, а чудесный ручеек воды стекал по горлу.

— Ах, — выдохнул он. — Почему вода такая вкусная?

— Из-за западного ветра, — без запинки ответил Волк.

Джек открыл глаза шире. Мельтешащие цветные пятна сменились выгоревшей на солнце бурой стеной сарая и коричневатой зеленью оврага. Голова Джека лежала на плече Волка, чей округлившийся живот упирался ему в позвоночник.

— Ты в порядке, Волк? — спросил Джек. — Тебе хватило еды?

— Волк всегда найдет достаточно еды, — просто ответил Волк. Похлопал Джека по бедру.

— Спасибо, что приносил мне мясо.

— Я обещал. Ты стадо. Помнишь?

— Да, помню, — кивнул Джек. — Можно мне еще воды? — Он соскользнул с огромных коленей Волка и сел на землю, лицом к нему.

Волк протянул ему кружку. Очки Джона Леннона вернулись. Борода превратилась в легкий пушок на щеках. Черные волосы, пусть неряшливые и грязные, едва доходили до плеч. Лицо выглядело мирным и дружелюбным, хотя на нем и читалась усталость. Поверх комбинезона Волк надел серый свитер, на два размера меньше, чем требовалось, с надписью «СПОРТИВНАЯ КАФЕДРА УНИВЕРСИТЕТА ИНДИАНЫ».

И теперь он очень походил на обычного человека. Не вызывало сомнений, что ему не осилить даже простейший курс колледжа, но он вполне мог быть звездой школьной футбольной команды.

Джек сделал еще один маленький глоток... рука Волка нависала над ржавой жестяной кружкой, чтобы отнять посудину, попытайся Джек сразу влить в себя ее содержимое.

— У тебя действительно все в порядке?

— Прямо здесь и сейчас, — ответил Волк. Потер рукой живот, настолько увеличившийся, что растянутый свитер облегал его, как резиновая перчатка — руку. — Просто устал. Надо немного поспать, Джек. Прямо здесь и сейчас.

— Где ты взял этот свитер?

— Висел на веревке, — ответил Волк. — Здесь холодно, Джек.

— Ты не причинил вреда людям?

— Людям — нет. Волк! Выпей воду медленно, сейчас. — Глаза Волка на секунду вспыхнули радостным оранжевым огнем, и Джек понял, что он никогда не станет похож на обыкновенного человека. Потом Волк разинул большой рот и зевнул. — Немного поспать. — Он поудобнее устроился на склоне и опустил голову. И мгновенно заснул.

Часть третья
СТОЛКНОВЕНИЕ МИРОВ

Глава 20
В ЛАПАХ ЗАКОНА

1

К двум часам того же дня они находились на сотню миль западнее, и Джеку Сойеру казалось, словно он тоже бегал с луной, так все прошло легко. Несмотря на жуткий голод, Джек маленькими глотками пил воду из ржавой кружки и ждал пробуждения Волка. Наконец тот шевельнулся, сказал: «Теперь готов, Джек», — усадил подростка на спину и рысцой побежал к Дейлвиллу.

Пока Волк сидел на тротуаре и старался не привлекать к себе внимания, Джек вошел в дейлвиллский «Бургер-Кинг». Сначала направился в туалет и разделся по пояс. Даже в туалете от сводящего с ума запаха жареного мяса его рот наполнился слюной. Он вымыл руки, подмышки, грудь, лицо. Потом сунул голову под кран и вымыл волосы жидким мылом. Мятые бумажные полотенца одно за другим летели на пол.

Наконец он счел, что может идти к прилавку. Девушка в униформе смотрела на него с подозрением, пока он заказывал еду, — Джек подумал, что из-за мокрых волос. Ожидая приготовления заказа, девушка отступила от прилавка к окошку выдачи, без тени смущения продолжая разглядывать Джека.

В первый «Воппер» Джек вгрызся, едва повернувшись к стеклянным дверям. Сок побежал по подбородку. Он так проголодался, что глотал, практически не прожевывая. В три огромных укуса уговорил почти весь большой сандвич. И уже отправил в рот остаток, когда увидел сквозь дверь, что рядом с Волком собралась толпа малышни. Мясо застыло во рту, пищевод пережало.

Джек поспешил к выходу, пытаясь на ходу освободить рот, протолкнуть в желудок кашу из мяса, хлеба, соленых огурцов, листьев салата, помидоров и соуса. Дети с трех сторон окружили Волка, таращась на него так же открыто, как девушка за прилавком таращилась на Джека. Волк сидел на тротуаре на корточках, согнув спину колесом и втянув голову в плечи, как черепаха. Уши, казалось, прилипли к голове. Еда распирала горло Джека, как мяч для гольфа, а когда он судорожно сглотнул, продвинулась вниз на самую малость.

Краем глаза Волк заметил его и сразу расслабился. Высокий молодой мужчина в синих джинсах открыл дверцу потрепанного красного пикапа, который стоял у тротуара футах в пяти или шести от них, привалился к кабине и с улыбкой наблюдал за происходящим.

— Твой бургер, Волк. — Джек пытался говорить непринужденно. Протянул Волку коробочку, которую тот обнюхал. Потом Волк поднял голову и откусил огромный кусок коробки. Начал методично жевать. Дети, потрясенные и зачарованные, подступили ближе. Некоторые хихикали.

— Он кто? — спросила маленькая светловолосая девочка с двумя косичками, завязанными розовыми пушистыми ленточками. — Он монстр?

Коротко стриженный мальчишка лет семи или восьми встал перед девочкой.

— Он Халк, правда? Он действительно Халк. Эй? Эй? Правда?

Волку удалось извлечь остаток «Воппера» из картонного контейнера. Легким движением ладони он отправил сандвич в рот. Кусочки салатного листа упали между большими коленями, майонез и мясной сок потекли по подбородку, щеке. Все остальное превратилось в коричневатую массу, разминаемую огромными зубами Волка. Проглотив сандвич, он принялся вылизывать коробку изнутри.

Джек мягко забрал у него контейнер.

— Нет, он всего лишь мой кузен. Он не монстр, и он не Халк. Почему бы вам, детки, не заняться своими делами и не оставить нас в покое, а? Идите. Отстаньте от нас.

Они продолжали таращиться. Теперь Волк облизывал пальцы.

— Если вы и дальше будете таращиться на него, он разозлится. И я не знаю, что он может сделать со злости.

Мальчик с короткой стрижкой достаточно часто видел трансформацию Дэвида Баннера, чтобы знать, чем может обернуться злость этого чудовищного пожирателя контейнеров «Бургер-Кинга». Он отступил на шаг. Большинство детей последовало его примеру.

— Пожалуйста, уходите, — попросил Джек, но дети снова застыли.

Волк поднялся горой, сжал кулаки.

— БОГ ВАС ПОКОЛОТИТ, НЕ СМОТРИТЕ НА МЕНЯ! — проревел он. — НЕ ЗАСТАВЛЯЙТЕ МЕНЯ ЧУВСТВОВАТЬ, ЧТО Я СМЕШОН! ВСЕ ЗАСТАВЛЯЮТ МЕНЯ ЧУВСТВОВАТЬ, ЧТО Я СМЕШОН!

Дети бросились врассыпную. Тяжело дыша, с прилившей к лицу кровью, Волк стоял и смотрел, как они убегают по Главной улице Дейлвилла и скрываются за углом. Когда они исчезли, он обхватил грудь руками и нерешительно посмотрел на Джека. Очень смущенный.

— Не следовало Волку кричать. Они такие маленькие.

— Такой испуг только пойдет им на пользу, — услышал Джек незнакомый голос и понял, что молодой человек по-

прежнему стоит, привалившись к кабине красного пикапа, и улыбается им. — Сам никогда такого не видел. Кузен, говоришь?

Джек настороженно кивнул.

— Эй, только не думайте, что я хочу вас задеть или что-то такое. — Он шагнул к ним, добродушный черноволосый молодой человек в жилетке и клетчатой рубашке. — И особенно не хочу, чтобы кто-то почувствовал себя смешным. — Он замолчал, поднял руки, ладонями к ним. — Я просто подумал, что вы, похоже, какое-то время в дороге.

Джек посмотрел на Волка. Тот от смущения все еще обхватывал себя руками, но сквозь круглые очки уже косился на этого странного типа.

— Я знаю, что такое дорога, — продолжил мужчина. — Будьте уверены. В год окончания старой доброй Дэ-эс-ша — Дейнвиллской средней школы, знаете ли, — я на попутках добрался до северной Калифорнии и обратно. Короче, если вам на запад, я могу вас подвезти.

— Не могу, Джек, — громовым театральным шепотом откликнулся Волк.

— Как далеко на запад? — спросил Джек. — Мы хотим добраться до Спрингфилда. У меня друг в Спрингфилде.

— Эй, нет проблем, сеньор. — Мужчина вновь вскинул руки. — Я еду в Кайюгу, это на границе с Иллинойсом. Позвольте мне купить бургер, и в путь. Дорога прямая. Через полтора часа, может, раньше, вы будете на полпути к Спрингфилду.

— *Не могу*, — вновь прохрипел Волк.

— Есть только одна сложность. У меня кое-что лежит на переднем сиденье. Одному из вас придется ехать в кузове. Там довольно ветрено.

— Вы просто не представляете, *как* это здорово. — И Джек говорил чистую правду. — Увидимся, когда вернетесь. — Волк начал возбужденно приплясывать. — Честно. Мы будем здесь, мистер. И спасибо вам.

Как только мужчина миновал стеклянную дверь, Джек повернулся к Волку и что-то зашептал.

Когда молодой человек — Билл Томпсон по прозвищу Бак — вернулся к пикапу, держа в руках еще два контейнера с «Вопперами», успокоившийся Волк стоял на коленях в открытом кузове и держался руками за борт. Рот Волк приоткрыл, нос поднял. Джек сидел на пассажирском сиденье, окруженный большими полиэтиленовыми мешками, плотно запечатанными и, судя по запаху, обильно спрыснутыми освежителем воздуха. Сквозь прозрачные стенки виднелись зеленые черенки, покрытые почками.

— По мне, ты по-прежнему слегка голоден. — Молодой человек бросил Волку «Воппер». Садясь на водительское сиденье, посмотрел на Джека поверх пластиковых мешков. — Мне показалось, он поймает его зубами. Только не подумай, что я хочу обидеть твоего кузена. На, возьми. Он свой уже слупил.

И когда они вылезли из пикапа в сотне миль к западу, Волка переполняла радость от того, как ветер свистел в ушах. Его буквально загипнотизировали скорость и разнообразие запахов, которые улавливал нос в этом полете. Глаза сверкали, отмечая малейшее изменение ветра. Волк вертел головой из стороны в сторону, подставляя нос под набегающий поток воздуха.

Бак Томпсон назвался фермером. Говорил без перерыва все семьдесят пять минут, в течение которых вдавливал в пол педаль газа, и не задал Джеку ни единого вопроса. Когда высадил их на узкой проселочной дороге рядом с административной границей Кайюги, остановив пикап возле уходившего за горизонт кукурузного поля, сунул руку в нагрудный карман рубашки и достал самодельную папиросу из тончайшей белой бумаги.

— Я слышал о красноглазых. Но твой кузен — это нечто. — Он отдал папиросу Джеку. — Когда он возбудит-

ся, пусть сделает несколько затяжек. То, что доктор прописал.

Джек рассеянно сунул косяк в карман и вылез из кабины.

— Спасибо, Бак.

— А как он ест! Нечто. Каким образом тебе удается заставить его слушаться? Кричишь: «Вперед! Пошел!»?

Как только Волк понял, что поездка закончена, он спрыгнул на землю.

Красный пикап укатил, оставляя за собой длинный шлейф пыли.

— Давай сделаем это еще раз! — воскликнул Волк. — Джеки! Давай сделаем это еще раз!

— Я бы с удовольствием, — ответил Джек. — Пошли, для разнообразия пройдемся. Кто-нибудь да проедет мимо.

Он думал, что удача наконец-то повернулась к нему лицом и очень скоро они с Волком пересекут границу Иллинойса. Он не сомневался, что все переменится к лучшему, едва они доберутся до Спрингфилда, и школы Тэйера, и Ричарда. Но Джек отчасти еще жил в сарайном времени, где нереальное раздувало и искажало реальность, и когда на них вновь обрушились неприятности, произошло это так быстро, что он не мог ничего контролировать. Прошло много дней, прежде чем Джек увидел Иллинойс, и на все это время он вновь угодил в сарай.

2

Невероятно быстрая череда событий, которая привела их в «Лучезарный дом», началась через десять минут после того, как Джек и Волк прошли мимо на удивление маленького щита-указателя, сообщившего им, что теперь они в городе Кайюга с населением 23 568 человек. Сам город не просматривался. Справа тянулось бескрайнее кукурузное поле, слева — ничем не засеянное, так что они ви-

дели, как дорога чуть поворачивает, а потом устремляется к пустынному горизонту. И после того как Джек осознал, что им, вероятно, придется дойти до города, прежде чем удастся поймать попутку, на дороге появился автомобиль, который быстро к ним приближался.

— Ехать в кузове? — закричал Волк, радостно вскинув руки над головой. — Волк едет в кузове! Прямо здесь и сейчас!

— Нам в другую сторону. Успокойся, и пусть проедет мимо. Опусти руки, а не то водитель подумает, что ты ему сигналишь.

С неохотой Волк опустил руки. Автомобиль уже достиг поворота.

— В кузове не поедем? — В голосе Волка слышалась детская обида.

Джек покачал головой. Он всматривался в овальный медальон на запыленной белой передней дверце автомобиля.. Там, возможно, было написано «Окружная парковая комиссия» или «Управление охраны природы». Машина могла принадлежать Сельскохозяйственному агентству штата или Департаменту общественных работ Кайюги. Но когда она вошла в поворот, Джек увидел, что это патрульный автомобиль.

— Это коп, Волк. Полисмен. Так что расслабься и просто шагай. Нам не нужно, чтобы он останавливался.

— Кто такой копписмен? — Волк понизил голос. Он видел, что автомобиль уже мчится к ним. — Копписмен убивает Волков?

— Нет, — ответил Джек, — будь уверен, они никогда не убивают Волков. — Но эти слова не помогли. Волк схватил Джека за руку, и его пальцы дрожали.

— Пожалуйста, отпусти меня, — взмолился Джек. — Он подумает, что это странно.

Рука Волка упала.

Патрульный автомобиль мчался к ним. Джек глянул на водителя, потом развернулся и отошел на несколько ша-

гов, чтобы наблюдать за Волком. Увиденное его не порадовало. За рулем сидел полисмен с широким властным лицом. Скулы заплыли жиром. А у Волка на лице читался ужас. Глаза сверкали, ноздри раздувались, он скалил зубы.

— Тебе действительно понравилась поездка в кузове того пикапа, да? — спросил его Джек.

Страх слегка поутих, Волку даже удалось улыбнуться. Патрульный автомобиль проскочил мимо. Джек обратил внимание, что водитель повернул голову в их сторону.

— Все хорошо. — В голосе Джека слышалось облегчение. — Он едет дальше. Нам не о чем беспокоиться, Волк.

Но тут он услышал, что шум двигателя снова нарастает.

— Копписмен возвращается!

— Наверное, ему снова надо в Кайюгу. Иди вперед и делай как я. Не смотри на него.

Волк и Джек продолжили путь, делая вид, что не замечают патрульного автомобиля, который неспешно катил за ними. С губ Волка сорвался полустон-полувой.

Патрульный вновь выехал на проезжую часть, обогнал их, сверкнули тормозные огни, и автомобиль, под углом съехав на обочину, перегородил им дорогу. Полицейский открыл *дверцу, поставил ноги на землю*, потом поднялся с сиденья. Он был ростом с Джека, а весь его вес сосредоточился в лице и животе: ноги-соломинки, руки и плечи — нормального, пропорционально сложенного мужчины. Живот, упрятанный в коричневую форму — пятнадцатифунтовая индейка, — выпирал по обе стороны широкого коричневого ремня.

— Мне не терпится это услышать. — Коп облокотился на открытую дверцу. — Так что у вас за история? Выкладывайте.

Волк отступил за Джека, ссутулился, глубоко засунул руки в карманы комбинезона.

— Мы идем в Спрингфилд, патрульный, — ответил Джек. — Добирались на попутках... Полагаю, нам не стоило этого делать.

— Ты полагаешь, что не стоило. Срань господня. А этот парень, который пытается спрятаться за тебя, он кто, вуки*?

— Он мой кузен. — Джек лихорадочно подстраивал Историю под Волка. — Мне надо отвезти его домой. Он живет в Спрингфилде со своей тетей Элен, я хочу сказать, с моей тетей Элен. Она учительница. В Спрингфилде.

— И что он сделал, откуда-то удрал?

— Нет-нет, ничего подобного. Просто...

Коп бесстрастно смотрел на Джека, его лицо не выражало эмоций.

— Имя, фамилия.

Перед мальчиком возникла дилемма: Волк наверняка назовет его Джеком, какое бы имя он ни назвал копу.

— Я Джек Паркер, а он...

— Помолчи. Я хочу, чтобы этот слабоумный сам мне ответил. Давай. Ты помнишь свое имя, кретин?

Волк сжался за спиной Джека, вдавил подбородок в нагрудник комбинезона. Что-то пробормотал.

— Не слышу тебя, сынок.

— Волк, — прошептал Волк.

— Волк. Наверное, мне следовало догадаться. А как твое имя, или тебе просто дали номер?

Волк закрыл глаза, сжал ноги.

— Говори, Фил, — поспешил ему на помощь Джек, в надежде, что это простое имя Волк сможет запомнить.

Но едва он закрыл рот, как Волк вскинул голову, распрямил спину и заорал:

— ДЖЕК! ДЖЕК! ДЖЕК ВОЛК!

— Мы часто зовем его Джек, — вмешался мальчик, зная, что уже поздно. — Потому что он очень любит меня, и иногда только я могу с ним справиться. Я, наверное, останусь в Спрингфилде на несколько дней, чтобы убедиться, что он освоился.

---

* Вуки — волосатые двуногие гуманоиды с планеты Кашиик («Звездные войны»).

— Меня тошнит от твоего голоса, Джек. Почему бы тебе и старому доброму Филу-Джеку не сесть на заднее сиденье? Мы поедем в город и во всем разберемся. — Когда Джек не шевельнулся, коп положил руку на рукоятку огромного пистолета, который висел на перетягивавшем живот ремне. — В машину. Он первый. Я хочу выяснить, почему вы оказались в сотне миль от дома в учебный день. В машину. Быстро.

— Патрульный... — начал Джек, а за его спиной Волк прохрипел:

— Нет. Не могу.

— У моего кузена проблема, — пояснил Джек. — Клаустрофобия. Замкнутые пространства, особенно кабины автомобилей, сводят его с ума. Он может ездить только на пикапах, в кузове, под открытым небом.

— *В машину*, — рявкнул полисмен, открывая заднюю дверцу.

— НЕ МОГУ! — взвыл Волк. — ВОЛК НЕ МОЖЕТ! Воняет, Джек, там *воняет*! — Его нос и губы дергались.

— Заставь его сесть в машину, или это сделаю я, — предупредил Джека коп.

— Волк, это быстро. — Джек потянулся к руке Волка. Тот с неохотой позволил взять себя за руку. Джек потянул его к заднему сиденью патрульного автомобиля. Волк буквально волочил ноги по асфальту.

Какое-то время казалось, что все получится. Волк уже находился на расстоянии вытянутой руки от распахнутой дверцы. Потом он содрогнулся всем телом. Уперся обеими руками в дверную раму. Это выглядело так, словно он собирается оторвать половину крыши, совсем как цирковой силач разрывает толстый телефонный справочник надвое.

— Пожалуйста, — ровным голосом обратился к нему Джек. — Мы должны.

Но Волк был в ужасе, его переполняло отвращение к тому, что он унюхал в кабине. Он яростно замотал голо-

вой. Слюни текли изо рта и капали на крышу патрульного автомобиля.

Полисмен обошел Джека и снял что-то с ремня. Джек успел только понять, что это не пистолет, прежде чем коп профессионально ударил Волка дубинкой по основанию черепа. Верхняя часть тела Волка упала на крышу, а потом Волк медленно сполз на пыльную дорогу.

— Зайди с другой стороны, — приказал коп, цепляя дубинку к ремню. — Нам надо затащить этот большой кусок говна в машину.

Через две или три минуты, дважды уронив тяжелое тело Волка на дорогу, они ехали в Кайюгу.

— Я уже знаю, что ждет тебя и твоего слабоумного кузена, если он твой кузен, в чем я очень сомневаюсь. — Коп смотрел на Джека в зеркало заднего вида, и его глаза напоминали изюминки, которые только что окунули в свежий деготь.

Вся кровь в теле Джека отлила вниз, к ногам, а сердце гулко забилось. Он вспомнил про самодельную сигарету в кармане рубашки. Дотронулся до нее рукой, убрал руку, прежде чем коп успел сказать хоть слово.

— Мне надо надеть ему туфли. Они соскочили.

— Забудь об этом, — ответил коп, но не стал возражать, когда Джек нагнулся. Невидимый в зеркало, он сначала натянул один мокасин с лопнувшим швом на голую пятку Волка, потом быстро достал косяк из кармана и сунул в рот. Раскусил папиросную бумагу, и частички со странным травяным вкусом высыпались на язык. Джек принялся лихорадочно их пережевывать. Что-то царапнуло ему горло, он дернулся, приложил руку ко рту, попытался прокашляться с сомкнутыми губами. Когда горло очистилось, торопливо проглотил влажную, вязкую марихуану. Пробежался языком по зубам, собирая остатки.

— Вас ждет несколько сюрпризов, — предупредил коп. — Ваши души озарит солнечный свет.

— Солнечный свет озарит мою душу? — спросил Джек, думая, что коп все-таки увидел, как он засовывает косяк в рот.

— А на руках появятся мозоли, — добавил коп и радостно улыбнулся виноватой физиономии Джека в зеркале заднего вида.

Муниципалитет Кайюги являл собой лабиринт темных коридоров и узких лестниц, которые неожиданно приводили в такие же узкие комнаты. Вода журчала и булькала в трубах.

— Позвольте мне вам кое-что объяснить. — Полисмен вел их к последней лестнице по правую руку. — Вы не арестованы. Ясно? Вас задержали для допроса. Я не хочу слышать этой мути насчет одного телефонного звонка. Вы в подвешенном состоянии, пока не скажете нам, кто вы такие и куда направляетесь, — продолжил коп. — Слышите меня? В подвешенном состоянии. Нигде. Сейчас мы пойдем к судье Фэрчайлду, он мировой судья, и если вы не скажете нам правду, в том, что за этим последует, винить будете только себя. Наверх. Шевелитесь!

Когда они поднялись по лестнице, полисмен открыл дверь. Женщина средних лет в очках в тонкой металлической оправе и черном платье оторвалась от пишущей машинки, которая стояла у дальней стены.

— Еще двое бродяг, — объяснил полисмен. — Скажи ему, что мы здесь.

Она кивнула, сняла трубку с телефонного аппарата, произнесла несколько слов.

— Можете войти, — сказала секретарь, и ее взгляд вновь прошелся по Волку и Джеку.

Коп повел их через приемную и открыл дверь в большую комнату. Вдоль одной длинной стены стояли стеллажи с книгами, вторую украшали фотографии в рамках, дипломы и сертификаты. Окна напротив двери были закрыты жалюзи. Высокий худощавый мужчина в темном

костюме, белой мятой рубашке и узком галстуке с невнятным рисунком поднялся из-за поцарапанного шестифутового стола. Лицо судьи покрывали морщины, и он красил волосы. В воздухе висел застарелый запах табачного дыма.

— Так кто к нам сегодня пожаловал, Фрэнки? — Голос у мужчины оказался на удивление глубоким, прямо-таки театральным.

— Подростки, которых я подобрал на Френч-Ликроуд, неподалеку от дома Томпсона.

Морщины судьи Фэрчайлда сложились в улыбку. Он посмотрел на Джека.

— У тебя есть какие-нибудь документы, удостоверяющие личность, сынок?

— Нет, сэр, — ответил Джек.

— Ты сказал патрульному Уильямсу всю правду? Он так не думает, иначе вы бы здесь не оказались.

— Да, сэр, — ответил Джек.

— Тогда расскажи мне свою историю. — Судья обошел стол, потревожив плоские слои дыма, висевшие над головой, и полуприсел-полуприслонился к ближайшему от Джека углу стола. Прищурившись, закурил. Сквозь сигаретный дым Джек видел бледные оценивающие глаза судьи и знал, что милосердия в них нет.

Еще один «ловчий кувшин».

Он глубоко вдохнул.

— Меня зовут Джек Паркер. Это мой кузен, и его называют Джек. Джек Волк. Но его настоящее имя Филип. Он оставался с нами в Дейлвилле, потому что его отец умер, а мать заболела. Я просто отвожу его в Спрингфилд.

— Слабоумный, да?

— Соображает медленно. — Джек глянул на Волка. Его друг еще не пришел в себя после удара дубинкой.

— Как зовут твою мать? — спросил судья Волка. Волк не отреагировал. Он стоял с закрытыми глазами, засунув руки в карманы.

— Ее зовут Элен, — ответил Джек. — Элен Воэн.

Судья соскользнул со стола и медленно подошел к Джеку.

— Ты не пил, сынок? Что-то тебя покачивает.

— Нет.

Остановившись в футе от мальчика, судья наклонился к нему.

— Дыхни.

Джек открыл рот и выдохнул.

— Нет. Спиртным не пахнет. — Фэрчайлд выпрямился. — Но это единственный раз, когда ты сказал правду, верно? Ты пытаешься обвести меня вокруг пальца, сынок?

— Я виноват в том, что мы ехали на попутках, — ответил Джек, осознавая, что говорить нужно крайне осмотрительно. И не только потому, что от его слов зависела их с Волком свобода. У него возникли проблемы с произношением — все вдруг необычайно замедлилось. Как и в сарае, секунды сползали с метронома. — На самом деле мы даже и не ехали на попутках, потому что Волк... Джек, то есть... не может сидеть в кабине. Больше мы этого делать не будем. Мы не сделали ничего плохого, сэр, и это чистая правда.

— Ты не понимаешь, сынок. — Задумчивые глаза судьи вновь блеснули. *Да он от этого тащится*, сообразил Джек. Судья медленно двинулся обратно. — Дело не в попутках. Вы двое мальчишек, на дороге сами по себе, идете неизвестно откуда, неизвестно куда... можно сказать, напрашиваетесь на неприятности. — Его голос напоминал темный мед. — В нашем округе есть, как нам представляется, самое необычное заведение — одобренное правительством штата и субсидируемое штатом, между прочим, — созданное, чтобы помочь таким мальчишкам, как вы. Оно называется «Библейский дом Лучезарного Гарденера для сбившихся с пути мальчиков». То, что делает мистер Гарденер

для мальчишек, попавших в беду, сравнимо с чудом. Мы отправляли туда тех, кого, казалось бы, невозможно исправить, но очень скоро его стараниями эти мальчишки на коленях молили Иисуса о прощении. И разве это не чудо?

Джек сглотнул слюну. Во рту у него пересохло даже сильнее, чем когда он сидел в сарае.

— Видите ли, сэр, нам надо побыстрее добраться до Спрингфилда. Все будут волноваться...

— Я в этом очень сомневаюсь. — Судья улыбнулся всеми морщинами. — Но вот что я тебе скажу. Как только вы оба отправитесь в «Лучезарный дом», я позвоню в Спрингфилд и постараюсь найти номер этой Элен... Волк, так? Или Элен Воэн?

— Воэн, — ответил Джек, и его лицо залила краска, как при высокой температуре.

— Да, — кивнул судья.

Волк покачал головой, моргнул. Потом положил руку на плечо Джека.

— Приходишь в себя, сынок? — спросил судья. — Сможешь сказать, сколько тебе лет?

Волк вновь моргнул и посмотрел на Джека.

— Шестнадцать, — ответил Джек.

— А тебе?

— Двенадцать.

— Ох. Я думал, ты на пару лет старше. Еще одна причина для того, чтобы тебе оказали помощь, прежде чем ты попадешь в серьезную беду, правда, Фрэнки?

— Аминь, — ответил полисмен.

— Вы, мальчики, вернетесь сюда через месяц, — огласил свое решение судья. — Тогда и посмотрим, не улучшилась ли у вас память. Почему у тебя такие красные глаза?

— Они не в своей тарелке, — ответил Джек, и полисмен залаял. Лишь секундой позже Джек понял, что это смех.

— Уведи их отсюда, Фрэнки. — Судья уже тянулся к телефонному аппарату. — Через тридцать дней вы вернетесь совсем другими. Можете не сомневаться.

Когда они спускались по ступеням красного здания муниципалитета, Джек спросил Фрэнки Уильямса, зачем судье потребовался их возраст. Коп остановился на нижней ступеньке, повернулся, чтобы пронзить Джека яростным взглядом.

— Гарденер принимает мальчишек с двенадцати лет и отпускает их в девятнадцать. — Он ухмыльнулся. — Ты хочешь сказать, что никогда не слышал о нем по радио? Он едва ли не единственная наша знаменитость. Я уверен, что о старине Лучезарном Гарденере знают даже в Дейлвилле.

Зубы у полицейского были маленькие, бесцветные и неровные.

3

Двадцать минут спустя они вновь ехали по сельской местности.

Волк залез на заднее сиденье патрульного автомобиля практически без возражений. Фрэнки Уильямс отцепил дубинку и спросил: «Хочешь еще, гребаный урод? Как знать, может, у тебя ума прибавится». Волк задрожал, сморщился, но последовал за Джеком в кабину. Тут же зажал рукой нос и принялся дышать ртом.

— Мы оттуда удерем, Волк, — прошептал Джек ему на ухо. — Пару дней, не больше, и мы поймем, как это сделать.

— Не болтать, — донеслось с переднего сиденья.

Джек ощущал непонятную расслабленность. Он точно знал, что они найдут способ удрать. Держа Волка за руку, он откинулся на спинку заднего сиденья и наблюдал, как мимо проплывают поля.

— Вот он, — подал голос Фрэнки Уильямс. — Ваш будущий дом.

Джек увидел две сходящиеся кирпичные стены, сюрреалистично выросшие среди полей. Высокие, полностью скрывающие все, что за ними находится. Более того, по стенам вокруг «Лучезарного дома» тянулись три ряда колючей проволоки, а цемент поверху был утыкан битым стеклом. Теперь автомобиль ехал среди убранных полей с изгородями из чередующихся нитей колючей и обычной проволоки.

— У них тут шестьдесят акров, — пояснил Уильямс. — И везде или стены, или изгороди... можете мне поверить. Мальчишки сделали это сами.

Широкие железные ворота вели на территорию «Дома». Едва патрульный автомобиль свернул на подъездную дорожку, они распахнулись, подчиняясь какому-то электронному сигналу.

— Телевизионная камера, — продолжил объяснять коп. — Они ждут двух свежих рыбок.

Джек наклонился вперед, прижался лицом к окну. Мальчишки в джинсовых куртках работали на полях с обеих сторон, что-то рыли, вскапывали, катили тачки.

— Вы, двое засранцев, только что заработали мне двадцать баксов, — добавил Уильямс. — Плюс еще двадцать судье Фэрчайлду. Разве не здорово?

Глава 21
«ЛУЧЕЗАРНЫЙ ДОМ»

1

Джек подумал, что «Дом» словно построен из детских кубиков: его расширяли по мере необходимости. А потом увидел, что все окна забраны решетками — это была скорее тюрьма, чем приют.

Большинство мальчишек прервало работу, чтобы проводить взглядами полицейский автомобиль.

Фрэнки Уильямс выехал на широкий круг, которым заканчивалась подъездная дорожка. Едва он заглушил двигатель, из парадной двери вышел высокий мужчина и остановился, сложив перед собой руки с переплетенными пальцами, глядя на патрульный автомобиль с верхней ступени. Лицо под копной волнистых седых волос казалось неестественно молодым — словно к созданию этих резких, мужественных черт приложил руку пластический хирург. Человек с таким лицом мог продать что угодно, где угодно и кому угодно. Одевался он под цвет волосам: белый костюм, белые туфли, белая рубашка, белый шелковый шарф. Когда Джек и Волк вылезли с заднего сиденья, мужчина в белом достал из кармана костюма темно-зеленые солнцезащитные очки, надел их и мгновение словно всматривался в новичков, прежде чем улыбнуться — длинные складки прорезали его щеки. Затем он снял очки и убрал в карман.

— Так-так-так. Что бы мы без вас делали, патрульный Уильямс?

— День добрый, преподобный Гарденер, — поздоровался полисмен.

— Все как обычно, или эти двое самоуверенных типов действительно совершили преступное деяние?

— Бродяги. — Уперев руки в бедра, Уильямс щурился, глядя на Гарденера, словно ему слепило глаза. — Отказались назвать Фэрчайлду свои настоящие имена. Этот, большой, — он ткнул пальцем в Волка, — практически не говорит. Мне пришлось стукнуть его по голове, чтобы усадить в машину.

Гарденер сочувственно покачал головой.

— Почему бы вам не привести их сюда, чтобы они могли представиться, а уж потом мы займемся необходимыми формальностями. Есть ли причина, по которой эти двое

должны выглядеть такими... э-э-э... скажем, одурманенными?

— Я только врезал здоровяку промеж ушей, ничего больше.

— Мм. — Гарденер отступил на шаг, сложил руки домиком перед грудью.

Когда подростки в сопровождении Уильямса поднялись на длинное крыльцо, преподобный склонил голову набок, оглядывая вновь прибывших. Джек и Волк, миновав последнюю ступеньку, прошли чуть дальше, Фрэнки Уильямс вытер лоб и остался позади. Гарденер рассеянно улыбался, но его глаза бегали от одного подростка к другому. И через мгновение после того, как что-то жесткое, холодное и знакомое прыгнуло из его глаз к Джеку, преподобный вновь достал солнцезащитные очки и надел их. Улыбка осталась легкой и рассеянной, иллюзорное чувство безопасности никуда не делось, но Джек, пусть глаза Гарденера и скрыло стекло, застыл под их взглядом... потому что уже с ним сталкивался.

Преподобный Гарденер сдвинул очки ближе к кончику носа и игриво посмотрел поверх них.

— Имена? Имена? Можем ли мы узнать от этих двух джентльменов, как их зовут?

— Я Джек, — ответил Джек и замолчал... не хотел без необходимости произносить ни единого слова. Реальность вдруг деформировалась: он почувствовал, что его рывком выбросило в Долины, но теперь Долины стали злобными и угрожающими, вокруг поднимался зловонный дым, колыхались языки пламени, слышались крики истязаемых людей.

Крепкие пальцы сомкнулись на его локте и поддержали. Вместо вони и дыма Джека окатило густым ароматом щедрой порции цветочного одеколона. Меланхоличные серые глаза смотрели в упор.

— Ты был плохим мальчиком, Джек? Ты был очень плохим мальчиком?

— Нет, мы просто ехали на попутках и...

— Я думаю, ты чуток обкурился, — прервал его преподобный Гарденер. — Нам придется уделить тебе особое внимание, верно? — Его пальцы выпустили локоть Джека, Гарденер отступил на шаг, опять водрузил на нос солнцезащитные очки. — Фамилия, как я понимаю, у тебя есть.

— Паркер, — ответил Джек.

— Да-с-с-с. — Гарденер сдернул очки, легко, словно в танце, повернулся к Волку, уставился на него. Ничем не показывая, поверил он Джеку или нет. — Вот это да! Здоровья тебе не занимать, верно? Настоящий крепыш. Здесь, слава Богу, мы определенно найдем занятие для такого сильного парня, как ты. Могу я попросить тебя взять пример с нашего мистера Джека Паркера и назвать мне свое имя?

Джек в тревоге взглянул на Волка. Тот стоял, опустив голову, тяжело дыша. Сверкающий ручеек слюны стекал из уголка рта на подбородок. Черное пятно — грязь, смешанная с жиром, — красовалось на украденном свитере. Волк покачал головой, но движение это, похоже, ничего не значило: он словно стряхивал с лица муху.

— Имя, сынок? Имя? Тебя зовут Билл? Пол? Арт? Сэмми? Нет... наверняка что-нибудь более мужественное, я уверен. Может, Джордж?

— *Волк, — ответил он.*

— Ах, это мило. — Гарденер широко улыбнулся им обоим. — Мистер Паркер и мистер Волк. Вас не затруднит проводить их в дом, патрульный Уильямс? И какое счастье, что у нас уже есть мистер Баст. Присутствие мистера Гектора Баста — он, между прочим, один из наших помощников — означает, что мы, вероятно, сможем одеть мистера Волка. — Он посмотрел на подростков поверх очков. — Здесь, в «Библейском доме», мы верим, что солдаты Господа маршируют лучше, если маршируют в униформе. И Гек Баст — почти такой же здоровяк, как твой друг Волк, юный Джек Паркер. Поэтому как по части одежды,

так и по части дисциплины вас обслужат в лучшем виде. Это приятно, да?

— Джек? — прошептал Волк.

— Что?

— У меня болит голова, Джек. Сильно болит.

— Твоя маленькая голова донимает тебя болью, Волк?

Лучезарный Гарденер танцующим шагом приблизился к Волку и похлопал того по руке. Волк отпрянул, на его лице отразилось отвращение. Джек знал, что причина в одеколоне — тяжелый облепляющий запах действовал на чувствительные ноздри Волка как нашатырь.

— Не важно, сынок. — Гарденера такая реакция ничуть не смутила. — Мистер Баст и мистер Сингер, другой наш помощник, позаботятся о тебе. Фрэнк, вроде бы я попросил тебя отвести их в «Дом».

Патрульному Уильямсу будто вонзили в зад иголку. Его лицо побагровело еще сильнее, тоненькие ножки понесли массивное тело к парадной двери.

Лучезарный Гарденер вновь весело посмотрел на Джека, и мальчик вдруг понял, что его наряд — способ поразвлечься: внутри этот мужчина в белом холоден как лед и безумен. Тяжелая золотая цепь со звоном выскользнула из рукава Гарденера и устроилась у основания большого пальца. Джек услышал свист кнута, рассекающего воздух, и наконец узнал эти темно-серые глаза.

Гарденер был двойником Осмонда.

— В дом, молодые люди. — Гарденер шутливо поклонился и указал на открытую дверь.

2

— Между прочим, мистер Паркер, — заговорил Гарденер, едва они переступили порог, — возможно ли, что мы встречались раньше? Должна же быть веская причина, по которой ваше лицо так мне знакомо, правда?

— Я не знаю, — ответил Джек, внимательно оглядывая странный интерьер «Библейского дома».

Длинные диваны, обитые темно-синей материей, стояли вдоль стены на ковре травянисто-зеленого цвета. У противоположной стены возвышались два массивных стола, покрытых кожей. Сидевший за одним прыщавый подросток взглянул на них безо всякого интереса, а потом вновь повернулся к телеэкрану, на котором проповедник яростно поносил рок-н-ролл. Подросток за соседним столом выпрямился и агрессивно уставился на Джека. Сухощавый, черноволосый, с узким лицом, на котором читались ум и вспыльчивость. К карману его белого свитера с высоким облегающим воротником крепилась прямоугольная именная табличка вроде тех, какие носят солдаты: «СИНГЕР».

— Но я действительно думаю, что мы где-то встречались, так, мой мальчик? Заверяю тебя, не могли не встречаться... я не забываю, в прямом смысле не способен забыть лицо мальчика, которого когда-то видел. Раньше тебе приходилось иметь дело с полицией, Джек?

— Я никогда вас не видел, — ответил тот.

У противоположной стены здоровенный парень уже поднялся с одного из синих диванов и стоял, вытянувшись во весь рост. Тоже в белой водолазке и с солдатской именной табличкой. Его руки нервно бродили по ремню, залезали в карманы джинсов, падали вдоль боков. На щеках и лбу горели угри. Конечно же, это был Баст.

— Ладно, возможно, вспомню позже, — кивнул Лучезарный Гарденер. — Гек. Подойди сюда и помоги нашим новеньким у стола, хорошо?

Баст, хмурясь, сдвинулся с места. Он пер прямо на Волка и лишь в последний момент качнулся в сторону, нахмурившись пуще прежнего. Если бы Волк открыл глаза — а он их не открывал, — то увидел бы лишь прыщавый лоб Баста и маленькие злобные медвежьи глазки, тара-

щившиеся из-под жестких бровей. Баст сместил взгляд на Джека, пробормотал: «Пошли» — и махнул рукой в сторону стола.

— Зарегистрируй их, потом отведи в прачечную за одеждой, — бесстрастным голосом распорядился Гарденер. Ослепительно улыбнулся Джеку. — Джек Паркер, — промурлыкал он. — Интересно, кто ты на самом деле, Джек Паркер. Баст, убедись, что он ничего не оставит в карманах.

Баст ухмыльнулся.

Лучезарный Гарденер направился через комнату к Фрэнки Уильямсу, который, похоже, уже начал терять терпение, и неспешно достал из кармана длинный кожаный бумажник. Джек увидел, как он отсчитывает купюры.

— Смотри сюда, сучонок, — прошипел подросток, сидевший за письменным столом, и Джек повернулся к нему. Подросток вертел в руке карандаш, усмешка на лице не скрывала злость — неистощимые запасы бурлящей внутри ярости. — Он умеет писать?

— Я так не думаю.

— Тогда тебе придется расписаться за него. — Сингер пододвинул к Джеку два бланка. — Печатные буквы поверху, подпись внизу. Где кресты. — Он откинулся на спинку стула, поднял карандаш к губам, ловко засосал уголком рта. Джек предположил, что этому фокусу он научился у преподобного Лучезарного Гарденера.

«ДЖЕК ПАРКЕР», — написал он печатными буквами, а внизу поставил какую-то закорючку. «ФИЛИП ДЖЕК ВОЛК». Еще одна закорючка, совсем уж не похожая на его почерк.

— Теперь вы подопечные штата Индиана и будете таковыми в течение тридцати следующих дней, если не решите задержаться подольше. — Сингер забрал бланки. — Вы...

— Решим? — переспросил Джек. — Что значит — решим?

На щеках Сингера затеплились пятнышки румянца. Он дернул головой и вроде бы улыбнулся.

— Конечно, ты не знаешь, что шестьдесят процентов парней находятся здесь добровольно. Такое возможно, да. Вы можете изъявить желание остаться.

Джек пытался сохранить лицо бесстрастным.

Рот Сингера яростно дернулся, словно подцепленный рыболовным крючком.

— Место это очень хорошее, и я выбью из тебя все дерьмо, если услышу, что ты его ругаешь. Я уверен, это лучшее место, в котором ты когда-либо бывал. Скажу тебе еще — у тебя нет выбора. Ты должен уважать «Лучезарный дом». Понятно?

Джек кивнул.

— Как насчет него? Он понимает?

Джек посмотрел на Волка, который медленно моргал и дышал через рот.

— Думаю, да.

— Хорошо. Вы двое будете жить в одной комнате. День начинается в пять утра, когда мы идем в часовню. Работа на полях до семи, потом завтрак в столовой. Возвращаемся на поле до полудня, когда у нас ленч и чтение Библии — читать могут попросить любого, и тебе лучше заранее подумать, что именно ты прочитаешь. Никакого секса из Песни песней, или узнаешь, почем здесь дисциплина. После ленча — опять работа.

Он резко глянул на Джека.

— Эй, не думай, что в «Лучезарном доме» работают бесплатно. Часть нашей договоренности со штатом. Каждый получает разумное почасовое жалованье, из которого удерживается стоимость содержания — одежда, еда, электричество, отопление, все такое. Вам будут платить пятьдесят центов в час. То есть пять долларов в день за отработанные часы, тридцать в неделю. Воскресенья мы проводим в Лучезарной часовне, за исключением того

времени, когда слушаем «Час проповеди Лучезарного Гарденера».

Красные пятна вновь вспыхнули на щеках Сингера, и Джек согласно кивнул, посчитав, что от него этого ждут.

— Если ты ведешь себя как положено и можешь говорить как человеческое существо, что многим недоступно, тогда тебя могут привлечь в У-ка — уличную команду. У-ка состоит из двух групп. Одна работает на улицах. Продает листовки с гимнами, цветы и проповеди преподобного Гарденера. Вторая делает то же самое в аэропорту. В любом случае у нас есть тридцать дней, чтобы вернуть вас на путь истинный и показать, какой мерзкой, грязной и заразной была ваша жизнь до того, как вы пришли сюда, и начнем мы прямо сейчас.

Сингер встал, его лицо обрело цвет пламенеющего осеннего листа, он уперся кончиками пальцев в стол.

— Содержимое карманов на стол. Прямо сейчас..

— Прямо здесь и сейчас, — пробормотал Волк, словно в ответ.

— ВЫВЕРНУТЬ КАРМАНЫ! — взвизгнул Сингер. — Я ХОЧУ ВИДЕТЬ ВСЕ!

Баст возник рядом с Волком. Преподобный Гарденер, отправив Фрэнки Уильямса к его автомобилю, подошел к Джеку.

— Мы выяснили, что личные вещи слишком привязывают наших мальчиков к прошлому, — проворковал Гарденер Джеку. — Мешают перестраиваться. Мы обнаружили, что это очень эффективное средство.

— СОДЕРЖИМОЕ КАРМАНОВ НА СТОЛ! — проревел Сингер, едва контролируя переполнявшую его ярость.

Джек выложил из карманов все, что накопилось там за время его путешествия. Красный носовой платок жены Элберта Паламаунтина, который она дала ему, увидев, что он вытирает нос рукавом; несколько бумажных дол-

ларов и мелочь, шесть долларов сорок два цента, все оставшиеся у него деньги; ключ от номера 407 в «Альгамбре». Он сжал в кулаке три предмета, которые хотел сохранить.

— Наверное, вы захотите забрать и мой рюкзак.

— Будь уверен, жалкий маленький пердун, — рявкнул Сингер, — разумеется, мы захотим забрать твой вонючий рюкзак, но сначала мы захотим забрать то, что ты пытаешься спрятать от нас. Выкладывай... прямо сейчас.

С неохотой Джек достал из кармана медиатор Спиди, большой стеклянный шарик и серебряный доллар и положил на носовой платок.

— Они приносят удачу.

Сингер схватил медиатор.

— Эй, а это что? Для чего?

— Медиатор, для игры на гитаре.

— Да, конечно. — Сингер повертел медиатор в руке, понюхал. Если бы попробовал на зуб, Джек бы его ударил. — Медиатор. Ты говоришь правду?

— Мне дал его друг, — ответил Джек и внезапно почувствовал себя совсем одиноким и беспомощным. Подобные ощущения возникали и раньше, но с такой силой — впервые. Он подумал о сидевшем у торгового центра Снежке, который смотрел на него глазами Спиди. Снежке, который в каком-то смысле, пусть Джек этого и не понимал, на самом деле был Спиди Паркером, чью фамилию Джек теперь называл своей.

— Готов спорить, он его украл, — фыркнул Сингер, ни к кому конкретно не обращаясь, и бросил медиатор на носовой платок, рядом с серебряным долларом и стеклянным шариком. — Теперь рюкзак.

После того как Джек снял с плеч рюкзак и протянул Сингеру, тот несколько минут рылся в нем с написанным на лице растущим отвращением и раздражением. Отвращение вызывали немногие предметы одежды,

остававшиеся в рюкзаке, раздражение — нежелание рюкзака отдать хоть какие-то хранящиеся в нем наркотики.

Спиди, где ты сейчас?

— Ничего нет, — пожаловался Сингер. — Вы думаете, надо провести личный досмотр?

Гарденер покачал головой.

— Давайте поглядим, что мы сможем получить от мистера Волка.

Баст приблизился к Волку.

— Ну? — спросил Сингер.

— У него в карманах ничего нет, — ответил Джек.

— Я хочу, чтобы эти карманы стали ПУСТЫМИ! — проревел Сингер. — ПУСТЫМИ! ВСЕ НА СТОЛ!

Волк ткнулся подбородком в грудь и еще крепче зажмурился.

— У тебя в карманах что-то есть? — спросил Джек.

Волк один раз кивнул, очень медленно.

— У него наркота! У дурачка наркота! — прокаркал Сингер. — Давай, большой безмозглый идиот, выкладывай товар на стол. — Он дважды резко хлопнул в ладоши. — Подумать только, Уильямс не обыскал его! И Фэрчайлд не обыскал! Это невероятно — какие же они придурки!

Баст подступил к Волку вплотную и прорычал:

— Если ты сейчас же не выложишь содержимое карманов на этот стол, я тебе пасть порву.

— Доставай, Волк, — мягко попросил Джек.

Волк застонал. Потом вытащил из правого кармана сжатую в кулак руку. Наклонился вперед, вытянул кулак перед собой, разжал пальцы. Три спички и два маленьких отполированных водой разноцветных камушка упали на кожу. Когда разжалась левая рука, еще два таких же красивых камушка присоединились к первым двум.

— Колеса! — завопил Сингер.

— Не идиотничай, Сонни, — осадил его Гарденер.

— Ты выставил меня дебилом, — возмущенно шепнул Сингер Джеку, едва они оказались на лестнице, которая вела на верхние этажи. Ступени покрывала вытертая розовая ковровая дорожка. В «Библейском доме» только комнаты первого этажа радовали убранством — за остальными особо не приглядывали. — Ты об этом пожалеешь, я тебе это обещаю. Здесь никто не выставляет Сонни Сингера на посмешище. Я здесь практически главный, слышите, два идиота! Господи! — Он почти ткнулся пылающей физиономией в лицо Джека. — Это был классный трюк, недоумок и его гребаные камушки. Он еще долго будет тебе аукаться!

— Я не знал, что у него что-то есть в карманах, — ответил Джек.

Сингер, шедший на шаг впереди Джека и Волка, резко остановился. Его глаза сузились. Все лицо, казалось, перекосило. Джек понял, что сейчас произойдет, за секунду до того, как Сингер отвесил ему оплеуху.

— Джек? — прошептал Волк.

— Я в порядке, — ответил тот.

— Если ты ударяешь меня, я ударяю в два раза сильнее, — прошипел Сингер Джеку. — А если ты ударяешь меня в присутствии преподобного Гарденера, я ударяю тебя в четыре раза сильнее, усек?

— Да, — кивнул Джек, — думаю, да. Разве нам не должны выдать одежду?

Сингер развернулся и продолжил подъем, но Джек еще секунду стоял и смотрел на напряженную узкую спину подростка. *И ты тоже*, подумал Джек. *Ты и Осмонд. Придет день.* Потом последовал за Сингером. Волк не отставал.

В длинной комнате, заставленной коробками, Сингер переминался с ноги на ногу у двери, пока высокий парень

с ничего не выражающим тупым лицом и движениями лунатика искал для них одежду.

— И обувь тоже. Ты найдешь ему подходящие ботинки или весь день будешь махать лопатой, — предупредил Сингер от двери, сознательно не глядя на кладовщика. Скучающее презрение — этому он тоже научился у Лучезарного Гарденера.

Кладовщик наконец-то нашел в углу пару тяжелых крепких черных ботинок тринадцатого размера, и Джек надел их на ноги Волка. Затем Сингер поднялся с ними на этаж, где находились спальни. Здесь уже никто не пытался скрыть истинной природы «Лучезарного дома». Узкий коридор тянулся по всей длине здания — добрых пятьдесят футов. В коридор с обеих сторон выходили узкие двери с окошечками на уровне глаз. Так называемый спальный этаж напомнил Джеку тюрьму.

Сингер прошел чуть вперед и остановился перед одной из дверей.

— В первый день никто не работает. Начнете с завтрашнего утра. Так что заходите и до пяти часов читайте ваши Библии. Я приду в пять и выпущу вас к исповеди. И переоденьтесь в здешнюю одежду, ясно?

— Ты хочешь сказать, что запрешь нас на следующие три часа? — спросил Джек.

— А ты хочешь, чтобы я держал тебя за руку? — взорвался Сингер, его лицо вновь покраснело. — Слушай, если бы ты пришел сюда добровольно, я бы позволил тебе походить по территории, обвыкнуться. Но раз уж тебя прислал штат по просьбе местного полицейского участка, ты мало чем отличаешься от приговоренного преступника. Может, через тридцать дней ты и станешь добровольцем, если тебе повезет. А пока марш в комнату и начинай вести себя как человеческое существо, созданное по образу и подобию Господа, а не как животное. — Он нетерпеливо сунул ключ в замок, распахнул дверь и встал рядом. — Быстро. У меня полно работы.

— А что будет с нашими вещами?

Сингер нарочито вздохнул.

— Паршивая тварь, неужели ты думаешь, что мы захотим украсть что-то из вашего дерьма?

Джек воздержался от ответа.

Сингер вздохнул вновь.

— Ладно. Мы сохраним их для тебя, в конверте с твоим именем. В кабинете преподобного Гарденера внизу — там мы храним и ваши деньги, до полного вашего освобождения. Ясно? Заходи, не то я доложу о твоем неподчинении. Я серьезно.

Волк и Джек вошли в маленькую комнату. Когда Сингер с грохотом захлопнул дверь, над потолком автоматически зажегся свет, озарив каморку без окон, с металлической двухъярусной кроватью, маленькой раковиной в углу и металлическим стулом. Ничего больше. На побеленных стенах желтели отметины от скотча в тех местах, где крепились картинки, которыми украшали комнату ее прежние постояльцы. Щелкнул запирающийся замок, Джек и Волк увидели в маленьком прямоугольном окошке злобное лицо Сингера.

— Будьте хорошими мальчиками, — усмехнулся он и исчез.

— Нет, Джек, — простонал Волк. Всего какой-то дюйм отделял его макушку от потолка. — Волк не может здесь оставаться.

— Ты лучше сядь, — предложил Джек. — Хочешь занять нижнюю койку или верхнюю?

— Что?

— Займи нижнюю и сядь. Мы попали в беду.

— Волк знает, Джеки. Волк знает. Это плохое-плохое место. Не могу оставаться.

— Почему это плохое место? Я хочу сказать, откуда ты знаешь?

Волк тяжело опустился на нижнюю койку, бросил новую одежду на пол, взял с кровати книгу и брошюры. Пе-

реплет книги — разумеется, Библии — был изготовлен из какого-то пластика, напоминавшего синюю кожу. Брошюры назывались «Прямая дорога к вечной милости Господней» и «Бог любит тебя!».

— Волк знает. И ты тоже знаешь, Джеки! — Волк посмотрел на него, почти со злостью. Потом вновь перевел взгляд на брошюры, начал их вертеть, обнюхивать. Джек предположил, что раньше он книг не видел.

— Белый человек. — Эти слова Волк произнес так тихо, что Джек едва его расслышал.

— Белый человек?

Волк протянул ему одну из брошюр, на обратной стороне которой была черно-белая фотография преподобного Лучезарного Гарднера. Его роскошные седые волосы ерошил ветер, он стоял раскинув руки — носитель вечного милосердия, любимый Богом!

— Он, — продолжил Волк. — Он убивает, Джеки. Кнутами. Это одно из *его* мест. Ни одному Волку нельзя быть в *его* местах. Джеку Сойеру тоже. Никогда. Нам надо выбираться отсюда, Джеки.

— Мы выберемся, — ответил Джек. — Я тебе обещаю. Не сегодня, не завтра... нам надо продумать как. Но скоро.

Ноги Волка далеко вылезали за край кровати.

— Скоро.

3

«Скоро» — пообещал он, и Волку требовалось это обещание. Волк пребывал в ужасе. Джек не мог сказать, видел ли тот Осмонда в Долинах, но Волк определенно слышал о нем. Похоже, Осмонда, по крайней мере в семье Волка, боялись даже больше, чем Моргана. Однако, хотя и Волк, и Джек узнали Осмонда в Лучезарном Гарденере, последний их не признал, возможно, по одной из двух причин.

Или Гарденер просто разыгрывал их, изображая неведение, или он был таким же двойником, как и мать Джека, связанным с человеком в Долинах, но знающим об этом только на глубинном уровне сознания.

В этом случае, а Джек думал, что так оно и есть, они с Волком могли выждать действительно удобный момент для побега. Они располагали временем, чтобы осмотреться, выяснить, что к чему.

Джек надел шершавую новую одежду. Крепкие черные башмаки весили несколько фунтов каждый и подходили на любую ногу. Не без проблем он убедил Волка надеть местную униформу. Потом оба легли. Джек услышал, как Волк захрапел, и через какое-то время задремал сам. В его снах мать находилась где-то в темноте и отчаянно звала на помощь.

Глава 22
ПРОПОВЕДЬ

1

В пять пополудни в коридоре раздался электрический звонок — невыразительное протяжное дребезжание. Волк вскочил с нижней койки, при этом так сильно ударившись головой о верхнюю, что окончательно разбудил полусонного Джека. Через пятнадцать секунд или около того звонок перестал дребезжать, и тут же закричал Волк.

Пошатываясь, он проковылял в угол, обхватив голову руками.

— Плохое место, Джек! Плохое место прямо здесь и сейчас! Мы должны выбраться отсюда! Должны выбраться отсюда ПРЯМО ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС!

Раздался стук в стену.

— Заткните этого недоумка!

С другой стороны донеслось пронзительное, подвывающее ржание.

— Ваши души озаряет солнечный свет, парни! И, судя по тому, как голосит этот здоровяк, это *приятно*! — Снова пронзительный смех, больше похожий на крик ужаса.

— *Плохо, Джек! Волк! Джейсон! Плохо! Плохо, плохо...*

С обеих сторон коридора распахивались двери. Джек слышал грохот множества ног, обутых в тяжелые башмаки «Лучезарного дома».

Он спустился с верхней койки, заставляя себя шевелиться. Чувствовал, что еще не обрел полного контакта с реальностью — уже не спал, но еще и не проснулся. И когда Джек пытался пересечь маленькую комнатку, чтобы добраться до Волка, ему казалось, что вместо воздуха она заполнена густым сиропом. Он чувствовал себя таким уставшим... очень, очень уставшим.

— Волк, Волк, прекрати.

— Не могу, Джеки. — Волк рыдал, сжимая руками голову, словно боялся, что она взорвется.

— Ты должен, Волк. И нам пора выходить в коридор.

— Не могу, Джеки, — плакал Волк. — Это плохое место. Плохие запахи.

В коридоре кто-то — Джек подумал, что Гек Баст — крикнул:

— Все на исповедь!

— Все на исповедь! — завопил кто-то еще, и тут уж многие подхватили:

— *Все на исповедь! Все на исповедь!*

Это звучало как необычная футбольная речевка.

— Если мы хотим выбраться отсюда живыми, нам надо сохранять спокойствие.

— Не могу, Джеки, не могу сохранять спокойствие, плохое...

Их дверь могла открыться в любую минуту, впустив Баста или Сонни Сингера... возможно, обоих. Они не подчинились команде «все на исповедь», что бы это ни значило, и хотя новичкам в «Лучезарном доме» полагались какие-то поблажки, Джек считал, что их шансы на побег возрастут, если они как можно быстрее подстроятся под здешние правила. Но с Волком, похоже, все сильно усложнялось. *Господи, я сожалею, что втянул тебя в эту историю, здоровяк*, подумал Джек. *Но вышло как вышло. И если мы не оседлаем сложившуюся ситуацию, она подомнет нас под себя. Придется обойтись с тобой жестоко, но это ради твоего же блага.* И добавил, уже для себя: *Я на это надеюсь.*

— Волк, — прошептал он, — ты хочешь, чтобы Сингер опять начал меня бить?

— Нет, Джек, нет...

— Тогда тебе лучше выйти со мной в коридор. Ты должен помнить: от того, что и как ты делаешь, во многом зависит отношение Сингера и этого парня, Баста, ко мне. Сингер ударил меня из-за твоих камушков...

— Кто-то может ударить и его, — произнес Волк тихим, спокойным голосом, но глаза его вдруг сузились. Полыхнули оранжевым. На мгновение Джек увидел блеск белых зубов. И Волк не улыбался — просто его зубы вдруг стали больше.

— Даже не думай об этом, — отрезал Джек. — Станет только хуже.

Руки Волка повисли плетьми.

— Джек, я не знаю...

— Ты попытаешься? — Джек вновь нервно глянул на дверь.

— Я попытаюсь, — дрожащим шепотом выдохнул Волк. В его глазах стояли слезы.

2

Коридор верхнего этажа мог бы заливать яркий предвечерний солнечный свет — но не заливал. На высоких викторианских окнах в конце коридора, похоже, стояли специальные фильтры, и мальчишки могли выглянуть наружу (туда, где сиял настоящий солнечный свет), а свет проникнуть внутрь не мог. Он, казалось, падал замертво на узкие подоконники.

Сорок мальчишек стояли перед двадцатью дверьми, по десять с каждой стороны коридора. Джек и Волк появились гораздо позже остальных, но их опоздание прошло незамеченным. Сингер, Баст и еще двое парней нашли себе другую жертву и не обращали внимания на прочих.

Жертва — узкогрудый очкастый подросток лет пятнадцати — стояла по стойке смирно со спущенными на башмаки чиносами. Без трусов.

— Ты это еще не прекратил? — спросил Сингер.

— Я...

— Заткнись! — крикнул один из двух парней, составлявших компанию Басту и Сингеру. Все четверо были в синих джинсах, а не в чиносах, и в чистых белых водолазках. Джек скоро узнал фамилию крикнувшего парня — Уорвик. И четвертого, толстого, — Кейси.

— Когда мы захотим, чтобы ты говорил, тебе об этом скажут! — рявкнул Уорвик. — Ты все еще дергаешь своего хорька, Мортон?

Мортон трясся и молчал.

— ОТВЕЧАЙ ЕМУ! — взвизгнул Кейси. Этот толстячок чем-то напоминал злобного Твидлдума.

— Нет, — прошептал Мортон.

— ЧТО? ГРОМЧЕ! — рявкнул Сингер.

— Нет! — простонал Мортон.

— Если сможешь продержаться целую неделю, получишь обратно трусы, — произнес Сингер с таким ви-

дом, словно делает большое одолжение тому, кто этого не заслуживает. — А теперь подтяни штаны, маленький гаденыш.

Мортон, всхлипывая, нагнулся и подхватил штаны.

Мальчишки направились на исповедь и ужин.

3

Для исповеди использовалась большая комната с голыми стенами, расположенная напротив столовой. Оттуда просачивались сводящие с ума запахи тушеных бобов и хот-догов, и Джек видел, как ритмично раздувались ноздри Волка. Впервые в его тусклых глазах появился какой-то интерес.

Джек опасался «исповеди» гораздо больше, чем показывал Волку. Лежа на верхней койке, с руками под головой, он увидел что-то черное в верхнем углу комнаты. Подумал, что это какой-то дохлый жучок или оставшийся от него хитиновый панцирь, решил, что вблизи сможет разглядеть и паутину, в которую угодило насекомое. Приглядевшись, понял, что это «жучок», но созданный не природой. Маленький старомодный микрофон крепился к стене рым-болтом. От микрофона змеился провод, скрывавшийся в неровной дыре. Никто и не предпринимал особых усилий, чтобы скрыть микрофон. Он, похоже, входил в пакет предоставляемых услуг. Большие уши Лучезарного Гарденера.

После этого «жучка», после отвратительной сцены с Мортоном в коридоре Джек ожидал, что здешняя исповедь — нечто жестокое, пугающее, враждебное. Кто-то — возможно, сам Лучезарный Гарденер, более вероятно, Сонни Сингер или Гектор Баст — попытается заставить его признаться, что он употреблял наркотики, ночью вламывался в дома и грабил поздних прохожих, плевал на все тротуары, какие попадались по пути, и гонял

шкурку после тяжелого дня. А если он ничего такого и не делал, они будут доставать его, пока он во всем не сознается. Приложат все силы для того, чтобы его сломать. Джек полагал, что сумеет выдержать, но за Волка поручиться не мог.

Однако больше всего Джека встревожило другое: он видел, с каким нетерпением мальчишки ожидали исповеди.

Приближенные — парни в белых водолазках — сели около передней стены. Джек огляделся и увидел, что остальные тупо не отрывают глаз от распахнутой двери. Он предположил, что они думают об ужине — запахи ему чертовски нравились, учитывая все эти недели, прожитые на гамбургерах вперемежку с большими порциями голодухи. Потом в комнату быстрым шагом вошел Лучезарный Гарденер, и Джек заметил, что ожидание сменилось предвкушением наслаждения. То есть они ждали все-таки не ужина. Мортон, который пятнадцать минут назад стоял в верхнем коридоре со спущенными штанами, выглядел необычайно счастливым.

Мальчишки встали. Волк сидел — с раздувающимися ноздрями, сбитый с толку и испуганный, — пока Джек не поднял его, ухватив за рубашку.

— Делай все как они, Волк, — прошептал он.

— Садитесь, мальчики. — Гарденер улыбался. — Пожалуйста, садитесь. — Они сели. Преподобный пришел на исповедь в линялых синих джинсах и расстегнутой у горла ослепительно белой шелковой рубашке на́выпуск. Глядя на мальчишек, он ласково улыбался, они же по большей части смотрели на него с обожанием. Джек обратил внимание на одного подростка со скошенным подбородком, маленькими изящными кистями, белыми, как фарфор дяди Томми, и вьющимися каштановыми волосами, образовывавшими вдовий мысок. Подросток отвернулся и прикрыл рот рукой, чтобы скрыть усмешку, и у Джека от-

легло от сердца. Вероятно, здесь еще остались здравомыслящие люди... но мало. Чувствовалось, что им всем основательно промыли мозги. Один мальчишка, со здоровенными неровными зубами, смотрел на Лучезарного Гарденера с обожанием.

— Давайте помолимся. Гек, ты начнешь?

Гек начал. Молился он быстро и механически. Словно включился проигрыватель с дислексической записью. Попросив Бога оказывать им содействие в грядущие дни и недели, простить их прегрешения и помочь стать более достойными людьми, Гек Баст протараторил: «Воимяиисусааминь» — и сел.

— Спасибо тебе, Гек, — поблагодарил его Гарденер. Взял стул, развернул спинкой от себя и оседлал, как ковбой из вестерна. Сегодня он пребывал в превосходном настроении. Безумие, которое этим утром уловил в нем Джек, ушло. — Давайте выслушаем десять исповедей. Пожалуйста. Не больше. Ты нам поможешь, Энди? — Уорвик, с написанным на лице нелепым благочестием, занял место Гека.

— Благодарю вас, преподобный Гарденер. — Он оглядел мальчишек. — Исповедь. Кто начнет?

Они заерзали... потом начали подниматься руки. Две... шесть... девять.

— Рой Оудерсфелт, — объявил Уорвик.

Рой Оудерсфелт, долговязый подросток с огромным, напоминающим опухоль прыщом на кончике носа, поднялся, заломил перед собой костлявые руки.

— В прошлом году я вытащил из маминого кошелька десять баксов! — объявил он высоким, пронзительным голосом. Одна рука, грязная, с обгрызенными ногтями, поднялась к лицу, коснулась прыща, ковырнула. — Потом пошел в «Волшебный шанс», разменял десятку на четвертаки и принялся играть во все эти игры вроде «Пакмана» и «Лазерного удара», пока четвертаки не закончились.

Она отложила эти деньги, чтобы заплатить за газ, и поэтому у нас на какое-то время отключили отопление. — Моргая, он огляделся. — И мой брат заболел, и его увезли в больницу в Индианаполис с пневмонией! Потому что я украл те деньги! Это моя исповедь. — И Рой Оудерсфелт сел.

— Роя можно простить? — спросил Лучезарный Гарденер.

Мальчишки ответили хором:

— *Роя можно простить.*

— Здесь кто-нибудь может его простить, парни?

— *Здесь не может никто.*

— Кто может его простить?

— *Бог через власть, данную Его единородному Сыну, Иисусу.*

— Ты будешь молить Иисуса, чтобы он замолвил за тебя словечко? — спросил Гарденер Роя Оудерсфелта.

— Конечно, буду! — воскликнул Рой Оудерсфелт дрожащим голосом и вновь ковырнул прыщ. Джек видел, что он плачет.

— И в следующий раз, когда твоя мама приедет сюда, ты собираешься сказать ей, что согрешил против нее, и против своего маленького брата, и против Господа, но теперь ты раскаиваешься в этом, как только можно раскаиваться?

— Будьте уверены!

Лучезарный Гарденер кивнул Энди Уорвику.

— Исповедь, — повторил Уорвик.

Исповеди закончились уже в седьмом часу, и к этому времени все мальчишки, за исключением Джека и Волка, успели поднять руку, надеясь признаться перед собравшимися в каком-то грехе. Кто-то рассказывал о воровстве в магазине. Кто-то о краже бутылки спиртного, ее мгновенном распитии и последовавшей за этим рвоте. Хватало признаний и в употреблении наркотиков.

Вызывал их Уорвик, но смотрели они на Лучезарного Гарденера, ожидая его одобрительного взгляда, и говорили, говорили, говорили...

Благодаря ему они лелеют свои грехи, в тревоге подумал Джек. *Они любят его, хотят, чтобы он их хвалил, и, думаю, могут добиться этого, лишь сознаваясь в совершенных грехах. Скорее всего некоторые из этих бедолаг даже придумывают себе грехи.*

Запахи из столовой усиливались. Желудок Волка урчал уже без перерыва. Однажды, во время слезливого признания мальчишки, который украл номер «Пентхауса», чтобы смотреть на грязные картинки этих «непристойных женщин», как он их называл, желудок Волка заурчал так громко, что Джек локтем двинул его в бок.

По завершении исповедей Лучезарный Гарденер мелодичным голосом произнес короткую молитву. Потом стоял у двери, простой, но ослепительный в джинсах и белой шелковой рубашке, пока мальчишки выходили из комнаты. Когда Джек и Волк проходили мимо, он протянул руку и схватил Джека за запястье.

— Мы с тобой *уже встречались*.

Исповедуйся — требовали глаза Лучезарного Гарденера.

И Джек ощутил желание подчиниться.

Да, конечно, мы знакомы, да. Ты кнутом исполосовал мне спину до крови.

— Нет.

— Да, — возразил Гарденер. — Да. Мы встречались. В Калифорнии? В Мэне? Оклахоме? Где?

Исповедуйся.

— Я никогда вас не видел, — ответил Джек.

Гарденер засмеялся. И Джек внезапно понял, что мысленно Лучезарный Гарденер и смеется, и приплясывает, и размахивает кнутом.

— То же самое сказал Петр, когда его попросили опознать Иисуса Христа. Но Петр солгал. И думаю, ты

тоже лжешь. Мы встречались в Техасе, Джек? В Эль-Пасо? В Иерусалиме в другой жизни? На Голгофе, лобном месте?

— Говорю вам...

— Да-да, я знаю, мы только что встретились. — Опять смешок.

Волк, Джек это видел, отпрянул от Лучезарного Гарденера, насколько позволял дверной проем. Из-за запаха. Удушающего, облепляющего запаха одеколона, которым пользовался преподобный. И пробивающегося сквозь одеколон запаха безумия.

— Я никогда не забываю лица, Джек. Я никогда не забываю лица или места. Я вспомню, где мы встречались.

Его взгляд сместился с Джека на Волка — Волк взвыл и подался назад — вернулся к Джеку.

— Наслаждайся обедом, Джек. Наслаждайся обедом, Волк. Ваша настоящая жизнь в «Лучезарном доме» начнется завтра.

На полпути к лестнице он обернулся. Вновь посмотрел на Джека.

— Я никогда не забываю лица или места, Джек. Я вспомню.

Господи, надеюсь, что нет, холодно подумал Джек. *Надеюсь, не вспомнишь, пока меня не будут отделять две тысячи миль от этой гребаной тюрь...*

Что-то с силой ударило его в спину, Джек вылетел в коридор, размахивая руками, чтобы сохранить равновесие. Ударился головой о бетонный пол, и перед глазами вспыхнули звезды.

Когда смог сесть, увидел рядом улыбающихся Сингера и Баста. За ними виднелся Кейси, белая водолазка плотно обтягивала его толстый живот. Волк смотрел на них, и что-то в его напряженной позе насторожило Джека.

— Нет, Волк! — резко бросил он.

Волк обмяк.

— Иди сюда, дурачок, — рассмеялся Гек Баст. — Не слушай его. Подойди и попробуй, каков я. Если хочешь. Мне всегда нравилось поразмяться перед обедом.

Сингер глянул на Волка и повернулся к Басту.

— Оставь дурачка в покое, Гек. Он всего лишь тело. — Он посмотрел на Джека. — Вот голова. И *голову* мы должны изменить. — Сингер согнулся, уперев руки в колени. Как взрослый, собравшийся сказать доброе слово или два очень маленькому мальчику. — И мы ее изменим, мистер Паркер. Можете поверить.

— Отвали, драчливый говнюк, — сознательно грубо ответил Джек.

Сингер отпрянул, словно его ударили, краска поднялась от воротника, залила лицо. Зарычав, Гек Баст шагнул вперед.

Сингер схватил его за руку, не отрывая глаз от Джека.

— Не сейчас. Позже.

Джек поднялся.

— Вам бы лучше держаться от меня подальше, — ровным голосом сказал он им обоим, и хотя Гектор Баст злобно ощерился, Сонни Сингер, похоже, испугался. Возможно, он на мгновение что-то увидел в лице Джека Сойера, силу и мощь, которых в нем не было почти двумя месяцами раньше, когда гораздо более юный мальчик оставил за плечами маленький прибрежный городок Аркадия-Бич и зашагал на запад.

4

Джек подумал, что дядя Томми отнес бы такой обед — благожелательно, без злой иронии — к американской фермерской кухне. Мальчишки сидели за четырьмя длинными столами, а обслуживали их четверо дежурных, которые переоделись в чистую белую одежду после исповеди.

После еще одной молитвы в столовую принесли еду. Четыре большие стеклянные супницы с тушеными бобами передавали вдоль четырех столов. На блюдах с подогревом лежали дешевые хот-доги, тут же стояли миски с консервированными кусочками ананаса и множество пакетов молока с маркировкой «ПОЖЕРТВОВАННЫЕ ПРОДУКТЫ» и «МОЛОЧНАЯ КОМИССИЯ ШТАТА ИНДИАНА».

Волк ел с мрачной сосредоточенностью, опустив голову, кусок хлеба в одной руке служил для того, чтобы подгребать бобы и вытирать соус. На глазах Джека он съел пять хот-догов и три порции твердых, как пули, бобов. Подумав об их маленькой комнатке без единого окна, Джек задался вопросом, а не понадобится ли ему этой ночью противогаз. Решил, что понадобится, но сомневался, что получит его. Оставалось в ужасе наблюдать, как Волк вновь наполняет тарелку бобами.

После обеда все мальчики встали и убрали со столов грязную посуду. Джек, относя на кухню тарелку, недоеденный Волком кусок хлеба и два кувшина из-под молока, смотрел во все глаза. Надписи на пакетах с молоком подсказали ему вроде бы неплохую идею.

Их привезли не в тюрьму и не в исправительную колонию. Вероятно, это заведение считалось школой-интернатом или чем-то таким, и закон требовал, чтобы сюда приезжали проверяющие из штата Индиана. И на кухню они наверняка заглядывали чаще всего. Решетки на окнах верхних этажей — это нормально. Решетки на кухонных окнах? Джек полагал, что их там нет. Они вызвали бы слишком много вопросов.

Кухня могла послужить хорошим трамплином для побега, поэтому Джек оглядывал ее очень внимательно.

Выглядела она практически так же, как и кухня его школьной столовой в Калифорнии. Пол и стены выложены плиткой, большие раковины и столешницы из не-

ржавеющей стали, буфеты размером с овощной ларь. У одной стены — старая конвейерная посудомоечная машина. Трое мальчишек уже обслуживали ее под присмотром мужчины в белом поварском наряде. Этого худого, бледного мужчину с маленьким крысиным лицом, к верхней губе которого прилипла сигарета без фильтра, Джек сразу записал в возможные союзники. Он сомневался, что Лучезарный Гарденер разрешал своим людям курить.

На стене Джек увидел рамку с сертификатом, в котором указывалось, что эта общественная кухня соответствует стандартам штата Индиана и правительства Соединенных Штатов.

И правда, на окнах с матовыми стеклами — никаких решеток.

Мужчина с крысиным лицом глянул на Джека, отлепил окурок от губы, бросил в одну из раковин.

— Новые рыбки, ты и твой приятель, да? — спросил он. — Что ж, скоро станете старыми рыбками. Здесь, в «Лучезарном доме», рыбка быстро становится старой, так, Сонни?

И пренебрежительно улыбнулся ему. Не вызывало сомнений, что Сонни Сингер не знал, как реагировать на эту улыбку. Он выглядел сконфуженным, не уверенным в себе. Словно ничем не отличался от остальных мальчишек.

— Вы знаете, что вам не положено разговаривать с мальчиками, Рудольф, — пробормотал он.

— Ты можешь просто засовывать свои слова в жопу в любое время, если не хочешь зазря сотрясать воздух, дружище. — Рудольф лениво скользил взглядом по Сонни. — И ты это тоже знаешь, так?

Губы Сингера задрожали, потом изогнулись, наконец плотно сжались.

Он резко развернулся.

— Вечерняя проповедь! — с яростью крикнул он. — Вечерняя проповедь, пошли, быстро, убирайте со столов и выходите в коридор, мы опаздываем! Вечерняя проповедь!

5

Мальчишки спускались по узкой лестнице, освещенной лампами под защитными проволочными колпаками. Стены покрывала влажная штукатурка, и Джеку не нравилось, как закатываются глаза Волка.

После такой невзрачной лестницы подвал стал для него сюрпризом. Большую его часть — а площадь он занимал немаленькую — превратили в просторную, современную часовню. И ее заполнял хороший воздух — не слишком теплый, не слишком холодный, а главное — свежий. Джек слышал гудение вентиляторов, установленных где-то неподалеку. Пять рядов скамей разделял центральный проход, ведущий к возвышению с лекционной кафедрой и простому деревянному кресту на фоне пурпурного бархатного задника.

Где-то играл орган.

Мальчишки тихонько расселись по скамьям. На кафедре стоял большой микрофон с профессиональным защитным экраном на конце. Джеку частенько приходилось приезжать с матерью в звукозаписывающие студии, где он терпеливо сидел, читая книгу или выполняя домашнее задание, пока мать перезаписывала или подправляла диалоги для показа фильмов по телевидению, и он знал, что такой экран предназначался для того, чтобы заглушать дыхание говорившего. Подумал, как странно видеть такое приспособление в часовне религиозного интерната для мальчишек-бродяг. По обеим сторонам кафедры стояли две видеокамеры, одна нацелилась на правый профиль Лучезарного Гарденера, другая — на левый. В этот вечер обе не работали. Тяжелые пурпурные портьеры за-

крывали стены. Правую — целиком, в левой оставался открытым стеклянный прямоугольник. И Джек видел Кейси, склонившегося над первоклассным профессиональным звуковым пультом. У его правой руки стоял магнитофон с большими бобинами. В этот самый момент Кейси схватил с пульта наушники и нацепил на голову.

Джек поднял голову и увидел прочные потолочные балки, а между ними... белую звукоизоляцию. Подвал выглядел часовней, но при этом был эффективной телерадиостудией. Джек вдруг подумал о Джимми Сваггерте, Рексе Хамбарде, Джеке Ван Импе.

Братья и сестры, просто положите руку на телевизор, и вы будете ИСЦЕЛЕНЫ!!!

Внезапно ему захотелось визжать от смеха.

Открылась маленькая дверь слева от возвышения, вошел Лучезарный Гарденер. Весь в белом, и Джек видел, что выражения лиц мальчишек варьируют от восторга до обожания, но вновь удержался от взрыва хохота. Приближающаяся к кафедре фигура в белом напомнила ему рекламные ролики его детства.

Он подумал, что Лучезарный Гарденер похож на Человека-от-Глэда*.

Волк повернулся к Джеку и хрипло прошептал:

— Что такое, Джек? Ты так пахнешь, будто тебе действительно смешно.

Джек так сильно фыркнул в прижатую ко рту ладонь, что слюна полезла сквозь пальцы.

Лучезарный Гарденер — его лицо светилось здоровым румянцем — листал страницы большой Библии, похоже, погруженный в глубокое раздумье. Джек увидел побагровевшее прыщавое лицо Гека Баста, подозрительность на лице Сонни Сингера. И поспешил стать серьезным.

---

* «Человек-от-Глэда» — седовласый господин в белом из рекламных роликов продукции американской компании «Глэд» 1960-х гг.

Сквозь стекло Кейси пристально смотрел на Гарденера. И как только Гарденер поднял голову, оторвавшись от Библии, и взгляд его затуманенных, мечтательных и совершенно безумных глаз остановился на пастве, Кейси щелкнул тумблером. Бобины большого магнитофона начали вращаться.

6

— *Не ревнуй злодеям,* — заговорил Лучезарный Гарденер низким голосом, мелодично-задумчиво.

Не завидуй делающим беззаконие.
Ибо они, как трава, скоро будут подкошены,
И, как зеленеющий злак, увянут.
Уповай на Господа и делай добро.
И тогда будешь ты жить в Долинах...

(Джек Сойер почувствовал, как подпрыгнуло в груди сердце.)

И всегда ты будешь накормлен.
Утешайся Господом, и Он
Исполнит желание сердца твоего.
Предай Господу путь свой, и
Уповай на Него, и Он совершит...
Перестань гневаться и оставь ярость;
Не ревнуй до того, чтобы делать зло.
Ибо делающие зло истребятся,
Уповающие же на Господа наследуют Долины.

Лучезарный Гарденер закрыл Книгу.

— Пусть Господь добавит Его благословение к чтению Его святого слова.

Он долго, долго смотрел на свои руки. За стеклом в студии Кейси вращались магнитофонные бобины. А когда преподобный поднял голову, мысленно Джек вдруг услышал крики этого человека: «*Не из Кингсленда? Ты же не хочешь мне сказать, что перевернул фургон, полный бочек «Кингслендского зля», безмозглый осел? Ты же не хочешь мне этого сказать, да-а-а-а-а?*»

Лучезарный Гарденер пристально всматривался в молодую паству. И их лица повернулись к нему — круглые, вытянутые, с синяками, в прыщах, лукавые, и честные, и открытые, и красивые.

— О чем он, мальчики? Вы понимаете псалом тридцать шестой? Вы понимаете эту прекрасную, прекрасную песнь?

«Нет, — говорили их лица, лукавые и открытые, чистые и нежные, в прыщах и оспинах. — Не так чтобы очень, мы доучились максимум до пятого класса, бродяжничали, болтались без дела, попадали в беду... скажи нам... скажи...»

Внезапно, оглушающе, Гарденер заорал в микрофон:

— Он говорит нам: «НЕ ПАРЬСЯ!»

Волк отпрянул, тихо заскулил.

— Теперь вы знаете, о чем Он, верно? Вы, мальчики, слышали это выражение, правда?

— *Да*, — ответил кто-то за спиной Джека.

— О-ДА-А! — сияя, подхватил Лучезарный Гарденер. — НЕ ПАРЬСЯ! НИКАКОГО ПОТА! Хорошие слова, правда, мальчики? Это хоро-о-о-ошие слова, О-ДА-А!

— Да!.. ДА-А!

— Этот псалом говорит, что вы не должны ТРЕВОЖИТЬСЯ из-за творящих зло. *НЕ ПАРЬСЯ! О-ДА-А!* Он говорит, что вы не должны ТРЕВОЖИТЬСЯ из-за тех, кто сеет грех и несправедливость! *НИКАКОГО ПОТА!* Этот псалом говорит: если вы ИДЕТЕ к Господу и ГОВОРИТЕ с Господом, ВСЕ БУДЕТ ОЧЕНЬ КРУТО! Вы это понимаете, мальчики? Вы понимаете, о чем я?

— Да!

— Аллилуйя! — воскликнул Гек Баст, восторженно лыбясь.

— Аминь! — откликнулся парень с большими сонными глазами за увеличивающими линзами очков.

Лучезарный Гарденер непринужденно взял микрофон, вновь напомнив Джеку калифорнийского телепроповедника, и принялся расхаживать взад-вперед по возвышению, нервно и быстро. Иногда пританцовывая в начищенных белых кожаных туфлях. Он напоминал то Диззи Гиллеспи, то Джерри Ли Льюиса, то Стэна Кентона, то Джина Винсента; он служил Богу в ритме джаза.

— Да, вы не должны бояться! Да! Вы не должны бояться того парня, который хочет показать вам картинки из грязной книжки! Вы не должны бояться того парня, который скажет, что один косячок не причинит вреда и ты будешь маменькиным сынком, если не затянешься! Да! Вы не должны бояться, ПОТОМУ ЧТО КОГДА ГОСПОДЬ С ВАМИ, ВЫ ИДЕТЕ С ГОСПОДОМ! Я ПРАВ?

— ДА-А!!!

— О-ДА-А! И КОГДА ГОСПОДЬ С ВАМИ, ВЫ ИДЕТЕ С ГОСПОДОМ! Я ПРАВ?

— ДА-А!

— НЕ СЛЫШУ ВАС. Я ПРАВ?

— ДА-А-А!!! — Они вопили во всю глотку, некоторые, словно в трансе, покачивались взад-вперед.

— ЕСЛИ Я ПРАВ, СКАЖИТЕ «АЛЛИЛУЙЯ»!

— АЛЛИЛУЙЯ!

— ЕСЛИ Я ПРАВ, СКАЖИТЕ «О-ДА-А»!

— О-ДА-А!

Они качались взад-вперед, и Джек и Волк качались вместе с ними. Джек видел, что некоторые мальчишки плакали.

— А теперь скажите мне вот о чем. — Гарденер смотрел на них тепло и доверчиво. — Есть ли место для творящего зло здесь, в «Лучезарном доме»? Как вы думаете?

— Нет, сэр! — выкрикнул тощий мальчишка со здоровенными неровными зубами.

— Это правильно. — Лучезарный Гарденер вновь подошел к трибуне. Профессиональным жестом дернул микрофон, высвобождая провод, вернул на подставку. — Это главное. Не будет здесь места лжецам и творящим беззаконие, скажем «аллилуйя».

— Аллилуйя, — хором ответили мальчишки.

— Аминь, — согласился Гарденер. — Господь говорит — в книге Исайи Он говорит: если вы обопретесь на Господа, то сможете взлететь — о-да-а — с крыльями орла, и ваша сила станет равна силе десятерых, — и я говорю вам, мальчики, что «ЛУЧЕЗАРНЫЙ ДОМ» — ЭТО ГНЕЗДО ДЛЯ ОРЛОВ. МОЖЕТЕ ВЫ СКАЗАТЬ «О-ДА-А»?!

— О-ДА-А!

Последовала еще одна пауза. Лучезарный Гарденер схватился за края кафедры, опустил голову, словно в молитве, роскошные седые волосы струились уложенными волнами. Когда он заговорил вновь, его голос звучал тихо и задумчиво. Головы он не поднял. Мальчишки внимали, затаив дыхание.

— Но у нас есть враги. — Эти слова он произнёс шепотом, но микрофон уловил их и донес до слушателей.

Мальчишки вздохнули — ветер зашелестел осенней листвой.

Гек Баст свирепо огляделся, вращая глазами, прыщи стали такими ярко-красными, будто он подхватил какую-то тропическую болезнь. *Покажите мне этого врага*, говорило лицо Гека Баста. *Да, покажите мне этого врага, и вы увидите, что с ним будет.*

Гарденер поднял голову. Теперь его безумные глаза наполняли слезы.

— Да, у нас есть враги, — повторил он. — Дважды штат Индиана пытался закрыть наш дом. Вы это знаете? Радикальных гуманистов тошнит при мысли о том, что я здесь, в «Лучезарном доме», учу моих мальчиков любить Иисуса и их страну. Это выводит их из себя, и... хотите кое-что узнать, мальчики? Хотите узнать давнюю, глубоко запрятанную тайну?

Они наклонились вперед, не отрывая глаз от Лучезарного Гарденера.

— Мы не просто выводим их из себя, — хриплым заговорщицким шепотом продолжил Гарденер. — Мы их *пуга-а-аем*.

— Аллилуйя!

— О-да-а!

— Аминь!

Неуловимым движением Лучезарный Гарденер схватил микрофон и сорвался с места. Вправо-влево, взад-вперед, иногда пританцовывая, словно в кекуоке! Он пел, то простирая руку к пастве, то вскидывая ее к небу, где Господь, судя по всему, уже пододвинул кресло, чтобы внимательно его слушать.

— Мы пугаем их, о-да-а! Пугаем их так, что они должны выпить еще один коктейль, выкурить еще один косяк или еще раз нюхнуть кокаина! Мы пугаем их, потому что даже такие умные, старые, отрицающие Бога, ненавидящие Христа радикальные гуманисты, как они, чувствуют правоту и любовь к Богу, а когда они это чувствуют, до их ноздрей также долетает запах серы, поднимающийся из их собственных пор, и им не нравится этот запах, о-не-е-ет! Поэтому они посылают сюда инспектора, чтобы заложить мусор в шкафчики на кухне или запустить тараканов в тесто. Они распускают грязные слухи о том, как бьют моих мальчиков. Вас бьют?

— НЕ-Е-ЕТ! — негодующе взревели они, и Джек в недоумении видел, что Мортон кричит с тем же энтузиаз-

мом, что и остальные, хотя на его щеке уже начал проступать синяк.

— Они прислали сюда свору хитрых репортеров из какой-то радикальной новостной программы! — с негодующим изумлением воскликнул Лучезарный Гарденер. — Они приехали сюда и сказали: «Ладно, кого сегодня будем распинать? Мы уже сделали сто пятьдесят таких передач, мы самых праведных вымажем в грязи, насчет этого не волнуйтесь, только дайте нам несколько косяков и несколько коктейлей, а потом укажите, на кого набрасываться». Но мы их провели, так, мальчики?

Одобрительный победный рокот.

— Они никого не нашли прикованным к балке в амбаре, верно? Они не нашли мальчиков в смирительных рубашках, как им рассказывали в городе эти шакалы, члены дьявольского школьного совета. Они никого не нашли с выдернутыми ногтями или с обритыми головами, ничего такого! Да, некоторые мальчики сказали им, что их пороли, и их ДЕЙСТВИТЕЛЬНО пороли, о-да, их пороли, и я готов засвидетельствовать это перед троном Господа с детектором лжи на каждой руке, потому что в Книге написано: кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына*, — и если вы в это верите, мальчики, скажите «аллилуйя»!

— АЛЛИЛУЙЯ!

— Даже Совету образования штата Индиана при всем стремлении его членов избавиться от меня и освободить место для дьявола, даже им пришлось признать, что о порке Закон Божий и закон штата Индиана говорят одно: кто жалеет РОЗГИ, тот НЕНАВИДИТ сына! Они нашли здесь СЧАСТЛИВЫХ мальчиков! Они нашли здесь ЗДОРОВЫХ мальчиков! Они нашли здесь мальчиков, которые готовы ИДТИ с Господом и ГОВОРИТЬ с Господом. Вы можете сказать «аллилуйя»?

*Книга Притчей Соломоновых, 13:25.

Они смогли.

— Вы можете сказать «о-да-а»?

Они смогли и это.

Лучезарный Гарденер вернулся за кафедру.

— Господь защищает тех, кто любит Его, и Господь не допустит, чтобы шайка обкуренных прокоммунистических гуманистов-радикалов забрала это место успокоения у усталых, сбитых с толку мальчиков. Несколько мальчиков наговорили всяких злобных сплетен этим так называемым репортерам. Я слышал, как эту ложь повторяли в их новостной программе, и хотя эти мальчики из трусости отказались показать свои лица, когда лили на нас всю эту грязь, я узнал — о-да-а, — узнал их голоса. Когда ты кормишь мальчика, когда нежно прижимаешь его голову к груди, если ночью он плачет и зовет маму, тогда, конечно, узнать голос очень легко. Эти мальчики уже ушли. Бог, возможно, их простит — я надеюсь, что Он простит, о-да-а, — но Лучезарный Гарденер — всего лишь человек.

Он опустил голову, показывая, как стыдно ему в этом сознаваться. Но когда поднял снова, его глаза по-прежнему жарко пылали яростью.

— Лучезарный Гарденер простить их не может. Поэтому Лучезарный Гарденер отправил их на дорогу. Они отправились в Долины, но они не будут накормлены. Даже деревья, возможно, пожрут их, как звери, которые рыщут в ночи.

Пропитанная ужасом тишина заволокла часовню. Кейси, отделенный стеклом, и тот испуганно побледнел.

— Книга говорит, что Бог отправил Каина на восток от Рая, в землю Нод. С теми, кто изгнан на дорогу, та же история. Здесь для вас безопасные небеса.

Он оглядел паству.

— Но если вы дадите слабину... если вы солжете... тогда горе вам! Ад ждет вероотступника, как он ждет мальчика и

мужчину, который сознательно кусает руку дающего. Помните об этом, мальчики. Помните. Давайте помолимся.

Глава 23
ФЕРД ДЖЭНКЛОУ

1

Джеку потребовалось меньше недели, чтобы понять, что из «Лучезарного дома» сбежать они могут только в Долины. И он бы попытался, но вдруг понял, что готов на все, на любой риск, лишь бы не прыгать в Долины непосредственно из «Лучезарного дома».

Вроде бы никакой конкретной причины он назвать не мог, за исключением внутреннего голоса, шепчущего, что здешнее плохое место там будет еще хуже. Возможно, это место было плохим во всех мирах... как червоточинка на поверхности яблока ведет к гнили в сердцевине. В любом случае «Лучезарный дом», мягко говоря, радости не вызывал, и Джек не испытывал желания узнать, каким будет его двойник в Долинах.

Так что следовало найти другой путь.

Волк, и Джек, и другие парни, которым не выпала удача попасть в Уличную команду — а к таким относилось большинство, — работали на Дальнем поле, как его называли старожилы. Оно находилось на границе владений Гарденера, от «Лучезарного дома» его отделяли полторы мили, и мальчишки очищали поле от камней. В это время года никакие другие полевые работы не проводились. Последний урожай собрали в середине октября, но, как повторял Лучезарный Гарденер в ежедневной утренней молитве в часовне, сезон камней длился круглый год.

Сидя в кузове одного из двух стареньких грузовиков «Дома», Джек каждое утро пристально оглядывал Дальнее поле, тогда как Волк сидел рядом, опустив голову, словно мучился похмельем. На Среднем Западе эта осень выдалась дождливой, и Дальнее поле превратилось в море липкой, чавкающей грязи. Позавчера один из мальчишек выругался себе под нос и назвал его «настоящим башмакососом». *Может, мы просто смоемся?* — в сороковой раз подумал Джек. *Допустим, я наконец крикну Волку: «Валим отсюда!» — и мы побежим. Куда? На север, туда, где деревья и каменная стена. Где заканчивается его земля.*

Но там может оказаться и ограда.

Мы перелезем через нее. Если придется, Волк сможет перебросить меня через нее.

Может, из колючей проволоки.

Проползем под ней. Или...

Или Волк разорвет ее голыми руками. Джеку не хотелось думать об этом, но он знал, что силы Волку хватит... и он это сделает, если его попросить. Проволока могла изрезать в клочья руки этого здоровяка, но сейчас ему в те же клочья рвали душу.

А что потом?

Прыгать, конечно. Что же еще. Если они смогут выбраться с территории, которая принадлежит «Лучезарному дому», у них появится шанс не попасть в беду и в Долинах.

Ни Сингер, ни Баст (их Джек уже воспринимал как Близнецов-Разбойников) не смогли бы воспользоваться грузовиками для преследования. Любой грузовик, въехавший на Дальнее поле до сильных декабрьских морозов, увяз бы по самую кабину.

Это будет просто забег, соревнование ног, и ничего больше. Попробуй. Все лучше, чем пробовать там, в «Доме». И...

И не только усиливающиеся страдания Волка подгоняли Джека. Он не находил себе места из-за Лили, кото-

рая медленно умирала в Нью-Хэмпшире, тогда как он из-под палки твердил «аллилуйя».

Давай. С волшебным соком или без него. Попытайся.

Но прежде чем Джек принял решение, попытался Ферд Джэнклоу.

В великих умах рождаются одинаковые мысли, скажите «аминь».

2

События развивались стремительно. Только что Джек слушал обычную — циничную и забавную — бессмысленную болтовню Ферда Джэнклоу. А мгновением позже Ферд рванул на север, через вязкое поле, к каменной стене. До того как Ферд решился на побег, этот серый день ничем не отличался от других в «Лучезарном доме». Похолодало, облака нависли над головой, пахло дождем, может, и снегом. Джек выпрямился, чтобы разогнуть ноющую спину и посмотреть, нет ли поблизости Сонни Сингера. Сонни обожал доставать Джека, особенно по мелочам. Джеку наступали на ноги, сталкивали с лестницы, на трех подряд трапезах выбивали из рук тарелку — пока он не научился прикрывать ее телом, одновременно держа мертвой хваткой.

Джек не знал, почему Сонни не натравил на него всех. По мнению Джека, причина заключалась в том, что новый мальчик чем-то заинтересовал Лучезарного Гарденера. Ему не хотелось так думать, эта мысль пугала его, но выглядела вполне логичной. Сонни Сингер сдерживался, потому что получил такое указание от Лучезарного Гарденера. И Джек понимал, что это еще один повод сматываться отсюда как можно быстрее.

Он посмотрел направо. Волк находился в двадцати ярдах, вытаскивал из земли камни, волосы падали ему на лицо. Между Джеком и Волком работал тощий парниш-

ка с большими неровными зубами, которого звали Дональд Киган. Донни обожающе улыбнулся Джеку, продемонстрировав торчащие во все стороны зубы. Слюна капала с кончика торчащего изо рта языка. Джек быстро отвернулся.

Ферд Джэнклоу работал слева от Джека — парень с тонкими руками цвета фарфора и вдовьим мыском. За неделю, которую Джек и Волк провели в «Лучезарном доме», они с Фердом подружились.

Ферд цинично ухмылялся.

— Донни в тебя влюблен.

— Заглохни. — Джек почувствовал, что краснеет.

— Готов спорить, Донни тебе отсосет, если ты позволишь. Правда, Донни?

Донни Киган принялся хрипло смеяться, понятия не имея, о чем они говорят.

— Перестань. — Джек совсем смутился.

Донни в тебя влюблен.

Черт побери, думал Джек, *может, бедный слабоумный Донни Киган действительно в меня влюбился... и не он один.* Странное дело, Джек вдруг вспомнил добродушного мужчину, который предложил отвезти его к себе домой, но потом все-таки высадил у съезда к торговому центру около Зейнсвилла. *Он увидел это первым*, решил Джек. *Что бы ни было во мне нового, тот мужчина увидел это первым.*

— Ты стал здесь очень популярным, Джек, — не унимался Ферд. — Знаешь, я думаю, даже Гек Баст отсосал бы тебе, если бы ты его попросил.

— Чувак, от тебя тошнит. — Джек покраснел еще больше. — Я хочу...

Ферд бросил камень, который доставал из грязи, и выпрямился. Огляделся, убедился, что никто из белых водолазок на него не смотрит, повернулся к Джеку.

— Знаешь, дорогой, на этой вечеринке очень скучно, и мне действительно пора.

Ферд чмокнул губами, посылая Джеку поцелуй, а потом его узкое бледное лицо вспыхнуло ослепительной улыбкой. Мгновением позже он уже бежал, мчался огромными шагами к каменной стене в северном конце Дальнего поля.

И действительно, он застал охранников врасплох — до какой-то степени. Педерсен трепался о девушках с Уорвиком и парнем с лошадиной физиономией, Пибоди, одним из членов Уличной команды, сегодня оставленных в «Доме». У Гека Баста вообще выдался счастливый день — ему позволили сопровождать Лучезарного Гарденера, отправившегося в Манси по каким-то делам. Ферд получил немалую фору, прежде чем раздался изумленный крик:

— Эй! Эй, кто-то убегает!

Джек таращился на Ферда, который бежал так, будто за ним гнался дьявол. И пусть Ферд пытался реализовать его план, Джек ощутил радостное волнение. Всем сердцем он желал Ферду удачи: *Беги! Беги, саркастичный ты сукин сын! Беги, Джейсона ради!*

— Это Ферд Джэнклоу! — крикнул Донни Киган и засмеялся, громко и заливисто.

3

В этот вечер мальчики, как обычно, собрались в общей комнате на исповедь, но появился Энди Уорвик и строго объявил, что исповедь отменяется, а этот час до обеда они могут использовать для общения. Потом вышел.

Джек подумал, что Уорвик, пусть и напускал на себя важность, выглядел испуганным.

И Ферда Джэнклоу среди них не было.

Джек оглядел комнату и подумал с мрачным юмором: *Если это «час для общения», не хотелось бы увидеть, как выглядела бы эта комната, объяви Уорвик «тихий час».* Они сидели в большом длинном зале, тридцать девять подростков в возрасте от двенадцати до семнадцати лет, смотрели

на руки, ковыряли болячки, грызли ногти. Все как один напоминали наркоманов, лишенных дозы. Они хотели слушать исповеди. Более того, они хотели исповедоваться.

Никто не упоминал Ферда Джэнклоу. Словно Ферд, с его гримасами на проповедях Лучезарного Гарденера и бледными фарфоровыми кистями, не существовал вовсе.

Джек с трудом подавлял желание вскочить и заорать на них. Вместо этого начал напряженно думать.

Его здесь нет, потому что они его убили. Они все чокнутые. И ты думаешь, что безумие не заразно? Вспомни, что случилось в том забытом Богом местечке в Южной Америке, когда мужчина в зеркальных солнцезащитных очках велел им отведать напиток из темного винограда. Они ответили: «да, босс» — и выпили.

Джек оглядел эти мрачные, замкнутые, усталые, пустые лица и подумал, как бы они осветились, как вспыхнули бы, если бы Лучезарный Гарденер вошел сюда... если бы он вошел в эту комнату, прямо здесь и сейчас.

Они тоже это сделают, если Лучезарный Гарденер им велит. Они выпьют напиток сами, а потом будут держать меня и Волка и зальют его в наши глотки. Ферд прав — они видят что-то в моем лице, что-то вошедшее в меня в Долинах, и, возможно, они действительно меня немного любят... наверное, поэтому Гек Баст так бесится из-за меня. Этот жлоб не привык кого-то или что-то любить. Так что да, возможно, они меня немного любят... но преподобного они любят гораздо больше. Они это сделают. Они чокнутые.

Ферд мог бы ему это сказать, и, сидя в общей комнате, Джек вполне допускал, что Ферд ему все это и сказал.

Он говорил Джеку, что в «Лучезарный дом» его отправили родители, ревностные христиане, которые падали на колени в гостиной всякий раз, когда в программе «Клуб 700»* начинали молиться. Они совершенно не понимали Ферда,

* «Клуб 700» — еженедельная религиозная телепередача, выходящая в эфир с 1966 г.

сделанного из другого теста. Они думали, что Ферд — сын дьявола с коммунистическими, радикальными, гуманистическими взглядами. Когда он убежал из дому в четвертый раз, чтобы попасться все тому же Фрэнки Уильямсу, его родители приехали в «Лучезарный дом», куда, естественно, отправили Ферда, и с первого взгляда влюбились в Лучезарного Гарденера. Сразу поняли, что здесь самое место их умному, неуемному, мятежному сыну. Лучезарный Гарденер сможет обратить Ферда лицом к Богу. Лучезарный Гарденер поможет ему увидеть свои ошибки. Лучезарный Гарденер снимет с них груз забот, и их сын больше не будет целыми днями бродить по улицам Андерсона.

«Они увидели эту историю о «Лучезарном доме» в «Сандей рипорт», — рассказывал Ферд Джеку. — Прислали мне открытку, в которой написали, что Бог накажет лжецов и лжепророков, утопив их в озере огня. Я им ответил — Рудольф с кухни опустил мое письмо в почтовый ящик. Дольф — хороший парень. — Он помолчал. — Знаешь, кто у Ферда Джэнклоу считается хорошим парнем?»

«Нет».

«Тот, кого можно купить, — ответил Ферд и рассмеялся циничным, обиженным смехом. — Почтовые услуги Дольфа стоят два бакса. Если Бог наказывает лжецов, как они говорят, написал я, тогда я надеюсь, что в другом мире Лучезарный Гарденер найдет себе алебастровые кальсоны, поскольку о творящемся здесь с его губ никогда не слетало и слова правды. Все, что они читали в «Сандей рипорт» — слухи о смирительных рубашках и Ящике, — никакие не слухи. Да, они ничего не смогли доказать. Этот парень — псих, Джек, но он *умный* псих. Если ты этого не поймешь, от него крепко достанется и тебе, и Филу Бесстрашному Волку».

«Эти ребята из «Сандей рипорт» умеют выводить людей на чистую воду. По крайней мере так говорит моя мама», — сказал Джек.

«Да, он испугался. Орал и визжал. Видел Хамфри Богарта в «Бунте на «Кейне»? Таким он был неделю до их появления. Когда они приехали, он излучал доброту и отзывчивость, но неделю мы жили как в аду. Мистер Мороженое, можно сказать, писал кипятком. Именно в ту неделю он пинком спустил Бенни Вудруфа с лестницы, потому что поймал его за чтением комикса про Супермена. Бенни три часа пролежал в отключке, до вечера не мог понять, кто он и где находится».

Ферд помолчал.

«Он знал об их приезде. Точно так же, как знает, когда инспекторы штата нагрянут с внеплановой проверкой. Смирительные рубашки спрятал на чердаке и убедил гостей, что Ящик — на самом деле сарай для хранения сена». — Ферд вновь цинично, обиженно рассмеялся.

«Знаешь, что сделали мои родители, Джек? Они прислали Лучезарному Гарденеру ксерокопию моего письма к ним. «Для моего же блага», — пишет мне в следующем письме мой папуля. И знаешь что? По их милости Ферд попадает в Ящик».

Опять обиженный смех.

«И вот что я тебе скажу. Он не шутил в часовне. Ребята, которые говорили с репортерами «Сандей рипорт», исчезли... те, кого он опознал».

Так же как теперь исчез сам Ферд, подумал Джек, наблюдая за Волком, сидевшим в задумчивости у противоположной стены. Его затрясло. Руки стали очень, очень холодными.

Твой друг Фил Бесстрашный Волк.

Волк вновь покрывается шерстью? Так скоро? Конечно же, нет. Но трансформация обязательно произойдет... неумолимо. Как прилив.

И между прочим, Джек, пока ты сидишь здесь, тревожась об опасностях сидения здесь, как там твоя

мать? Как там дорогая Лили, королева бифильмов? Теряет вес? Ее донимают боли? Почувствовала, как рак вгрызается в нее острыми крысиными зубами, пока ты сидишь, пуская корни, в этой жуткой тюрьме? Может, Морган готовится испепелить ее молнией и помочь раку?

Его шокировали смирительные рубашки, и, пусть Джек видел Ящик — большой, железный, отвратительного вида, — который стоял во дворе «Дома», напоминая брошенный холодильник, он не верил, что Гарденер действительно сажал в него своих воспитанников. Ферд медленно убеждал его в этом, говоря тихим голосом, пока они собирали камни на Дальнем поле.

«Он здесь отлично устроился. Все равно что получил лицензию на печатание денег. Его религиозное шоу слушают по радио на всем Среднем Западе, а по кабельному телевидению смотрят по всей стране. Мы — его студийная аудитория. Мы отлично звучим по радио и отлично смотримся на экране, когда Рой Оудерсфелт не ковыряет свой прыщ на носу. У него есть Кейси, карманный телерадиопродюсер. Кейси записывает на видеопленку все утренние проповеди и на магнитофон все вечерние. Монтирует, озвучивает, создает запись, на которой Гарденер выглядит Билли Грэмом, а мы — зрителями на стадионе «Янки» во время седьмой игры Мировых серий. И это не все, что делает Кейси. Он гений по части техники. Видел «жучка» в своей комнате? Кейси установил «жучки». Все стекается на пульт управления, а путь туда лежит через личный кабинет Гарденера. «Жучки» активируются голосом, так что магнитофонная лента зря не тратится. Все самое пикантное он собирает для Лучезарного Гарденера. Я слышал, Кейси поставил на телефонный аппарат Гарденера «синюю коробочку», и теперь тот может звонить по межгороду бесплатно. И я точно знаю, что он поставил «краба» на провод платного кабельного

телевидения, который проходит мимо нашего дома. Можешь представить себе мистера Пломбира, смотрящего «Синемакс» после тяжелого дня продвижения Христа в массы? Мне это нравится. В этом парне американского духа не меньше, чем в автомобильных колпаках, Джек, и в Индиане его любят почти так же, как школьный баскетбол».

Ферд отхаркнулся, скорчил гримасу, повернул голову, выплюнул мокроту.

«Ты шутишь». — Джек ему не верил.

«Ферд Джэнклоу никогда не шутит насчет Марширующих болванов «Лучезарного дома», — серьезно ответил Ферд. — Он богат, ему не надо декларировать свой доход Департаменту налогов и сборов, он контролирует местный школьный совет. Я хочу сказать, запугал их до смерти, одна женщина практически начинает дристать всякий раз, когда приезжает сюда, при виде его ей хочется перекреститься, чтобы уберечь себя от сглаза, и, как я и говорил, он всегда заранее знает, если инспекторы Совета образования штата хотят нанести внезапный визит. Мы очищаем это место с фундамента до конька крыши. Бастард Баст уносит брезентовые пальто на чердак, Ящик заполняется сеном из амбара. И когда они приезжают, мы сидим в классе. На скольких уроках ты побывал после того, как оказался на этой индианской версии «Корабля любви», Джек?»

«Ни на одном».

«Ни на одном», — радостно согласился Ферд. И вновь засмеялся циничным, обиженным смехом. Этот смех говорил: *Знаешь, что я выяснил, когда мне исполнилось восемь или около того? Я выяснил, что жизнь трахает меня во все дыры, и скорых изменений не предвидится. Может, никаких изменений не будет вообще. И хотя мне от этого тошно, есть один забавный момент. Ты знаешь, я про что, конь в пальто?*

4

Об этом думал Джек, когда чьи-то грубые пальцы внезапно ухватили его за шею, уткнувшись в болевые точки под ушами, и подняли со стула. Его развернули в облако вонючего дыхания и угостили — если это правильное слово — видом прыщавой физиономии Гека Баста.

— Мы с преподобным еще находились в Манси, когда твоего друга, этого пидора и смутьяна, привезли в больницу. — Его пальцы сжимались и разжимались. Сжимались и разжимались. Боль сводила с ума. Джек застонал, а Гек ухмыльнулся. От ухмылки вони в его дыхании даже прибавилось. — Преподобному известие об этом прислали на пейджер. Джэнклоу выглядел как пирожок, который продержали в микроволновке три четверти часа. Пройдет немало времени, прежде чем его подлатают.

Он говорит не мне, подумал Джек. *Он говорит всей комнате. Мы должны принять к сведению, что Ферд до сих пор жив.*

— Ты мерзкий лжец. Ферд...

Гек Баст ударил его. Джек распластался на полу. Мальчишки бросились от него врассыпную. Где-то пронзительно захохотал Донни Киган.

Послышался яростный рев. Джек посмотрел вверх, глаза застилал туман, и он тряхнул головой, чтобы разогнать его. Гек повернулся и увидел, что Волк стоит над Джеком, готовый его защитить. Верхняя губа Волка поднялась, круглые очки поблескивали оранжевым в свете потолочных ламп.

— Значит, тупой наконец-то решил потанцевать. — Ухмылка Гека стала шире. — Что ж, это правильно! Я *обожаю* танцы. Иди сюда, сучонок. Иди сюда, и давай потанцуем.

Все еще рыча, с заблестевшей на нижней губе слюной, Волк двинулся на него. И Гек шагнул вперед. По линолеу-

му заскрипели отодвигаемые стулья: подростки очищали место для поединка.

— Что тут про?..

Сонни Сингер. Заканчивать вопрос смысла не имело. Он видел, что здесь происходило. Улыбаясь, закрыл дверь, привалился к ней, скрестив руки на тощей груди. Узкое лицо осветилось предвкушением.

Джек вновь повернулся к Волку и Геку.

— Волк, будь осторожен! — крикнул он.

— Я буду осторожен, Джек. — Голос Волка больше походил на рычание. — Я...

— Давай потанцуем, говнюк, — буркнул Гек Баст и ударил со всего размаха. Угодил в правую скулу Волка, отбросил его на три или четыре шага. Донни Киган пронзительно засмеялся. Джек уже знал, что смех означает как веселье, так и страх.

Удар получился хороший, плотный. В другой ситуации поединок на этом бы и закончился. К огорчению Гека Баста, этот удар так и остался единственным, который ему удалось нанести.

Он уверенно двинулся на Волка, держа кулаки на уровне груди, его правая рука вновь пошла вперед. Да только рука Волка поднялась вверх, чтобы перехватить ее. И Волк поймал кулак Гека.

Да, размер кулаков Гека внушал уважение, но у Волка рука оказалась еще больше.

Ладонь и пальцы Волка охватили кулак Гека.

Крепко сжали.

Изнутри послышался такой звук, как будто сначала затрещали, а потом сломались сухие веточки.

Самодовольная улыбка Гека притухла, мгновением позже его лицо превратилось в застывшую маску, а потом он начал кричать.

— Не следовало тебе причинять вред стаду, ублюдок, — прошептал Волк. — Твоя Библия то, твоя Библия это...

Волк!.. А что тебе надо знать, так это шесть стихов из «Книги доброго земледелия», чтобы никогда...

Хрум!

— ...никогда...

Хрясть!

— ...НИКОГДА не причинять вреда стаду.

Гек Баст упал на колени, воя и плача. Волк по-прежнему сжимал его кулак в своей лапище, и рука Гека согнулась. Он напоминал отдающего честь фашиста. Рука Волка была словно высечена из камня, такой жесткой она выглядела, но на его лице никаких усилий не отражалось. Если не считать сверкающих глаз, оно выглядело безмятежным.

Кровь начала капать из кулака Волка.

— Волк, остановись! Достаточно!

Джек огляделся и увидел, что Сонни нет, а дверь распахнута. Все мальчишки давно уже вскочили и теперь жались к стенам, чтобы держаться как можно дальше от Волка, на их лицах читались благоговение и страх. Но главное, конечно, происходило в центре комнаты: Гек Баст стоял на коленях, подняв и вытянув руки, его кулак был зажат в пальцах Волка, а с них на пол текла кровь.

В дверном проеме появились люди: Кейси, Уорвик, Сонни Сингер, еще трое крупных парней. И Лучезарный Гарденер с маленьким черным футляром в одной руке.

— *Я сказал, достаточно!* — Джек бросил взгляд на вновь прибывших и кинулся к Волку. — *Прямо здесь и сейчас! Прямо здесь и сейчас!*

— Хорошо, — спокойно ответил Волк. Отпустил руку Гека, и Джек увидел что-то ужасное, переломанную вертушку на палочке. Пальцы Гека торчали под разными углами. Он хныкал и прижимал искалеченную руку к груди.

— Хорошо, Джек.

Шестеро схватили Волка. Тот чуть повернулся, высвободил одну руку, толкнул, и внезапно Уорвик врезался спиной в стену. Кто-то закричал.

— Держите его! — взвизгнул Гарденер. — Держите его! Держите его, ради Иисуса! — Он уже открывал черный плоский футляр.

— *Нет, Волк!* — крикнул Джек. — *Нет!*

Еще секунду Волк продолжал бороться, потом прекратил, позволил оттащить себя к стене. Джеку мальчишки напоминали лилипутов, облепивших Гулливера. По лицу Сонни чувствовалось, что теперь он Волка боится.

— Держите его, — повторил Гарденер, доставая из футляра блестящий шприц. Губы его изогнулись в мягкой, едва ли не робкой улыбке. — Держите его, ради Иисуса!

— В этом нет нужды, — попытался остановить его Джек.

— Джек? — В голосе Волка вдруг послышался испуг. — Джек? *Джек?*

Гарденер на пути к Волку оттолкнул Джека.

Оттолкнул сильно. Джек отлетел, наткнулся на Мортона, который взвизгнул и отступил в сторону, словно боялся, что Джек чем-то его заразит. Волк начал вырываться, но их было шестеро, слишком много. Возможно, если бы началась трансформация, он бы с ними справился, но она не началась.

— *Джек!* — взвыл он. — *Джек! Джек!*

— Держите его, и восславим Господа! — прошептал Гарденер, злобно ощерился и вогнал иглу в руку Волка.

Волк замер, вскинул голову, завыл.

Убью тебя, ублюдок, бессвязно подумал Джек. *Убью тебя, убью тебя, убью тебя.*

Волк принялся вырываться. Гарденер хладнокровно отступил на шаг. Волк угодил коленом в толстый живот Кейси. Из того с шумом вышел воздух, его качнуло назад, потом он снова подступил к Волку. Через минуту-другую

сопротивление Волка начало ослабевать, он обвис на державших его руках.

Джек поднялся, плача от ярости. Попытался рвануться к белым водолазкам, облепившим его друга. Он увидел, как Кейси ударил кулаком по лицу Волка, как из носа Волка потекла кровь.

Его удержали. Он вырывался, потом оглянулся, увидел испуганные лица подростков, с которыми собирал камни на Дальнем поле.

— В Ящик его, — распорядился Гарденер, глядя на бессильно обвисшего Волка. Потом медленно повернулся к Джеку. — Если только... может, вы захотите сказать, где мы с вами встречались, мистер Паркер? — Джек молча стоял, глядя себе под ноги. Глаза щипало, они горели жаркими слезами ненависти.

— Значит, в Ящик, — повторил Гарденер. — Возможно, вы передумаете, когда он подаст голос, мистер Паркер.

Преподобный вышел за дверь.

5

Волк все еще кричал в Ящике, когда Джек и другие подростки спустились в часовню на утреннюю молитву. Ироничный взгляд Лучезарного Гарденера то и дело находил бледное, напряженное лицо Джека. *Может, пора, мистер Паркер?*

Волк, это моя мать, моя мать...

Волк все еще кричал, когда Джека и других подростков, направленных на работу в поле, разделили на две группы, и они зашагали к грузовикам. Когда проходили мимо Ящика, Джек с трудом подавил желание прижать руки к ушам. Эти завывания, эти всхлипывающие рыдания.

И тут же рядом с ним возник Сонни Сингер.

— Преподобный Гарденер сейчас в своем кабинете, сучонок, и ждет твоей исповеди. Просил передать тебе, что

выпустит недоумка из Ящика, как только ты скажешь ему то, что он хочет знать. — Голос Сонни звучал ласково, но лицо оставалось злым.

Волк кричал и выл, умоляя, чтобы его выпустили. Яростно молотил по склепанным вручную железным стенам Ящика.

Ох, Волк, она моя МАТЬ...

— Я не могу сказать ему то, что он хочет знать. — Джек резко повернулся к Сонни. Сонни отступил на два огромных шага, на его лице отразился ужас. Он запутался в собственных ногах и наткнулся на один из грузовиков. Не будь грузовика, повалился бы на землю.

— Хорошо, — почти провыл он. — Хорошо, хорошо, забудь об этом. — Затем тощее лицо вновь стало наглым. — Преподобный Гарденер просил передать: если ты ответишь отказом, я должен сказать, что твой друг криком зовет тебя. Ты это понимаешь?

— Я знаю, кого он зовет.

— Быстро в кузов! — рявкнул Педерсен, проходя мимо и едва глянув на них. Миновав Сонни, он скорчил гримасу, словно унюхал что-то сгнившее.

Джек слышал крики Волка, когда они уезжали, хотя проржавевшие глушители грузовиков давно превратились в металлическое кружево, а двигатели гремели. И потом крики не утихали. С разумом Волка у Джека возникла прочная связь, и он слышал его крики, даже когда они прибыли на Дальнее поле. Он понимал, что крики эти звучат только у него в голове, но легче от этого не становилось.

Ближе к ленчу Волк замолчал, и Джек понял, внезапно и без тени сомнений, что Гарденер приказал выпустить его из Ящика, прежде чем вопли привлекут ненужное внимание. После случившегося с Фердом он не хотел, чтобы кто-нибудь начал приглядываться к «Лучезарному дому».

Когда рабочие команды вернулись с поля, Джек увидел, что дверь в Ящик открыта, а внутри пусто. Волк лежал

на нижней койке в комнате наверху. Он чуть улыбнулся, когда Джек переступил порог.

— Как твоя голова, Джек? Синяк немного побледнел. Волк!

— Волк, как ты?

— Кричал, да? Ничего не мог с собой поделать.

— Волк, мне очень жаль, что так вышло.

Волк выглядел странным — побледневшим, ссохшимся.

Он умирает, подумал Джек. И тут же разум его поправил: нет, Волк умирал с того самого дня, как они прыгнули в этот мир, удирая от Моргана. Но теперь он умирал быстрее. Слишком бледный... ссохшийся... но...

Джек почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Голые ноги и руки Волка уже не выглядели голыми: их покрывали волосы. Двумя днями раньше их точно не было — Джек мог в этом поклясться.

Его охватило желание подбежать к окну и посмотреть, как там луна, чтобы выяснить, не перенесся ли он на семнадцать дней вперед.

— Для Изменения время еще не подошло, Джек. — В осипшем голосе Волка слышались болезненные хрипы. — Но я начал меняться в том темном вонючем месте, куда они меня посадили. Волк! От бешенства и испуга. Потому что я выл и кричал. Вой и крики сами могут привести к Изменению, если Волк будет достаточно долго выть и кричать. — Волк погладил волосы на ногах. — Они уйдут.

— Гарденер установил цену за твое освобождение, — признался Джек, — но я не смог ее заплатить. Я хотел, но... Волк... моя мать...

Его голос дрожал, он едва не плакал.

— Ш-ш-ш, Джеки. Волк знает. Прямо здесь и сейчас. — Волк вновь улыбнулся этой ужасной блеклой улыбкой и взял Джека за руку.

Глава 24
ДЖЕК НАЗЫВАЕТ ПЛАНЕТЫ

1

Еще одна неделя в «Лучезарном доме», восславим Господа. Луна прибывала.

В понедельник улыбающийся Лучезарный Гарденер предложил мальчикам склонить головы и поблагодарить Бога за обращение к вере брата нашего Фердинанда Джэнклоу. Ферд принял решение прийти к Христу, выздоравливая в больнице Паркленда, поведал им Гарденер, сияя как медный таз. Ферд позвонил за счет вызываемого абонента родителям и сообщил им, что теперь всей душой стремится к Христу, и они помолились прямо во время разговора, и в тот же день родители приехали, чтобы забрать Ферда домой. *Убит и похоронен на каком-нибудь замерзшем индианском поле... или, возможно, в Долинах, где его никогда не найдет дорожная полиция штата Индиана.*

Вторник выдался слишком холодным и дождливым для полевых работ. Большинству разрешили оставаться в комнатах, спать или читать, но за Джека и Волка взялись всерьез. Волк под проливным дождем таскал мусор из амбара и сараев к обочине дороги. Джека определили на мытье туалетов. Он полагал, что Уорвик и Кейси, которые приглядывали за ним, на полном серьезе думали, что дали ему действительно грязную работу. Не вызывало сомнений, что они никогда не видели мужского туалета всемирно известного «Бара Апдайка в Оутли». Еще одна неделя в «Лучезарном доме», можете сказать «о-да-а».

Гектор Баст вернулся в среду, с загипсованной до локтя рукой и таким бледным лицом, что прыщи выглядели яркими точками румян.

— Врач говорит, что полностью подвижность может и не восстановиться, — пожаловался он Джеку. — Тебе и твоему тупому дружку придется за это ответить, Паркер.

— Ты хочешь, чтобы то же самое случилось и со второй рукой? — спросил Джек... но испугался. В глазах Гека читалось не просто желание отомстить: тот замышлял убийство.

— Я его не боюсь, — ответил Гек. — Сонни говорит, что весь запал вышел из него в Ящике. Сонни говорит, он готов на все, лишь бы снова не попасть туда. Что же касается тебя...

Мелькнул левый кулак Гека. Этой рукой он управлялся не так ловко, как правой, но Джек, зачарованный яростью, которой дышало бледное лицо здоровяка, среагировать не успел. Под кулаком Баста его губы распластались в нелепой улыбке, потекла кровь. Джека отбросило к стене.

Дверь открылась, в проеме появилась голова Билли Адамса.

— Закрой дверь, или я прослежу, чтобы и ты получил свое! — проорал Гек, и Адамс, которому не хотелось попадать под горячую руку, торопливо ретировался.

Гек двинулся на Джека. Тот, пошатываясь, оттолкнулся спиной от стены и поднял кулаки. Гек остановился.

— Такой ты, значит? Готов драться с парнем, у которого одна здоровая рука? — Кровь бросилась ему в лицо.

В коридоре третьего этажа послышались торопливые шаги, направлявшиеся к лестнице. Гек посмотрел на Джека.

— Это Сонни. Иди. Вали отсюда. Мы до тебя доберемся, друг мой. И до тебя, и до тупого. Преподобный Гарденер сказал, что можно, если только ты не скажешь ему то, что он хочет знать. — Гек ухмыльнулся. — Окажи мне услугу, сучонок. Не говори ему.

2

Ящик что-то отнял у Волка, это точно, думал Джек. После стычки с Геком Бастом прошло шесть часов. До звонка, зовущего на исповедь, оставалось совсем ничего, но сейчас Волк крепко спал на нижней койке. Дождь продолжал барабанить по крыше и стенам «Лучезарного дома».

И Джек прекрасно понимал, что дело не только в Ящике. И даже не в «Лучезарном доме». Вина лежала на этом мире. Волк просто тосковал по Долинам. Жизненная сила уходила из него. Улыбался он редко, смеяться перестал вовсе. Когда за ленчем Уорвик накричал на Волка, потому что тот ел пальцами, он просто сжался в комок.

Это произойдет скоро, Джеки. Потому что я умираю. Потому что Волк умирает.

Гек Баст не боялся Волка, и действительно, в Волке не осталось ничего такого, что могло вызывать страх. Казалось, сломанная рука Гека стала последним проявлением силы, на которое сподобился Волк.

Задребезжал электрический звонок.

В этот вечер, после исповеди, и обеда, и проповеди, Джек и Волк, вернувшись в свою комнату, нашли постели мокрыми и воняющими мочой. Джек пошел к двери, распахнул ее и увидел в коридоре ухмыляющихся Сонни, Уорвика и еще одного здорового парня по фамилии Ван Зандт.

— Наверное, мы ошиблись комнатой, сучонок, — пояснил Сонни. — Подумали, что это, должно быть, сортир, судя по говну, которое здесь плавает.

Ван Зандт от этой шутки захохотал так, что сложился пополам.

Джек долго смотрел на них, и Ван Зандт перестал смеяться.

— На кого ты смотришь, говнюк? Хочешь, чтобы я расквасил твой гребаный нос?

Джек закрыл дверь, оглянулся и увидел, что Волк спит на мокрой кровати — в одежде. У него начала отрастать борода, но лицо все равно выглядело бледным, натянувшаяся кожа блестела. Джек понимал, что такое лицо — свидетельство тяжелой болезни.

Лучше оставить его в покое, устало подумал Джек. *Если он настолько устал, пусть спит.*

Нет. Нельзя оставлять его спать на этой мерзкой кровати. Никак нельзя!

С трудом передвигая ноги от усталости, Джек подошел к Волку, тряс его, пока не разбудил, заставил подняться с мокрого, вонючего матраса и снять комбинезон. Спать они легли на пол, прижавшись друг к другу.

В четыре утра дверь открылась, вошли Сонни и Гек. Подняли Джека и то ли повели, то ли потащили в кабинет Лучезарного Гарденера в подвале.

Гарденер сидел, положив ноги на угол стола. Полностью одетый, несмотря на ранний час. На картине за его спиной Иисус шел по Галилейскому морю, а апостолы в изумлении таращились на него. Справа стеклянное окно выходило в темную студию, где Кейси творил свои чудеса. К одной из поясных петель брюк преподобного крепился конец цепочки для ключей. Сами ключи — тяжелая связка — лежали на ладони Гарденера. Говоря, он играл с ними.

— С тех пор как ты прибыл сюда, ты ни разу не исповедовался, Джек. — В голосе преподобного слышался легкий упрек. — Исповедь полезна для души. Без исповеди нас не могут спасти. И я говорю не про идиотскую, варварскую исповедь католиков. Я говорю про исповедь перед нашими братьями и нашим Спасителем.

— Если вам все равно, я хочу, чтобы моя исповедь оставалась между мной и Спасителем, — без запинки ответил Джек и, несмотря на страх и сонливость, еще застилавшую разум, не мог не порадоваться ярости, которая перекосила лицо Гарденера.

— Мне не все равно! — вскричал Гарденер. Почки Джека взорвались болью. Он рухнул на колени.

— Думай, что говоришь преподобному Гарденеру, сучонок, — прошипел Сонни. — Некоторые из нас готовы постоять за него.

— Благослови тебя Бог за твою верность и твою любовь, Сонни, — серьезно ответил Гарденер и вновь сосредоточился на Джеке.

— Поднимайся, сынок.

Джеку удалось встать, схватившись рукой за край дорогого стола из светлого дерева.

— Какое твое настоящее имя?

— Джек Паркер.

Он увидел, как Гарденер чуть заметно кивнул, и постарался развернуться, но не успел. Вновь удар пришелся по почкам. Джек вскрикнул и упал, приложившись синяком на лбу к краю стола Гарденера.

— Откуда ты, лживое, наглое дьявольское отродье?

— Из Пенсильвании.

Теперь ему врезали по левому бедру. Он свернулся в позе зародыша на белом карастанском ковре, прижав колени к груди.

— Поднимите его.

Сонни и Гек подняли.

Гарденер сунул руку в карман белого пиджака и достал зажигалку «Зиппо». Крутанул колесико, и вспыхнул высокий желтый язык пламени, который Гарденер начал медленно приближать к лицу Джека. Девять дюймов. До ноздрей Джека долетал сладковатый, едкий запах бензина. Шесть дюймов. Теперь чувствовалось тепло. Три дюйма. Еще дюйм — может, половина, — и неприятные ощущения сменятся болью. В затуманенных глазах Лучезарного Гарденера стояло счастье. Губы подрагивали на грани улыбки.

— Да! — Гек жарко дышал. От него воняло луком. — Да, давайте!

— Откуда я тебя знаю?

— Я никогда не встречался с вами, — выдохнул Джек.

Пламя приблизилось. Глаза Джека начали слезиться, он почувствовал жар. Попытался откинуть голову. Сонни Сингер толкнул ее вперед.

— Где я с тобой встречался? — прохрипел Гарденер. Язычок пламени плясал в его черных зрачках. Два язычка — близнецы или двойники. — Последний шанс!

Скажи ему, ради Бога, скажи!

— Если мы и встречались, я этого не помню, — выдохнул Джек. — Может, в Калифорнии...

Крышка «Зиппо» закрылась. Джек с облегчением всхлипнул.

— Уведите его, — приказал Гарденер.

Они потащили Джека к двери.

— Проку от этого для тебя никакого, знаешь ли. — Лучезарный Гарденер отвернулся и смотрел на Христа, идущего по воде. — Я вытащу из тебя то, что мне нужно. Если не в эту ночь, то в следующую. Если не в следующую, то через одну. Почему не облегчить себе жизнь, Джек?

Джек промолчал. Мгновением позже застонал от боли в заломленной руке.

— *Скажи ему!* — прошипел Сонни.

И что-то в Джеке хотело сказать, не из-за боли, а потому, что...

...исповедь полезна для души.

Он вспомнил грязный двор, вспомнил этого же человека, но в другом теле, спрашивающего, кто он такой, вспомнил, как подумал: *Я скажу вам все, что вы захотите узнать, если только вы перестанете буравить меня вашими ужасными безумными глазами, да, я все скажу, потому что я всего лишь ребенок, а именно это делают дети, они говорят, они рассказывают все...*

Потом вспомнил голос матери, суровый голос, спрашивающий, неужели он собирается выложить все этому типу?

— Я не могу сказать то, чего не знаю, — ответил он.

Губы Гарденера разошлись в сухой, узкой улыбке.

— Отведите его обратно в комнату.

3

Просто еще одна неделя в «Лучезарном доме», можете сказать «аминь», братья и сестры. Просто еще одна длинная, длинная неделя.

Джек задержался на кухне после того, как остальные подростки, позавтракав, оставили там грязные тарелки и ушли. Он знал, что рискует, что его вновь могут избить, обругать... но сейчас его это не волновало. Только тремя часами раньше Лучезарный Гарденер едва не сжег ему губы. Он видел по безумным глазам этого человека, что такое вполне возможно, чувствовал, что безумное сердце Гарденера перед этим не остановится. А с учетом такой перспективы несколько тумаков действительно мало что значили.

Когда-то белая поварская одежда Рудольфа стала такой же серой, как низкое ноябрьское небо. Когда Джек полушепотом произнес его имя, Рудольф бросил на мальчика налитый кровью, циничный взгляд. Пахло от него дешевым виски.

— Тебе лучше уйти отсюда, новая рыбка. Они за тобой внимательно присматривают.

Скажи мне что-то такое, чего я не знаю.

Джек нервно посмотрел на древнюю посудомоечную машину, которая, словно дракон, грохотала, шипела и дышала паром на загружавших ее подростков. Они вроде бы не смотрели на них с Рудольфом, но Джек знал, что «вроде бы» — понятие растяжимое. Разговоры пошли бы. О да. В «Лучезарном доме» забирали все деньги, так что слухи заменяли наличность.

— Мне надо отсюда выбраться, — все равно заговорил Джек. — Мне и моему большому другу. Сколько вы хотите

за то, чтобы смотреть в другую сторону, когда мы выйдем через дверь черного хода?

— Больше, чем ты сможешь заплатить мне, даже если доберешься до тех денег, которые они забрали у тебя по приезде, мальчуган. — Слова прозвучали грубо, но Рудольф смотрел на Джека по-доброму.

Да, конечно... они забрали все. Медиатор, серебряный доллар, большой стеклянный шарик, шесть долларов... все. Запечатали в конверт и где-то спрятали, вероятно, в подвальном кабинете Гарденера. Но...

— Послушайте, я напишу вам расписку...

Рудольф улыбнулся.

— Услышать такое от человека, живущего среди воров и наркоманов, уже смешно. Можешь поссать на свою гребаную расписку, старичок.

Джек обрушил на Рудольфа всю свою новую силу. Да, он научился ее скрывать, эту новую красоту — во всяком случае, до какой-то степени, — но сейчас он дал ей волю и увидел, как Рудольф отступил перед ней, и на его лице отразились замешательство и удивление.

— Моя расписка — это те же деньги, и, думаю, вы это знаете, — ответил Джек. — Дайте мне адрес, и я отправлю вам наличные почтовым переводом. Сколько? Ферд Джэнклоу говорил мне, что за два доллара вы отправляете любое письмо. Десятки хватит, чтобы вы отвернулись?

— Ни десятки, ни двадцатки, ни сотни. — Голос Рудольфа звучал ровно. Теперь он смотрел на подростка с грустью, которая сильно напугала Джека. Грусть эта так же ясно, как и все остальное — может, даже яснее, — давала понять, в какую западню угодили они с Волком. — Да, раньше я это делал. Иногда за пять баксов. Иногда, уж не знаю, поверишь ли, за так. И для Ферда Джэнклоу сделал бы за так. Он был хорошим парнем. Эти сволочи... — Рудольф поднял покрасневший от воды и чистящего порошка кулак и потряс им в сторону облицованной зеленым

кафелем стены. Увидел, что Мортон, пойманный с поличным онанист, смотрит на него, и грозно свел брови. Мортон тут же отвел глаза.

— Так почему нет? — в отчаянии спросил Джек.

— Потому что я боюсь.

— В смысле? В тот вечер, когда я попал сюда, Сонни...

— Сонни! — Рудольф пренебрежительно махнул рукой. — Не боюсь я Сингера, и Баста не боюсь, пусть он такой здоровенный. Я боюсь *его*.

— Гарденера?

— Он дьявол из ада, — ответил Рудольф. Помялся, потом добавил: — Я скажу тебе то, чего не говорил никому. В одну неделю он не дал мне конверт с жалованьем, и я спустился в его кабинет. Обычно туда не хожу, не нравится мне этот подвал, но в тот раз пришлось... не мог не повидаться с ним. Мне срочно требовались деньги, ты понимаешь, о чем я? Я увидел, как он прошел по коридору в кабинет, поэтому знал, что он там. Подошел, постучал в дверь, и она распахнулась, потому что он не закрыл ее на собачку. И знаешь что, малыш? Его там не было.

Рассказывая, Рудольф понижал и понижал голос, так что в конце Джек едва разбирал слова за грохотом и шипением посудомоечной машины. При этом глаза у повара становились все шире, как у ребенка, слушающего страшную сказку.

— Я подумал, что он в записывающей студии, которая у них рядом, но его не было и там. И он не мог выйти в часовню, потому что из кабинета входа в нее нет. Еще одна дверь из кабинета ведет во двор, но я видел, что она заперта на замок и задвижку изнутри. Так куда он отправился, приятель? *Куда он отправился?*

Джек-то знал, но мог лишь остолбенело смотреть на Рудольфа.

— Я думаю, он дьявол из ада и отправился на каком-то дьявольском лифте вниз для доклада в свою штаб-

квартиру, — продолжил Рудольф. — Я бы хотел тебе помочь, но не могу. Даже в Форт-Ноксе не хватит денег, чтобы заставить меня пойти против Лучезарного. А теперь выметайся отсюда. Может, они не заметили твоего отсутствия.

Но они, разумеется, заметили. Когда он вышел из двустворчатых дверей, Уорвик шагнул к нему сзади и ударил по спине сцепленными в огромный кулак руками. И когда от удара он пулей понесся по пустой столовой, неведомо откуда, как чертик из табакерки, выскочил Кейси и вытянул ногу. Не успев остановиться, Джек споткнулся о нее и повалился на пол, ударяясь о ножки стульев. Поднялся, глотая слезы ярости и стыда.

— Не положено тебе так долго относить грязные тарелки, сучонок, — прорычал Кейси. — За это тебя могут взгреть.

Уорвик усмехнулся.

— Да. А теперь пошел наверх. Грузовики сейчас уедут.

4

В четыре утра его разбудили и вновь доставили в кабинет Гарденера.

Гарденер оторвался от Библии, словно удивился, увидев его перед собой.

— Готов исповедоваться, Джек Паркер?

— Мне нечего...

Вновь вспыхнула зажигалка. Пламя плясало в дюйме от кончика его носа.

— Сознавайся. Где мы встречались? — Пламя приблизилось. — Я вытащу это из тебя, Джек. Где? *Где?*

— *На Сатурне!* — выкрикнул Джек. Ничего другого ему в голову не пришло. — *На Уране! На Меркурии! Где-то на поясе астероидов! На Ио! На Ганимеде! На Дей...*

Боль, сильная, свинцовая, сокрушающая, взорвалась в нижней части его живота: Гектор Баст сунул здоровую руку ему между ног и сжал яйца.

— Вот так. — Гек Баст радостно улыбался. — Разве ты этого не заслужил, паршивый насмешник?

Джек, рыдая, медленно повалился на пол.

Лучезарный Гарденер наклонился к нему, на его лице читалось терпение, может, даже блаженство.

— В следующий раз сюда приведут и твоего друга, — проворковал он. — И с ним я церемониться не буду. Подумай об этом, Джек. До завтрашней ночи.

Но Джек решил, что завтрашней ночью его и Волка здесь не будет. Если уйти оставалось только в Долины, что ж, туда они и уйдут...

...если он сможет перебросить их туда.

Глава 25
ДЖЕК И ВОЛК ОТПРАВЛЯЮТСЯ В АД

1

Прыгнуть они могли только с первого этажа. Джек сосредотачивался прежде всего на этом, а уж потом на самой возможности такого прыжка. Конечно, все бы существенно упростилось, воспользуйся они своей крохотной комнаткой. Но она находилась на третьем этаже, в сорока футах над землей. Джек не знал, как география и топография Долин соотносятся с географией и топографией Индианы, но ему не хотелось, чтобы они сломали шею.

Он объяснил Волку, что им надо сделать.

— Ты понял?

— Да, — апатично ответил Волк.

— Все равно повтори, дружище.

— После завтрака я иду в туалет по другую сторону коридора от общей комнаты. Я захожу в первую кабинку. Если никто не обратит внимания на мой уход, ты тоже заходишь в туалет. И мы возвращаемся в Долины. Все правильно, Джеки?

— Да. — Он положил руку на плечо Волка, сжал. Волк слабо улыбнулся. Джек замялся, но все же сказал:

— Извини, что втянул тебя в эту историю. Целиком моя вина.

— Нет, Джек, — возразил Волк. — Мы попробуем. Возможно... — И мечтательная искорка надежды блеснула в глазах Волка.

— Да, — кивнул Джек. — Возможно.

2

Волнение и испуг напрочь лишили Джека аппетита, но он подумал, что привлечет к себе внимание, если не станет есть. Поэтому проглотил яичницу и картошку, вкусом не отличавшуюся от опилок, и даже смог съесть толстый кусок бекона.

Небо наконец-то очистилось. Ночью подморозило, и камни на Дальнем поле, наверное, превратились в куски шлака, брошенные в затвердевшую пластмассу.

Тарелки унесли на кухню.

Подросткам разрешили вернуться в общую комнату, пока Сонни Сингер, Гектор Баст и Энди Уорвик составляли списки на дневные работы.

Все сидели молча, с пустыми, ничего не выражающими лицами. Педерсен держал в руках свежий номер журнала, который выпускала церковь Гарденера, «Лучезарность Иисуса». Он лениво переворачивал страницы, изредка поглядывая на подростков.

Волк вопросительно посмотрел на Джека. Тот кивнул. Волк поднялся и направился к двери. Педерсен проводил

Волка взглядом, убедился, что тот пересек коридор и вошел в длинный узкий туалет, и вернулся к журналу.

Джек досчитал до шестидесяти, потом заставил себя досчитать до шестидесяти еще раз. Эти две минуты стали самыми длинными в его жизни. Он ужасно боялся, что Сонни и Гек войдут в общую комнату и прикажут всем рассаживаться по грузовикам, а ему хотелось попасть в туалет до их появления. Но Педерсену хватило бы ума заподозрить неладное, если бы Джек сразу последовал за Волком.

Наконец Джек встал и направился к двери. Она находилась невероятно далеко, и он, казалось, никак не мог к ней приблизиться, словно видел перед собой оптическую иллюзию.

Педерсен поднял голову.

— Куда это ты, сучонок?

— В туалет, — ответил Джек. Язык у него пересох. Он слышал, что у людей от страха пересыхает во рту, но чтобы пересыхал язык?

— Они поднимутся сюда через минуту. — Педерсен мотнул головой в сторону лестницы, которая вела в подвал, к часовне, студии и кабинету Гарденера. — Тебе лучше потерпеть. Отольешь на Дальнем поле.

— Я хочу посрать! — в отчаянии ответил Джек.

Конечно. А может, ты и твой большой глупый друг хотите подрочить друг другу, прежде чем начать день. Чтобы немного взбодриться. Сядь на место.

— Ладно, тогда иди, — сердито бросил Педерсен. — Нечего стоять здесь и распространяться об этом.

Он вновь уткнулся в журнал. Джек быстро пересек коридор и вошел в туалет.

3

Волк выбрал не ту кабинку — в середине длинного ряда. Его большие рабочие ботинки торчали из-под двери. Джек вошел внутрь. В кабинке едва хватило места для дво-

их, и он ощутил сильный, почти звериный запах, идущий от Волка.

— Что ж, давай попробуем.

— Джек, я боюсь.

Джек нервно рассмеялся.

— Я тоже.

— Как мы?..

— Не знаю. Дай мне руки.

С чего начинать, как не с этого?

Волк обхватил волосатыми руками — почти лапами — кисти Джека, и тот почувствовал, как через них в него вливается какая-то неведомая сила. Получалось, сила Волка совсем и не ушла. Просто спряталась, как иногда случается с родником в необычайно жаркое время года.

Джек закрыл глаза.

— *Хочу* вернуться. *Хочу* вернуться. Волк, *помогай мне*!

— Обязательно, — выдохнул Волк. — Сделаю все, что смогу! Волк!

— Здесь и сейчас.

— *Прямо здесь и сейчас!*

Джек крепче сжал руки-лапы Волка. До его ноздрей долетал запах «Лизола». Издалека донесся шум проезжающего автомобиля. Телефонный звонок. Джек подумал: *Я пью волшебный сок, мысленно я пью его, прямо здесь и сейчас пью его, я его ощущаю, такой пурпурный и такой густой и свежий, я чувствую его вкус, я чувствую, как сжимается горло...*

И в тот момент, когда воображаемый сок заполнил горло, мир качнулся под ними, вокруг них. Волк выкрикнул:

— Джеки, получается!

Крик Волка сбил настрой, и на мгновение Джек понял, что это всего лишь трюк, все равно что пытаться заснуть, считая овец, и мир вернулся. Запах «Лизола» усилился. Кто-то ворчливо ответил на телефонный звонок: «Да, алло, кто это?»

Нет, конечно, это не трюк, совсем не трюк — это магия. Это магия, и я проделывал это раньше, совсем маленьким, и могу проделать теперь, Спиди так говорил, слепой певец Снежок тоже так говорил, ВОЛШЕБНЫЙ СОК У МЕНЯ В ГОЛОВЕ...

Он всеми силами рванулся из этого мира, всей волей... и легкость, с которой они прыгнули, потрясала, словно кулак бил по чему-то выглядевшему как гранит, а на поверку оказавшемуся пластиной крашеного пенопласта. Ты думал, что разобьешь в кровь костяшки пальцев, но пробил пластину насквозь, не встретив сопротивления.

4

Джеку, который не открывал глаз, показалось, что пол сначала начал крошиться под ногами... а потом исчез полностью.

Ох, черт, мы все равно сейчас куда-то свалимся, со страхом подумал он.

Но они не свалились, только чуть соскользнули. Мгновением позже оба, и он, и Волк, твердо стояли — только на земле, а не на плитках пола в туалете.

Воздух заполнял запах серы, густо замешенный на вони сточных вод. Это был запах смерти, и Джек подумал, что он убивает все надежды.

— Джейсон! Что за *запах*? — простонал Волк. — Ох, Джейсон, этот *запах*, не могу оставаться здесь, Джеки, не могу оставаться...

Глаза Джека открылись. В этот самый момент Волк отпустил его руки и, пошатываясь, двинулся вперед, с крепко зажмуренными глазами. Джек увидел, что мешковатые чиносы и клетчатую рубашку сменил знакомый комбинезон. Очки Джона Леннона исчезли. И...

И Волк шел к обрыву, от которого его отделяло меньше четырех футов.

— *Волк!* — Он прыгнул к Волку, руками обхватил его за пояс. — *Волк, нет!*

— Джеки, не могу оставаться! — простонал Волк. — Это Яма, одна из тех Ям, которые Морган вырыл в этих местах, или я слышал, что их вырыл Морган, я чувствую...

— *Волк, тут обрыв, ты упадешь!*

Глаза Волка открылись. Челюсть отвисла, едва он увидел провал, клубившийся дымом у их ног. В его глубинах красные огни подмигивали, как налитые кровью глаза.

— Яма, — простонал Волк. — Ох, Джеки, это Яма. Там, внизу, — печи Черного сердца. Черного сердца в центре мира. Не могу оставаться, Джеки, здесь самое худшее, что только может быть.

География Долин и Индианы не совпадала: такой была первая связная мысль, пришедшая в голову Джека, когда они с Волком стояли на краю Ямы и смотрели на ад, или на Черное сердце в центре мира. Около «Лучезарного дома» ничего такого не было и в помине.

Четыре фута вправо, подумал Джек, похолодев от ужаса. *Четыре фута вправо — и все. Если бы Волк послушался меня...*

Если бы Волк послушался Джека, они прыгнули бы из первой кабинки. И, сделав это, оказались бы в Долинах чуть дальше обрыва.

У Джека подогнулись колени. Он вновь схватился за Волка, на этот раз чтобы устоять на ногах.

Волк механически поддержал Джека, его широко раскрытые глаза светились оранжевым, на лице отражались тоска и страх.

— Это Яма, Джеки.

Яма напоминала огромный открытый карьер по добыче молибдена в Колорадо. Он побывал там с матерью три года назад, когда они приехали в Вейл покататься на лыжах, но один день выдался слишком холодным, и они отправились на автобусную экскурсию на молибденовый

карьер компании «Континентал минералс», расположенный рядом с маленьким городком под названием Сайду-индер. «По мне, он выглядит как геенна, Джеки. — Мать грустно смотрела в покрытое изморозью окно. — Я бы хотела, чтобы такие карьеры закрыли, все до одного. Они жгут и разрушают землю. Это геенна, все верно».

Из глубин Ямы поднимались клубы густого, удушающего дыма. По склонам змеились толстые жилы какой-то ядовито-зеленой руды. От дальнего склона Джека и Волка отделяло, наверное, полмили. Дорога спиралью уходила вниз. Джек видел поднимавшиеся и спускавшиеся по ней фигурки.

Он уже понял, что это какая-то тюрьма, потому что тюрьмой был и «Лучезарный дом». А следовательно, перед ним были заключенные и надсмотрщики. Голые заключенные, разбитые на пары, тянули за собой тележки, наполненные огромными кусками этой зеленой, лоснящейся жиром руды. Их лица были перекошены от боли. Перемазаны сажей. Покрыты красными язвами.

Охранники шли позади, и Джек в отвращении понял, что это не люди. Ни в каком смысле. Перекрученные, горбатые, с когтистыми лапами, с заостренными, как у мистера Спока, ушами. *Да это же горгульи!* — подумал он. *Все эти монстры из ночных кошмаров, запечатленные в камне на кафедральных соборах Франции (у мамы была такая книжка, и я думал, что мы посмотрим фотографии всех соборов, но она перестала их показывать после того, как мне приснился дурной сон и я обмочил постель), они отсюда? Кто-то встретил их здесь? Кто-то из Средних веков прыгнул сюда, в это место, и подумал, ему привиделся ад?*

Но это было не видение.

Горгульи держали в руках кнуты, и скрип колес и грохот выламываемых кусков руды перекрывали их смех и свист. В этот самый момент двое людей остановились у самого верха спиральной дороги, наклонив головы, с вздув-

шимися на шее жилами, с дрожащими от напряжения ногами.

Охранявшее их чудовище — скрюченная тварь в набедренной повязке, с полоской жестких волос, растущих вдоль изогнутого позвоночника, — обрушило хлыст сначала на одного, потом на другого, завопив высоким, пронзительным голосом, загонявшим серебряные гвозди в голову Джека. Он увидел металлические наконечники, такие же, как на кнуте Осмонда, и в следующее мгновение кровь брызнула из руки одного человека и затылка второго.

Люди завопили и наклонились вперед, напрягая последние силы. Тварь орала и визжала, размахивая серой чешуйчатой рукой, вращая хлыст над головами рабов. Невероятным усилием они преодолели последний участок подъема, выкатили тележку на ровную землю. Один упал на колени, совершенно выдохшийся, и тележка, продолжая движение, свалила его. Колесо проехало по спине, Джек услышал треск ломающегося позвоночника. Звук напомнил ему выстрел стартового пистолета.

Горгулья яростно закричала, когда тележка наклонилась и перевернулась, вываливая руду на растрескавшуюся, сухую землю у Ямы. Охранник в два шага подскочил к лежащему заключенному и поднял кнут. Умирающий человек повернул голову и посмотрел Джеку Сойеру в глаза.

Это был Ферд Джэнклоу.

Увидел это и Волк.

Они обнялись.

И прыгнули обратно.

5

Они оказались в тесном, замкнутом пространстве — собственно, в туалетной кабинке, — и Джек едва мог дышать, так Волк обхватил его своими ручищами. Одна нога Джека намокла. Каким-то образом при возвращении она

попала в унитаз. Просто супер. *С Конаном-варваром такого никогда не случается*, мрачно подумал Джек.

— Джек, нет, Джек, нет, Яма, это была Яма, *нет*, Джек...

— Прекрати! Прекрати, Волк! Мы вернулись!

— Нет, нет, не...

Волк замолчал. Медленно открыл глаза.

— Вернулись?

— Будь уверен, прямо здесь и сейчас, так что отпусти меня, ты ломаешь мне ребра, а кроме того, моя нога застряла в этом чертовом...

Дверь из туалета в коридор с грохотом распахнулась. Ударилась о выложенную кафелем стену с такой силой, что панель из матового стекла разлетелась вдребезги.

Потом распахнулась дверь кабинки. Энди Уорвик посмотрел на них и яростно прорычал:

— *Гребаные пидоры.*

Схватил еще не пришедшего в себя Волка за клетчатую рубашку на груди и вытащил из кабинки. Штанами Волк зацепился за кронштейн, на котором висел рулон туалетной бумаги, и вывернул его из стены. Рулон упал и расстелился по полу. Уорвик отшвырнул Волка к раковинам, которые находились на подходящей высоте, чтобы приложиться к его яйцам. Волк рухнул на пол, держась за промежность руками.

Затем Уорвик повернулся к Джеку, но в дверях кабинки уже появился Сонни Сингер. Протянул руку и схватил Джека за рубашку.

— Ладно, пи... — начал Сонни, но больше ничего сказать не успел. Сонни Сингер доставал Джека с того самого момента, как их с Волком привезли в «Лучезарный дом». Сонни Сингер с его скрытным смуглым лицом, который пытался выглядеть как Лучезарный Гарденер (и у него получалось). Сонни Сингер, с легкой руки которого Джеку дали милое прозвище *сучонок*. Сонни Сингер, ко-

торый, несомненно, предложил обоссать их с Волком постели.

Правая рука Джека выстрелила вперед, не с размаху, как обычно бил Гек Баст, а от локтя. Удар пришелся в нос Сонни. Что-то хрустнуло. Джек в этот момент испытал чувство глубокого удовлетворения.

— Вот так! — воскликнул он, вытаскивая ногу из унитаза. Широкая ухмылка растянула его губы, и очередную мысль он направил Волку, всеми силами стараясь донести ее до него: *У нас неплохие успехи, Волк: ты сломал руку одному ублюдку, а я сломал нос другому.*

Сонни, крича, попятился, кровь струилась между его пальцами.

Джек вышел из кабинки, держа перед собой сжатые в кулаки руки, совсем как Джон Л. Салливан.

— Я говорил тебе, держись от меня подальше, Сонни. А теперь я собираюсь научить тебя говорить «аллилуйя».

— Гек! — закричал Сонни. — Энди! Кейси! Кто-нибудь!

— Сонни, да у тебя испуганный голос. Не понимаю, почему...

И тут что-то — похоже, целый кузов кирпичей — упало Джеку на шею, отбросив его в одно из зеркал над раковинами. Будь оно стеклянным, осколки сильно порезали бы Джека. Но все зеркала здесь были из полированной стали. В «Лучезарном доме» подростков всячески уберегали от самоубийства.

Джек успел выставить перед собой руку и смягчил удар, но все равно нетвердо стоял на ногах, когда повернулся и увидел ухмыляющегося Гека Баста. Он-то и ударил его загипсованной правой рукой.

И когда он смотрел на Гека, его внезапно осенило и чуть не вырвало. *Это же был ты!*

— Чертовски больно, — Гек поддерживал правую руку левой, — но оно того стоило, сучонок. — И он двинулся на Джека.

Это был ты! Это ты стоял над Фердом в другом мире и убивал его, хлеща кнутом. Это был ты, ты был горгульей, это твой двойник!

Ярость, жаркая, как стыд, охватила Джека. И когда Гек приблизился, он привалился к раковине, схватился за ее край и нанес удар ногами. От души приложился к груди Гека. Того отбросило в открытую кабинку. Ботинок, который при возвращении в Индиану оказался в унитазе, оставил четкий мокрый след на белой водолазке. Гек с ошарашенным лицом плюхнулся на унитаз. Раздался всплеск. Гипс ударил по фаянсу.

В туалет спешили и другие. Волк пытался встать. Волосы падали ему на лицо. Одной рукой зажимая нос, из которого по-прежнему лилась кровь, Сонни направлялся к Волку, очевидно, с тем, чтобы пинком вновь свалить его на пол.

— Только посмей прикоснуться к нему, Сонни, — мягко произнес Джек, и Сонни отпрянул.

Джек схватил Волка за руку и помог встать. И он видел, что Волк еще сильнее покрылся шерстью. *Это слишком большое напряжение, такие стрессы приближают Изменение, и, о Господи, это никогда не закончится, никогда... никогда.*

Они с Волком попятились от остальных — Уорвика, Кейси, Педерсена, Пибоди, Сингера — к дальней стене туалета. Гек появился из открытой кабинки, в которую упал, и тут Джек понял кое-что еще: они прыгнули из четвертой кабинки, но Гек выходил из пятой. В другом мире они прошли ровно столько, чтобы вернуться в соседнюю кабинку.

— Они дрочили друг другу! — гнусаво закричал Сонни. — Недоумок и красавчик! Уорвик застукал их с вытащенными членами!

Ягодицы Джека уперлись в холодный кафель. Все, отступать некуда. Он отпустил Волка, еще не пришедшего в себя и жалкого, поднял кулаки.

— Подходите. Кто первый?

— Собираешься справиться с нами всеми? — спросил Педерсен.

— Если придется, да. Или думаешь, что я пришел сюда помолиться? Подходите!

На лице Педерсена отразилась тревога, в глазах Кейси читался страх. Они остановились... они в прямом смысле остановились. На мгновение Джек ощутил безумную, идиотскую надежду. Подростки смотрели на него с той же неуверенностью, с какой мужчины смотрят на бешеного пса. Его, конечно, можно убить... но поначалу он может кого-нибудь сильно покусать.

— Пропустите меня, мальчики, — раздался сильный, мелодичный голос, и они с готовностью посторонились, их лица осветило облегчение. Пришел преподобный Гарденер, а преподобный Гарденер, конечно же, знал, что нужно делать в подобных случаях.

В это утро одетый в черные брюки и белую атласную рубашку с широкими, прямо байроновскими рукавами, он направился к подросткам, прижатым к стене. В руке он держал черный футляр со шприцами.

Он посмотрел на Джека и вздохнул.

— Ты знаешь, что сказано в Библии о гомосексуализме, Джек?

Джек ощерился.

Гарденер печально кивнул, словно ничего другого и не ожидал.

— Да, все мальчики плохие. Это аксиома.

Он открыл футляр. Блеснул шприц.

— Я думаю, ты и твой друг сделали кое-что похуже содомии, — продолжил Гарденер мелодичным, полным сожаления голосом. — Возможно, побывали в тех местах, куда вход разрешен только мудрым и лучшим.

Сонни Сингер и Гектор Баст переглянулись в замешательстве и тревоге.

— Я думаю, отчасти вина за это зло... за это извращение лежит на мне. — Он достал шприц. Посмотрел на него, потом достал флакон. Отдал футляр Уорвику и наполнил шприц. — Я никогда не считал необходимым заставлять моих мальчиков исповедоваться, но без исповеди нельзя обратиться к Христу, а без Христа зло только нарастает. Поэтому, хотя я и очень об этом сожалею, по всему выходит, что время просить ушло и пришло время требовать во имя Господа. Педерсен. Пибоди. Уорвик. Кейси. Хватайте их!

Подростки набросились на них, как обученные псы. Джек успел один раз врезать Пибоди, а потом его крепко схватили за руки.

— *Дайте бде ударить его!* — прогнусавил Сонни, пытаясь пробиться к Джеку сквозь толпу. Его глаза сверкали яростью. — *Я хотю ударить его!*

— Не сейчас, — остановил Сонни Гарденер. — Возможно, потом. Мы за это помолимся, так, Сонни?

— Да. — Глаза Сонни засверкали еще сильнее. — Я буду молиться об этом весь день.

Как человек, наконец-то очнувшийся от долгого сна, Волк зарычал и огляделся. Увидел, что Джека схватили, увидел шприц и с легкостью отбросил державшую друга руку Педерсена. Из горла Волка вырвалось необычайно громкое рычание.

— *Нет. Отпустите ЕГО!*

Гарденер танцующей походкой подошел к Волку со спины, напомнив Джеку Осмонда, поворачивающегося к вознице на том грязном дворе. Блеснула игла. Волк развернулся, заревев, словно его ужалили, — и это было недалеко от истины. Он махнул рукой, чтобы вышибить шприц, но Гарденер оказался проворнее.

Остальные подростки, тупо наблюдавшие за происходящим, теперь в тревоге попятились к двери. Они не хотели попасться под руку большому разъяренному Волку.

— Отпустите ЕГО! Отпустите... его... отпустите его...

— Волк!

— Джек... Джеки...

Волк смотрел на Джека недоумевающими глазами, меняющими цвет от красновато-коричневого к оранжевому и мутно-красному. Он протянул волосатые руки, но Гектор Баст зашел со спины и ударом загипсованной руки свалил его на пол.

— Волк! Волк! — Джек не отрывал от него влажных яростных глаз. — *Если ты убил его, сукин сын...*

— Ш-ш-ш, мистер Паркер, — прошептал ему на ухо Гарденер, и Джек почувствовал, как игла вонзается в плечо. — Успокойся. Мы собираемся озарить светом твою душу. И возможно, увидим тебя катящим груженую тележку вверх по спиральной дороге. Скажи «аллилуйя».

Это слово последовало за ним в черное небытие.

Аллилуйя... аллилуйя... аллилуйя.

Глава 26
ВОЛК В ЯЩИКЕ

1

Джек очнулся задолго до того, как об этом узнали другие, но осознание, кто он, что с ним случилось и в каком он положении, приходило постепенно: он напоминал солдата, который остался в живых после долгого и яростного артобстрела. Рука зудела в том месте, куда Гарденер воткнул иглу. Голова болела так сильно, что, казалось, пульсировали глазные яблоки. И ему ужасно хотелось пить.

По лесенке возвращения в реальность он поднялся еще на ступеньку, когда попытался почесать зудящее правое плечо левой рукой. И не смог. По той причине, что его

руки оказались привязанными к телу. В нос бил запах старой заплесневелой парусины — так могла пахнуть скаутская палатка, много лет пролежавшая скатанной на чердаке. И только тогда (хотя из-под опущенных век он смотрел на нее никак не меньше десяти минут) Джек понял, в чем дело: на него надели смирительную рубашку.

Ферд понял бы это гораздо быстрее, Джеки. И мысль о Ферде помогла ему сосредоточиться, пусть голова и разламывалась от боли. Он чуть шевельнулся, добившись лишь того, что боль с новой силой прострелила голову, а зуд в плече стал нестерпимым. И не смог сдержать стон.

Гек Баст: «Он просыпается».

Лучезарный Гарденер: «Нет, быть такого не может. Укола, который я ему сделал, хватит, чтобы парализовать взрослого крокодила. Он останется в отрубе как минимум до девяти вечера, а сейчас ему что-то снится. Гек, я хочу, чтобы ты поднялся наверх и выслушал исповеди мальчиков. Скажи им, что вечерняя проповедь отменяется. Мне надо встретить самолет, и это будет только началом, возможно, очень долгой ночи. Сонни, ты останешься здесь и поможешь мне с бухгалтерией».

Гек: «Да нет, похоже, он просыпается».

Лучезарный: «Иди, Гек. И пусть Бобби Пибоди проверит Волка».

Сонни (фыркнув): «Ему там не очень нравится, правда?»

Эх, Волк, они посадили тебя в Ящик, опечалился Джек. *Мне так жаль... моя вина... все это моя вина...*

— Одержимым дьяволом не нравится путь к спасению души, — услышал он ответ Лучезарного Гарденера. — Когда бесы внутри начинают умирать, они кричат. Теперь иди, Гек.

— Да, сэр, преподобный Гарденер.

Джек услышал, но не увидел, как Гек выходит из кабинета. Он не решался открыть глаза.

2

Волка засунули в грубо сваренный вручную и снабженный мощными засовами Ящик, словно заживо похоронили в железном гробу. Он выл весь день, в кровь расшибая кулаки о стены, пиная намертво запертую на двойной засов дверь, пока от боли, поднимающейся по ногам, не заболел пах. Волк не мог выбраться из Ящика, молотя его кулаками или пиная ногами, и знал это, как знал и другое: на этот раз его не выпустят, как бы он ни кричал. Но он ничего не мог с собой поделать: сидеть взаперти для Волков хуже смерти.

Его крики слышались не только в непосредственной близости от «Лучезарного дома», но и на окрестных полях. Подростки, до ушей которых они доносились, нервно переглядывались, но ничего не говорили.

— Я видел его этим утром в туалете, как он начал драться, — доверительно сообщил Рой Оудерсфелт Мортону тихим, дрожащим голосом.

— Они правда гоняли друг другу шкурку? — спросил Мортон.

Из приземистого железного Ящика донесся очередной вопль Волка, и оба посмотрели в ту сторону.

— Еще как! — с жаром воскликнул Рой. — Сам я не видел, потому что низкого роста, но Бастер Оутс стоял в первом ряду, и он говорит, что у этого большого недоумка конец толщиной с пожарный шланг. Так и сказал.

— Господи! — В голосе Мортона слышалось почтение, возможно, вызванное прискорбными размерами собственного конца.

Волк выл весь день, но когда солнце начало садиться, замолчал. И наступившая тишина показалась мальчишкам еще более зловещей. Они часто переглядывались, но еще чаще смотрели — с нарастающей тревогой — на железный Ящик, который стоял посреди полоски голой зем-

ли на заднем дворе «Дома». Шесть футов в длину, три — в высоту, он выглядел бы как железный гроб, если бы не квадратное отверстие на западной стороне, забранное толстой стальной сеткой. *Что там происходит*? — гадали подростки. Даже во время исповеди, когда обычно они ни на что другое не отвлекались, головы то и дело поворачивались к единственному окну общей комнаты, хотя выходило оно на фасад, а не на задний двор, где стоял Ящик.

Что там происходит?

Гектор Баст знал, что они не могут сосредоточиться на исповеди, и его это раздражало, но он не мог заставить их не отвлекаться, не понимая, в чем дело. Подростки, жившие в «Доме», чего-то ждали. Их лица побледнели сильнее обычного, глаза блестели, как у наркоманов.

Что там происходит?

И посвященный без труда понял бы, что там происходило.

Волк уходил с луной.

Он почувствовал, что это произойдет, когда полоска солнечного света, проникавшая в вентиляционное окошко, начала подниматься все выше, а сам свет приобрел красноватый оттенок. Он знал, что уходить с луной еще рано, до полнолуния далеко, и Изменение причиняло боль. Однако он менялся, и такое могло случиться с любым Волком, если на него давили слишком сильно и слишком долго. Волк отчаянно сдерживал Изменение, зная, что этого хотел Джек. В этом мире он совершил ради Джека великие подвиги. О некоторых Джек имел смутное представление, но не мог в полной мере оценить, какой ценой давались они Волку.

Но теперь он умирал и уходил с луной, и поскольку второе облегчало первое — смерть становилась почти святой и, без сомнения, предначертанной, — Волк уходил с облегчением и в радости. Как это прекрасно, больше не бороться с самим собой.

И его рот вдруг наполнился зубами.

3

После ухода Гека послышались конторские звуки: мягкий скрип передвигаемых стульев, звяканье ключей на ремне Лучезарного Гарденера, открывшаяся, а потом закрывшаяся дверца шкафа.

— Абельсон. Двести сорок долларов тридцать шесть центов.

Звук нажимаемых клавиш. Питер Абельсон входил в состав УК. Как и все остальные члены УК, умный, симпатичный, без физических дефектов. Джек видел его лишь несколько раз, но думал, что Абельсон похож на Донди из комиксов, сироту-беспризорника с большими глазами.

— Кларк. Шестьдесят два доллара семнадцать центов.

Опять клавиши. Урчание, когда Сонни нажал «ИТОГО».

— Это действительно уменьшение, — заметил он.

— Я с ним поговорю, не волнуйся. И пожалуйста, давай без болтовни, Сонни. Мистер Слоут прибывает в Манси в четверть одиннадцатого, и ехать туда далеко. Я не хочу опоздать.

— Извините, преподобный Гарденер.

Гарденер сказал что-то еще, но Джек не расслышал. Упоминание Слоута огрело его как обухом, но при этом он не слишком удивился. Он чувствовал, что такое очень даже возможно. Гарденер с самого начала что-то заподозрил. Джек предположил, что он не хотел тревожить босса по мелочам. А может, не хотел признавать, что не в состоянии самостоятельно вытащить из Джека правду. Но в конце концов он позвонил... куда? На запад? На восток? Джек многое бы отдал за то, чтобы узнать, откуда летит Морган. Из Лос-Анджелеса? Из Нью-Хэмпшира?

Привет, мистер Слоут. Надеюсь, я вас не отрываю, но местная полиция привезла ко мне мальчика... если на то пошло, двух мальчиков, но меня заинтересовал один, умный. Я вроде бы его знаю. Или, возможно, мой... мой двойник его

знает. Он назвался Джеком Паркером, но... Что? Описать его? Пожалуйста...

И шарик лопнул.

Пожалуйста, давай без болтовни, Сонни. Мистер Слоут прибывает в Манси в четверть одиннадцатого...

Время практически истекло.

Я говорил тебе, вали домой, Джек... теперь слишком поздно.

Все мальчики плохие. Это аксиома.

Джек чуть приподнял голову и оглядел комнату. Гарденер и Сонни Сингер сидели рядышком у дальнего края письменного стола. Сонни нажимал клавиши арифмометра, тогда как Гарденер называл ему все новые и новые суммы. Каждая следовала за фамилией члена УК, все фамилии шли в алфавитном порядке. Перед Лучезарным Гарденером лежала бухгалтерская книга и неровная стопка конвертов. Тут же стоял стальной картотечный ящик. Когда Гарденер поднял один из конвертов, чтобы продиктовать сумму, написанную на лицевой стороне, Джек рассмотрел, что нарисовано на обратной. Двое счастливых детей, взявшись за руки, спешили к церкви. В свободной руке каждый держал Библию. Под картинкой тянулась надпись: «Я БУДУ ЛУЧОМ СВЕТА ИИСУСА».

— Темкин. Ровно сто шесть долларов. — Конверт отправился в картотечный ящик.

— Я думаю, он опять снимает сливки, — не удержался от комментария Сонни.

— Бог видит истину, но ждет, — рассеянно ответил Гарденер. — С Виктором проблем нет. А теперь заткнись, и давай закончим все до шести.

Сонни вновь нажал клавиши арифмометра.

Картина с изображением шагающего по воде Иисуса была повернута, и Джек увидел спрятанный за ней сейф. Открытый.

На столе лежали и другие небезынтересные предметы: два конверта с надписями «ДЖЕК ПАРКЕР» и «ФИЛИП ДЖЕК ВОЛК», а также старый, верный рюкзак Джека.

Лежала на столе и связка ключей Лучезарного Гарденера.

От ключей взгляд Джека сместился в левую часть кабинета — к двери, которая вела во двор. Если бы нашелся способ...

— Йеллин. Шестьдесят два доллара девятнадцать центов.

Гарденер вздохнул. Положил последний конверт в длинный стальной ящик и закрыл гроссбух.

— Вероятно, Гек не ошибся. Я уверен, что наш дорогой друг мистер Джек Паркер очнулся. — Он поднялся, обошел стол и направился к Джеку. Безумные затуманенные глаза преподобного блестели. Он сунул руку в карман и достал зажигалку «Зиппо». Джек почувствовал, как от одного ее вида в нем нарастает паника. — Только твоя фамилия не Паркер, так, дорогой мой мальчик? Твоя настоящая фамилия Сойер, я прав? О да, Сойер. Очень, очень скоро сюда подъедет один человек, который проявил к тебе неподдельный интерес. И нам есть что ему рассказать, ведь так?

Лучезарный Гарденер захихикал и откинул крышку зажигалки, открыв потемневшее колесико и закопченный фитиль.

— Исповедь очень хороша для души, — прошептал он и высек огонь.

4

Бах.

— Что это? — спросил Рудольф, оторвавшись от духовок, в которых выпекался ужин — пятнадцать больших пирогов с индейкой.

— Что — что? — переспросил Джордж Ирвинсон.

У раковины визгливо засмеялся Донни Киган, который чистил картошку.

— Я ничего не слышал, — добавил Ирвинсон.

Донни засмеялся вновь.

Рудольф раздраженно посмотрел на него.

— Ты чего так толсто срезаешь кожуру, идиот?

— Гы-гы-гы!

Бах.

— Теперь-то ты слышал?

Ирвинсон только покачал головой.

Внезапно Рудольф испугался. Эти звуки доносились из Ящика — и ему предлагалось верить, что это сарай для хранения сена. Черта с два. В Ящик посадили здоровяка, которого, судя по разговорам, утром застукали за мужеложством с другом, тем парнишкой, что пытался его подкупить. Говорили, что здоровяк полез в драку, и Гарденеру пришлось вырубить его... а еще говорили, что здоровяк не просто сломал Басту руку; говорили, что он раздавил ее в кровавую пульпу. Ложь, разумеется, не иначе, но...

БАХ!

На этот раз Ирвинсон оглянулся. И тут Рудольф понял, что ему срочно нужно в туалет. Более того, в туалет третьего этажа, где неплохо провести пару-тройку часов. Он чувствовал, что надвигается беда... большая беда.

БАБАХ!

На фиг пироги с индейкой.

Рудольф снял фартук, бросил на столешницу, где он вымачивал соленую треску к завтрашнему ужину, и направился к двери.

— Куда ты? — спросил Ирвинсон. Голос его вдруг стал пронзительно высоким. И дрожал. Донни Киган яростно чистил картофелины размером с футбольный мяч, превращая их в мячики для гольфа, грязные влажные волосы падали ему на лицо.

БАХ! БАХ! БАХ-БАБАХ!

Рудольф не ответил на вопрос Ирвинсона, и к тому времени, когда поднялся на лестничную площадку второго этажа, он почти бежал. Времена в Индиане наступили трудные, работу удавалось найти далеко не всем, а Лучезарный Гарденер платил наличными.

Тем не менее Рудольф задался вопросом, а не пришла ли пора подыскать новое место работы? Можете вы сказать: «Заберите меня отсюда»?

5

БАХ!

Верхний засов на двери Ящика переломился пополам. Между Ящиком и дверью возникла щель.

На мгновение воцарилась тишина. Потом:

БАХ!

Нижний засов затрещал, изгибаясь.

БАХ!

Нижний засов сломался.

Дверь Ящика со скрипом повернулась на больших кованых петлях. Две огромные ноги, густо поросшие шерстью, вылезли из Ящика пятками вверх. Длинные когти вонзились в пыль.

Волк выбирался на свободу.

6

Пламя то появлялось перед глазами Джека, то исчезало, появлялось и исчезало. Появлялось и исчезало. Лучезарный Гарденер являл собой нечто среднее между гипнотизером, выступающим перед публикой, и актером-старшеклассником, играющим главную роль в биографии Великого ученого в «Позднем, позднем шоу». Скажем, как Пол Муни. Все это выглядело забавно, и Джек, если бы его не трясло от страха, наверное, рассмеялся бы. Точно рассмеялся бы.

— У меня есть несколько вопросов, и ты на них ответишь, — заговорил Гарденер. — Мистер Морган и сам может вытащить из тебя ответы — да, легко, вне всяких сомнений, — но я предпочитаю избавить его от лишних хлопот. Итак... как давно ты способен... как давно ты умеешь Мигрировать?

— Я не знаю, о чем вы.

— Как давно ты умеешь Мигрировать в Долины?

— Я не знаю, о чем вы говорите.

Пламя приблизилось.

— Где ниггер?

— Кто?

— Ниггер, ниггер! — взвизгнул Гарденер. — Паркер, Паркус, как там он себя называет? Где он?

— Я не знаю, о ком вы говорите.

— Сонни! Энди! — крикнул Гарденер. — Развяжите его левую руку! Вытяните ее ко мне.

Уорвик наклонился над плечом Джека и что-то сделал. Мгновением позже они разогнули его левую руку, прежде плотно прижатую к пояснице. Она затекла, и теперь ее кололо как иголками. Джек попытался сопротивляться, но куда там.

— А теперь раздвиньте пальцы.

Сонни оттянул безымянный палец и мизинец в одну сторону, Уорвик — указательный и средний в другую. Гарденер поднес огонек «Зиппо» к основанию получившейся буквы V. Боль выстрелила вдоль левой руки Джека и принялась заполнять все тело. Поплыл сладкий запах горелого. Это он горел. Он. Горел.

Прошла вечность, прежде чем Гарденер убрал зажигалку и закрыл крышку. Капли пота блестели у него на лбу. Он тяжело дышал.

— Дьяволы кричат перед тем, как выходят из тела. Да, кричат. Верно, мальчики?

— Да, восславим Господа, — ответил Уорвик.

— Вы вбили этот гвоздь, — ответил Сонни.

— О да. Я знаю. Да, действительно, вбил. Мне ведомы тайны мальчиков и дьяволов. — Гарденер захихикал. Потом наклонился вперед, теперь его лицо отделял от лица Джека какой-то дюйм. Удушающий запах одеколона ударил Джеку в нос. Ужасный, конечно, но он полагал, что лучше нюхать одеколон, чем собственную горящую плоть. — Итак, Джек, как давно ты умеешь Мигрировать? Где ниггер? Что известно твоей матери? Кто еще знает? Что рассказал тебе ниггер? Мы начнем с этого.

— Я не знаю, о чем вы говорите.

Гарденер оскалил зубы в ухмылке.

— Мальчики, нам еще не удалось озарить светом душу этого паренька. Снова завяжите его левую руку и развяжите правую.

Лучезарный Гарденер откинул крышку зажигалки и ждал, пока они это сделают, поглаживая колесико большим пальцем.

7

Джордж Ирвинсон и Донни Киган остались на кухне.

— Там кто-то есть, — нервно выдохнул Джордж.

Донни не ответил. Он закончил чистить картошку и теперь стоял у духовок, наслаждаясь идущим от них теплом. Он не знал, что делать. Рядом, чуть дальше по коридору, исповедовались другие подростки, и ему хотелось пойти туда. В общей комнате ему ничего не грозило, а здесь, на кухне, он очень, очень нервничал, но Рудольф их не отпускал. Так что никуда пойти он не мог.

— Я кого-то слышал, — добавил Джордж.

Донни захохотал:

— Гы! Гы! Гы!

— Господи, от твоего смеха можно рехнуться. Слушай, у меня под матрацем новый выпуск «Капитана Америки».

Если ты посмотришь, что на улице, я дам тебе его почитать.

Донни покачал головой и вновь заржал.

Джордж посмотрел на дверь. Звуки. Поскребывание. Да, похоже, кто-то скребся в дверь. Как пес, который хочет, чтобы его впустили. Одинокий, бездомный щенок. Вот только каким образом одинокий, бездомный щенок мог скрестись у верха двери высотой почти в семь футов?

Джордж подошел к окну и выглянул. В сумерках ничего не было видно. Ящик черной тенью выделялся среди теней.

Джордж направился к двери.

8

Джек кричал долго, громко и пронзительно, даже подумал, что у него разорвется глотка. Теперь к ним присоединился Кейси с большим раскачивающимся животом, и хорошо, что присоединился, поскольку лишь втроем Кейси, Уорвик и Сонни Сингер могли удерживать руку Джека над огоньком зажигалки.

И когда Гарденер убрал ее на этот раз, на ладони Джека вспух черный волдырь размером с четвертак.

Гарденер подошел к столу, взял конверт с надписью «ДЖЕК ПАРКЕР», вернулся с ним. Вытащил медиатор.

— Это что?

— Медиатор, — удалось выговорить Джеку. Его руки горели огнем.

— Чем он становится в Долинах?

— Я не знаю, о чем вы.

— Это что?

— Стеклянный шарик. Вы что, ослепли?

— В Долинах это игрушка?

— Я не...

— Зеркало?

— ...знаю, о чем...

— Волчок, который исчезает, если раскрутить его?

— ...вы...

— ТЫ ЗНАЕШЬ! ТЫ ЗНАЕШЬ, ПИДОР, БОГОМ ПРОКЛЯТЫЙ ЩЕНОК!

— ...говорите.

Гарденер отвесил Джеку оплеуху.

Достал серебряный доллар. Его глаза сверкали.

— Это что?

— Счастливая монета, подаренная мне тетей Элен.

— Чем она становится в Долинах?

— Коробкой хлопьев «Райс криспис».

Гарденер поднял зажигалку.

— Твой последний шанс, мальчик.

— Она превращается в виброфон и играет «Безумный ритм».

— Вытяните его правую руку, — приказал Гарденер.

Джек боролся, но в конце концов проиграл.

9

Пироги с индейкой начали подгорать.

Джордж Ирвинсон стоял перед дверью почти пять минут, пытаясь собраться с духом и открыть ее. В дверь больше никто не скребся.

— Что ж, я покажу тебе, что бояться нечего, трусохвост! — воскликнул Джордж. — Когда Господь с тобой, бояться нужды нет.

С этим решительным заявлением он распахнул дверь. Огромная, заросшая жестким волосом черная тварь стояла на пороге, ее глубоко запавшие глаза сверкали красным. Взглядом Джордж проследил за одной лапой, которая сначала поднялась в осенней ветреной темноте, а потом опустилась. Шестидюймовые когти сверкнули в кухонном свете. Они оторвали голову Джорджа Ирвинсона от шеи и швырнули через кухню. Расплескивая кровь,

голова ударилась о ботинки смеющегося Донни Кигана, безумно смеющегося Донни Кигана.

Волк прыгнул в помещение, приземлившись на четыре лапы. Проскочил мимо Донни Кигана, даже не взглянув на него, и выбежал в коридор.

10

Волк! Волк! Прямо здесь и сейчас!

Да, у него в голове звучал голос Волка — но другой голос, более глубокий, более зычный, более командный, каким Джек его никогда не слышал. Он прорезал туман боли, застилавший разум, как отличный шведский нож.

Джек подумал: *Волк бежит с луной.* Подумал с восторгом и печалью.

Преподобный Гарденер поднял голову, его глаза сузились. В этот момент он сам напоминал зверя — зверя, который учуял опасность.

— Преподобный? — спросил Сонни. Он тяжело дышал, его зрачки стали огромными. *Он наслаждается*, подумал Джек. *Если я заговорю, Сонни будет разочарован.*

— Я что-то слышал. — Гарденер повернулся к Кейси. — Кейси. Пойди и послушай, что делается на кухне и в общей комнате.

— Хорошо. — Кейси тут же ушел.

Взгляд Гарденера вернулся к Джеку.

— Скоро я собираюсь уехать в Манси и при встрече с мистером Морганом хочу сразу сообщить ему важные сведения. Поэтому тебе лучше поговорить со мной, Джек. Избавить себя от лишней боли.

Джек смотрел на него, надеясь, что лихорадочные удары сердца не проявляются ни на лице, ни в биении жилки на шее. Если Волк вырвался из Ящика...

В одной руке Гарденер держал медиатор, который дал Джеку Спиди, в другой — монету капитана Фаррена.

— Что это такое?

— Когда я прыгаю, они превращаются в черепашьи яйца. — И Джек безумно, истерично расхохотался.

Лицо Гарденера почернело от злобы.

— Снова завяжите ему руки, — приказал он Сонни и Энди. — Завяжите руки, а потом спустите штаны с этого проклятого Богом ублюдка. Давайте поглядим, что произойдет, когда мы поджарим *его* яйца.

11

Исповеди вызывали у Гека Баста смертную скуку. Он слышал их все, эти мелкие грешки. *Я крал деньги из кошелька матери, я курил косяки на школьном дворе, мы выливали клей в бумажный пакет и нюхали его, я делал то, я делал это.* Детские шалости. Никакого интереса. Ничего такого, что могло бы отвлечь *от ноющей боли* в руке. Геку хотелось вниз, хотелось поучаствовать в пытке этого Сойера. А потом они занялись бы здоровенным недоумком, который каким-то образом захватил его врасплох и изувечил правую руку. Да, он получил бы огромное удовольствие, занимаясь этим здоровенным недоумком. Нашел бы применение болторезу.

А пока приходилось слушать, как один из подростков, Вернон Скарда, продолжал бубнить:

— ...он и я, и мы увидели, что ключи в замке зажигания, понимаете, о чем я. И он говорит: «Давай запрыгнем в эту сучку и объедем квартал». Но я знал, что это неправильно, и так ему и сказал, а он говорит: «Ты просто трусишь». Я отвечаю: «Нет, не трушу», — а он мне: «Докажи это, докажи». «Не собираюсь я воровать машину», — говорю я, а он...

Господи Иисусе, подумал Гек. Рука отчаянно разболелась, а болеутоляющие таблетки лежали у него в комнате. У дальней стены он видел Пибоди, который так зевнул, что едва не вывернул челюсть.

— И мы поехали вокруг квартала, а потом он говорит мне, он...

Дверь распахнулась с такой силой, что петли вывернуло из дверной коробки. Ударилась об стену, отскочила, стукнула подростка по имени Том Кэссиди, повалила его на пол, придавила. Что-то ворвалось в общую комнату... поначалу Гек решил, что это самая большая собака, какую он когда-либо видел. Подростки заорали и вскочили со стульев... а потом замерли, не веря своим широко раскрытым глазам. Перед ними высился серо-черный зверь, в которого превратился Волк. Он стоял на задних лапах, в расползшихся чиносах и клетчатой рубашке.

И Вернон Скарда таращился на него, выпучив глаза, с отвисшей челюстью.

Волк взревел, сверкающие глаза смотрели на подростков, которые попятились от него. Педерсен рванул к двери. Волк — его макушка почти задевала потолок — отреагировал молниеносно. Взмахнул рукой, толстой, как потолочная амбарная балка. Когти прошлись по спине Педерсена. На мгновение все увидели окровавленный шнур позвоночника. Кровь выплеснулась на стену. Педерсен, качнувшись, шагнул в коридор и рухнул на пол.

Волк обернулся, и его пылающие глаза остановились на Геке Басте. Гек поднялся, хотя ноги вдруг потеряли чувствительность, уставился на это косматое красноглазое чудище. Он знал, кто перед ним... по крайней мере кем оно раньше было.

И отдал бы что угодно, лишь бы ему вновь стало скучно.

12

Джек вновь сидел на стуле, с обожженными и пульсирующими болью руками, привязанными у поясницы. Сонни накрепко стянул завязки рукавов смирительной

рубашки, а затем расстегнул чиносы Джека и сдернул вниз.

— А теперь слушай меня, Джек, — Гарденер поднял «Зиппо» так, чтобы Джек мог видеть зажигалку, — и слушай внимательно. Я вновь собираюсь задать тебе вопросы. И если ты не ответишь на них правдиво и в полном объеме, содомия уже не будет входить в число искушений, с которыми тебе придется бороться.

Сонни Сингер при этих словах дико загоготал. В его затуманившихся глазах читалось нетерпение. Ему хотелось это увидеть.

— Преподобный Гарденер! Преподобный Гарденер! — Это был Кейси, и в его голосе звучала тревога. Джек снова открыл глаза. — Наверху какой-то погром!

— Не отвлекай меня.

— На кухне Донни Киган ржет как безумный! И...

— Он же сказал, не отвлекай! — крикнул Сонни. — Или ты его не слышал?

Но Кейси, судя по всему, слишком испугался, чтобы замолчать.

— ...и в общей комнате, похоже, бунт! Крики! Вопли! И мне кажется...

Внезапно разум Джека заполнил крик невероятной силы и энергии:

Джеки! Где ты? Волк! Где ты прямо здесь и сейчас?

— ...туда ворвалась целая стая собак!

Гарденер теперь смотрел на Кейси, его глаза превратились в щелочки, губы плотно сжались.

В кабинете Гарденера! Вниз по лестнице! Где мы были раньше!

В каком НИЗУ, Джеки?

Лестница! Вниз по ЛЕСТНИЦЕ, Волк!

Прямо здесь и сейчас.

И Волк ушел из его головы. Джек услышал, как наверху что-то упало, раздался крик.

— Преподобный Гарденер! — позвал Кейси. Его обычно красное лицо стало смертельно бледным. — Преподобный Гарденер. Что это? Что?..

— Заткнись! — рявкнул Гарденер, и Кейси отпрянул, словно ему влепили пощечину, в широко раскрытых глазах застыла обида, толстые щеки тряслись. Гарденер протиснулся мимо него к сейфу, достал большой револьвер. Сунул за ремень. Впервые на памяти Джека преподобный выглядел испуганным и недоумевающим.

Наверху что-то разлетелось вдребезги, последовал отчаянный вопль. Взгляды Сингера, Уорвика и Кейси устремились на потолок: они словно сидели в бомбоубежище и вдруг услышали свист падающей на них бомбы. Гарденер посмотрел на Джека. Улыбка изогнула губы преподобного, уголки рта дергались, каждый сам по себе, словно за привязанные к ним нитки дергал неумелый кукловод.

— Он придет сюда, да? — спросил Лучезарный Гарденер и кивнул, словно Джек ответил ему. — Он придет... но я не думаю, что он уйдет отсюда.

13

Волк прыгнул. Гек Баст успел поднять правую загипсованную руку и прикрыть шею. Последовала жаркая вспышка боли, короткий хруст, полетела гипсовая пыль: Волк перекусил гипс вместе с находившейся в нем рукой. Гек тупо уставился на то место, где только что была кисть. Из запястья хлестала кровь. Белая водолазка пропитывалась ярким теплом.

— Пожалуйста! — заверещал Гек. — Пожалуйста, пожалуйста. Не...

Волк выплюнул загипсованную руку. Его голова рванулась к Геку со скоростью атакующей змеи. Гек смутно почувствовал, как зубы Волка вырвали ему горло, и на том ощущения оборвались.

14

Выбегая из общей комнаты, Пибоди поскользнулся в крови Педерсена, упал на колено, поднялся, побежал по коридору первого этажа со всех ног, по пути наблевав на себя. И остальные подростки в панике разбегались, крича от ужаса. Пибоди тоже запаниковал, но все-таки сохранил самообладание. Он помнил, что надо делать в чрезвычайной ситуации, хотя сомневался, что кто-нибудь смог бы представить себе нечто подобное. Скорее всего под чрезвычайной преподобный Гарденер понимал ситуацию, когда кто-то из них рехнется и всадит нож в другого, что-то в этом роде.

За приемной, куда попадали все новички, находился маленький кабинет. Пользоваться им могли только бандиты, которых преподобный называл своими «учениками-помощниками».

Пибоди заперся в кабинете, снял трубку с телефонного аппарата, набрал номер экстренного вызова. Мгновением позже уже говорил с Фрэнки Уильямсом.

— Пибоди, из «Лучезарного дома», — представился он. — Вы должны немедленно приехать сюда и привезти с собой как можно больше полицейских, патрульный Уильямс. Тут просто...

Из коридора донесся пронзительный вопль, потом грохот высаженной двери. Кто-то громко и страшно зарычал, вопль оборвался.

— ...разверзся ад, — закончил он.

— Что за ад? — нетерпеливо переспросил Уильямс. — Передай трубку Гарденеру.

— Я не знаю, где преподобный, но он хочет, чтобы вы приехали. Здесь убитые люди. Убитые дети.

— *Что?*

— Просто приезжайте и привезите как можно больше людей, — ответил Пибоди. — И побольше оружия.

Еще крик. Опять упало что-то тяжелое, похоже, перевернули высокий комод в прихожей.

— Автоматы, если сможете их найти.

Зазвенели разбивающиеся об пол подвески хрустальной люстры, которая висела в приемной. Пибоди сжался в комок. Кажется, монстр крушил все, что попадало под руку.

— Черт, привезите атомную бомбу, если сможете. — Из глаз Пибоди покатились слезы.

— Что ты...

Пибоди положил трубку, не дослушав. Заполз в нишу между тумбами письменного стола. Закрыл голову руками. И начал истово молиться, чтобы все это оказалось всего лишь сном — самым жутким гребаным кошмаром, который когда-либо ему приснился.

15

Волк метался по коридору первого этажа, от общей комнаты до парадной двери, остановившись только с тем, чтобы перевернуть высокий комод да схватиться за люстру. Он качался на ней, как Тарзан, пока не вырвал из потолка. Подвески со звоном рассыпались по ковровой дорожке.

ВНИЗУ. Джеки ВНИЗУ. Да... но где этот низ?

Не выдержавший напряжения подросток распахнул дверь чулана, где прятался, и бросился к лестнице. Волк схватил его и швырнул через коридор. В треске костей мальчик ударился о закрытую дверь кухни и упал, как тряпичная кукла.

Голова Волка шла кругом от возбуждающего запаха свежепролитой крови. Волосы кровавыми космами висели вокруг морды. Он пытался сосредоточиться на Джеке, но это было трудно — так трудно. Он понимал, что должен найти Джека в самое ближайшее время, пока полностью не утратил способность соображать.

Волк побежал к кухне, через которую проник в дом, вновь на четырех лапах — потому что так было быстрее и легче, — и внезапно, минуя закрытую дверь, вспомнил. Узкий проход. Все равно что спускаться в могилу. Запах в горле, влажный и тяжелый...

ВНИЗУ. За этой дверью. Прямо здесь и сейчас!

— Волк! — крикнул он, хотя подростки, сжавшиеся в комок в потаенных уголках на первом и втором этажах, услышали оглушительный торжествующий вой. Волк поднял огромные мускулистые лапы, которые были его руками, и ударил по двери. Она разломилась посередине, выплевывая щепки на лестницу. Волк шагнул вперед, и да, перед ним открылся тот самый узкий проход, путь к тому месту, где Белый человек говорил ложь. А Джеку и Слабому Волку приходилось сидеть и слушать.

Джек находился внизу. Волк уловил его запах.

Но он также уловил запах Белого человека и... оружейного пороха.

Осторожнее...

О да, Волки знали об осторожности. Волки бегают, и рвут, и убивают, но если приходится... они знают, как быть осторожными.

Он двинулся вниз на четырех лапах, бесшумный клуб черного дыма, с красными, как тормозные огни, глазами.

16

Гарденер нервничал все больше. Джек полагал, что преподобный на грани истерики. Его глаза лихорадочно метались от студии, где перепуганный Кейси слушал, что происходит наверху, к Джеку, к закрытой двери в коридор.

Некоторое время тому назад шум наверху стих.

Сонни Сингер направился к двери.

— Я поднимусь наверх и посмотрю...

— Никуда ты не поднимешься! Оставайся здесь!

Сонни дернулся, словно Гарденер ударил его.

— В чем дело, преподобный Гарденер? — спросил Джек. — Вы выглядите немного взволнованным.

Сонни влепил ему оплеуху.

— Не забывай, с кем говоришь, сучонок! Просто не забывай.

— И ты тоже нервничаешь, Сонни! И ты, Уорвик. Да и Кейси...

— *Заткните ему пасть!* — внезапно заорал Гарденер. — *Неужели вы ничего не можете сделать? Почему я все должен делать сам?*

Сонни вновь ударил Джека, гораздо сильнее. Из носа Джека потекла кровь, но он улыбался. Волк совсем близко... и Волк проявляет осторожность. Джек уже надеялся, что они смогут вырваться отсюда живыми.

Кейси внезапно выпрямился, сорвал с головы наушники, включил внутреннюю связь.

— Преподобный Гарденер! Я слышу сирены по наружным микрофонам.

Глаза Гарденера, теперь широко раскрывшиеся, остановились на Кейси.

— Что? Как много? Далеко?

— Судя по всему, много, — ответил Кейси. — Пока еще далеко. Но они приближаются. В этом нет никаких сомнений.

И тут Гарденер сломался. Джек видел, как это произошло. Преподобный нерешительно сел, потом вытер рот тыльной стороной ладони.

Дело не в том, что творится наверху. И не в сиренах. Он знает, что Волк близко. По-своему чует его... и ему это не нравится. Волк, у нас есть шанс! Мы можем вырваться!

Гарденер протянул револьвер Сонни Сингеру.

— Сейчас у меня нет времени ни на полицию, ни на тот бардак, что творится наверху. Самое важное — Морган Слоут. Я еду в Манси. Вы с Энди поедете со мной,

Сонни. Держи на мушке нашего друга Джека, пока я не выкачу автомобиль из гаража. Когда услышите клаксон, выходите.

— А Кейси? — спросил Энди Уорвик.

— Да-да, конечно, и Кейси тоже, — мгновенно согласился Гарденер, и Джек подумал: *Он же убегает от вас, тупоголовые козлы. Он убегает от вас, это очевидно, с тем же успехом он мог бы написать это на рекламном щите, установленном на Сансет-стрип, а ваши куцые мозги этого не понимают: Вы будете сидеть здесь и ждать клаксона десять лет, разве что раньше закончатся еда и туалетная бумага.*

Гарденер поднялся. Сонни Сингер, покраснев от гордости, сел за его стол и нацелил револьвер на Джека.

— Если появится его приятель-недоумок, застрели его, — распорядился Гарденер.

— Как он может появиться? — в недоумении спросил Сонни. — Он же в Ящике.

— Не важно, — ответил Гарденер. — Он — зло, они оба — зло, это не обсуждается, это аксиома. Если появится недоумок, застрели его, застрели их обоих.

Он порылся в висевших на кольце ключах, выбрал нужный.

— Когда услышите клаксон, — напомнил он. Открыл дверь и вышел. Джек напрягал слух, пытаясь услышать сирены, но тщетно.

Дверь за Лучезарным Гарденером закрылась.

17

Время растягивалось.

Минута по ощущениям тянула на две, две — на десять, четыре — на целый час. Трое гарденеровских «учеников-помощников» напоминали мальчишек в игре «Замри». Сонни как истукан сидел за столом преподобного — он

жаждал этого места, мечтал о том, что когда-нибудь его займет. Револьвер смотрел на Джека. Уорвик стоял у двери в коридор. Кейси с наушниками на голове сидел в ярко освещенной студии и тупо смотрел на другую стеклянную панель, которая отделяла студию от темной часовни, ничего не видя, только слушая.

— Вы же знаете, он не собирается брать вас с собой, — нарушил давящую тишину Джек. Собственный голос удивил его. Ровный и бесстрашный.

— Заткнись, сучонок, — рявкнул Сонни.

— Не задерживай дыхание, пока не услышишь клаксон, — посоветовал ему Джек. — Посинеешь.

— Энди, если он скажет что-то еще, сломай ему нос.

— Это правильно, — кивнул Джек. — Сломай мне нос, Энди. Застрели меня, Сонни. Копы уже едут. Гарденера нет, и они найдут вас троих над трупом в смирительной рубашке. — Он помолчал, потом уточнил: — Над трупом в смирительной рубашке и со сломанным носом.

— Врежь ему, Энди.

Энди Уорвик двинулся от двери к Джеку, который сидел на стуле в смирительной рубашке, со спущенными до лодыжек штанами и трусами.

Джек повернулся к Уорвику.

— Давай, Энди. Врежь мне. Я пошевелиться не могу. Отличная цель.

Энди Уорвик сжал кулак, замахнулся... замялся. В его глазах читалась неуверенность.

На столе Гарденера стояли электронные часы. Джек глянул на них, потом его взгляд вернулся к Уорвику.

— Прошло четыре минуты, Энди. Сколько времени требуется человеку, чтобы выкатить автомобиль из гаража? Особенно если он спешит?

Сонни Сингер вскочил со стула Лучезарного Гарденера, обошел стол, бросился к Джеку. Его узкое злое лицо полыхало от ярости. Пальцы сжались в кулаки. Уорвик,

парень куда более крупный, остановил Сонни. На лице Уорвика читалась тревога — сильная тревога.

— Подожди.

— Я не желаю этого слушать! Я не...

— Почему бы тебе не узнать у Кейси, как далеко сирены? — спросил Джек, и лицо Уорвика помрачнело еще больше. — Вас оставили с носом, или вы этого еще не поняли? Мне нарисовать вам картину? Здесь все плохо. Он это знал... *почувствовал*! Вот и скинул все на вас. А судя по звукам наверху...

Сингер вырвался из рук Уорвика и стукнул Джека по скуле. Его голова мотнулась в сторону, вернулась на прежнее место.

— ...все очень и очень плохо.

— Заткнись, а не то я тебя убью, — прошипел Сонни.

На электронных часах добавилась минута.

— Уже пять минут.

— Сонни... — У Уорвика на мгновение перехватило дыхание. — Давай снимем с него эту хреновину.

— Нет! — В крике Сонни слышались обида, ярость... и крайний испуг.

— Ты знаешь, что говорил преподобный, — напомнил Уорвик. — Раньше. Когда приехали люди с телевидения. Никто не должен видеть смирительные рубашки. Они не поймут. Они...

Щелк! Включился аппарат внутренней связи.

— Сонни! Энди! — Голос Кейси переполняла паника. — Они близко! Сирены! Что же нам делать?

— Давай развяжем его! — Лицо Уорвика побледнело как полотно, лишь на скулах горели два пятна румянца.

— Преподобный Гарденер также сказал...

— Мне насрать, что еще он сказал! — Голос Уорвика упал до шепота, и он озвучил самый сильный детский страх: — Они нас *поймают*, Сонни! Они нас *поймают*!

И Джек подумал, что уже слышит сирены, хотя, возможно, их слышало только его воображение.

Взгляд Сонни в нерешительности прошелся по Джеку. Он приподнял револьвер, и на мгновение Джек поверил, что Сонни действительно собирается его убить.

Но прошло уже шесть минут, а Гарденер все не жал на клаксон, возвещая, что *deus ex machina** (в данном случае из машины до Манси) готов их спасти.

— Ты его развяжи, — надувшись, бросил Сонни, глянув на Энди Уорвика. — Я не хочу прикасаться к нему. Он грешник. И пидор.

Сонни вернулся за стол, а Энди Уорвик занялся завязками смирительной рубашки.

— Ты лучше ничего не говори. — Энди тяжело дышал. — Ты лучше ничего не говори. А не то я убью тебя сам.

Правая рука свободна.

Левая рука свободна.

Руки Джека упали на колени. В них словно вонзили сотни иголок.

Уорвик сдернул с него ненавистную смирительную рубашку из парусины серовато-коричневого цвета с кожаными завязками. Посмотрел на нее и поморщился. Быстро пересек комнату и принялся запихивать рубашку в сейф Лучезарного Гарденера.

— Подтяни штаны, — фыркнул Сонни. — Думаешь, я хочу смотреть на твои причиндалы?

Джек неловко подтянул трусы, взялся за пояс штанов, выронил, наконец сумел их надеть.

Щелк! Аппарат внутренней связи.

— Сонни! Энди! — Кейси вовсю паниковал. — Я что-то *слышу*!

— Они подъезжают? — Сонни чуть не кричал. Уорвик удвоил усилия, заталкивая смирительную рубашку в сейф. — Они уже у...

* Бог из машины (*лат.*).

— Нет! В часовне! Я ничего не вижу, но слышу что-то в...

Конец фразы потонул в звоне разбивающегося стекла: Волк прыгнул из темноты часовни в студию.

18

Динамики усилили крики откатывающегося от пульта Кейси.

Всю студию накрыло осколками стекла. Волк приземлился четырьмя лапами на наклонный пульт управления и то ли спрыгнул, то ли соскользнул с него, сверкая красными глазами. Длинные когти поворачивали какие-то диски, щелкали какими-то переключателями. Завертелись бобины большого магнитофона.

— ...КОММУНИСТЫ! — проревел голос Лучезарного Гарденера. Такой громкий, что заглушил и отчаянные вопли Кейси, и крики Уорвика: «Пристрели его, Сонни! Пристрели его! Пристрели!» Голосу преподобного, как музыка ада, вторил вой многочисленных сирен, который улавливали наружные микрофоны Кейси: караван патрульных автомобилей сворачивал на подъездную дорожку «Лучезарного дома».

— ДА, ОНИ СКАЖУТ ВАМ, ЧТО ЭТО НОРМАЛЬНО, СМОТРЕТЬ В ЭТИ ГРЯЗНЫЕ КНИГИ! ОНИ СКАЖУТ ВАМ, ЧТО ЗАКОН, ЗАПРЕЩАЮЩИЙ МОЛИТВУ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ШКОЛАХ, — ЭТО НЕ ВАЖНО! ОНИ СКАЖУТ, ЧТО ПРИЗНАНИЕ ШЕСТНАДЦАТЬЮ КОНГРЕССМЕНАМИ И ДВУМЯ ГУБЕРНАТОРАМИ США СВОЕГО ГОМОСЕКСУАЛИЗМА — ЕРУНДА. ОНИ СКАЖУТ...

Стул Кейси докатился до стеклянной перегородки между студией и кабинетом Лучезарного Гарденера. На мгновение Кейси обернулся, и они увидели его агонизирующие выпученные глаза. Потом Волк прыгнул. Ткнулся головой в живот Кейси... и вонзил в него зубы. Челюсти открывались и закрывались со скоростью машины для

рубки сахарного тростника. Фонтан крови ударил вверх и забрызгал стеклянную перегородку. Кейси забился в судорогах.

— Застрели его, Сонни! Застрели эту гребаную тварь! — вопил Уорвик.

— Думаю, я лучше застрелю его. — Сонни повернулся к Джеку. Уверенность в его голосе не оставляла сомнений в том, что наконец-то принято важное решение. Он кивнул, его губы расползлись в улыбке.

— *...ДЕНЬ ГРЯДЕТ, МАЛЬЧИКИ! О ДА. ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ, И В ЭТОТ ДЕНЬ ВСЕ КОММУНИСТЫ, ГУМАНИСТЫ И ОБРЕЧЕННЫЕ НА АДСКИЕ МУКИ АТЕИСТЫ ОБНАРУЖАТ, ЧТО СКАЛА ИХ НЕ ЗАЩИТИТ, МЕРТВОЕ ДЕРЕВО НЕ ПОСЛУЖИТ УБЕЖИЩЕМ! ОНИ, О ДА, СКАЖЕМ «АЛЛИЛУЙЯ», ОНИ...*

Волк рычал и рвал.

Лучезарный Гарденер клеймил коммунизм и гуманизм, обреченных на адские муки торговцев наркотиками, которым очень бы хотелось, чтобы молитва никогда не вернулась в общественные школы.

Сирены уже звучали над головой, хлопали дверцы автомобилей, кто-то просил кого-то не спешить, мальчишка, похоже, напуган.

— Да, все из-за тебя, ты заварил эту кашу.

Сонни поднял револьвер сорок пятого калибра. Дуло его казалось таким же большим, как жерло тоннеля Оутли.

Стеклянная перегородка между студией и кабинетом с громким звоном разлетелась вдребезги. Серо-черный косматый зверь ворвался в кабинет, его морда была рассечена осколком стекла, лапы окровавлены. Зверь дико ревел, а в голову Джека ворвалась мысль, да еще с такой силой, что отбросила его назад:

ТЫ НЕ ПРИЧИНИШЬ ВРЕДА СТАДУ!

— *Волк!* — отчаянно крикнул Джек. — *Осторожнее! Осторожнее, у него пи...*

Сонни дважды нажал спусковой крючок. От грохота выстрелов едва не лопнули барабанные перепонки. Пули предназначались не Волку — Сонни стрелял в Джека. Но попали они в Волка. Потому что в момент выстрелов он оказался между ними. Джек увидел две огромные кровавые дыры, открывшиеся в боку Волка в тех местах, где прошли пули. Отскочив от ребер, они изменили траекторию и пролетели мимо Джека, хотя одна едва не задела его левую щеку.

— Волк!

Легкость и проворство ушли из движений Волка. Он неуклюже ткнулся правым плечом в стену, расплескивая кровь и сбив на пол рамку с фотографией Лучезарного Гарденера в феске храмовников.

Смеясь, Сонни Сингер повернулся к Волку и выстрелил в него еще раз. Он держал револьвер обеими руками, и от отдачи его плечи дернулись. Пороховой дым повис густой завесой. Волк упал на четыре лапы, потом сумел *подняться на задние. Оглушающий* рев боли и ярости перекрыл гремящий голос Лучезарного Гарденера.

Сонни выстрелил в Волка в четвертый раз. Пуля пробила дыру в левой лапе, выплеснув кровь и кусочки хрящей.

ДЖЕКИ! ДЖЕКИ! О, ДЖЕКИ, БОЛЬНО, МНЕ ТАК БОЛЬНО...

Джеки поплелся к столу, схватил электронные часы — первое, что попалось под руку.

— Сонни, берегись! — крикнул Уорвик. — Берег... — Волк, чье тело превратилось в кровавое месиво, прыгнул на него. Уорвик схватился с ним, и на мгновение показалось, что они танцуют.

— ...НАВЕЧНО В ОГНЕННОМ ОЗЕРЕ! ИБО В БИБЛИИ СКАЗАНО...

Когда Сонни начал поворачиваться, Джек со всей силы обрушил электронные часы-радиоприемник ему на голову. Пластик треснул. Цифры на передней панели замигали.

Сонни развернулся, пытаясь поднять револьвер. Джек махнул часами по восходящей дуге, которая закончилась во рту Сонни. Губы расплющило в широченной улыбке. Захрустели выбитые зубы. Указательный палец правой руки вновь нажал спусковой крючок. Пуля вошла в пол между ног Сонни.

Он отлетел к стене, оттолкнулся от нее спиной, усмехнулся Джеку окровавленным ртом. Покачнувшись, поднял револьвер.

— Отправляйся в ад...

Волк отшвырнул Уорвика. Тот пролетел через кабинет и врезался в спину Сонни в момент выстрела. Пуля попала не в Джека, а в бобину студийного магнитофона и разнесла ее вдребезги. Громовой голос Лучезарного Гарденера смолк. Динамики взвыли.

Рыча и пошатываясь, Волк надвигался на Сонни Сингера. Тот наставил на него револьвер и нажал спусковой крючок. Но вместо грома выстрела раздался сухой, беспомощный треск. Кровавая улыбка Сонни поблекла.

— Нет, — вырвалось у него, он снова нажал спусковой крючок... и снова... и снова. Бросил револьвер в приближающегося Волка и метнулся за большой письменный стол Гарденера. Револьвер отскочил от головы Волка, а тот, собрав последние остатки сил, прыгнул за Сонни через стол, разбрасывая все, что стояло и лежало на нем. Сонни попятился, но Волк сумел схватить его за руку.

— Нет! — заорал Сонни. — Нет, не смей, тебя снова посадят в Ящик. Я здесь большая шишка, я... Я... А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!..

Волк вывернул и рванул на себя руку Сонни. Раздался хруст, словно оголодавший ребенок оторвал ножку приготовленной к обеду индейки. И внезапно рука Сонни осталась в большой передней лапе Волка. Сонни отшатнулся, из его плеча хлестала кровь. Джек увидел белую головку кости. Отвернулся, и ему стало дурно.

На мгновение весь мир затянуло серым.

19

Когда он пришел в себя, Волк, пошатываясь, стоял посреди разгромленного кабинета Гарденера. Его глаза поблескивали светло-желтым, как догорающие свечи. Что-то происходило с его лицом, руками, ногами... Джек видел, что он вновь становится Волком... а потом в полной мере осознал, что это значит. Древние легенды лгали, утверждая, что убить оборотня могут только серебряные пули, но, вероятно, были правы в другом. Волк вновь трансформировался, потому что умирал.

— *Волк, нет!* — простонал он и сумел подняться. На полпути к Волку поскользнулся, упал на колено, снова встал. — *Нет!*

— Джеки... — Голос был низкий, горловой, похожий на рычание... но это слово Джек расслышал.

Удивительно, но Волк пытался улыбнуться.

Уорвик открыл дверь на лестницу во двор и медленно поднимался по ступенькам, спиной вперед, с широко раскрытыми от ужаса глазами.

— *Пошел!* — крикнул Джек. — *Пошел, вон отсюда!*

Энди Уорвик убежал, как испуганный кролик.

Из аппарата внутренней связи сквозь гудение помех донесся голос — Фрэнки Уильямса. И его переполнял ужас, а также какое-то жуткое, болезненное возбуждение.

— Господи, вы только посмотрите! Словно кто-то разыгрался мясным тесаком! Кто-нибудь, проверьте кухню!

— Джеки...

Волк рухнул, как срубленное дерево.

Джек опустился на колени, перевернул его на спину. Волосы таяли на лице Волка, с невероятной скоростью, как при замедленной съемке. Глаза вновь стали красновато-коричневыми. И он выглядел таким усталым.

— Джеки... — Волк поднял окровавленную руку и коснулся щеки Джека. — Попал... в тебя... Он попал?..

— Нет. — Джек покачивал голову друга. — Нет, Волк, в меня не попала ни одна пуля. Ни одна.

— Я... — Глаза Волка закрылись, медленно открылись вновь. Невыносимо нежная улыбка осветила его лицо, и он медленно заговорил, выделяя каждое слово: — Я... уберег... стадо... от... опасности.

— Да, уберег. — По лицу Джека потекли слезы. Они причиняли боль. Он покачивал косматую голову Волка и плакал. — Ты уберег, старый добрый Волк...

— Добрый... старый добрый Джеки.

— Волк, я поднимусь наверх... там копы... «скорая»...

— Нет! — С огромным усилием Волк опять приподнялся. — Иди... ты иди...

— *Без тебя — нет, Волк!* — Перед глазами все двоилось, троилось. Он держал голову Волка на обожженных руках. — Без тебя — нет, никогда...

— Волк... не хочет жить в этом мире. — Волк шумно выдохнул и попытался еще раз улыбнуться. — Пахнет... пахнет так плохо.

— Волк... послушай, Волк...

Волк мягко взял его за руки, и Джек почувствовал, как уходит шерсть с ладоней друга. Необычное, жутковатое ощущение.

— Я люблю тебя, Джеки.

— Я тоже люблю тебя, Волк, — ответил Джек. — Прямо здесь и сейчас.

Волк улыбнулся.

— Возвращаюсь, Джеки... Я это чувствую. Возвращаюсь...

Внезапно руки Волка стали невесомыми.

— *Волк!* — закричал Джек.

— Возвращаюсь домой...

— *Волк, нет!* — Джек ощущал, как вертится и дергается сердце. Оно могло разбиться, о да, сердца разбиваются, он это чувствовал. — *Волк, не уходи, я люблю тебя!* — Волк

вдруг стал легче, замерцал, становясь прозрачным, превращаясь в Дневную грезу.

— ...прощай...

Волк таял, таял... таял.

— *Волк*!

— ...люблю тебя, Дж...

Волк ушел. На полу осталось лишь кровавое пятно, контуром напоминающее его тело.

— Господи, — простонал Джек. — Господи, Господи.

Он обхватил себя руками и, постанывая, принялся раскачиваться взад-вперед в разгромленном кабинете.

Глава 27
ДЖЕК СНОВА УБЕГАЕТ

1

Прошло время. Джек понятия не имел сколько. Он сидел, обхватив себя руками, словно в смирительной рубашке, покачивался, стонал, гадая, мог ли Волк действительно уйти.

Он ушел. Да, ушел. И догадайся, кто его убил, Джек? Догадайся, кто?

В аппарате внутренней связи что-то заскрежетало. Чуть позже затрещали помехи, поглотив гудение, разговоры наверху, урчание двигателей патрульных автомобилей. Джек едва это замечал.

Уходи. Волк сказал, уходи.

Я не могу. Не могу. Я устал, и я все делаю не так. Гибнут люди...

Прекрати, хватит жалеть себя! Подумай о матери, Джек!

Нет! Я устал. Оставьте меня в покое.

И о королеве.

Пожалуйста, оставьте меня в покое...

Наконец он услышал, как открылась дверь на лестницу, ведущую в подвальный коридор, и это привело его в чувство. Ему не хотелось, чтобы его нашли здесь. Пусть его схватят под открытым небом, во дворе, но не в этой вонючей, залитой кровью комнате, где пытали его самого и убили его друга.

Едва соображая, что делает, Джек схватил конверт с надписью «ДЖЕК ПАРКЕР». Заглянул внутрь, увидел медиатор, серебряный доллар, потрепанный кошелек, дорожный атлас «Рэнд Макнэлли». Повернул конверт и заметил стеклянный шарик. Засунул конверт в рюкзак, закинул его на плечи. Он действовал автоматически. Словно под гипнозом.

Шаги на лестнице, медленные и осторожные.

— ...где этот чертов выключатель...

— ...странный запах, как в зоопарке...

— ...осторожнее, парни...

Взгляд Джека упал на стальной картотечный ящик, набитый конвертами с надписью «Я БУДУ ЛУЧОМ СВЕТА ИИСУСА» на каждом. Он взял два.

Теперь, поймав тебя, они предъявят тебе обвинения не только в убийстве, но и в воровстве.

Не важно. Он уходил отсюда только потому, что больше не мог здесь находиться.

Двор выглядел совершенно пустынным. Джек поднялся на верхнюю ступень лестницы, выводившей к небольшой площадке под навесом, и огляделся, едва веря своим глазам. С другой стороны дома доносились голоса, трещали полицейские рации, и Джек видел красно-синие сполохи, однако двор пустовал. Такого просто быть не могло. Но Джек предположил, что копов слишком потрясло увиденное в доме...

А потом приглушенный голос меньше чем в двадцати футах слева от Джека произнес:

— Господи! Да в такое невозможно поверить!

Джек резко повернул голову. На полоске голой земли стоял Ящик, грубо сваренный гроб Железного века. Внутри двигался луч фонаря. Джек увидел оставшиеся снаружи ботинки. Еще один человек, присев на корточки, обследовал дверь.

— Похоже, дверь выломали. Не понимаю, как такое могло произойти. Петли стальные. Но они... *погнуты*.

— К черту петли! — донесся из Ящика второй голос. — Это чертова хреновина... в ней держали *детей*, Поли! Я действительно так думаю. *Детей!* На стенках инициалы...

Луч сдвинулся.

— ...и стихи из Библии...

Опять сдвинулся.

— ...и картинки. Маленькие картинки. Мужчины и женщины... какими их рисуют дети... Господи, думаешь, Уильямс знал об этом?

— Не мог не знать, — ответил Поли, по-прежнему разглядывая искореженные петли.

Поли сидел на корточках. Его напарник вылезал из Ящика. Особо не скрываясь, Джек за их спинами пересек открытый двор. Вдоль стены гаража вышел к дороге. Оттуда увидел патрульные автомобили, сбившиеся в кучку перед «Лучезарным домом». Пока стоял, мимо проскочила «скорая» с включенными мигалками и сиреной.

— Люблю тебя, Волк, — прошептал Джек и рукой вытер влажные глаза. Зашагал по обочине в темноту, думая, что не пройдет и мили на запад, как рядом остановится патрульный автомобиль. Но и три часа спустя никто его не потревожил: вероятно, копы никак не могли уехать из «Лучезарного дома».

2

Автострада находилась впереди, за следующим подъемом или через один. Джек видел на горизонте оранжевый отблеск мощных натриевых ламп, слышал гудение тяжелых фур.

Он остановился в замусоренной ложбине, чтобы умыться под вытекавшей из дренажной трубы тонкой струйкой воды, такой холодной, что немели руки. Но по крайней мере она на какое-то время заглушила боль от ожогов. И Джек по-прежнему помнил, как важна осторожность, когда ловишь попутку.

Он постоял какое-то время под темным небом Индианы, прислушиваясь к реву трейлеров.

Ветер, шелестевший в ветвях деревьев, ерошил его волосы. Утрата Волка тяжелым камнем лежала на сердце, но на свободе все равно так легко дышалось!

Часом позже дальнобойщик притормозил возле усталого, бледного подростка, голосовавшего на ремонтной полосе. Джек залез в кабину.

— Куда направляешься, пацан? — спросил дальнобойщик.

Джек слишком вымотался, у него слишком сильно болело сердце, чтобы рассказывать Историю — да и помнил он ее смутно, хотя не сомневался, что со временем вспомнит.

— На запад. Пока вам по пути.

— Тогда полштата проедем.

— Отлично, — ответил Джек и заснул.

Большущий «даймонд-рео» летел сквозь холодную индианскую ночь, летел на запад, под песни Чарли Дэниелса, преследуя свет собственных фар, нацеленных на Иллинойс.

Глава 28
СОН ДЖЕКА

1

Разумеется, он вез Волка с собой. Волк вернулся домой, но его большая верная тень ехала рядом с Джеком во всех грузовиках, и фургонах, и пыльных легковушках по авто-

страдам Иллинойса. Этот улыбающийся призрак рвал Джеку сердце. Иногда он видел — почти видел — огромного, заросшего густой шерстью Волка, бегущего вдоль дороги, рыщущего по пустующим полям. Оказавшись на свободе, Волк сверкал ярко-оранжевыми глазами, а когда отводил взгляд, Джек чувствовал, как ему не хватает руки Волка в его руке. Теперь, когда ему так недоставало друга, он со стыдом вспоминал, как злился на Волка, и кровь приливала к лицу. А как часто он думал о том, чтобы бросить Волка. Стыд, какой стыд. Волк был — Джеку потребовалось немало времени, чтобы подобрать нужное слово, но он справился — благородным. И это благородное существо, столь чуждое здешнему миру, отдало за Джека свою жизнь.

Я уберег стадо от опасности. Джек Сойер больше не был стадом. *Я уберег стадо от опасности.* Случалось, что дальнобойщики или страховые агенты, которые подвозили этого странного, приковывающего взгляд подростка — подвозили, пусть он выглядел грязным и оборванным, а они никогда раньше не обращали внимания на голосующих на дороге, — искоса смотрели на него и видели, что он глотает слезы.

Джек скорбел о Волке, мчась по Иллинойсу. Каким-то образом он знал, что у него не будет проблем с попутками в этом штате, и действительно, стоило ему вытянуть руку с оттопыренным большим пальцем и взглянуть водителю в глаза, как его тут же подвозили. И большинство водителей История не интересовала. Хватало самых простых объяснений. «Еду к другу в Спрингфилд». «Мне надо взять автомобиль и перегнать его домой». «Отлично, отлично», — говорили водители. А слышали ли они его слова? Этого Джек сказать не мог. В его разуме перелистывались образы Волка: барахтающегося в реке в попытке спасти свое долинское стадо, обнюхивающего бумажный контейнер, в котором лежал гамбургер, заталкивающего еду под дверь сарая, врывающегося в звукозаписывающую студию, встающего на пути пуль, тающего на гла-

зах. Джек не хотел снова и снова видеть эти образы, но они появлялись, наполняя его глаза жгучими слезами.

Недалеко от Дэнвилла невысокий мужчина лет пятидесяти, с обильно тронутыми сединой волосами и смешливым, но при этом серьезным лицом учителя с двадцатилетним стажем, бросил на Джека несколько лукавых взглядов, прежде чем спросить:

— А ты не мерзнешь, парень? Тебе надо бы надеть что-нибудь потеплее этой куртяшки.

— Есть немного, — ответил Джек. Лучезарный Гарденер полагал, что джинсовые куртки — вполне достаточная защита от холода на полевых работах, но сейчас мороз действительно пробирал до костей.

— У меня пальто на заднем сиденье, — добавил мужчина. — Возьми его. И даже не пытайся отказаться. Теперь пальто твое. Поверь мне, я не замерзну.

— Но...

— Выбора у тебя нет. Теперь это твое пальто. Примерь.

Джек протянул руку и потащил на себя тяжелый материал. Сначала бесформенный, словно отрез сукна. Потом появился большой накладной карман, продолговатая деревянная пуговица. И наконец шерстяное пальто целиком, благоухающее ароматом трубочного табака.

— Мое старое, — пояснил мужчина. — Держу в машине только по одной причине — не знаю, что с ним делать. В прошлом году дети подарили мне эту куртку на гусином пуху. Так что пальто ты можешь взять.

Джек надел его, прямо на джинсовую куртку.

— Ух ты, — вырвалось у него. Его словно обнял медведь, отдающий предпочтение табаку «Боркум Рифф».

— Хорошо, — одобрил мужчина. — Теперь, если тебе вновь придется стоять на холодной и продуваемой ветром дороге, ты сможешь поблагодарить Майлза Пи Кайгера из Огдена, штат Иллинойс, за спасение твоей кожи. Твоей... — Майлз П. Кайгер хотел сказать что-то еще, слово

уже рвалось с языка, но он закрыл рот, наклонил голову, и в сером утреннем свете Джек увидел румянец, расплывающийся по щекам мужчины.

Твоей (какой?) кожи?

О нет.

Твоей прекрасной кожи. Твоей удивительной кожи, которую хочется гладить и целовать... Джек глубоко засунул руки в карманы шерстяного пальто, запахнул его плотнее. Майлз П. Кайгер из Огдена, штат Иллинойс, смотрел прямо перед собой.

— Кхе-кхе, — наконец откашлялся он, совсем как персонаж комикса.

— Спасибо за пальто, — поблагодарил его Джек. — Правда. Надевая его, я всегда буду вспоминать вас.

— Да ладно, — кивнул Кайгер, — забудь об этом. — Но на мгновение его лицо стало почти таким же, как у бедного Донни Кигана из «Лучезарного дома». — Слушай, тут есть одно местечко. — Он говорил отрывисто, в голосе звучало ложное спокойствие. — Мы можем там перекусить. Если хочешь.

— У меня не осталось денег, — ответил Джек, и от правды его слова отстояли на два доллара тридцать восемь центов.

— Об этом не тревожься. — Кайгер уже включил поворотник.

Они въехали на продуваемую ветром пустующую автостоянку перед низким серым зданием, напоминавшим железнодорожный вагон. Неоновая вывеска над дверью сообщала, что это «РЕСТОРАН ИМПЕРИЯ». Кайгер подъехал к одному из широких окон, и они вышли из машины. Джек сразу понял, что в таком пальто он не замерзнет. Грудь и руки, казалось, защищала шерстяная броня. Он направился к двери под неоновой вывеской, но повернулся, осознав, что Кайгер стоит у автомобиля. Седовласый мужчина ростом на дюйм или два выше Джека смотрел на него поверх крыши.

— Послушай...

— Знаете, я с радостью верну вам пальто.

— Нет, оно теперь твое. Я просто подумал, что не голоден и достаточно скоро доберусь до дома, если сразу уеду.

— Понятно.

— Здесь ты найдешь другую попутку. Легко. Я бы не оставил тебя здесь, если б ты мог тут застрять.

— Хорошо.

— Подожди. Я сказал, что накормлю тебя ленчем, и я накормлю. — Кайгер сунул руку в карман брюк, достал купюру, протянул Джеку через крышу. Ледяной ветер трепал его волосы и прижимал ко лбу. — Возьми.

— Нет, не надо, — покачал головой Джек. — Я обойдусь. Пара долларов у меня есть.

— Купи себе хороший стейк. — Кайгер тянулся через крышу, словно предлагал не деньги, а спасательный круг или сам пытался добраться до него.

Джек с неохотой вернулся к автомобилю и взял купюру из руки Кайгера. Десятку.

— Спасибо огромное. Правда, спасибо.

— Слушай, почему бы тебе не взять и газету, чтобы что-нибудь почитать? Знаешь, когда приходится чего-то ждать. — Кайгер уже открыл дверцу, наклонился, достал с заднего сиденья сложенный таблоид. — Я уже прочитал. — Он бросил газету Джеку.

Карманы пальто оказались такими просторными, что сложенная газета разместилась в них без труда.

Майлз П. Кайгер все стоял у открытой дверцы автомобиля и прищурившись смотрел на Джека.

— Надеюсь, ты не обидишься на меня за эти слова, но тебя ждет интересная жизнь.

— Она уже интересная, — честно ответил Джек.

Салисбурский стейк стоил пять долларов сорок центов и подавался с картофелем фри. Джек сел в дальнем конце стой-

ки и развернул газету. Историю он нашел на второй странице — днем раньше видел ее на первой полосе индианской газеты. «АРЕСТОВАНЫ ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ЖУТКИМ СМЕРТЯМ». Местному мировому судье Эрнесту Фэрчайлду и патрульному Фрэнку Б. Уильямсу из Кайюги, штат Индиана, предъявлены обвинения во взяточничестве и злоупотреблениях при использовании общественных фондов в ходе расследования смертей шести подростков в «Библейском доме Лучезарного Гарденера для сбившихся с пути мальчиков». Популярный евангелист Роберт Гарденер по прозвищу Лучезарный, судя по всему, скрылся с территории «Дома» накануне приезда полиции, и хотя ордер на его арест еще не выписан, преподобного усиленно ищут, чтобы задать важные для расследования вопросы. «ЕЩЕ ОДИН ДЖИМ ДЖОНС?» — вопрошала подпись под фотографией Гарденера. На ней тот раскинул руки, а его волосы лежали безупречными волнами. Служебные собаки вывели копов к небольшому участку рядом с изгородью из колючей проволоки под напряжением, где и были найдены трупы — подростков просто бросили в землю. Из пяти тел четыре разложились до такой степени, что опознать их не представляется возможным. Пятое идентифицировать смогли — его опознали как Ферда Джэнклоу. Родители забрали тело и похоронили как положено, гадая, что они сделали не так. И никто не мог понять, как вышло, что любовь родителей к Иисусу обрекла на смерть их умного мятежного сына.

Принесли салисбурский стейк, пересоленный и вкусом напоминающий шерсть, но Джек съел все до последней крошки. И густо полил подливой недожаренный картофель. Когда заканчивал еду, рядом остановился бородатый дальнобойщик с сигарой во рту, в бейсболке «Детройтских тигров» на длинных черных волосах и в куртке с капюшоном, похоже, сшитом из волчьих шкур.

— Подвезти тебя на запад, парень? Я еду в Декатур.

Половина расстояния до Спрингфилда, одним махом.

2

В ту ночь, в мотеле, о котором рассказал ему дальнобойщик, где ночевка стоила три доллара, Джеку приснились два четких сна, а может, потом он вспомнил только два из многих, которые видел в ту ночь, а может, эти два на самом деле являлись составными частями одного сна. Он запер дверь, отлил в треснувшую грязную раковину в углу, сунул рюкзак под подушку и заснул, держа в руке большой стеклянный шарик, который в Долинах был зеркалом. Откуда-то доносилась музыка, вроде бы из фильма, зажигательный бибоп, но так тихо, что Джек улавливал только ведущие инструменты, трубу и альт-саксофон. *Ричард*, сонно подумал Джек, *завтра я увижу Ричарда Слоута*, — и упал с музыкального обрыва в небытие.

Волк бежал к нему по взорванной, дымящейся земле. Их разделяла колючая проволока, где-то прямые натянутые нити, где-то причудливо перекрученные кольца. Глубокие окопы взрезали эту изуродованную землю, и Волк легко перепрыгнул через один, чтобы едва не наткнуться на колючую изгородь.

— Осторожнее! — крикнул Джек.

Волк успел остановиться перед самыми шипами. Помахал большой лапой, чтобы показать, что цел и невредим, потом осторожно переступил через три нити колючки.

Джек почувствовал пробежавшую по нему волну счастья и облегчения. Волк не умер, Волк снова будет с ним.

Оставив позади колючую преграду, Волк побежал к Джеку. Но расстояние между ним и Волком загадочным образом увеличилось вдвое: серый дым, поднимавшийся из множества окопов, почти скрыл большую мохнатую фигуру.

— Джейсон! — крикнул Волк. — Джейсон! Джейсон!

— Я здесь! — также криком ответил Джек.

— Не могу добраться до тебя, Джейсон! Волк не может добраться до тебя!

— Не сдавайся! — проорал Джек. — Черт побери, не сдавайся!

Волк остановился перед непреодолимым переплетением колючей проволоки, и сквозь дым Джек увидел, как он опустился на четыре лапы и забегал взад-вперед в поисках прохода. Бегал и бегал и с каждой пробежкой все удалялся. Чувствовалось, как нарастает его волнение. Наконец Волк поднялся на задние лапы, передними чуть раздвинул колючую проволоку, чтобы просунуть в щель морду.

— Волк не может! Джейсон, Волк не может!

— Я люблю тебя, Волк! — Крик Джека полетел над дымящейся равниной.

— ДЖЕЙСОН! — взвыл Волк. — БУДЬ ОСТОРОЖЕН! Они идут к ТЕБЕ! Их БОЛЬШЕ!

Больше чего? — хотел крикнуть Джек, но не стал. Он знал ответ.

Потом то ли изменился характер сна, то ли начался другой сон. Джек вернулся в разгромленную звукозаписывающую студию и кабинет преподобного в «Лучезарном доме», где воздух наполняли запахи порохового дыма и горелой плоти. Изуродованное тело Сингера лежало на полу, труп Кейси виднелся за разбитым стеклом. Джек сидел, покачивая Волка на руках, и снова знал, что Волк умирает. Только Волк не был Волком.

Джек покачивал трепещущее тело Ричарда Слоута, и умирал именно Ричард. За стеклами практичных очков в черной пластиковой оправе глаза метались из стороны в сторону, наполненные болью.

— О нет, нет! — в ужасе выдохнул Джек. Пуля перебила кость руки Ричарда, пули изрешетили его грудь. Белая рубашка стала красной от крови, тут и там торчали белые обломки ребер, напоминавшие зубы.

— Я не хочу умирать. — Каждое слово давалось Ричарду ценой сверхчеловеческих усилий. — Джейсон, тебе не следовало, тебе не следовало...

— Ты только не умирай, — молил Джек. — Не умирай.

Верхняя часть тела Ричарда выгнулась на руках Джека, в горле что-то забулькало, а потом Ричард посмотрел на Джека удивительно ясным и спокойным взглядом.

— Джейсон. — Звук этого имени, не совсем его, но и не чужого, повис в вонючем воздухе. — Ты убил меня, — выдохнул Ричард, или «ты убил ня», потому что губы не встретились, чтобы сформировать первый слог слова. Глаза Ричарда уже не смотрели на Джека, тело мгновенно отяжелело. Жизнь покинула его. Джейсон Делессиан в ужасе вскинул глаза вверх...

3

...а Джек Сойер рывком сел на холодной незнакомой кровати мотеля в Декатуре, штат Иллинойс, и в желтоватом свете уличного фонаря увидел клубы пара, такие обильные, будто они вырывались из двух ртов одновременно. Он удержался от крика, только сцепив руки, сжал их так сильно, что смог бы расколоть грецкий орех. Вновь клубы белого пара вырвались из его легких.

Ричард.

Волк, бегущий через мертвый мир, зовущий его... как?

Джейсон.

Сердце мальчика яростно дернулось, словно лошадь, отталкивающаяся от земли, чтобы преодолеть препятствие.

Глава 29
РИЧАРД В ШКОЛЕ ТЭЙЕРА

1

В одиннадцать часов следующего утра вымотавшийся Джек Сойер скинул с плеч рюкзак у дальнего конца игрового поля, покрытого ломкой засохшей коричневой тра-

вой. Вдали двое мужчин в клетчатых пиджаках и бейсболках садовым пылесосом и граблями очищали лужайку, окружавшую еще более далекие здания. Слева от Джека, позади кирпичной боковой стены библиотеки школы Тэйера, находилась стоянка для автомобилей преподавателей. Большие ворота при въезде в кампус вели на обсаженную деревьями подъездную дорогу, которая огибала большой четырехугольный двор, рассеченный узкими дорожками. И если в кампусе выделялось какое-то здание, так это библиотека — баухаусовский пароход из стекла, стали и кирпича.

Джек видел, что вторые ворота вели на дорогу перед библиотекой. Она тянулась на две трети территории школы и заканчивалась у мусорных контейнеров в тупике, от которого начинался склон, поднимавшийся к футбольному полю.

Джек направился к учебным корпусам. Когда тэйерцы потянутся в столовую на ленч, он найдет комнату Ричарда. В пятом подъезде Нелсон-Хауса.

Сухая зимняя трава хрустела под ногами. Джек плотнее запахнул роскошное пальто Майлза П. Кайгера. По крайней мере оно выглядело как одежда ученика частной школы, в отличие от самого Джека. Он прошел между Тэйер-Холлом и общежитием старшеклассников, Спенс-Хаусом, в направлении четырехугольного двора. Из окон Спенс-Хауса доносились ленивые голоса: старшеклассники отдыхали перед ленчем.

2

Джек оглядел двор и увидел статую немного сутулого пожилого мужчины, который стоял на пьедестале высотой со столярный верстак и разглядывал обложку тяжелой книги. Отец-основатель Тэйер, предположил Джек. Высокий воротник, галстук, сюртук новоанглийского транс-

ценденталиста. Бронзовая голова Тэйера склонялась над томом. Его лицо было обращено к учебным корпусам.

В конце дорожки Джек свернул направо. Внезапно из верхнего окна корпуса, к которому он приближался, донеслись крики. Подростковые голоса вроде бы выкрикивали фамилию: «Этридж! Этридж!» Потом крики стали бессвязными, послышался шум — будто тяжелую мебель двигали по полу, снова зазвучала та же фамилия: «Этридж!»

Джек услышал, как за его спиной хлопнула дверь. Обернувшись, увидел высокого парня с русыми волосами, спускавшегося по ступенькам Спенс-Хауса. На парне были твидовый пиджак, галстук и охотничьи ботинки мэнской фирмы «Л.Л. Бин». От холода его спасал только длинный желто-синий шарф, несколько раз обмотанный вокруг шеи. Длинное лицо парня казалось одновременно и изнуренным, и наглым — лицо старшеклассника, охваченного праведным гневом. Джек натянул капюшон пальто на лоб и двинулся дальше.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь шевелился! — крикнул высокий парень закрытому окну. — Вы, перваки, замрите!

Джек уходил к другому зданию.

— Вы двигаете стулья! — кричал высокий у него за спиной. — Я слышу, как вы их двигаете! ПРЕКРАТИТЕ!

Потом разъяренный старшеклассник заметил Джека.

Тот обернулся, его сердце гулко билось.

— Немедленно зайди в Нелсон-Хаус, кем бы ты ни был, быстро, скачками, немедленно. Или я пожалуюсь коменданту твоего общежития.

— Да, сэр, — ответил Джек и быстро повернулся, чтобы проследовать в указанном направлении.

— Ты опаздываешь как минимум на семь минут! — крикнул ему вслед Этридж, и Джек побежал трусцой. — Скачками, я сказал! — Трусца сменилась спринтом.

Спускаясь вниз по склону (он надеялся, что бежит в правильном направлении, вроде бы указанном Этрид-

жем), Джек увидел длинный черный автомобиль — лимузин, — который въезжал в парадные ворота, держа курс на четырехугольный двор. И подумал, что в салоне за тонированными стеклами сидит вовсе не родитель одного из учеников школы.

Длинный черный автомобиль катился по подъездной дороге, очень и очень медленно.

Нет, подумал Джек, *я просто себя накручиваю.*

Но остановился как вкопанный. Не мог сдвинуться с места. Смотрел, как лимузин подъехал ко двору и замер. Чернокожий шофер, шириной плеч не уступавший защитнику профессиональной футбольной команды, выпрыгнул с переднего сиденья и открыл дверцу заднего. Седовласый старик, не знакомый Джеку, с трудом вылез из салона. На старике было черное пальто, из-под которого виднелись белоснежная рубашка и строгий галстук. Мужчина кивнул шоферу и через двор направился к главному корпусу. В сторону Джека он даже не глянул. Шофер вскинул голову и всмотрелся в небо, словно прикидывая, не пойдет ли снег. Джек отступил на пару шагов и наблюдал, как старик поднимается по ступеням Тэйер-Холла. Шофер продолжал разглядывать небо. Джек отступал по тропинке, пока боковая стена здания не прикрыла его. Потом повернулся и побежал.

Нелсон-Хаус, трехэтажное кирпичное здание, возвышалось на другой стороне четырехугольного двора. В двух окнах первого этажа Джек увидел десяток старшеклассников, которые пользовались положенными им привилегиями: читали, развалившись на диванах, играли в карты на кофейном столике, смотрели телевизор, вероятно, стоявший между окнами.

Невидимая дверь хлопнула на холме: долговязый русоволосый старшеклассник, Этридж, направился к своему корпусу, разобравшись с нарушением дисциплины.

Джек прошел вдоль здания и едва завернул за угол, как ему в лицо ударил порыв холодного ветра. Дорожка привела его к узкой двери с табличкой (на этот раз деревянной, белой, с черными готическими буквами). «ПОДЪЕЗД 5». За дверью ряд окон тянулся к следующему углу.

У третьего окна Джеку улыбнулась удача. Теперь только стекло отделяло его от Ричарда Слоута. В очках, в туго завязанном галстуке, с чуть запачканными чернилами руками, Ричард очень внимательно, словно от этого зависела его жизнь, читал какую-то толстую книгу. Он сидел к окну боком, и Джек несколько секунд всматривался в дорогой, такой знакомый ему профиль, прежде чем постучать по стеклу.

Ричард оторвался от книги. Завертел головой, испуганный и удивленный *внезапным шумом.*

— Ричард, — тихо позвал Джек, и наградой стало изумление на повернувшемся к нему лице. Ричард, похоже, напрочь потерял способность соображать.

— Открой окно, — четко выговорил Джек, чтобы его друг смог прочитать слова по губам.

Ричард поднялся из-за стола, медленно, еще не придя в себя от шока. *Джек жестами показал, что надо поднять* раму. Подойдя к окну, Ричард взялся за раму и сверху вниз строго посмотрел на Джека: в этом коротком осуждающем взгляде выразилось его отношение к грязному лицу Джека, немытым косматым волосам, неординарному появлению и ко многому другому. *Чего ты, собственно, добиваешься на этот раз?* Наконец он поднял раму.

— Знаешь, большинство людей входит через дверь.

— Отлично. — Джек едва сдержал смех. — Когда вольюсь в большинство, наверное, последую их примеру. Пожалуйста, отойди.

Ричард отступил на несколько шагов, на его лице читалось, что он захвачен врасплох.

Джек залез на подоконник, а потом головой вперед соскользнул в комнату.

— У-ф-ф.

— Ладно, привет, — поздоровался Ричард. — Готов даже сказать, что приятно тебя видеть. Но у меня скоро ленч. Полагаю, ты можешь принять душ. Все будут в столовой. — Он замолчал, словно удивился тому, что уже сказал так много.

Джек понял, что Ричард требует деликатного обхождения.

— Принесешь мне что-нибудь из еды? Умираю от голода.

— Круто. Сначала ты убегаешь и сводишь всех с ума, включая моего отца, потом врываешься сюда, как взломщик, а теперь хочешь, чтобы я украл для тебя еду. Чудесно, что тут скажешь. Отлично. Супер.

— Нам надо о многом поговорить.

— *Если*, — засунув руки в карманы, Ричард чуть наклонился вперед, — *если* ты сегодня же отправишься в Нью-Хэмпшир или если позволишь мне позвонить отцу, чтобы он приехал и отвез тебя туда, то я постараюсь достать для тебя еды.

— Я готов поговорить с тобой обо всем, Ричи-бой. И конечно же, я поговорю с тобой о возвращении, будь уверен.

Ричард кивнул.

— И где тебя вообще носило? — Его глаза горели за толстыми линзами. Потом он недоуменно моргнул. — И как ты объяснишь, почему вы с твоей матерью так относитесь к моему отцу? Блин, Джек. Я действительно думаю, что тебе надо вернуться в тот отель в Нью-Хэмпшире.

— Я вернусь, — ответил Джек. — Обещаю. Но сначала я должен кое-что найти. Могу я где-нибудь присесть? Ужасно устал.

Ричард мотнул головой в сторону кровати, потом — типично для него — указал рукой на стул, который стоял ближе к Джеку.

В коридоре захлопали двери, раздались громкие голоса, шаркающие шаги.

— Ты когда-нибудь слышал о «Лучезарном доме»? — спросил Джек. — Я пробыл там какое-то время. Двое моих друзей умерли в «Лучезарном доме», и, обрати на это внимание, Ричард, второй был оборотнем.

Лицо Ричарда напряглось.

— Что ж, это удивительное совпадение, потому что...

— Я действительно жил в «Лучезарном доме», Ричард.

— Это я понял. Ладно. Вернусь через полчаса с какой-нибудь едой. Потом мне придется рассказать тебе, кто живет в соседней комнате. Но это все басни Сибрук-Айленда, верно? Скажи мне правду.

— Да, пожалуй. — Джек позволил пальто Майлза П. Кайгера соскользнуть с плеч и сложиться на спинке стула.

— Я вернусь. — И Ричард неопределенно махнул Джеку рукой, направляясь к двери.

Джек сбросил ботинки и закрыл глаза.

3

Разговор, на который Ричард сослался как на «басни Сибрук-Айленда» и который Джек помнил так же хорошо, как и его друг, состоялся в последнюю неделю их последней поездки на курорт с таким названием.

При жизни Фила Сойера две семьи отдыхали вместе практически каждый год. Летом после его смерти Морган Слоут и Лили Сойер попытались сохранить традицию и арендовали два номера в огромном старом отеле в Сибрук-Айленде, Южная Каролина, где прежде провели несколько счастливейших отпусков. Эксперимент не удался.

Мальчишки привыкли составлять друг другу компанию. Привыкли они и к таким местам, как Сибрук-Айленд. Все детство Ричард Слоут и Джек Сойер вместе обследовали курортные отели и огромные пляжи... но теперь атмосфера загадочным образом изменилась. Нежданная серьезность, некоторая неловкость вошла в их жизни.

Смерть Фила Сойера изменила палитру будущего. В то последнее лето в Сибруке Джек начал осознавать, что, возможно, не хочет сидеть за столом своего отца, а хочет от жизни большего. Чего большего? Он знал — и это была одна из тех немногочисленных вещей, которые он действительно знал, — что это «большее» связано с Дневными грезами. И, осознавая в себе эту тягу к «большему», он видел кое-что еще: его друг Ричард ничего такого не чувствовал, более того, стремился к прямо противоположному. Ричард хотел меньшего. Не хотел ничего такого, что не мог уважать.

Джек и Ричард проводили вдвоем медленно текущие часы, разделяющие на хороших курортах ленч и коктейли. Далеко они не уходили, поднимались на поросший соснами холм, с которого открывался вид на отель. Внизу сверкала вода в огромном прямоугольном бассейне. Лили Кавано Сойер без устали пересекала его из конца в конец. За столиком у бассейна сидел отец Ричарда в огромном махровом халате, с вьетнамками на белых ногах, держа в одной руке клубный сандвич, а в другой — телефонную трубку, по которой решал вопросы и в отпуске.

— Так ты этого хочешь? — спросил Джек Ричарда, который сидел рядом, конечно же, с раскрытой книгой. «Жизнью Томаса Эдисона».

— Чего я хочу? В смысле, когда вырасту? — Вопрос, похоже, вызвал у Ричарда легкое замешательство. — Наверное, не так это и плохо. Только не знаю, хочу я этого или нет.

— Ты знаешь, чего ты хочешь, Ричард? Ты всегда говоришь, что хочешь стать химиком. Почему ты так говоришь? Что это означает?

— Это означает, что я хочу стать химиком, — улыбнулся Ричард.

— Ты понимаешь, о чем я, правда? В чем *смысл* становиться химиком? Ты думаешь, это забавно? Или надеешься найти лекарство от рака и спасти миллионы человеческих жизней?

Ричард смотрел на него честно и открыто, его глаза казались чуть больше за линзами очков, которые он начал носить четырьмя месяцами раньше.

— Я не думаю, что смогу найти лекарство от рака. Но смысл не в этом. Смысл в том, чтобы выяснить, как что работает. Смысл в том, что вещи действительно работают по определенным законам, вне зависимости от того, что мы видим, и эти законы можно узнать.

— Законы.

— Да, и чего ты улыбаешься?

Джек ухмылялся.

— Ты подумаешь, что я рехнулся. Я бы хотел найти что-то такое, рядом с чем покажется тошнотворным все это — богачи, гоняющие по полю мячи для гольфа и кричащие в телефонную трубку.

— Это уже кажется тошнотворным. — Ричард говорил совершенно серьезно, без тени улыбки.

— Ты не думаешь иногда, что в жизни есть не только порядок? — Джек всмотрелся в наивное, скептическое лицо Ричарда. — Ты не хочешь немного магии, Ричард?

— Знаешь, иной раз я думаю, что тебе просто нужен хаос. — Ричард чуть покраснел. — Я думаю, ты смеешься надо мной. Если появится магия, я уверен, порушится все. Ты порушишь саму реальность.

— Может, существует не одна реальность.

— В «Алисе в Стране Чудес» — наверняка! — Ричард вышел из себя.

Он вскочил и побежал между соснами, и Джек впервые осознал, что его отношение к Дневным грезам разъярило Ричарда. Длинные ноги Джека позволили ему в несколько секунд догнать друга.

— Я не смеялся над тобой. Просто меня интересовало, почему ты всегда говоришь, что хочешь стать химиком.

Ричард остановился и со всей серьезностью посмотрел на Джека:

— Перестань сводить меня с ума такими разговорами. Это всего лишь басни Сибрук-Айленда. Быть одним из шести или семи здравомыслящих людей во всей Америке трудно и без осознания того, что твой лучший друг совсем ку-ку.

С тех пор, если Ричард Слоут полагал, что Джека несет не в ту степь, он тут же отметал его слова как «басни Сибрук-Айленда».

4

К тому времени, когда Ричард вернулся из столовой, принявший душ Джек с мокрыми волосами сидел за столом и просматривал книги. И когда Ричард переступал порог, неся полную тарелку, прикрытую салфеткой, на которой проступали пятна жира, Джек задался вопросом, получился бы разговор легче, если бы на столе Ричарда лежали «Властелин Колец» и «Обитатели холмов», а не «Органическая химия» и «Математические головоломки».

— Что на ленч? — спросил Джек.

— Тебе повезло. Жареная курица. Одно из немногих здешних блюд, которые можно есть, не жалея животного, умершего, чтобы стать звеном пищевой цепочки. — Он снял салфетку и протянул Джеку тарелку. На ней лежали

четыре толстых, сочных куска курицы, источавших густой аромат вкусной еды. Джек принялся за дело.

— С каких пор ты похрюкиваешь за едой? — спросил Ричард, сдвигая очки вверх по переносице и усаживаясь на узкую кровать. На нем был заправленный в брюки свитер с V-образным вырезом и твидовый пиджак.

Джеку вдруг стало не по себе. Действительно, мог ли получиться разговор о Долинах с человеком, наглухо застегнутым на все пуговицы, который даже свитер носит не навыпуск?

— Последний раз я ел вчера, около полудня. Немного проголодался, Ричард. Спасибо, что принес мне еду. Это здорово. Никогда не ел такую вкусную курицу. Ты отличный парень, учитывая риск исключения и все такое.

— Ты думаешь, это шутка, да? — Ричард, хмурясь, одернул свитер. — Если кто-нибудь выяснит, что ты здесь, меня, возможно, исключат. Так что это не смешно. Мы должны подумать, как отправить тебя обратно в Нью-Хэмпшир.

На мгновение воцарилась тишина: Джек оценивающе смотрел на Ричарда, Ричард — сурово на Джека.

— Я знаю, ты хочешь, чтобы я объяснил тебе свои мотивы, Ричард, — проговорил Джек с набитым ртом, — и поверь мне, это будет нелегко.

— Ты выглядишь по-другому, знаешь ли, — отметил Ричард. — Ты выглядишь... старше. Но это не все. Ты изменился.

— Я знаю, что изменился. И ты стал бы другим, если бы был со мной с сентября. — Джек улыбнулся, глядя на Ричарда в одежде пай-мальчика и отдавая себе отчет, что никогда не сможет сказать ему правду о его отце. Просто язык не повернется. Если события откроют Ричарду эту правду, тут уж деваться некуда, но Джек не обладал сердцем убийцы, которое для этого требовалось.

Ричард все так же строго смотрел на него, ожидая начала истории.

Возможно, чтобы оттянуть попытку убедить Рационального Ричарда в невероятном, Джек спросил:

— Парень из соседней комнаты уезжает из школы? Через окно я видел его чемоданы на кровати.

— Да, — кивнул Ричард, — и это интересно. Прежде всего в свете того, что ты сказал. Он уезжает... если точнее, уже уехал. Полагаю, кто-то должен забрать его вещи. Одному Богу известно, какую сказку ты на основе этого сочинишь, но моего соседа звали Руэл Гарденер. Сын проповедника, который управлял домом, из которого ты, по твоим словам, сбежал. — Ричард проигнорировал внезапный приступ кашля Джека. — В общем-то Руэл ничем не отличался от других, но едва ли кто-нибудь пожалеет о его отъезде. После того как стало известно о детях, умерших в том доме, которым управлял его отец, он получил телеграмму с приказанием покинуть школу Тэйера.

Джек сумел проглотить кусок курицы, который едва не задушил его.

— Сын Лучезарного Гарденера? У этого человека был сын? И он учился здесь?

— Приехал в начале семестра, — просто ответил Ричард. — Это я и пытался тебе втолковать.

Внезапно школа Тэйера наполнилась угрозой, но Джек не думал, что Ричард сможет это понять.

— И что ты можешь о нем сказать?

— Садист, — ответил Ричард. — Иногда я слышал странные звуки, которые доносились из комнаты Руэла. И однажды увидел в мусорном баке за нашим общежитием кошку с выбитыми глазами и отрезанными ушами. Если б ты его увидел, сразу бы понял, что он способен замучить кошку. И пахло от него чем-то вроде прогорклого одеколона «Английская кожа». — Ричард сделал тщатель-

но выверенную паузу, потом спросил: — Ты действительно жил в «Лучезарном доме»?

— Тридцать дней. Торчал в аду или ближайших его окрестностях. — Джек глубоко вдохнул, по-прежнему глядя на Ричарда. Казалось, отчасти он ему верил. — Может, тебе будет трудно это представить, Ричард, и я это знаю, но компанию мне составлял оборотень. И если бы он не погиб, спасая мою жизнь, то сейчас сидел бы рядом со мной.

— Оборотень. Шерсть на ладонях. Превращение в кровожадного монстра каждое полнолуние. — Ричард рассеянно оглядывал комнату.

Джек ждал, пока взгляд друга вернется к нему.

— Хочешь знать, что я делал? Хочешь, чтобы я рассказал тебе, почему на попутках пересекаю страну?

— Я начну визжать, если не расскажешь.

— Что ж, я пытаюсь спасти жизнь моей матери. — Произнося эти слова, Джек почувствовал, что голова становится на удивление ясной.

— И как ты собираешься это сделать? — взорвался Ричард. — У твоей матери скорее всего рак. Как и говорил тебе мой отец, ей нужны врачи и последние научные достижения... а ты *бросился в бега. Каким* образом ты собираешься спасать свою мать, Джек? С помощью магии?

Джеку начало жечь глаза.

— Ты уловил смысл, Ричард, старина. — Он поднял руку и закрыл локтем мокрое лицо.

— Эй, успокойся, ну правда... — Ричард отчаянно теребил свитер. — Не плачь, Джек, пожалуйста, перестань. Я знаю, это ужасно. Я не хотел... просто... — Он быстро и бесшумно пересек комнату и теперь неловко похлопывал Джека по руке и плечу.

— Я в порядке. — Джек опустил руку. — Это не безумная фантазия, Ричард, как бы это для тебя ни выглядело. — Он выпрямился. — Мой отец называл меня Стран-

ник Джек, и так же называл один старик в Аркадия-Бич. — Джек надеялся, что он прав, и сочувствие Ричарда откроет внутренние двери. Когда взглянул на своего друга, убедился, что так оно и есть. На его лице отражались тревога, нежность, доверчивость.

Джек начал рассказ.

5

Вокруг двух мальчиков жизнь в Нелсон-Хаусе текла своим чередом, спокойная и одновременно бурная, как принято в частных школах-интернатах. За дверью раздавались шаги, но ни разу не останавливались. Из комнаты наверху доносились регулярные удары, и изредка долетала музыка. В какой-то момент Джек понял, что это альбом «Блю Ойстер Калт». Сначала он рассказал Ричарду о Дневных грезах. Потом перешел к Спиди Паркеру. Описал голос из воронки в песке. И наконец добрался до волшебного сока Спиди и своего первого прыжка в Долины.

— Но я думаю, это было всего лишь дешевое вино, вино алкашей, — добавил Джек. — Позже, когда оно закончилось, я обнаружил, что для прыжка оно мне и не нужно. Я могу это делать усилием воли.

— Понятно, — бесстрастно ответил Ричард.

Джек попытался показать Ричарду Долины, какими он их увидел: проселочная дорога с колеями от фургонов и телег, летний дворец, его неподвластность времени и необычность. Капитан Фаррен, умирающая королева, от которой перекинулся мостик к двойникам. Осмонд. Происшествие в деревне Мастеровых, Сторожевая дорога, которая была Западной дорогой. Он показал Ричарду свою маленькую коллекцию священных предметов: медиатор, и стеклянный шарик, и монету. Ричард повертел их в руках и вернул без комментариев. Потом Джек рассказал о слу-

чившемся с ним в Оутли. Про Оутли Ричард слушал молча, но с широко раскрытыми глазами.

Джек сознательно опустил Моргана Слоута и Моргана из Орриса, описывая эпизод на площадке для отдыха у автострады 70 неподалеку от Льюисбурга.

Потом Джеку пришлось описать Волка, каким он впервые его увидел, сияющего гиганта в комбинезоне с нагрудником, и он почувствовал, как глаза вновь наполняются слезами. Удивил Ричарда, заплакав, когда рассказывал о своих попытках запихнуть Волка в попутки и признавался, как Волк его злил. Потом все-таки унял слезы и держался достаточно долго — сумел рассказать о первом Изменении Волка, не пролив ни слезинки и без комка в горле. Ярость позволила ему говорить, пока он не добрался до Ферда Джэнклоу, и тут его глаза вновь начали гореть.

Ричард долго молчал. *Потом встал, достал чистый носовой* платок из ящика комода. Джек шумно, влажно высморкался.

— Вот что со мной случилось. Во всяком случае, большая часть.

— Что ты читал? Какие видел фильмы?

— Да пошел ты. — Джек встал и направился через комнату к своему рюкзаку, но *Ричард протянул руку и схватил* его за запястье.

— Я не думаю, что ты все выдумал. Я не думаю, что ты хоть что-то выдумал.

— Правда?

— Да. Честно говоря, я не знаю, что и думать, но я уверен: ты мне не лжешь. — Он отпустил руку Джека. — Я верю, что ты попал в «Лучезарный дом». Я в это верю, не сомневайся. И я верю, что у тебя был друг, которого звали Волк, и он там умер. Извини, но я не могу серьезно воспринимать Долины и не могу принять, что твой друг был оборотнем.

— То есть ты думаешь, что я рехнулся.

— Я думаю, у тебя беда. Но я не собираюсь звонить отцу и не собираюсь предлагать тебе немедленно уйти. Эту ночь поспишь здесь. Если услышим, что мистер Хейвуд делает вечерний обход, проверяя, всё ли на месте, спрячешься под кроватью.

Ричард с властным видом упер руки в бедра и оценивающе оглядел комнату.

— Тебе надо отдохнуть. Я уверен, отчасти проблема в этом. В том ужасном месте тебя чуть не убили, вот в голове что-то и сдвинулось, так что теперь тебе нужно отдохнуть.

— Нужно, — согласился Джек.

Ричард закатил глаза.

— Мне скоро идти на тренировку по баскетболу, но ты можешь оставаться здесь, а потом я вновь принесу тебе еды из столовой. Что важно, тебе надо отдохнуть и тебе надо вернуться домой.

— Нью-Хэмпшир — это не дом, — ответил Джек.

Глава 30
СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ШКОЛЕ ТЭЙЕРА

1

Через окно Джек видел съежившихся от холода подростков в куртках, курсировавших между библиотекой и другими корпусами школы. Однажды мимо проскочил Этридж — старшеклассник, утром накричавший на Джека — с развевающимся за спиной шарфом.

Ричард достал твидовый пиджак из узкого стенного шкафа у кровати.

— Что бы ты ни сказал, я совершенно уверен, что тебе надо возвращаться в Нью-Хэмпшир. Но сейчас мне пора

на тренировку, потому что тренер Фрейзер по возвращении заставит меня бежать десять кругов, если я не приду. Сегодняшнюю тренировку проводит кто-то другой, и Фрейзер сказал, что уроет нас, если мы ее пропустим. Хочешь чистую одежду? У меня, во всяком случае, есть рубашка, которая тебе подойдет. Отец прислал ее из Нью-Йорка, а «Брукс бразерс» перепутали размер.

— Давай поглядим, — ответил Джек. Его одежда не выдерживала никакой критики, и Джек чувствовал себя Пигпеном, персонажем из комикса «Мелочь пузатая», которого окружала аура грязи и осуждения. Ричард протянул ему белую рубашку, все еще упакованную в полиэтилен.

— Отлично, спасибо, — поблагодарил его Джек, достал рубашку и начал вынимать булавки. Она ему практически подошла.

— Есть еще пиджак, который ты можешь примерить, — добавил Ричард. — Блейзер, висит в шкафу у дальней стены. Достань и посмотри, как он тебе. Возьми один из моих галстуков. На случай если кто-нибудь зайдет, скажи, что ты из «Сент-Луис кантри дей» и приехал по программе «Газетный обмен». У нас в этом году таких двое или трое. Наши едут туда, они приезжают сюда, чтобы участвовать в выпуске газеты. — Он направился к двери. — Я вернусь перед обедом, посмотреть, *как ты.*

Джек заметил, что к пластиковому вкладышу в нагрудном кармане пиджака Ричарда прикреплены две шариковые ручки, а сам пиджак застегнут на все пуговицы.

За несколько минут Нелсон-Хаус совершенно успокоился. Из окна комнаты Ричарда Джек видел мальчиков, сидевших за столами в библиотеке. Никто не ходил по дорожкам или по хрупкой коричневой траве. Продолжительный звонок возвестил о начале четвертого урока. Джек потянулся и зевнул. Ощущение, что он в безопасности, вернулось. Он в школе со всеми ее знакомыми ритуалами: звонками, уроками, баскетбольными тренировками. Мо-

жет, ему удастся остаться здесь еще на день. Может, он даже позвонит матери с одного из телефонов в Нелсон-Хаусе. И точно сумеет выспаться.

Джек подошел к стенному шкафу, нашел блейзер, который висел там, где и говорил Ричард. Все еще с биркой на рукаве. Слоут прислал его из Нью-Йорка, а Ричард так ни разу и не надел. Как и рубашка, блейзер оказался на размер меньше, чем требовалось, и обтягивал плечи, но благодаря свободному покрою Джек чувствовал себя в нем достаточно удобно. Белые манжеты рубашки на полдюйма вылезали из рукавов.

Джек выбрал и галстук с крючка на дверце — красный с синими якорями. Накинул на шею, аккуратно завязал. Посмотрел на себя в зеркало и громко рассмеялся. Да, ему это удалось. Он смотрел на прекрасный новый блейзер, клубный галстук, белоснежную рубашку и мятые джинсы. Конечно же, здесь ему самое место. Он выглядел учеником частной школы.

2

Ричард, как отметил Джек, стал поклонником Джона Макфи, и Льюиса Томаса, и Стивена Джея Гулда*. Из длинного ряда книг Джек выбрал «Большой палец панды», потому что ему понравилось название, и направился к кровати.

С баскетбольной тренировки Ричард не возвращался очень долго. Джек уже принялся нервно мерить шагами маленькую комнату. Не мог понять, что так задержало Ричарда, но его воображение рисовало одну катастрофу за другой.

---

* Писателя и журналиста Джона Макфи (р. 1931), врача Льюиса Томаса (1913–1993) и палеонтолога и биолога Стивена Джея Гулда (1941–2002) объединяет работа в жанре научно-популярной литературы. «Большой палец панды» — сборник статей С. Дж. Гулда.

А взглянув на часы в пятый или шестой раз, он заметил, что учеников на территории школы нет.

Случившееся с Ричардом случилось и со всей школой.

День умер. Ричард, подумал Джек, тоже. Возможно, вымерла вся школа Тэйера, а чуму принес он, и никто другой. За весь день он съел только курицу, которую Ричард украл для него из столовой, но голода не чувствовал. Джека охватило отчаяние. Куда бы он ни приходил, попутчицей его была смерть.

3

В коридоре вновь послышались шаги.

Из комнаты наверху глухо доносилось *бах-бах-бах* баса гитары, и Джек опять узнал мелодию из альбома «Блю Ойстер Калт». Шаги остановились у двери. Джек поспешил к ней.

Ричард возник на пороге. Двое светловолосых учеников в ослабленных галстуках посмотрели на Джека, проходя мимо. В коридоре рок-музыка звучала громче.

— Где ты пропадал весь день? — спросил Джек.

— Знаешь, странная какая-то история, — ответил Ричард. — Отменены все занятия во второй половине дня. Мистер Дафри даже не разрешил ученикам вернуться к своим шкафчикам. А когда мы пришли на баскетбольную тренировку, странностей только прибавилось.

— Кто такой мистер Дафри?

Ричард посмотрел на Джека так, словно тот только что родился.

— Кто такой мистер Дафри? Директор. Ты ничего не знаешь об этой школе?

— Нет, но кое-какие идеи у меня уже появились. И что на тренировке тебе показалось таким странным?

— Помнишь, я говорил тебе, что тренер Фрейзер попросил какого-то друга заменить его сегодня? И еще ска-

зал, что заставит наматывать круги на стадионе тех, кто посмеет не прийти на тренировку. Я подумал, что тренировать нас будет прямо-таки Эл Макгуайр, ты понимаешь, какая-нибудь звезда. В школе Тэйера спортивных традиций нет, но я все равно думал, что замена будет особенной.

— Дай угадаю. Новый парень выглядел так, будто имел о спорте самое смутное представление.

Ричард в удивлении вскинул подбородок.

— Да, — кивнул он. — Точнее, вообще никакого. — Ричард задумчиво посмотрел на Джека. — Он все время курил. И с такими длинными сальными волосами тренеров не бывает. По правде говоря, он скорее напоминал тех, о кого большинству тренеров нравится вытирать ноги. Даже глаза у него были странными. Готов спорить, он курит травку. — Ричард подергал свитер. — Я не думаю, что он хоть чуточку разбирается в баскетболе. Он даже не велел нам разыгрывать комбинации, что мы обычно делаем после разминки. Мы просто бегали и бросали в кольцо, а он на нас кричал. Смеялся. Будто никогда не видел ничего забавнее, чем дети, играющие в баскетбол. Ты когда-нибудь встречал тренера, который думает, что спорт — это смешно? И разминку он провел странно. Сказал: «Ладно, отжимайтесь» — и закурил. Ни счета, ни темпа, каждый отжимался как хотел. А потом: «Ладно, теперь побегайте». Он выглядел... каким-то диким. Думаю, завтра я пожалуюсь тренеру Фрейзеру.

— Я бы не стал жаловаться ни ему, ни директору, — покачал головой Джек.

— Ладно, я тебя понял. Мистер Дафри — один из *них*. Из тех, что живут в Долинах.

— Или он на них работает.

— Разве ты не видишь, что можешь *все* встроить в общую картину? *Все*, что идет не так? Это очень легко — объяснять все подобным образом. Безумный мозг так и работает. Ты находишь связи там, где их нет.

— И вижу то, чего нет.

Ричард пожал плечами, но, несмотря на безразличие, которое выражало это движение, на его лице читалась грусть.

— Ты сам это сказал.

— Подожди минутку. Ты помнишь, что я говорил тебе о доме, который рухнул в Анголе, штат Нью-Йорк?

— «Рейнберд-Тауэрс».

— Ну и память. Я думаю, тот несчастный случай — моя вина.

— Джек, ты...

— Сошел с ума, знаю. Послушай, кто-нибудь заложит меня, если мы выйдем и посмотрим вечерний выпуск новостей?

— Сомневаюсь. Большинство сейчас занимается. А зачем?

Потому что я хочу знать, что происходит вокруг.

Но мысль эту Джек не озвучил. *Милые пожарчики, изящные землетрясеньица — свидетельства того, что они пересекают границу между реальностями. Чтобы добраться до меня. До нас.*

— Хочется поменять обстановку, дружище Ричард. — И Джек последовал за Ричардом в коридор со светло-зелеными стенами.

Глава 31
ШКОЛА ТЭЙЕРА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В АД

1

Джек первым почувствовал изменения и сразу осознал, что происходит: все началось раньше, еще до возвращения Ричарда, и внутренне он уже настроился на перемены.

Хеви-метал «Вампирского тату» в исполнении «Блю Ойстер Калт» смолк. И в телевизоре в общей комнате, по которому вместо новостей смотрели «Героев Хогана», тоже словно выключили звук.

Ричард повернулся к Джеку, открыл рот, чтобы что-то сказать.

— Мне это не нравится, Гридли, — опередил его Джек. — Местные тамтамы молчат. Здесь слишком тихо.

— Ха-ха, — сухо ответил Ричард.

— Ричард, я могу задать тебе один вопрос?

— Да, конечно.

— Ты боишься? — Лицо Ричарда говорило, что больше всего на свете он хочет ответить: «Нет, разумеется, нет, в это время в Нелсон-Хаусе всегда так тихо». К сожалению, Ричард не умел лгать. Старый добрый Ричард. На Джека накатила волна теплых чувств к другу.

— Да, я немного напуган.

— Могу я спросить кое-что еще?

— Пожалуй.

— Почему мы оба шепчем?

Ричард долго молча смотрел на него. Потом вновь двинулся по зеленому коридору.

Они видели, что все двери или распахнуты, или приоткрыты. Джек уловил очень знакомый запах, которым тянуло из приоткрытой двери с цифрой «4» на табличке. Джек полностью открыл дверь.

— Который из них курит травку?

— Что? — неуверенно переспросил Ричард.

Джек шумно втянул носом воздух.

— Чуешь?

Ричард вернулся и заглянул в комнату. Обе настольные лампы горели. На одном столе лежал раскрытый учебник истории, на другом — номер «Хеви-метал». Стены украшали постеры. Коста-дель-Соль, Фродо и Сэм, идущие по растрескавшимся дымящимся равнинам Мордора к замку

Саурона, Эдди Ван Хален. На раскрытом номере «Хэви-метал» валялись наушники, из них доносилась едва слышная музыка.

— Если тебя могут исключить за то, что позволил другу спать под кроватью, сомневаюсь, что за косяк у вас тут просто дадут по рукам. Я прав? — спросил Джек.

— За это из школы, естественно, исключают. — Ричард как зачарованный смотрел на косячок, и Джек решил, что его друг удивлен и шокирован даже сильнее, чем в тот момент, когда он, Джек, показывал ему заживающие ожоги на руках.

— Нелсон-Хаус пуст, — озвучил Джек очевидное.

— Не говори глупостей! — отрезал Ричард.

— Тем не менее это так. — Джек обвел рукой коридор. — Остались только мы. А тридцать с лишним подростков бесшумно из общежития не вывести. Они не ушли — они исчезли.

— В Долины, как я понимаю.

— Не знаю. Может, они все еще здесь, но на другом уровне. Может, они там. Может, они в Кливленде. Но рядом с нами их точно нет.

— Закрой дверь, — бросил Ричард, а поскольку Джек медлил, резко закрыл ее сам.

— Ты не хочешь затушить...

— Я не хочу к нему прикасаться. Я должен донести на них, знаешь ли. Я должен донести на них мистеру Хейвуду.

— Ты это сделаешь? — в изумлении спросил Джек.

На лице Ричарда отразилась досада.

— Нет... наверное, нет. Но мне это не нравится.

— Непорядок.

— Да. — Глаза Ричарда блеснули за стеклами очков, говоря, что именно так и есть, он требует порядка во всем, а если Джеку что-то не нравится, то это его личное дело. И Ричард зашагал дальше. — Я хочу знать, что тут происходит, и, поверь мне, я это выясню.

Это выяснение может оказаться куда опаснее для твоего здоровья, чем марихуана, Ричи-бой, подумал Джек и последовал за другом.

2

Они стояли в общей комнате, оглядываясь. Ричард указал в сторону двора. В умирающем свете дня Джек разглядел группу учеников, собравшихся вокруг зеленовато-бронзовой статуи Тэйера.

— Они курят! — сердито воскликнул Ричард. — Курят прямо во дворе!

Джек сразу подумал о запахе травки в коридоре общежития.

— Они курят, это точно, — кивнул он, — и не те сигареты, что изготавливают на табачной фабрике.

Ричард сердито забарабанил пальцами по стеклу. Джек видел, что он уже забыл и опустевшее общежитие, и непрерывно курящего тренера, заменившего Фрейзера, и психические отклонения от нормы, подмеченные у Джека. Перекошенное от ярости лицо Ричарда говорило: *Когда толпа парней вот так курит травку рядом со статуей отца-основателя этой школы, нечего удивляться, если кто-то начнет убеждать меня, что земля плоская, а простые числа иногда кратны двум или в чем-то не менее нелепом.*

Сердце Джека переполняла жалость к другу, но одновременно его восхищало такое реакционное, даже эксцентричное отношение Ричарда к соученикам. И он вновь задался вопросом, а сможет ли Ричард выдержать потрясения, которые могли ждать их впереди.

— Ричард, эти парни не учатся в школе Тэйера, верно?

— Господи, ты действительно рехнулся, Джек. Это старшеклассники. Я узнаю каждого. Тот парень в идиотском кожаном летном шлеме — Норрингтон. В зеленых

тренировочных штанах — Бакли. Я вижу Гарсона... Литлфилда... в шарфе — Этридж, — закончил он.

— Ты уверен, что это Этридж?

— *Разумеется, это он!* — крикнул Ричард. Внезапно повернул защелку, поднял нижнюю раму и высунулся на холод.

Джек втянул Ричарда назад.

— Ричард, пожалуйста, только послушай...

Слушать Ричард не хотел. Он наклонился и вновь высунулся в холодный сумрак.

— *Эй!*

Нет, не привлекай их внимания, Ричард, ради Бога...

— *Эй, парни! Норрингтон! Литлфилд! Что, черт побери, тут происходит?*

Разговоры и грубый смех оборвались. Тип, который носил шарф Этриджа, повернулся на голос Ричарда. Чуть склонил голову набок, чтобы присмотреться. Свет из окон библиотеки и тление вечерней зари падали ему на лицо. Руки Ричарда взлетели ко рту.

Правая половина лица выглядела как у Этриджа — только Этриджа более старого, Этриджа, побывавшего в местах, куда ученики частных школ не ходят, и сделавшего много такого, чего ученики частных школ не делают. Другую половину покрывало переплетение шрамов. Поблескивающий полумесяц глаза смотрел из кратера бугристой плоти подо лбом и казался стеклянным шариком, почти утопленным в жир. Из левого угла рта торчал длинный клык.

Это его двойник, со спокойной уверенностью подумал Джек. *Я вижу перед собой двойника Этриджа. Они все двойники! Двойник Литлфилда, и двойник Норрингтона, и двойник Бакли, и так далее. Быть такого не может! Или может?*

— Слоут! — крикнул псевдо-Этридж и сделал два шага в сторону Нелсон-Хауса. Теперь свет фонарей подъездной дороги падал на его обезображенное лицо.

— Закрой окно, — прошептал Ричард. — Закрой окно. Я ошибся. Он похож на Этриджа, но это не Этридж, может, его старший брат, может, кто-то плеснул кислотой в лицо брату Этриджа, и теперь он безумен, но это не Этридж, поэтому *закрой окно, Джек, закрой окно немед...*

Псевдо-Этридж приблизился к ним еще на шаг. Он ухмылялся. Его язык, отвратительно длинный, вывалился изо рта.

— Слоут! — снова крикнул он. — Отдай нам своего пассажира!

Джек и Ричард одновременно дернулись, переглянулись, их лица напряглись.

Вой прорезал ночь... и это действительно *была* ночь, сумерки погасли.

Ричард смотрел на Джека, и на мгновение Джек увидел в его глазах настоящую ненависть — привет от Моргана Слоута. *Почему ты здесь, Джек? А? Зачем затянул меня в эту кашу? Почему заявился ко мне со всеми этими баснями Сибрук-Айленда?*

— Ты хочешь, чтобы я ушел? — мягко спросил Джек.

Еще мгновение злость оставалась в глазах Ричарда, а потом ее сменила свойственная ему доброта.

— Нет. — Он рассеянно прошелся рукой по волосам. — Нет, никуда ты не уйдешь. Там... там дикие псы. Дикие псы, Джек, в кампусе школы Тэйера! Я хочу сказать... ты с ними уже сталкивался?

— Да, сталкивался, Ричи-бой, — по-прежнему мягко ответил Джек, а Ричард вновь прошелся пальцами по волосам, которые уже торчали во все стороны, отчего всегда аккуратный и прилизанный друг Джека начал напоминать добродушного безумного изобретателя Винта Разболтайло, кузена Дональда Дака.

— Позвонить Бойнтону, он начальник службы безопасности, вот что я должен сделать, — пробормотал Ричард. — Позвонить Бойнтону, или в городскую полицию, или...

Вой поднялся среди деревьев на дальней стороне четырехугольного двора, в сгустившихся там тенях, вой, в котором слышалось что-то человеческое. Ричард посмотрел в ту сторону, его губы тряслись, как у старика, потом перевел умоляющий взгляд на Джека.

— Закрой окно, Джек, пожалуйста! Я чувствую, что у меня температура. Думаю, я простудился.

— Конечно, Ричард. — Джек закрыл окно, отсекая вой, насколько это было возможно.

Глава 32
«ПРИШЛИ НАМ СВОЕГО ПАССАЖИРА!»

1

— Помоги мне, Ричард, — пропыхтел Джек.

— Я не хочу двигать этот комод, Джек, — ответил Ричард детским назидательным голосом. Теперь, когда они вернулись в комнату, темные мешки под его глазами стали заметнее. — Пусть стоит на своем месте.

Со двора вновь донесся вой.

Кровать уже стояла перед дверью. Привычный порядок в комнате Ричарда кардинальным образом изменился. Ричард, моргая, стоял и оглядывался. Потом подошел к кровати и стянул одеяла. Одно молча протянул Джеку, другое расстелил на полу. Достал из карманов мелочь и бумажник, аккуратно положил на комод. Потом лег на середину одеяла, накинул его края на себя и замер, не сняв очки, с написанным на лице немым отчаянием.

Снаружи к комнате подступала густая призрачная тишина, нарушаемая только далеким ревом тяжелых фур на автостраде. Во всем Нелсон-Хаусе не раздавалось ни звука.

— Я не хочу говорить о том, что происходит снаружи, — изрек Ричард. — Прошу это учесть.

— Хорошо, Ричард. — Джек и не собирался спорить. — Мы не будем об этом говорить.

— Спокойной ночи, Джек.

— Спокойной ночи, Ричард.

Ричард улыбнулся, едва заметно и невероятно устало, но и этой улыбки хватило, чтобы сердце Джека согрелось и заболело.

— Я по-прежнему рад, что ты пришел, и утром мы обо всем поговорим, — добавил Ричард. — Я уверен, к тому времени все прояснится. И простуда, которую я подхватил, наверняка уйдет.

Ричард повернулся на правый бок и закрыл глаза. Пять минут спустя, несмотря на жесткий пол, он уже крепко спал.

Джек долго сидел, глядя в темноту. Иногда видел свет фар автомобилей, которые проезжали по Спрингфилд-авеню. Иной раз и фары, и уличные фонари исчезали, словно вся школа Тэйера выдергивалась из этой реальности и на какое-то время подвешивалась в небытии, прежде чем вернуться на положенное место.

Поднялся ветер. Джек слышал, как он шуршит последними листьями, оставшимися на деревьях, которые росли у четырехугольного двора, слышал, как под его напором ветви стучат, словно кости, слышал, как он завывает в проходах между зданиями.

2

— Этот парень идет сюда, — напряженно сказал Джек. Прошел час или чуть больше. — Двойник Этриджа.

— А?

— Не важно. Спи. Незачем тебе на это смотреть.

Но Ричард уже садился. Прежде чем остановиться на сгорбленной, деформированной фигуре, направлявшейся

к Нелсон-Хаусу, его взгляд успел пройтись по всему кампусу. И увиденное глубоко потрясло Ричарда, напугало его до глубины души.

Плющ на Монксон-Филд-Хаусе, еще утром редковатый, но все-таки зеленый, теперь приобрел отвратительный желтый оттенок.

— *Слоут! Отдай нам своего пассажира!*

Внезапно Ричарду захотелось только одного — вновь заснуть. Заснуть и спать, пока не пройдет грипп (он проснулся с мыслью, что это *грипп*: не какая-то легкая простуда, а настоящий грипп). Только грипп и сопряженная с ним высокая температура могли привести к таким ужасным, никак не связанным с реальной жизнью галлюцинациям. Не следовало ему подходить к открытому окну... и позволять Джеку влезать в комнату через окно. Едва Ричард подумал об этом, как устыдился собственных мыслей.

3

Джек искоса глянул на Ричарда — и бледное лицо и выпученные глаза друга подсказали ему, что тот все больше и больше теряет связь с реальностью.

Невысокая тварь стояла на выбеленной морозом траве, напоминая тролля, вылезшего из-под какого-то моста. Руки, заканчивавшиеся длинными когтями, едва не доставали до колен. Над левым карманом армейской куртки красовалась корявая надпись «ЭТРИДЖ». Куртку тролль не застегнул, и Джек видел под ней порванную и мятую пендлтонскую рубашку. Темное пятно с одной стороны могло быть и кровью, и блевотой. Носил тролль и галстук, мятый, синий, с крошечной золотой буквой «Э» чуть ниже узла. Прицепившиеся к галстуку головки репейника напоминали гротескные булавки.

Только половина лица Этриджа двигалась как положено. Джек видел грязь на волосах и листья на одежде.

— Слоут! Отдай нам своего пассажира!

Джек вновь посмотрел на уродливого двойника Этриджа, встретился с ним взглядом. Глаза Этриджа вибрировали в глазницах, совсем как зубцы камертона, и Джеку пришлось приложить немалое усилие, чтобы отвести взгляд.

— Ричард, — прошептал он, — не смотри ему в глаза.

Ричард не ответил. Он как зачарованный смотрел на ухмыляющегося тролля, двойника Этриджа.

В испуге Джек стукнул Ричарда по плечу.

— Ох, — выдохнул Ричард, схватил руку Джека и приложил к своему лбу. — У меня высокая температура?

Джек убрал руку со лба Ричарда, чуть теплого, но никак не горячего.

— Похоже на то.

— Я так и знал. — В голосе Ричарда слышалось неподдельное облегчение. — Скоро пойду в лазарет, Джек. Думаю, мне не обойтись без антибиотиков.

— Отдай его нам, Слоут!

— Давай поставим комод перед окном, — предложил Джек.

— Тебе опасность не грозит, Слоут! — прокричал Этридж. Ободряюще улыбнулся. Во всяком случае, правая часть лица ободряюще улыбнулась, тогда как левая застыла, как у трупа.

— Почему он так похож на Этриджа? — спросил Ричард с неестественным спокойствием. — Почему его голос так легко проходит сквозь стекла? И что с его лицом? — Ричард говорил все резче, и когда он задавал последний вопрос — возможно, для него самый важный, — в его голосе уже отчетливо звучал страх: — И где он взял галстук Этриджа, Джек?

— Я не знаю, — ответил Джек. *Мы снова в Сибрук-Айленде, можешь не сомневаться, Ричи-бой, и, я думаю, мы будем танцевать, пока ты не начнешь блевать.*

— Отдай его нам, Слоут, а не то мы придем и заберем его.

И псевдо-Этридж в яростной ухмылке обнажил свой единственный клык.

— *Пришли своего пассажира, Слоут, он покойник! Он покойник, и ты почуешь, как он воняет, если в самом скором времени не пришлешь его.*

— Помоги мне передвинуть этот гребаный комод! — прошипел Джек.

— Да, — кивнул Ричард. — Да, хорошо. Мы передвинем комод, а потом я лягу и, возможно, позже пойду в лазарет. Что думаешь, Джек? Что скажешь? Это хороший план? — На его лице читалась мольба: он очень хотел, чтобы Джек признал его план хорошим.

— Возможно, — ответил Джек. — Всему свое время. Сейчас — комод. Они могут бросать камни.

4

Вскоре Ричард опять провалился в сон, стонал, что-то бормотал. Хуже того, из уголков его плотно сомкнутых глаз потекли слезы.

— Я не могу его отдать, — говорил Ричард плачущим, недоумевающим голосом пятилетки. Похолодев, Джек уставился на него. — Я не могу его отдать, я хочу, чтобы папа был со мной, пожалуйста, кто-нибудь, скажите мне, где мой папа, он ушел в стенной шкаф, но сейчас его нет в стенном шкафу, мне нужен мой папа, он скажет мне, что делать. Пожалуйста...

Камень влетел в окно. Джек вскрикнул.

Удар пришелся в заднюю стенку комода. Несколько осколков стекла проскочили в щели справа и слева от нее, упали на пол и разбились вдребезги.

— *Отдай нам своего пассажира, Слоут!*

— Не могу, — простонал Ричард, ворочаясь в одеяле.

— Отдай его нам! — крикнул еще один голос, смеющийся и подвывающий. — Мы вернем его в Сибрук-

Айленд, Ричард! Вернем в Сибрук-Айленд, где ему самое место!

Еще камень. Джек инстинктивно пригнулся, хотя камень вновь ударил в комод. Собаки выли, и лаяли, и рычали.

— Никакого Сибрук-Айленда, — бормотал во сне Ричард. — Где мой папа? Я хочу, чтобы он вышел из того стенного шкафа. Пожалуйста, *пожалуйста*, никаких басен Сибрук-Айленда, ПОЖАЛУЙСТА...

Джек опустился на колени, начал трясти Ричарда, твердя:

— Просыпайся, это всего лишь сон, просыпайся, ради Бога, *просыпайся*!

— *Пожалста-пожалста-пожалста*, — зазвучал снаружи хор нечеловеческих голосов. У Джека возникло ощущение, что у Нелсон-Хауса собрались зверолюди с острова доктора Моро.

— *Проспайся, проспайся, проспайся!* — подключился второй хор.

Собаки выли.

Полетели новые камни, превращая стекло в мелкую пыль, ударяясь о заднюю стенку комода, раскачивая его.

— *ПАПА В СТЕННОМ ШКАФУ!* — крикнул Ричард. — *ПАПА, ВЫХОДИ, ПОЖАЛУЙСТА, ВЫХОДИ, Я БОЮСЬ!*

— *Пожалста-пожалста-пожалста!*

— *Проспайся, проспайся, проспайся!*

Руки Ричарда заметались в воздухе.

Камни летели, ударялись о комод. Скоро, подумал Джек, прилетит достаточно большой камень, чтобы пробить тонкую стенку или свалить комод на них.

Снаружи смеялись, и ревели, и скандировали отвратительными тролльими голосами. Собаки — похоже, целая стая — выли и рычали.

— ПАПА-А-А-А-А-А... — с ужасом прокричал Ричард.

Джек отвесил ему оплеуху.

Глаза Ричарда широко раскрылись. Секунду он таращился на Джека, не узнавая друга, словно сон сжег его разум. Потом всхлипнул и шумно выдохнул.

— Кошмарный сон. Из-за температуры, наверное. Но я не помню в точности, что мне снилось, — резко добавил он, словно опасаясь вопроса Джека о подробностях кошмара.

— Ричард, нам надо выбираться из этой комнаты.

— Выбираться из этой?.. — Ричард смотрел на Джека как на безумца. — Я не могу, Джек. У меня высокая температура... никак не меньше ста трех градусов, может, все сто четыре или сто пять*. Я не могу...

— Если температура у тебя и поднялась, то максимум на градус, — спокойно возразил Джек. — А то и меньше...

— Но я весь горю! — запротестовал Ричард.

— Они бросают камни, Ричард.

— Галлюцинации не могут бросать камни, Джек. — Ричард словно объяснял слабоумному что-то очень простое, но жизненно важное. — Это басни Сибрук-Айленда. Это...

Новый град камней обрушился на окно.

— *Пришли своего пассажира, Слоут!*

— Пошли, Ричард. — Джек поднял друга на ноги. Подвел к двери, потом вывел в коридор. Он очень жалел Ричарда... пожалуй, не так сильно, как Волка... но близко к тому.

— Нет... болен... температура... я не могу...

Новые камни загрохотали по комоду у них за спиной. Ричард взвизгнул и схватился за Джека, как утопающий.

Дикий, квохчущий смех донесся снаружи. Собаки выли и дрались между собой.

Джек увидел, что бледное лицо Ричарда стало еще бледнее, увидел, что друга качает, и повернулся к нему. Но не успел подхватить, и тот упал в открытую дверь комнаты Руэла Гарденера.

* 39,4–40,6 °С.

5

Ричард всего лишь лишился чувств и пришел в себя, едва только Джек ущипнул его за нежную кожу между большим и указательным пальцами. Ричард не собирался обсуждать то, что происходило снаружи... делал вид, что не понимает, о чем говорит Джек.

По коридору они осторожно продвигались к лестнице. Джек заглянул в общую комнату и присвистнул.

— Ричард, ты только на это посмотри!

Ричард с неохотой посмотрел. В общей комнате царил разгром. Стулья были перевернуты. Диванные подушки — вспороты. Портрет отца-основателя Тэйера на дальней стене — обезображен: кто-то добавил пару дьявольских рогов, торчащих из седых волос, кто-то другой пририсовал под носом усы, а кто-то третий воспользовался острым предметом, чтобы неумело нацарапать в промежности член. Витрина шкафа с памятными подарками была разбита.

Джеку очень не нравился невероятный, немыслимый ужас, отражавшийся на лице Ричарда. В определенном смысле тот куда легче перенес бы появление взводов эльфов, стройными неземными рядами марширующих по коридорам, или драконов, парящих над четырехугольным двором, чем постепенное уничтожение школы Тэйера, которую он знал и любил. Ричард верил, что в школе Тэйера сочетаются добро и благородство, что она — нерушимый бастион в мире, где ни на что нельзя рассчитывать... даже на возвращение отцов, ушедших в стенные шкафы.

— Кто это сделал? — сердито спросил Ричард. И сам ответил: — Эти уроды. Больше некому. — Он посмотрел на Джека, и, судя по выражению его лица, ему начала открываться истина. — Возможно, это колумбийцы, — внезапно заявил он. — Они, возможно, колумбийцы, и это,

возможно, война наркокланов, Джек. Тебе не приходила в голову такая мысль?

Джеку пришлось подавить желание расхохотаться. Да, такое объяснение мог предложить только Ричард Слоут. Колумбийцы. Кокаиновая война в школе Тэйера в Спрингфилде, штат Иллинойс. Элементарно, мой дорогой Ватсон, загадка решена на семь с половиной процентов*.

— Я полагаю, все возможно, — ответил Джек. — Давай поглядим, что наверху.

— Зачем, во имя Господа?

— Ну... может, мы там кого-нибудь найдем. — Джек в это не верил, но чувствовал, что нужно хоть какое-то обоснование. — Может, там кто-нибудь спрятался. Кто-нибудь нормальный, как мы.

Ричард посмотрел на Джека, потом на разгромленную общую комнату, и у него на лице вновь отразилась боль. Теперь лицо Ричарда словно говорило: *Я действительно не хочу на это смотреть, но по какой-то причине это все, на что я в данный момент действительно ХОЧУ смотреть; это горько и отвратительно, словно кусаешь лимон, или царапаешь ногтями по грифельной доске, или водишь вилкой по фаянсовой раковине.*

— Наркотики — беда нашей страны, — заговорил Ричард лекторским тоном. — Только на прошлой неделе я прочитал в «Нью рипаблик» статью о распространении наркотиков, Джек, и все эти люди могли обкуриться. Они могли нанюхаться кокаина! Они могли...

— Пошли, Ричард, — спокойно оборвал его Джек.

— Я не уверен, что смогу подняться по лестнице, — по-стариковски сварливо проворчал Ричард. — У меня слишком высокая температура, чтобы подниматься по лестнице.

---

* Аллюзия на роман Николаса Мейера «Вам вреден кокаин, мистер Холмс».

— Как учат в школе Тэйера, попытка не пытка, — ответил Джек, увлекая Ричарда в нужном направлении.

6

Когда они добрались до лестничной площадки второго этажа, в застывшую тишину Нелсон-Хауса вернулся звук.

Снаружи рычали и лаяли собаки: судя по всему, их собралось уже не десять и не двадцать, а сотни. Вдруг зазвонили колокола в часовне.

И от их звона дворняги, которые носились по двору, просто обезумели. Они набрасывались друг на друга, сцепившись, катались по неухоженной, заросшей сорняками траве, рвали зубами все, что оказывалось в пределах досягаемости. На глазах Джека одна напала на вяз. Другая прыгнула на бронзовую статую Тэйера, и от удара оскаленной морды о твердый металл брызнула кровь.

В отвращении Джек отвернулся.

— Пошли, Ричард.

Ричард с готовностью подчинился.

7

Второй этаж встретил их перевернутой мебелью, разбитыми окнами, клочьями набивки, виниловыми пластинками, которые, судя по всему, использовали в качестве фрисби, разбросанной одеждой.

Третий этаж затянуло туманом. Здесь было тепло и влажно, как в тропическом лесу. Когда Джек и Ричард подошли к двери с надписью «ДУШЕВАЯ», стало совсем жарко. Тонкие щупальца пара, встретившие их на лестнице, превратились в густую, непроницаемую пелену.

— Оставайся здесь, — распорядился Джек. — Жди меня.

— Конечно, Джек, — невозмутимо ответил Ричард, чуть возвысив голос, чтобы его не заглушала льющаяся в

душевой вода. Его очки запотели, но он и не собирался их протирать.

Джек открыл дверь и вошел. Жара облепляла. Одежда тут же намокла от пота и висевшего в воздухе пара. В облицованной кафелем комнате грохотала вода. Она текла из всех двадцати душевых головок, нацеленных на сложенную посреди душевой груду спортивной амуниции. Вода медленно просачивалась сквозь эту кучу, наполняя душевую паром. Джек снял башмаки и медленно обошел комнату по периметру, пытаясь остаться сухим и не обжечься, потому что устроивший это безобразие не потрудился открыть холодную воду. Джек по очереди выключил воду во всех кабинках. Для этого у него не было повода, никакого повода, и он ругал себя за потерю времени, которое мог бы потратить на поиски способа покинуть Нелсон-Хаус и кампус школы Тэйера до того, как все эти твари набросятся на них.

Никакого повода, разве что не только Ричарду требовалось создавать некое подобие порядка из хаоса... создавать порядок и поддерживать его.

Он вернулся в коридор и увидел, что Ричарда нет.

— Ричард? — крикнул Джек, чувствуя, как учащенно забилось сердце.

Ответа не последовало.

— Ричард!

В воздухе висел тяжелый запах разлитого одеколона.

— *Ричард, где ты, черт побери!*

Рука Ричарда легла на плечо Джека, и тот вскрикнул.

8

— Не понимаю, чего ты так заорал, — позже удивлялся Ричард. — Это был всего лишь я.

— Просто я нервничаю, — устало ответил Джек.

Они сидели на третьем этаже в комнате парня с удивительно гармоничным именем Альберт Хамберт, которого

прозвали Альберт Брюхан. Он был самым толстым учеником в школе, и Джек в это верил: комнату заполняло невероятное количество «помойной еды». Чувствовалось, что этот парень больше всего на свете боялся не отстранения от тренировки по баскетболу или двойки за контрольную по тригонометрии. Нет, его пугало другое: проснуться ночью и обнаружить, что под рукой нет упаковки пончиков или кексов с арахисовым маслом. Все его запасы были раскиданы по комнате. Стеклянная банка с маршмаллоу разбилась, но Джек никогда не любил маршмаллоу. Как и лакричных червей — Альберт Брюхан держал целую коробку на верхней полке стенного шкафа. На коробке Джек прочитал: «С Днем рождения, дорогой. От твоей любящей мамы».

Одни любящие мамы шлют коробки с лакричными червями, другие любящие папы — блейзеры от «Брукс бразерс», устало подумал Джек, *и если есть разница, то лишь Джейсону известно, в чем она.*

Они нашли в комнате Альберта Брюхана достаточно еды, чтобы устроить трапезу из колбасок «Слим джимс», нарезанной ломтиками пепперони и картофельных чипсов со вкусом соли и уксуса. На десерт съели упаковку печенья. Джек принес из коридора выброшенный туда стул Альберта и сел у окна. Ричард устроился на кровати.

— Да, ты точно нервничаешь, — согласился Ричард и покачал головой, когда Джек предложил ему последнее печенье. — Паранойя, естественно. Все потому, что последние два месяца ты провел в дороге. Ты придешь в норму, как только вернешься к матери, Джек.

— Ричард, — Джек отбросил пустую упаковку «Феймос эймос», — хватит нести пургу. Ты видишь, что творится в твоем кампусе?

Ричард облизнул губы.

— *Я это объяснил.* У меня температура. Может, ничего этого не происходит, а если и происходит, то в этом нет

ничего необычного, просто мой разум все воспринимает превратно. Это один вариант. Другой... ну... торговцы наркотиками.

Ричард чуть передвинулся к изголовью кровати Альберта Брюхана.

— Ты не употреблял наркотиков, Джек? В своих странствиях? — Глаза Ричарда вновь вспыхнули разумным светом. *Вот логичное объяснение, логичный выход из всего этого безумия*, говорил этот свет. *Джек каким-то образом оказался замешанным в наркоторговле, и эти люди пришли сюда следом за ним.*

— Нет, — устало ответил Джек. — Я всегда думал, что ты адекватно оцениваешь ситуацию, Ричард, и представить себе не мог, что увижу собственными глазами, как ты используешь голову, чтобы искажать факты.

— Джек, это какой-то... бред, и ты это знаешь.

— Нарковойны в Спрингфилде, штат Иллинойс? — переспросил Джек. — И кто у нас рассказывает басни Сибрук-Айленда?

Именно в этот момент камень влетел в окно комнаты Альберта Хамберта, засыпав осколками стекла пол.

Глава 33
РИЧАРД ВО ТЬМЕ

1

Ричард вскрикнул и поднял руку, чтобы защитить лицо. Осколки до него не долетели.

— *Пришли его, Слоут!*

Джек встал. Его переполняла слепая ярость.

Ричард схватил друга за руку.

— Держись подальше от окна, Джек.

— На хрен! — рявкнул Джек. — Надоело слушать, что обо мне говорят как о пицце.

Псевдо-Этридж стоял на дорожке, ведущей к четырехугольному двору.

— Убирайся отсюда! — крикнул ему Джек. И внезапно его осенило: мысль ворвалась в разум, словно вспышка солнечного света. После короткой паузы он заорал во всю глотку: — *Я приказываю вам убраться отсюда! Всем! Приказываю уйти именем моей матери, королевы!*

Псевдо-Этридж дернулся, словно его ударили плетью по лицу.

Но потом болезненное изумление схлынуло, и псевдо-Этридж заулыбался.

— Она мертва, Сойер! — крикнул он в ответ, однако зрение Джека по необъяснимой причине стало острее, и он видел, что тварь чувствует себя крайне неуютно, пусть и стремится показать обратное. — Королева Лаура мертва, и твоя мать тоже мертва... умерла в Нью-Хэмпшире... умерла и *воняет*.

— Убирайтесь! — проревел Джек, и ему показалось, что псевдо-Этридж вновь дернулся, в недоумении и ярости.

Ричард появился у окна, бледный и растерянный.

— О чем вы двое кричите? — Он пристально смотрел на скалящегося уродца внизу. — Откуда Этридж знает, что твоя мать в Нью-Хэмпшире?

— *Слоут!* — крикнул псевдо-Этридж. — *Где твой галстук?*

Лицо Ричарда виновато перекосило. Его руки метнулись к расстегнутому воротнику рубашки.

— *На этот раз мы тебя простим, если ты пришлешь своего пассажира, Слоут!* — крикнул псевдо-Этридж. — *Если ты пришлешь его, все станет как прежде! Ты же этого хочешь, да?*

Ричард смотрел вниз на псевдо-Этриджа и, не отдавая себе отчета — Джек в этом не сомневался, — кивал. На его

лице читалась печаль, глаза блестéли от сдерживаемых слез. Он хотел, чтобы все вернулось на круги своя, о да.

— *Разве ты не любишь эту школу, Слоут?* — взревел псевдо-Этридж, глядя на окно комнаты Альберта.

— Люблю, — пробормотал Ричард, глотая слезы. — Да, *разумеется*, я ее люблю.

— Ты знаешь, что мы делаем с сопляками, которые не любят эту школу? Отдай его нам! И все станет так, будто он здесь и не появлялся!

Ричард медленно повернулся, посмотрел на Джека жуткими пустыми глазами.

— Тебе решать, Ричи-бой, — мягко заметил Джек.

— У него наркотики, Ричард! — крикнул псевдо-Этридж. — Разные! Кокаин, гашиш, ангельская пыль! Он их продает, чтобы оплачивать свое путешествие на запад! Где, по-твоему, он взял это красивое пальто, в котором появился у твоего порога?

— Наркотики. — В голосе Ричарда слышалось безмерное, пробирающее до дрожи облегчение. — Я так и знал.

— Но ты в это не веришь, — возразил Джек. — Твою школу изменили не наркотики, Ричард. И собаки...

— Пришли его, Сло... — Голос псевдо-Этриджа затихал, затихал.

Когда подростки посмотрели вниз, тварь исчезла.

— Как думаешь, куда уходил твой отец? — мягко спросил Джек. — Куда, по-твоему, он отправился, когда не вышел из стенного шкафа?

Ричард медленно повернулся к нему, и его лицо, обычно такое спокойное, и интеллигентное, и безмятежное, теперь сотрясала дрожь. И грудь начала подергиваться. Ричард внезапно упал в объятия Джека, прижался к нему, охваченный отчаянной паникой.

— *О-о-оно п-п-прикоснулось к-ко мне-е-е-е!* — пронзительно взвизгнул он. Тело его тряслось в руках Джека, как трос лебедки под избыточной нагрузкой. — *Оно прикосну-*

лось ко мне, оно п-прикоснулось к-ко мне, что-то там п-п-прикоснулось ко мне, И Я НЕ З-З-ЗНАЮ, ЧТО ЭТО БЫЛО.

2

Прижимаясь горящим лбом к плечу Джека, Ричард выдавил из себя историю, которую хранил в тайне все эти годы. Она покидала его маленькими твердыми кусочками, словно он отхаркивал деформированные пули. Слушая, Джек вспоминал тот случай, когда его отец вошел в гараж... и двумя часами позже появился в конце квартала, направляясь к дому. Невеселые воспоминания, но случившееся с Ричардом было гораздо хуже. Именно это происшествие объясняло железную, бескомпромиссную установку его друга на существование реальности, только реальности, ничего, кроме реальности. Оно объясняло полное неприятие любых фантазий, даже научной фантастики... а Джек знал по собственному школьному опыту, что ученики с техническими наклонностями, такие как Ричард, обычно читают НФ запоем... если это настоящая НФ — Хайнлайн, Азимов, Артур Кларк, Ларри Нивен. Разумеется, избавьте нас от метафизической мути робертов силвербергов и барри молзбергов, но те произведения, где речь идет о звездных квадрантах и логарифмах, мы будем читать до посинения, пока эти тексты не полезут у нас из ушей. К Ричарду это не относилось. Нелюбовь Ричарда к беллетристике засела в нем так глубоко, что он брался за роман лишь при одном условии: если тот значился в списке книг, обязательных для прочтения. В начальных классах он разрешал Джеку выбирать книги, которые включались в свободный список прочитанного за лето. Его не волновало, что это за книги, он пережевывал их, как овсянку. И Джеком овладела идея фикс: найти историю — любую историю, — которая порадует Ричарда, повеселит Ричарда, увлечет

Ричарда, как иной раз увлекали Джека хорошие романы и рассказы... хорошие, думал он, почти такие же, как Дневные грезы, и каждый создавал свою версию Долин. Но ему так и не удалось вызвать дрожь удовольствия, высечь искру, добиться хоть какой-то реакции. Любое произведение, будь то «Рыжий пони», «Дорожный демон», «Над пропастью во ржи» или «Я — легенда», встречались одинаково: Ричард хмурился, тупо сосредотачивался, а потом следовал скучнейший отчет о прочитанном, за который преподаватель английского ставил четверку с минусом, если пребывал в прекрасном расположении духа. В те редкие семестры, когда Ричард не видел свою фамилию в списке лучших учеников, картину портила исключительно тройка по английскому языку и литературе.

Когда Джек дочитал «Повелителя мух» Уильяма Голдинга, его трясло, бросало то в жар, то в холод, он ощущал восторг и страх, и больше всего ему хотелось — как и всегда, если попадалась особенно хорошая история, — чтобы она никогда не заканчивалась, продолжалась и продолжалась, как продолжается жизнь (только жизнь обычно скучнее и бессмысленнее, чем истории). Он знал, что Ричарду скоро сдавать отчет о прочитанной книге, и отнес ему потрепанную книжку в бумажной обложке в полной уверенности, что «Повелитель мух» совершит невозможное и Ричард отреагирует на историю о потерявшихся мальчиках, медленно превращающихся в дикарей. Но Ричард воспринял «Повелителя» так же, как и прочие книги, и написал еще один отчет, такой же яркий и сверкающий, как заключение о вскрытии жертвы автомобильной аварии, составленное страдающим от похмелья патологоанатомом. «Да что это с тобой, Ричард? — взорвался тогда Джек. — Почему, Господи ты Боже, ты встречаешь в штыки хорошую историю?» Но Ричард лишь ошарашенно смотрел на него, не понимая злости Джека. «Знаешь, в

действительности нет такого понятия, как хорошая выдуманная история», — ответил тогда он.

В тот день Джек ушел домой в замешательстве: он не мог понять полного отрицания Ричардом выдуманных историй. Но теперь он думал, что многое прояснилось, даже больше, чем ему хотелось. Возможно, Ричард каждую новую книгу воспринимал как дверь стенного шкафа, которую ему предлагалось открыть. Возможно, каждая яркая картинка на обложке с изображениями людей, которые никогда не будут настоящими, напоминала Ричарду о том утре, когда он наелся выдумками до отвала, так что хватило на всю оставшуюся жизнь.

3

Ричард видит, как отец заходит в стенной шкаф в большой спальне, закрывает за собой дверь-гармошку. Ричарду, наверное, пять лет... или шесть... но точно не больше семи. Он ждет пять минут, десять, а когда отец все не выходит из стенного шкафа, его начинает охватывать страх. Он зовет. Он зовет

(эй, налейте нам кубки, да набейте нам трубки, да зовите моих скрипачей)*

отца, но отец не отвечает, он зовет громче и громче и подходит ближе и ближе к стенному шкафу, а когда по прошествии пятнадцати минут его отец все не выходит из шкафа, Ричард тянет дверь-гармошку в сторону, открывает ее и заходит в шкаф. Заходит в темноту, как в пещеру.

И что-то происходит.

Он проталкивается среди грубого твида, и гладкого хлопка, и — редко — мягкого шелка пальто, костюмов и пиджаков отца, он чувствует, как запахи одежды, нафталиновых шариков и затхлой темноты начинают уступать место другому запаху — яростно-жаркому. Ричард продолжает углубляться в шкаф, выкрикивая имя отца, он думает, что у

* «Веселый король» (перевод С. Маршака).

дальней стены пожар и в нем горит его отец, потому что пахнет огнем... и внезапно осознает, что досок под ногами больше нет, что он стоит на черной земле. Странные черные насекомые с глазами на длинных стебельках прыгают вокруг его пушистых тапочек. «Папа!» — кричит он. Пальто и пиджаков нет, пола нет, но стоит он не на хрустящем белом снегу. Под ногами — вонючая черная земля, в которой, судя по всему, и живут эти неприятные прыгающие черные насекомые. Он попал не в Нарнию. Другие крики отвечают на крик Ричарда — крики и безумный смех. Дым клубится вокруг него, дует легкий ветерок, Ричард поворачивается и, спотыкаясь, движется в том направлении, откуда пришел, вытянув руки перед собой, как слепец, пытаясь ухватиться за одежду, принюхиваясь к слабому, но едкому запаху нафталина...

И внезапно рука хватает его за запястье.

«Папа?» — спрашивает он, но, посмотрев вниз, видит не человеческую кисть, а что-то зеленое и чешуйчатое, с извивающимися присосками, что-то зеленое на длинной гибкой руке, высунувшейся из темноты, да еще два немигающих голодных желтых глаза, которые смотрят на него из той же темноты.

С диким криком он вырывается и бросается вперед... и его пальцы вновь находят отцовские пиджаки и костюмы, и он слышит благословенный, привычный звук смещающихся по перекладине вешалок, а эта зеленая кисть с присосками на прощание касается его затылка и исчезает.

Он три часа ждет у этого проклятого стенного шкафа, трясясь, бледный, как вчерашняя зола в холодном камине, боясь снова войти в него, боясь зеленой руки и желтых глаз, с растущей уверенностью, что его отец мертв. И когда на исходе четвертого часа его отец возвращается в комнату, он не выходит из шкафа, а открывает дверь, за которой коридор второго этажа, — дверь за СПИНОЙ Ричарда. В тот момент все и происходит: Ричард отвергает выдуманное раз

и навсегда; Ричард отказывается иметь дело с выдуманным, договариваться, находить точки соприкосновения. Он, попросту говоря, наелся до отвала, на всю оставшуюся жизнь. Он подпрыгивает, бежит к своему отцу, своему любимому Моргану Слоуту, обнимает его с такой силой, что руки будут болеть всю следующую неделю. Морган поднимает сына, смеется, спрашивает, почему он такой бледный. Ричард улыбается, говорит, что, возможно, что-то съел на завтрак, но сейчас чувствует себя лучше, и целует отца в щеку, вдыхая любимую смесь запахов пота и одеколона «Радж». В тот же день, чуть позже, он берет все книги с историями — из серии «Мои первые книги», книжки-раскладушки, из серии «Я умею читать», книги доктора Сьюза, «Зеленую книгу сказок для малышей», — укладывает их в картонную коробку, коробку уносит в подвал и думает: «Мне плевать, если сейчас случится землетрясение, в полу отроется щель и проглотит все эти книги. Собственно, меня это только порадует. Меня это так порадует, что я буду смеяться весь день, а потом еще и все выходные». Землетрясения нет, но Ричард все равно радуется тому, что книги остаются в двойной темноте — картонной коробки и подвала. Он больше никогда не заглянет в эту коробку, как никогда не заглянет в стенной шкаф с дверью-гармошкой, и хотя иногда ему снится что-то с плоскими желтыми глазами, прячущееся в его шкафу или под кроватью, он больше не вспомнит эту зеленую кисть с присосками, не вспомнит, пока в школе Тэйера не наступят странные времена, а он сам не разрыдается в объятиях своего друга Джека Сойера.

Он наелся до отвала, на всю оставшуюся жизнь.

4

Джек надеялся, что Ричард, рассказав историю и выплакавшись, придет — более или менее — в норму, станет обычным, до предела рациональным Ричардом. В действи-

тельности́ Джека не волновало, окончательно ли съехала у Ричарда крыша или нет. Сумей Ричард осмыслить происходящее и примириться с тем безумием, что творилось вокруг, его могучий интеллект помог бы Джеку в поисках выхода... хотя бы выхода из школы Тэйера, а может, и из жизни Ричарда, до того как Ричард окончательно сдвинется.

Но не сложилось. Когда Джек попытался продолжить разговор — рассказать Ричарду о своем отце, который вошел в гараж, но не вышел из него, — Ричард отказался слушать. Давний секрет, происшествие в том стенном шкафу, выплыл наружу (отчасти Ричард продолжал упрямо цепляться за мысль, что это была галлюцинация), но он по-прежнему считал, что наелся до отвала, на всю оставшуюся жизнь.

На следующее утро Джек спустился вниз. Взял свои вещи и то, что, по его мнению, могло потребоваться Ричарду: зубную щетку, учебники, тетради, чистую одежду. Он решил, что день они проведут в комнате Альберта Брюхана. Оттуда будут наблюдать за двором и воротами. С наступлением ночи, возможно, попытаются уйти.

5

Джек порылся в ящиках письменного стола Альберта и нашел пузырек с таблетками детского аспирина. Какое-то время смотрел на него, думая, что эти маленькие оранжевые таблетки характеризуют любящую мамочку Альберта точно так же, как и коробка с лакричными червями на полке стенного шкафа. Затем вытряс на ладонь полдесятка таблеток и дал Ричарду, а тот их рассеянно проглотил.

— Иди сюда и приляг, — предложил ему Джек.

— Нет, — ответил Ричард сердитым, встревоженным и невероятно несчастным голосом. — Я должен видеть, что происходит, чтобы потом предоставить полный отчет для... для... для попечительского совета.

Джек коснулся лба Ричарда, холодного, даже ледяного, и сказал:

— У тебя повышается температура, Ричард. Тебе лучше прилечь, пока аспирин не собьет ее.

— Повышается? — Ричард посмотрел на него с трогательной благодарностью. — Правда?

— Да, — ответил Джек с серьезным лицом. — Ты должен полежать.

Ричард заснул через пять минут после того, как лег. Джек сел в кресло Альберта Брюхана, такое же продавленное, как и середина матраца Альберта. В набирающем силу дневном свете лицо Ричарда казалось восковым.

6

Так или иначе, день прошел, и где-то около четырех пополудни Джек заснул. Проснулся он уже в темноте и понятия не имея, сколько проспал. Знал только одно: ему ничего не снилось, и это радовало. Ричард беспокойно шевельнулся. Джек встал. Потянулся, поморщился от боли в затекшей спине. Подошел к окну, выглянул — и застыл с широко раскрытыми глазами. Первой у него мелькнула мысль: *Я не хочу, чтобы Ричард это увидел. Надо сделать все, чтобы этого избежать.*

Господи, мы должны выбираться отсюда как можно быстрее, подумал Джек в ужасе. *Даже если они по каким-то причинам боятся на нас напасть.*

Но действительно ли он хотел увести отсюда Ричарда? Они не думали, что ему это удастся, — рассчитывали на то, что он не позволит своему другу еще раз столкнуться со всем этим безумием.

Прыгай, Джеки. Ты должен прыгнуть, и ты это знаешь. И должен взять с собой Ричарда, потому что это место превращается в ад.

Я не могу. От прыжка в Долины у Ричарда окончательно съедет крыша.

Не важно. Ты должен это сделать. Это самый лучший вариант — может, единственный, — потому что они этого не ожидают.

— Джек? — Ричард приподнялся. Его лицо без очков выглядело совсем беззащитным. — Джек, все закончилось? Это был сон?

Джек сел на кровать, обнял Ричарда за плечи.

— Нет, — проговорил он тихо и успокаивающе. — Еще не закончилось, Ричард.

— Я думаю, мне стало хуже. — Ричард отстранился от Джека, поднялся с кровати, подошел к окну, зажав дужку очков большим и указательным пальцами правой руки. Надел очки, выглянул. Силуэты со светящимися глазами сновали взад-вперед. Ричард долго стоял у окна, а потом поступил так необычно, так не по-ричардовски, что Джек едва поверил своим глазам. Снял очки и сознательно уронил на пол. Послышался хруст — одна линза при падении треснула. А Ричард, продолжая действовать по намеченному плану, наступил на очки, превратив обе линзы в порошок.

Поднял оправу, посмотрел на нее, потом небрежно бросил в сторону мусорной корзины Альберта Брюхана. Промахнулся. На лице Ричарда теперь однозначно читалось: *Я больше не хочу этого видеть, вот и не увижу, эту проблему я решил. Я Наелся До Отвала, На Всю Оставшуюся Жизнь.*

— Ты только посмотри, — произнес он бесстрастным, равнодушным голосом. — Я разбил очки. У меня были еще одни, но их я разбил в спортивном зале две недели назад. А без них я почти что слеп.

Джек знал, что это неправда, но увиденное лишило его дара речи. И он не знал, как адекватно отреагировать на столь радикальный поступок Ричарда: тот, похоже, при-

шел к выводу, что нет другого способа остановить надвигающееся безумие.

— И я думаю, что температура у меня поднялась еще выше, — продолжил Ричард. — У тебя еще есть аспирин, Джек?

Джек выдвинул ящик стола и молча протянул Ричарду пузырек. Тот проглотил шесть или восемь таблеток и снова лег.

7

Время шло, и Ричард, который постоянно обещал обсудить их положение, вновь и вновь отказывался от своего слова. Он не мог обсуждать их уход из школы, вообще не мог ничего обсуждать, у него снова поднялась температура, поднялась еще выше, по его ощущениям, до ста пяти градусов, а то и до ста шести. Так что ему требовались сон и отдых.

— Ричард, ради Бога! — взревел Джек. — Да ты трусишь! Такого я от тебя никак...

— Не говори глупостей! — Ричард вновь повалился на кровать Альберта. — Я всего лишь болен, Джек. Ты не можешь требовать от меня, чтобы я обсуждал все это безумие, когда я тяжело болен.

— Ричард, ты хочешь, чтобы я ушел и оставил тебя здесь?

Секунду Ричард, медленно моргая, смотрел на Джека.

— Ты не уйдешь, — ответил он и снова заснул.

8

Около девяти вечера в кампусе вновь наступил один из загадочных периодов спокойствия, и Ричард, возможно, почувствовав, что давление на его неустойчивую психику ослабевает, проснулся и перекинул ноги через край крова-

ти. На стенах появились бурые пятна, и он смотрел на них, пока не заметил подошедшего к нему Джека.

— Я чувствую себя гораздо лучше, Джек, — торопливо заговорил он, — но нет никакого смысла говорить об уходе. Сейчас темно и...

— Мы должны уйти этим вечером, — мрачно ответил Джек. — Они могут спокойно ждать, пока мы сами не выйдем из Нелсон-Хауса. Эти грибы, растущие на стенах... и только не говори мне, что ты их не видишь.

Ричард улыбнулся с непробиваемым безразличием, которое едва не вывело Джека из себя. Он любил Ричарда, но в тот момент с радостью шарахнул бы его о ближайшую пятнистую стену.

Вот тут-то в комнате Альберта Брюхана и появились длинные, толстые белые гусеницы. Они проникали сквозь бурые грибные пятна, словно являлись их порождениями. Извиваясь, сначала наполовину вылезали из стены, а потом под действием собственного веса падали на пол и слепо ползли к кровати.

Насколько помнил Джек, зрение у Ричарда было не таким уж плохим, и он сомневался, что оно резко ухудшилось за время, прошедшее с их последней встречи. Как выяснилось, он не ошибся. Ричард видел многое. Во всяком случае, без труда разглядел белых гусениц, вываливающихся из стен. Закричал и прижался к Джеку с перекошенным от отвращения лицом.

— *Гусеницы, Джек! Ох, Господи! Гусеницы! Гусеницы!*

— Все будет хорошо... не волнуйся, Ричард. — Джек удерживал Ричарда на месте, сам удивленный своей силой. — Мы просто подождем до утра. Никаких проблем.

Они вываливались из стен десятками и сотнями, толстые, белые, напоминающие опарышей-переростков. Некоторые лопались при ударе об пол. Остальные неспешно ползли к Джеку и Ричарду.

— Гусеницы, Джек.. Мы должны выбираться отсюда, мы должны...

— Слава Богу, парень наконец-то прозрел, — вырвалось у Джека.

Он перекинул рюкзак через левое плечо, правой рукой крепко схватил за локоть Ричарда и потащил его к двери. Гусеницы лопались и разлетались брызгами под их ногами. Теперь твари сплошным потоком вываливались из бурых пятен, заполоняя комнату Альберта. Вот они посыпались из бурого пятна на потолке, падая на волосы и плечи Джека. Вскрикнув, он принялся стряхивать их, увлекая вопящего и бьющегося Ричарда за дверь.

Я думаю, мы уже в пути, подумал Джек. *Да поможет нам Бог, думаю, мы уже в пути.*

9

Они вернулись в общую комнату. Ричард, как выяснилось, тоже не представлял, как можно выскользнуть из кампуса школы Тэйера. Джек знал только одно: он не доверял этой обманчивой тишине и не собирался выходить из Нелсон-Хауса через парадную дверь.

Оглядывая кампус через широкое окно общей комнаты, Джек обратил внимание на приземистое восьмиугольное кирпичное здание, расположенное слева.

— Что там такое, Ричард?

— А? — Ричард смотрел на клейкую, жирную грязь, текущую по темному четырехугольному двору.

— Маленькое приземистое кирпичное здание. Его отсюда едва видно.

— А-а... Станция.

— Что за станция?

— Название, которое теперь ничего не значит, — ответил Ричард, не отрывая глаз от залитого грязью дво-

ра. — Как наш лазарет. Это здание называлось молочной, потому что в нем находились коровник и установка по розливу молока в бутылки. До тысяча девятьсот десятого года или около того. Традиции, Джек. Это очень важно. Одна из причин, по которым мне нравится школа Тэйера.

Он по-прежнему тоскливо смотрел на четырехугольный двор.

— Во всяком случае, одна из причин, по которым она мне нравилась.

— Ладно, с молочной понятно. А откуда станция?

Ричард определенно скорбел о разрыве понятий «школа Тэйера» и «традиции».

— Эта часть Спрингфилда была большим железнодорожным узлом. Собственно, в прошлом...

— О каком прошлом мы говорим, Ричард?

— О восьмидесятых годах девятнадцатого столетия. Восьмидесятых и девяностых. Видишь ли...

Ричард замолчал. Его близорукие глаза прошлись по общей комнате — как предположил Джек, в поисках гусениц. Они еще не появились... пока. Но он видел, что кое-где на стенах проступают бурые пятна. Гусениц еще не было, однако ждать их появления оставалось недолго.

— Продолжай, Ричард, — подтолкнул Джек. — *Раньше* никому не приходилось тянуть тебя за язык.

Ричард чуть улыбнулся. Его взгляд вернулся к Джеку.

— Два последних десятилетия девятнадцатого века Спрингфилд был одним из трех или четырех крупнейших железнодорожных узлов Америки благодаря исключительно удачному географическому положению. — Он поднял правую руку к лицу, чтобы привычным жестом поправить очки, обнаружил, что их нет, и смущенно опустил руку. — Железнодорожные пути тянулись из Спрингфилда во все стороны света. Эта школа существует именно потому, что Эндрю Тэйер увидел потенциаль-

ные возможности Спрингфилда. Он нажил состояние на железнодорожных перевозках. Главным образом на западное побережье. Первым осознал, сколь выгодно перевозить товары по железной дороге не только на восток, но и на запад.

Яркий свет внезапно вспыхнул в голове Джека, залив все его мысли своим сиянием.

— На западное побережье? — Желудок дернулся. Джек еще не мог полностью осознать, что показывал ему этот яркий свет, но слово уже возникло в голове, четкое и ясное.

Талисман!

— Ты сказал, на западное побережье?

— Разумеется, сказал. — Ричард как-то странно посмотрел на своего друга. — Джек, ты глохнешь?

— Нет, — ответил Джек. *Спрингфилд был одним из трех или четырех крупнейших железнодорожных узлов Америки...* — Нет, я в порядке. — *Он первым осознал, сколь выгодно перевозить товары по железной дороге на запад...*

— Знаешь, твое лицо стало таким странным.

Он, можно сказать, первым осознал, сколь выгодно перевозить товары по железной дороге в Пограничье.

Джек знал, абсолютно точно знал, что Спрингфилд до сих пор является некоей узловой точкой, возможно, перевалочным пунктом. Может, именно по этой причине здесь так хорошо срабатывала магия Моргана.

— Здесь располагались углехранилища, и маневровые парки, и паровозные депо, и стоянки товарных вагонов, плюс миллиард миль путей и веток, — говорил Ричард. — Они занимали всю территорию школы Тэйера. Углубившись в землю на несколько футов, ты найдешь железнодорожные рельсы, шпалы, шлак и все такое. Но здешние железные дороги — далекое прошлое, за исключением этого маленького здания. Станции.

Разумеется, оно никогда не служило настоящей станцией. Сам видишь, слишком маленькое. В нем располагалась станционная контора, где работали начальник станции и его помощники.

— Ты чертовски много об этом знаешь, — механически отозвался Джек, голову которого по-прежнему заливал этот яркий, слепящий свет.

— Это часть традиций школы Тэйера, — пояснил Ричард.

— И как оно используется теперь?

— Там маленький театр. Для постановок драматического клуба. Но последние пару лет его деятельность заглохла.

— Думаешь, здание заперто?

— Да кому придет в голову запирать станцию? — удивился Ричард. — Или ты думаешь, что у кого-то может возникнуть мысль украсть декорации к постановке «Фантастикс» тысяча девятьсот семьдесят девятого года?

— Так мы можем попасть туда?

— Думаю, да. Но зачем...

Джек указал на дверь за столами для пинг-понга.

— А что там?

— Торговые автоматы. И микроволновая печь, чтобы разогревать замороженные обеды. *Джек...*

— Пошли.

— Джек, я думаю, у меня опять поднимается температура. — Ричард слабо улыбнулся. — Может, побудем здесь какое-то время? Можем на ночь устроиться на диванах...

— Видишь эти бурые пятна на стенах? — мрачно спросил Джек.

— Нет, без очков, разумеется, не вижу!

— Они есть. И примерно через час из них полезут белые гусеницы.

— Хорошо, пошли, — торопливо согласился Ричард.

10

Торговые автоматы воняли.

Похоже, весь товар испортился. Синяя плесень покрывала и сырные крекеры, и чипсы, и ломтики хлеба, и жареную свинину. Растаявшее мороженое сочилось из автомата «Возьми рожок».

Джек потянул Ричарда к окну. Выглянул. Отсюда он смог разглядеть станцию во всех подробностях. Увидел за ней сетчатый забор и уходящую из кампуса служебную дорогу.

— Выберемся в считанные секунды, — прошептал он, открыл защелку и поднял раму.

Эта школа существует именно потому, что Эндрю Тэйер увидел потенциальные возможности... А ты видишь потенциальные возможности, Джеки?

Он полагал, что да.

— Кто-нибудь из этих людей все еще там? — нервно спросил Ричард.

— Нет, — ответил Джек, небрежно глянув в окно. И действительно, были они там или нет, значения не имело.

Один из трех или четырех крупнейших железнодорожных узлов Америки... *нажил состояние на железнодорожных перевозках... главным образом на западное побережье... первым осознал, сколь выгодно перевозить товары по железной дороге на запад... запад... запад...*

В окно ворвалась густая вонь гниющих водорослей и продуктовой свалки. Джек перебросил ногу через подоконник и схватил Ричарда за руку.

— Пошли.

Ричард подался назад, его лицо вытянулось от страха.

— Джек... я не знаю...

— Тут все разваливается, а скоро поползут гусеницы. И не только. Пошли. Кто-нибудь заметит меня в этом окне, и мы потеряем шанс выскользнуть отсюда, как два мышонка.

— Я ничего не понимаю! — заверещал Ричард. — Я не понимаю, что тут, черт побери, происходит.

— Заткнись и вылезай из окна. Или я тебя здесь оставлю. Клянусь Богом, оставлю. Я тебя люблю, но моя мать умирает. Я тебя оставлю, и тебе самому придется заботиться о себе.

Ричард посмотрел на Джека и по выражению его лица — даже без очков — понял, что тот говорит правду. Взял его за руку.

— Господи, я боюсь, — прошептал он.

— Ты такой не один, — ответил Джек и спрыгнул на грязную траву. Через мгновение Ричард присоединился к нему.

— Мы должны пересечь лужайку и добраться до станции, — прошептал Джек. — Думаю, до нее ярдов пятьдесят. Если добежим и дверь будет открыта, спрячемся внутри, если дверь заперта, останемся у стены, которая смотрит на Нелсон-Хаус. Убедившись, что нас никто не видел и все спокойно...

— Пойдем к забору.

— Точно. — *А может, нам придется прыгнуть, но сейчас лучше об этом не думать.* — К служебной дороге. Я думаю, если мы сумеем выбраться из школы, все образуется. А когда пройдем четверть мили, ты, возможно, обернешься — и увидишь привычные огни в общежитиях и библиотеке.

— Это будет здорово. — Ричарду так этого хотелось, что у Джека защемило сердце.

— Ладно, ты готов?

— Пожалуй.

— Бежим к станции. Прижимаемся к стене с этой стороны. Пригибаемся, чтобы нас прикрыли кусты. Видишь их?

— Да.

— Хорошо... побежали!

И бок о бок они помчались от Нелсон-Хауса к станции.

11

Они пробежали меньше половины пути — дыхание белым паром вырывалось из ртов, ноги месили грязь, — когда в часовне беспорядочно зазвонили колокола. Им тут же ответил собачий хор.

Они вернулись, все эти оборотни. Джек поискал руку Ричарда и увидел, что Ричард тоже ищет его руку. Через мгновение их пальцы встретились.

Ричард закричал и потянул Джека влево. Рука Ричарда стискивала пальцы друга, пока не захрустели косточки. Поджарый белый волк, председатель Волчьего совета директоров, появился из-за станции и теперь со всех лап несся к ним. Тот самый старик из лимузина, подумал Джек. Остальные волки и собаки следовали за ним... и тут до Джека дошло — к горлу мгновенно подкатила тошнота, — что некоторые из них не собаки, а наполовину трансформировавшиеся подростки и взрослые (учителя, предположил он).

— *Мистер Дафри!* — взвизгнул Ричард, указывая свободной рукой. (*Вот это да! Для слепого ты видишь совсем неплохо, Ричи-бой*, подумал Джек.) — *Мистер Дафри! Господи, это мистер Дафри! Мистер Дафри! Мистер Дафри!*

Так Джек первый и единственный раз увидел директора школы Тэйера — миниатюрного старичка с седыми волосами, большим крючковатым носом и сморщенным волосатым телом мартышки с плеча шарманщика. Он ловко бежал на четвереньках среди собак и подростков, его академическая шапочка качалась на голове из стороны в сторону, упрямо отказываясь свалиться. Глядя на Джека с Ричардом, директор ухмылялся, а сквозь ухмылку торчал язык, длинный, свесившийся набок, в желтых никотиновых пятнах.

— *Мистер Дафри! Мистер Дафри! Господи! Мистер Дафри! Мистер Да...*

Ричард все яростнее тянул Джека влево. Джек силой и габаритами превосходил друга, но того охватила паника. Воздух сотрясли взрывы. Мерзкая вонь свалки усиливалась. Джек слышал, как лопаются пузыри продавившегося сквозь грязь болотного газа. Белый волк, возглавлявший стаю, стремительно приближался, и Ричард пытался увести их подальше, увести их к забору, и это было правильно — и одновременно неправильно. Они же хотели добраться до станции, а не до забора. Туда они стремились. Станция была их целью, потому что здесь находился один из трех или четырех крупнейших железнодорожных узлов Америки, потому что Эндрю Тэйер первым увидел потенциальные возможности перевозки товаров на запад по железной дороге, а теперь он, Джек Сойер, тоже разглядел этот потенциал. Разумеется, только на интуитивном уровне, но Джек уже понял, что в таких глобальных вопросах интуиция — единственное, чему можно доверять.

— *Отпусти своего пассажира, Слоут!* — злобно бормотал Дафри. — *Отпусти своего пассажира, он слишком красив для тебя!*

Но кто такой пассажир? — думал Джек в эти последние секунды, когда запаниковавший Ричард тупо пытался сбить их с пути истинного, а Джек тащил его за собой, к своре дворняг, и подростков, и учителей, которые бежали позади белого волка, к станции. *Я скажу вам, кто такой пассажир. Пассажир — это тот, кто едет. А где начинается поездка для пассажира? Конечно же, на станции...*

— Джек, он укусит! — крикнул Ричард.

Волк, бежавший впереди Дафри, оторвался от земли. Его пасть раскрылась, как медвежий капкан. За спинами Джека и Ричарда грохнуло: Нелсон-Хаус развалился, как гнилая дыня.

И теперь уже Джек изо всей силы сжимал руку Ричарда, сжимал крепко, еще крепче, крепче не бывает, а ночь

звенела обезумевшими колоколами, полыхала бензиновыми бомбами и взрывалась петардами.

— *Держись!* — прокричал Джек. — *Держись, Ричард, мы отправляемся!*

Он успел подумать: *Теперь роли переменились; теперь Ричард — стадо, Ричард — мой пассажир. Да поможет Бог нам обоим.*

— *Джек, что происходит?* — крикнул Ричард. — *Что ты делаешь? Прекрати! ПРЕКРАТИ! ПРЕК...*

Ричард еще кричал, но Джек больше не слышал его: внезапно чувство обреченности лопнуло, как черное яйцо, и разум залил свет, свет и чистейший воздух, такой чистый, что можно унюхать редиску, которую другой человек выдернул из земли в полумиле от тебя. Внезапно Джек почувствовал, что может оттолкнуться от земли и перепрыгнуть четырехугольный двор... или полететь, как летали те люди с закрепленными на спине крыльями.

Да, мерзкую вонь свалки сменили свет, и чистый воздух, и ощущение полета сквозь тьму, и на мгновение все внутри Джека засверкало, а вокруг *все радугой, радугой, радугой стало.*

Так Джек Сойер вновь прыгнул в Долины, на этот раз спасаясь бегством из рушащегося кампуса школы Тэйера, под звон треснувших колоколов и рычание собак.

И на этот раз он перетащил с собой Ричарда, сына Моргана Слоута.

ИНТЕРЛЮДИЯ
Слоут в этом мире/Оррис в Долинах (III)

Наутро после прыжка Джека и Ричарда в Долины из школы Тэйера, в самом начале восьмого, Морган Слоут подъехал к главным воротам школы. Припарковался,

бесстрастно глянув на табличку с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ ИНВАЛИДОВ». Сунул руку в карман, достал пузырек с кокаином, отсыпал немного, втянул носом. Через несколько мгновений мир стал ярче и светлей. Классный порошок. Слоут задался вопросом: а может, начать выращивать коку в Долинах? Вдруг качество станет еще выше?

Гарденер разбудил Слоута в его доме в Беверли-Хиллз в два часа ночи, чтобы сообщить о случившемся. В Спрингфилде как раз пробило полночь. Голос Гарденера дрожал. Он страшно боялся, что Морган впадет в ярость, и злился, потому что разминулся с Джеком Сойером менее чем на час.

— Этот мальчик... этот плохой, плохой мальчик...

Но Слоут не разъярился. Наоборот, остался предельно спокойным. Ощущение предопределенности заполнило Слоута, и он подозревал, что исходило оно от другой его ипостаси, которую он называл «ваше оррисчество», каламбуря по поводу высокого происхождения долинского Моргана.

— Сохраняй спокойствие, — услышал Гарденер. — Я подъеду как смогу быстро. Пока побудь там.

Слоут разорвал связь, прежде чем Гарденер успел произнести хоть слово, откинулся на подушки, сложил руки на животе и закрыл глаза. На мгновение стал невесомым... только на мгновение... а потом почувствовал, что движется, услышал скрип кожаной упряжи, стоны железных рессор, проклятия кучера.

Глаза он открыл Морганом из Орриса.

Как и всегда, прежде всего он ощутил невероятную радость: в сравнении с этим чувством кокаин тянул лишь на детский аспирин. Грудь стала уже, вес — меньше. Частота сердцебиения Моргана Слоута составляла восемьдесят пять ударов в минуту, увеличиваясь до ста двадцати, когда он злился. У Орриса частота сердцебиения редко

превышала шестьдесят пять ударов. Зрение Моргана Слоута соответствовало норме, Морган из Орриса видел куда лучше. Мог разглядеть каждую трещинку на борту дилижанса или насладиться тонкостью плетения занавесок, развевавшихся на окнах. Кокаин практически убил обоняние Слоута — нос Орриса идеально точно определял запахи земли и воздуха, мог выделить и распознать каждую молекулу.

В другом мире осталась пустая двуспальная кровать, еще хранящая отпечаток его крупного тела. Здесь он сидел на скамье-сиденье, более мягком, чем сиденье любого «роллс-ройса», и ехал на запад, к дальнему краю Пограничья, к месту, именуемому Пограничная станция. К человеку, которого звали Андерс. Он знал все это, точно знал, где находится, потому что Оррис по-прежнему был здесь, в его голове, говорил с ним, как правое полушарие мозга может говорить с рациональным левым по ходу Дневных грез, тихо, но совершенно разборчиво. Точно так же Слоут говорил с Оррисом, тем же тихим голосом, в считанных случаях, когда Оррис Мигрировал в — по определению Джека — американские Долины. Мигрировавший попадал в тело своего двойника, и результатом становился его мирный захват. Слоут читал о более насильственных захватах и, пусть эта тема не очень его интересовала, догадывался, что речь шла о вселении безумцев из других миров... а может, Америка сводила с ума тех, кто в ней появлялся. Такого исключать не следовало. Морган Слоут помнил, как этот мир подействовал на Моргана из Орриса в первые два или три визита: не только заинтересовал, но и привел в дикий ужас.

Дилижанс подбросило: в Пограничье дороги оставляли желать лучшего, но приходилось радоваться, что они вообще есть. Оррис уселся поудобнее: деформированная нога тупо ныла.

— Скачите прямо, да поколотит вас Бог! — крикнул над головой кучер. Щелкнул кнут. — Быстрее, сыновья сдохших шлюх! Быстрее!

Слоут улыбнулся от удовольствия, которое доставляло ему само пребывание в Долинах, хотя знал, что долго оно не продлится. Он уже выяснил все, что требовалось: голос Орриса успел нашептать. Дилижанс прибывал на Пограничную станцию (школу Тэйера в другом мире) задолго до рассвета. Они могли перехватить их там, если мальчишки замешкаются. Если нет — мальчишек ожидали Проклятые земли. У Моргана щемило сердце, и он злился при мысли о том, что Ричард сейчас с этим засранцем Сойером, но если требовалась жертва... что ж, Оррис потерял сына и пережил это.

Единственное, что позволяло Джеку до сих пор оставаться в живых, — отсутствие у него двойника: перемещаясь в другой мир, этот щенок всегда попадал в аналог того места, откуда прыгал. Слоут же всегда перемещался в тело Орриса, который мог находиться во многих милях... как и сегодня. Ему повезло на площадке для отдыха у Льюисбурга, но Сойеру удача улыбнулась еще шире.

— Твоя удача скоро сойдет на нет, мой маленький друг, — пробормотал Оррис. Дилижанс вновь подбросило. Оррис скорчил гримасу, *потом улыбнулся.* Так или иначе, ситуация упростится, даже если последняя схватка получится более масштабной.

Достаточно.

Он закрыл глаза и скрестил руки на груди. Еще мгновение чувствовал ноющую боль в деформированной ноге... а открыв глаза, уже смотрел на потолок своей спальни. Как и всегда, сердце отреагировало на обретение телом дополнительных фунтов удивленным ударом не в такт, а потом ускорило бег.

Слоут поднялся и позвонил в «Уэст коуст бизнес джет». Семьдесят минут спустя уже вылетал из международного

аэропорта Лос-Анджелеса. Крутой и резкий набор высоты вызвал у него привычные ощущения — словно ему в зад сунули паяльную лампу. В Спрингфилде они приземлились в пять пятьдесят утра по местному времени. Оррис уже подъезжал к Пограничной станции. Слоут арендовал в «Хертце» седан и поехал в школу Тэйера. Путешествие по Америке имело свои плюсы.

Он вылез из салона, когда зазвонили утренние колокола, и вошел в кампус школы Тэйера, который недавно покинул его сын.

Это раннее утро в школе Тэйера не отличалось от любого другого. Колокола выводили обычную утреннюю мелодию, что-то классическое, немного похожее на «Тебя, Бога, хвалим». Ученики проходили мимо Слоута, направляясь в столовую или в спортзал. Возможно, более молчаливые, чем обычно, бледные и немного огорошенные — словно ночью видели один и тот же тревожный сон.

Который, разумеется, они и видели, подумал Слоут. На мгновение он остановился перед Нелсон-Хаусом, задумчиво посмотрел на здание. Никто из них просто не знал, насколько нереальными они были, все существа, жившие вблизи тех мест, где утончалась перегородка между мирами. Слоут обошел угол и понаблюдал за уборщиком, собиравшим осколки стекла, усеявшие траву, как рассыпанные бриллианты. Поверх его согнутой спины можно было заглянуть в общую комнату Нелсон-Хауса, где сидел необычно тихий Альберт Брюхан и тупо смотрел мультфильм с Багзом Банни.

Слоут зашагал к станции, а его мысли вернулись к первому прыжку Орриса в этот мир. Он вспоминал об этом с ностальгией, что, если рассудить, выглядело смешно: в конце концов, он тогда чуть не умер. Они *оба* тогда чуть не умерли. Но случилось это в середине пятидесятых, а теперь ему самому перевалило за пятьдесят... и это две большие разницы.

Он возвращался домой из офиса, и солнце светило на Лос-Анджелес сквозь светло-пурпурную и туманно-желтую дымку: в те дни смог еще не окутал город. Слоут находился на бульваре Сансет, смотрел на рекламный щит, анонсировавший новый альбом Пегги Ли, когда почувствовал холод в голове, словно из подсознания забил родник и начал заливать все странностью, напоминающей... напоминающей...

(*сперму*)

...нет, он не мог в точности определить эту странность. Только она быстро теплела, обретала связность, и Слоут едва успел осознать, что это *он*, Оррис, а потом все пошло наперекосяк. Будто потайная дверца повернулась на шарнире — книжный шкаф с одной стороны, чиппендейловский комод с другой, и оба идеально подходят обстановке, — и вот уже Оррис сидит за рулем «форда» модели 1952 года, с обтекаемым капотом, Оррис в коричневом двубортном костюме и галстуке от Джона Пенске, Оррис, протягивающий руку к своей промежности, не от боли, а от любопытства. Ведь Оррис никогда в жизни не носил трусы.

В какой-то момент, он это помнил, «форд» едва не выехал на тротуар, и тогда Морган Слоут — выступавший уже вторым номером — взял управление автомобилем на себя, предоставив Оррису, едва не обезумевшему от счастья, возможность глазеть по сторонам. Морган Слоут тоже радовался, как человек, впервые показывающий другу свой новый дом и обнаруживающий, что дом этот нравится тому ничуть не меньше, чем хозяину.

Оррис заехал в ресторан для автомобилистов «Толстяк» и после некоторой неразберихи с моргановскими бумажными деньгами заказал гамбургер, и картофель фри, и шоколадный молочный коктейль. Со словами проблем не возникало, они лились легко, совсем как вода

из родника. Сначала Оррис откусил маленький кусочек, а потом умял гамбургер с той же скоростью, с какой Волк расправился со своим первым «Воппером». Одной рукой он сыпал в рот картофель фри, другой крутил диск радиоприемника, перескакивая с бибопа на Перри Комо, большие оркестры, блюзы. Он высосал коктейль и заказал все по второму разу.

На половине второго бургера его — Слоута, как и Орриса, — начало мутить. Внезапно жареный лук стал слишком острым и просто не лез в горло; внезапно все завоняло выхлопными газами. Кожа зудела. Он стянул пиджак (второй стакан молочного коктейля, уже кофейного, завалился набок, густое содержимое поползло на сиденье «форда»), взглянул на руки. Отвратительные красные пятна расплывались, сближаясь друг с другом. Скрутило живот. Он высунулся в окно и блеванул, почувствовав при этом, как Оррис выскакивает из него, возвращаясь в собственный мир.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, сэр?

— Гм-м-м? — Вырванный из раздумий, Слоут медленно повернулся. Перед ним стоял высокий светловолосый подросток, несомненно, старшеклассник, в приличествующем частной школе наряде: безупречно сшитый синий фланелевый блейзер поверх рубашки с отложным воротником и линялые джинсы.

Подросток откинул волосы со лба. В его глазах застыло уже знакомое Слоуту рассеянное, ошарашенное выражение.

— Я Этридж, сэр. Подумал, не нужна ли вам помощь? Вы выглядели... потерянным.

Слоут улыбнулся. Собрался ответить (но не ответил): *Нет, друг мой, это ты так выглядишь.* Он полагал, что все хорошо. Сойеровское отродье пока на свободе, но Слоут знал, куда Джеки направился, а это означало, что мальчишка на поводке. Невидимом, но все равно поводке.

— Потерянным в прошлом, ничего больше, — ответил он. — В давних временах. Я здесь не чужак, мистер Этридж, если вас это тревожит. Мой сын учится в этой школе. Ричард Слоут.

На мгновение огорошенности и недоумения в глазах подростка прибавилось. Потом они прояснились.

— Конечно же, Ричард! — воскликнул он.

— Я собираюсь зайти к директору. А пока решил немного прогуляться по территории.

— Да, конечно. — Этридж посмотрел на часы. — Этим утром я дежурю в столовой, поэтому, если вы уверены, что помощь вам не требуется...

— Я уверен.

Этридж кивнул, рассеянно улыбнулся и отбыл.

Слоут проводил его взглядом, потом посмотрел на лужайку, уходившую к Нелсон-Хаусу. Отметил разбитое окно. Прямое попадание. Пожалуй, он мог — чего там, имел полное право — предположить, что где-то между Нелсон-Хаусом и восьмиугольным кирпичным зданием двое мальчиков Мигрировали в Долины. При желании он мог последовать за ними. Шагнуть через порог станции — ведь замка на двери нет — и исчезнуть. Появиться в том месте, где сейчас Оррис. Он не так уж далеко. Может, уже перед станционным смотрителем. Это тебе не Мигрировать в точку, отстоящую на сотню миль от нужного тебе места, а потом преодолевать это расстояние в фургоне или, того хуже, на своих двоих.

Парни скорее всего уже отбыли. В Проклятые земли. Если так, Проклятые земли их прикончат. И двойник Лучезарного Гарденера, Осмонд, конечно же, сумеет выжать из Андерса всю информацию. Осмонд и его ужасный сын. Мигрировать нет никакого смысла.

Разве что посмотреть одним глазком. Получить удовольствие, вновь став Оррисом, хотя бы на несколько секунд.

И проверить, разумеется. Всю жизнь, с самого детства, ему приходилось все проверять.

Он огляделся, чтобы убедиться, что Этридж не крутится неподалеку, потом открыл дверь станции и вошел.

Его встретил затхлый, темный и невероятно ностальгический запах — старого грима и парусиновых декораций. На мгновение у Слоута мелькнула дикая мысль, что он сумел не просто Мигрировать, а перенесся в далекое прошлое, в студенческие дни, когда они с Филом Сойером безумно увлекались театром.

Потом глаза привыкли к темноте, он увидел незнакомую, почти приторную бутафорию — гипсовый бюст Паллады для постановки «Ворона», золоченую птичью клетку, книжный шкаф с нарисованными корешками книг — и вспомнил, что находится в так называемом маленьком театре школы Тэйера.

Слоут постоял, глубоко вдыхая пыль. Его взгляд остановился на одном пыльном лучике, падавшем сквозь маленькое окошко. Свет заколебался, потом внезапно стал более насыщенным, как от настольной лампы. Слоут перенесся в Долины. В мгновение ока — раз, и перенесся в Долины. Скорость этой Миграции его восхитила. Обычно возникала пауза, ощущение перехода из одного места в другое. Пауза эта, похоже, находилась в прямой зависимости от расстояния между физическими телами двух его ипостасей, Слоута и Орриса. Однажды, когда он Мигрировал из Японии, куда прилетел на переговоры с руководством киностудии «Шао бразерс» о правах на экранизацию ужасного романа о голливудских звездах, которым угрожал обезумевший ниндзя, пауза тянулась так долго, что он испугался, что навечно затерялся в пустоте между мирами. Но на этот раз они находились близко... так близко! Похоже на те редкие случаи, подумал он,

(*подумал Оррис*)

когда мужчина и женщина одновременно достигают оргазма и растворяются в сексе.

Запах сухой краски и парусины сменился легким и приятным запахом долинского осветительного масла.

Лампа на столе едва тлела, чадя темными лентами дыма. На другом столе, слева от него, стояли глиняные тарелки с остатками еды. Три тарелки.

Оррис шагнул вперед, как обычно, чуть подволакивая деформированную ногу, поднял одну из тарелок, позволил мерцающему свету поиграть на пятнах жира. Кто ел с этой тарелки? Андерс, или Джейсон, или Ричард... *парень, который также был бы Раштоном, если бы мой сын не умер.*

Раштон утонул, плавая в пруду неподалеку от Большого дворца. Они устроили пикник. Оррис и его жена выпили много вина. Солнце припекало. Мальчик, он едва начал ходить, спал. Оррис и его жена занялись любовью, потом тоже заснули под теплым послеполуденным солнцем. Орриса разбудили крики ребенка. Раштон проснулся первым и пошел к воде. Отплыл от берега по-собачьи, недалеко, но оказался на глубине и запаниковал. Оррис захромал к воде, поплыл к тому месту, где бултыхался малыш. Нога, эта проклятая нога, тормозила его, и, возможно, промедление стоило Раштону жизни. Когда Оррис добрался до ребенка, тот уже ушел под воду. Оррис ухватил его за волосы и вытащил на берег... но Раштон уже посинел и умер.

Шестью неделями позже Маргарет покончила с собой.

А через семь месяцев после этого юный сын Моргана Слоута едва не утонул в расположенном в Уэствуде бассейне Ассоциации молодых христиан, где его учили плавать. Ричарда вытащили из воды таким же синим и мертвым, как Раштона... но спасатель применил искусственное дыхание рот в рот, и Ричард Слоут задышал.

Бог заколачивает свои гвозди, подумал Оррис, а потом повернул голову на громкий храп.

Андерс, станционный смотритель, лежал на соломенном тюфяке в углу, его килт задрался до самых ягодиц. Рядом Оррис увидел перевернутый кувшин вина. Немалая его часть вылилась на волосы Андерса.

Андерс вновь всхрапнул. Потом застонал. Будто ему снился дурной сон.

Ни один сон не может быть таким дурным, как твое ближайшее будущее, мрачно подумал Оррис. Он приблизился на шаг, запахнув плащ и без жалости глядя на Андерса.

Слоут мог планировать убийство, но именно Оррис раз за разом Мигрировал, чтобы реализовать эти планы. Именно Оррис в теле Моргана пытался задушить Джека Сойера подушкой под восторженные крики комментатора матча по реслингу. Оррис организовал убийство Фила Сойера в Юте (как организовал и убийство в Долинах двойника Фила Сойера, этого простолюдина, принца Филипа Сотеля).

Слоут жаждал крови, но органически ее не выносил, как Оррис не выносил американские еду и воздух. Именно Морган из Орриса, которого когда-то называли Морган Костяная Нога, обращал в явь все планы Слоута.

Мой сын умер; его живет. Сын Сотеля умер. Сойера живет. Но все это поправимо. И будет поправлено. Никакого вам Талисмана, мои сладенькие юные друзья. Вас ждет радиоактивная версия Оутли, и каждый из вас должен уравновесить весы смертью. Бог заколачивает свои гвозди.

— А если Бог не заколотит, будьте уверены, заколочу я! — воскликнул он.

Мужчина на полу застонал вновь, словно услышал Орриса. Тот приблизился еще на шаг, возможно, для того, чтобы разбудить смотрителя пинком, потом склонил голову набок. Издалека доносились стук копыт, слабое поскрипывание упряжи, грубые крики всадников.

Должно быть, Осмонд. Хорошо. Пусть Осмонд займется этим делом — ему не хотелось допрашивать мучающегося похмельем человека, когда он и так знал, что тот может сказать.

Оррис захромал к двери, открыл ее, взглянул на великолепный персиковый долинский рассвет. Именно оттуда — с рассвета — приближались всадники. Несколько мгновений он позволил себе наслаждаться этим великолепным заревом, а потом повернулся на запад, где небо цветом по-прежнему напоминало свежий синяк. И земля оставалась темной, за исключением тех мест, где первые солнечные лучи отражались от рельсов, уходивших вдаль сверкающих параллельных линий.

Мальчики, вы уехали навстречу смерти, удовлетворенно подумал Оррис, а потом ему в голову пришла еще более приятная мысль: возможно, они *уже* мертвы.

— Хорошо, — произнес Оррис и закрыл глаза.

Через мгновение Морган Слоут, сжимавший ручку двери маленького театра школы Тэйера, открыл глаза, планируя обратную поездку на западное побережье.

Возможно, пришло время отправиться в недавнее прошлое, подумал он. *В калифорнийский городок Пойнт-Венути. Пожалуй, сначала на восток — визит к королеве, — а после этого...*

— Морской воздух пойдет мне на пользу, — сообщил он бюсту Паллады.

Сунул руку в карман, нюхнул из маленького пузырька (теперь запахи парусины и грима совсем не чувствовались) и, взбодрившийся, зашагал обратно к автомобилю.

Часть четвертая
ТАЛИСМАН

Глава 34
АНДЕРС

1

Джек внезапно осознал, что бежит по воздуху, совсем как мультяшный персонаж, который успевает изумленно оглядеться, после чего падает с высоты две тысячи футов. Но им две тысячи футов лететь не пришлось. Джеку хватило времени — на пределе, — чтобы сообразить, что земли под ногами действительно нет, но упал он с высоты не более пяти футов. Покачнулся и смог бы устоять на ногах, если бы в него не врезался Ричард.

— *Смотри, Джек!* — крикнул Ричард, но сам собственному совету следовать не собирался: его глаза оставались закрытыми. — Берегись волка! Берегись мистера Дафри! Берегись...

— Прекрати, Ричард! — Эти отчаянные крики пугали Джека сильнее всего. Судя по ним, Ричард обезумел, окончательно и бесповоротно. — Прекрати, все хорошо! Их больше нет!

— *Остерегайся Этриджа, Джек! Остерегайся гусениц! Остерегайся, Джек!*

— Ричард, их нет! Оглянись вокруг, ради Джейсона! — Джек еще не успел сделать это сам, но знал, что они в До-

линах, где воздух чист и сладок, а ночь тиха, если не считать шелеста то ли травы, то ли листвы под легким и божественно теплым ветерком.

— Остерегайся, Джек! Остерегайся, Джек! Остерегайся, Джек! Остерегайся...

Словно дурное эхо, в голове зазвучали голоса псов-подростков: *Проспайся, проспайся, проспайся! Пожалста, пожалста, пожалста!*

— Остерегайся, Джек! — не унимался Ричард. Он уткнулся лицом в землю и напоминал усердного мусульманина, полного решимости произвести хорошее впечатление на Аллаха. — ОСТЕРЕГАЙСЯ! ВОЛК! УЧЕНИКИ! ДИРЕКТОР! ОСТЕРЕГ...

Испугавшись, что Ричард в самом деле рехнулся, Джек схватил его за воротник рубашки, дернул вверх и отвесил пощечину.

Крики как отрезало. Ричард вытаращился на Джека, и тот увидел отпечаток своей ладони на бледной щеке, мутно-красную татуировку. Стыд, который он испытывал, уступил место любопытству: хотелось знать, где они находятся. Света хватало — иначе он бы не смог разглядеть отметину на щеке Ричарда.

Хотя в глубине души он и так знал, куда им удалось добраться.

Пограничье, Джеки. Теперь ты в Пограничье.

Но прежде чем уточнять их конкретное местоположение, следовало разобраться с психическим состоянием Ричарда.

— Ты в порядке, Ричи?

Тот смотрел на Джека с изумлением и обидой.

— Ты ударил меня, Джек.

— Влепил тебе пощечину. Так обычно приводят в чувство впавших в истерику.

— Я не впал в истерику. Я никогда в жизни не впадал в ис... — Ричард замолчал, вскочил на ноги, принялся огляды-

ваться. — Волк! Мы должны остерегаться волка, Джек! Если сможем перелезть через забор, ему до нас не добраться!

И он побежал бы в темноту, к высоченному забору, который в этом мире заменил сетчатую ограду, если бы Джек не схватил друга, удержав на месте.

— Волка больше нет, Ричард.

— Что?

— Мы это сделали.

— О чем ты гово...

— Это Долины, Ричард. Мы в Долинах! Прыгнули сюда! — *И при этом ты чуть не вырвал мне руку из сустава*, подумал Джек, потирая гудящее плечо. *В следующий раз возьму с собой настоящего малолетку, который верит в Санта-Клауса и Пасхального зайца.*

— Это нелепо, — медленно произнес Ричард. — Никаких Долин не существует, Джек.

— Если не существует, — мрачно ответил Джек, — почему большой белый волк или твой чертов директор не кусает тебя за зад?

Ричард посмотрел на Джека, открыл рот, чтобы что-то сказать, закрыл. Вновь огляделся, на этот раз с большим вниманием (во всяком случае, Джек на это надеялся). Джек последовал его примеру, наслаждаясь теплом и чистотой воздуха. Морган со сворой чудовищ могли появиться здесь в любую секунду, но Джек не мог не насладиться радостью возвращения в этот мир.

Они находились на поле. Высокая желтоватая трава с колосьями на концах — не пшеница, но что-то похожее на нее, какой-то съедобный злак — тянулась в ночь во все стороны. Под теплым ветерком она пригибалась, шла таинственными, красивыми волнами. Справа на невысоком холме стояло деревянное здание, перед ним на шесте висел зажженный фонарь. Яркое, слепящее глаза желтое пламя горело в стеклянном шаре. Джек видел, что здание восьмиугольное. Они появились в Долинах на самой гра-

нице круга света, отбрасываемого фонарем, а на противоположной границе этого круга блестело что-то металлическое. Джек всмотрелся в этот слабый серебристый отблеск... и все понял. Не столько изумился, как обрадовался: его ожидания оправдались. Словно две очень большие части пазла, одна в Америке, другая в Долинах, только что сложились в единое целое.

Он видел перед собой железнодорожные пути. И хотя в темноте не представлялось возможным определить их направление, Джек догадывался, куда они вели.

На запад.

2

— Пошли.

— Я не хочу туда идти, — покачал головой Ричард.

— Почему?

— Вокруг слишком много безумия. — Ричард облизнул губы. — В этом здании может быть кто угодно. Собаки. Психи. — Он вновь облизнул губы. — Гусеницы.

— Я же сказал тебе, мы в Долинах. Безумие осталось там — здесь все чисто. Черт, Ричард, неужели ты этого не ощущаешь?

— Никаких *Долин* не существует, — пронзительным голосом ответил Ричард.

— А ты оглянись вокруг.

— Нет! — взвизгнул Ричард, словно разозленный упрямый ребенок.

Джек схватил в кулак и сорвал несколько колосьев.

— Посмотри на это!

Ричард отвернулся.

Джек едва подавил желание как следует его встряхнуть.

Вместо этого отбросил колосья, мысленно сосчитал до десяти, а потом двинулся вверх по склону холма. Посмотрел на ноги и увидел, что на нем что-то вроде кожаных

чапсов. Ричард был одет так же, а на шее у него красовалась алая бандана, словно сошедшая с полотна Фредерика Ремингтона. Джек поднял руку и нащупал у себя на шее такую же бандану. Пробежался руками по телу и обнаружил, что удивительно теплое пальто Майлза П. Кайгера превратилось в некое подобие мексиканского пончо. *Похоже, я выгляжу живой рекламой «Тако белл»*, подумал Джек и усмехнулся.

Жуткая паника отразилась на лице Ричарда, когда он увидел, что Джек поднимается по склону холма.

— Куда ты идешь?

Джек посмотрел на друга и вернулся. Положил руки на плечи Ричарда, заглянул ему в глаза.

— Мы не можем здесь оставаться. Кто-то из них видел, как мы прыгнули. Может, они способны последовать за нами, может, и нет. Я этого не знаю. О законах перехода мне известно не больше, чем детсадовцу о магнетизме, а именно: иногда магниты притягиваются, а иногда отталкиваются. И на данный момент это все, что мне надо знать. Мы должны убираться отсюда. Вот и весь разговор.

— Мне это снится. Я знаю, что снится.

Джек мотнул головой в сторону ветхого деревянного здания:

— Ты можешь пойти туда или остаться здесь. Если хочешь остаться, я проверю, что там, и вернусь за тобой.

— Ничего этого нет. — Лишенные очков, беззащитные, широко распахнутые глаза Ричарда словно припорошила пыль. На мгновение он вскинул их к темному небу Долин со странными, незнакомыми созвездиями, содрогнулся, отвел взгляд в сторону. — У меня температура. Грипп. В школе многие болеют. Это бред. А ты — его приглашенная звезда, Джек.

— Ладно, при первой возможности пошлю кого-нибудь в Гильдию бредовых актеров с моей визиткой, —

ответил Джек. — А пока почему бы тебе не остаться здесь, Ричард? Если ничего этого не происходит, тебе не о чем волноваться.

Джек вновь двинулся по склону, думая, что еще несколько таких разговоров с Ричардом, как у Алисы с Мартовским зайцем, — и он придет к выводу, что тоже съехал с катушек.

Он уже преодолел половину склона, когда Ричард присоединился к нему.

— Я бы вернулся за тобой.

— Знаю, но я подумал, что мне лучше пойти с тобой. Раз уж все это происходит во сне.

— Ладно, только молчи, на случай если там кто-то есть. Я думаю, что есть. По-моему, я видел, как кто-то смотрит на нас в окно.

— И что ты собираешься делать? — спросил Ричард.

Джек улыбнулся.

— Импровизировать, Ричи-бой. Так я делал с того самого момента, как покинул Нью-Хэмпшир. Действовать по обстоятельствам.

3

Они подошли к крыльцу. Ричард, вновь охваченный паникой, схватил Джека за плечо. Джек устало повернулся к другу. Фирменные захваты Ричарда ему уже приелись.

— Что теперь?

— Это точно сон, и я могу это доказать.

— Как?

— Мы больше не говорим на английском, Джек! Мы говорим на каком-то языке, и мы говорим на нем идеально, но это не английский.

— Да, — кивнул Джек. — Странно, не правда ли?

И начал подниматься по ступеням, оставив разинувшего рот Ричарда внизу.

4

Через пару мгновений Ричард опомнился и поспешил вслед за Джеком. Доски ступеней покоробились и растрескались, сквозь щели пробивались колосья травы. Из темноты под крыльцом доносилось сонное гудение насекомых — не резкий стрекот цикад, а какие-то более мягкие звуки. *Здесь все мягче*, подумал Джек.

Фонарь теперь находился за их спинами, так что их тени сначала легли на крыльцо, а потом переметнулись на дверь. Сперва Джеку показалось, что старая, выцветшая надпись на двери составлена кириллическими буквами и не поддается расшифровке. Затем он присмотрелся и безо всякого удивления прочел: «Станция».

Джек поднял руку, чтобы постучать, но передумал. Нет. Стучать он не будет. Это не частное жилище. На двери было написано «СТАНЦИЯ», а это слово ассоциировалось у него с общественными помещениями: залами, где пассажиры ожидают прибытия автобусов «Грейхаунд» и поездов «Амтрак», и зонами вылета аэропортов.

Он толкнул дверь. Дружелюбный свет лампы и определенно не дружелюбное приветствие выплеснулись на крыльцо одновременно.

— *Убирайся, дьявол!* — проскрипел надтреснутый голос. — *Убирайся, я уеду утром! Клянусь. Поезд в сарае! Убирайся! Я поклялся, что уеду, и я уеду, так что убирайся... убирайся и оставь меня в покое!*

Джек нахмурился. Ричард стоял разинув рот. Перед ними была чистенькая, но очень старая комната. Доски сильно покоробились, и стены, казалось, шли рябью. На одной стене висела картина с изображением почтовой кареты, такой большой, что она напоминала китобойный корабль. Древний прилавок из таких же покоробленных досок делил комнату пополам. За ним на дальней стене висела грифельная доска с надписью «ПРИБЫТИЕ КА-

РЕТЫ» над одной колонкой и «ОТПРАВЛЕНИЕ КАРЕТЫ» — над другой. Глядя на древнюю доску, Джек понял, что на ней давно уже ничего не писали. Подумал: *А попытайся кто написать на ней что-нибудь мелом, она осыплется мелкими кусочками на истертый пол.*

С одной стороны прилавка стояли самые большие песочные часы, какие Джеку доводилось видеть; каждая колба была размером с бутылку шампанского, а нижнюю заполнял зеленый песок.

— Оставь меня в покое, слышишь? Я обещал, что уеду, и я уеду! Пожалуйста, Морган! Прояви милосердие! Я обещал, и если ты мне не веришь, загляни в сарай! Поезд готов, я клянусь, поезд готов!

Голос не утихал. Его владелец, крупный пожилой мужчина, забился в дальний правый угол комнаты. Джек предположил, что рост раболепно ссутулившегося старика составлял никак не меньше шести футов трех дюймов — макушка почти касалась низкого потолка станции. Старику могло быть семьдесят, а может, и восемьдесят лет. Снежно-белая борода начиналась чуть ниже глаз и каскадом спускалась на грудь. Когда-то широкие плечи заметно сгорбились, словно старик долгие годы таскал тяжести. Сеть глубоких морщинок расходилась от уголков глаз, еще более глубокие морщины прорезали лоб. Кожа цветом напоминала желтоватый воск. Старик носил белый килт с ярко-красными нитями, и чувствовалось, что бедолага испуган до смерти. Он потрясал толстым посохом, но едва ли мог кого испугать.

Джек резко повернулся к Ричарду, когда старик упомянул имя его отца, но тому было не до подобных мелочей.

— Я не тот, за кого ты меня принимаешь. — Джек шагнул вперед.

— Уходи! — взвизгнул старик. *— Не желаю слушать! Дьявол умеет скрываться за ангельским лицом! Убирайся! Я все сделаю! Поезд готов к отбытию ранним утром! Я сказал, что сделаю, и так и будет, а теперь уходи!*

Рюкзак, превратившийся в заплечный мешок, висел на руке Джека. Подойдя к прилавку, он порылся в мешке, отодвинув в сторону зеркало и денежные деревяшки. Наконец пальцы нащупали искомое. Монету, которую давным-давно дал ему капитан Фаррен, с профилем королевы на одной стороне и грифоном на другой. Джек бросил монету на прилавок, и мягкий свет комнаты заиграл на очаровательном профиле Лауры Делессиан: Джека вновь поразило сходство королевы с его матерью. *Они с самого начала выглядели такими похожими? А может, схожесть увеличивается оттого, что я много об этом думаю? Или я действительно каким-то образом свожу их профили воедино, превращая в один?*

Когда Джек двинулся к прилавку, старик вжался в стену. Казалось, еще немного, и он просто продавит ее и вывалится наружу. Слова лились истеричным потоком. Но когда Джек бросил монету на прилавок, как требующий выпивки злодей в вестерне, старик внезапно замолчал. Уставился на монету, его глаза округлились, блестящие слюной уголки рта задрожали. Широко раскрывшиеся глаза поднялись к лицу Джека, и впервые старик разглядел его.

— Джейсон, — прошептал он дрожащим голосом. Даже одно это слово далось ему с трудом, а ведь он только что трещал как сорока. Теперь старик дрожал не от страха, а от благоговения. — Джейсон!

— Нет, — ответил Джек. — Меня зовут... — Тут он замолчал, осознав, что на этом странном языке его имя не *Джек*, а...

— *Джейсон!* — вскричал старик и упал на колени. — Джейсон, ты пришел! Ты пришел, и теперь все будет хорошо, да, все будет хорошо! Всем нам будет хорошо, все будет хорошо!

— Эй! — воскликнул Джек. — Эй, послушайте...

— *Джейсон! Джейсон пришел, и королева поправится, да, и все будет хорошо!*

Слезливое обожание старого станционного смотрителя поставило Джека в еще более неловкое положение, чем крикливый страх. Он повернулся к Ричарду... но с этой стороны помощи ждать не приходилось. Ричард распластался на полу слева от двери и то ли заснул, то ли чертовски хорошо притворился.

— Вот блин, — простонал Джек.

Старик по-прежнему стоял на коленях, что-то бормотал и плакал. Ситуация из просто нелепой быстро превращалась в невообразимо комичную. Джек нашел откидную крышку и шагнул за прилавок.

— Э... поднимись, мой добрый и верный слуга. — Произнося эти слова, он задавался вопросом, а сталкивались ли с подобными проблемами Иисус и Будда. — Встань, друг мой.

— Джейсон! Джейсон! — зарыдал старик и, метя белыми волосами по полу, принялся целовать обутые в сандалии ноги Джека, не прикасаться губами, а звонко чмокать, как любовник на сеновале. Джек начал хихикать. Ему удалось вытащить их из Иллинойса, они попали в полуразвалившуюся станцию где-то в Пограничье, посреди огромного поля пшеницы, которая не была пшеницей, и теперь Ричард спит на полу, а этот странный старик целует ему, Джеку, ноги, одновременно щекоча их своей бородой.

— Встань! — смеясь, вскричал Джек. Попытался сделать шаг назад, но наткнулся на прилавок. — Встань, о добрый слуга! Поднимайся на свои чертовы ноги, хватит уже!

— *Джейсон!* — Чмок! — *Все сделается хорошо!* — Чмок-чмок!

Но все разрешится и сделается хорошо, подумал Джек, смеясь, а старик страстно целовал ему пальцы через сандалии. *Не знал, что в Долинах читают Роберта Бернса*...*

Чмок-чмок-чмок.

---

* На самом деле Джек цитирует стихотворение Т.С. Элиота «Литтл Гиддинг» (перевод А. Сергеева).

Нет, хватит, я больше этого не вынесу.

— ВСТАНЬ! — взревел Джек во весь голос, и старик наконец-то поднялся, трясясь и плача, не смея встретиться с Джеком взглядом. Но его невероятно широкие плечи чуть распрямились, и он уже не выглядел таким несчастным. Джека это, несомненно, порадовало.

5

Прошло около часа, прежде чем разговор со стариком стал более-менее связным. Они начинали говорить, а потом Андерс, бывший кучер, сбивался на очередное *о-Джейсон-мой-Джейсон-как-ты-велик*, и Джеку приходилось быстро его успокаивать, пока дело не дошло до целования ног. Джеку старик нравился, и он ему сочувствовал. Он представил себе, какие ощущения вызвало бы у него появление Христа или Будды на местной автомойке или в школьной столовой. И Джеку пришлось признать еще один очевидный факт: отчасти его не удивило такое отношение Андерса. Он оставался Джеком — но все больше и больше чувствовал себя... тем, другим.

Но тот умер.

Да, без всяких сомнений. Джейсон умер, и Морган из Орриса скорее всего приложил руку к его смерти. Но такие, как Джейсон, могут найти способ вернуться, не правда ли?

Джек полагал, что время, которое потребовалось Андерсу для того, чтобы освоиться в его обществе, потрачено не зря, хотя бы потому, что Ричард действительно заснул, даже если поначалу только притворялся спящим. И Джека это вполне устраивало, потому что Андерс много чего наговорил о Моргане.

Когда-то, поведал он, здесь была конечная почтовая станция в известном мире. С благозвучным названием «Пограничная станция». А за ней начиналось чудовищное место.

— В каком смысле — чудовищное? — спросил Джек.

— Я не знаю, — ответил Андерс, раскуривая трубку. Он смотрел в темноту, лицо его стало мрачным. — О Проклятых землях рассказывают много историй, все они отличаются друг от друга, но все начинаются словами: «Я знаком с человеком, который встретил человека, заблудившегося на краю Проклятых земель. Он бродил там три дня и говорит...» Но я ни разу не слышал истории, начинавшейся со слов: «Я заблудился на краю Проклятых земель. Бродил там три дня и могу сказать...» Ты чувствуешь разницу, Джейсон, мой господин?

— Чувствую, — медленно ответил Джек. Проклятые земли. От одного этого названия волосы на теле вставали дыбом. — Так никто не знает, каковы они на самом деле?

— Точно — нет, — ответил Андерс. — Но даже если четверть услышанного мной — правда...

— И что ты слышал?

— Там такая жуть, что в сравнении с ней рудные Ямы Орриса кажутся чем-то нормальным. Шары огня катятся через холмы и равнины, оставляя за собой длинные черные следы. Но черные только днем, а ночью, если верить тому, что я слышал, они светятся. И если человек слишком близко подходит к такому шару, его настигает страшная болезнь. Он теряет волосы, тело покрывается язвами, а потом его начинает рвать. Иногда ему становится лучше, но чаще его рвет и рвет, пока у него не разрывается желудок и не лопается горло. А потом...

Тут Андерс вскочил.

— Мой господин! Почему ты так выглядишь? Увидел что-то в окне? Что-то испугало тебя на этих дважды проклятых рельсах?

И старик в ужасе повернулся к окну.

Лучевая болезнь, думал Джек. *Сам того не зная, он точно описал едва ли не все симптомы лучевой болезни.*

В прошлом году на уроках физики они изучали ядерное оружие и последствия радиоактивного заражения... а поскольку мать Джека участвовала, пусть и не особенно активно, в движениях против испытаний ядерного оружия и строительства новых атомных станций, он к этим темам отнесся очень внимательно.

Радиоактивное заражение в полной мере соответствует названию Проклятые земли, подумал он. И тут же осознал кое-что еще: к западу отсюда велись первые испытания ядерного оружия. Именно там установили на башне и взорвали прототип бомбы, сброшенной на Хиросиму. Да еще построили город, населенный манекенами, который этот взрыв и уничтожил, чтобы армия смогла более-менее точно оценить, к чему приводит атомный взрыв и вызываемый им огненный смерч. Потом они вернулись в Юту и Неваду и продолжили испытания под землей. Джек знал, что там находятся обширные пустоши, принадлежащие государству, все эти нагромождения холмов, плоских гор и ущелий, где испытывались не только бомбы.

И сколько этой дряни Слоут перетащит сюда, если королева умрет? Сколько *уже* перетащил? Эта почтово-железнодорожная станция — составная часть транспортной системы для перетаскивания?

— Ты плохо выглядишь, мой господин, очень плохо. Побледнел как полотно. Готов поклясться, что побледнел.

— Все нормально, — медленно ответил Джек. — Сядь. Продолжи свой рассказ. И раскури трубку, она погасла.

Андерс вынул трубку изо рта, раскурил, вновь перевел взгляд от Джека к окну... но теперь его лицо изменилось: оно осунулось от страха.

— Однако я достаточно скоро узнаю, правдивы ли эти истории.

— Каким образом?

— Завтра утром, с рассветом, я отправляюсь в Проклятые земли, — ответил Андерс. — Я поеду через Проклятые

земли, поведу дьявольскую машину Моргана из Орриса, которая стоит сейчас в сарае, и повезу отвратительные дьявольские поделки, о предназначении которых знает только Бог.

Джек смотрел на старика, его сердце гулко билось, кровь шумела в ушах.

— Куда? Как далеко? К океану? К большой воде?

Андерс медленно кивнул:

— Точно. К воде. И... — Голос его упал до едва слышного шепота, взгляд метнулся к темным окнам, словно он боялся, что какая-то тварь могла притаиться с другой стороны, наблюдать, подслушивать. — И там Морган встретит меня, и мы отнесем его добро.

— Отнесете куда?

— В черный отель, — дрожащим шепотом закончил Андерс.

6

Джек едва подавил желание расхохотаться. «Черный отель» — прямо-таки название мрачного триллера. Однако... однако... вся эта история началась в отеле, правильно? В «Альгамбре», штат *Нью-Хэмпшир, на берегу Атлан*тического океана. А теперь появился другой отель, возможно, такая же викторианская громадина, но на побережье Тихого океана. Может, там и должно закончиться его длинное необычное путешествие? В некоем аналоге «Альгамбры», по соседству с занюханным парком развлечений? Идея казалась очень убедительной; она укладывалась в один ряд с двойниками и двойственностью...

— Почему ты так смотришь на меня, мой господин?

Чувствовалось, что Андерс взволнован и расстроен. Джек быстро отвел глаза.

— Извини. Просто задумался.

Он ободряюще улыбнулся, и бывший кучер ответил робкой улыбкой.

— И я хочу, чтобы ты перестал меня так называть.

— Называть как, мой господин?

— Мой господин.

— Мой господин? — На лице Андерса отразилось недоумение. Он не повторял последние слова Джека, а просил разъяснения. И Джек понял, что надо закрыть эту тему, иначе они будут до бесконечности пытаться понять друг друга.

— Не важно. — Он наклонился вперед. — Я хочу, чтобы ты рассказал мне все. Сможешь это сделать?

— Я постараюсь, мой господин, — ответил Андерс.

7

Поначалу слова давались ему с трудом. Практически вся его одинокая жизнь прошла в Пограничье, и он не привык к разговорам. А теперь ему приказывал говорить подросток, в котором он видел особу королевской крови, если не бога. Но мало-помалу слова потекли свободнее, и к концу его недостаточно полного, однако невероятно будоражащего рассказа полились потоком. Джек без труда следовал за нитью повествования, несмотря на выговор старика, который в голове мальчика легко трансформировался в картавость, свойственную уроженцам Шотландии, родины Роберта Бернса.

Андерс знал Моргана, потому что Морган был, попросту говоря, Владыкой Пограничья. Его настоящий титул, Морган Оррисский, звучал не так гордо, но в реальной жизни оба значили одно и то же. Оррис, самое восточное поселение Пограничья, представлял собой наиболее цивилизованную часть этих огромных травянистых равнин. Поскольку Морган безраздельно правил Оррисом, ему принадлежала власть и в Пограничье, потому что никто не

мог поставить ее под сомнение. Более того, в последние пятнадцать лет к Моргану потянулись Волки. Поначалу это значения не имело, к нему приходили считанные плохие Волки (слово, которое употребил Андерс, для Джека прозвучало как «бешеные»). Но с годами их все прибавлялось, и Андерс слышал разговоры о том, что болезнь королевы ускорила процесс, и теперь больше половины племени этих пастухов-оборотней подхватили болезнь, заставившую их забыть о верности королеве. По словам Андерса, служили Моргану и другие твари, похуже бешеных Волков. Рассказывали, что некоторые из них способны свести человека с ума одним взглядом.

Джек подумал об Элрое, страшилище из «Бара Апдайка в Оутли», и содрогнулся.

— Та часть Пограничья, в которой мы находимся, имеет какое-то название? — спросил Джек.

— Мой господин?

— Место, где мы сейчас.

— Устоявшегося названия нет, мой господин, но я слышал, как люди называли это место Эллис-Брикс.

— Эллис-Брикс, — повторил Джек. У него в голове наконец начала складываться картина географии Долин, пусть неопределенная и скорее всего не всегда соответствующая действительности. Какая-то часть Долин соотносилась с восточным побережьем Соединенных Штатов; Пограничье, судя по всему, являлось аналогом Среднего Запада Америки и Великих равнин (Эллис-Брикс? Иллинойс? Небраска?), а Проклятые земли — американского Запада.

Он так долго и пристально смотрел на Андерса, что тот вновь беспокойно заерзал.

— Извини. Продолжай.

Его отец, рассказал Андерс, был последним кучером почтовой кареты, который ездил на восток от Пограничной станции. Андерс тогда ходил у него в подмас-

терьях. Но даже в те дни, говорил он, смута и беспорядки сотрясали восток. Начало им положили убийство старого короля и последовавшая за этим короткая война. Война закончилась восхождением на престол доброй королевы Лауры, но полного спокойствия это не принесло, беспорядки никуда не делись, и источником их стали жуткие Проклятые земли; оттуда волнения выплескивались на восток, продвигаясь все дальше. Некоторые, говорил Андерс, верили, что источник зла находится на западе.

— Не уверен, что понимаю тебя. — Однако в глубине души Джек все понимал.

— На краю земли, — пояснил Андерс. — У большой воды, к которой я должен добраться.

Другими словами, все началось в некоем месте, откуда пришел мой отец... мой отец, и я, и Ричард... и Морган. Старина Блоут.

Беда, говорил Андерс, пришла в Пограничье, и теперь племя Волков гибнет; как далеко зашел процесс, никто сказать не мог, но кучер полагал, что Волкам скоро придет конец, если воздействие не обратить вспять. Смута перекинулась и на восток, где, как он слышал, королева тяжело заболела и лежит при смерти.

— Это же неправда, мой господин? — спросил Андерс с мольбой в голосе.

Джек посмотрел на него.

— Я должен знать ответ на этот вопрос?

— Разумеется. Разве ты не ее сын?

На мгновение весь мир замер. Затихло мягкое гудение насекомых на улице. Ричард сделал вдох, но выдыхать не торопился.

Даже сердце Джека, похоже, взяло паузу... в ожидании ответа.

И он ответил, ровно и спокойно:

— Да... я ее сын. И это правда... она тяжело больна.

— Но она же не умирает? — настаивал Андерс, его глаза умоляли. — Она не умирает, мой господин?

Джек чуть улыбнулся.

— Это мы еще посмотрим.

8

До всей этой смуты, рассказывал Андерс, Морган Оррисский был мелким пограничным бароном. Свой титул он унаследовал от отца, жирного, дурно пахнущего шута. Над отцом Моргана все смеялись и при жизни, но он умудрился стать посмешищем даже после смерти.

— Он целый день пил персиковое вино, у него начался понос, и он умер на толчке.

Люди начали было смеяться и над сыном старика, но смех прекратился после того, как в Оррисе повесили нескольких весельчаков. И когда через многие годы после убийства старого короля смута вновь начала набирать силу, Морган занимал уже куда более высокое положение, взошел, как зловещая звезда на небосклоне.

Все это мало что значило в Пограничье. На здешних огромных просторах не было места политике. Какое-то значение придавали разве что изменениям среди Волков, но не слишком существенное, поскольку все плохие Волки уходили в Другое место. («Нас это не опаляло, мой господин». — Уши Джека настаивали, что слышали именно эту фразу.)

Вскоре после того как новости о болезни королевы докатились и до Пограничья, Морган прислал сюда команду уродливых, скрюченных рабов с одной из рудных ям на востоке. Их охраняли плохие Волки и несколько еще более странных существ. Командовал ими жуткий человек, который не расставался с хлыстом. Когда начались работы, он находился здесь постоянно. Потом исчез. Андерс, который провел большую часть этих ужас-

ных недель и месяцев в своем доме, расположенном в пяти милях к югу, обрадовался его уходу. До него доходили слухи, что Морган вернул мужчину с хлыстом на восток, где дело шло к развязке. Андерс не знал, правда это или нет, да и не хотел знать. Просто радовался, что человек, которого иногда сопровождал тощий, вечно мрачный мальчик, уехал.

— А его имя? — спросил Джек. — Как его звали?

— Мой господин, я не знаю. Волки называли его Человек-кнут. Рабы называли его Дьяволом. Я бы сказал, что правы и те и другие.

— Он одевался как щеголь? Бархатные камзолы? Башмаки с пряжками?

Андерс закивал.

— И сильно душился?

— Да! Точно, душился!

— А его кнут заканчивался косичками из сыромятной кожи с металлическими наконечниками?

— Верно, мой господин. Злой хлыст. И управлялся он с ним очень ловко.

Это был Осмонд. Это был Лучезарный Гарденер. Он был здесь, надзирал за каким-то проектом Моргана... потом королева заболела, и Осмонда призвали в летний дворец, где и состоялось наше радостное знакомство.

— А его сын? Как выглядел его сын? — спросил Джек.

— Худой, — медленно ответил Андерс. — Один глаз плавал. Это все, что я помню. Он... мой господин, разглядеть сына Человека-хлыста было трудно. Волки боялись его даже больше, чем отца, хотя он не носил с собой хлыста. Они говорили, что он *тусклый*.

— Тусклый, — задумчиво повторил Джек.

— Да. Так они называют людей, которых трудно разглядеть, независимо от того, как пристально ты на них смотришь. Стать невидимым невозможно — так говорят Волки, — но можно *замутить* свой образ, если знаешь

как. Большинство Волков это умеют, и это маленькое шлюхино отродье тоже умело. Так что я помню лишь его худобу и плавающий глаз, а еще... он был уродлив, как черный сифилитический грех.

Андерс помолчал.

— Ему нравилось причинять боль животным. Маленьким зверькам. Он уносил их под крыльцо, и я слышал ужасные крики. — Андерса передернуло. — Это одна из причин, по которым я предпочитал оставаться в своем доме, знаешь ли. Не могу слышать, как маленькие зверьки кричат от боли. Меня от этого мутит, да.

Рассказ Андерса вызвал у Джека сотню новых вопросов. Особенно ему хотелось побольше узнать о Волках — одно только их упоминание будило в Джеке и радость, и безмерную тоску *по Волку, навсегда оставшемуся* в его сердце.

Но времени было в обрез, утром этот человек собирался отправиться на запад через Проклятые земли, и орда обезумевших учителей, ведомая самим Морганом, могла в любой момент ворваться сюда из Другого места, как называл его Андерс. А Ричард мог проснуться и поинтересоваться, кто этот Морган, о котором они говорят, и кто этот *мутный* подросток, подозрительно похожий на его соседа по Нелсон-Хаусу.

— Они пришли, — подытожил Джек. — Эта команда пришла во главе с Осмондом... во всяком случае, он ими руководил, пока его не отозвали, а еще ему приходилось читать вечерние проповеди в часовне в Индиане...

— Мой господин? — На лице Андерса отражалось полнейшее замешательство.

— Они пришли и построили... что? — Джек уже знал ответ, но хотел услышать его от Андерса.

— Железную дорогу, — ответил Андерс. — Они проложили рельсы на запад через Проклятые земли. Рельсы, по которым я завтра отправлюсь в путь.

— Нет, — возразил Джек. Жаркое волнение солнцем вспыхнуло у него в груди, и он поднялся. В голове снова что-то щелкнуло, как будто опять сложились воедино важные части пазла.

Лицо Джека засияло пугающе прекрасным светом, и Андерс с грохотом повалился на колени. От этого шума Ричард пошевелился и сонно сел.

— Не ты, — произнес Джек. — Я. И он. — Джек указал на Ричарда.

— Джек? — Ричард смотрел на него сонными подслеповатыми глазами. — О чем ты говоришь? И почему этот человек обнюхивает пол?

— Мой господин... твоя воля, разумеется... но я не понимаю.

— Не ты, — повторил Джек. — Мы. Мы забираем у тебя поезд.

— Но, мой господин, зачем? — выдохнул Андерс, не решаясь поднять на Джека глаза.

Джек Сойер смотрел в темноту за окном.

— Потому что там, где заканчиваются эти рельсы, есть кое-что... там, где заканчиваются эти рельсы, или чуть дальше, есть то, что мне нужно.

ИНТЕРЛЮДИЯ
Слоут в этом мире (IV)

Десятого декабря закутанный в теплую одежду Морган сидел на неудобном маленьком деревянном стуле рядом с кроватью Лили Сойер. Он мерз, несмотря на толстое кашемировое пальто и глубоко засунутые в карманы руки, но пребывал в отличном расположении духа. Лили умирала. Уходила в то место, откуда не возвращаются, даже если ты королева и лежишь на кровати размером с футбольное поле.

Кровать Лили не поражала великолепием, да и она сама ничем не походила на королеву. Болезнь украла ее красоту, Лили сильно исхудала и состарилась на добрых двадцать лет. Слоут не отказал себе в удовольствии задержать взгляд на выступавших надбровных дугах, на лбу, напоминавшем панцирь черепахи. Контуры исхудалого тела Лили едва угадывались под простынями и одеялами. Слоут знал, что «Альгамбра» получает хорошие деньги, оставляя Лили Кавано Сойер в одиночестве, потому что платил за это он сам. Они больше не отапливали ее номер. Из постояльцев в отеле осталась лишь она. Помимо дневного портье и повара, в «Альгамбре» работали только три горничные-португалки, которые прибирались в фойе и коридорах. Именно они снабдили Лили одеялами. Сам Слоут обосновался в «люксе» по другую сторону коридора и приказал дневному портье и горничным *не спускать с* Лили глаз.

Заметив, что Лили открыла глаза, он заговорил:

— Ты выглядишь лучше, Лили. Я действительно думаю, что есть признаки улучшения.

Губы Лили зашевелились:

— Не понимаю, зачем ты притворяешься, будто в тебе есть что-то человеческое, Слоут.

— Я твой лучший друг.

Теперь, когда она открыла глаза, он видел, что они не такие тусклые, как ему хотелось бы.

— Убирайся отсюда, — прошептала она. — Ты мерзок.

— Я пытаюсь тебе помочь и хочу, чтобы ты об этом помнила. Все бумаги у меня с собой, Лили. Тебе надо лишь подписать их. Как только ты это сделаешь, вы с сыном будете обеспечены до конца жизни. — Слоут хмуро смотрел на Лили. — Между прочим, мне так и не удалось найти Джека. Ты с ним разговаривала в последнее время?

— Ты знаешь, что нет, — ответила Лили, но не заплакала, как рассчитывал Слоут.

— Я действительно думаю, что мальчик должен быть здесь, знаешь ли.

— Да пошел ты.

— Пожалуй, пойду и воспользуюсь твоим туалетом. — Слоут поднялся. Лили вновь закрыла глаза, игнорируя его. — Надеюсь, мальчик не попадет в беду. — Он медленно приблизился к кровати Лили. — Такие ужасы случаются на дороге... — Лили не реагировала. — Не хочется даже думать об этом. — Он подошел к изножью кровати и проследовал к двери в ванную. Лили лежала под простынями и одеялами, как смятый лист бумаги. Слоут скрылся в ванной.

Потер руки, мягко прикрыл дверь, включил оба крана над раковиной. Из кармана пальто достал маленький коричневый двухграммовый пузырек, из внутреннего кармана пиджака — небольшой футляр с зеркалом, бритвенным лезвием и короткой медной трубкой. Отсыпал на зеркало примерно осьмушку грамма чистейшего — какой только можно найти в Штатах — кокаина «Перуанский снежок». Потом ритуально «порубил» горку лезвием и сформировал две короткие толстые полоски. Втянул через медную соломинку. Ахнул, резко вдохнул, задержал дыхание на несколько секунд. Носовые проходы раскрылись, как тоннели, а проникшее внутрь снадобье уже начало действовать. Слоут подставил руки под воду, затем, чтобы поберечь нос, вдохнул ноздрями немного воды с большого и указательного пальцев. Вытер руки и лицо.

Этот чудесный поезд, позволил он себе подумать. *Этот чудесный, чудесный поезд. Готов спорить, им я горжусь больше, чем собственным сыном.*

Морган Слоут наслаждался видением своего драгоценного поезда, одинакового в обоих мирах, первым конкретным воплощением давно разработанного плана по приобщению Долин к современным достижениям научно-технического прогресса; поезда, прибывающего

в Пойнт-Венути с таким полезным грузом. Пойнт-Венути! Слоут улыбался, а кокаин простреливал мозг, неся с собой обычное послание: все будет хорошо, все будет хорошо. Маленькому Джеки Сойеру очень повезет, если он сумеет покинуть старый городок Пойнт-Венути. Собственно, ему очень повезет, если он доберется туда, учитывая, что для этого нужно пересечь Проклятые земли. Но наркотик напомнил Слоуту, что будет очень неплохо, если Джек попадет в этот опасный, искаженный маленький Пойнт-Венути. И Слоут бы предпочел, чтобы Джек пережил и встречу с черным отелем, который являл собой не доски и гвозди, не камни и кирпичи, а нечто живое... потому что мальчишка мог выйти оттуда с Талисманом в своих вороватых маленьких ручонках. А если бы такое случилось...

Да, если это замечательное событие *произойдет*, *тогда* все действительно будет хорошо.

И Джек Сойер, и Талисман будут разрезаны пополам.

И он, Морган Слоут, наконец-то получит полотно, которого заслуживал его талант. На мгновение он увидел себя, раскинувшего руки над усыпанными звездами просторами, над мирами, слившимися воедино, как любовники в постели, надо всем, что защищал Талисман, надо всем, чего он жаждал, когда покупал «Эджинкорт» многие годы назад. Джек мог принести ему все это. Наслаждение. Славу.

Чтобы отпраздновать сию мысль, Слоут вновь достал из кармана пузырек, но на этот раз обошелся без ритуала и не стал прибегать к помощи зеркала и бритвы. Просто зачерпнул маленькой ложечкой белый порошок и втянул его сначала одной ноздрей, потом другой. Как же сладко!

Шмыгая носом, он вернулся в спальню. Лили вроде бы чуть приободрилась, но свидетельство того, что она не при смерти, не могло испортить хорошего настроения Слоута.

Ее яркие, странным образом пустые запавшие глаза не отрывались от него.

— Дядя Блоут приобрел новую отвратительную привычку, — усмехнулась она.

— А ты умираешь. И что хуже?

— Будешь и дальше нюхать эту дрянь — тоже начнешь умирать.

Не обращая внимания на ее враждебность, Слоут вернулся к хлипкому деревянному стулу.

— Ради Бога, Лили, пора тебе повзрослеть. Теперь все нюхают кокаин. Ты отстала от жизни — отстала на долгие годы. Хочешь попробовать? — Он достал пузырек и покачал на цепочке, которая заканчивалась маленькой ложечкой.

— Убирайся отсюда.

Слоут поднес пузырек ближе к ее лицу.

Лили резко села, словно атакующая змея, и плюнула ему в лицо.

— Сука! — Он отпрянул, достал из кармана носовой платок, чтобы вытереть сползавшую по щеке слюну.

— Если это говно такое прекрасное, почему ты прячешься в сортире, чтобы нюхнуть его? Не отвечай. Просто оставь меня в покое. Я больше не хочу тебя видеть, Блоут. Утаскивай отсюда свой толстый зад.

— Ты будешь умирать в одиночестве, Лили. — Слоута переполняла холодная радость. — Ты будешь умирать в одиночестве, и этот жалкий маленький городишко похоронит тебя как нищую, а твой сын погибнет, потому что не сумеет справиться с тем, что его ждет, и никто больше не услышит ни о нем, ни о тебе. — Он широко улыбнулся. Его пухлые руки сжались в белые волосатые кулаки. — Помнишь Ашера Дондорфа, Лили? Нашего клиента? Роль второго плана в сериале «Фланагэн и Фланагэн». Пару недель назад я прочитал о нем в «Голливудском репортере». Застрелился в собственной го-

стиной, но прицелился не очень тщательно, а потому вместо того, чтобы разнести себе мозги, угодил в нёбо и впал в кому. Я слышал, он протянет еще долгие годы, будет гнить и гнить. — Слоут наклонился к ней, наморщив лоб. — Мне представляется, у вас со старым добрым Ашером много общего.

Она холодно смотрела на него. Ее глаза, казалось, жили собственной жизнью, и в этот момент она напоминала старую женщину с Дикого Запада с винтовкой в одной руке и Библией в другой.

— Мой сын спасет мне жизнь. Джек спасет мне жизнь, и ты не сможешь его остановить.

— Поживем — увидим, — ответил Слоут. — Поживем — увидим.

Глава 35
ПРОКЛЯТЫЕ ЗЕМЛИ

1

— Но ты будешь в безопасности, мой господин? — Андерс стоял перед Джеком *на коленях, его бело-красный* килт раскинулся по полу.

— Джек? — позвал Ричард плаксивым голосом.

— А ты был бы в безопасности?

Андерс вскинул голову, затем склонил ее набок и уставился на Джека, словно тот загадал ему загадку. Старик напоминал недоумевающего огромного пса.

— Я хочу сказать, в этой поездке я буду в такой же безопасности, как и ты. Ничего больше.

— Но, мой господин...

— Джек? — снова капризно позвал Ричард. — Я заснул, а теперь вроде бы проснулся, но мы по-прежнему в этом

странном месте, а значит, мне все это снится... но я хочу проснуться, Джек, не хочу больше видеть этот сон. Нет. Не хочу.

Так вот почему ты разбил свои чертовы очки, подумал Джек, но вслух произнес другое:

— Это не сон, Ричи-бой. Скоро мы отправимся в путь. Нам предстоит поездка на поезде.

— Что? — Ричард потер лицо. Если Андерс напоминал большого белого пса в юбке, то Ричард — только что проснувшегося младенца.

— Мой господин Джейсон. — Теперь по лицу Андерса чувствовалось, что он сейчас расплачется — от облегчения, подумал Джек. — Ты этого хочешь? Это твое желание — провести эту дьявольскую машину через Проклятые земли?

— Да, — ответил Джек.

— Где мы? — спросил Ричард. — Ты точно знаешь, что они нас не преследуют?

Джек повернулся к нему. Ричард сидел на волнистом желтом полу, глупо моргая, еще не придя в себя после пережитого ужаса.

— Хорошо, я тебе отвечу. Мы в той части Долин, которая называется Эллис-Брикс...

— У меня болит голова. — Ричард закрыл глаза.

— И мы собираемся взять поезд этого человека, — продолжил Джек, — чтобы проехать через Проклятые земли до черного отеля или подобраться как можно ближе к нему. Такие дела, Ричард. Хочешь — верь, хочешь — нет. И чем быстрее мы это сделаем, тем скорее отстанут те, кто пытается нас найти.

— Этридж, — прошептал Ричард. — Мистер Дафри. — Он оглядел невзрачное помещение станции, словно ожидал, что их преследователи внезапно полезут сквозь стены. — Это опухоль мозга, знаешь ли, — уверенно сообщил он. — Вот отчего у меня болит голова.

— Мой господин Джейсон. — Старик Андерс склонился так низко, что седые волосы мели покоробленные половицы. — Как ты добр, о Великий, как ты добр к своему самому смиренному слуге, как добр к тем, кто не заслуживает твоего благословенного внимания! — Он пополз вперед, и Джек с ужасом понял, что сейчас ему вновь начнут целовать ноги.

— В прогрессирующей стадии, я бы сказал, — добавил Ричард.

— Пожалуйста, встань, Андерс. — Джек отступил на шаг. — Поднимайся давай, этого достаточно. — Старик продолжал ползти, преисполненный облегчения. Необходимость пересекать Проклятые земли отпала. — ВСТАНЬ! — рявкнул Джек.

Андерс поднял на него изумленные глаза.

— Да, мой господин. — Он медленно поднялся.

— Тащи сюда свою опухоль мозга, Ричард, — велел Джек своему другу. — Нам предстоит понять, как управлять этим чертовым поездом.

2

Андерс прошел вдоль покоробившегося прилавка и теперь рылся в ящике.

— Я думаю, его тащат демоны, мой господин. Странные демоны, сбившиеся вместе. Кажется, они неживые, но они живут, да. — Он достал из ящика очень длинную и очень толстую свечу, каких Джеку видеть не доводилось. Из стоявшей на прилавке коробки взял длинную узкую щепку, поднес один конец к лампе. Когда щепка вспыхнула, с ее помощью зажег свечу. Потом помахал «спичкой», и та погасла, выпустив клуб дыма.

— Демоны? — переспросил Джек.

— Странные квадратные штуковины... я уверен, в них живут демоны. Иногда они плюются и искрят! Я тебе сейчас все покажу, господин Джейсон.

Старик направился к двери, и мягкое сияние свечи на мгновение стерло морщины с его лица. Джек последовал за ним в ароматы Пограничья. Он помнил фотографию на стене «кабинета» Спиди Паркера, наполненную невероятной мощью, и осознал, что находится неподалеку от того места, где ее сделали. Вдали поднималась знакомая гора. Во все стороны расстилалось поле «пшеницы», покачивавшейся под легким ветерком. Ричард Слоут тащился за Джеком, потирая лоб. Серебристые полосы металла, инородное тело этого ландшафта, уходили на запад.

— Сарай за станцией, мой господин, — мягко объяснил Андерс и двинулся вдоль восьмигранного строения. Джек посмотрел на далекую гору. Теперь она меньше напоминала гору с фотографии.

— Что еще за господин Джейсон? — прошептал Ричард ему в ухо. — Он думает, что знает тебя.

— Это сложно объяснить, — ответил Джек.

Ричард подергал свою бандану, потом стиснул бицепс Джека.

— Что случилось со школой, Джек? Что случилось с собаками? Где мы?

— Просто иди за нами, — ответил Джек. — Возможно, тебе все это снится.

— Да. — В голосе Ричарда послышалось безмерное облегчение. — Да. Именно так. Я еще сплю. Ты рассказал мне эти безумные истории о Долинах, и теперь они мне снятся.

— Точно. — Джек двинулся вслед за Андерсом. Старик держал огромную свечу, словно факел, и уже спускался по дальнему склону холма к другому восьмиугольному деревянному зданию, немного больше первого. Мальчики шагали за ним по высокой желтой траве. В свете еще одного прозрачного шара они увидели, что здание открыто с двух сторон, словно пару противоположных стен восьмигранника аккуратно срезали. Там и проходили се-

ребристые рельсы. Андерс добрался до сарая и остановился, ожидая мальчиков. С высоко поднятой пылающей свечой, длинной бородой и в странной одежде он более всего напоминал персонажа сказки или легенды, колдуна или чародея.

— Он стоит там с того самого момента, как появился, и пусть демоны увезут его отсюда. — Андерс хмурился, глядя на мальчиков, морщины на его лице стали глубже. — Изобретение дьявола. Творение зла, будьте уверены. — Мальчики подошли к нему вплотную, и старик обернулся. Джек видел, что Андерсу не нравится даже находиться в сарае рядом с поездом. — Половина груза на борту, и он тоже воняет, как сам ад.

Джек первым вошел в сарай, и Андерс неохотно последовал за ним. Ричард плелся сзади, потирая глаза. Маленький поезд стоял на рельсах, готовый отправиться на запад. Странного вида локомотив, товарный вагон, платформа с грузом, укрытым туго натянутым брезентом. От платформы шел запах, который так не нравился Андерсу. Чуждый Долинам запах металла и машинного масла.

Ричард тут же отправился в угол здания, сел на пол спиной к стене и закрыл глаза.

— Ты знаешь, как он работает, мой господин? — шепотом спросил Андерс.

Джек покачал головой и пошел вдоль рельсов к локомотиву. И да, увидел там «демонов» Андерса, аккумуляторы, как и предполагал Джек. Всего шестнадцать штук, установленные двумя рядами в металлическом контейнере на первой колесной тележке. Вообще передняя часть поезда выглядела как велосипед разносчика, только на месте седла находилась маленькая кабина, которая что-то Джеку напомнила... только сразу он не смог понять, что именно.

— Демоны разговаривают с торчащей палкой, — сообщил подошедший сзади Андерс.

Джек поднялся в кабину. Увидел упомянутую Андерсом «палку» — рычаг переключения, который двигался в прорези с тремя пазами. Теперь Джек знал, что напоминает ему кабина. Гольфкар. Электромобиль с тремя положениями рычага: вперед, назад и нейтрал. Только такой поезд мог передвигаться по Долинам, и его, похоже, сконструировали и изготовили специально для Моргана Слоута.

— Демоны в ящиках плюются, и сыплют искрами, и говорят с палкой, и палка двигает поезд, мой господин. — Андерс не решался подняться в кабину, его лицо прорезало множество морщин.

— Ты собирался уехать утром? — спросил Джек старика.

— Да.

— Но поезд уже готов к отправлению?

— Да, мой господин.

Джек кивнул и спрыгнул вниз.

— Что это за груз?

— Дьявольские штуковины, — мрачно ответил Андерс. — Для плохих Волков. Чтобы отвезти к черному отелю.

Я буду на шаг впереди Моргана Слоута, если уеду прямо сейчас, подумал Джек. И с тревогой посмотрел на Ричарда, которому вновь удалось заснуть. Если бы не упрямый как осел ипохондрический Рациональный Ричард, Джек никогда бы не набрел на слоутовский «чу-чу» и Слоут смог бы использовать «дьявольские штуковины» — несомненно, какое-то оружие — против Джека, как только тот приблизился бы к черному отелю. Ибо отель, теперь Джек в этом не сомневался, был конечной точкой его поисков. И получалось, что Ричард, такой беспомощный и вызывающий разве что раздражение, мог сыграть очень важную роль в этом походе. Сын Сойера и сын Слоута: сын принца Филипа Сотеля и сын Моргана из Орриса. Мир качнулся, и Джека посетило второе откровение: Ричард незаменим и для того, что ему предстояло сделать в черном

отеле. Но тут Ричард зашевелился, его челюсть слегка отвисла, и момент истины миновал.

— Давай взглянем на эти «дьявольские штуковины». — Джек развернулся и зашагал вдоль поезда, заметив, что пол восьмигранного строения разделен на две части: большую занимал круг, напоминавший огромное обеденное блюдо. Между ним и полом у стен была узкая щель. Джек никогда не слышал о поворотных кругах в депо, но идею понял сразу: круглая часть могла поворачиваться на сто восемьдесят градусов, чтобы прибывший поезд мог развернуться и отправиться в обратный путь.

Закрывавший груз брезент был привязан толстым коричневым шнуром, таким пушистым, что он напоминал стальную вату. Джек приподнял край брезента, заглянул под него, но увидел только темноту.

— Помоги мне, — попросил он Андерса.

Старик, хмурясь, шагнул к платформе, точным резким движением развязал узел. Брезент провис. Теперь, откинув край, Джек увидел, что платформа наполовину заставлена деревянными ящиками. На каждом была надпись: «ЗАПЧАСТИ». *Оружие*, подумал Джек. *Морган вооружает своих мятежных Волков.* Другую половину платформы занимали массивные бруски какого-то мягкого вещества, завернутые в несколько слоев прозрачной пленки. Джек понятия не имел, что это за вещество, но сомневался, что пластилин. Он вернул край брезента на место, после чего Андерс натянул толстый шнур и завязал узел.

— Мы отправимся этой ночью, — озвучил Джек только что принятое решение.

— Но, господин Джейсон... Проклятые земли... ночью... ты знаешь...

— Знаю, будь уверен, — ответил Джек. — Я знаю, что мне понадобится эффект внезапности. Морган и тот, кого Волки называют Человеком-кнутом, будут меня искать,

но если мы появимся за двенадцать часов до ожидаемого прибытия поезда, возможно, нам с Ричардом удастся покинуть его живыми.

Андерс уныло кивнул. Он вновь выглядел как огромный пес, терпеливо принимающий неприятные известия.

Джек взглянул на Ричарда. Тот спал сидя, с открытым ртом. И Андерс, словно прочтя мысли Джека, тоже посмотрел на спящего Ричарда.

— У Моргана из Орриса есть сын? — спросил Джек.

— Был, мой господин. За короткую семейную жизнь у Морриса появился сын, его звали Раштон.

— И что случилось с Раштоном? — Впрочем, он и сам мог догадаться.

— Он умер, — просто ответил Андерс. — Морган из Орриса не создан быть отцом.

Джек содрогнулся, вспомнив, как Морган прорвал дыру в воздухе и чуть не убил все стадо Волка.

— Мы уезжаем. — Он повернулся к Андерсу. — Пожалуйста, помоги мне перенести Ричарда в кабину, Андерс.

— Мой господин... — Андерс склонил голову, потом поднял, и в его глазах читалась отеческая забота. — Поездка до западного берега займет два, может, три дня. У вас есть еда? Может, вы разделите со мной ужин?

Джек мотнул головой, ему не терпелось начать эту часть пути к Талисману, но тут его желудок громко заурчал, напоминая, что они ничего не ели после «Ринг-Дингов» и печенья «Феймос эймос» в комнате Альберта Брюхана.

— Что ж, думаю, полчаса ничего не изменят. Спасибо, Андерс. Помоги мне поднять Ричарда, хорошо? — А может, не так он и стремился пересекать Проклятые земли на этом поезде?

Вдвоем они подняли Ричарда. Словно Соня из «Алисы в Стране Чудес», Ричард открыл глаза, улыбнулся и вновь провалился в сон.

— Еда, — попытался выманить его Джек. — Настоящая еда. Хочешь поесть, дружок?

— Я никогда не ем во сне, — ответил Ричард с сюрреалистичной рациональностью. Зевнул, потер глаза. Наконец достаточно пришел в себя, чтобы стоять без помощи Джека и Андерса. — Хотя, если честно, я очень голоден. Я долго спал, правда, Джек? — Казалось, он этим гордится.

— Да.

— Слушай, этот поезд, на котором мы собираемся уехать. Он какой-то мультяшный.

— Да.

— Ты сможешь его вести, Джек? Это мой сон, я знаю, но...

— Вести его не сложнее, чем управлять игрушечным электропоездом, — ответил Джек. — Я смогу его вести, и ты тоже сможешь.

— Я не хочу. — Капризные интонации вернулись. — Я совсем не хочу садиться на этот поезд. Я хочу вернуться в мою комнату.

— Давай сначала поедим, — Джек уже выводил Ричарда из сарая, — а потом отправимся в Калифорнию.

Перед тем как мальчики уехали в Проклятые земли, Долины показали себя с самой лучшей стороны. Андерс угостил Джека и Ричарда толстыми ломтями ароматного хлеба, определенно испеченного из «пшеницы», которая росла вокруг станции, кебабом из нежного мяса, сочными незнакомыми овощами и розовым соком (из плодов папайи, почему-то решил Джек, хотя знал, что это не так). Ричард жевал, пребывая в радостном трансе, и сок стекал по его подбородку, пока Джек не вытер его. «Калифорния, — один раз произнес Ричард, — мне следовало это знать». Джек не стал спрашивать, о чем речь, резонно предположив, что Ричард намекал на репутацию

штата, притягивавшего всех безумцев. Его больше тревожила дыра, которую они с Ричардом пробили в скудных запасах Андерса, но старик возился за прилавком, где стояла дровяная плита, и приносил все новые тарелки. Оладьи, студень, вроде бы куриные ножки, но пахнущие... чем? Ладаном и миррой? Цветами? А вкус... при мысли о вкусе этих ножек рот сразу наполнялся слюной.

Все трое сидели у маленького стола в уютной, мягко освещенной комнате. В конце ужина Андерс застенчиво принес тяжелый кувшин, наполовину наполненный красным вином. Чувствуя, будто следует написанному кем-то сценарию, Джек выпил маленький стакан.

3

Двумя часами позже, борясь с сонливостью, Джек задался вопросом, не стал ли этот плотный ужин серьезной ошибкой. Во-первых, отъезд из Эллис-Брикса прошел не слишком гладко; во-вторых, возникало ощущение, что Ричард действительно рехнулся; в-третьих, перед ними лежали Проклятые земли, куда более безумные, чем Ричард, и требовавшие предельного внимания.

Отужинав, все трое вернулись в сарай, где и начались проблемы. Джек знал, что боится того, что ждет впереди, а теперь знал, что страх оправдан; возможно, тревога повлияла на его поведение. Первую ошибку он допустил, попытавшись расплатиться со стариком Андерсом за оказанное гостеприимство монетой капитана Фаррена. Андерс отреагировал так, будто любимый им Джейсон ударил его ножом в спину. Святотатство! Надругательство! Предложив монету, Джек не просто оскорбил старика кучера; метафорически он замарал грязью его религию. Сверхъестественным божественным существам, вероятно, не полагалось предлагать монеты своим

почитателям. Андерс так расстроился, что разбил руку, ударив по «дьявольскому ящику», как он называл металлический контейнер, в котором стояли аккумуляторы, и Джек чувствовал, что старику хотелось врезать совсем не по поезду. Ему удалось добиться лишь хрупкого перемирия: Андерсу его извинения требовались не больше, чем деньги. Старик чуть успокоился, когда осознал, сколь велик страх мальчика перед грядущей поездкой, но стал прежним Андерсом лишь после того, как Джек предположил, что у монеты капитана Фаррена есть и другие свойства и она может послужить не только средством платежа. «Ты не совсем Джейсон, — пробурчал старик, — но монета королевы, возможно, поможет тебе добраться до цели». Он тяжело покачал головой. И попрощался весьма холодно.

Но конечно, наибольшие хлопоты доставил Джеку Ричард. Первоначальная детская паника быстро переросла во всесокрушающий ужас. Ричард отказался подниматься в кабину. Сначала он бродил по сараю, не глядя на поезд, словно в трансе. Когда же осознал, что Джек не шутит и хочет уехать вместе с ним, устроил истерику; как ни странно, больше всего Ричарда испугал тот факт, что конечным пунктом их поездки являлась Калифорния.

— НЕТ! НЕТ! НЕ МОГУ! — заорал он, когда Джек потянул его к поезду. — Я ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ В МОЮ КОМНАТУ!

— Они могут последовать за нами сюда, Ричард, — устало объяснил Джек. — Нам надо уезжать. — Он взял Ричарда за руку. — Это все сон, помнишь?

— О господин! О господин! — стонал Андерс, бесцельно кружа по большому сараю, и Джек понимал, что на этот раз кучер обращается не к нему.

— Я ДОЛЖЕН ВЕРНУТЬСЯ В СВОЮ КОМНАТУ! — взвизгнул Ричард. Он так крепко зажмурился, что лоб от виска до виска прорезала глубокая морщина.

Еще один Волк. Джек попытался подвести друга к поезду, но Ричард словно врос в пол, упрямый как мул.

— Я НЕ МОГУ ТУДА ЕХАТЬ! — крикнул он.

— Здесь ты тоже оставаться не можешь. — Джек предпринял еще одну попытку подтащить Ричарда к поезду и на этот раз сократил расстояние до кабины на фут или два. — Ричард, это нелепо. Или ты хочешь остаться здесь в одиночестве? Хочешь в одиночестве остаться в Долинах? — Ричард покачал головой. — Тогда иди со мной. Уже пора. Через два дня мы будем в Калифорнии.

— Плохи дела, — бормотал Андерс себе под нос, наблюдая за мальчиками. Ричард продолжал мотать головой.

— Не могу туда ехать, — повторил он. — Не могу сесть в поезд и не могу ехать туда.

— В Калифорнию?

Ричард сжал губы в узкую полоску и вновь закрыл глаза.

— Черт, — вырвалось у Джека. — Ты мне поможешь, Андерс? — Высокий крепкий старик посмотрел на него с недовольным видом, почти с отвращением, но подошел, поднял скуляющего Ричарда на руки, словно щенка, и усадил на мягкое сиденье кабины.

— Джек! — воскликнул Ричард, перепуганный перспективой оказаться наедине с Проклятыми землями.

— Я здесь, — ответил Джек, уже поднимаясь в кабину с другой стороны. — Спасибо тебе, Андерс, — поблагодарил он старого кучера, который мрачно кивнул и отошел в угол сарая. — Береги себя. — Ричард заплакал, и Андерс посмотрел на него без намека на жалость.

Джек нажал кнопку включения, оживший двигатель загудел, и две огромные голубые искры вылетели из «дьявольского ящика».

— Поехали! — Джек передвинул рычаг в положение «Вперед». Поезд медленно заскользил по рельсам. Плачущий Ричард упал на колени, уткнулся лицом в ноги, будто хотел свернуться в колесо, бормоча то ли «немыслимо», то

ли «невозможно», — Джек разбирал только отдельные звуки. Он помахал рукой Андерсу, старик ответил тем же, а потом они выехали из освещенного сарая под бездонное темное небо. Силуэт Андерса появился в прямоугольнике света, словно старик собрался бежать за ними. Джек подумал, что поезд может развивать скорость до тридцати миль в час, но сейчас она не превышала восьми или девяти, так что они едва ползли. *На запад*, сказал он себе, *на запад, на запад, на запад.* Андерс вернулся в сарай, его борода казалась снегом на широкой груди. Поезд дернулся — сверкнула еще одна большущая голубая искра, — и Джек повернулся лицом к западу, чтобы посмотреть, что ждало их впереди.

— НЕТ! — закричал Ричард и чуть не вытолкнул Джека из кабины. — Я НЕ МОГУ! НЕ МОГУ ЕХАТЬ ТУДА! — Он оторвал голову от колен, но по-прежнему ничего не видел плотно закрытыми глазами, и лицо его побелело, как кожа на костяшках сжатого кулака.

— Успокойся, — посоветовал ему Джек. Рельсы тянулись по бесконечному полю качавшейся «пшеницы», силуэты гор — старые зубы — плавали в облаках. Джек еще раз оглянулся на маленький оазис тепла и света — станцию и восьмигранный сарай, — медленно отдалявшийся от них. Андерс оставался высокой тенью на фоне прямоугольника света. Джек опять помахал рукой, тень ответила. Затем Джек снова посмотрел вперед, на уходящее вдаль поле. Если так выглядели Проклятые земли, получалось, что их ждали два мирных и спокойных дня.

Разумеется, дело обстояло иначе. Даже в подсвеченной луной темноте Джек видел, что «пшеница» уже не стоит стеной, распадается на островки, а примерно через полчаса после отъезда со станции изменения уже бросались в глаза. Даже цвет злака изменился, стал каким-то искусственным, не прекрасным золотом урожая, а той болезненной желтизной, которая появляется, если что-то оста-

вить слишком близко от мощного источника тепла. Желтизной засухи. С Ричардом тоже происходили изменения, и не в лучшую сторону. Какое-то время он глубоко дышал, потом молча и бесстыдно плакал, как маленькая обиженная девочка, и, наконец, забылся беспокойным сном. «Не могу вернуться», — бормотал он во сне, или Джеку только так казалось. Более того, спящий Ричард словно ссохся, как «пшеница» вокруг.

Теперь менялся и сам ландшафт. Гладкая как стол равнина Эллис-Брикса сменилась мелкими низинами и более глубокими ущельями, заросшими черными деревьями. Везде лежали гигантские валуны, напоминавшие черепа, яйца, здоровенные зубы. Сама почва изменилась, стала более песчаной. Дважды дорога проходила по дну ущелья, склоны которого подступали вплотную к рельсам, и Джек видел, что красноватая земля заросла низкими кустами и ползучими растениями. Время от времени на глаза попадались животные, но лунного света не хватало, чтобы успеть их разглядеть, да и бегали они очень быстро. Однако Джек почему-то думал, что ему не удалось бы понять, что это за животные, даже если бы они замерли на Родео-драйв в яркий солнечный день. Их головы казались слишком большими, и, судя по всему, оставалось только радоваться, что зверьки вовремя укрывались от человеческого взгляда.

Прошло полтора часа. Ричард стонал во сне, а ландшафт становился все более жутким. Когда они выехали из очередного вызывающего клаустрофобию ущелья, Джек удивился открывшимся перед ним просторам и поначалу решил, что вернулся в Долины, страну Дневных грез. Потом даже в такой темноте заметил, как скрючены и прижаты к земле деревья. И запах. Возможно, он и раньше ощущал этот запах, только на подсознательном уровне, а заметил его, лишь увидев редкие деревья на черной равнине, напоминавшие извивающихся в мучениях живот-

ных. Вот тогда Джек и почувствовал запах тлена. Тлена и адского огня. Здесь Долины воняли.

Запах давно увядших цветов накрывал землю, но под ним, как и в случае с Осмондом, чувствовался другой запах, более грубый, более сильный. Если появлению этого запаха поспособствовал Морган в одной из его ипостасей, то он в каком-то смысле призвал в Долины смерть. Во всяком случае, Джек так думал.

Лощины, овраги, ущелья остались позади. Теперь земля превратилась в огромную красную пустыню. Но и здесь росли странные, прижавшиеся к земле деревья. Впереди Джек видел серебристые рельсы, убегавшие в темную красноватую пустоту. И возникало ощущение, что пустыня катилась в темноту вместе с поездом.

Красная земля, похоже, действительно пустовала. Уже на протяжении нескольких часов на глаза Джеку попадались лишь маленькие уродливые зверьки, которые прятались в кучах земли по обе стороны рельсов; правда, иной раз периферийным зрением он улавливал какое-то неожиданное, скользящее движение, но, повернувшись, обнаруживал, что смотреть не на что. Поначалу Джек решил, что их преследуют. Двадцать или тридцать минут даже думал, что по их следу бегут собакоподобные твари из школы Тэйера. Но стоило ему оглянуться, как всякое движение прекращалось: если кто-то и преследовал их, то он прятался за редкое дерево или успевал зарыться в песок. Огромная пустыня Проклятых земель, которую пересекал поезд, не выглядела пустой или мертвой — наоборот, она кипела какой-то тайной, ползучей жизнью. Джек толкнул рычаг вперед (как будто это могло помочь!), чтобы маленький поезд ехал быстрее, хоть немного быстрее. Ричард скулил, сгорбившись на своем конце сиденья. Воображение Джека рисовало всех этих существ, этих собаколюдей, которые мчатся следом за ними, и он молился, чтобы Ричард не открывал глаз.

— НЕТ! — крикнул Ричард не просыпаясь.

Джек чуть не вывалился из кабины. Он буквально *видел* Этриджа и мистера Дафри, которые их преследовали. Они приближались, их языки вываливались, плечи двигались. В следующую секунду он осознал, что видел лишь тени, бегущие за поездом. Школьники и их директор исчезли, как задутые огоньки свечей на праздничном торте.

— НЕ ТУДА! — крикнул Ричард. Джек медленно вдохнул. Ему — им — ничего не угрожало. Опасность Проклятых земель явно преувеличивали. И очень скоро взойдет солнце. Джек поднес часы к глазам. Они ехали почти два часа. Рот мальчика открылся в широченном зевке, и он пожалел о том, что съел так много перед отъездом со станции.

Сущий пустяк, подумал он, *эта поездка...*

В тот момент, когда Джек собирался закончить свою мысль столь полюбившимися старику Андерсу словами Бернса, он увидел первый огненный шар, и его покой надолго испарился.

4

Шар света диаметром не меньше десяти футов появился на горизонте, жарко пылая, и поначалу покатился прямо к поезду.

— Срань господня, — пробормотал Джек себе под нос, помня, что говорил Андерс об этих огненных шарах. *Если человек слишком близко подходит к одному из них, его настигает страшная болезнь... он теряет волосы... тело покрывается язвами... его начинает рвать... рвет и рвет, пока у него не разрывается желудок и не лопается горло.* Джек судорожно сглотнул, словно в рот попала пригоршня гвоздей. Взмолился вслух: — Пожалуйста, Боже!

Гигантский шар света катил к поезду, будто обладал разумом и решил стереть с лица земли Джека Сойера и

Ричарда Слоута. Лучевая болезнь. Живот Джека скрутило, яйца превратились в ледышки. *Лучевая болезнь. Рвет и рвет, пока не разорвется желудок...*

Роскошный ужин, которым накормил Джека Андерс, едва не выпрыгнул из желудка. Огненный шар продолжал катиться к ним, выстреливая искрами и шкварча от яростной внутренней энергии. За ним оставался золотистый светящийся след, который вплетался в другие следы, видневшиеся на красной земле. И в тот момент, когда шар подскочил, словно гигантский теннисный мяч, и, изменив направление движения, покатил влево, подальше от поезда, Джеку впервые удалось разглядеть существ, которые, как он и подозревал, преследовали поезд. Красновато-золотистый свет странствующего огненного шара и остаточное свечение прежних следов выдали стаю уродливых существ, которые бежали следом за поездом. Они напоминали собак и когда-то были собаками, или их предки были собаками. Джек обеспокоенно посмотрел на Ричарда, чтобы убедиться, что тот спит.

Существа, не отставшие от поезда, распластывались по земле, как змеи. Джек видел, что их головы напоминают собачьи, а тела с недоразвитыми задними лапами были безволосыми и бесхвостыми. Твари казались мокрыми — их розовая кожа блестела, как у новорожденного мышонка. Они зарычали, разозленные тем, что их заметили. Этих жутких собак-мутантов Джек видел прежде у насыпи. Больше похожие на рептилий, они шипели и скалили зубы, а потом начали отползать назад: мутанты тоже боялись огненных шаров и следов, которые те оставляли на земле. И тут Джек уловил запах огненного шара — тот плавно катился к горизонту, по пути уничтожив несколько росших рядком чахлых деревьев. Сера, разложение.

Еще один огненный шар появился из-за горизонта и проследовал далеко от поезда, слева от них. Вонь упущенных возможностей, рухнувших надежд, злобных жела-

ний — все это находил Джек (чье сердце билось где-то под языком) в мерзком запахе, который оставляли после себя шары. Тем временем стая собак-мутантов рассеялась, сверкая клыками, сливаясь с местностью, шурша тяжелыми безногими телами по красному песку. И сколько их было? За обгорелым пнем две собаки скалили на Джека длинные зубы.

Когда еще один огненный шар вынырнул из-за горизонта и обогнул поезд по широкой дуге, Джек на мгновение увидел лачугу, построенную в неглубокой ложбинке. Возле нее стоял вроде бы мужчина и смотрел на него. Здоровенный, волосатый, сильный, злобный...

Джек остро чувствовал медлительность маленького поезда Андерса, их с Ричардом уязвимость. Если бы у кого-то из местных возникло желание поближе с ними познакомиться, они бы не сумели им помешать. Первый огненный шар распугал ужасных собак-мутантов, но человеческие обитатели Проклятых земель могли проявить большую настойчивость. Прежде чем свет огненного шара померк, Джек заметил, что человеческая фигура у сарая повернула большую косматую голову, следя за поездом. Местных собак Джек уже повидал, а как выглядели местные люди? В последнем отсвете шара он успел разглядеть, как человеческая фигура уходила за угол сарая. За ней тянулся толстый чешуйчатый хвост. А потом темнота поглотила все — собак, человека с хвостом, лачугу. И Джек даже не мог сказать наверняка, что ему это не привиделось.

Ричард дернулся во сне, и Джек опять взялся за рычаг, напрасно надеясь заставить поезд развить большую скорость. Звуки, издаваемые собаками-мутантами, постепенно затихли. Весь в поту, Джек поднял левое запястье на уровень глаз, увидел, что прошло лишь пятнадцать минут после того, как он в последний раз смотрел на часы. Удивил себя очередным широким зевком — и снова пожалел, что съел так много за ужином.

— НЕТ! — крикнул Ричард. — НЕТ! Я НЕ МОГУ ТУДА ЕХАТЬ!

Туда — это куда? — спросил себя Джек. *Где находится это «туда»? В Калифорнии?* Или речь шла о любом месте, откуда исходила угроза, где знаменитый самоконтроль Ричарда, ненадежный, как необъезженная лошадь, мог в очередной раз дать слабину?

5

Всю ночь, пока Ричард спал, Джек простоял на вахте у рычага, наблюдая светящиеся следы, оставленные огненными шарами на красноватой земле. Их запах — увядших цветов и скрытого тлена — наполнял воздух. Время от времени до него доносился лай собак-мутантов или других несчастных существ, выползавших из-под корней жалких деревьев, которые еще встречались по обеим сторонам рельсов. Из аккумуляторов вылетали голубые дуги. Ричард, похоже, уже не просто спал, а провалился в небытие, которое ему требовалось, которого он желал. Он больше не вскрикивал и, собственно, вообще не шевелился, скрючившись в углу кабины и едва дыша, словно даже дыхание требовало чрезмерных усилий. Джек и ждал рассвета, и боялся его. С приходом утра он в полной мере сможет разглядеть животных — но что еще откроется его глазам?

Время от времени он поглядывал на Ричарда. Кожа его друга приобрела странный оттенок, стала призрачно-серой.

6

Утро обозначилось таянием темноты. Розовая полоска появилась вдоль выгнутого дугой восточного горизонта и тут же начала расширяться, выталкивая оптимистичную розовость все выше и выше. Джек чувствовал, что глаза у

него такие же красные, как эта полоска, ноги болели. Ричард занимал практически все маленькое сиденье, его дыхание по-прежнему оставалось неглубоким, словно дышал он с явной неохотой. И действительно, Джек видел, что от недостатка кислорода лицо друга посерело. Неожиданно веки Ричарда задрожали во сне, и Джеку оставалось лишь надеяться, что тот не разразится очередными криками. Рот Ричарда приоткрылся, но выпустил лишь кончик языка. Ричард провел языком по верхней губе, всхрапнул и опять провалился в оцепенелую кому.

Хотя Джеку отчаянно хотелось сесть и закрыть глаза, Ричарда он не тревожил. Чем яснее Джек видел Проклятые земли в разгоравшемся свете нового дня, тем больше ему хотелось, чтобы Ричард как можно дольше не приходил в сознание. Он сам — во всяком случае, пока — выдерживал условия поездки на маленьком поезде Андерса, но не испытывал ни малейшего желания увидеть реакцию Ричарда на чудовищность Проклятых земель. Боль во всем теле, усталость — Джек соглашался заплатить эту небольшую цену за временный мир и покой.

Его прищуренные глаза видели землю, где разрушению подверглось все, без малейших исключений. При лунном свете ему казалось, что они едут по огромной пустыне, пусть в ней и попадались деревья. Теперь Джек понимал, что никакая это не пустыня. За красноватый песок он принимал рассыпающуюся в пыль почву: создавалось ощущение, что человек мог провалиться в нее по щиколотку, а то и по колено. И на этой пустой, сухой почве росли чахлые деревья. Глядя прямо на них, Джек видел то же самое, что и ночью: они гнулись к земле, словно хотели залезть под собственные переплетающиеся корни. Это зрелище было не из приятных — Ричарду точно не понравилось бы. Но, глядя на деревья краем глаза, Джек видел извивающихся в муках живых существ: ветви напоминали руки, вскинутые к перекошенному от

боли лицу с раззявленным в безмолвном крике ртом. И если Джек не смотрел на деревья прямо, то перекошенные лица представали во всех подробностях: рот, обратившийся в букву «О», выпученные глаза, обвисший нос, прорезавшие щеки морщины. Эти лица кляли, молили, вопили — их неслышные голоса висели в воздухе, как дым. Джек застонал. Как и все в Проклятых землях, эти деревья были отравлены.

По обе стороны рельсов тянулась к горизонту красноватая земля, тут и там испещренная островками желтой травы, яркой, как моча или свежая краска. Если бы не отвратительный цвет, эти травяные островки могли напоминать оазисы, потому что каждый находился рядом с маленьким круглым прудом или озерцом. По черной воде плавали радужные пятна нефтяной пленки. Да и сама вода казалась более плотной, чем положено, отравленной. Когда они проезжали мимо второго ложного оазиса, располагавшегося рядом с рельсами, Джек увидел, как поверхность озерца пошла рябью. Поначалу он в ужасе подумал, что черная вода тоже живая и бьется в муках, как и деревья, которые ему больше не хотелось видеть. Потом на мгновение над поверхностью появилась широкая черная спина или бок, неведомое существо повернулось, разверзлась огромная голодная пасть, ухватившая что-то из воздуха. Блеснули чешуйки, которые, возможно, переливались бы всеми цветами радуги, если бы не покрывавшая их черная жижа. *Ну и ну!* — подумал Джек. *Неужели такая рыба?* Ему показалось, что длина создания превышала двадцать футов, многовато для такого озерца. Взметнулся в воздух длинный хвост, и огромное существо скрылось под поверхностью этого, вероятно, достаточно глубокого озерца.

Джек резко посмотрел в сторону горизонта, потому что у него возникло ощущение, что оттуда за ним наблюдает круглая голова. Прямо-таки лох-несское чудовище. По-

том решил, что это какая-то ошибка: ну как, скажите на милость, голова могла появиться *над горизонтом*?

И тут до него наконец-то дошло, что горизонт — ненастоящий. Всю ночь при лунном свете он неправильно оценивал размеры Проклятых земель, предполагая, что они расстилаются, насколько видит глаз. Теперь же, когда солнце поднималось все выше и выше, Джек понял, что дорога проложена по широкой долине, с обеих сторон которой тянулись иззубренные холмы. Кто-то или что-то вполне могло выслеживать его, не показываясь на глаза, скрываясь за вершинами. Джек вспомнил человеческое существо с крокодильим хвостом, которое скрылось за углом лачуги. Мог ли этот монстр преследовать его, дожидаясь, пока он уснет?

Поезд неспешно тащился по мрачной долине, его малая скорость сводила с ума.

Джек оглядывал вершины, но видел лишь скалы, позолоченные лучами восходящего солнца. Страх и напряженность полностью подавили его усталость. Ричард, прикрыв глаза рукой, по-прежнему спал. Что угодно, кто угодно мог двигаться с той же скоростью, что и они, выжидая удобного момента для нападения.

От медленного, едва заметного глазу движения слева у Джека перехватило дыхание. Скользящего движения огромной рептилии... Джеку показалось, что с полдесятка крокодилолюдей перевалили через гребень и теперь ползут вниз. Он прикрыл глаза ладонью от яркого света и посмотрел туда, где вроде бы видел их. Разглядел скалы, ту же красноватую, напоминающую пыль землю. Широкая тропа поднималась к гребню и ныряла в просвет между высокими скалами. И по тропе что-то двигалось, ползло, но это что-то даже отдаленно не походило на человека. Скорее, на змею, так, во всяком случае, подумал Джек... она уползала за скалу, и он видел только гигантское тело рептилии. Кожа существа казалась шероховатой, обо-

жженной, на боках виднелись непонятные черные пятна или рваные дыры. Джек повернул голову, чтобы не пропустить появление монстра из-за скалы, и его глазам предстала голова огромного червя, на четверть погруженная в красноватую пыль. С затянутыми пленкой выпученными глазами — но голова червя.

Какое-то другое животное выскочило из-под скалы, с тяжелой мордой и волочащимся по земле телом, и когда голова червя повернулась к нему, Джек понял, что это одна из собак-мутантов. Червь разинул пасть и ловко ухватил перепуганную тварь. Джек услышал хруст костей. Визг оборвался. Огромный червь разобрался с собакой-мутантом, как с таблеткой. Теперь же путь монстра пересекал черный след, оставленный одним из огненных шаров. На глазах Джека червь начал зарываться в пыль, словно уходящий под воду круизный лайнер. Существо, вероятно, понимало, какой вред могут причинить ему эти черные полосы, и, будучи червем, подныривало под них. Джек проследил, как червь полностью скрылся в красноватой почве, а потом оглядел длинный склон с островками сверкающей желтой травы, напоминавшими лобковые волосы, гадая, где монстр появится вновь.

Убедившись, что червь не собирается проглотить поезд, Джек вновь сосредоточил внимание на гребнях холмов.

7

Прежде чем Ричард проснулся (а это произошло, когда солнце уже начало клониться к западу), Джек увидел:

как минимум одну голову (он мог поклясться, что не ошибся), наблюдавшую за ним с гребня;

еще два подпрыгивающих смертоносных огненных шара;

лежащий у самых рельсов безголовый скелет, как ему вначале показалось, большого кролика, но потом он с

подступившей к горлу тошнотой понял, что человеческого ребенка, обглоданный дочиста;

чуть дальше — череп того же ребенка, также обглоданный дочиста, наполовину ушедший в красноватую пыль.

И еще он увидел:

стаю большеголовых собак, еще более деформированных, чем прежние, отчаянно ползущих за поездом, пускающих от голода слюну;

три деревянные лачуги, построенные на торчащих из пыли сваях, свидетельствующие о том, что и в этой вонючей, отравленной пустоши, которая звалась Проклятыми землями, живут и охотятся люди;

маленькую кожистую, без единого перышка птицу с — привет из Долин — бородатой обезьяньей мордашкой и длинными пальцами на концах крыльев;

и, самое ужасное (не считая того, что ему *мерещилось*), двух совершенно не узнаваемых животных, которые пили из черного пруда: с длинными зубами, человеческими глазами, передней половиной тела от свиньи, а задней — от больших кошек. Их морды заросли шерстью. Когда поезд проезжал мимо, Джек заметил, что яйца самца чудовищно распухли и волочились по земле. Как могли возникнуть такие страшилища? Джек решил, что под воздействием радиации. По всему выходило, что только она могла вызвать столь ужасные мутации. Отравленные с рождения существа оторвались от отравленной воды и оскалили зубы, глядя на проезжающий поезд.

Возможно, когда-нибудь точно так же будет выглядеть и наш мир, подумал Джек. *Брр*р.

8

Но было еще и то, что ему *мерещилось*. Кожа горела огнем и зудела — Джек уже скинул на пол кабины пончо, в которое превратилось пальто Майлза П. Кайгера. Еще

до полудня он снял и домотканую рубашку. Во рту чувствовался неприятный привкус, отвратительная смесь ржавого металла и гниющих фруктов. Пот со лба стекал на глаза. Джек так устал, что начал засыпать стоя, с открытыми глазами, которые жег пот. Он видел огромные стаи обезображенных собак, спускающихся вниз по склону; он видел красноватые облака, которые зависали над головой, раскрывались, и из них к нему и Ричарду тянулись длинные пламенеющие руки, руки дьявола. Когда глаза Джека наконец окончательно закрылись, он увидел Моргана из Орриса, ростом двенадцать футов и одетого в черное, его молнии взрывали землю, образуя все новые и новые кратеры.

Ричард застонал, пробормотал:

— Нет, нет, нет.

Морган из Орриса исчез, как клок тумана, и Джек открыл пылающие глаза.

— Джек? — спросил Ричард.

Впереди лежала пустынная красная земля с черными следами огненных шаров. Джек потер глаза, посмотрел на потягивающегося Ричарда.

— Да. Как ты?

Ричард, моргая, вновь улегся на сиденье. Его посеревшее лицо осунулось.

— Извини, что спросил, — добавил Джек.

— Нет, мне лучше, действительно. — Джек почувствовал, что у него немного отлегло от сердца. — Голова по-прежнему болит, но мне лучше.

— Ты очень кричал во... э-э-э... — Джек замялся, не зная, как его друг воспримет реальность.

— Во сне. Да, вероятно, кричал. — Лицо Ричарда дернулось, но на этот раз Джек не боялся, что он закричит. — Я знаю, что сейчас не сплю, Джек. И я знаю, что никакой опухоли мозга у меня нет.

— Ты знаешь, где мы?

— На этом поезде. Поезде старика. Едем по Проклятым землям, как он их называл.

— Точно, будь я дважды проклят, — с улыбкой ответил Джек.

На щеках Ричарда под серой бледностью проступили пятна румянца.

— И как ты до этого дошел? — спросил Джек, не зная наверняка, может ли он доверять трансформации Ричарда.

— Я знал, что не сплю. — Ричард покраснел еще сильнее. — Пожалуй... пожалуй, мне требовалось время, чтобы перестать с этим бороться. Если мы в Долинах, значит, мы в Долинах, пусть такое и невозможно. — Его глаза нашли глаза Джека, и тот удивился сверкнувшей в них искорке юмора. — Ты помнишь гигантские песочные часы на станции? — Джек кивнул, и Ричард продолжил: — Это все и решило... увидев эти часы, я понял, что мне это не снится. Потому что я бы никогда в жизни не смог придумать такие часы. Не смог бы. Просто... не смог бы. Если бы я собрался придумать примитивные часы, они включали бы в себя множество шестеренок, шкивы... не были бы столь простыми. То есть они мне не снились. Я видел перед собой настоящие песочные часы. Следовательно, настоящим было и все остальное.

— А как ты сейчас себя чувствуешь? — спросил Джек. — Ты спал очень долго.

— Я по-прежнему такой уставший, что едва могу поднять голову. И в целом, боюсь, чувствую себя не очень хорошо.

— Ричард, я должен тебя спросить. Есть причина, по которой ты боишься вернуться в Калифорнию?

Ричард уставился в пол и покачал головой.

— Ты когда-нибудь слышал о месте под названием «черный отель»?

Ричард продолжал качать головой. Это была неправда, но, как уже понял Джек, его друг мог сживаться с новой

реальностью постепенно — не разом. Внезапно до Джека дошло, что Ричарду известно намного больше, но пока он не может этого признать. Так что с получением сей важной информации придется подождать. Возможно, пока они не доберутся до черного отеля. Двойник Раштона и двойник Джейсона: да, вместе они могли добраться до обители и темницы Талисмана.

— Что ж, ладно. Ходить можешь?

— Наверное.

— И это хорошо, потому что сейчас я хочу кое-что сделать — раз уж ты не умираешь от опухоли мозга. И мне нужна твоя помощь.

— В чем? — спросил Ричард и вытер лоб трясущейся рукой.

— Я хочу открыть пару ящиков на платформе и посмотреть, не сможем ли мы разжиться оружием.

— Я ненавижу оружие. Терпеть его не могу. — Ричарда передернуло. — И тебе тоже следовало бы его ненавидеть. Если бы ни у кого не было оружия, твой отец...

— Да, а если бы у свиней были крылья, они бы летали, — кивнул Джек. — Я уверен, что нас преследуют.

— Что ж, может, это мой отец. — В голосе Ричарда слышалась надежда.

Джек что-то пробурчал и выдвинул рычаг из первого паза. Поезд начал замедлять ход. Когда он полностью остановился, Джек передвинул рычаг в нейтральное положение.

— Ты сможешь спуститься вниз?

— Да, конечно, — ответил Ричард и резко встал. Его колени подогнулись, и он плюхнулся обратно на скамью. Лицо посерело еще больше, лоб и верхняя губа заблестели от пота. — Ох, наверное, нет, — прошептал он.

— Не торопись. — Джек подошел к нему, одной рукой подхватил под локоть, другую положил на теплый влажный лоб. — Расслабься. — Ричард на мгновение закрыл

глаза, потом посмотрел на Джека, в его взгляде читалось абсолютное доверие.

— Я попытался встать слишком быстро. Ноги затекли из-за того, что я долго оставался в одном положении.

— Тогда будем подниматься медленно, — ответил Джек, помогая зашипевшему от боли Ричарду принять вертикальное положение.

— Больно.

— Сейчас все пройдет. Мне нужна твоя помощь, Ричард.

Ричард осторожно шагнул вперед, вновь зашипел.

— О-ох. — Он передвинул другую ногу. Потом чуть наклонился, похлопал ладонями по бедрам и икрам. Джек наблюдал, как меняется лицо Ричарда: на этот раз не от боли, а от расплывавшегося по нему изумления.

Он проследил за взглядом друга и увидел одну из голых обезьяноптиц, неспешно пролетавшую перед поездом.

— Да, здесь много странного, — заметил он. — И я бы чувствовал себя гораздо спокойнее, если бы мы нашли под брезентом оружие.

— А что, по-твоему, по другую сторону холмов? — спросил Ричард. — То же самое?

— Нет, я думаю, там живет больше людей. Если их можно назвать людьми. Я дважды видел, как за нами кто-то следил.

На лице Ричарда отразилась паника.

— Я не думаю, что это кто-то из твоей школы. Но вполне возможно, что они еще хуже. Я не пытаюсь напугать тебя, дружище, однако я познакомился с Проклятыми землями немного ближе, чем ты.

— Проклятые земли, — с сомнением повторил Ричард. Прищурившись, всмотрелся в красную пыльную долину с островками травы цвета мочи. — Ох... это дерево... ох...

— Я знаю, — кивнул Джек. — Надо постараться этого не замечать.

— Кто, скажи на милость, вызвал такие разрушения? — спросил Ричард. — Природа тут ни при чем, сам понимаешь.

— Может, со временем мы это выясним. — Джек помог Ричарду вылезти из кабины, и теперь оба стояли на узкой подножке над колесами. — В пыль не спускайся, — предупредил он. — Мы не знаем, как глубоко можно в нее провалиться. Мне не хочется вытаскивать тебя.

Ричард содрогнулся — но, возможно, потому, что краем глаза заметил еще одно кричащее, изнывающее в муках дерево. Вдвоем мальчики двинулись вдоль замершего поезда, перебрались по сцепке к пустому товарному вагону, по лесенке забрались на крышу. Лесенка с другой стороны позволила им спуститься на платформу.

Джек дернул за толстый пушистый шнур, пытаясь вспомнить, как Андерсу удалось с такой легкостью развязать узел.

— Я думаю, узел здесь. — Ричард поднял скрученное кольцо, напоминавшее петлю висельника. — Джек?

— Попробуй.

Ричарду не хватило сил, чтобы справиться с узлом, но когда Джек пришел к нему на помощь, «петля» тут же развязалась и брезент облепил ящики. Джек откинул его край. Помимо ящиков с «запчастями», на платформе стояли и другие, поменьше, с надписью «ЛИНЗЫ».

— Вот и они. — Джек удовлетворенно кивнул. — Жаль только, что у нас нет монтировки. — Он посмотрел на гребень холма, и одно измученное дерево раскрыло рот и молчаливо заорало. Не следила ли за ними с гребня очередная голова? Не полз ли в их сторону очередной гигантский червь? — Давай попытаемся снять крышку с какого-нибудь ящика.

Ричард шагнул к нему.

Шесть энергичных рывков — и Джек почувствовал движение и услышал скрежет гвоздей. Ричард продолжал тянуть крышку вверх со своей стороны.

— Достаточно, — остановил его Джек. Ричард посерел еще сильнее, да и выглядеть стал хуже. — Дальше я сам. — Ричард отступил и буквально рухнул на один из маленьких ящиков. Потом выпрямился и принялся изучать содержимое платформы.

Джек встал перед большим ящиком, взялся за край крышки, глубоко вдохнул, стиснул зубы и потянул крышку вверх со всей силы. Мышцы завибрировали от напряжения. Когда он уже собирался сдаться, гвозди вновь заскрежетали, вылезая из дерева. С криком: «Э-Э-ЭХ!» — Джек поднял крышку.

Внутри, блестя машинным маслом, лежали шесть автоматов, каких Джек никогда раньше не видел: они чем-то напоминали бабочек, наполовину машину, наполовину насекомое. Джек достал один, осмотрел со всех сторон, пытаясь понять, как он работает. Это был автомат, следовательно, к нему должен был прилагаться магазин с патронами. Джек наклонился и воспользовался стволом автомата, чтобы сорвать крышку с ящика с «линзами». Как он и ожидал, внутри обнаружились тяжелые промасленные магазины, упакованные в полиэтилен.

— Это «узи», — сообщил Ричард. — Израильский автомат. Очень популярное оружие. Любимая игрушка террористов.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джек, потянувшись за другим автоматом.

— Я смотрю телевизор. А ты что подумал?

Джек поэкспериментировал с магазином, сначала попытался вставить его не той стороной, потом нашел нужное положение. После этого разобрался с предохранителем. Снял с него автомат. Поставил вновь.

— Какие они уродливые, — вырвалось у Ричарда.

— Тебе тоже придется взять один, так что не жалуйся: — Джек вставил магазин в автомат для Ричарда, после короткого колебания забрал из ящика все магазины; два

сунул в карманы, два бросил Ричарду, который сумел их поймать, остальные сложил в вещевой мешок.

— Зачем тебе столько? — спросил Ричард.

— На всякий случай, — ответил Джек.

9

Ричард рухнул на сиденье, как только они вернулись в кабину, — подъем и спуск по двум лесенкам и короткая прогулка по узкой металлической полосе над колесами отняли у него почти все силы. Но он подвинулся, чтобы Джек смог сесть, и из-под налившихся свинцом век наблюдал, как его друг передвигает рычаг, чтобы тронуть поезд с места. Джек поднял пончо и начал протирать им автомат.

— Что ты делаешь?

— Стираю машинное масло. Тебе бы тоже надо это сделать. Когда я закончу.

Остаток дня мальчики просидели в открытой кабине поезда, потея, стараясь не обращать внимания на кричащие деревья, окутывавший долину запах тлена, собственный голод. Джек заметил россыпь маленьких язв, которые расцвели вокруг рта Ричарда. Наконец взял «узи» из рук друга, сам вытер с него машинное масло, вернул на место магазин. Соленый пот разъедал потрескавшиеся губы.

Джек закрыл глаза. Может, он и не видел никаких голов над гребнем, может, никто их не преследовал. Он услышал, как зашипели аккумуляторы, выстрелив голубой искрой, заставившей Ричарда подпрыгнуть. Мгновением позже он заснул, и снилась ему еда.

10

Когда Ричард тряхнул Джека за плечо, вырвав из мира, где тот ел пиццу размером с автомобильное колесо, тени начали наползать на долину, смягчая агонию

кричащих деревьев. Даже их согнутые, закрывающие руками лица силуэты казались прекрасными в тусклом, уходящем свете. Густо-красная пыль мерцала и поблескивала. Ложившиеся на нее тени удлинялись на глазах. Отвратительная желтая трава стала мягко-оранжевой. Тающий багрянец окрасил скалы на границе долины.

— Я подумал, что ты, возможно, захочешь это увидеть. — Ричард улыбнулся. Вокруг его рта появились новые язвы. — Так необычно... я про спектр.

Джек испугался, что сейчас услышит от Ричарда научное обоснование изменения цветовой гаммы на закате солнца, но его усталому, больному другу было не до физики. В молчании мальчики наблюдали, как сумерки сгущают цвета, превращая западный небосвод в пурпурное зарево.

— Ты знаешь, что еще мы везем с собой? — спросил Ричард.

— Что? — поинтересовался Джек. По правде говоря, его это не волновало. Он только знал, что ничего хорошего везти они не могли. И надеялся, что доживет до следующего заката, такого же красивого и величественного.

— Пластичную взрывчатку. По два фунта в фасовке. Во всяком случае, я думаю, что по два фунта. У нас ее достаточно, чтобы взорвать целый город. Если один из этих автоматов случайно выстрелит или кто-то всадит пулю в один из пакетов, от поезда останется только огромная дыра в земле.

— Я стрелять не буду, да и ты, полагаю, тоже, — ответил Джек и позволил себе полюбоваться закатом, который странным образом и предупреждал о новых испытаниях, и подводил черту под уже свершившимися. Джеку вдруг вспомнилось все, что случилось с ним после ухода из «Альгамбры». Он увидел свою мать, пьющую чай в маленьком кафе, усталую, состарившуюся женщину; Спиди Паркера, сидящего под деревом; Волка, при-

сматривающего за стадом; Смоуки и Лори из ужасного «Бара Апдайка в Оутли»; все ненавистные лица в «Лучезарном доме» — Гека Баста, Сонни Сингера и других. Особенно остро ему недоставало Волка, потому что набиравший силу закат напомнил о нем с новой силой, хотя Джек и не мог объяснить, почему именно закат так подействовал на него. Ему хотелось взять Ричарда за руку, но он не решался. Потом подумал: *А почему нет?* — и продвигал руку по скамье, пока не нащупал шершавую, безвольную кисть друга. Накрыл ее ладонью.

— Я совсем разболелся, — прошептал Ричард. — Это не так... как раньше. Желудок ноет, все лицо чешется.

— Думаю, тебе станет лучше, как только мы выберемся из этого места, — подбодрил его Джек. *Но какие у тебя доказательства, доктор?* — спросил он себя. *Какие у тебя есть доказательства, что ты просто-напросто не травишь его?* Никаких. Он уже сжился с недавно возникшей (или открытой заново) идеей: Ричард — необходимая часть того, что должно произойти в черном отеле. Для выполнения миссии ему понадобится Ричард Слоут, и не только потому, что Ричард Слоут мог отличить пластичную взрывчатку от удобрений.

Бывал ли уже Ричард в черном отеле? Неподалеку от Талисмана? Джек посмотрел на своего друга, дышавшего натужно и неглубоко. Рука Ричарда на ощупь казалась вылепленной из холодного воска.

— Мне больше не нужен этот автомат. — Ричард столкнул «узи» с колен. — От запаха меня мутит.

— Хорошо. — Джек положил автомат себе на колени. Одно из деревьев прокралось в зону его периферийного зрения и беззвучно завопило от невыносимой муки. Скоро появятся собаки-мутанты. Джек посмотрел на холмы по левую руку — со стороны Ричарда — и увидел человекоподобную фигуру, пробиравшуюся между скалами.

11

— Эй! — воскликнул он, не веря своим глазам. Пылающий закат, безучастный к его тревогам, по-прежнему превращал уродство в красоту. — Эй, Ричард!

— Что? Ты тоже заболел?

— Думаю, я кого-то видел. С твоей стороны. — Джек вновь всмотрелся в высокие скалы, но никакого движения не заметил.

— Мне без разницы, — ответил Ричард.

— А вот это ты зря. Обрати внимание, как они выбирают время. Хотят подобраться к нам именно в тот момент, когда слишком темно и нам их не разглядеть.

Ричард приоткрыл левый глаз и с неохотой посмотрел.

— Никого не вижу.

— Я тоже, но я рад, что мы заглянули на платформу и взяли автоматы. Пожалуйста, Ричард, сядь и поглядывай по сторонам, если хочешь выбраться отсюда живым.

— Какой же ты зануда. Черт! — Но Ричард сел и открыл оба глаза. — Я ничего тут не вижу, Джек. Становится слишком темно. Тебе, наверное, причудилось...

— Тихо, — прервал его Джек. — Он подумал, что заметил второе тело, проскользнувшее между скалами на гребне. — Их уже двое. Интересно, появится ли третий.

— А мне интересно, есть ли хоть один. — Ричард пожал плечами. — Зачем кому-то причинять нам вред? Я хочу сказать, это...

Джек повернул голову и посмотрел вперед. Кто-то спрятался за ствол одного из кричащих деревьев. И Джек мог поклясться, что размерами этот кто-то намного превосходил собаку.

— Так-так, — кивнул Джек. — Я думаю, еще один парень поджидает нас впереди. — На мгновение страх парализовал его — он не знал, как защититься сразу от троих

нападающих. Желудок скрутило. Джек взял с колен «узи» и тупо уставился на автомат, словно гадая, а сможет ли пустить его в ход. И есть ли огнестрельное оружие у обитателей Проклятых земель?

— Ричард, ты уж извини, но на этот раз дела наши плохи, и мне действительно нужна твоя помощь.

— Что мне делать? — дрожащим голосом спросил Ричард.

— Возьми оружие. — Джек протянул ему автомат. — И я думаю, нам надо встать на колени, чтобы не быть для них удобной мишенью.

Он соскользнул со скамьи. Ричард повторил его маневр, только медленно, словно находился под водой.

Сзади донесся протяжный крик, ему ответил другой, с холмов.

— Они знают, что мы их заметили, — прошептал Ричард. — Но где они?

Ответ они получили немедленно. Все еще видимый в догорающих лиловых сумерках человек в лохмотьях — или напоминавшее человека существо — выскочил из-за укрытия и побежал вниз по склону к поезду. Он что-то кричал, совсем как индеец, а в руках у него была... Вроде бы гибкая палка, и Джек еще пытался понять, что это такое, когда скорее услышал, чем увидел, как что-то узкое рассекло воздух над его головой.

— Вот блин! У них луки и стрелы! — воскликнул он.

Ричард застонал, и Джек испугался, что того сейчас стошнит.

— Я должен его застрелить.

Ричард шумно сглотнул и издал какой-то звук, не похожий на слово.

— Черт. — Джек снял автомат с предохранителя. Поднял голову и увидел, что подбежавший совсем близко оборванец как раз отпускает туго натянутую тетиву. Если бы он попал в цель, это зрелище стало бы последним в жизни

Джека, но стрела ударилась о кабину и отлетела. Джек вскинул «узи» и нажал спусковой крючок.

Последовавшее стало для него полной неожиданностью. Он ожидал, что автомат, не дергаясь, послушно выпустит несколько пуль. Вместо этого «узи» запрыгал в его руках, словно дикий зверь, а от грохота едва не лопнули барабанные перепонки. Вонь сгоревшего пороха обожгла нос. Оборванец вскинул руки, но от изумления, а не потому, что его ранило. Джек наконец-то сообразил, что надо убрать палец с крючка. Он понятия не имел, сколько сделал выстрелов и сколько патронов осталось в магазине.

— Попал? Попал? — спросил Ричард.

Оборванец бежал вверх по склону, шлепая огромными плоскими стопами. Теперь Джек разглядел, что это не ноги, а большущие пластины, прикрепленные к ногам, местный аналог снегоступов. Мужчина пытался как можно быстрее добраться до ближайшего дерева, чтобы укрыться за ним.

Джек поднял «узи», прицелился. Потом мягко нажал спусковой крючок. Автомат запрыгал в руках, но не так сильно, как в первый раз. Пули полетели по широкой дуге, и как минимум одна нашла цель, потому что оборванца отбросило в сторону, словно его сшиб грузовик. Ноги выскочили из снегоступов.

— Дай мне твой автомат. — Джек взял у Ричарда «узи». По-прежнему стоя на коленях, выпустил половину магазина в темные тени перед поездом, надеясь, что убил существо, поджидавшее их там.

Еще одна стрела отскочила от кабины, другая вонзилась в борт товарного вагона.

Ричард трясся и плакал на полу.

— Перезаряди мой автомат, — приказал ему Джек, достал из кармана полный магазин и сунул под нос Ричарду. Затем оглядел долину в поисках второго нападавшего. Еще минута, и наступит полная темнота.

— Я его вижу, — крикнул Ричард. — Я его вижу — вон там! — Он указывал на тень, которая бесшумно и быстро двигалась среди скал, и Джек потратил оставшиеся в магазине второго «узи патроны», чтобы разделаться с ней. Едва грохот выстрелов стих, Ричард забрал у него автомат и сунул ему в руки другой, с полным магазином.

— Карошие мальчуки, карошие мальчуки. — Голос доносился спереди справа, но они не могли определить, как далеко находится говоривший. — Вы сразу стоп, я сразу стоп тоже, ясна? С этим конец, делу конец. Вы карошие мальчуки, может, продать мне эта оружье? Вы карошо убивать, я вижу.

— Джек! — истерически прошептал Ричард, предупреждая об опасности.

— Брось лук и стрелы! — крикнул Джек, не поднимаясь с пола.

— Джек, ты что? — прошептал Ричард.

— Я их бросать сразу, — сообщил голос, его обладатель по-прежнему находился впереди и на достаточно большом расстоянии. Что-то легкое упало в пыль. — Вы, мальчуки, стоп, продать мне оружье, так?

— Хорошо, — ответил Джек. — Подойди, чтобы мы могли тебя видеть.

Джек передвинул рычаг в нейтральное положение, и поезд тут же стал сбрасывать скорость.

— Как только я закричу, — прошептал Джек Ричарду, — как можно скорее сдвинь рычаг вперед, ясно?

— Господи, — выдохнул Ричард.

Джек убедился, что автомат, переданный ему Ричардом, снят с предохранителя. Струйка пота стекла по лбу в правый глаз.

— Все карошо, да-а! — крикнул невидимый собеседник. — Мальчуки можно сесть, да-а. Сесть, мальчуки.

Сесть-встать, сесть-встать, не спать, не спать.

Поезд медленно катился вперед.

— Возьмись за рычаг, — прошептал Джек. — Уже скоро.

Дрожащая рука Ричарда, которая выглядела слишком маленькой и детской, неспособной сделать что-то серьезное, коснулась рычага.

Джек внезапно вспомнил старика Андерса, стоящего на коленях на покоробленном деревянном полу станции и спрашивающего: «Но ты будешь в безопасности, мой господин?» Джек тогда не воспринял этот вопрос серьезно. Что могли противопоставить Проклятые земли парню, который ворочал пивные бочонки для Смоуки Апдайка?

И если чуть раньше Джек боялся, как бы Ричард не облевал долинский аналог пальто Майлза П. Кайгера, теперь его тревожило другое: как бы не наложить в штаны.

Взрыв смеха разорвал темноту. Джек подобрался, поднял автомат и крикнул в тот самый момент, когда тяжелое тело ударилось в бок кабины и прижалось к ней. Ричард двинул рычаг вперед, поезд с легким рывком тронулся.

Голая волосатая рука схватилась за стойку. *Это перебор даже для Дикого Запада*, подумал Джек, когда тело гостя нависло над ними. Он сам чуть не обделался от страха, а Ричард завизжал.

Почти все лицо занимали зубы, злобную морду, выражением не уступавшую оскалившей клыки гремучей змее. С кончика одного из зубов упала капелька — как предположил Джек, яда. На мальчиков смотрела змеиная голова с крохотным носом. В одной перепончатой руке пришелец сжимал нож. От страха Джек выстрелил не целясь.

Но существо дернулось и отпрянуло. Джеку потребовалась доля секунды, чтобы увидеть, что нет больше ни перепончатой кисти, ни ножа. Пришелец махнул окровавленным обрубком и оставил красное пятно на рубашке Джека. В это мгновение рассудок покинул мальчика, од-

нако его пальцы действовали сами по себе: нацелили «узи» в грудь существа и нажали спусковой крючок.

Огромная дыра возникла в центре волосатой груди, и зубы, с которых капал яд, щелкнули — пасть закрылась. Джек не снимал пальца с крючка, а ствол автомата поднялся, словно сам по себе, и за секунду разворотил голову существа. Потом оно исчезло. Остались только большое кровяное пятно на боку кабины и кровавый след на рубашке Джека. Лишь они свидетельствовали о реальности произошедшего.

— Берегись! — крикнул Ричард.

— Я его сделал, — выдохнул Джек.

— Куда он подевался?

— Свалился, — ответил Джек. — Он мертв.

— Ты отстрелил ему руку, — прошептал Ричард. — Как тебе это удалось?

Джек посмотрел на свои ладони и увидел, как они трясутся. Кабину окутывала вонь горелого пороха.

— Вообразил себя метким стрелком, — ответил он, опустил руки и облизнул губы.

Двенадцать часов спустя, когда солнце вновь поднялось над Проклятыми землями, мальчики не спали: оба провели ночь, как часовые, с оружием на коленях, напрягаясь при каждом звуке. Помня о том, сколь велик запас патронов на поезде, Джек время от времени выпускал короткие очереди. И жившие в этой части Проклятых земель люди или монстры — если таковые имелись — на весь второй день оставили мальчиков в покое. Это могло означать, устало думал Джек, что здешние обитатели знали об огнестрельном оружии. А может, в относительной близости от западного побережья никто не хотел связываться с поездом Моргана. Он не стал делиться этими мыслями с Ричардом, который большую часть пути просидел с затуманенными, ничего не видящими глазами. Похоже, у него поднялась температура.

12

К вечеру этого дня в едком воздухе Джек уловил запах соленой воды.

Глава 36
ДЖЕК И РИЧАРД ИДУТ НА ВОЙНУ

1

Закат в этот вечер расширился — с приближением к океану холмы сглаживались, — но утратил часть своего великолепия. Джек остановил поезд на вершине пологого подъема и вновь отправился на платформу. Пробыл там почти час — пурпур ушел с неба, а на востоке поднялся лунный серп — и вернулся с шестью небольшими ящиками, на которых было написано «ЛИНЗЫ».

— Открой их, — велел он Ричарду. — Сосчитай. Ты назначаешься Хранителем магазинов.

— Великолепно, — устало ответил Ричард. — Я знал, что не зря получаю образование.

Джек вновь отправился на платформу, и когда вскрывал очередной ящик «ЗАПЧАСТЕЙ», из темноты донесся грубый, хриплый крик, за которым последовал вопль боли.

— Джек? Джек, ты там?

— Да, я здесь, — откликнулся Джек. Подумал, что не стоит им перекрикиваться, как двум женщинам через высокий забор, но, судя по голосу, Ричард был на грани паники.

— Скоро придешь?

— Прямо сейчас. — Джек активнее заработал стволом «узи». Они уже выезжали из Проклятых земель, но ему не хотелось затягивать стоянку. Он понимал, что самое про-

стое — перенести ящик с автоматами в кабину поезда, однако тот слишком много весил.

Свои «узи» карман не тянут, подумал Джек и рассмеялся в темноту.

— *Джек?* — пронзительно вскрикнул Ричард.

— Потише, дружок.

— Не называй меня дружком.

Заскрежетали гвозди, крышка немного приподнялась, и Джеку не составило труда откинуть ее. Он взял еще два автомата и уже двинулся в обратный путь, когда увидел другой ящик, размером с коробку для небольшого телевизора. Раньше его скрывало полотнище брезента.

Джек прошел по крыше вагона в слабом свете луны, чувствуя легкий ветерок, дувший в лицо. Вонь тлена исчезла, ветерок нес с собой влагу и запах соли.

— Что ты там делал? — набросился на него Ричард. — Джек, у нас же есть автоматы! И у нас есть *патроны*! Зачем ты ходил туда за новыми? Кто-то мог забраться сюда в твое отсутствие!

— Нам нужно больше автоматов, потому что при длительной стрельбе они перегреваются, — ответил Джек. — Больше патронов, потому что стрелять, возможно, придется много. Я тоже смотрю телик, знаешь ли. — И он вновь направился к товарному вагону. Хотел посмотреть, что в «телевизионной» коробке.

Ричард схватил Джека. Паника превратила его руку в птичью лапу с когтями.

— Ричард, все будет хорошо...

— Кто-то может напасть на тебя там!

— Я думаю, мы практически выехали из Прок...

— Кто-то может напасть на меня здесь! Джек, не оставляй меня *одного*!

Ричард расплакался. Не отвернулся от Джека, не закрыл лицо руками — просто стоял и плакал. Совершенно беззащитный. Джек обнял его. Прижал к груди.

— Если кто-то нападет на тебя и убьет, что будет со мной? — всхлипывал Ричард. — Как мне удастся выбраться из этого места?

Я не знаю, подумал Джек. *Действительно не знаю.*

2

В итоге Ричард отправился с ним в последнее путешествие на платформу. Джеку пришлось помогать ему подниматься по лесенке, поддерживать на крыше вагона, помогать спуститься. И Ричард мало чем отличался от хроменькой старушки, которую переводят через улицу. С головой у Рационального Ричарда определенно стало получше... но физических сил только убавилось.

Хотя сквозь щели между досок поблескивало машинное масло, надпись на коробке гласила «ФРУКТЫ». И это была почти правда. Откинув крышку, Джек в этом убедился. Коробку заполняли ананасы. Только взрывчатые.

— Святая Ханна, — прошептал Ричард.

— Кем бы она ни была, — согласился Джек. — Помоги мне. Я думаю, каждый из нас может засунуть под рубашку четыре или пять штук.

— Зачем тебе такой арсенал? — спросил Ричард. — Собираешься сражаться с армией?

— Что-то в этом роде.

3

Шагая с Джеком по крыше вагона, Ричард посмотрел на небо и едва не лишился чувств. Пошатнулся и, не схвати его Джек, свалился бы. Только сейчас Ричард осознал, что видит созвездия, которые не сияют ни над Северным, ни над Южным полушариями. Над ним мерцали чужие звезды... но они складывались в созвездия, и где-то в этом неведомом, невероятном мире моряки могли ориентиро-

ваться по ним. Именно эта мысль окончательно убедила Ричарда, что он в другом мире... и осознание этого оглушило его.

Потом откуда-то издалека до него донесся голос Джека:

— Эй, Ричи! Джейсон! Ты чуть не свалился вниз!

В конце концов они добрались до кабины.

Джек передвинул рычаг вперед, и поезд Моргана из Орриса вновь заскользил по рельсам. Мальчик оглядел пол кабины: четыре автомата «узи», почти двадцать кучек по десять магазинов и десять ручных гранат, чеки которых напоминали колечки на пивных банках.

— Если нам не хватит этого, значит, все бесполезно, — решил он.

— А кого ты ждешь, Джек?

Джек только покачал головой.

— Ты, наверное, думаешь, что пользы от меня никакой, да? — спросил Ричард.

Джек улыбнулся.

— Всегда так думал, дружок.

— Не называй меня дружком!

— *Дружок, дружок, дружок!*

На этот раз давняя шутка вызвала легкую улыбку, которая лишь подчеркнула россыпь язв возле губ Ричарда... но это было хоть что-то.

— Ничего не случится, если я немного посплю? — спросил Ричард, отодвигая автоматные магазины и устраиваясь в углу. Он накрылся пончо Джека. — Все эти подъемы и спуски. Думаю, я действительно болен, потому что чувствую себя совершенно вымотавшимся.

— Не случится, — заверил Джек. У него, похоже, открылось второе дыхание. И он понимал, что скоро оно ему очень понадобится.

— Я чую океан. — В голосе друга Джек услышал удивительную смесь любви, ненависти, ностальгии и страха. Глаза Ричарда закрылись.

Поезд развил максимальную скорость. Никогда раньше Джек не чувствовал так остро, что конец — какой-то, но конец — столь близок.

4

Еще до захода луны печальные и пугающие ландшафты Проклятых земель остались позади. Вновь появилась «пшеница». Чуть отличавшаяся от той, что росла в Эллис-Бриксе, но лучившаяся чистотой и здоровьем. Джек услышал далекие крики птиц, вроде бы чаек. В этих криках звучало невыносимое одиночество, особенно острое среди бескрайних полей с едва ощутимым ароматом фруктов и все более усиливающимся запахом морской соли.

После полуночи появились деревья, главным образом хвойные, и сосновый дух, смешиваясь с висевшим в воздухе привкусом соли, казалось, укреплял связь между местом, куда Джек направлялся, и местом, откуда он отбыл. Джек и его мать редко бывали в северной Калифорнии — возможно, потому, что Блоут часто там отдыхал, — но Джек помнил слова Лили о том, что местность в Мендосино и Саусалито выглядит совсем как Новая Англия, вплоть до домов, «солонок» и «кейп-кодов». Поэтому съемки многих фильмов, действие которых разворачивалось в Новой Англии, проводились на севере штата, а не на другом побережье страны, и чаще всего зрители не замечали разницы.

Так, значит, я странным образом возвращаюсь в то самое место, откуда уехал.

Ричард: «Ты собираешься сражаться с армией?»

Джека радовало, что Ричард заснул, и ему не пришлось отвечать на этот вопрос; во всяком случае, пока.

Андерс: «Дьявольские штуковины. Для плохих Волков. Чтобы отвезти к черному отелю».

Дьявольскими штуковинами оказались автоматы «узи», пластичная взрывчатка, гранаты. Дьявольские штуковины находились в поезде. Плохие Волки — нет. Товарный вагон, однако, пустовал, и Джеку этот факт показался очень убедительным.

Вот тебе история, Ричи-бой, и я очень рад, что ты спишь, а потому мне нет необходимости рассказывать ее. Морган знает, что я приду, и планирует вечеринку-сюрприз. Только из торта должны выпрыгнуть не голые красотки, а оборотни, и в качестве подарков они предложат автоматы «узи» и гранаты. Что ж, поезд мы, можно сказать, похитили и приедем за десять или двенадцать часов до положенного срока, но если мы направляемся в лагерь, полный Волков, ожидающих появления долинского «чу-чу» — а я думаю, что именно туда мы и направляемся, — чтобы остаться в живых, нам потребуется вся возможная внезапность.

Джек провел рукой по щеке.

Будет проще остановить поезд на достаточном расстоянии от ударного отряда Моргана и по широкому кругу обойти лагерь. Проще и безопаснее.

Но тогда плохие Волки останутся живы, Ричи, ты это понимаешь?

Джек посмотрел на арсенал, лежавший на полу кабины, и спросил себя, действительно ли он планировал рейд коммандос на Волчью бригаду Моргана. Тех еще коммандос. Старого доброго Джека Сойера, короля бродяг-посудомойщиков, и его коматозного закадычного друга Ричарда. Джек задался вопросом, а не рехнулся ли он. Похоже на то, потому что именно это он и планировал. Морган со всеми его Волками никак не могли такого ожидать... и уж очень они достали Джека, очень-очень. Чертовски достали. Высекли его самого, убили Волка. Уничтожили школу и большую часть здравомыслия Ричарда. А Морган Слоут наверняка сейчас в Нью-Хэмпшире, не дает покоя матери Джека.

Безумие или нет, пришел час расплаты.

Джек наклонился, поднял один из заряженных автоматов и положил на колени. Поезд продолжал катиться по рельсам, а запах соли усиливался.

5

В предрассветные часы Джек немного поспал, привалившись к рычагу. Наверное, он бы не слишком обрадовался, узнав, что шутники прозвали подобные рычаги «чертовой кочергой». С приходом зари Джека разбудил Ричард.

— Что-то впереди.

Прежде чем посмотреть вперед, Джек взглянул на Ричарда. Он надеялся, что при дневном свете тот будет выглядеть лучше, но даже слабого свечения зари хватало, чтобы понять, что Ричард болен. В свете нового дня его кожа из серой стала желтой... но не более того.

— *Эй! Поезд! Привет тебе, большой гребаный поезд!* — Эти крики больше напоминали звериный рев. Джек повернул голову.

Они приближались к маленькой сторожке, напоминавшей блиндаж.

У сторожки стоял Волк, но его сходство с Волком Джека ограничивалось сверкающими оранжевыми глазами. У этого Волка голова казалась невероятно плоской, словно чья-то рука срезала верхнюю часть черепа. И все лицо выглядело придатком к нижней челюсти, которая напоминала булыжник, зависший над обрывом. Даже написанная на этом лице нежданная радость не могла скрыть чудовищной тупости его обладателя. Вдоль щек висели косички. На лбу виднелся шрам в виде буквы «Х».

Волк носил некое подобие униформы наемника — в его представлении: мешковатые зеленые штаны и черные

ботинки с отрезанными мысками, чтобы не сдавливали когтистые волосатые пальцы.

— *Поезд!* — прокричал или прорычал Волк. До него оставалось не более пятидесяти ярдов. Он начал подпрыгивать, широко улыбаясь, защелкал пальцами. С нижней челюсти неприглядными ошметками летела пена. — *Поезд! Поезд! Гребаный поезд ПРЯМО ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС!* — Его рот раскрылся в широченной улыбке, продемонстрировав огромное количество сломанных желтых клинков. — *Вы, парни, чертовски рано, хорошо, хорошо!*

— Джек, кто это? — спросил Ричард. Его рука панически сжимала плечо друга, но голос, надо отдать ему должное, звучал спокойно.

— Это Волк. Один из Волков Моргана.

Ну вот, Джек, ты и произнес его имя. Придурок!

Но волноваться об этом времени не было. Они почти поравнялись со сторожкой, и Волк определенно собирался запрыгнуть в кабину. А пока отплясывал в пыли в своих обрезанных ботинках. Из-под пересекавшего голую грудь пустого патронташа торчала рукоятка ножа, но никакого огнестрельного оружия не наблюдалось.

Джек переключил «узи» на стрельбу одиночными патронами.

— Морган? Кто такой Морган? Какой Морган?

— Не сейчас, — отрезал Джек.

Он полностью сосредоточился на Волке. Ради него растянул губы в широкой, словно приклеенной улыбке, держа «узи» на коленях, чтобы Волк не увидел автомат раньше времени.

— *Поезд Андерса! Все-твою-мать-хорошо! Здесь и сейчас!*

Справа от кабины, над широкой подножкой, торчала большая рукоятка-скоба. Ухмыляясь, роняя на подбородок слюну, Волк — очевидно, безумный — схватился за скобу и легко запрыгнул на подножку.

— Эй, а где старик? Волк! Где...

Джек поднял «узи» и вогнал пулю в левый глаз Волка.

Яростный оранжевый свет погас, как огонек свечи от сильного порыва ветра. Волк свалился с подножки, напоминая человека, спиной падающего в воду. Тяжело грохнулся о землю.

— Джек! — Ричард развернул Джека к себе. Он казался не менее безумным, чем Волк, только его лицо перекосило от ужаса — не от радости. — *Ты говорил про моего отца? Мой отец в этом замешан?*

— Ричард, ты мне доверяешь?

— Да, но...

— Тогда давай не будем про это. *Давай не будем*. Сейчас не время.

— Но...

— Возьми автомат.

— Джек...

— Ричард, *возьми автомат*!

Ричард наклонился и поднял с пола «узи».

— Я ненавижу оружие, — сказал он.

— Да, знаю. Сам не очень-то его люблю, Ричи-бой. Но пришло время расплаты.

6

Рельсы приближались к высокому бревенчатому частоколу. Из-за него доносились хрипы, крики, ритмичные хлопки, топот марширующих по голой земле ног. Другие звуки не поддавались распознаванию, но в совокупности они подсказали Джеку, что происходило за забором: *там муштровали солдат*. От сторожки до частокола было полмили, и Джек сомневался, что за всем этим шумом кто-то расслышал его одиночный выстрел. Электрический поезд ехал почти бесшумно. Они могли в полной мере воспользоваться эффектом внезапности.

Рельсы исчезали под закрытыми двустворчатыми воротами в бревенчатой стене. Джек видел свет, проникавший сквозь щели между плохо ошкуренными бревнами.

— Джек, тебе бы лучше сбросить скорость. — Они находились в ста пятидесяти ярдах от ворот. За стеной ревели голоса: «Кгу-хом! Гас-дфа! Тги-шетыре! Кгу-хом!»

Джек вновь подумал о зверолюдях Герберта Уэллса, и по его телу пробежала дрожь.

— Нельзя, дружок. Мы проломим ворота. Еще успеешь спеть «Рыбное приветствие»*.

— Джек, ты рехнулся!

— Знаю.

Сто ярдов. Аккумуляторы гудели. Шипя, выстрелила голубая искра. По обеим сторонам железнодорожного пути тянулась голая земля. *Никакой «пшеницы»*, подумал Джек. *Напиши Ноэл Коуард пьесу о Моргане Слоуте, наверняка назвал бы ее «Выжженная душа»*.

— Джек, а если этот паршивый поезд сойдет с рельсов?

— Очень даже возможно.

— А если проедет ворота, и рельсы сразу закончатся?

— Тогда нам не повезет, верно?

Пятьдесят ярдов.

— Джек, ты действительно рехнулся?

— Похоже на то. Сними автомат с предохранителя, Ричард.

Ричард передвинул рычажок.

Тяжелые шаги... хрипы... марширующие ноги... скрип кожи... крики... нечеловеческий смеющийся вопль, заставивший Ричарда сжаться. Но при этом Джек видел написанную на лице друга решимость, а потому с гордостью улыбнулся. *Он встанет со мной плечом к плечу... Рациональный Ричард или нет, но он действительно встанет со мной плечом к плечу.*

---

* «Рыбное приветствие» — известная антивоенная песня американского певца и композитора Кантри Джо Макдональда (р. 1942).

Двадцать пять ярдов.

Крики... визги... команды... жуткий громовой крик: «Г-р-о-о-о-О-О-О-О!» — от которого волосы на затылке Джека встали дыбом.

— Если выберемся отсюда, я куплю тебе чили-дог в «Дайри куин».

— *Хочешь, чтобы я блеванул?* — прокричал в ответ Ричард и — невероятно — начал смеяться. В этот момент его лицо отчасти утратило болезненную желтизну.

Пять ярдов. Бревенчатые ворота выглядели прочными, да, очень прочными, и Джеку как раз хватило времени, чтобы подумать, а не допустил ли он роковую ошибку.

— Пригнись, дружок!

— Не называй ме...

Поезд врезался в ворота, бросив мальчиков вперед.

7

Ворота оказались прочными, с учетом того, что изнутри их заложили двумя толстыми бревнами. Поезд Моргана обладал не такой уж большой массой, да и аккумуляторы практически сели после долгой поездки через Проклятые земли. Лобовой удар вполне мог сбросить его с рельсов, и оба мальчика погибли бы, но у ворот нашлась ахиллесова пята. Морган уже заказал новые петли, выкованные согласно последним технологическим достижениям Америки. Но они еще не прибыли, а старые, из местного железа, лопнули при ударе локомотива о ворота.

Поезд въехал в лагерь со скоростью двадцать пять миль в час, таща перед собой сорванные ворота. По периметру бревенчатого забора шла полоса препятствий, и ворота, словно нож бульдозера, принялись срезать деревянные барьеры, размолачивая их в щепки.

Они также ударили Волка, который пробегал штрафной круг. Его оторванные ноги вместе с форменными бо-

тинками и штанами исчезли под нижней частью ворот. Крича и рыча, Волк начал изменяться. Он карабкался на ворота, цепляясь за них ногтями, которые быстро отрастали и заострялись, все сильнее напоминая монтерские «когти». Поезд уже отъехал от бревенчатой стены на сорок футов. Удивительно, но Волк почти добрался до верха ворот, когда Джек перевел рычаг в нейтральное положение. Поезд остановился. Ворота упали на рельсы, подняв облако пыли и расплющив несчастного Волка. А на оказавшихся под платформой оторванных ногах еще несколько минут продолжали расти волосы.

Ситуация в лагере превзошла самые радужные ожидания Джека. Здесь, очевидно, просыпались рано, как и положено в военных городках, и большинство рекрутов и их командиров находилось во дворе, на занятиях по военной и физической подготовке.

— *Направо!* — крикнул Джек Ричарду.

— *И что делать?* — прокричал в ответ Ричард.

Джек испустил вопль. За дядю Томми Вудбайна, сбитого автомобилем на улице; за неизвестного возницу, засеченного кнутом до смерти на грязном дворе; за Ферда Джэнклоу; за Волка, убитого в мерзком кабинете Лучезарного Гарденера; за свою мать; но прежде всего — за королеву Лауру Делессиан, которая тоже была его матерью, и за преступления, совершенные в Долинах. Он стал Джейсоном, и голос его прогремел громом.

— ПОРВЕМ ИХ! — проревел Джек Сойер/Джейсон Делессиан и открыл огонь по левой части двора.

8

Со стороны Джека располагалось грубое подобие плаца, со стороны Ричарда — длинное бревенчатое здание. Оно скорее напоминало барак из вестерна, но Ричард полагал, что это казарма. Собственно, это место показалось

ему куда более знакомым, чем все остальное, увиденное им в странном мире, куда затащил его Джек. Подобные места он видел не раз — в телевизионных выпусках новостей. Наемники, которых поддерживало ЦРУ, готовились к совершению переворотов в Центральной и Южной Америке именно в таких лагерях. Только обычно эти лагеря находились во Флориде, а те, кто выскакивал сейчас из казармы, не были кубинцами: Ричард понятия не имел, как ему их назвать.

Некоторые словно сошли со средневековых картин, изображавших дьяволов и сатиров. Другие напоминали выродившихся, почти что пещерных людей. А одно выскочившее из казармы существо, с чешуйчатой кожей и мигательными перепонками, показалось Ричарду Слоуту крокодилом, передвигавшимся на задних лапах. У него на глазах чудовище подняло морду и издало крик, который они с Джеком слышали раньше: «Г-р-о-о-о-О-О-О-О!» Ричард успел заметить, что все эти дьявольские существа сбиты с толку, а потом загрохотал «узи» Джека.

Со стороны Джека два десятка Волков делали зарядку, одетые, как и Волк в сторожке, в мешковатые зеленые штаны, ботинки со срезанными мысками и поясапатронташи. Как и у Волка в сторожке, вид у них был глупый, плоскоголовый и очень злобный.

Волки замерли в нелепых позах, повернувшись к вломившемуся в лагерь поезду, снесшему ворота и наехавшему на бедолагу, которому не посчастливилось наматывать штрафные круги. Услышав крик Джека, Волки двинулись к поезду, но опоздали.

Большую часть лелеемой Морганом Волчьей бригады, тщательно отбираемой в течение пяти лет за силу и жестокость, за страх перед Морганом и верность ему, уничтожила первая же автоматная очередь, выпущенная Джеком. Волки спотыкались, их отбрасывало назад с разорванной грудью и окровавленной головой. Некоторые злобно ры-

чали, выли от боли, но таких оказалось не много. Большинство просто умерло.

Джек вытащил магазин, схватил другой, вогнал в гнездо. В левой части плаца осталось четыре Волка, в центральной двое успели упасть, оказавшись ниже линии огня. Обоих ранило, но теперь они кинулись к Джеку, длинные ногти на пальцах ног взрывали утрамбованную землю, лица зарастали шерстью, глаза сверкали. Они бежали к локомотиву, и Джек видел, как вылезают изо рта удлиняющиеся зубы, а подбородки покрываются жесткими волосами.

Джек нажал спусковой крючок, с трудом удерживая горячий «узи». Сильная отдача стремилась подкинуть ствол вверх. Обоих атакующих Волков отбросило с такой силой, что они перевернулись в воздухе, словно цирковые акробаты. Другие четыре Волка не стали дожидаться, пока Джек переключится на них, и галопом рванули к тому месту, где двумя минутами раньше стояли ворота.

Жуткого вида существа, высыпавшие из бараков-казармы, уже поняли, что пришельцы хоть и прибыли на поезде Моргана, однако настроены крайне недружелюбно. Они не бросились в организованную атаку, но толпой двинулись к поезду. Ричард положил ствол «узи» на боковину кабины, которая находилась на уровне груди, и открыл огонь. Пули рвали тварей, отбрасывали назад. Два существа, напоминавшие козлов, упали на руки и колени — или копыта — и поползли обратно в казарму. Ричард видел, как пули развернули и бросили на землю еще троих. Его вдруг охватила такая свирепая радость, что он едва не лишился чувств.

Пули также вспороли бледно-зеленое брюхо человека-аллигатора, и оттуда фонтаном забила черная жидкость (гной — не кровь). Чудовище повалилось на спину, но хвост, похоже, смягчил падение. Оно вскочило и прыгнуло к поезду со стороны Ричарда. Издало грубый, могучий

крик, и на этот раз Ричарду показалось, что в нем слышится что-то отвратительно женское.

Он нажал спусковой крючок «узи». Ничего не произошло. Магазин опустел.

Человек-аллигатор бежал с медленной, неуклюжей, тупой решимостью. Его глаза пылали убийственной яростью... и умом. Зачатки грудей торчали из чешуйчатой кожи.

Не отрывая глаз от аллигатора, Ричард наклонился, пошарил по полу кабины и нашел гранату.

Сибрук-Айленд, мечтательно подумал он. *Джек называет это место Долинами, но в действительности это Сибрук-Айленд, и нет нужды бояться, действительно нет нужды; все это сон, и если чешуйчатые лапы этого существа сомкнутся на моей шее, я, конечно же, проснусь, а если это и не сон, Джек как-то спасет меня... я знаю, он спасет. Я это знаю, потому что Джек — что-то вроде бога в этом мире.*

Ричард вытащил чеку, подавил паническое желание просто швырнуть гранату и мягко кинул ее, словно отдавая пас на баскетбольной тренировке.

—Джек, пригнись!

Джек тут же пригнулся, не посмотрев на Ричарда, не задавая вопросов. Ричард проделал то же самое, но лишь после того, как увидел нечто невероятное: аллигатор поймал гранату... и теперь пытался проглотить.

Взрыв прогремел не глухо, как ожидал Ричард, но убийственно громко, разрывая барабанные перепонки. Он услышал всплеск, будто с его стороны кто-то вылил на кабину ведро воды.

Ричард поднял голову и увидел, что кабина и борта товарного вагона и платформы покрыты горячими внутренностями, черной кровью и ошметками тела аллигатора. Разнесло и вход в казарму. Многие обломки дерева блестели кровью. А посреди всего этого лежала волосатая нога в ботинке с отрезанным мыском.

У Ричарда на глазах несколько бревен отлетели в сторону, из казармы появились два существа, похожие на козлов. Ричард наклонился, нащупал полный магазин, вставил на место пустого. Ствол автомата был горячим, как и предупреждал Джек.

Круто, подумал он и вновь открыл огонь.

9

Поднявшись после взрыва гранаты, Джек увидел, что четверка Волков, уцелевших после первых двух очередей, бежит, подвывая от ужаса, к дыре в стене, появившейся на месте ворот. Джек мог уложить их одной очередью. Он поднял «узи»... потом опустил, зная, что увидит их позже, возможно, у черного отеля, зная, что он дурак... но, дурак или нет, он не мог заставить себя стрелять им в спину.

А из-за казармы донесся высокий, пронзительный, женоподобный голос:

— Вон отсюда! Вон, говорю я вам! Шевелитесь! Шевелитесь! — И щелкнул хлыст.

Джек узнал этот звук, узнал и голос. В последний — но не в первый — раз он слышал его, спеленатый смирительной рубашкой.

Если появится его приятель-недоумок, застрели его.

Что ж, тебе это удалось, но, может, теперь настал час расплаты... и, судя по твоему голосу, ты в курсе.

— Убейте их, трусы! Убейте, неужели я всегда должен показывать вам, как и что делать? За нами, за нами!

Три существа появились из-за полуразрушенной казармы, и только в одном безошибочно узнавался человек — в Осмонде. Одетый в красный плащ, черные сапоги и широкие белые шелковые брюки, в одной руке он держал кнут, а в другой — пистолет-пулемет «стэн». На белом шелке краснели пятна свежей крови. Слева от Осмонда Джек увидел косматое, козлоподобное существо в джин-

сах и ковбойских сапогах. И Джеку, и псевдокозлу хватило одного взгляда, чтобы узнать друг друга. Тот самый ковбой из «Бара Апдайка в Оутли». Рэндолф Скотт. Элрой. Он ухмыльнулся Джеку, длинный язык высунулся и облизнул верхнюю губу.

— *Убей его!* — крикнул Осмонд Элрою.

Джек попытался поднять «узи», но автомат вдруг стал очень тяжелым. Присутствие Осмонда не радовало, новое появление Элроя огорчало еще сильнее, но тварь между ними выглядела ночным кошмаром. Джек, разумеется, видел перед собой долинскую версию Руэла Гарденера, сына Осмонда. И это существо действительно смахивало на ребенка — ребенка, нарисованного талантливым детсадовцем с садистскими наклонностями.

Цвет кожи этого худого существа напоминал свернувшееся молоко, одна рука заканчивалась похожими на червей щупальцами. Словно кнут Осмонда. Глаза, один из которых плавал, находились на разных уровнях. Щеки покрывали большие красные язвы.

Язвы — следствие лучевой болезни... Джейсон. Я думаю, сынишка Осмонда однажды слишком близко подошел к огненному шару... но остальное... Джейсон... Иисус... кем была его мать? Во имя всех миров, КЕМ БЫЛА ЕГО МАТЬ?

— *Убейте Самозванца!* — вопил Осмонд. — *Спасите сына Моргана, но убейте Самозванца! Убейте лже-Джейсона! Выходите, трусы! У них закончились патроны!*

Рев, рычание. Джек знал, что через несколько мгновений новый отряд Волков, поддерживаемый сборной солянкой Уродов, появится из-за дальнего конца длинной казармы, где они спрятались после взрыва, где, возможно, сидели, закрыв головы руками, и где скорее всего остались бы, если б не Осмонд.

— Тебе следовало повернуть назад, маленький цыпленок, — прорычал Элрой и побежал к поезду. Его хвост мотался в воздухе. Руэл Гарденер — или тот, кем Руэл

Гарденер становился в этом мире, — хрипло мяукнул и попытался последовать за Элроем. Осмонд протянул руку и подтащил отпрыска к себе. Джек увидел, как его пальцы буквально вонзились в серую шею ребенка-монстра.

Тут Джек поднял «узи» и в упор выпустил целый магазин в лицо Элроя, практически снес голову этому козлооборотню. Тот, однако, не упал, а продолжал лезть в кабину, и его пальцы, сросшиеся двумя группами, отдаленно напоминавшими раздвоенное копыто, слепо тянулись к голове Джека. Это длилось несколько секунд, затем тело повалилось на землю.

Джек в изумлении смотрел на безголового Элроя. Их последняя ночная стычка рядом с «Баром Апдайка» снилась ему снова и снова, он пытался удрать в темные джунгли по пружинным кроватям и битому стеклу. Теперь это существо явилось к нему во плоти, и он убил его. Разум Джека никак не хотел сжиться с этим фактом. Словно он прикончил буку из детства.

Ричард вскрикнул — и грохот его автомата чуть не оглушил Джека.

— Это Руэл! Ох Джек о Боже ох Джейсон это Руэл, это Руэл...

«Узи» в руках Ричарда кашлянул короткой очередью и замолчал — закончились патроны. Руэл вырвался из отцовских пальцев, пошатываясь и мяукая, запрыгал к поезду. Его верхняя губа приподнялась, обнажив зубы, длинные и хрупкие, совсем как фальшивые восковые клыки для Хэллоуина.

Последние пули Ричарда попали ему в грудь и шею, пробив дыры в коричневом свитере, разорвав плоть длинными неровными бороздами. Густая, темная кровь потекла из ран, но не более того. Возможно, когда-то Руэл был человеком — Джек полагал, что такое возможно. Но теперь это осталось в прошлом. Пули даже не притормозили

его. Существо, неуклюже перепрыгнувшее через труп Элроя, было демоном. Оно воняло, как мокрая поганка.

Что-то теплое прижалось к ноге Джека. Сначала теплое... потом горячее. Что именно? Будто у него в кармане нагревался чайник. Что это могло быть? Но времени на раздумья не было. Все происходило очень быстро, как в кино.

Ричард отбросил «узи» и попятился, закрыв лицо руками. Его полные ужаса глаза таращились на псевдо-Руэла сквозь барьер пальцев.

— Не подпускай его ко мне, Джек! Не подпускай его ко мне!

Руэл пускал пузыри и мяукал. Его руки шлепнули по боковине кабины, словно ласты по грязи.

Джек увидел толстые желтоватые перепонки между пальцами.

— Вернись! — крикнул Осмонд сыну, и в его голосе отчетливо слышался страх. *— Вернись, он плохой, он может причинить тебе вред. Все мальчишки плохие. Это аксиома, вернись. Вернись!*

Руэл пускал пузыри и радостно урчал. Он полез в кабину, и Ричард, издав безумный вопль, попятился в дальний угол.

— НЕ ПОДПУСКАЙ ЕГО КО МНЕ-Е-Е-Е-Е...

Новые Волки, новые странные существа выскакивали из-за угла. Одно из этих существ, с торчавшими по обе стороны головы витыми рогами, одетое в комические залатанные штаны, споткнулось, упало, и его затоптали остальные.

Джек понял, что его обжигает что-то круглое.

Руэл перебросил одну ногу через боковину кабины. Нога извивалась и тянулась к Джеку, словно щупальце. Джек поднял «узи» и выстрелил.

Пол-лица Руэла снесло, из того, что осталось на его месте, посыпались черви.

Руэл приближался.

Попытался схватить Джека перепончатыми пальцами.

Крики Ричарда, крики Осмонда смешивались, сливались в одно целое.

Теперь Джеку казалось, что в кармане у него — раскаленное клеймо для скота, и внезапно, в тот самый момент, когда руки Руэла легли ему на плечи, он понял, что это: монета капитана Фаррена, которую отказался взять Андерс.

Джек сунул руку в карман. Монета напоминала кусок руды. Джек сжал ее, и его словно пробил мощный удар тока. Почувствовал это и Руэл. Торжествующее урчание сменилось испуганным мяуканьем. Он попытался отпрянуть, единственный оставшийся глаз дико вращался.

Джек вытащил монету из кармана. Она светилась в его руке раскаленной краснотой. Он чувствовал жар — но жар этот не обжигал.

Профиль королевы *сиял как солнце.*

— Во имя нее, ты, *мерзкая*, недоразвитая тварь! — крикнул Джек. — *Изыди из этого мира!* — Он раскрыл кулак и прижал ладонь ко лбу Руэла.

Руэл и его отец закричали в унисон: Осмонд — тенором на грани сопрано, Руэл — гудящим, словно пчелиный рой, басом. Монета вошла в череп Руэла, как раскаленная кочерга в кусок масла. Отвратительная темно-коричневая жижа выплеснулась из головы монстра и потекла по запястью Джека. Горячая жижа с копошащимися в ней маленькими червячками. Они дергались и извивались на коже Джека. Он чувствовал их укусы, но еще сильнее прижал монету ко лбу Руэла, загоняя ее все глубже.

— Изыди из этого мира, дрянь! Во имя королевы и ее сына, изыди!

Руэл кричал и выл; Осмонд кричал и выл вместе с ним. Волки и Уроды остановились и жались позади Осмонда, на их лицах читался суеверный ужас. Для них Джек не просто вырос — он еще и светился.

Руэл дернулся. Вновь издал булькающий визг. Льющаяся из головы темная жижа стала желтой. Последний червь, длинный и тошнотворно белый, выполз из прожженной монетой дыры и упал на пол кабины. Джек наступил на него и раздавил каблуком. Ошметки полетели во все стороны. Руэл влажной грудой осел на пол.

Огороженный бревенчатым частоколом пыльный двор огласил такой вопль ярости и горя, что Джек подумал, а не лопнет ли у него череп. Ричард свернулся в углу в позе эмбриона, обхватив голову руками.

Осмонд выл, отбросив кнут и пистолет-пулемет.

— *Ох, гаденыш!* — кричал он, потрясая кулаками в сторону Джека. — *Посмотри, что ты наделал! Ох, гадкий, плохой мальчишка! Я тебя ненавижу, буду ненавидеть вечно и еще дольше! Ох, гадкий Самозванец! Я тебя убью! Морган тебя убьет! Ох, мой дорогой единственный сын! ГАДЕНЫШ! МОРГАН УБЬЕТ ТЕБЯ ЗА ТО, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ! МОРГАН...*

Остальные шепотом подхватили этот крик, широко раскрыв глаза, напомнив Джеку подростков в «Лучезарном доме»: *вы можете сказать «аллилуйя»?* А потом вдруг замолчали, потому что услышали новый звук.

Джеку тут же вспомнился теплый день, который он провел с Волком на берегу реки. Они смотрели, как коровцы пили воду и щипали травку, Волк рассказывал о своей семье. Все шло хорошо... очень хорошо, пока не появился Морган.

И теперь Морган собирался появиться вновь... не прыгнув, а разорвав мембрану между мирами, пробив в ней дыру.

— Морган. Это...

— ...Морган, Владыка...

— Владыка Орриса...

— Морган... Морган... Морган...

Треск рвущейся материи нарастал. Волки упали в пыль. Осмонд танцевал джигу, черные сапоги топтали сыромятные косички кнута.

— Плохой мальчишка! Гадкий мальчишка! Теперь ты заплатишь! Морган идет! Морган идет!

Воздух в двадцати футах справа от Осмонда начал колебаться и мерцать, словно от жара.

Джек оглянулся и увидел, что Ричард свернулся калачиком в углу среди автоматов, магазинов и гранат, напоминая очень маленького мальчика, который заснул, играя в войну. Только Ричард не спал, и увидь он отца, являющегося сквозь дыру между мирами, скорее всего — Джек этого боялся — сошел бы с ума.

Джек упал на пол рядом с другом, крепко обхватил его руками. Треск рвущейся материи все усиливался, и внезапно раздался голос Моргана, проревевшего в дикой ярости:

— *Откуда здесь взялся этот ПОЕЗД, идиоты?*

Джек услышал вопль Осмонда:

— *Гадкий Самозванец убил моего сына!*

— Уходим, Ричи, — прошептал он и еще крепче обхватил исхудалое тело Ричарда. — Пора прыгать с корабля.

Джек закрыл глаза, сосредоточился... и на мгновение у него закружилась голова.

Глава 37
РИЧАРД ВСПОМИНАЕТ

1

Возникло ощущение, что он катится в сторону и вниз, словно они находились на пандусе между двумя мирами. Смутно, из ниоткуда, до него донеслись крики Осмонда: «*Плохие! Все мальчики! Аксиома! Все мальчики! Гадкие! Гадкие!*»

На мгновение они зависли в воздухе. Ричард вскрикнул. Потом Джек ударился о землю плечом. Голова Ричар-

да врезалась ему в грудь. Не открывая глаз, Джек лежал на земле, обнимая Ричарда, вслушиваясь, принюхиваясь.

Тишина — не полная и абсолютная, но нарушаемая лишь пением двух или трех птичек.

Пахло прохладой и солью. Хороший запах... однако в Долинах мир пах лучше. Даже здесь — где бы они сейчас ни находились — Джек ощущал какой-то вторичный запашок, вроде машинного масла, въевшегося в бетонный пол мастерской на автозаправочной станции. Запах множества людей, которые ездили на множестве автомобилей, отравляя атмосферу. Нос чувствовал этот запах и мог унюхать его даже сейчас, хотя Джек и не слышал никаких автомобилей.

— Джек? Мы в порядке?

— Конечно, — ответил Джек и открыл глаза, чтобы посмотреть, не солгал ли он.

Сначала он в ужасе подумал, что в отчаянном стремлении выбраться из Долин, удрать до появления Моргана, прыгнул не в Америку, а в будущее. Вроде бы они находились в том же месте, но оно стало древним, заброшенным, словно минуло несколько столетий. Поезд по-прежнему стоял на рельсах, но все остальное изменилось. Сами рельсы, пересекавшие заросший сорняками двор и уходившие бог знает куда, покрывал толстый слой ржавчины. Шпалы прогнили. Между ними росла высокая трава.

Он крепче сжал Ричарда, который слабо шевельнулся и тоже открыл глаза.

— Где мы? — спросил он Джека, оглядываясь. На месте бревенчатого барака стоял ангар. Видна была только пятнистая от ржавчины полукруглая крыша — стены густо заросли вьюнами и сорняками. К двум столбам перед ангаром, возможно, когда-то крепился щит-указатель.

— Я не знаю, — ответил Джек, глядя туда, где раньше находилась полоса препятствий, а теперь росли дикие

флоксы и рододендроны. Потом озвучил ту жуткую мысль, что первой пришла ему в голову: — Возможно, я забросил нас в будущее.

К его удивлению, Ричард рассмеялся.

— Приятно узнать, что в будущем все останется без перемен. — И он кивнул на лист бумаги, прибитый к одному из столбов перед ангаром/бараком. Слова выцвели под солнцем и дождями, но прочитать их не составляло труда:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!
По приказу Управления шерифа округа Мендосино
По приказу дорожной полиции штата Калифорния
НАРУШИТЕЛИ БУДУТ НАКАЗАНЫ!

2

— Раз уж ты знал, где мы, — сказал Джек, одновременно чувствуя себя глупцом и ощущая безмерное облегчение, — зачем спрашивал?

— Я только что увидел эту надпись, — ответил Ричард, и желание Джека отчитывать друга разом исчезло. Выглядел тот ужасно: словно подхватил какой-то необычный туберкулез, пожирающий не легкие, а разум. И причиной было не только путешествие в Долины и обратно: к этому Ричард более-менее адаптировался. Но теперь он знал и кое-что еще. Одно дело — реальность, не укладывающаяся в сложившиеся представления об окружающем мире; к этому худо-бедно можно приспособиться, имея в своем распоряжении достаточно времени. Но совсем другое — узнать, что твой отец на стороне зла. Вот это, по мнению Джека, никак не могло стать поводом для радости.

— Ладно. — Джек попытался добавить в голос бодрости — он *действительно* чувствовал себя бодрым. Даже умирающий от рака больной взбодрился бы, спасшись от

такого чудища, как Руэл. — Поднимайся, и в путь, Ричибой. У нас обещания, которые надо выполнять, и до ночлега путь далек*, а ты валяешься у ног.

Ричард поморщился.

— Человека, который внушил тебе, что у тебя есть чувство юмора, следует пристрелить, дружок.

— *Bitez mon crank, mon ami***.

— Куда мы идем?

— Я не знаю, но место, которое нам нужно, неподалеку. Я это чувствую. Оно закинуло крючок мне в разум и тянет к себе.

— В Пойнт-Венути?

Джек повернулся к Ричарду и долго смотрел на него. Но ничего не смог прочесть в его усталых глазах.

— Почему ты спросил, дружок?

— Мы идем туда?

Джек пожал плечами. *Может, да. Может, и нет.*

Они медленно зашагали по заросшему сорняками плацу, и Ричард сменил тему.

— Все это действительно произошло? — Они приближались к ржавым двустворчатым воротам. Над головой висело выцветшее синее небо. — Хоть что-нибудь из этого произошло *на самом деле*?

— Мы провели пару дней в электропоезде, который ехал со скоростью двадцать пять, максимум тридцать миль в час, — ответил Джек, — и каким-то образом добрались из Спрингфилда, штат Иллинойс, до северной Калифорнии, почти до побережья. И теперь скажи мне, *действительно* ли это произошло?

— Да... да, но...

Джек поднял руки. Запястья усеивали ярко-красные точки, которые чесались и болели.

---

* Аллюзия на стихотворение американского поэта Роберта Фроста (1874–1963) «Снежный вечер в лесу».

** Поцелуй меня в зад, дорогой (*иск. фр.*).

— Укусы, — пояснил Джек. — Червей. Червей, которые вываливались из головы Руэла Гарденера.

Ричард отвернулся, и его вырвало.

Джек обнял друга, чтобы тот не упал. Пришел в ужас, отметив, как похудел Ричард и какой жар идет от его тела через рубашку.

— Прости меня за эти слова, — сказал Джек, убедившись, что Ричард твердо стоит на ногах. — Я поступил жестоко.

— Да, именно так. Но пожалуй, это единственное, что могло... ты понимаешь...

— Убедить тебя?

— Да. Возможно. — Ричард посмотрел на него беззащитными, измученными глазами. Лоб усыпали прыщи. Вокруг рта краснели язвы. — Джек, я должен тебя кое о чем спросить, и я хочу, чтобы ты ответил мне... ты понимаешь, честно. Я хочу спросить тебя...

Ох, я знаю, о чем ты хочешь меня спросить, Ричи-бой.

— Через несколько минут, — прервал он Ричарда. — Ты получишь ответы на все свои вопросы через несколько минут. Но сначала нам надо закончить одно дело.

— Какое дело?

Вместо ответа Джек вернулся к маленькому поезду. Постоял рядом, глядя на приземистый локомотив, товарный вагон, платформу. Удалось ли ему каким-то образом перетащить поезд в северную Калифорнию? Он так не думал. Прыжок с Волком потребовал максимального напряжения, прыжок с Ричардом из кампуса школы Тэйера едва не вырвал Джеку руку из плечевого сустава и тоже дался нелегко. Он не помнил, чтобы думал о поезде во время прыжка: только о том, как убраться из Волчьего полувоенного лагеря, прежде чем Ричард увидит отца. Все вещи немного менялись при переходе из мира в мир: Миграции сопутствовало приспособление к новой окружающей среде. Рубашки могли стать камзолами, джинсы — штанами из шерстяной

материи, доллары — сочлененными деревяшками. Но этот поезд не изменился. Моргану удалось создать нечто такое, что совершенно не менялось при Миграции.

Кстати, они там носили синие джинсы, Джеки.

Да. И хотя Осмонд размахивал своим верным кнутом, в другой руке он держал пистолет-пулемет.

Морганов ский пистолет-пулемет. Морганов ский поезд.

Ледяные мурашки поползли по спине. Джек услышал бормотание Андерса: «Дурное дело».

Именно так, все верно. Очень дурное дело. Андерс говорил правду: там собрались все дьяволы. Джек подошел к локомотиву, взял из кабины автомат, вставил полный магазин, вернулся к задумчиво оглядывавшемуся Ричарду.

— Это похоже на старый лагерь выживания, — отметил он.

— То есть место, где наемники готовятся к третьей мировой войне?

— Да, что-то в этом роде. Таких лагерей в северной Калифорнии хватало, и какое-то время они процветали, пока люди не потеряли к ним интерес, поскольку третья мировая все не начиналась. Некоторые закрыли за незаконное хранение оружия и торговлю наркотиками или по другим причинам. Мой... мой отец рассказывал мне об этом.

Джек промолчал.

— Зачем тебе автомат, Джек?

— Собираюсь избавиться от этого поезда. Возражений нет?

Ричард содрогнулся. Его лицо скривилось в гримасе отвращения.

— Никаких.

— «Узи» с этим справится? Как думаешь? Если я начну стрелять по взрывчатке?

— Одной пули не хватит. Целого магазина — возможно.

— Давай поглядим. — Джек снял автомат с предохранителя.

Ричард схватил его за руку.

— Может, нам лучше отойти к забору до проведения эксперимента?

— Хорошо.

Они отошли к увитому плющом забору, и Джек нацелил «узи» на упаковки с пластитом. Нажал спусковой крючок, и тишина разлетелась в клочья. Огонь магическим образом завис на срезе ствола. Выстрелы оглушительно гремели в церковном безмолвии заброшенного лагеря. Птицы изумленно и напуганно заверещали и отправились в более спокойные части леса. Ричард поморщился и прижал ладони к ушам. Брезент дергался и подпрыгивал. Потом, хотя Джек продолжал жать на спусковой крючок, автомат перестал стрелять. Магазин кончился, но поезд все так же стоял на рельсах.

— Что ж, мне понравилось, — заметил Джек. — Нет ли у тебя какой-нибудь другой и...

Платформа полыхнула синим пламенем, раздался оглушительный рев. Джек увидел, как она поднимается с рельсов, словно взлетает. Он схватил Ричарда за шею и повалил на землю.

Взрывы продолжались долго. Перекрученные куски металла пролетали над головой. Но в основном металлический дождь падал на крышу ангара. Иногда слышался звук, напоминавший удар гонга, сопровождаемый скрежетом, если что-то большое и тяжелое пробивало металл. Потом что-то проломило забор над головой Джека, оставив большую дыру, и он решил, что пора сматываться. Схватил Ричарда и потащил к воротам.

— *Нет!* — закричал Ричард. — *Рельсы!*

— Что?

— *Ре...*

Что-то просвистело над ними, и оба пригнулись, стукнувшись головами.

— *Рельсы!* — крикнул Ричард, потирая голову бледной рукой. — *Не по дороге! Пойдем к рельсам!*

— Понял тебя! — Джек не понимал зачем, но вопросы задавать не стал. Какая разница, куда идти, главное — выбраться отсюда.

Они поползли вдоль ржавого сетчатого забора, словно разведчики по нейтральной полосе. Ричард полз чуть впереди, направляясь к дыре в заборе, через которую рельсы покидали лагерь.

По пути Джек оглянулся. Большая часть поезда испарилась. Покореженные куски металла — некоторые узнаваемые, большинство нет — лежали широким кругом вокруг того места, где он стоял. Места в Америке, где его построили, купили и оплатили. Невероятно, что их не убило обломками. Чудо, что они не получили ни царапины.

Худшее осталось позади. Уже за забором мальчики поднялись (готовые пригнуться и бежать в случае новых взрывов).

— Взрыв поезда не понравится моему отцу, Джек, — сообщил Ричард. Его голос звучал ровно, но, посмотрев на друга, Джек увидел, что тот плачет.

— Ричард.

— Да, совершенно не понравится, — повторил Ричард, словно отвечая на собственный вопрос.

3

Густая полоса сорняков высотой по колено росла между рельсами, уходившими от лагеря, как полагал Джек, на юг. Рельсы проржавели, ими давно не пользовались. А в некоторых местах они странным образом погнулись — словно пошли рябью.

Это работа землетрясений, с благоговейным страхом подумал Джек.

За спиной продолжали греметь взрывы. В момент очередного затишья Джек подумал, что все, и тут же послышался протяжный, грубый скрежет. *Х-Р-Р-Р-Р. Будто*

откашлялся великан, подумал Джек. *Или пернул*. Он оглянулся и увидел тяжелое черное облако дыма, поднимавшееся к небу. Прислушался в ожидании свирепого треска огня — как и любой человек, проживший некоторое время в Калифорнии, Джек боялся пожаров, — но обошлось. Даже окружающие леса казались новоанглийскими, густыми и влажными от росы. Конечно же, здешняя природа являла собой прямую противоположность светло-коричневым ландшафтам в окрестностях Байи с тамошним чистым, очень сухим воздухом. Леса бурлили жизнью, железная дорога превратилась в узкую полоску (которая с годами становилась все уже) между подступающими деревьями, кустами и вездесущим плющом (*Готов спорить, это сумах*, подумал Джек, непроизвольно почесывая укусы на руках). И выцветшее синее небо над головой тоже сузилось до полоски, шлак покрылся мхом. Таинственность окутывала это место, словно созданное для секретов.

Джек прибавил шагу, и не только потому, что хотел уйти как можно дальше до прибытия полицейских или пожарных. Такая скорость не позволяла разговаривать... или задавать вопросы.

Они прошли, наверное, две мили, и Джек все поздравлял себя с тем, что нашел отличный способ оттянуть разговор, когда Ричард едва слышно позвал его:

— Эй, Джек...

Джек успел повернуться, чтобы увидеть, как Ричард, который чуть отстал, валится вперед. Красные пятна ярко выделялись на его белом лице.

В самый последний момент Джек поймал друга. Тот весил не больше бумажного пакета.

— Господи, Ричард!

— Секунду назад чувствовал себя в полном порядке. — Все тот же тихий, свистящий голос. Дыхание очень быстрое, очень сухое. Джек видел только белки глаз и кро-

шечные дуги синих радужек. — Просто... лишился чувств. Извини.

Сзади донесся еще один тяжелый, отрыжечный взрыв. Затем обломки поезда забарабанили по металлической крыше ангара. Джек оглянулся, потом с тревогой посмотрел вперед.

— Сможешь держаться за меня? Я понесу тебя на закорках.

Как Волк.

— Держаться смогу.

— Когда не сможешь, так и скажи.

— Джек, — в голосе Ричарда слышались привычные раздраженные нотки, и это обнадеживало, — если я не смогу держаться, то не смогу и сказать об этом.

Джек поставил Ричарда на ноги. Того шатало. Казалось, дунь на него — упадет. Джек повернулся и присел на корточки, подошвы пружинили на подгнившей шпале. Завел руки за спину, чтобы подхватить бедра Ричарда, а тот обнял Джека за шею. Джек поднялся и двинулся по шпалам быстрым шагом, почти трусцой. Ноша не вызывала проблем, и не только потому, что Ричард сильно исхудал. Джек катал пивные бочонки, таскал тяжелые ящики, собирал яблоки. Много дней подряд очищал от камней Дальнее поле «Лучезарного дома», можете сказать «аллилуйя». Все это закалило его. Но укрепились не только кости и мышцы. И дело было не в появившемся навыке перескакивания из мира в мир, когда другая реальность — какой бы великолепной она ни была — стиралась, будто свежая краска. Джек смутно осознавал, что пытается сделать нечто большее, чем просто спасти жизнь матери; с самого начала он замахнулся на нечто большее. Он пытался служить добру, и теперь понимал, что подобные безумные инициативы всегда закаляют того, кто берется за них.

Он побежал трусцой.

— Если меня начнет укачивать, — голос Ричарда менялся в такт шагам Джека, — я наблюю тебе на голову.

— Я всегда знал, что могу положиться на тебя, Ричибой. — Тяжело дыша, Джек улыбнулся.

— Сидя на тебе, я чувствую себя... круглым дураком. Словно превратился в человеческую пружинную ходулю.

— Вероятно, так ты и выглядишь, дружок.

— Не... называй меня дружком, — прошептал Ричард, и улыбка Джека стала шире. *Ох, Ричард, мерзавец ты этакий, живи вечно*, подумал он.

4

— Я узнал этого человека, — прошептал Ричард над головой Джека.

Тот вздрогнул, словно его вывели из транса. Он тащил Ричарда уже десять минут, они оставили позади еще одну милю, но по-прежнему не видели никаких признаков цивилизации. Только рельсы и запах соли в воздухе.

Рельсы, гадал Джек. *Они ведут именно в то место, о котором я думаю?*

— Какого человека?

— Мужчину с кнутом и пистолетом-пулеметом. Я его узнал. Видел прежде.

— Когда? — выдохнул Джек.

— Давным-давно. Когда был маленьким, — добавил Ричард с великой неохотой. — Примерно в то время, когда со мной случилась... та странная греза в стенном шкафу. — Он помолчал. — Только, наверное, никакая это была не греза.

— Да. Наверное, не греза.

— Пожалуй. Этот человек с кнутом был отцом Руэла?

— А ты как думаешь?

— Да, — мрачно ответил Ричард. — Конечно же, да.

Джек остановился.

— Ричард, куда ведут эти рельсы?

— Ты знаешь, куда они ведут, — бесстрастно ответил Ричард.

— Да... думаю, знаю. Но хочу услышать от тебя. — Джек помолчал. — Думаю, мне необходимо услышать это от тебя.

— Они ведут в город Пойнт-Венути, — ответил Ричард, и чувствовалось, что он вот-вот заплачет. — Там есть большой отель. Я не знаю, его ты ищешь или нет, но думаю, что это он.

— И я так думаю. — И Джек двинулся вперед, поддерживая Ричарда, ощущая нарастающую боль в спине, следуя рельсам, которые вели его — их обоих — в то место, где он мог найти спасение для матери.

5

Пока они шли, Ричард говорил. Он не мог сразу начать с участия отца в этой безумной истории, поэтому пошел издалека и кружным путем.

— Я знал этого человека прежде. Совершенно уверен, что знал. Он приходил в наш дом. Всегда через черный ход. Никогда не звонил и не стучал. Он... царапался в дверь. У меня мурашки по коже бежали. Он так меня пугал, что я боялся надуть в штаны. Высокий мужчина — да, маленьким детям все взрослые кажутся высокими, но этот действительно был высоким, — с седыми волосами. Он практически постоянно носил темные очки, а иногда очки с зеркальными стеклами. Когда я увидел тот сюжет в «Сандей рипорт», то сразу понял, что уже видел его. Мой отец находился наверху, работал с документами, когда по телику показывали ту передачу. Я сидел перед теликом, вошел отец, увидел, что я смотрю, и чуть не выронил из руки стакан. Потом переключил канал на «Звездный путь». Только этот человек не называл себя Лучезарным

Гарденером, когда приходил в наш дом и встречался с отцом. Его фамилия... я точно не помню. Что-то вроде Банлона... или Орлона...

— Осмонд?

Ричард просиял.

— *Именно*. Я никогда не слышал его имени. Но приходил он раз или два в месяц. В какой-то период чуть ли не каждый день, неделю, а потом исчез на полгода. Когда он приходил, я запирался в своей комнате. Мне не нравился его запах. Он душился каким-то... наверное, одеколоном, но запах был сильнее. Как от духов. Дешевых духов. А под ним...

— А под ним чувствовался другой запах, будто он не мылся десять лет.

Ричард посмотрел на Джека широко раскрытыми глазами.

— Я тоже встречался с ним как с Осмондом, — объяснил Джек. Он говорил это и раньше, но тогда Ричард его не слушал. Теперь же ловил каждое слово. — В долинской версии Нью-Хэмпшира, до того, как встретился с ним в Индиане, уже в ипостаси Лучезарного Гарденера.

— Тогда ты видел и... эту *тварь*.

— Руэла? — Джек покачал головой. — Наверное, Руэл был в Проклятых землях, проходил курс облучения радиоактивным кобальтом. — Он подумал о гноящихся язвах на лице Руэла, подумал о червях. Посмотрел на красные, опухшие в местах укусов кисти и содрогнулся. — Руэла я впервые увидел в Волчьем лагере, а его американского двойника не видел никогда. Сколько тебе было лет, когда в ваш дом начал приходить Осмонд?

— Наверное, года четыре. Эта история... ты понимаешь, со стенным шкафом... еще не произошла. Потом я начал бояться его сильнее.

— После того как какая-то тварь коснулась тебя в стенном шкафу?

— Да.

— А это случилось, когда тебе было пять?

— Да.

— Когда *нам обоим* было пять.

— Да. Ты можешь опустить меня на землю. Какое-то время я смогу идти.

Джек подчинился. Они шли молча, опустив головы, не глядя друг на друга. В пять лет что-то высунулось из темноты и коснулось Ричарда. Когда им обоим было шесть,

(*шесть, Джеки было шесть*)

Джек подслушал разговор отца и Моргана Слоута о месте, где они бывали, месте, которое Джек называл страной Дневных грез. И в том же году, только позже, что-то высунулось из темноты и коснулось его и матери. Голос Моргана Слоута, не больше и не меньше. Морган Слоут звонил из Грин-Ривер, штат Юта. Плача. Он, Фил Сойер и Томми Вудбайн тремя днями раньше отправились на ежегодную ноябрьскую охоту: еще одному их другу по колледжу, Рэнди Глоуверу, принадлежал роскошный охотничий домик в Блессингтоне, штат Юта. Глоувер обычно охотился с ними, но в тот год отправился в круиз по Карибам. Морган позвонил, чтобы сказать, что Фила подстрелили, вероятно, в него попала пуля другого охотника. Они с Томми Вудбайном притащили его к автомобилю на самодельных носилках. Морган сказал, что Фил еще оставался в сознании, когда они везли его на заднем сиденье джипа «Чероки» Глоувера, и попросил Моргана передать наилучшие пожелания Лили и Джеку. Он умер пятнадцатью минутами позже, когда Морган гнал к Грин-Ривер и ближайшей больнице.

Морган не убивал Фила. Томми мог подтвердить, что все трое находились вместе, когда прогремел роковой выстрел, если бы потребовались свидетельские показания (но, разумеется, они не потребовались).

Но ведь он мог нанять кого-то, теперь подумал Джек. *И вполне возможно, что такие же сомнения насчет случив-*

шегося давно уже мучили дядю Томми. А если так, возможно, и дядю Томми убили не только для того, чтобы Джек и его умирающая мать остались совершенно беззащитными перед мародерством Моргана. Может, он умер потому, что Моргану надоело гадать, а не намекнет ли старый пидор выжившему сыну Фила Сойера, что смерть его отца — нечто большее, чем несчастный случай. Джек почувствовал, как по коже побежали мурашки страха и отвращения.

— Этот человек приходил перед тем, как наши отцы в последний раз охотились вместе?

— Джек, мне было четыре года...

— Нет, тебе было *шесть*. Четыре тебе было, когда он начал приходить, шесть — когда моего отца убили в Юте. И ты мало что забываешь, Ричард. Он приходил перед тем, как погиб мой отец?

— Именно тогда он неделю приходил каждый день, — едва слышно ответил Ричард. — Перед последним выездом на охоту.

И хотя вина лежала не на Ричарде, Джек не смог сдержать горечь.

— С моим отцом произошел несчастный случай на охоте в Юте, дядю Томми сбил автомобиль в Лос-Анджелесе. Смертность среди друзей твоего отца, Ричард, чрезвычайно высока.

— Джек... — Голос Ричарда дрожал.

— Конечно. Поезд уже ушел, или молоко убежало, или как тебе больше нравится, — прервал его Джек, — но когда я появился в твоей школе, ты назвал меня психом.

— Джек, ты не пони...

— Да, пожалуй, не понимаю. Я устал, и ты предоставил мне ночлег. Я проголодался, и ты меня накормил. Отлично. Но больше всего мне требовалось, чтобы ты мне *поверил*. Я знал, что хочу слишком многого, но теперь выясняется, что ты видел человека, о котором я говорил! Ты знал, что он знаком с твоим отцом! И все равно заявил что-то

вроде: «Старый добрый Джек провел слишком много времени под жарким солнцем где-то в Сибрук-Айленде и бла-бла-бла!» Ричард, я думал, наша дружба крепче.

— Ты все равно не понимаешь.

— Чего? Ты слишком боялся басен Сибрук-Айленда, чтобы хоть чуточку верить в меня? — Голос Джека зазвенел от негодования.

— Нет. Я боялся не только этого.

— Да? — Джек остановился и пристально всмотрелся в бледное, несчастное лицо Ричарда. — Чего еще мог бояться Рациональный Ричард?

— Было чего, — ответил Ричард совершенно спокойным голосом. — Я боялся узнать больше об этих секретах... об этом Осмонде, о том, что находилось в стенном шкафу. Я боялся, что, узнав все это, уже не смогу любить своего отца. И боялся не зря.

Ричард закрыл лицо тонкими грязными пальцами и расплакался.

6

Джек стоял, глядя на плачущего Ричарда, и ругал себя последними словами. Каким бы ни был Морган, он все равно оставался отцом Ричарда Слоута: призрак Моргана проглядывал и в форме кистей сына, и в чертах его лица. Забыл ли об этом Джек? Нет, но на мгновение горькое разочарование в Ричарде затмило все остальное. Сыграла свою роль и нарастающая нервозность. Теперь Талисман находился очень, очень близко, и нервными окончаниями Джек чувствовал его, как лошадь чувствует воду в пустыне или далекий пожар в прериях. Эта нервозность проявляла себя в излишней резкости.

Да, конечно, но этот парень — твой лучший друг, Джеки. Можешь его немного отшлепать, но не топчи. Он болен, на случай если ты этого не заметил.

Джек потянулся к Ричарду. Тот попытался его оттолкнуть. Джек не обратил на это внимания. Обнял Ричарда. Так они двое и стояли посреди заброшенной железной дороги, и голова Ричарда лежала на плече Джека.

— Послушай, — слова давались Джеку с трудом, — постарайся не тревожиться о... ты понимаешь... обо всем... хотя бы пока, Ричард. Просто постарайся приспособиться к изменениям, понимаешь? — Какую же он порол чушь. С тем же успехом можно сказать кому-то, что у него рак, но волноваться не о чем, потому что скоро мы поставим в видеомагнитофон кассету со «Звездными войнами» и поднимем ему настроение.

— Конечно. — Ричард оттолкнулся от Джека. Слезы прочертили чистые дорожки на его грязном лице. — Мне будет хорошо, нам будет хорошо...

— А если так пойдет, всем будет хорошо, — присоединился к нему Джек. Они вместе рассмеялись, и все стало хорошо.

— Ладно, пошли.

— Куда? — спросил Джек.

— Добывать твой Талисман. Судя по тому, что ты говорил, он должен быть в Пойнт-Венути. Это следующая остановка на этой линии. Пошли, Джек. Давай доберемся туда. Но иди медленно — я еще не все рассказал.

Джек с любопытством взглянул на него, а потом они зашагали по шпалам... но медленно.

7

Теперь, после прорыва дамбы, когда Ричард позволил себе начать вспоминать, он оказался кладезем бесценной информации. У Джека создалось ощущение, будто он собирал пазл, не зная, что несколько самых важных фрагментов отсутствуют. Именно Ричард предоставил ему большинство этих фрагментов. Ричард уже бывал в этом

лагере выживания — вот вам и первый фрагмент. А принадлежал лагерь его отцу.

— Ты уверен, что это то самое место, Ричард? — с сомнением спросил Джек.

— Уверен, — ответил Ричард. — Оно показалось мне знакомым и на той стороне. А когда мы... когда мы перебрались сюда... последние сомнения отпали.

Джек кивнул, не зная, как еще реагировать.

— Раньше мы останавливались в Пойнт-Венути. Всегда останавливались там перед поездкой в этот лагерь. Поезд мне очень нравился. Я хочу сказать, многие ли отцы могли похвастаться личным поездом?

— Не многие, — согласился Джек. — Я думаю, у Бриллиантового Джима Брейди* и ему подобных были личные поезда, но не знаю, были ли у них дети.

— Нет, мой отец в их лигу не входил. — Ричард рассмеялся, а Джек подумал: *Ричард, тебя, возможно, ждет сюрприз.*

— Мы ехали в Пойнт-Венути из Лос-Анджелеса на взятом напрокат автомобиле. Останавливались в мотеле. Только мы вдвоем. — Ричард помолчал. Его глаза затуманились любовью и воспоминаниями. — Проведя в мотеле какое-то время, отправлялись на отцовском поезде в лагерь «Готовность». Это был всего лишь маленький поезд. — Он посмотрел на Джека. — Вроде того, на котором мы приехали.

— Лагерь «Готовность»?

Но Ричард словно не слышал его. Он смотрел на ржавые рельсы. Здесь они сохраняли привычную форму, однако Джек подумал, что друг, возможно, вспоминает

---

* Бриллиантовый Джим Брейди (наст. имя Джеймс Бачанан Брейди, 1856–1917) — американский бизнесмен, финансист, филантроп. Получил такое прозвище за любовь к бриллиантам. Он ни разу не женился, и детей у него не было, зато ему принадлежал первый в Нью-Йорке автомобиль.

участки изогнутых рельсов, которые они прошли. В паре мест концы загибались вверх, как разорванные гитарные струны. Джек предположил, что в Долинах рельсы поддерживались в рабочем состоянии.

— Видишь ли, раньше по этой линии ходил трамвай, — продолжил Ричард. — По словам отца, в тридцатых годах. Маршрут назывался «Красная линия округа Мендосино». Но принадлежала дорога не округу, а частной компании, и когда та разорилась, потому что в Калифорнии... ты знаешь...

Джек кивнул. В Калифорнии все пользовались автомобилями.

— Ричард, почему ты никогда не рассказывал мне об этом месте?

— Отец просил не говорить тебе. Ты и твои родители знали, что мы иногда проводим отпуск в северной Калифорнии, и он говорил, что это нормально, но я не должен говорить тебе ни о поезде, ни о лагере «Готовность»: По его словам, если бы я сказал, Фил бы разозлился, потому что это был секрет.

Ричард помолчал.

— Он сказал, что больше никогда не возьмет меня с собой, если я расскажу тебе. Я думал, причина в том, что они партнеры, то есть договорились во всем участвовать на равных. Теперь понимаю, что дело в другом. Трамвайная компания обанкротилась из-за автомобилей и автострад. — Задумчивая пауза. — У того места, куда ты меня перетащил, Джек, есть одна хорошая особенность. Там все очень странно, но не пахнет нефтепродуктами. И это меня очень заинтересовало.

Джек кивнул, но ничего не сказал.

— Трамвайная компания продала всю линию — с правом собственности на землю и все такое — строительной компании. *Они* думали, что люди двинутся в глубь материка. Да только этого не произошло.

— Потом линию купил твой отец.

— Да, похоже на то. Но точно я не знаю. Он никогда не говорил о покупке линии... или о том, как он заменил трамвайные рельсы железнодорожными.

Работа потребовалась большая, подумал Джек, а потом вспомнил о Рудных ямах. Морган из Орриса мог поставлять рабскую силу в неограниченном количестве.

— Я знаю, что он заменил их, но только потому, что прочитал книгу о железных дорогах. Разница в ширине колеи. У трамвая — десять дюймов. Здесь — шестнадцать.

Джек опустился на колени — и да, на шпалах увидел следы от снятых трамвайных рельсов.

— Он приобрел маленький красный поезд, — мечтательно продолжил Ричард. — Локомотив и два вагона. Двигатель работал на дизельном топливе. Он смеялся над этим, говоря, что мужчины отличаются от мальчиков только одним: их игрушки стоят дороже. На холме над Пойнт-Венути находилась старая трамвайная станция, и мы приезжали туда на автомобиле, парковались и садились в поезд. Я помню, как пахла эта станция: чем-то старым, но приятным... словно ее заполнял старый солнечный свет. И поезд стоял там. И мой отец... он говорил: «Поезд отправляется в лагерь «Готовность», Ричард! У тебя есть билет?» И там был лимонад... или ледяной чай... и мы сидели в кабине... иногда он брал с собой какие-то вещи... припасы... они лежали сзади... но мы сидели впереди... и... и...

Ричард шумно сглотнул и провел рукой по лицу.

— Хорошее было время, — закончил он. — Только он и я. Мне нравилось.

Он огляделся. Глаза блестели от непролитых слез.

— В лагере «Готовность» был поворотный круг, чтобы разворачивать поезд. Еще в те дни. Давние дни.

Ричард громко всхлипнул.

— Ричард...

Джек попытался коснуться друга.

Ричард оттолкнул его руку, ладонями смахнул со щек слезы.

— Тогда все было так не по-взрослому. — Он попытался улыбнуться. — *Совершенно* не по-взрослому. В те давние времена, когда мы были всего лишь детьми, правда, Джек?

— Да, — ответил Джек, обнаружив, что тоже плачет.

Ох, Ричард. Ох, дорогой ты мой.

— Именно так. — Ричард улыбался, оглядывая подступающий к рельсам лес и смахивая слезы грязными ладонями. — Тогда все было не по-взрослому. В давние времена, когда мы были всего лишь детьми. Когда мы все жили в Калифорнии и никто не жил где-то еще.

Он посмотрел на Джека, попытался снова улыбнуться.

— Джек, помоги мне. Я чувствую себя так, будто моя нога попала в какой-то идиотский *кап-кап-кан, и я... я...*

Тут Ричард упал на колени, волосы закрыли его уставшее лицо, и Джек опустился рядом, и они утешали друг друга как могли, но вы, вероятно, знаете по своему горькому опыту, что этого недостаточно.

8

— Тогда забор был совсем новенький, — вновь заговорил Ричард. Они продолжили путь. На высоком раскидистом дубе пел козодой. Запах соли в воздухе все усиливался. — Я это помню. И щит-указатель «ЛАГЕРЬ "ГОТОВНОСТЬ"». И полосу препятствий, и канаты для горной подготовки, и тарзанки для преодоления водных преград. Прямо-таки тренировочный лагерь морской пехоты из фильма о Второй мировой войне. Но парни, которые использовали это оборудование, на морпехов никак не тянули. Толстые, в серых тренировочных костюмах с мелкой надписью «ЛАГЕРЬ "ГОТОВНОСТЬ"» на груди и красным кантом на штанинах. Выглядели они так, будто в лю-

бую минуту могут умереть от инфаркта или инсульта. Или от обоих одновременно. Иногда мы оставались на ночь. Пару раз провели в лагере весь уик-энд. Не в ангаре. В нем располагалась казарма для тех, кто платил деньги за улучшение физической формы.

— Если они занимались именно этим.

— Да, точно. Если именно этим. Нам ставили большую палатку, и мы спали на раскладушках. Как мне это нравилось... — Ричард вновь печально улыбнулся. — Но ты прав, Джек... не все парни, которые там находились, выглядели бизнесменами, пытающимися сбросить лишний вес и подкачать мышцы. Другие...

— И что насчет других? — спросил Джек ровным голосом.

— Некоторые из них — большинство — выглядели как те здоровенные волосатые существа в другом мире. — Ричард произнес эти слова так тихо, что Джеку пришлось напрячь слух. — Волки. Я хочу сказать, вроде бы они выглядели как обычные люди, но отличались. Они выглядели... дикими. Ты понимаешь?

Джек кивнул. Он понимал.

— Я помню, что побаивался заглядывать им в глаза. Время от времени в них вспыхивали такие странные языки пламени... словно у них горели мозги. Некоторые из них... — Тут Ричарда словно осенило. — Некоторые выглядели как прибывший на замену тренер по баскетболу, о котором я тебе рассказывал. Тот, что носил кожаную куртку и курил.

— Как далеко этот Пойнт-Венути, Ричард?

— Точно не знаю. Обычно мы ехали пару часов, но поезд полз медленно. Со скоростью бегущего человека, не быстрее. От лагеря «Готовность» до города не больше двадцати миль. Может, даже ближе.

— Тогда мы от него максимум в пятнадцати милях. От...

(*от Талисмана*)

— Да. Точно.

Вокруг потемнело. Солнце уплывало за надвигающиеся облака. Температура воздуха упала градусов на десять, и день все тускнел... и козодой замолк.

9

Ричард первым увидел щит: простенький деревянный квадрат с черными буквами, выбеленный солнцем, ветром и дождем. Он стоял слева от рельсов, вьюны уже обжили столб. Надпись, однако, соответствовала моменту. Она гласила: «ХОРОШИМ ПТИЧКАМ ВРЕМЯ ЛЕТАТЬ, ПЛОХИМ МАЛЬЧИШКАМ ПОРА УМИРАТЬ. ЭТО ТВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС: ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ».

— Ты можешь идти, Ричи. — Джек повернулся к другу. — Это для меня. Они тебя не тронут, будь уверен. Это не твое дело.

— Я думаю, мое, — ответил Ричард.

— Я втянул тебя в него.

— Нет, — покачал головой Ричард. — Мой отец втянул меня. Или судьба. Или Бог. Или Джейсон. Кто бы ни втянул. Я остаюсь.

— Хорошо, — кивнул Джек. — *Тогда пошли.*

Проходя мимо, Джек мастерски врезал по столбу ногой, и щит свалился на землю.

— Отличная работа, дружок. — Ричард чуть улыбнулся.

— Спасибо. Только не называй меня дружком.

10

Побледневший и усталый Ричард говорил еще час, пока они продолжали шагать к Тихому океану, запах которого усиливался. Из Ричарда выплескивался поток воспоминаний, которые копились долгие годы. Внешне Джек не выдавал своих чувств, но он не мог прийти в себя от

изумления... и жалости к одинокому ребенку, готовому на все ради отцовской любви, в чем Ричард и признавался теперь, невольно или сознательно.

Джек смотрел на бледное лицо Ричарда, на язвы на щеках, на лбу и вокруг рта, слушал тихий, почти шепчущий голос, который теперь, получив шанс высказать все, не дрожал и не прерывался, и радовался, что Морган Слоут не был его отцом.

Ричард сказал Джеку, что помнил ориентиры вдоль этой части дороги. В одном месте они увидели сквозь деревья крышу амбара с рекламой «Честерфилд кингс».

— «Двадцать замечательных сортов табака для двадцати сигарет», — процитировал Ричард, улыбаясь. — Только раньше мы видели весь амбар.

Он указал на большую сосну с двумя вершинами, а пятнадцатью минутами позже сказал Джеку:

— Скала на том склоне холма напоминала лягушку. Давай поглядим, на месте ли она.

Скала никуда не делась, и Джек признал, что она действительно похожа на лягушку. Чуть-чуть. Если напрячь воображение. *А может, для этого нужно быть трехлетним. Или четырехлетним. Или семилетним. Или сколько ему тогда было.*

Ричард обожал железную дорогу, и лагерь «Готовность» ему нравился, с беговой дорожкой, и барьерами для прыжков, и веревками для лазанья. Но Пойнт-Венути Ричард терпеть не мог. Покопавшись в памяти, он даже вспомнил название мотеля, в котором они с отцом останавливались по прибытии в этот маленький прибрежный город. «Мотель "Кингсленд"», — сказал он... и Джек обнаружил, что название совершенно его не удивило.

Мотель «Кингсленд», говорил Ричард, находился рядом со старым отелем, который, похоже, интересовал его отца. Ричард видел этот отель из окна, но он ему не нравился. Огромное здание с беспорядочным нагроможде-

нием надстроек, и островерхих фронтонов, и мансард, и куполов, и башен, на которых вращались бронзовые флюгеры странных форм. По словам Ричарда, вращались даже при отсутствии ветра. Однажды он стоял у окна и наблюдал, как они кружатся, и кружатся, и кружатся, эти странные бронзовые флюгеры, поблескивавшие на солнце и по форме напоминавшие полумесяцы, скарабеев, китайские иероглифы, тогда как внизу пенился и ревел океан.

Ах да, доктор, теперь я вспомнил, — подумал Джек.

— Отель пустовал? — спросил он.

— Да. Его выставили на продажу.

— Как он назывался?

— «Эджинкорт». — Ричард помолчал, а потом добавил еще один штрих, который маленькие дети обычно стараются опустить. — Он был черный. Из дерева, но оно напоминало камень. Древний черный камень. Отец с друзьями так и называли его: «черный отель».

11

Отчасти — но не совсем — для того, чтобы отвлечь Ричарда, Джек спросил:

— Твой отец купил этот отель? Как и лагерь «Готовность»?

Ричард подумал и кивнул:

— Да, думаю, купил. Спустя какое-то время. Когда мы начали приезжать в Пойнт-Венути, на воротах висела табличка «Продается», но в какой-то момент она исчезла.

— Но в отеле вы никогда не останавливались?

— Господи, нет! — По телу Ричарда пробежала дрожь. — Туда он смог бы затащить меня только на арка́не... но и тогда я бы не пошел.

— Ты никогда не заходил в него?

— Нет. Никогда не заходил и не зайду.

Ах, Ричи-бой, тебя не научили, что никогда нельзя говорить «никогда»?

— И твой отец тоже? Никогда не заходил в отель?

— Насколько я знаю, нет, — деловито ответил Ричард. Его указательный палец поднялся к переносице, чтобы поправить очки, которых там давно уже не было. — Я готов спорить, он никогда не входил в отель. Боялся его ничуть не меньше, чем я. Но в моем случае... я ощущал лишь испуг. С моим отцом этим дело не ограничивалось. Он...

— Что?

— Думаю, он был одержим этим отелем, — с неохотой ответил Ричард. Помолчал, его глаза затуманились, мысли перенеслись в прошлое. — Каждый день, проведенный нами в Пойнт-Венути, отец подходил к отелю и стоял перед ним. И не пару минут... Мог простоять три часа. Иногда дольше. Обычно стоял один. Но не всегда. Иной раз ему составляли компанию... странные друзья.

— Волки?

— Пожалуй. — В голосе Ричарда послышалась злость. — Да, думаю, некоторые могли быть Волками, или как там ты их называешь. В одежде они чувствовали себя неуютно, все время почесывались, обычно в тех местах, которые приличные люди не чешут. Другие выглядели как прибывший на замену тренер. Злобные и грубые. Некоторых я видел в лагере «Готовность». И вот что я тебе скажу, Джек: эти типы боялись отеля даже больше, чем мой отец. Их трясло, когда они оказывались рядом.

— Лучезарный Гарденер? — спросил Джек. — Он тоже здесь бывал?

— Да, — кивнул Ричард. — Но в Пойнт-Венути он больше напоминал человека, которого мы видели на другой стороне.

— Осмонда?

— Да. Но эти люди приходили не часто. Отец предпочитал одиночество. Иногда заказывал в ресторане мотеля

несколько сандвичей, садился на скамейку и ел, глядя на отель. Я стоял у окна вестибюля и наблюдал за отцом. Мне никогда не нравилось его лицо. Он выглядел испуганным, но при этом... на его лице читалось вожделение.

— Вожделение, — повторил Джек.

— Иногда он спрашивал меня, не хочу ли я пойти с ним, но я всегда отказывался. Он кивал, а однажды сказал: «Всему свое время. Ты все поймешь, Рич... со временем». Я тогда еще подумал, если речь о черном отеле, то я ничего не хочу понимать.

Однажды, напившись, он сказал мне, что в отеле что-то есть. Сказал, что оно там давно. Я помню, мы лежали в кроватях. В тот вечер было очень ветрено. Я слышал, как волны бились о берег, слышал скрип всех этих флюгеров на башнях «Эджинкорта». Этот звук меня пугал. Я думал об отеле, обо всех комнатах, которые пустовали...

— Если не считать призраков, — пробормотал Джек. Ему показалось, что он услышал шаги, и мальчик быстро обернулся. Ничего и никого. Только рельсы на сколько хватает глаз.

— Точно, если не считать призраков, — согласился Ричард. — И я спросил: «Это что-то ценное, папа?» «Ценнее быть не может», — ответил он. «Тогда какой-нибудь бродяга может залезть туда и украсть эту вещь», — заметил я. Мне не хотелось развивать эту тему, но я не хотел, чтобы он заснул. Не хотел оставаться в ночи наедине с завываниями ветра и скрипом этих флюгеров. Отец рассмеялся, и я услышал звон: он налил себе в стакан бурбона из бутылки, которая стояла на полу. «Никому его не украсть, Рич, — ответил он. — И если какой-нибудь торчок заберется в «Эджинкорт», он увидит такое, чего никогда не видел раньше. — Отец выпил, и по голосу чувствовалось, что он засыпает. — Во всем мире есть только один человек, который может прикоснуться к этой вещи, но он никогда к ней не приблизится, Рич. Это я могу тебе гаранти-

ровать. Интересует меня только одно: такой ли он там, как здесь? Вещь эта не меняется... насколько я могу судить, не меняется. Я бы хотел заполучить ее, но не буду даже пытаться, во всяком случае, сейчас, а может, и никогда не буду. Я бы многого с ней достиг, будь уверен! Но в целом, думаю, оно к лучшему, если вещь эта останется там, где она сейчас». Я тоже начал засыпать, но спросил, о чем именно он говорит.

— И что он ответил? — спросил Джек с пересохшим ртом.

— Он назвал эту вещь... — Ричард запнулся, задумчиво хмурясь. — Он назвал ее «осью всех существующих миров». Потом рассмеялся. И назвал по-другому. Тебе это название не понравится.

— Какое?

— Ты разозлишься.

— Давай, Ричард, не томи.

— Он назвал это... ну... он назвал это «блажью Фила Сойера».

Но название вызвало у Джека не злость, а жаркое, головокружительное волнение. Значит, речь шла о нем, о Талисмане. Ось всех существующих миров. Скольких миров? Это знал только Бог. Америка, Долины, гипотетические Долины долин — и так далее, и так далее, как бесконечные полосы, бегущие по вывеске парикмахера*. Вселенная миров, макрокосм миров, и во всех мирах есть только одно общее, объединяющая сила, конечно же, добрая сила, но во всех мирах заточенная в злом месте. Талисман — ось всех существующих миров. И одновременно блажь Фила Сойера?

Вероятно, да. Блажь Фила... блажь Джека... Моргана Слоута... Гарденера... и надежда обеих королев.

— Это больше чем двойники, — прошептал Джек.

---

* Вывеска парикмахера — столб со спиральной бело-красной окраской.

Ричард уже шагал впереди, старательно устремив глаза на подгнившие шпалы. Теперь он нервно посмотрел на Джека.

— Это больше чем двойники, потому что миров больше двух. Тройни, четверни... кто знает? Морган Слоут здесь, Морган из Орриса там, может, Морган, герцог Азраилский, где-то еще. *Но он никогда не входил в отель!*

— Я не знаю, о чем ты говоришь. — В голосе Ричарда слышалась покорность. *Но я уверен, тебя все это не остановит*, говорил тон Ричарда. *Ты пойдешь дальше, прямиком в безумие. Все на борт, пункт назначения — Сибрук-Айленд!*

— Он не может войти в отель. В этом все дело, Морган из Калифорнии не может. И знаешь почему? Потому что Морган из *Орриса* не может. А Морган из Орриса не может, потому что не может Морган из *Калифорнии. Если* один из них не может войти в свою версию черного отеля, тогда не может и другой. Ты понимаешь?

— Нет.

Джек, опьяненный открытием, не слышал.

— Два Моргана или несколько десятков — значения это не имеет. Две Лили или несколько десятков... десятки королев в десятках миров, Ричард, подумай об этом! Какая же путаница в голове! Десятки черных отелей... только в некоторых мирах это может быть черный парк развлечений... черная стоянка для трейлеров... Но, Ричард...

Он остановился, развернул Ричарда за плечи, всмотрелся в него, сверкая глазами. Ричард в первое мгновение попытался вырваться, но тут же застыл, зачарованный яростной красотой лица Джека. Внезапно, на короткий миг, он поверил, что все возможно. Внезапно, на короткий миг, почувствовал себя *исцеленным*.

— Что? — прошептал он.

— Некоторые *вещи* — исключение. Некоторые *люди* — исключение. Они... ну... в единственном экземпляре. Ина-

че и не скажешь. Они... как Талисман. Единственный. Я. Я единственный. У меня был двойник, но он умер. Не только в Долинах, но и во всех мирах, кроме этого. Я это знаю... чувствую. И мой отец тоже знал. Думаю, потому и прозвал меня Странником Джеком. Когда я здесь, я не там. Когда там — я не здесь. Ричард, *та же история и с тобой.*

Ричард смотрел на него, лишившись дара речи.

— Ты не помнишь, твоя крыша тогда была в отъезде, но Андерс сказал, что у Моргана из Орриса тоже был сын, Раштон. Ты знаешь, кем он был?

— Да, — прошептал Ричард. Он по-прежнему не мог отвести взгляда от глаз Джека. — Моим двойником.

— Совершенно верно. По словам Андерса, маленький мальчик умер. Талисман — единственный. Мы — единственные. Твой отец — нет. Я видел Моргана из Орриса в другом мире, и он похож на твоего отца, но он — не *твой отец*. Он не может войти в черный отель, Ричард. Сейчас не может. Но он знает, что ты — единственный, такой же, как и я. Он хочет, чтобы я умер. А ты ему нужен.

— Чтобы послать меня за Талисманом, если он решит, что без Талисмана ему не обойтись?

Ричарда начало трясти.

— Не важно, — мрачно ответил Джек. — Ему не придется об этом тревожиться. Мы вынесем оттуда Талисман, но твоему отцу он не достанется никогда.

— Джек, не думаю, что я смогу войти в этот отель, — едва слышно прошептал Ричард, но Джек, который уже шел к Пойнт-Венути, его не услышал.

Ричард поспешил следом.

12

Разговор иссяк. Пришел и ушел полдень. Лес затих, и дважды Джек заметил деревья со странными искривленными стволами и переплетенными корнями, которые рос-

ли у самых рельсов. Вид этих деревьев ему не понравился. Они казались знакомыми.

Глядевший на шпалы Ричард в итоге споткнулся, упал и ударился головой. После этого Джек вновь понес его на закорках.

Прошла, казалось, целая вечность, и наконец Ричард крикнул:

— Станция, Джек!

Впереди рельсы исчезали в старом сарае, который, вероятно, служил трамвайным парком. За раскрытыми створками ворот ждала темнота, хмурая и поеденная молью. Позади трамвайного парка (который мог в свое время нравиться Ричарду, но сегодня от одного его вида по коже Джека бежали мурашки) тянулось шоссе. Сто первое, догадался Джек.

Дальше находился океан: Джек слышал мерные удары волн.

— Пожалуй, мы пришли. — Во рту у него пересохло.

— Почти, — поправил его Ричард. — До Пойнт-Венути еще миля или около того по дороге. Господи, как же мне не хочется туда идти. Джек... Джек? Ты куда?

Но Джек не оглянулся. Он сошел со шпал, обогнул одно из этих странных *деревьев (данный экземпляр был не выше* куста) и зашагал к шоссе. Высокая трава и сорняки терлись о потрепанные джинсы. Что-то с шумом заскользило в трамвайном парке, или на станции личной железной дороги Моргана Слоута. Джек даже не посмотрел в ту сторону.

Он добрался до шоссе, пересек его и остановился на краю уходившего вниз склона.

13

Почти что в середине декабря 1981 года мальчик по имени Джек Сойер стоял, сунув руки в карманы, там, где земля встречалась с водой, и смотрел на вечный Тихий оке-

ан. Мальчик двенадцати лет от роду и необычайно красивый для своего возраста. С длинными — может, слишком длинными — каштановыми волосами, которые дувший с воды ветер сметал с высокого чистого лба. Он стоял, думая о матери, которая умирала, о друзьях, отсутствующих и присутствующих, о мирах внутри миров, живущих своей жизнью.

Я прошел этот путь, думал он. *От берега до берега со Странником Джеком Сойером.* Его глаза вдруг наполнились слезами. Он глубоко вдохнул насыщенный солью воздух. Он здесь — и Талисман совсем рядом.

— Джек!

Джек не обернулся, Тихий океан не отпускал его взгляда. В солнечном свете гребни волн поблескивали золотом. Он здесь, он дошел. Он...

— *Джек!* — Ричард потряс Джека за плечо, вырвав из транса.

— Что?

— Посмотри! — Рот Ричарда приоткрылся, он указывал в сторону дороги, уходившей к Пойнт-Венути. — Посмотри туда.

Джек посмотрел. Он понимал изумление Ричарда, но сам ничего такого не испытывал, как и в тот момент, когда Ричард сказал ему, как назывался мотель, в котором они с отцом останавливались в Пойнт-Венути. Нет, никакого изумления, но...

До чего приятно вновь увидеть мать.

Ее лицо высотой двадцать футов, более молодое, чем помнил Джек. Так выглядела Лили в расцвете своей карьеры. Светлые, с рыжеватым отливом, волосы зачесаны назад и забраны в конский хвост. На губах — ее личная, фирменная беззаботная улыбка «а-пошли-вы-все». Больше в кино так никто не улыбался. Лили придумала эту улыбку и имела на нее патент. Она оглядывалась поверх обнаженного плеча. На Джека... на Ричарда... на синий Тихий океан.

Он смотрел на мать... но стоило ему моргнуть, как лицо чуть изменилось. Линии подбородка и челюсти немного закруглились, скулы уже не так выступали, волосы потемнели, в глазах прибавилось синевы. И теперь он видел лицо Лауры Делессиан, матери Джейсона. Джек вновь моргнул, и его мать вернулась, его двадцативосьмилетняя мать с ее радостным «плевать-я-на-вас-хотела-если-вы-не-понимаете-шуток» пренебрежением к миру.

Лили смотрела на них с огромного рекламного щита, который гласил:

ТРЕТИЙ ЕЖЕГОДНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
ЛУЧШИХ БИ-ФИЛЬМОВ

ПОЙНТ-ВЕНУТИ, КАЛИФОРНИЯ
КИНОТЕАТР БИТКЕРА

10–20 ДЕКАБРЯ
АКТРИСА ЭТОГО ГОДА — ЛИЛИ КАВАНО
«КОРОЛЕВА БИ-ФИЛЬМОВ»

— Джек, это же твоя мать. — От благоговения голос Ричарда осип. — Это всего лишь совпадение? Такого же быть не может.

Джек покачал головой. Нет, не совпадение.

А его взгляд, естественно, не отрывался от слова «КОРОЛЕВА».

— Пошли. — Он махнул Ричарду рукой. — Думаю, мы почти на месте.

Бок о бок они зашагали по шоссе к Пойнт-Венути.

Глава 38
КОНЕЦ ПУТИ

1

На ходу Джек оценивающе поглядывал на сгорбленную фигуру Ричарда и на его блестящее от пота лицо. Похоже, тот заставлял себя волочить ноги только невероятным усилием воли. Несколько новых прыщей расцвели на бледном лице.

— Ты в порядке, Ричи?

— Нет, мне плохо. Но я могу идти, Джек. Тебе не нужно меня нести. — Наклонив голову, Ричард упрямо шел вперед. Джек видел, что его друг, хранивший так много воспоминаний об этой маленькой железной дороге, об этой маленькой станции, страдает от окружавшей их реальности куда больше, чем он сам: ржавые рельсы, сорняки, сумах... и обветшавшее здание с выцветшей, облупившейся краской, которое Ричард помнил таким ярким, здание, в темном чреве которого что-то ворочалось.

«Я чувствую себя так, будто моя нога попала в какой-то идиотский капкан», — сказал Ричард, и Джек думал, что понимает, о чем речь... но не в той мере, в какой понимал это Ричард. И Джек не знал, удалось бы ему вынести такое понимание. Из Ричарда выжгли пласт детства, вывернули наизнанку. Железная дорога и мертвая станция с выбитыми глазами-окнами для Ричарда превратились в жуткие пародии на самих себя, а кроме того, прошлое уничтожали новые знания о его отце. Жизнь Ричарда, как чуть раньше — жизнь Джека, начала приспосабливаться к Долинам, и Ричард не был готов к такой трансформации.

2

Что до Талисмана... Джек мог поклясться, что это правда: Талисман знал об их приближении. Джек это почувствовал, когда увидел большой рекламный щит с фотографией матери, и чувство продолжало усиливаться. Словно какой-то огромный зверь проснулся в нескольких милях от них, и его урчание заставляло землю вибрировать... словно все лампочки в стоэтажном здании, возвышавшемся за самой линией горизонта, вспыхнули одновременно, и света этого вполне хватило, чтобы затмить звезды... словно кто-то включил самый большой в мире магнит, который теперь притягивал и пряжку на ремне Джека, и мелочь в его карманах, и пломбы в зубах и собирался тянуть и тянуть, пока не подтащит к себе. Это звериное урчание, этот внезапный яркий свет, это притяжение — все они эхом отражались в груди Джека. Что-то там, что-то в Пойнт-Венути желало Джека Сойера, и Джеку Сойеру было известно только одно: предмет, зов которого он ощущал всем своим естеством, конечно же, огромен. Огромен. Никакая маленькая вещица не могла обладать такой мощью. Талисман размерами не уступал слону или даже целому городу.

И Джек задался вопросом, а под силу ли ему справиться с такой громадиной? Талисман находился в мрачном заколдованном отеле. Вероятно, не только для того, чтобы не попасть в злые руки, но и потому, что управиться с ним будет непросто, каковы бы ни были твои намерения. Может, подумал Джек, только Джейсон и мог справиться с этой задачей: вынести Талисман из отеля, не причинив вреда ни себе, ни самому Талисману. Ощущая силу и настойчивость зова, Джек мог лишь надеяться, что не подведет Талисман.

— «Ты поймешь, Рич». — Джек вздрогнул от внезапно нарушившего тишину бесстрастного, тихого голоса Ри-

чарда. — Так сказал мой отец. Он сказал, что я пойму. «Ты поймешь, Рич».

— Да. — Джек озабоченно посмотрел на друга. — Как ты себя чувствуешь?

Помимо язв вокруг рта, россыпь воспаленных красных точек протянулась со лба к вискам. Словно рою насекомых удалось зарыться под кожу. На мгновение перед мысленным взором Джека возник Ричард Слоут в то утро, когда он, Джек, залез в окно его комнаты в Нелсон-Хаусе, одном из общежитий школы Тэйера. Оседлавшие переносицу очки, заправленный в брюки свитер. Увидит ли он вновь того сводящего с ума своей правильностью, никогда не меняющего позицию подростка?

— Я еще могу идти, — ответил Ричард. — Но что он хотел этим сказать? *Это* ли мне полагалось понять, или принять, или уж не знаю что?..

— У тебя новые прыщи на лице. Хочешь немного отдохнуть?

— Нет. — Голос Ричарда звучал глухо, словно доносился со дна колодца. — Это какая-то сыпь. Кожа зудит. И я думаю, что высыпания появились на спине.

— Давай поглядим, — предложил Джек. Ричард остановился посреди дороги, послушный, как собака. Глаза он закрыл, а дышал через рот. Джек подошел к нему сзади, поднял пиджак и грязную синюю рубашку с пуговичками на воротнике. На спине красные точки были размером поменьше, не выступали и не выглядели воспаленными. Но они расползлись по лопаткам и пояснице.

Ричард печально выдохнул.

— Они есть, но выглядят не очень страшно.

— Спасибо. — Ричард вдохнул, опустил голову. Тяжелое серое небо грозило раздавить землю. Океан бился о скалы у подножия высокого склона. — До города меньше двух миль. Я дойду.

— Если придется, я тебя донесу. — В голосе Джека слышалась убежденность, что нести Ричарда придется очень скоро.

Ричард покачал головой, затем попытался заправить рубашку в брюки, но получилось не очень.

— Иногда я думаю, что... иногда я думаю, что не смогу...

— Мы войдем в этот отель, Ричард. — Джек взял Ричарда под руку и увлек за собой. — Ты и я. Вместе. Я не имею ни малейшего понятия, что произойдет после этого, но в отель мы с тобой войдем. Кто бы ни пытался нас остановить. Помни об этом.

Во взгляде Ричарда читались испуг и благодарность. Теперь Джек видел на его щеках очертания новых, только намечающихся прыщей. И вновь ощутил силу, притягивающую его, заставляющую идти вперед точно так же, как он заставлял идти Ричарда.

— Ты про моего отца. — Ричард моргнул, и Джек подумал, что его друг борется со слезами: усталость свела способность к самоконтролю на нет.

— И не только, — погрешил против истины Джек. — Пошли, дружище.

— Но что я должен понять? Я не могу взять в толк... — Ричард огляделся, близоруко щурясь. Джек вспомнил, что большую часть окружающего мира Ричарда заволакивал туман.

— Ты уже многое понимаешь, Ричард, — сказал он.

Печальная, горькая улыбка искривила губы друга. Его заставили понять намного больше, чем он хотел понимать, и Джек на мгновение пожалел, что под покровом ночи не сбежал из школы Тэйера в одиночку. Но момент, когда он еще мог удержать Ричарда в неведении, остался в далеком прошлом, если такое вообще было возможно: Ричард являлся неотъемлемой частью миссии Джека. Он чувствовал, как сильные руки обхватывают его сердце — руки Джейсона, руки Талисмана.

— Идем дальше. — И Ричард зашагал по шоссе, по-прежнему едва переставляя ноги.

— Мы встретим в Пойнт-Венути моего отца, верно? — спросил он.

— Я позабочусь о тебе, Ричард, — ответил Джек. — Теперь ты — стадо.

— Что?

— Никто не причинит тебе вреда, разве что ты зачешешь себя до смерти.

Ричард что-то пробормотал. Его руки почесывали воспаленные виски. Время от времени ныряли в волосы. Он чесался, как пес, и иногда даже урчал от слабого облегчения.

3

Вскоре после того, как Ричард задрал рубашку, открыв высыпания на спине, они увидели первое из долинских деревьев. Оно росло на материковой стороне шоссе, переплетение черных ветвей на толстом шершавом стволе, поднимающемся из красновато-воскового ковра ядовитого сумаха. Провалы в коре — рты или глаза — таращились на мальчиков. Внизу, под слоем сумаха, шевелились голодные корни, шурша и не давая покоя прикрывавшим их листьям, которые колыхались, будто под легким ветерком.

— Давай перейдем на другую сторону дороги, — предложил Джек в надежде, что Ричард ничего не заметил. Он слышал, как за спиной скребутся под сумахом гибкие, словно резиновые корни.

Это МАЛЬЧИК? МАЛЬЧИК? ОСОБЕННЫЙ мальчик?

Руки Ричарда сместились с плеч на голову. На щеках появились новые покраснения и вздутия, напоминавшие грим для фильмов ужасов, монстра-подростка в одном из старых фильмов Лили Кавано. Джек заметил, что и покраснения на тыльных сторонах ладоней Ричарда начали увеличиваться, сливаясь и становясь ярче.

— Ты действительно можешь идти, Ричард?

Ричард кивнул.

— Конечно. Какое-то время. — Щурясь, он посмотрел на другую сторону дороги. — Это ведь не обычное дерево? Никогда не видел такого дерева, даже в книгах. Это дерево из Долин, верно?

— Боюсь, что да, — ответил Джек.

— Это означает, что Долины совсем рядом, правильно?

— Наверное.

— И впереди этих деревьев может стать больше?

— Если ты знаешь ответы, зачем задаешь вопросы? — спросил Джек. — Ох, Джейсон, какую же я сморозил глупость. Извини, Ричард... наверное, я надеялся, что ты его не заметишь. Да, думаю, они нам еще встретятся наверху. И к ним нельзя приближаться.

Хотя, подумал Джек, «наверху» едва ли соответствовало действительности: шоссе шло под уклон — и с каждой сотней футов становилось чуть темнее. Долины вползали в Америку.

— Можешь посмотреть, как моя спина? — спросил Ричард.

— Конечно. — Джек вновь приподнял рубашку друга. Ему удалось не издать ни звука, хотя он едва не застонал. Спину Ричарда покрывали красные выпуклые пятна, которые, казалось, излучали тепло.

— Стало немного хуже.

— Я так и думал. Только немного?

— Да.

Очень скоро Ричард будет напоминать чемодан из крокодиловой кожи, подумал Джек. *Мальчик-крокодил, сын Человека-слона.*

•

Впереди два дерева росли вместе, их бородавчатые стволы оплетали друг друга; но, похоже, не в любви, а в ненависти. Джек посмотрел на них, торопливо проходя

мимо, и ему показалось, что черные дыры-рты в коре шевелятся, то ли проклиная, то ли целуя. И он знал, что слышит, как копошатся корни этих деревьев. (*МАЛЬЧИК! МАЛЬЧИК здесь! НАШ мальчик здесь!*)

Хотя до вечера было еще далеко, воздух потемнел, обрел некую зернистость, словно старый газетный фотоснимок. На материковой стороне дороги, где раньше росла трава и нежной белизной цвела дикая морковь, теперь торчали неузнаваемые сорняки. Без единого цветка, почти без листьев, они напоминали свернувшихся змей, и от них шел легкий запах солярки. Время от времени солнце проглядывало сквозь этот зернистый сумрак мутным оранжевым факелом. Джеку оно напомнило фотографию, которую он видел в Гэри, штат Индиана: дьявольские языки пламени, кормящиеся ядом, на фоне черного отравленного неба. И при этом Талисман явственно звал Джека к себе, словно великан ухватился за его одежду и тянул, тянул, тянул. Ось всех возможных миров. И он намеревался взять с собой Ричарда в этот ад — и изо всех сил бороться за его жизнь, — даже если бы ему пришлось тащить друга за щиколотки. Очевидно, Ричард чувствовал в Джеке эту решимость, потому что, почесывая бока и спину, шел рядом.

Я это сделаю, говорил себе Джек, стараясь игнорировать безосновательность своего оптимизма. *Даже если ради этого мне придется пройти через дюжину миров, я все равно это сделаю.*

4

Еще через три сотни ярдов отвратительные долинские деревья нависли над дорогой, как шайка грабителей. Проходя мимо по другой стороне шоссе, Джек глянул на свернувшиеся кольцами корни и заметил оплетенный ими и наполовину ушедший в землю маленький обглоданный

скелет, похоже, мальчика лет восьми или девяти, в полусгнившей рубашке в зелено-черную клетку. Джек шумно сглотнул слюну и прибавил шагу. Ричард следовал за ним, как собачка на поводке.

5

Несколько минут спустя Джек Сойер впервые увидел Пойнт-Венути.

Глава 39
ПОЙНТ-ВЕНУТИ

1

Пойнт-Венути устроился рядом с океаном, распластавшись по спускавшемуся к воде склону. Над ним пронзали темный воздух массивные утесы, напоминая древних слонов с морщинистой шкурой. Дорога тянулась вдоль высоких деревянных стен, пока не обогнула длинное коричневое металлическое здание, фабрику или склад, и перед мальчиками не открылись уходящие к океану террасы, унылые крыши других складов. Они полностью закрывали собой шоссе, которое вновь появлялось лишь на горном склоне, убегая на юг, к Сан-Франциско. Поэтому Джек видел спускавшиеся ступенями крыши складов, огороженные автомобильные стоянки, а далеко справа — зимне-серый океан. И ни одного человека, ни на открытых участках дороги, ни в маленьких окошках ближайшей фабрики или склада. На пустых автостоянках вихрилась пыль. Пойнт-Венути выглядел покинутым, но Джек знал, что это не так. Морган Слоут и его прихвостни — во всяком случае, те, кто пережил внезапное прибытие долин-

ского «чу-чу», — поджидали Странника Джека и Рационального Ричарда. Талисман звал Джека, тащил его к себе, а потому он сказал: «Что ж, нам сюда» — и двинулся дальше.

И тут же заметил две новые достопримечательности Пойнт-Венути. Первой стал кусочек задней части лимузина «кадиллак»: блестящая черная краска, сверкающий задний бампер, часть правого заднего фонаря. Джеку очень хотелось, чтобы за рулем сидел один из Волков-ренегатов, которым удалось спастись из лагеря «Готовность». Потом мальчик вновь посмотрел в сторону океана. Серую воду отделяла от берега пенная полоска. А на следующем шаге внимание Джека привлекло медленное движение над крышами складов и фабрик. *ИДИ СЮДА* — призывно тянул его к себе Талисман. Пойнт-Венути, казалось, сжался, словно кулак. А высоко над крышами качался темно-бесцветный флюгер в форме головы волка, качался из стороны в сторону, как ему того хотелось, не слушаясь ветра.

Заметив этот непокорный флюгер, который крутанулся сначала по часовой стрелке, потом против и, наконец, описал полный круг, Джек понял, что впервые увидел черный отель, точнее, его часть. Крыши складов, уходившая вдаль дорога — весь этот невидимый город источал враждебность, такую же явственную, как пощечина. Долины просачивались в Пойнт-Венути, осознал Джек, перегородка между мирами здесь истончилась до крайности. Волчья голова кружилась в воздухе, не обращая внимания на ветер, а Талисман притягивал Джека: *ИДИ СЮДА ИДИ СЮДА ИДИ СЕЙЧАС ИДИ СЕЙЧАС СЕЙЧАС СЕЙЧАС...* — и Джек осознал, что Талисман не просто тянет его к себе, но еще и поет ему. Без слов, без ритма, но поет, выводя некую мелодию, неслышную для всех остальных.

Талисман знал, что Джек увидел флюгер отеля.

Пойнт-Венути — возможно, самое жуткое и опасное место во всей Северной и Южной Америке, подумал Джек, и

его храбрость разом съежилась, но он продолжал идти к отелю «Эджинкорт». Повернулся к Ричарду — и постарался не выдать ужаса при виде состояния своего друга. Ричард тоже не мог его остановить: если бы попытался, Джек просто пробил бы Ричардом стену этого чертова отеля. Он видел, как яростно раздирает Ричард кожу под волосами и чешет россыпь «пчелиных укусов» на висках и щеках.

— Мы туда попадем, Ричард, — заверил его Джек. — Я знаю, попадем. Мне плевать на все их попытки помешать нам. Мы туда попадем.

— «У наших проблем будут с нами проблемы», — не отдавая себе отчета, процитировал Ричард доктора Сьюза. Помолчал. — Не уверен, сумею ли я дойти. И это правда. Я едва держусь на ногах. — В его взгляде читалась неприкрытая душевная боль. — *Что* со мной происходит, Джек?

— Не знаю. Но мне известно, как это остановить. — Джек надеялся, что говорит правду.

— Это со мной делает мой отец? — страдальчески спросил Ричард. Он осторожно провел руками по опухшему лицу. Потом вытащил рубашку из брюк и всмотрелся в красную сыпь на животе. Пятно, формой отдаленно напоминавшее Оклахому, начиналось от талии, расходилось в обе стороны и поднималось к шее. — Похоже, это вирус или что-то такое. Меня заразил мой отец?

— Не думаю, что он сделал это специально, Ричи, — ответил Джек. — Если это имеет какое-то значение.

— Не имеет.

— Все это пройдет, — заверил друга Джек. — Экспресс «Сибрук-Айленд» прибывает на конечную остановку.

Джек шагнул вперед — Ричард не отставал — и увидел, как вспыхнули и погасли задние огни «кадиллака», который в следующее мгновение скрылся из виду.

На этот раз не было речи о внезапной атаке, о сносе ворот и прибытии в шуме и грохоте на поезде, набитом оружием и боеприпасами, но даже если бы все в Пойнт-

Венути знали об их приходе, Джека бы это не остановило. Ему казалось, будто он закован в броню, а в руке у него — магический меч. Никто в Пойнт-Венути не мог причинить ему вреда, во всяком случае, пока он не доберется до отеля «Эджинкорт». Он шел туда, Рациональный Ричард вместе с ним, и у них не могло возникнуть никаких проблем. Еще через три шага мышцы Джека уже пели вместе с Талисманом, и он видел себя в образе более ярком и точном, чем рыцарь, идущий в бой. Образ этот пришел к нему прямиком из одного из фильмов его матери, словно присланный по небесному телеграфу. Именно он — на лошади, в широкополой шляпе, с револьвером у бедра — ехал, чтобы очистить от всякой мрази Дедвуд-Галч.

«Последний поезд в Хэнгтаун», так назывался этот фильм 1960 года, с Лили Кавано, Клинтом Уокером и Уиллом Хатчинсом. Да будет так.

2

Несколько долинских деревьев выбирались из твердой коричневой почвы рядом с первым из брошенных зданий. Может, они росли здесь всегда, вытянув ветви над дорогой, может, и нет. Джек не помнил, чтобы видел их, когда впервые посмотрел на город сверху вниз. И едва ли он мог их не заметить, как не упустил бы из виду стаю диких собак. Он слышал шуршание их корней по поверхности земли, когда они с Ричардом подходили к складу.

(*НАШ мальчик? НАШ мальчик?*)

— Давай перейдем на другую сторону дороги. — Джек взял Ричарда за распухшую руку, чтобы провести его мимо деревьев.

Как только они оказались на другой стороне дороги, одно из долинских деревьев потянулось к ним корнями и ветвями. Если бы деревья имели желудки, желудок этого

дерева непременно бы заурчал. Сучковатая ветвь и гладкий змееподобный корень проскочили разделительную полосу и продолжали тянуться к мальчикам. Джек локтем оттолкнул тяжело дышавшего Ричарда на обочину и потащил дальше.

(*МОЙ МОЙ МОЙ МОЙ МАЛЬЧИК! ДАССС!!!*)

Воздух наполнил треск рвущейся материи, и на мгновение Джек подумал, что это Морган из Орриса вновь пробивает брешь между мирами, чтобы стать Морганом Слоутом, Морганом Слоутом с его последним предложением, перед которым невозможно устоять, подкрепленным автоматом, паяльной лампой, раскаленными докрасна щипцами... но разъяренный отец Ричарда не появился. Зато долинское дерево рухнуло на дорогу в треске ломающихся ветвей, а потом перекатилось в сторону, как сдохший зверь.

— Господи, — выдохнул Ричард. — Оно вылезло из земли, чтобы добраться до нас.

Именно такая мысль пришла в голову и Джеку.

— Дерево-камикадзе, — сказал он. — Похоже, в Пойнт-Венути не все ладно.

— Из-за черного отеля?

— Конечно... но из-за Талисмана тоже. — Джек посмотрел вдоль дороги и увидел еще одну группу деревьев-людоедов в десяти ярдах ниже по склону. — То ли здесь такие флюиды, то ли атмосфера, то ли еще что, как ни назови, но все плохое и хорошее, черное и белое перемешалось в Пойнт-Венути.

Произнося эти слова, Джек не отрывал глаз от деревьев, к которым они направлялись, и самое близкое наклонило крону, словно услышав его голос.

Может, весь этот город — большой Оутли, думал Джек, *может, мне все-таки придется пройти его до конца*. Но если впереди их ждал тоннель, он в него входить не собирался. Не хотел встречаться с местной версией Элроя.

— Я боюсь, — прошептал за его спиной Ричард. — Джек, а если и другие деревья начнут выпрыгивать из земли?

— Не страшно, — ответил Джек. — Я заметил, что эти деревья могут перемещаться, но только на короткие расстояния. Даже такой индюк, как ты, их сделает.

Они огибали последний поворот дороги, минуя склады. Талисман звал и звал, словно поющая арфа великана в «Джеке и бобовом стебле». Наконец поворот остался позади, и Джек увидел перед собой ранее скрытую часть Пойнт-Венути.

Ипостась Джейсона заставила его идти дальше. Когда-то Пойнт-Венути был милым маленьким курортным городком, но те времена остались в далеком прошлом. Теперь он более всего напоминал тоннель Оутли, и им предстояло пройти его от начала до конца. Разбитая дорога спускалась к сожженным домам, вокруг которых расположились долинские деревья: в этих маленьких сборных домиках жили, конечно же, рабочие пустующих ныне фабрик и складов. От одного или двух осталось достаточно много, чтобы понять, как выглядели остальные. Рядом с домами стояли покореженные остовы сгоревших автомобилей, густо заросшие сорняками. Через фундаменты медленно пробивались корни. Закопченные кирпичи и доски, перевернутые ванны, скрученные трубы усеивали пепелища. Краем глаза Джек заметил что-то белое, но отвел взгляд, как только понял, что это кость скелета, торчащая из-под переплетения корней. Когда-то дети гоняли на велосипедах по этим улицам, жены собирались на кухнях, чтобы пожаловаться на низкую заработную плату и безработицу, а мужчины натирали воском автомобили на подъездных дорожках. Теперь все это ушло. Покрытые ржавчиной опрокинутые детские качели виднелись сквозь мусор и сорняки.

В пасмурном небе вспыхивали и гасли красноватые огоньки.

За двумя кварталами выгоревших домов и долинских деревьев над пустым перекрестком висел «мертвый» светофор. На другой стороне перекрестка на закопченной стене дома виднелись буквы: «ЛУЧШЕ ОБРАТИТЬСЯ В МАА...» Под ними была обгорелая, едва различимая картинка: передняя часть автомобиля, пробившего панорамное окно. Огонь дальше не пошел, о чем Джек мог только пожалеть. Пойнт-Венути поразила тяжелая болезнь, и Джек полагал, что огонь лучше гниения. Здание с наполовину уничтоженной рекламой автомобильной мастерской «Маако» стояло первым в ряду магазинов. За ним шли книжный «Опасная планета», «Чай и симпатия», «Экологически чистые продукты Ферди», «Неоновый город». Джек смог прочитать лишь некоторые названия — краска на стенах и вывесках облупилась. Магазины выглядели такими же заброшенными, как и фабрики и склады на холме. Даже с того места, где стоял Джек, он видел, что во многих выбиты витрины, а оставшиеся рамы напоминают пустые глаза идиота. Пятна краски на фронтонах — красные, и черные, и желтые, на удивление яркие в тускло-сером воздухе. Голая женщина, такая тощая, что Джек мог пересчитать все ее ребра, медленно и торжественно поворачивалась на замусоренной улице перед магазинами. Над бледным телом с обвисшей грудью и клоком лобковых волос сверкало ярко-оранжевое лицо. Того же цвета, что и волосы. Джек остановился, наблюдая, как эта безумная женщина с накрашенным лицом и волосами поднимает руки и изгибается, словно выполняет комплекс упражнений тайцзицюань, вскидывает ногу над раздутым трупом собаки и застывает в таком положении, будто статуя. Символ нынешнего Пойнт-Венути, безумная женщина-памятник. Нога медленно опустилась, тело продолжило вращение.

Дальше — за женщиной, за чередой магазинов — Главная улица становилась жилой: во всяком случае, Джек по-

думал, что видит перед собой жилые дома. И здесь яркие шрамы краски пятнали фронтоны небольших двухэтажных строений, когда-то ярко-белых, а теперь расписанных граффити. Одна надпись бросилась ему в глаза. «ТЕПЕРЬ ТЫ ПОКОЙНИК» — сообщала стена отдельно стоящего обшарпанного дома, несомненно, пансиона. Слова явно были написаны очень давно.

ДЖЕЙСОН, ТЫ МНЕ НУЖЕН, — гремел Талисман, призывал на языке, который не могли воспроизвести человеческие органы речи.

— Я не смогу, — прошептал рядом с Джеком Ричард. — Джек, я знаю, что не смогу.

За этими наводящими тоску домами дорога вновь резко уходила вниз, и Джек видел только задние части двух черных лимузинов «кадиллак», припаркованных по обе стороны Главной улицы, передними бамперами по склону, с работающими на холостых оборотах двигателями. Словно на искусно смонтированной фотографии, громадная и невероятно мрачная верхняя часть — половина? треть? — черного отеля нависала над лимузинами и жалкими маленькими домами. Она, казалось, плавала в воздухе, отрезанная склоном дальнего холма.

— Я не смогу туда войти, — повторил Ричард.

— Я даже не уверен, что мы сможем пройти мимо тех деревьев. — Джек повернулся к нему. — Так что держись, Ричи.

Ричард издал странный, гнусавый звук, и Джеку потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он плачет. Джек обнял друга за плечи. Отель подминал под себя ландшафт. Черному отелю принадлежал и сам Пойнт-Венути, и небеса над ним, и земля. Глядя на отель, Джек видел флюгеры, вращавшиеся в разных направлениях, надстройки и мансарды, выпиравшие в серый воздух, как бородавки. «Эджинкорт» действительно выглядел так, будто был сложен из камней — тысячелетних камней, чер-

ных как деготь. Одно из верхних окон внезапно вспыхнуло светом, и у Джека сложилось ощущение, что отель подмигнул ему, усмехаясь его близости. Смутный силуэт вроде бы отошел от окна; секундой позже по стеклу поплыло отражение облака.

А где-то в чреве отеля Талисман пел песню, слышать которую мог только Джек.

3

— Я думаю, он вырос, — выдохнул Ричард. Увидев плавающий над дальним холмом отель, он перестал почесываться. Слезы текли по его воспаленным щекам, и Джек видел, что сыпью покрыты и веки, и кожа под глазами: Ричарду теперь не приходилось щуриться, его глаза и так напоминали щелки. — Это невозможно, но раньше отель был меньше, Джек. Я в этом уверен.

— Сейчас ничего невозможного нет, — ответил Джек, хотя это было излишне: они давно уже переступили черту, за которой не существовало такого понятия, как «невозможно». И «Эджинкорт» действительно выглядел очень большим, подавляюще огромным, совершенно несоразмерным в сравнении с городом.

Архитектурная экстравагантность черного отеля — все эти надстройки, и бронзовые флюгеры на больших башнях, и купола, и мансарды, — наверное, должна была казаться причудливой фантазией, но вместо этого внушала ужас, вызывала дрожь. Черный отель отлично вписался бы в какой-нибудь «Диснейленд-наоборот», где Дональд Дак задушил бы Билли, Вилли и Дилли, а Микки-Маус, подсев на героин, пристрелил бы Минни.

— Я боюсь, — повторил Ричард, а Талисман пел: *ДЖЕЙСОН ПРИХОДИ СЕЙЧАС!*

— Держись рядом со мной, дружище, и мы проскочим это место быстрее быстрого.

ДЖЕЙСОН ПРИХОДИ СЕЙЧАС!

Долинские деревья зашуршали, когда Джек шагнул к ним.

Ричард испуганно отпрянул. *Вполне возможно, что он сейчас практически слеп*, подумал Джек, *без очков и с опухшими глазами*. Он повернулся, схватил Ричарда за руку и потянул за собой, отдавая себе отчет, какими тонкими стали запястье и кисть друга.

Ричард, спотыкаясь, пошел. Его костлявое запястье горело огнем.

— Главное, не сбавляй шага, — предупредил Джек. — Мы должны проскочить мимо них.

— Я не смогу, — всхлипнул Ричард.

— Ты хочешь, чтобы я тебя нес? Я серьезно, Ричард. Все могло быть гораздо хуже. Готов спорить, если бы мы не уничтожили столько его солдат, они бы стояли здесь через каждые пятьдесят футов.

— Ты не сможешь идти быстро, если тебе придется меня нести. Я буду тебя тормозить.

А что, скажи на милость, ты делаешь сейчас? — подумал Джек, но вслух произнес другое:

— Держись как можно ближе к моему краю дороги, Ричи, и дуй со всех ног. Как только я скажу «три». Понял? Один... два... три!

Он дернул Ричарда за руку и побежал мимо деревьев. Ричард споткнулся, ахнул, но удержался на ногах. Гейзеры пыли забили у оснований деревьев, вверх полетела земля и какие-то насекомые, напоминавшие огромных пчел и сверкавшие, как начищенные туфли. Маленькая коричневая птичка выпорхнула из сорняков, которые росли рядом с деревьями, и тут же корень толщиной с хобот слона взметнулся из пыли и схватил ее прямо в воздухе.

Другой корень потянулся к щиколотке Джека, но не достал. Рты в грубой коре выли и орали.

(*ХОР-Р-РОШИЙ? ХОРОШИЙ МА-А-АЛЬЧИК?*)

Джек стиснул зубы и попытался заставить Ричарда Слоута лететь. Кроны деревьев начали покачиваться и наклоняться. Корни во множестве ползли к разделительной полосе, будто обладали собственным разумом. Ричард замешкался, потом еще больше замедлил ход, повернув голову, чтобы посмотреть на тянувшиеся к ним деревья.

— Шевелись! — крикнул Джек, дернув Ричарда за руку, подтягивая его к себе. Красные пятна напоминали раскаленные камни, засунутые под кожу. Джек тащил Ричарда за собой, видя, как много корней с ликованием переползли белую разделительную полосу.

Он обнял друга за талию в тот самый момент, когда длинный корень со свистом разрезал воздух и обвился вокруг предплечья Ричарда.

— Господи! — взвизгнул Ричард. — Джейсон! Он меня схватил! Он меня схватил!

В ужасе Джек увидел, как конец корня, словно слепая голова червя, приподнялся и нацелился на него. Лениво дернулся и вновь оплел запястье Ричарда. Другие корни скользили по шоссе.

Джек изо всех сил дернул Ричарда на себя и выиграл еще шесть дюймов. Державший Ричарда корень натянулся как струна. Джек покрепче ухватился за друга и вновь безжалостно дернул. Ричард взвыл от боли. На мгновение Джек испугался, что рука Ричарда оторвется, но внутренний голос громко крикнул: *ТЯНИ!* — и, отклонившись назад и упершись каблуками в землю, он дернул еще сильнее.

А потом они чуть не упали в гнездо ползущих корней, потому что тот единственный, что зацепился за Ричарда, лопнул. Джек удержался на ногах, быстро попятившись и по-прежнему крепко держа Ричарда за талию. И едва им удалось миновать последнее дерево, как раздались знакомые звуки: словно где-то рядом рвалась материя. На этот

раз Джеку не пришлось говорить Ричарду, что от источника этих звуков надо держаться подальше.

Ближайшее дерево с ревом вылезло из земли и с глухим треском рухнуло на асфальт всего в нескольких футах от Ричарда. Вслед за ним на дорогу повалились и остальные, их корни колыхались, напоминая всклокоченные волосы.

— Ты спас мне жизнь. — Ричард вновь плакал, только не от страха, а от слабости, усталости и шока.

— Дальше, старина, поедешь на закорках. — Тяжело дыша, Джек присел, чтобы помочь Ричарду забраться ему на спину.

4

— Мне следовало тебе сказать, — прошептал Ричард. Его лицо обдавало жаром шею Джека, рот прижимался к уху. — Я не хочу, чтобы ты возненавидел меня, но не буду винить, если возненавидишь, действительно не буду. Я знаю, мне следовало тебе сказать. — Казалось, он весил не больше собственной кожи, словно под ней ничего не осталось.

— О чем? — спросил Джек. Чуть сдвинул Ричарда и снова подумал, что несет пустой кожаный мешок.

— О мужчине, который приходил к моему отцу... о лагере «Готовность»... и о стенном шкафе. — Опустевшее тело Ричарда, прижатое к спине Джека, дрожало. — Мне следовало тебе рассказать. Но я не мог рассказать даже *себе*. — Его дыхание, такое же жаркое, как и тело, било в ухо Джека.

Это с ним делает Талисман, подумал Джек, но тут же поправился: *Нет, это с ним делает черный отель.*

Два лимузина, стоявшие на холме передними бамперами к отелю, исчезли во время схватки с долинскими деревьями, но сам отель остался и с каждым шагом стано-

вился все больше. Худющая обнаженная женщина, еще одна жертва отеля, продолжала свой безумный медленный танец перед заброшенными магазинами. И маленькие красноватые огоньки тоже танцевали, перемигивались. Танцевали в сумрачном воздухе. Здесь время не текло, утро, день, вечер не сменяли друг друга, здесь застыли вечные Проклятые земли. Отель «Эджинкорт» казался каменным, хотя Джек знал, что это не так, но дерево словно затвердело, насквозь прокрасившись черным. Бронзовые флюгеры — и волк, и ворона, и змея, и какие-то круглые фигуры (Джек не мог понять, что они изображали) — вращались по своим законам, независимо от ветра. Вспыхивавшие окна о чем-то предупреждали Джека, но, возможно, в них лишь отражались красные огоньки. Он все еще не видел подножие холма и первый этаж «Эджинкорта». Вероятно, они покажутся, лишь когда он минует магазины, книжный, чайный и прочие, которым удалось уцелеть при пожаре. Но где затаился Морган Слоут?

И где, если на то пошло, этот, прости Господи, комитет по организации торжественной встречи? Джек крепче сжал превратившиеся в палочки ноги Ричарда, по-прежнему слыша зов Талисмана, чувствуя, как внутри растет сила и уверенность.

— Не испытывай ко мне ненависти, потому что я не смог... — Ричард не договорил.

ДЖЕЙСОН, ПРИХОДИ СЕЙЧАС ПРИХОДИ СЕЙЧАС.

Придерживая Ричарда за тощие ноги, Джек зашагал мимо сожжённых кварталов, где когда-то стояло так много домов. Долинские деревья, которые уже превратили эту территорию в свой личный буфет, шептались и шевелились, но находились слишком далеко, чтобы представлять собой хоть какую-то угрозу.

Женщина на пустой замусоренной улице повернулась, словно почувствовав приближение мальчиков. Она вроде бы исполняла сложный комплекс упражнений, но всякое

сходство с тайцзицюань пропало, когда она опустила руки и вытянутую ногу и застыла рядом с дохлой собакой, наблюдая, как Джек с Ричардом на закорках направляется к ней. Мгновение она казалась миражом, галлюцинацией, но никак не реальностью, эта оголодавшая женщина с торчащими во все стороны ярко-оранжевыми волосами и лицом того же цвета, но потом она неуклюже пересекла улицу и скрылась в одном из безымянных магазинов. Джек неосознанно улыбнулся: ощущение триумфа и чего-то такого, что он мог описать только как несокрушимая сила, застали его врасплох.

— Ты действительно сможешь добраться туда? — тяжело дыша, спросил Ричард, на что Джек ответил:

— Сейчас я могу все.

И он смог бы донести Ричарда до самого Иллинойса, если бы великий поющий объект, заточенный в черном отеле, приказал бы ему сделать это. Джек вновь ощутил надвигающуюся развязку и подумал: *Здесь так сумрачно, потому что все миры собраны в одном месте, накладываются друг на друга, словно множественная экспозиция на пленке.*

5

Он почувствовал присутствие людей в Пойнт-Венути прежде, чем увидел их. Они не собирались нападать на него — в этом Джек нисколько не сомневался с того самого момента, как безумная женщина скрылась в одном из магазинов. Они наблюдали за ним, прячась под верандами, выглядывая из-за решеток, из глубины пустых комнат. Они смотрели на него, но он не мог сказать, со страхом, яростью или раздражением.

Ричард то ли заснул, то ли отключился, продолжая жарко дышать ему в ухо.

Джек обогнул дохлую собаку, заглянул в дыру на месте витрины книжного магазина «Опасная планета». Понача-

лу увидел только множество использованных игл от шприцев, валявшихся на полу и на разбросанных тут и там книгах. Высокие стеллажи пустовали. Потом глаза Джека уловили какое-то движение в глубине магазина, и он разглядел в сумраке две бледные фигуры. Бородатые голые мужчины с сухожилиями, выпиравшими, как шнуры. Четыре глаза смотрели на него. Один мужчина, однорукий, улыбался. Его торчащий член покачивался, как толстая бледная дубинка. *Я не могу этого видеть*, сказал себе Джек. И где его другая рука? Он вновь заглянул в дыру. На этот раз увидел только переплетение костлявых белых конечностей.

Джек не стал смотреть в витрины других магазинов, но, проходя мимо, чувствовал на себе чьи-то взгляды. Скоро он уже шел мимо двухэтажных жилых домов. На одной из боковых стен расползлась надпись «ТЕПЕРЬ ТЫ ПОКОЙНИК». Джек приказывал себе не смотреть в окна, он не мог этого видеть.

Оранжевые лица под оранжевыми волосами покачивались в окне первого этажа.

— Малыш, — прошептала ему женщина из следующего дома. — Сладкий малыш Джейсон. — На этот раз он повернул голову. *Теперь ты покойник*. Она стояла по другую сторону разбитого окна, играя цепочками, продетыми сквозь соски, криво улыбаясь. Джек заглянул в ее пустые глаза, женщина опустила руки, нерешительно попятилась назад, цепочка повисла между грудей.

Глаза наблюдали за Джеком из глубины темных комнат, из-за решеток, из-под веранд.

Отель высился перед ним, но уже не впереди. Вероятно, дорога постепенно изгибалась, так что теперь «Эджинкорт» находился по левую руку. И высился ли? Его ипостась Джейсона — или сам Джейсон, набирающий силу в Джеке, — видела, что черный отель, конечно, очень большой, но никак не огромный.

ПРИХОДИ, ТЫ МНЕ НУЖЕН СЕЙЧАС, — пел Талисман. — *И ТЫ ПРАВ, ОН НЕ СТОЛЬ ВЕЛИК, КАК ХОЧЕТ КАЗАТЬСЯ.*

На вершине последнего холма Джек остановился и посмотрел вниз. Там собрались они все. И там же находился черный отель, *весь*, целиком. Главная улица спускалась к берегу, где белый песок прерывался торчащими скалами, напоминавшими сломанные гнилые зубы. «Эджинкорт» был совсем рядом, чуть левее, со стороны океана его подпирал массивный каменный волнорез, уходивший далеко от берега. Перед отелем, вытянувшись колонной, стояла дюжина черных лимузинов, некоторые пыльные, другие сверкающие, как зеркала. От многих автомобилей, словно низко плывущие белесые облака, тянулись ленты выхлопных газов. Мужчины в строгих черных костюмах, столь любимых агентами ФБР, патрулировали забор, прикрывая глаза ладонями. Увидев две красные вспышки у лица одного из мужчин, Джек инстинктивно нырнул за стену ближайшего дома еще до того, как осознал, что это бинокль.

Пару секунд он простоял на вершине холма, точно маяк. Понимая, что такая беззаботность могла дорого ему обойтись — если бы его заметили, то схватили бы, — Джек сделал глубокий вдох и привалился плечом к серой обшивке дома. Потом подкинул Ричарда повыше, в более удобное положение.

В любом случае теперь он знал, что должен каким-то образом подобраться к черному отелю со стороны океана, а для этого требовалось незаметно пройти по пляжу.

Снова выпрямившись, он осторожно высунулся из-за угла, посмотрел вниз. Бойцы поредевшей армии Моргана Слоута сидели в лимузинах или неторопливо прогуливались вдоль черного забора. На мгновение Джек с невероятной точностью вспомнил, каким предстал пе-

ред ним летний дворец королевы. Там он тоже увидел мельтешившую перед дворцом толпу. Но было ли сходство? В тот день — в давние, очень давние времена — люди вроде бы бесцельно кружили перед павильоном, однако в их поведении чувствовалась какая-то умиротворенность, какой-то порядок. Джек знал, что теперь этого нет и в помине. Теперь там правил Осмонд, и те люди, которые решались войти в павильон, сжимались в комок и низко опускали голову. «А королева?» — задался вопросом Джек. Вспомнил шокирующе знакомое лицо на белоснежной постели.

И тут сердце Джека чуть не остановилось, а все мысли о королеве и павильоне вылетели из головы. В поле зрения возник Лучезарный Гарденер с мегафоном в руке. Дувший с моря ветер набрасывал его густые седые волосы на солнцезащитные очки. На мгновение Джек буквально ощутил запахи сладкого одеколона и грязи. На несколько секунд он просто забыл о том, что надо дышать, стоял у облупившейся дощатой стены и смотрел на безумца, который выкрикнул какой-то приказ Черным Костюмам, развернулся и указал на что-то скрытое от Джека, всем своим видом выражая неудовольствие.

Тут Джек вспомнил, что нужно дышать.

— Что ж, в любопытной мы ситуации, Ричард, — сказал он скорее себе, а не своему другу. — У нас уже есть отель, который может раздуваться, когда ему того хочется, а теперь к нему прибавился самый безумный человек в мире.

Джек думал, что Ричард спит, но тот удивил его, пробормотав что-то вроде «идуда».

— Что? — переспросил Джек.

— Иди туда, — едва слышно прошептал Ричард. — Шевелись, дружок.

Джек рассмеялся, а секундой позже уже спускался вниз по заросшим высоким хвощом задворкам, к пляжу.

Глава 40
СПИДИ НА БЕРЕГУ

1

У подножия холма Джек лег на землю и пополз, по-прежнему с Ричардом на спине. Добрался до границы высокой желтой травы, подступавшей к дороге, и выглянул. За дорогой начинался пляж. Изъеденные ветром скалы поднимались из сероватого песка, сероватая вода пенилась, когда волны накатывали на берег. Джек посмотрел налево, вдоль дороги. Чуть дальше отеля, с материковой стороны улицы, увидел длинное разваливающееся здание, напоминавшее разрезанный свадебный торт. «МОТ... ГСЛЕНД» — гласила деревянная вывеска с огромной дырой. Мотель «Кингсленд», вспомнил Джек, где Морган Слоут останавливался со своим маленьким сыном, когда приезжал сюда, одержимый черным отелем. Лучезарный Гарденер белым пятном метался по улице, набрасывался на Черные Костюмы, гнал их на холм. *Он не знает, что мы уже внизу*, понял Джек, когда один Черный Костюм двинулся по дороге, осматриваясь. Гарденер энергично махнул рукой, отдавая очередной приказ. Черный лимузин выехал из колонны и покатился рядом с мужчиной в черном костюме. Добравшись до Главной улицы, мужчина расстегнул пиджак и достал из плечевой кобуры пистолет.

Шоферы лимузинов повернули головы в сторону вершины холма. Джек благословил свою удачу: еще пять минут — и Волк-ренегат с огромным пистолетом оборвал бы его поход к великому поющему чуду, находившемуся в отеле.

Джек видел только два верхних этажа отеля и неистово вращавшиеся флюгеры, закрепленные на архитектурных излишествах крыши. Поскольку мальчик лежал на земле,

у него создавалось впечатление, что вдававшийся в океан справа от отеля волнорез поднимался футов на двадцать, сначала пересекая песок, а потом уходя в воду.

ПРИХОДИ ПРИХОДИ, — звал Талисман словами... нет, не словами, а почти физическим ощущением безотлагательности.

Мужчина с пистолетом уже скрылся из виду, но водители смотрели ему вслед, пока он поднимался на холм, к безумцам Пойнт-Венути. Лучезарный Гарденер поднес мегафон ко рту и проревел:

— Убейте его! Я хочу, чтобы его убили! — Он ткнул мегафоном в другой Черный Костюм, который как раз поднес бинокль к глазам, чтобы посмотреть в сторону Джека. — Ты! Поросячий мозг! Иди по другой стороне улицы... и *убейте этого плохого мальчика*, о да, этого самого, самого плохого мальчика, *наиплохейшего*... — Гарденер замолчал, когда Черный Костюм двинулся вверх по другому тротуару, держа пистолет наготове.

Джек осознал, что лучшего шанса не представится: сейчас никто не смотрел на дорогу вдоль пляжа.

— Держись крепче, — прошептал он Ричарду, который лежал у него на спине не шевелясь. — Пора сваливать.

Джек подтянул ноги под себя, понимая, что спина Ричарда, вероятно, показалась над желтой травой, и, пригнувшись, выскочил на дорогу.

Через считанные секунды он улегся животом на грубый песок и дальше продвигался ползком, отталкиваясь ногами. Одна из рук Ричарда сжала его плечо. Джек полз, пока не добрался до первой группы высоких скал, торчавших из песка. Там он застыл, положив голову на руки. Ричард, легкий как пушинка, тяжело дышал у него на спине. Волны накатывали на берег в каких-то двадцати футах от них. Джек слышал голос Гарденера, честившего имбецилов и недоумков. Безумные крики скатывались вниз. А Талисман звал Джека вперед, звал к себе, звал, звал, звал...

Ричард сполз с его спины.

— Ты как?

Ричард поднял тонкую руку, четырьмя пальцами коснулся лба, большим — скулы.

— Вроде ничего. Ты видел моего отца?

Джек покачал головой:

— Еще нет.

— Но он здесь.

— Скорее всего. Должен быть. — «Кингсленд», вспомнил Джек и мысленным взором увидел обветшалый фасад, разбитую вывеску. Морган Слоут наверняка в мотеле, в котором так часто останавливался шесть или семь лет назад. И Джек тут же почувствовал близкое присутствие Моргана Слоута, словно, подумав о дьяволе, призвал его.

— Что ж, о нем не волнуйся, — едва слышно произнес Ричард. — То есть не волнуйся из-за того, что я буду волноваться о нем. Я думаю, он мертв, Джек.

Джек посмотрел на друга со вновь проснувшейся озабоченностью: может, Ричард действительно сходил с ума? В том, что у него температура, сомневаться не приходилось. А на холме Лучезарный Гарденер проревел в мегафон:

— РАССРЕДОТОЧЬТЕСЬ!

— Ты думаешь...

И тут Джек услышал другой голос, едва прорвавшийся сквозь злобную команду Гарденера. Отчасти знакомый голос — он узнал тембр и интонации до того, как соотнес его с обладателем. Но что странно, от одного звука этого особенного голоса он сразу расслабился, словно теперь мог перестать строить планы и тревожиться, потому что обо всем позаботятся без его участия.

— Джек Сойер, — повторил голос. — Сюда, сынок.

Его звал Спиди Паркер.

— Да, — ответил Ричард и закрыл опухшие глаза. Он напоминал труп, вынесенный на берег волнами.

Да, я думаю, мой отец мертв, хотел сказать Ричард, но Джека сейчас не занимали бессвязные слова друга.

— Сюда, Джеки, — вновь позвал Спиди, и мальчик понял, что голос идет от самой большой группы скал: три гранитных зуба выпирали из песка в нескольких футах от кромки воды. Темная линия, граница прилива, утыкалась в них.

— Спиди, — прошептал Джек.

— Ей-бо, — пришел ответ. — Переберись сюда так, чтобы эти зомби тебя не увидели, понял? И приведи своего друга.

Ричард лежал на песке, прикрыв обращенное к небу лицо рукой.

— Пошли, Ричи, — прошептал Джек ему в ухо. — Нам надо перебраться поближе к воде. Там Спиди.

— Спиди? — тоже шепотом переспросил Ричард, так тихо, что Джек едва его расслышал.

— Друг. Видишь те скалы? — Он приподнял голову Ричарда на шее-соломинке. — Спиди там. Он нам поможет. Сейчас нам нужна любая помощь.

— Я ничего не вижу, — пожаловался Ричард. — *И я так устал...*

— Залезай мне на спину. — Джек растянулся на песке. Руки Ричарда обняли его за плечи, соединились на шее.

Джек выглянул из-за скалы. На дороге Лучезарный Гарденер приглаживал волосы, большими шагами направляясь к парадной двери мотеля «Кингсленд». Черный отель возвышался внушающей трепет громадиной. Талисман звал Джека Сойера. Лучезарный Гарденер замялся у двери мотеля, снова пригладил волосы, на этот раз обеими руками, покачал головой, развернулся и быстро зашагал обратно, к колонне лимузинов. Поднес мегафон ко рту.

— ДОКЛАДЫВАТЬ КАЖДЫЕ ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ! — проревел он. — ДОЗОРНЫМ — ДОКЛАДЫ-

ВАТЬ, ДАЖЕ ЕСЛИ УВИДИТЕ ПОЛЗУЩЕГО ЖУЧКА! Я СЕРЬЕЗНО, БУДЬТЕ УВЕРЕНЫ!

Гарденер уходил, остальные смотрели на него. Пора. Джек выскочил из укрытия и, держа Ричарда за предплечья, побежал к трем скалам. Из-под ног летел мокрый песок. Скалы, находившиеся так близко, когда он говорил со Спиди, теперь отдалились на добрые полмили, и открытое пространство никак не хотело сокращаться. Словно скалы удалялись с той же скоростью, с которой Джек приближался к ним. Он ожидал, что в любой момент грохнет выстрел. Что будет первым — пуля или звук? Наконец скалы начали расти, а потом он добрался до них, упал на живот и скользнул под их защиту.

— Спиди! — воскликнул он почти со смехом, несмотря ни на что. Но от вида Спиди, сидевшего, прислонившись к средней скале, рядом с небольшим ярким одеялом, смех застрял у Джека в горле. Застрял и умер. Вместе с надеждой.

2

Потому что выглядел Спиди Паркер похуже Ричарда. Его потрескавшееся, сочащееся гноем лицо устало качнулось, и Джек подумал, что этим Спиди подтверждает собственную беспомощность. На старике были лишь старые коричневые шорты, и, судя по виду кожи, его поразила тяжелая болезнь. Возможно, проказа.

— Присаживайся, Странник Джек, — прошептал Спиди хриплым, надтреснутым голосом. — Тебе надо многое услышать, так что как следует раскрой уши.

— Как ты? — спросил Джек. — Я хочу сказать... Господи, Спиди... я могу для тебя что-нибудь сделать?

Он осторожно уложил Ричарда на песок.

— Раскрой уши, как я и сказал. За Спиди не волнуйся. Мне не так чтобы хорошо, и выгляжу я не лучшим образом, но оклемаюсь, если ты все сделаешь правильно. Отец

твоего маленького друга наслал на меня эту болезнь... как, похоже, и на своего сына. Старина Блоут не хочет, чтобы его отпрыск попал в этот отель, нет, сэр. Но ты должен привести его туда. По-другому и быть не может. Ты должен это сделать.

По ходу разговора с Джеком Спиди, казалось, мерцал. А Джеку хотелось то ли кричать, то ли выть, чего не случалось с ним после смерти Волка. Глаза щипало, и он понимал, что может расплакаться.

— Я знаю, Спиди. Сам догадался.

— Ты хороший мальчик. — Старик склонил голову набок и всмотрелся в Джека. — Ты — тот самый. Все правильно. Дорога оставила на тебе след, это видно, но ты тот самый. Ты это сделаешь.

— Как моя мама, Спиди? — спросил Джек. — Пожалуйста, скажи мне. Она жива, да?

— Скоро ты сможешь ей позвонить и выяснишь, что она в порядке, — ответил Спиди. — Но сначала ты должен добыть Талисман, Джек. Потому что иначе она умрет. Как и Лаура, королева. — Спиди выпрямился, поморщился от боли, привалился к скале. — Вот что я тебе скажу. При дворе почти все списали ее со счетов — для них она уже умерла. — На его лице отразилось отвращение. — Они все боятся Моргана. Знают, что Морган спустит с них шкуру, если они не присягнут ему на верность уже сейчас. Но пока Лаура дышит. А вдали от дворца двуногие змеи вроде Осмонда и его банды говорят людям, что она умерла. И если она умрет, Странник Джек, если она умрет... — Изуродованное лицо Спиди приблизилось к подростку. — Тогда черный ужас обрушится на оба мира. Черный ужас. И ты сможешь позвонить своей маме. Но сначала должен добыть Талисман. Должен. Сейчас ты — единственная надежда.

Джек без всяких вопросов знал, о чем говорит Спиди.

— Я рад, что ты понимаешь. — Спиди закрыл глаза и опять привалился к скале.

Секундой позже его глаза снова открылись.

— Судьбы. Вот о чем речь. Больше судеб, больше жизней, чем ты можешь представить. Слышал когда-нибудь имя Раштон? Подозреваю, мог слышать.

Джек кивнул.

— Все эти судьбы — причина того, что твоя мать привезла тебя в отель «Альгамбра», Странник Джек. Я просто сидел и ждал, зная, что ты появишься. Талисман притянул тебя сюда, парень. Джейсон. Подозреваю, это имя ты тоже слышал.

— Это *я*, — ответил Джек.

— Тогда добудь Талисман. Я принес это с собой, чтобы хоть как-то тебе помочь. — Он с трудом поднял яркую ткань, и Джек увидел, что это вовсе не одеяло.

Казавшаяся обугленной рука Спиди держала резиновый сверток.

— Но как мне попасть в отель? С Ричардом я не смогу ни перелезть через забор, ни доплыть до отеля.

— Надуй его. — Глаза Спиди вновь закрылись.

Джек развернул резиновую штуковину: надувной матрац с головой лошади.

— Узнаешь ее? — спросил Спиди, и в его хриплом голосе слышались ностальгические нотки. — Мы с тобой поднимали ее, не так уж и давно. Я рассказывал тебе об именах.

И Джек тут же вспомнил, как пришел к Спиди в день, заполненный чередой белого и черного, и нашел его в круглом павильоне, где тот ремонтировал карусельных лошадок. «Ты, конечно, позволишь себе вольности с Леди, но, думаю, она не будет возражать, если ты поможешь вернуть ее на положенное место». Теперь эта фраза обретала более глубокий смысл. Еще один элемент мирового пазла встал на место.

— Серебряная Леди.

Спиди подмигнул ему, и у Джека вновь возникло странное ощущение, что все события в его жизни пре-

следовали одну цель: чтобы он оказался здесь. Здесь и сейчас.

— Твой друг в порядке? — Спиди, похоже, в этом сомневался.

— Думаю, да. — Джек с тревогой посмотрел на Ричарда, который с закрытыми глазами лежал на боку и едва дышал.

— Раз ты так думаешь, надуй Серебряную Леди. Ты обязательно должен взять с собой этого парня. Он — часть общего плана.

Пока они сидели на берегу, кожа Спиди стала еще более землистой. Прежде чем заняться лошадью, Джек снова спросил:

— Могу я что-нибудь сделать для тебя, Спиди?

— Конечно. Сходи в аптеку Пойнт-Венути и принеси бутылочку бальзама Лидии Пинкхэм от дамских неприятностей. — Спиди покачал головой. — Ты знаешь, как помочь Спиди Паркеру, парень. Добудь Талисман. Другой помощи мне не нужно.

Джек взялся за клапан.

3

Очень скоро Джек уже вставлял затычку под хвост четырехфутовой резиновой лошади с очень широкой спиной.

— Не знаю, как мне удастся затащить Ричарда на матрац. — Джек не жаловался — рассуждал вслух.

— Он будет выполнять указания, Странник Джек. Сядь позади него, чтобы удерживать на матраце. Вот и все.

Но сейчас Ричард лежал пластом под укрытием скал, ровно и спокойно дыша через открытый рот. И Джек не мог сказать, спит его друг или бодрствует.

— Ладно. Там есть пристань или что-то такое?

— Лучше, Джеки. Обогнув волнорез, ты увидишь толстые сваи — часть отеля нависает прямо над водой. Среди свай

отыщешь лестницу. Заставь Ричарда подняться по ней, и окажешься на широком балконе. На него выходят высокие окна-двери. Откроешь одно из них — и попадешь в обеденный зал. — Спиди сумел улыбнуться. — А уж из обеденного зала ты обязательно учуешь Талисман. И не бойся его, сынок. Он тебя ждет... придет к тебе в руки, как ласковый пес.

— А что помешает этим тварям погнаться за мной?

— Бог с тобой, они не могут войти в черный отель. — На лице Спиди читалось изумление: такой глупости он от Джека не ожидал.

— Это я знаю, но что помешает им войти в воду? Поплыть за мной на лодке или на чем-то еще?

Теперь Спиди искренне улыбнулся, пусть эта улыбка и причиняла ему боль.

— Ты сам все увидишь, Странник Джек. Старина Блоут и его ребятки к воде и близко не подойдут, хе-хе. Сейчас об этом не волнуйся — помни, что я тебе сказал, и действуй соответственно, слышишь?

— Уже действую, — ответил Джек и шагнул к краю скалы, чтобы взглянуть на шоссе и отель. Ему удалось пересечь дорогу, которая шла вдоль пляжа, и добраться до Спиди незамеченным. Он не сомневался, что сумеет дотащить Ричарда до воды, от которой их отделяло несколько футов, и погрузить на матрац. Если чуточку повезет, они, не привлекая внимания, доплывут прямо до свай: Гарденер и его люди были слишком заняты городом и склоном холма.

Джек выглянул из-за одного «зуба». Лимузины по-прежнему стояли перед отелем. Мальчик высунулся чуть дальше, чтобы увидеть улицу. Мужчина в черном костюме как раз выходил из двери «Кингсленда», изо всех сил стараясь не смотреть на черный отель.

Раздался свист, громкий и пронзительный, как женский крик.

— Давай! — хрипло прошептал Спиди.

Джек поднял голову и увидел, что высоко на склоне мужчина в черном костюме дует в свисток, указывая рукой вниз, на него. Длинные черные волосы, черный костюм, солнцезащитные очки — мужчина выглядел как Ангел смерти.

— ОН НАШЕЛСЯ! ОН НАШЕЛСЯ! — проревел Гарденер. — ЗАСТРЕЛИТЕ ЕГО! ТЫСЯЧУ ДОЛЛАРОВ ТОМУ БРАТУ, КОТОРЫЙ ПРИНЕСЕТ МНЕ ЕГО ЯЙЦА!

Джек укрылся за скалой. Через полсекунды пуля отскочила от среднего «зуба», и тут же до них долетел грохот выстрела. *Теперь я знаю*, подумал Джек, схватив Ричарда за руку и потащив к матрацу. *Сначала пуля сбивает тебя с ног, и только потом ты слышишь выстрел.*

— Вам пора, — выдохнул Спиди. — Через тридцать секунд они начнут палить вовсю. Как можно дольше держитесь за волнорезом, а потом резко сворачивайте. Спускай матрац на воду, Джек.

Вторая пуля взрыла песок перед их маленьким убежищем, и Джек бросил на Спиди испуганный, загнанный взгляд. Потом подтолкнул Ричарда на переднюю часть матраца, отметив, что другу хватило здравомыслия схватиться за резиновую бахрому гривы. Спиди вскинул правую руку, прощаясь и одновременно благословляя. Стоя на коленях, Джек с такой силой толкнул матрац, что тот оказался у самой воды. Услышал еще один пронзительный свисток. Поднялся. С разбега столкнул Серебряную Леди в воду, вбежал в нее сам и, вымокнув по пояс, наконец забрался на матрац.

Сначала он греб к волнорезу, потом вдоль него, а затем, добравшись до конца, повернул к открытой воде. И начал грести с утроенной силой.

4

Джек целиком сосредоточился на гребле, выбросив из головы все мысли о том, что он будет делать, если люди Моргана убьют Спиди. Главное — добраться до

свай, все остальное потом. Пуля вошла в воду в шести футах левее Серебряной Леди, подняв фонтанчик брызг. Вторая, цокнув по камню, отскочила от волнореза. Джек удалялся от берега, вкладывая в каждый гребок все силы.

Прошло какое-то время, он не мог сказать, сколько именно. Наконец Джек скатился с матраца в воду и, схватившись за него сзади, начал работать ногами. Почти незаметное течение тащило его к цели. Появились сваи, высокие деревянные колонны толщиной с телеграфный столб. Джек вскинул голову и увидел громаду отеля, нависшую над широким черным балконом. Посмотрел назад и направо, но Спиди не шевелился. Или шевельнулся? Его руки выглядели иначе. Может...

Краем глаза Джек уловил какое-то движение на длинном, заросшем травой склоне за руинами домов. Подняв голову, мальчик увидел четыре Черных Костюма, которые бежали к берегу. Волна ударила в матрац, едва не вырвав его из рук Джека. Ричард застонал. Двое мужчин показывали на Серебряную Леди. Их губы шевелились.

Еще одна высокая волна качнула матрац, толкая его вместе с Джеком Сойером к берегу.

Волна, подумал Джек. *Что за волна?*

Он посмотрел вперед, как только матрац нырнул во впадину между гребнями. Заметил что-то широкое и серое, слишком большое, чтобы быть обычной рыбой. Неведомое существо плавало под поверхностью воды. Акула? Джек сразу вспомнил о своих ногах и опустил голову в воду, опасаясь, что увидит длинное сигарообразное тело с зубами.

Зубастого тела не увидел, зато углядел кое-что другое, не менее удивительное.

Он словно оказался в глубоком аквариуме, только заполненном совсем не рыбами. В этом аквариуме плавали исключительно монстры, огромные, чудовищно страш-

ные. Вероятно, они оказались под Джеком и под матрацем, как только те заплыли на глубину. Их было множество. Тварь, напугавшая Волков-ренегатов, проплыла в десяти футах под Джеком, длинная, словно товарный поезд. Джек наблюдал, как она устремилась к поверхности. Закрывавшие глаза пленки моргнули. Длинные усы торчали рядом с внушительной пастью — никак не меньше кабины лифта, подумал Джек. Существо проплыло мимо, подтолкнув Джека к отелю массой вытесняемой воды, подняло морду над поверхностью океана. В профиль оно напоминало неандертальца.

«Старина Блоут и его ребятки к воде и близко не подойдут», — сказал ему Спиди и рассмеялся.

Сила, заточившая Талисман в черный отель, разместила этих чудовищ в океане у Пойнт-Венути, чтобы не подпускать к отелю тех, кому там делать нечего, и Спиди это знал. Гигантские тела плававших в воде существ мягко подгоняли матрац все ближе и ближе к сваям, но волны, которые они создавали, мешали Джеку следить за происходившим на берегу.

Поднявшись на гребень очередной волны, он увидел Лучезарного Гарденера. Седые волосы развевались за спиной преподобного, а сам он стоял у черного забора, поднеся к плечу охотничий карабин большого калибра с длинным стволом. Матрац нырнул во впадину, пуля с писком пролетела высоко над головой Джека. Раздался грохот. Когда Гарденер выстрелил в следующий раз, рыбоподобное десятифутовое существо́ с большущим спинным плавником поднялось из воды и остановило пулю, а в следующее мгновение ушло под воду. Джек успел заметить дыру с рваными краями у него в боку. Когда матрац вновь вынесло на гребень, Гарденер пересекал пляж, определенно направляясь к мотелю «Кингсленд». А гигантские существа продолжали подталкивать Серебряную Леди к сваям.

5

Спиди говорил про лестницу, и Джек принялся искать ее, как только оказался в полумраке под балконом. Толстые сваи, покрытые водорослями и ракушками, стояли четырьмя рядами. Если лестницу установили одновременно со строительством балкона, она могла оказаться бесполезной. Кроме того, к настоящему моменту ее должна была полностью скрывать растительность. Большие шершавые сваи сильно разбухли. Положив локти на матрац, Джек воспользовался толстым резиновым хвостом, чтобы выбраться из воды. Потом, дрожа, расстегнул вымокшую рубашку — ту самую, белую, с пуговичками на воротнике, на размер меньше, чем нужно, которую Ричард дал ему по другую сторону Проклятых земель, — и бросил на матрац. Обувь Джек потерял в океане, поэтому теперь просто стянул мокрые носки и положил на рубашку. Ричард сидел у головы Серебряной Леди, сгорбившись, закрыв глаза и рот.

— Мы ищем лестницу, — сообщил ему Джек.

Ричард отреагировал едва заметным движением головы.

— Ты сможешь подняться по лестнице, Ричи?

— Возможно.

— Что ж, она где-то здесь. Вероятно, крепится к какой-нибудь свае.

Джек принялся грести руками, направив матрац между двух свай первого ряда. Теперь зов Талисмана звучал непрерывно, такой сильный, что, похоже, мог поднять Джека и перенести на балкон. Они плыли между первым и вторым рядами свай, под черным балконом, и в воздухе, как под балконом, так и снаружи, вспыхивали красные огоньки, мерцали, подмигивали. Джек подсчитал: четыре ряда свай, по пять в каждом. Двадцать мест, где могла скрываться лестница. С учетом глубокого сумрака и лабиринтов между сваями пространство под балконом напоминало катакомбы.

— Они нас не застрелили, — бесстрастно произнес Ричард. Таким тоном обычно говорят: «В магазине закончился хлеб».

— Нам помогли. — Джек посмотрел на скрючившегося Ричарда. В таком состоянии он не сможет подняться по лестнице. Его следовало как-то подхлестнуть.

— Мы приближаемся к свае, — сказал Джек. — Наклонись вперед и оттолкни нас от нее.

— Что?

— Оттолкни нас, чтобы мы не врезались в сваю, — повторил Джек. — Давай, Ричард, мне нужна твоя помощь.

Вроде бы сработало. Ричард приоткрыл левый глаз и положил правую руку на край надувного матраца. Когда они приблизились к толстой свае, вытянул левую, чтобы оттолкнуться. На свае что-то чавкнуло, словно разошлись влажные губы.

Ричард хрюкнул и убрал руку.

— Что это было? — спросил Джек, но Ричард мог не отвечать: теперь оба мальчика видели похожих на слизняков существ, которые жили на сваях. Прежде их глаза и рты были закрыты. Однако когда их потревожили, они зашевелились, клацая зубами. Джек опустил руки в воду и несколькими гребками увел матрац от сваи.

— Господи, — выдохнул Ричард. Безгубые рты оказались на удивление зубастыми. — Господи, я не смогу...

— Ты должен, Ричард, — перебил его Джек. — Ты слышал, что сказал Спиди на берегу. Возможно, он уже умер, Ричи, а если так, он умер в полной уверенности, что ты с моей помощью попадешь в отель.

Ричард вновь закрыл глаза.

— И мне без разницы, сколько слизняков нам придется убить, чтобы подняться по лестнице. Ты по ней поднимешься. Будь уверен.

— Да пошел ты, — огрызнулся Ричард. — Нечего так говорить со мной. Меня тошнит от твоих приказов.

Я знаю, что поднимусь по лестнице, чего бы это мне ни стоило. У меня, вероятно, очень высокая температура, но я знаю, что поднимусь по лестнице. Я просто не знаю, как это сделаю. Так что отстань от меня. — Эту маленькую речь Ричард произнес с закрытыми глазами. Однако теперь заставил себя открыть оба глаза. — Бред.

— Ты мне нужен, — напомнил Джек.

— Бред. Я поднимусь по лестнице, говнюк ты эдакий.

— В таком случае мне лучше ее найти, — ответил Джек, толкнул матрац к следующему ряду свай — и увидел лестницу.

6

Она висела между последними рядами свай, заканчиваясь в четырех футах от поверхности воды. Чуть более светлый прямоугольник над ней указывал, что там крышка люка, выходящего на балкон. В густом сумраке лестница выглядела едва различимым призраком.

— Все в порядке, Ричард! — воскликнул Джек и осторожно провел матрац мимо следующей сваи, чтобы не задеть ее. Сотни облепивших сваю слизняков скалили зубы. Через несколько секунд голова Серебряной Леди уже покачивалась под нижней перекладиной лестницы. Джек встал и схватился за нее.

— Отлично, — сказал он. Привязал один рукав мокрой рубашки к перекладине, а второй — к жесткому резиновому хвосту. Теперь матрац дождется их — если они сумеют выбраться из отеля... Во рту у Джека внезапно пересохло.. Талисман пел, неустанно звал его. Он снова встал, взялся за нижнюю перекладину.

— Ты первый, — обратился Джек к Ричарду. — Это будет нелегко, но я тебе помогу.

— Мне не нужна твоя помощь, — ответил Ричард. Встал, покачнулся, и оба мальчика едва не полетели в воду.

— Не торопись.

— Не учи меня. — Ричард развел руки, устоял на ногах. Поджал губы. Похоже, он боялся вдохнуть. Шагнул вперед.

— Хорошо.

— Говнюк. — Ричард двинул вперед левую ногу, поднял правую руку, шагнул правой ногой. Теперь он держался за нижнюю перекладину обеими руками, глядя на лестницу прищуренным правым глазом. — Видишь?

— Конечно. — Джек вскинул обе руки, растопырив пальцы, показывая тем самым, что не хотел оскорбить Ричарда, предлагая ему помощь.

Ричард подтянулся, его ноги пошли вперед, утаскивая за собой матрац. В следующую секунду Ричард повис над водой, и только рубашка Джека удерживала матрац у лестницы, не позволяя выскользнуть из-под ног.

— Помоги!

— Подтяни ноги.

Ричард подтянул ноги и выпрямился, тяжело дыша.

— Так позволишь тебе помочь?

— Да.

Джек полз по матрацу, пока не оказался перед Ричардом. Осторожно поднялся. Ричард, дрожа всем телом, обеими руками держался за нижнюю перекладину. Джек обхватил тощие бедра друга.

— Я помогу тебе подняться. Не отталкивайся ногами, просто тянись вверх, пока не поставишь колено на нижнюю перекладину. Первым делом возьмись руками за следующую.

Ричард приоткрыл глаз и взялся.

— Готов?

— Да.

Матрац заскользил по воде, но Джек поднял Ричарда достаточно высоко, чтобы тот без труда смог опереться коленом о нижнюю перекладину. Потом Джек схватился за края лестницы и удержал матрац на месте. Ричард хрипел от натуги, пытаясь поставить на перекладину второе

колено. Ему это удалось. А еще через две секунды Ричард Слоут стоял на лестнице.

— Я не могу лезть выше, — прошептал он. — Думаю, я упаду. Я так плохо себя чувствую, Джек.

— Пожалуйста, поднимись еще на одну перекладину. Пожалуйста. Потом я сумею тебе помочь.

Ричард устало перехватился руками за следующую перекладину. Джек, задрав голову, прикинул, что длина лестницы составляла футов тридцать.

— Теперь ноги. Пожалуйста, Ричард.

Ричард медленно переставил на вторую перекладину сначала одну ногу, потом другую.

Джек взялся за ту же перекладину по обеим сторонам ног Ричарда и подтянулся. Матрац закружился под лестницей, но колени Джека уже находились на первой перекладине. Привязанная рубашкой Джека Серебряная Леди напоминала собачку на коротком поводке.

Когда они преодолели треть подъема, Джеку пришлось одной рукой обнять Ричарда за талию, чтобы тот не свалился в черную воду.

Наконец прямоугольник люка оказался над самой головой Джека. Он прижал Ричарда к себе левой рукой, которой держался за перекладину (голова друга бессильно привалилась к его груди), а правую поднял и попытался откинуть крышку. А вдруг она заколочена гвоздями? Но крышка мгновенно поддалась и с грохотом упала на балкон. Крепко обняв Ричарда левой рукой, Джек вытащил его из темноты на свет.

ИНТЕРЛЮДИЯ
Слоут в этом мире (V)

Мотель «Кингсленд» пустовал почти шесть лет, и в нем пахло затхлыми старыми газетами, как и во всех зданиях, которые долгое время стоят заброшенными. Поначалу этот

запах доставлял Слоуту неудобства. Его бабушка по материнской линии умирала в доме, где Слоут жил мальчиком: на это ушло четыре года, но она в конце концов отмучилась, — и именно так пахло ее умирание. Он бы предпочел обойтись без запаха и без подобных воспоминаний в момент своего — он в этом не сомневался — величайшего триумфа.

Теперь, конечно, это не имело значения. Как не имели значения и ужасные потери, причиненные его армии неожиданным прибытием в лагерь «Готовность». Страх и ярость, поначалу охватившие Слоута, переросли в нервное ожидание. Опустив голову, сверкая глазами, с подергивающимися губами, он кружил по комнате, в которой много лет назад останавливался с Ричардом. Иногда сцеплял руки за спиной, иногда бил кулаком в ладонь, иногда поглаживал лысину на макушке. Однако по большей части просто мерил комнату широкими шагами и, как когда-то в колледже, сжимал пальцы в кулаки с такой силой, что ногти впивались в ладони. У Слоута то и дело скручивало живот.

Дело шло к развязке.

Нет, нет. Смысл верный, но слова не те.

Дело *сходилось* к одной точке.

Ричард уже мертв. Мой сын мертв. Должен умереть. Он пережил Проклятые земли — едва, — но «Эджинкорт» ему никогда не пережить. Он мертв. На этот счет незачем тешить себя ложными надеждами. Джек Сойер убил его, и за это я вырву глаза из его гребаной головы.

— Но *я* тоже убил его, — прошептал Морган, на мгновение остановившись.

Внезапно он подумал о своем отце.

Гордоне Слоуте, суровом лютеранском священнике из Огайо. Все детство Морган мечтал о том, чтобы удрать от этого жесткого и пугающего человека. Наконец он сумел вырваться в Йель. В старших классах Морган поставил перед собой цель поступить туда, подсознательно понимая, что его грубый, живущий в сельской глубинке отец никогда

не решится приехать в Йель. Если отец попытается ступить в кампус Йеля, с ним *что-то* случится. Старшеклассник Морган Слоут не мог сказать, что *именно*... но чувствовал, что отцу не поздоровится по-крупному, как не поздоровилось Злой ведьме, когда Дороти окатила ее водой. Интуиция Моргана не подвела: его отец ни разу не появился в кампусе Йеля. С первого дня пребывания там влияние отца начало таять. Только ради этого стоило рвать жилы в школе.

Но теперь, когда он стоял, сжав кулаки и впившись ногтями в ладони, его отец подал голос: *Зачем человеку власть над целым миром, если при этом он теряет собственного сына?*

На мгновение влажный запах старых газет — запах пустого мотеля, запах умирающей бабушки, запах смерти — заполнил его ноздри, чуть не задушил, и Морган Слоут/Морган из Орриса испугался.

Зачем человеку...

Ибо сказано в «Книге доброго земледелия», что *человек не должен приносить то, что взошло из семени его, в жертву, а если принесет...*

Зачем человеку...

Этот человек будет проклят, и проклят, и проклят.

...власть над целым миром, если при этом он теряет собственного сына?

Вонючая штукатурка. Сухой запах мышиного дерьма, превратившегося в пыль в темных пустотах за стенами. Безумцы. Безумцы на улицах.

Зачем?

Мертв. Один сын мертв в этом мире, другой — в том.

Зачем?

Твой сын мертв, Морган. Он должен умереть. В воде, или под балконом, или — наверняка! — наверху. Он не сможет выдержать того, что увидит там. Не сможет...

Зачем...

И внезапно ответ пришел.

— *Он получает целый мир!* — крикнул Морган пустой, заброшенной комнате. Расхохотался и вновь начал кружить по ней. — Он получает целый *мир*, и, клянусь Джейсоном, разве мира не достаточно?

Смеясь, он кружился все быстрее и быстрее, и скоро из его кулаков начала капать кровь.

Десять минут спустя к мотелю подъехал автомобиль. Морган подошел к окну и увидел, как Лучезарный Гарденер выпрыгивает на тротуар.

Секунду спустя преподобный забарабанил по двери обоими кулаками, как бьющийся в истерике трехлетний карапуз. Морган видел, что Лучезарный окончательно рехнулся, и задался вопросом, хорошо это или плохо.

— Морган! — проревел Гарденер. — Откройте мне, мой господин! Новости! У меня новости!

Видел я твои новости в бинокль. Поколоти в дверь еще, Гарденер, пока я определюсь: твое безумие — это хорошо или плохо?

Хорошо, решил Морган. В Индиане в критический момент Гарденер превратился в Лучезарного Труса и удрал, не покончив с Джеком раз и навсегда. Но теперь безмерное горе вновь вернуло преподобному доверие. Если бы Моргану потребовался пилот-камикадзе, Лучезарный Гарденер сел бы за штурвал первым.

— Откройте мне, мой господин! Новости! Новости! Но...

Он открыл дверь. И хотя Моргана распирало волнение, Гарденер увидел перед собой каменное лицо.

— Успокойся. Успокойся, Гард. У тебя в мозгу лопнет сосуд.

— Они вошли в отель... на пляже... стреляли в них, пока они были на пляже... тупые козлы промахнулись... на воде, я думал... мы достанем их на воде... потом вынырнули эти подводные твари... я видел его в прицеле... я видел этого плохого, плохого мальчишку в МОЕМ ПРИЦЕЛЕ... а потом... эти твари... они... они...

— Помедленнее. — В голосе Моргана слышались успокаивающие нотки. Он закрыл дверь. Достал из внутреннего кармана пиджака фляжку. Протянул Гарденеру, который свинтил крышку и сделал два большущих глотка. Морган ждал. Его лицо оставалось доброжелательным и спокойным, только на лбу пульсировала вена да пальцы сжимались и разжимались.

Вошли в отель, да. Морган видел этот нелепый надувной матрац с разрисованной лошадиной головой и резиновым хвостом и как он, покачиваясь на волнах, плыл к отелю.

— Мой сын? — спросил он Гарденера. — Что говорят твои люди? Он был жив или мертв, когда Джек затаскивал его на матрац?

Гарденер покачал головой... но его глаза выдавали, во что он верил.

— Никто не знает наверняка, мой господин. Некоторые говорят, что видели, как он шевелился. Другие утверждают обратное.

Не важно. Если он и был жив тогда, то теперь точно мертв. Один глоток воздуха в том отеле — и его легкие разорвутся.

От виски щеки Гарденера раскраснелись, глаза начали слезиться. Он не вернул фляжку, а по-прежнему держал ее в руке. Слоут не возражал. Ему не хотелось ни виски, ни кокаина. Как сказали бы в шестидесятых, он и так пребывал в естественной эйфории, не требующей использования стимуляторов.

— Начни снова, — предложил Морган, — и на этот раз говори связно, ничего не упускай.

Единственной новостью, которую сообщил Моргану Гарденер, стало присутствие на пляже ниггера, да и то, пожалуй, об этом можно было догадаться. Однако Морган позволил Гарденеру продолжить. Голос преподобного успокаивался, ярость утихала.

Под его рассказ Морган еще раз просчитал варианты дальнейших действий, с легким уколом сожаления вычеркнув сына из всех уравнений.

Зачем приобретать власть над целым миром? Чтобы получить целый мир, а мира вполне достаточно... или в данном случае миров. Для начала двух, потом, если все получится, больше. Я смогу править ими всеми, если захочу... я стану Богом Вселенной.

Талисман. Талисман — это...

Ключ?

Нет.

Не ключ, а дверь. Запертая дверь между ним и его судьбой. Он хотел не открыть дверь, а уничтожить ее, уничтожить окончательно, бесповоротно и на веки вечные, чтобы она никогда больше не захлопнулась, не говоря уж о том, чтобы не закрылась на замок.

Когда Талисман разобьется, все эти миры станут *его* мирами.

— Гард! — воскликнул он и вновь закружил по комнате.

Гарденер вопросительно уставился на Моргана.

— Зачем нужна власть над миром? — весело спросил Морган.

— Мой господин, я не пони...

Морган остановился перед Гарденером, его глаза лихорадочно блестели. Лицо пошло рябью. Стало лицом Моргана из Орриса. Вновь лицом Моргана Слоута.

— Чтобы получить целый мир! — ответил Морган, кладя руки на плечи Осмонда. Когда мгновением позже убрал их, Осмонд превратился в Гарденера. — Чтобы получить целый *мир*, а мира вполне достаточно.

— Мой господин, вы не понимаете. — Теперь Гарденер смотрел на Моргана как на сумасшедшего. — Я думаю, они вошли в отель. В отель, где находится ЭТО. Мы пытались застрелить их, но твари... подводные твари... поднялись и защитили их, как и говорилось в «Книге доброго земледелия»... и если они *в отеле*... — Поднимающийся голос Гарденера оборвался. Глаза Осмонда округлились от ненависти и страха.

— Я понимаю, — успокаивающе ответил Морган. Его лицо и голос казались безмятежными, но кулаки сжимались и разжимались, а кровь капала на заплесневелый ковер. — Да, сэр, все понимаю, будь уверен. Они вошли в отель, и мой сын никогда из него не выйдет. Ты потерял своего сына, Гард, а теперь я потерял моего.

— *Сойер*! — рявкнул Гарденер. — Джек Сойер! Джейсон! Этот...

Он разразился ругательствами и не замолкал минут пять. Клял Джека на двух языках, его голос дрожал и звенел от горя и безумной ярости. Морган стоял и ждал, пока преподобный изольет душу.

Когда Гарденер, тяжело дыша, замолчал и еще раз глотнул из фляжки, Морган заговорил:

— Правильно! Все правильно! А теперь послушай, Гард... ты слушаешь?

— Да, мой господин.

Глаза Гарденера/Осмонда ярко сверкали, не отрываясь от Моргана.

— Мой сын никогда не выйдет из этого отеля, и я не думаю, что из него выйдет Сойер. Скорее всего он не успел стать Джейсоном в достаточной степени, чтобы иметь дело с черным отелем. ЭТО, вероятно, убьет его, или сведет с ума, или забросит за сотню миров от нашего. Но он может выйти, Гард. Да, он *может*.

— Он наиплохейший, наимерзейший сучонок, который когда-либо появлялся на этой земле, — прошептал Гарденер. Его пальцы стискивали фляжку... стискивали... стискивали... стискивали... и на металле появились вмятины.

— Ты говоришь, старый ниггер на берегу?

— Да.

— Паркер, — кивнул Морган, и в тот же момент Осмонд назвал другое имя: «Паркус».

— Мертвый? — спросил Морган без особого интереса.

— Не знаю. Думаю, да. Послать людей, чтобы притащили его сюда?

— *Нет!* — резко ответил Морган. — Нет... но *мы* пойдем туда, где он лежит, верно, Гард?

— Мы?

Морган заулыбался.

— Да. Ты... я... все мы. Потому что именно туда Джек отправится в первую очередь. Если выйдет из отеля. Он не оставит своего старого черного друга на берегу, верно?

Теперь заулыбался и Гарденер.

— Да, — согласился он. — Не оставит.

И впервые Морган ощутил тупую, пульсирующую боль в руках. Разжал кулаки и задумчиво взглянул на кровь, которая текла из полукруглых ран на ладонях. Его улыбка не поблекла. Наоборот, стала шире.

Гарденер со всей серьезностью смотрел на него. Ощущение мощи наполнило Моргана. Он поднял руку к шее, и окровавленные пальцы сомкнулись на ключе, который метал молнии.

— Человек получает *целый мир*! — прошептал Морган. — Можете сказать *аллилуйя*.

Его губы разошлись в усталой желтозубой ухмылке волка-одиночки — старого, но по-прежнему коварного, цепкого и сильного.

— Пошли, Гард. На пляж.

Глава 41
ЧЕРНЫЙ ОТЕЛЬ

1

Ричард Слоут не умер, но уже потерял сознание, когда Джек поднял его на руки.

Кто теперь стадо? — спросил у него в голове Волк. *Будь осторожен, Джеки. Волк! Будь...*

ПРИХОДИ КО МНЕ! СЕЙЧАС! — пел Талисман сильным беззвучным голосом. — *ПРИХОДИ КО МНЕ, ПРИВОДИ СТАДО, И ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО, И ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО И...*

— ...всем нам будет хорошо, — пробурчал Джек с интонациями Андерса.

Он шагнул вперед и на какой-то дюйм разминулся с провалом люка, едва не угодил в него ногой, словно участник странной двойной казни через повешение. *Болтаемся с другом*, мелькнула у Джека безумная мысль. Удары сердца отдавались в ушах, и на мгновение он подумал, что его вырвет в серую воду, плескавшуюся у свай. Потом он взял себя в руки и ногой захлопнул крышку люка. Теперь остался только шум флюгеров — кабалистических бронзовых знаков, без устали вращавшихся в небе.

Джек повернулся к «Эджинкорту».

Он стоял на широком балконе, выполнявшем функции веранды над водой. Когда-то, в двадцатых и тридцатых годах, здесь по вечерам сидели под зонтиками модно одетые дамы и господа, пили «Джин Рики» или «Сайдкар», возможно, читали последние романы Эдгара Уоллеса или Эллери Куина и смотрели на далекий остров Лос-Кавернес — синевато-серый горб кашалота, чуть выступавший на горизонте. Мужчины — в белом, женщины — в пастельных тонах.

Когда-то.

Сейчас доски изогнулись, покоробились, растрескались. Джек не знал, какого цвета балкон был раньше, но теперь он стал черным, как и весь отель, как злокачественные опухоли в легких матери.

В двадцати футах от Джека высились упомянутые Спиди окна-двери, через которые выходили на веранду и возвращались в отель его постояльцы в те далекие дни. Закрашенные белой краской, окна напоминали бельма на глазах.

На одном Джек прочитал:

ТВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС УЙТИ ДОМОЙ

Звук волн. Звук вращающихся на угловатых крышах флюгеров. Запах морской соли и давно пролитых коктейлей — пролитых красивыми людьми, которые ссохлись и умерли. Запах самого отеля. Джек посмотрел на закрашенные стекла и не удивился тому, что надпись изменилась:

ОНА УЖЕ МЕРТВА ДЖЕК
ТАК ЗАЧЕМ БЕСПОКОИТЬСЯ?

(*и кто теперь стадо?*)

— Ты, Ричи, — прошептал Джек, — но не ты один.

Ричард протестующе всхрапнул у него на руках.

— Пошли, — сказал Джек и двинулся к окнам-дверям. — Еще одна миля погоды не сделает.

2

С приближением закрашенные окна росли, и Джеку казалось, что черный отель разглядывает его со слепым, но пренебрежительным удивлением.

Маленький мальчик, ты действительно думаешь, что сможешь войти, и действительно надеешься выйти отсюда? Ты думаешь, что в тебе действительно так много Джейсона?

Красные искры, которые прежде возникали в воздухе, теперь вспыхивали и перемещались по белому стеклу. На мгновение они обрели форму. Джек в изумлении смотрел, как они превратились в огненных чертенят, а те скатились вниз на бронзовые ручки дверей и собрались на них. Ручки начали светиться, как железо в кузнечном горне.

Давай, маленький мальчик. Прикоснись ко мне. Попробуй.

Однажды, шестилетним ребенком, Джек коснулся пальцем холодной спирали электроплиты, а потом повер-

нул ручку до упора. Секундой позже он с криком боли отдернул палец, на котором уже вырос волдырь. Фил Сойер вбежал на кухню, посмотрел на Джека и спросил, когда у того появилось странное желание сжечь себя живьем.

Джек стоял с Ричардом на руках, глядя на тускло светившиеся ручки.

Давай, маленький мальчик. Помнишь, как раскалилась плита? Ты думал, тебе хватит времени отдернуть палец. «Черт, — решил ты, — эта хреновина раскалится только через минуту», — но она раскалилась мгновенно, так? И что ты почувствуешь теперь, Джек?

Все новые красные искры скатывались со стекол на ручки французских окон. Раскалившийся докрасна металл приобрел белый отлив, словно был готов расплавиться. Прикоснись Джек к такой ручке, она войдет в его плоть, ткани обуглятся, кровь закипит. И его пронзит боль, какой он не испытывал раньше.

Он подождал еще мгновение с Ричардом на руках, надеясь, что Талисман снова позовет его или ипостась Джейсона возьмет инициативу на себя. Но вместо этого в голове заскрипел голос матери:

Тебя всегда нужно подталкивать, Джеки? Давай, большой мальчик, ты сам отправился в этот поход, ты можешь идти дальше, если действительно этого хочешь. Или кто-то другой должен все за тебя делать?

— Хорошо, мама, — ответил Джек. Чуть улыбнулся, но его голос дрожал от страха. — Я тебе верю. Только надеюсь, что кто-то не забыл положить мне в рюкзак тюбик «Соларкейна».

Он протянул руку и взялся за раскаленную докрасна ручку.

Только она вовсе не была раскаленной: жаркое свечение оказалось иллюзией. Теплой — ничего больше. А когда Джек повернул ее, красное свечение угасло во всех ручках. И едва он толкнул стеклянную дверь, Талисман запел вновь, отчего по коже Джека побежали мурашки.

ОТЛИЧНО СРАБОТАНО! ДЖЕЙСОН! ПРИХОДИ КО МНЕ!

С Ричардом на руках Джек шагнул в обеденный зал черного отеля.

3

Переступая порог, он почувствовал, как некая неодушевленная сила — что-то вроде мертвой руки — пытается вытолкнуть его из отеля. Но Джек упирался, и через секунду-две сопротивление исчезло.

Внутри было не слишком темно, через закрашенные окна проникал белый свет, который Джеку не нравился. Он напоминал туман, окутывающий и слепящий. От стен тянуло тленом. Штукатурка медленно превращалась в зловонную жижу. Воздух заполняли запахи пустоты и темноты. Но Джек осознавал, что это еще не все, и боялся.

Потому что отель вовсе не пустой.

С кем или с чем он может тут встретиться, Джек точно сказать не мог, но ведь ни Слоут, ни, по-видимому, кто-либо другой не решался войти в отель. Тяжелый и неприятный воздух медленно отравлял легкие. Джек ощущал, как бесконечные этажи, наклонные коридоры, потайные комнаты и тупики над головой давят на него, словно стены огромных извилистых катакомб. Здесь обитали безумие, и ходячая смерть, и лопочущая иррациональность. Джек не смог бы подобрать слов, чтобы описать обитателей черного отеля, но он их чувствовал... знал, с чем имеет дело. Знал и другое: все Талисманы Вселенной не смогут защитить его от них. С его приходом в черный отель начался странный, неведомый ему ритуал, исход которого — Джек это чувствовал — не был предопределен.

Он мог надеяться только на себя.

Что-то пощекотало его затылок. Джек вскинул руку и отбросил помеху в сторону. Ричард громко застонал.

Это оказался большой черный паук, висевший на нити. Джек поднял голову и увидел паутину на одном из застывших потолочных вентиляторов. Она провисала между деревянными лопастями. Джек посмотрел на раздутое тело паука. У него были глаза. Джек не смог вспомнить, доводилось ли ему раньше видеть паучьи глаза. Он двинулся по дуге к столам, обходя зависшего монстра. Паук поворачивался на нити, следя за Джеком взглядом.

— *Парш-ш-шивый вор!* — внезапно прошипел паук.

Джек вскрикнул и в панике изо всех сил прижал Ричарда к себе. Его крик эхом отразился от высокого потолка обеденного зала. Где-то в тенях лязгнуло что-то металлическое, послышался чей-то смех.

— *Парш-ш-шивый вор! Парш-ш-шивый ВОР!* — проверещал паук и внезапно поднялся по нити к своей паутине.

С гулко бьющимся сердцем Джек пересек обеденный зал и положил Ричарда на один из столов. Ричард снова застонал, едва слышно. Джек чувствовал вздутия под одеждой друга.

— На какое-то время мне придется тебя оставить, дружище.

Из теней под потолком донеслось: «Я позабочусь... хорош-ш-шо позабочусь... хорош-ш-шо позабочусь о нем, ты, парш-ш-шивый вор... парш-ш-шивый вор...» — и неприятный, звенящий смешок.

Под столом, на который Джек опустил Ричарда, обнаружилась стопка скатертей. Лежавшие сверху покрылись склизкой плесенью, но в середине нашлась одна достаточно чистая. Джек развернул ее и накрыл Ричарда до подбородка, а затем двинулся дальше.

Голос паука донесся из лопастей вентилятора, из темноты, которая воняла разложившимися мухами и запутавшимися в паутине осами:

— ...я позабочусь о нем, ты, парш-ш-шивый вор...

Джек поднял голову. Всмотрелся, но паука не разглядел. Он мог представить себе эти холодные маленькие глазки, но дальше воображения дело не шло. Тошнотворная, мучительная картина возникла перед мысленным взором Джека: паук спускается на лицо Ричарда, протискивается мимо податливых губ в рот, воркуя при этом: «*...парш-ш-шивый вор... парш-ш-шивый вор... парш-ш-шивый вор...*»

Он подумал о том, чтобы натянуть простыню и на рот Ричарда, но обнаружил, что не может заставить себя сделать это: так Ричард будет выглядеть трупом... и кто знает, не этим ли все и закончится.

Джек вернулся к Ричарду и в нерешительности постоял рядом, отдавая себе отчет, что эта нерешительность весьма радует затаившихся обитателей черного отеля, готовых на все, лишь бы не подпустить его к Талисману.

Он сунул руку в карман и достал большой темно-зеленый стеклянный шарик. Волшебное зеркальце в другом мире. Джек не мог знать наверняка, обладает ли шарик магической силой, способной противостоять злу, но его изготовили в Долинах, а Долины, за исключением Проклятых земель, были добрыми. И эта врожденная доброта, рассудил Джек, сама по себе могла послужить защитой от зла.

Он вложил шарик в ладонь Ричарда. Пальцы друга сомкнулись на шарике, но едва Джек убрал руку, медленно разжались.

Откуда-то сверху донесся мерзкий смех паука.

Джек низко склонился над Ричардом, пытаясь игнорировать запах болезни — так похожий на запах этого места, — и прошептал:

— Держи его в руке, Ричи. Держи его крепко, дружок.

— Не... дружком, — пробормотал Ричи, но его рука сжала шарик.

— Спасибо, Ричи-бой, — поблагодарил его Джек. Мягко поцеловал Ричарда в щеку и направился к двустворча-

той двери в дальнем конце обеденного зала. *Все как в «Альгамбре»*, думал он. *Там из обеденного зала можно пройти в сад, а здесь — на веранду над водой. И двустворчатая дверь, ведущая в отель.*

Пересекая обеденный зал, он вновь почувствовал мертвую руку, останавливающую его: отель не пускал Джека, пытался оттолкнуть.

И не мечтай, подумал он, продолжая идти.

И тут же противостоявшая ему сила исчезла.

У нас есть и другие средства, прошептала Джеку двустворчатая дверь. И он вновь услышал лязг металла.

Ты тревожишься из-за Слоута, шептала, казалось, двустворчатая дверь, но голос, который слышал Джек, принадлежал всему отелю. *Ты тревожишься из-за Слоута, и плохих Волков, и козлоподобных существ, и тренеров по баскетболу, которые на самом деле никакие не тренеры. Ты тревожишься из-за оружия, и пластиковой взрывчатки, и магических ключей. Нас это не интересует, малыш. Для нас все это — ничто. Морган Слоут — всего лишь суетливый муравей. Жить ему осталось лет двадцать, а для нас это — лишь пауза между вдохами. Нас в черном отеле волнует только Талисман — связующее звено всех возможных миров. Ты пришел, как вор, чтобы украсть то, что принадлежит нам, и мы говорим тебе еще раз: у нас есть другие средства борьбы с парш-ш-шивыми ворами вроде тебя. И если ты не остановишься, узнаешь на себе, что это за средства... узнаешь на себе.*

4

Джек открыл сначала одну створку, потом другую. Ролики неприятно заскрипели, впервые за многие годы покатившись по направляющим.

За дверью был темный коридор. *Он идет к вестибюлю*, подумал Джек. *А если этот отель действительно такой*

же, как «Альгамбра», мне придется подняться по парадной лестнице на один этаж.

На втором этаже он найдет бальный зал. А в бальном зале — ту самую вещь, за которой пришел.

Джек оглянулся, увидел, что Ричард не шевелится, и вошел в коридор, закрыв за собой дверь.

Медленно двинулся по коридору. Изношенные, грязные кеды шуршали по истлевшему ковру.

Чуть дальше он видел еще одну двустворчатую дверь, с нарисованными на ней птицами.

Но до нее располагались конференц-залы. С одной стороны — «Золотой штат», напротив — «Золотоискатель». Еще через пять шагов — «Мендосино». «ТВОЯ МАТЬ ВОПИЛА, КОГДА УМИРАЛА», — сообщала надпись на нижней панели из красного дерева. В самом конце коридора — невозможно далеко! — Джека ждал тусклый свет: вестибюль.

Лязг металла.

Джек резко развернулся и краем глаза уловил движение в одном из островерхих дверных проемов каменного горла коридора...

(*камень?*)(*островерхие проемы?*)

Он торопливо моргнул. Коридор был обшит панелями из красного дерева, которые начали подгнивать от океанской влаги. Никакого камня. В конференц-залы «Золотой штат», «Золотоискатель» и «Мендосино» вели самые обычные, прямоугольные двери. Однако на мгновение Джек увидел что-то похожее на кафедральные арки. И закрывали эти арки железные опускные ворота — из тех, что можно поднимать и опускать при помощи лебедки. Опускные ворота с грозными железными пиками понизу. Когда ворота опускались, чтобы перекрыть вход, пики аккуратно входили в дыры в полу.

Никаких каменных арок, Джеки. Сам погляди. Обычные двери. Ты видел такие опускные ворота в лондонском Тауэре,

когда ездил туда на экскурсию с мамой и дядей Томом три года назад. Ты немного напуган, ничего больше...

Но сосущее чувство в желудке не обманывало.

Они есть, будьте уверены. Я прыгнул... на мгновение очутился в Долинах.

Лязг металла.

Джек развернулся в другую сторону, пот выступил на лбу и щеках, на голове начали подниматься волосы.

Он увидел это снова: блеск чего-то металлического в тенях одной из комнат. Увидел огромные камни, черные, как грех, грубо обтесанные, кое-где поросшие зеленым мхом. Отвратительные беспанцирные насекомые-альбиносы выползали из дыр в разрушающемся цементном растворе, скреплявшем камни, и уползали обратно. Пустые держатели для факелов висели на стенах через каждые пятнадцать или двадцать футов. Сами факелы давно исчезли.

Лязг металла.

На этот раз он даже не моргнул. Мир заскользил у него перед глазами, заколебался, как предмет, на который смотришь через поток чистой бегущей воды. Стены вновь стали почерневшим красным деревом, а не каменными блоками. Двери — *дверьми*, а не опускными воротами. Два мира, разделенные мембраной не толще чулка, начали накладываться друг на друга.

И Джек смутно осознавал, что ипостась Джейсона соединяется с ним и возникает некое третье существо — сплав первых двух.

Я не знаю, что это за комбинация, но, надеюсь, она будет сильной, потому что за этой двустворчатой дверью что-то есть... что-то есть за всеми дверьми.

И Джек вновь двинулся по коридору к вестибюлю.

Лязг металла.

На этот раз миры не поменялись: двери остались дверьми, и он не заметил никакого движения.

Но прямо за створками... Прямо за...

Теперь он слышал какие-то звуки, доносившиеся из-за расписанной двухстворчатой двери. «БАР "ЦАПЛЯ"», — сообщала надпись над изображенным на ней болотом. Что-то большое и ржавое пришло в движение. Джек развернулся к

(*Джейсон развернулся к*)

этой открывающейся двери

(*к этим поднимающимся опускным воротам*),

его рука нырнула

(*в кошель*)

в карман

(*который он носил на поясе камзола*)

джинсов, и пальцы сжали медиатор, который давным-давно дал ему Спиди.

(*И пальцы сомкнулись на акульем зубе.*)

Джек ждал, кто же выйдет из бара «Цапля», а стены отеля мрачно нашептывали: *У нас есть средства для борьбы с такими парш-ш-шивыми ворами, как ты, тебе следовало уйти, когда была такая возможность...*

...потому что теперь, маленький мальчик, твое время истекло.

5

Лязг... БУХ.

Лязг... БУХ.

Лязг... БУХ.

Двигалось что-то большое, и неуклюжее, и металлическое. Звуки эти, безжалостные и нечеловеческие, пугали Джека куда сильнее, чем то, что могло бы издать живое существо.

Что-то двигалось, приближаясь к нему в медленном идиотском темпе.

Лязг... БУХ.

Лязг... БУХ.

Последовала долгая пауза. Джек ждал, прижавшись к противоположной стене, справа от разрисованных створок, его нервы так напряглись, что, казалось, гудели. Долго, долго ничего не происходило. Наверное, лязгальщик провалился в какую-то червоточину в мембране, разделявшей миры, и вернулся в тот мир, который служил ему домом. Мальчик почувствовал, как затекла спина, — он слишком долго стоял, вжимаясь в стену и вытянувшись в струнку. Джек оторвался от стены, чуть ссутулился.

Раздался оглушительный удар, и огромный бронированный кулак с тупыми двухдюймовыми зубцами на месте костяшек пробил синее небо двери. Разинув рот, Джек вновь вжался в стену.

И — ничего не мог с собой поделать — прыгнул в Долины.

6

По ту сторону опускных ворот стояла фигура в ржавых черных доспехах. Цилиндрический шлем рассекала черная прорезь для глаз, шириной не больше дюйма, и украшал грязный красный плюмаж: в нем копошились белые гусеницы. Подобные тем, разглядел Джек, что сначала выползали из стен в комнате Альберта Брюхана, а потом заполонили всю школу Тэйера. Выходивший из-под шлема кольчужный койф укрывал ржавые рыцарские плечи, как дамский палантин. Тяжелые железные наручи, соединенные налокотниками, защищали руки от плеча до запястья. Доспехи толстым слоем покрывала грязь, и при движениях рыцаря налокотники противно скрипели пронзительными, капризными голосами избалованных детей.

Бронированные кулаки щетинились зубцами.

Джейсон стоял у каменной стены, глядя на рыцаря, не в силах оторвать от него глаз, во рту у мальчика пересохло,

как при тяжелой болезни, глазные яблоки, казалось, пульсировали в такт ударам сердца.

В правой руке рыцарь держал *le martel de fer* — боевой молот с ржавой кованой тридцатифунтовой головкой, грозного вида и смертельно опасный.

Опускные ворота; помни, между тобой и...

И тут, сама по себе, лебедка начала вращаться, накручивая на барабан железную цепь, каждое звено которой длиной не уступало предплечью Джека. Ворота пришли в движение.

7

Бронированный кулак исчез, оставив зазубренную дыру в двери, превратив рисунок на ней из пасторально-романтического в сюрреалистически-мрачный, вполне уместный в баре. Теперь казалось, будто какой-то охотник, пребывающий в мрачном настроении после целого дня в болотах, от злости выпустил заряд дроби в небо. Потом головка боевого молота пробила дверь могучим ударом, уничтожив одну из двух собравшихся взлетать цапель. Джек вскинул руки к лицу, чтобы защититься от осколков. Боевой молот исчез. Последовала еще одна пауза, на этот раз короткая — Джек едва успел подумать, а не убежать ли ему. И вновь появился кулак с зубцами, повернулся в одну сторону, в другую, расширяя дыру, исчез. А секундой позже молот пробил заросли тростника, и большой кусок правой створки вывалился на ковер.

Теперь Джек мог различить в тенях бара «Цапля» массивную, закованную в латы фигуру. Доспехи этого рыцаря отличались от доспехов того, что противостоял Джейсону в черном замке. У долинского рыцаря шлем был почти цилиндрический, с красным плюмажем; у этого — напоминал сверкающую голову стальной птицы. Из шлема где-то на уровне ушей торчали рога. Джек видел на-

грудную пластину, латную юбку из стальных полос и под ней — подол кольчуги. Молот в обоих мирах оставался неизменным, и в обоих мирах рыцари-двойники одновременно отбросили его, словно в презрении: ну зачем нужен боевой молот в поединке со столь жалким противником?

Беги! Джек, беги!

Это правильно, прошептал отель. *Беги! Только так и может поступить парш-ш-шивый вор! Беги! БЕГИ!*

Но он бежать не собирался. Скорее умер бы, но не побежал, потому что лукавый голос нашептывал чистую правду. Именно так поступил бы парш-ш-шивый вор.

Но я не вор, мрачно подумал Джек. *Этот монстр может убить меня, но я не побегу. Потому что я не вор.*

— Я не побегу! — крикнул он бесстрастной стальной птичьей голове. *— Я не вор! Слышишь меня? Я пришел взять то, что мое, и Я НЕ ВОР!*

Стонущий крик донесся из отверстий в нижней части шлема. Рыцарь поднял бронированные зубчатые кулаки и опустил, один — на левую прогнувшуюся створку, другой — на правую. От нарисованного пасторального болота не осталось и следа. Петли вырвало из дверной коробки... и створки повалились в коридор. Джек буквально увидел, как уцелевшая цапля взлетела к потолку, словно в мультфильме Уолта Диснея, в ее ярких глазах стоял ужас.

Рыцарь в доспехах двинулся к мальчику, будто робот-убийца, поочередно поднимая ноги и с грохотом ставя на ковер. Его рост превышал семь футов, и когда он выходил в дверь, торчавшие из шлема рога прочертили напоминавшие кавычки полосы на косяке.

Беги! — громко простонал голос в голове Джека.

Беги, вор, — прошептал отель.

Нет, — ответил Джек. Он смотрел на приближавшегося рыцаря, а пальцы его правой руки крепко сжимали в кармане медиатор. Бронированные кулаки с зубцами под-

нялись к забралу птицеголового шлема. Откинули его. Джек ахнул.

Внутри было пусто.

А потом руки потянулись к Джеку.

8

Бронированные кулаки с зубцами поднялись и взялись за цилиндрический шлем с двух сторон. Медленно сняли его, открыв мертвенно-бледное, осунувшееся лицо человека, прожившего на этом свете не меньше трех сотен лет. С одной стороны голова старца была размозжена. Осколки кости кусочками разбитой скорлупы торчали из кожи, рану покрывала черная вязкая масса, как предположил Джейсон, разложившиеся мозги. Рыцарь не дышал, но очерченные красным глаза смотрели на Джейсона с дьявольской алчностью. Мертвец ухмыльнулся, и Джейсон увидел острые как иглы зубы, которыми чудовище намеревалось его разорвать.

Рыцарь, покачиваясь, шагнул к нему... но тут раздался другой звук.

Джейсон посмотрел налево, в сторону главного зала (*вестибюля*) замка (*отеля*) и увидел второго рыцаря — у этого на голове был шлем, похожий на котелок, такие еще называют топфхелмами. За ним — третьего рыцаря... и четвертого. Они медленно шли по коридору, ходячие рыцарские доспехи, в которых нынче поселились вампиры.

Тут руки схватили его за плечи. Тупые зубцы бронированных перчаток вонзились в плоть. Потекла теплая кровь, и мертвенно-бледное морщинистое лицо исказилось жуткой голодной улыбкой. Налокотники заскрежетали и застонали, когда мертвый рыцарь потянул мальчика на себя.

9

Джек взвыл от боли: короткие тупые зубцы бронированных кулаков вонзились в него, проткнули кожу, и он раз и навсегда понял, что это реально и через секунду-другую нежить убьет его.

Руки тянули мальчика к черной пустоте шлема...

Но к пустоте ли?

Он уловил отблеск двойного красноватого свечения... вроде бы глаз. И когда железные руки начали поднимать Джека, он почувствовал адский холод, будто все зимы каким-то образом сложились воедино, слились в одну... и эта зима сейчас дула на него из пустого шлема.

Эта железяка действительно собирается меня убить, и тогда моя мать умрет, Ричард умрет, Слоут победит, собирается меня убить, собирается

(*разорвать на куски своими зубами*)

заморозить меня живьем...

ДЖЕК! — Голос Спиди.

(*ДЖЕЙСОН! — Голос Паркуса.*)

Медиатор, парень. Воспользуйся медиатором! Пока не поздно! РАДИ ДЖЕЙСОНА, ВОСПОЛЬЗУЙСЯ МЕДИАТОРОМ, ПОКА НЕ ПОЗДНО!

Рука Джека сжала медиатор. Медиатор пылал, как когда-то монета, — и отупляющий холод внезапно сменился всепоглощающим триумфом. Джек вытащил медиатор из кармана, крича от боли, причиняемой зубцами доспехов, но все с тем же чувством торжества: это прекрасное *тепло* Долин, это чистое ощущение *радуги*.

Его пальцы крепко сжимали медиатор — прочный и тяжелый треугольник из слоновой кости, покрытый странными рисунками, — и в этот момент Джек

(*и Джейсон*)

увидели, что рисунки эти складываются в лицо — лицо Лауры Делессиан.

(*Лицо Лили Кавано Сойер.*)

10

— *Во имя ее, грязная недоделанная тварь!* — прокричали они вместе, но одним криком, криком слившихся воедино Джека и Джейсона. — *Изыди с лица этого мира! Во имя королевы и во имя ее сына, изыди с лица этого мира!*

Джейсон вонзил медиатор в бледное костлявое лицо древнего вампира, одетого в рыцарские доспехи, и в то же мгновение, даже не моргнув, перепрыгнул в тело Джека и увидел, как медиатор пронзает черную арктическую пустоту. И еще один момент запечатлелся в памяти Джейсона: красные глаза вампира, выпучивающиеся от изумления, когда кончик медиатора вошел в морщинистый лоб. И тут же эти глаза, уже подернутые пленкой, взорвались, и черная дымящаяся жижа выплеснулась на кисть и запястье Джейсона. В ней копошились крошечные кусачие черви.

11

Джек отлетел к стене и ударился затылком. Несмотря на это и пульсирующую боль в плечах и в руках выше локтя, медиатор он не выпустил.

Рыцарские доспехи гремели, как пугало, сделанное из жестяных банок. Джек успел заметить, что он вроде бы раздувается, и поднял руку, чтобы прикрыть глаза.

Доспех самоуничтожился. Не разлетелся шрапнелью, а просто развалился: Джек подумал, что рассмеялся бы, увидев такое в кино, а не в коридоре этого вонючего отеля (и со стекающей под мышки кровью). Полированный стальной шлем, так похожий на голову птицы, упал на пол с глухим стуком. Латный воротник, предназначенный для того, чтобы уберечь шею рыцаря от вражеского меча или копья, приземлился точно в шлем в перезвоне

кольчужных колец. Нагрудник и наручи повалились, будто закругленные стальные книжные корешки. Поножи разлетелись в стороны. Металл дождем сыпался на заплесневелый ковер, а потом все застыло грудой ненужного хлама.

Джек оттолкнулся от стены, глядя на эту груду широко раскрытыми глазами, словно ожидая, что рыцарские доспехи с той же скоростью поднимутся вновь. Если честно, он действительно опасался чего-то подобного. Но ничего не менялось, и он повернулся налево, к вестибюлю... и увидел еще троих рыцарей, медленно приближавшихся к нему. Один держал старинное заплесневелое знамя с символом, который Джек узнал: он был на вымпелах; развевавшихся на пиках над солдатами Моргана из Орриса, когда те сопровождали черный дилижанс, направлявшийся по Западной дороге к павильону королевы Лауры. Знак принадлежал Моргану — но не эти твари, осознал Джек. Рыцарские доспехи несли знамя с тем, чтобы подшутить над перепуганным незваным гостем, который собрался украсть сам смысл их существования.

— Хватит, — хрипло прошептал Джек. Медиатор дрожал в его пальцах. С ним что-то случилось. Каким-то образом он повредился, когда Джек использовал его для уничтожения рыцаря, вышедшего из бара «Цапля». Слоновая кость, ранее цвета свежих сливок, теперь заметно пожелтела. На поверхности появилось множество трещинок. Доспехи клацали, направляясь к Джеку. Один рыцарь медленно поднимал двуручный меч.

— Хватит, — со стоном повторил Джек. — Господи, пожалуйста, хватит. Я устал, я больше не могу, пожалуйста. Хватит, хватит...

Странник Джек. Старина Странник Джек...

— *Я не могу, Спиди!* — крикнул он. Доспехи приближались с неотвратимостью автомобильных частей, ползущих

по конвейеру. Джек слышал арктический ветер, завывавший в холодных темных пустотах.

...раз ты уж здесь, освободи его навек.

Пожалуйста, Спиди, хватит!

Они шли к нему: черные железные шлемы, ржавые поножи, кольчуги, местами поросшие мхом и тронутые плесенью.

Ты должен сделать все, что в твоих силах, Странник Джек, прошептал Спиди слабым голосом, а потом исчез, и Джек остался один, чтобы пасть или победить.

Глава 42
ДЖЕК И ТАЛИСМАН

1

Ты допустил ошибку, зазвучал призрачный голос в голове Джека Сойера, пока тот стоял рядом с баром «Цапля» и наблюдал за рыцарскими доспехами, которые плелись к нему. Перед его внутренним взором возник рассерженный мужчина — мужчина, на самом деле так и оставшийся мальчиком-переростком, который идет по типичной для вестернов улице, застегивая сначала один ремень с револьвером, потом второй, так, чтобы они расположились крест-накрест на его животе. *Вы допустили ошибку... вам следовало убить обоих братьев Эллис.*

2

Из всех фильмов матери Джеку больше всего нравился «Последний поезд в Хэнгтаун», снятый в 1960 году и вышедший на экраны в шестьдесят первом.

Фильм выпустила компания «Уорнер бразерс», и главные роли — как и в большинстве малобюджетных фильмов «Уорнер» того периода — исполняли актеры из снимавшихся в то время компанией телесериалов. В «Последнем поезде» засветились Джек Келли из «Маверика» (Учтивый Игрок) и Эндрю Дагган из «Патруля с Бурбон-стрит» (Жестокий Скотопромышленник). Клинт Уокер, в телесериалах игравший Шайенского Призрака, исполнил роль Рейфа Эллиса (Ушедшего На Покой Шерифа, Который Должен В Последний Раз Взяться За Оружие). Первоначально предполагалось, что Танцовщицу С Нежными Руками И Золотым Сердцем сыграет Ингер Стивенс, но мисс Стивенс слегла с тяжелым бронхитом, и роль получила Лили Кавано. Такую роль она сыграла бы даже в коме. Однажды, когда родители думали, что Джек уже спит, и разговаривали в гостиной, он босиком пошел в ванную за стаканом воды и подслушал удивительные слова, сказанные матерью... настолько удивительные, что они врезались в его память. «Все женщины, которых я играла, умели трахаться, но ни одна не умела пердеть» — вот что Лили сказала Филу.

Сыграл в этом фильме и Уилл Хатчинс, исполнявший одну из главных ролей сериала «Сладенький». «Последний поезд в Хэнгтаун» стал фаворитом Джека прежде всего из-за персонажа Хатчинса. Именно этот персонаж — которого звали Энди Эллис — вспомнился усталому, находящемуся на грани срыва, перенапряженному разуму Джека, когда он наблюдал за приближавшимися по темному коридору рыцарскими доспехами.

Энди Эллис был Трусоватым Младшим Братом, Который Рвет Всех в Завершающей Части Фильма. Весь фильм он, сжавшись в комок, прятался по углам, а тут вышел, чтобы противостоять злобным прихвостням Даггана, после того как Главный Прихвостень (его сыграл

мрачный, небритый, каменноглазый Джек Илэм, который исполнял роль Главного Прихвостня во всех фильмах и телесериалах «Уорнер») застрелил брата Энди Рейфа в спину.

Именно Хатчинс большими шагами шел по широкой пыльной улице, неловкими пальцами застегивая ремни с револьверами своего брата, и кричал: «Выходите! Выходите, я вас жду! Вы допустили ошибку. Вам следовало убить обоих братьев Эллис!»

Уилл Хатчинс не был одним из величайших актеров всех времен, но в тот момент — по крайней мере в глазах Джека — он достиг абсолютной убедительности, не вызывавшей ни малейших сомнений. Этот парень шел на встречу со смертью и знал это, но *все равно собирался идти до конца*. И пусть он боялся, в его больших шагах к месту решающего поединка не чувствовалось колебаний, он всей душой стремился туда, уверенный в правильности выбранного пути, хотя ему и не удавалось одолеть пряжки револьверных ремней.

Рыцарские доспехи продвигались к Джеку, сокращали дистанцию, покачивались из стороны в сторону, как игрушечные роботы. *У них в спинах должны торчать заводные ключи*, подумал Джек.

Он повернулся к ним лицом, зажав пожелтевший медиатор между большим и указательным пальцами правой руки, словно собираясь пройтись по струнам.

Рыцарские доспехи вроде бы заколебались, почувствовав его бесстрашие. И сам отель тоже заколебался или осознал, что опасность гораздо серьезнее, чем ему показалось на первый взгляд. Полы застонали, где-то одна за другой захлопали двери, на крышах на мгновение перестали вращаться бронзовые флюгеры.

Но потом рыцарские доспехи с лязганьем продолжили путь. Образовали единую движущуюся стену из брони и кольчуг, из шлемов, и поножей, и латных воротников. Один

нес шипастый железный шар на деревянной рукоятке, второй — *martel de fer*, тот, что по центру, — двуручный меч.

И Джек вдруг пошел к ним навстречу. Его глаза вспыхнули, он вытянул вперед руку с медиатором. Лицо мальчика осветилось сиянием Джейсона. Он

мгновенно

прыгнул в Долины и *стал* Джейсоном; акулий зуб — в который превратился медиатор — словно охватило пламя. Когда Джейсон приблизился к трем рыцарям, один снял шлем, открыв древнее бледное лицо с тяжелой челюстью и шею с толстыми складками жира, которые напоминали оплавленный свечной воск. Рыцарь бросил шлем в Джейсона. Джейсон легко его отбил

и

прыгнул обратно,

в ипостась Джека, в тот самый момент, когда шлем ударился о панельную стену позади него. Перед ним стояли рыцарские доспехи, в которых не было головы.

Вы решили напугать меня этим? — презрительно подумал Джек. *Я уже видел этот трюк. Меня не проведешь, я не испугаюсь и пойду дальше. Вот и все.*

На этот раз он почувствовал, что отель не просто слушает. На этот раз отель отпрянул от него, как ткань пищеварительного органа от ядовитого кусочка плоти. Наверху, в пяти комнатах, где умерли рыцари-хранители, пять окон разлетелись вдребезги, словно от выстрелов. Джек надвигался на доспехи.

А Талисман пел где-то наверху чистым и торжествующим голосом:

ДЖЕЙСОН! КО МНЕ!

— *Иду!* — крикнул Джек рыцарским доспехам и захохотал. Он ничего не мог с собой поделать. Никогда смех не казался ему таким сильным, таким действенным, таким уместным. Он лился, словно вода из родника или из глу-

бокой реки. — *Я готов к встрече с вами! Я не знаю, из-за какого гребаного Круглого стола вы, парни, встали, но этого вам делать не стоило. Вы допустили ошибку!*

Смеясь еще сильнее, но с решимостью Вотана на скале Валькирий, Джек прыгнул на покачивающуюся безголовую фигуру в центре.

— *Вам следовало убить обоих братьев Эллис!* — прогремел он, и когда медиатор Спиди вошел в зону ледяного воздуха на месте головы рыцаря, доспехи развалились.

3

В своей спальне в «Альгамбре» Лили Кавано Сойер внезапно оторвалась от книги, которую читала. Подумала, что кто-то — нет, не кто-то, *Джек*! — позвал ее из дальнего конца коридора, может, даже из вестибюля. Она прислушалась, широко раскрыв глаза, поджав губы, с надеждой в сердце... но больше ничего не услышала. Джека по-прежнему не было, рак по-прежнему пожирал ее, и оставалось еще полтора часа до того момента, как она сможет принять большую коричневую таблетку, которая чуть приглушит боль.

Она все чаще думала о том, чтобы сразу принять все большие коричневые таблетки. Они бы не просто приглушили боль — навеки избавили бы от нее. *Говорят, мы не можем излечить рак, но вы не верьте этой чуши, мистер Р... попытайтесь проглотить сразу пару дюжин. Что скажете? Хотите попробовать?*

Кто ее удерживал, так это Джек... она так сильно хотела вновь увидеть сына, что теперь вообразила его голос... и он не просто позвал ее, нет, процитировал фразу из одного ее старого фильма.

— Ты безумная старуха, Лили, — прохрипела она и трясущимися пальцами раскурила «Герберт Тэрритун». Сделала две затяжки и погасила сигарету. Третья за-

тяжка теперь приводила к приступу кашля, а кашель просто разрывал ее. — Безумная старуха. — Она вновь взяла книгу, но не смогла читать. Потому что слезы текли по лицу, внутри все болело, и как болело, ох как болело, и ей хотелось выпить все коричневые таблетки — но хотелось и вновь увидеть его, своего дорогого сыночка с высоким красивым лбом и сверкающими глазами.

Приходи домой, Джеки, думала она, *пожалуйста. Приходи домой поскорее, или в следующий раз я смогу поговорить с тобой только через спиритическую доску.*

Лили закрыла глаза и попыталась уснуть.

4

Рыцарь с шипастым шаром в руке качнулся, открыв пустую сердцевину, а потом тоже взорвался. Оставшийся поднял боевой молот... и развалился, рухнув грудой металла. Джек какое-то время стоял посреди частей рыцарских доспехов, все еще смеясь, но замолчал, как только взглянул на медиатор Спиди.

Он стал густо-желтым. И его покрывала сетка трещин.

Не бери в голову, Странник Джек. Иди дальше. Я думаю, впереди тебя может ждать еще одна из этих ходячих консервных банок. Если и так, ты с ней справишься, правда?

— Если придется, справлюсь, — пробормотал Джек.

Он пинками отбросил в сторону наголенник, шлем, нагрудник. Широкими шагами двинулся по коридору, ковер чавкал под его ногами. В вестибюле огляделся.

ДЖЕК! ПРИХОДИ КО МНЕ! ДЖЕЙСОН! ПРИХОДИ КО МНЕ! — пел Талисман.

Джек начал подниматься по лестнице. На полпути к площадке поднял голову и увидел последнего рыцаря, который стоял и смотрел на него сверху вниз. Это был

гигант выше одиннадцати футов, в черной броне с черным плюмажем; прорезь для глаз светилась злобной краснотой.

Бронированный кулак сжимал рукоятку огромной булавы.

Джек на мгновение застыл, а потом продолжил подъем.

5

Самое худшее они приберегли напоследок, подумал Джек и, медленно продвигаясь к черному рыцарю,

снова

прыгнул

в Джейсона. Броня рыцаря осталась черной, но изготовил ее определенно другой мастер. Поднятое забрало открывало лицо, почти сожранное древними, теперь уже засохшими язвами. Джек их узнал. Этот парень однажды слишком близко подошел к огненному шару в Проклятых землях — и поплатился.

Другие фигуры проходили мимо Джека по лестнице, фигуры, которые он видел смутно, а его пальцы скользили по широким перилам, не из красного дерева Вест-Индии, а из железного дерева Долин. Фигуры в камзолах, фигуры в шелковых блузах, женщины в роскошных платьях с широкими юбками, белыми капюшонами, откинутыми с красивых причесок. Прекрасные люди, но обреченные... хотя, возможно, живые всегда так воспринимают призраков. Не потому ли сама мысль о духах вызывает такой ужас?

ДЖЕЙСОН! КО МНЕ! И на мгновение все разделявшие миры перегородки, казалось, рухнули. Он не прыгал, а падал, словно человек, летящий с этажа на этаж сквозь прогнившие полы древнего деревянного замка. Он не ощущал страха. Идея, что он никогда не сможет вернуться — будет до скончания веков падать и падать сквозь миры или по-

теряется, как в дремучем лесу, — пришла ему в голову, но он тут же ее отмел. Все это случилось с Джейсоном

(*и с Джеком*)

в мгновение ока, за меньший промежуток времени, чем требовался для того, чтобы поставить ногу на следующую ступеньку. Конечно же, он вернется, он — единственный, и он не верил, что такой человек может затеряться, потому что для него было место во всех мирах. *Но я не существую одновременно во всех них*, — подумал Джейсон

(*Джек*).

Это важно, в этом разница. Я проношусь через все миры, может, слишком быстро, чтобы меня увидели, и оставляю за собой только звук, вроде хлопка ладоней или грома, какой раздается при переходе звукового барьера, когда воздух заполняет пространство, которое на миллисекунду заняло мое тело.

Во многих этих мирах черный отель являл собой черные руины: это были миры, смутно осознавал он, в которых великое зло, теперь зависшее на туго натянутой струне между Калифорнией и Долинами, уже свершилось. В одном на берег набрасывался океан мертвого, болезненно-зеленого цвета и небо имело такой же гангренозный оттенок. В другом он увидел летающее существо, огромное, как крытый конный фургон американских пионеров, которое сложило крылья и спикировало, словно ястреб. Схватило с земли какое-то животное размером с овцу и вновь взмыло к небу, зажав в клюве окровавленные задние лапы.

Прыжок... прыжок... прыжок. Миры проносились перед глазами, как тасуемые шулером карты.

Вот снова отель и полдесятка различных вариаций черного рыцаря на лестнице; однако все они имели одинаковые намерения, так что разница ничего не значила, так, дизайнерские уловки. А вот черный павильон, заполненный густым запахом гниющей парусины, порванный

во многих местах, а потому освещенный пыльными солнечными лучами, проникающими сквозь дыры. В этом мире Джек поднимался по веревочной лестнице, а черный рыцарь стоял в деревянной корзине, напоминавшей воронье гнездо. Поднимаясь, он вновь прыгнул... и вновь... и вновь.

Здесь океан пылал; там отель не слишком отличался от отеля в Пойнт-Венути, но наполовину ушел под воду. Внезапно он очутился в кабине лифта. Рыцарь стоял на ней и смотрел на него через аварийный люк. Потом перенесся на пандус, верхнюю часть которого охранял гигантский змей, чье длинное мускулистое тело сверкало черной чешуей.

И когда я доберусь до конца? Когда перестану лететь через этажи и просто рухну в черноту?

ДЖЕК! ДЖЕЙСОН! — звал Талисман, звал во всех мирах. — *КО МНЕ!*

И Джек шел к нему, как к давно утраченному дому.

6

Он обнаружил, что не ошибся: поднялся лишь на одну ступеньку. Но реальность наконец обрела привычные измерения. Блокировавший лестничную площадку черный рыцарь — *его* черный рыцарь, черный рыцарь Джека Сойера — поднял булаву.

Джек боялся, но продолжал идти, выставив перед собой медиатор Спиди.

— Я не собираюсь общаться с тобой, — предупредил Джек. — Тебе лучше уйти с моего...

Черная фигура замахнулась булавой. Оружие с невероятной силой пошло вниз. Джек метнулся в сторону. Булава врезалась в ступеньку, на которой он стоял, и раздробила ее, обнажив черную пустоту.

Рыцарь вырвал булаву из лестницы. Джек поднялся еще на две ступеньки, по-прежнему сжимая в пальцах медиатор Спиди... и внезапно медиатор просто развалился, осыпался вниз дождем желто-костяных фрагментов, напоминавших яичную скорлупу. Большинство упало на ноги Джека, и он тупо на них уставился.

Раздался мертвый хохот.

Булава, на шипах которой виднелись маленькие кусочки дерева и клочья древней прогнившей ковровой дорожки, поднималась все выше в бронированных рыцарских перчатках. Горящий взгляд призрака вырвался из смотровой щели шлема и, казалось, рассекал поднятое лицо Джека кровавой горизонтальной полосой.

Вновь раздался оглушительный смех: Джек слышал его не ушами — он знал, что эти рыцарские доспехи внутри пустые, как и остальные, стальной костюм для неупокоенной души, — а в голове. *Ты проиграл, парень. Или ты действительно думал, что эта мелочь поможет тебе проскочить мимо меня?*

Булава со свистом пошла вниз, на этот раз по диагонали, и Джек успел вовремя оторвать взгляд от красных глаз, чтобы пригнуться. Он почувствовал, как булава коснулась волос за мгновение до того, как выбить четырехфутовый участок перил и отправить его вниз.

В скрипе металла рыцарь наклонил шлем к Джеку, словно саркастически утешая, а потом булава поднялась вновь, чтобы нанести не менее мощный удар.

Джек, тебе не требовался волшебный сок, чтобы перебраться на ту сторону, и тебе не требуется никакой волшебный медиатор, чтобы разобраться с этой пустой кофейной банкой!

Булава опять рассекала воздух: *у-и-и-и-и-с-с-с-ш-ш!* Джек отпрянул, у него засосало под ложечкой, мышцы плеч взвыли от боли в тех местах, где остались раны от зубцов рыцарских перчаток.

Булава разминулась с кожей на его груди менее чем на дюйм и ударила по толстым стойкам перил. Те посыпались, как зубочистки, и Джек, балансируя над пропастью, почувствовал себя Бастером Китоном в его самых абсурдных ролях. Он схватился за иззубренный конец перил слева и загнал занозы под два ногтя. Дикая боль пронзила руку, и Джек подумал, что сейчас у него взорвутся глаза. Но потом сумел найти опору правой рукой, устоял на ногах и отступил от провала.

Вся магия в ТЕБЕ, Джек! Или ты до сих пор этого не знаешь?

Секунду он просто стоял, тяжело дыша, потом вновь двинулся вверх по лестнице, глядя на пустое железное лицо, высившееся над ним.

— Лучше бы тебе уйти, сэр Гавейн.

Рыцарь вновь склонил шлем, словно прислушиваясь: *Простите, юноша... вы действительно обращаетесь ко мне?* Опять замахнулся булавой.

Возможно, ослепленный страхом, Джек до этого мгновения не замечал, сколь медлительны эти замахи, сколь ясна траектория движения булавы при каждом ударе. *Наверное, заржавели суставы*, подумал он. Во всяком случае, теперь, когда в голове прояснилось, он без труда мог уклониться от удара.

Джек поднялся на цыпочки, протянул руки вверх, схватил черный шлем обеими руками. Горячий — напоминающий затвердевшую кожу при высокой температуре.

— Изыди с лица этого мира. — Голос Джека звучал тихо и спокойно, словно в неспешном разговоре. — *Ее* именем приказываю тебе.

Красный свет в прорези погас, совсем как свеча в тыквенном фонаре, и внезапно шлем всем своим весом — минимум фунтов пятнадцать — потянул руки Джека вниз, потому что больше шлем ничего не поддерживало: нахо-

дившиеся под ним части доспех грудой свалились на лестничную площадку.

— Вам следовало убить *обоих* братьев Эллис, — произнес Джек и отбросил пустой шлем. Тот громко ударился об пол далеко внизу и откатился, как игрушка. Отель, казалось, съежился от страха.

Джек повернулся к широкому коридору второго этажа, и здесь — наконец-то — его ждал свет: яркий и чистый. Совсем как в тот день, когда он увидел летающих людей. Коридор заканчивался еще одной двустворчатой дверью, пока закрытой, но свет проникал в щели над и под створками, а также между ними, что однозначно свидетельствовало о его яркости.

Джеку не терпелось увидеть этот свет, а еще больше — его источник. Он пришел, чтобы увидеть его, пробился сквозь кромешную тьму.

Тяжелые двери украшала изящная резьба, а золотые буквы над ними, потускневшие, но вполне читаемые, гласили: «БАЛЬНЫЙ ЗАЛ ДОЛИН».

— Эй, мама. — В тихом голосе Джека Сойера, идущего в это сияние, звучало изумление. Счастье царило в его сердце: ощущение радуги, радуги, радуги. — Эй, мама. Думаю, я у цели. Действительно у цели.

Осторожно, с благоговейным трепетом, Джек взялся за обе ручки, потянул их вниз. Открыл двери — и в тот же миг расширившийся луч чистейшего белого света упал на его поднятое переполненное восторгом лицо.

7

Так уж вышло, что Лучезарный Гарденер посмотрел на отель в тот самый момент, когда Джек справился с последним из пяти рыцарей-хранителей. Преподобный услышал глухой рокот, словно где-то в отеле взорвалась маленькая динамитная шашка. В ту же секунду яркий свет вспыхнул

во всех окнах второго этажа «Эджинкорта», и все бронзовые символы — луны, и звезды, и малые планеты, и странные кривые стрелы — мгновенно замерли, прекратив вращение.

Гарденер своим нарядом напоминал бойца отряда особого назначения лос-анджелесской полиции. Поверх белой рубашки он надел толстый черный бронежилет, на плечо повесил потрескивавшую рацию на холщовом ремешке. Ее короткая антенна покачивалась взад-вперед при каждом шаге. На другом плече расположился «уэзерби» тридцать шестого калибра. Этот охотничий карабин размерами не уступал противотанковой винтовке. От одного его вида у охотника Роберта Руарка потекли бы слюнки. Гарденер купил карабин шесть лет назад, когда обстоятельства вынудили его избавиться от прежней охотничьей винтовки. Чехол для «уэзерби» — из настоящей кожи зебры — лежал в багажнике черного «кадиллака», рядом с телом сына.

— Морган!

Морган не повернулся. Он стоял позади и чуть левее нагромождения скал, которые торчали из песка, словно черные клыки. В двадцати футах за скалами и только в пяти — от линии прибоя лежал Спиди Паркер, он же Паркус. Будучи Паркусом, он однажды приказал заклеймить Моргана из Орриса — и на внутренних сторонах больших бедер этого Моргана остались шрамы. Такими клеймами в Долинах метили предателей, и только прямое вмешательство королевы Лауры привело к тому, что клейма появились не на щеках, а там, где их всегда скрывала одежда. У Моргана — у обоих Морганов — любви к королеве от этого не прибавилось, но ненависть к Паркусу, раскопавшему их прежние делишки, выросла многократно.

И теперь Паркус/Паркер лежал лицом вниз, его затылок покрывали гноящиеся язвы, из ушей капала кровь.

Моргану хотелось верить, что Паркер еще жив, еще страдает, но последний раз его спина поднялась и опала сразу после того, как они с Гарденером пришли к этим скалам, где-то пятью минутами раньше.

Когда Гарденер позвал его, Морган не повернулся, потому что предпочел продолжить изучать давнего врага, теперь поверженного. Тот, кто утверждал, что месть не сладка, конечно же, ошибался.

— *Морган!* — вновь прошипел Гарденер.

На этот раз, хмурясь, Морган повернулся:

— Ну? Что?

— Посмотрите! На крышу отеля!

Морган увидел, что все флюгеры и орнаменты крыши — бронзовые фигуры, прежде вращавшиеся с одной и той же скоростью как в штиль, так и в ураган, — остановились. В то же мгновение земля колыхнулась у них под ногами и снова застыла. Будто подземный зверь невероятных размеров содрогнулся в спячке. И Морган поверил бы, что ему это почудилось, если бы не ужас в округлившихся, налитых кровью глазах Гарденера. *Готов спорить, ты сожалеешь, что тебе пришлось покинуть Индиану, Гард*, подумал Морган. *В Индиане землетрясений не бывает, верно?*

Бесшумный свет вновь сверкнул в окнах «Эджинкорта».

— Что это значит, Морган? — хрипло спросил Гарденер. И Морган увидел, что безумная ярость, вызванная утратой сына, превратилась в страх за свою шкуру. Скучное это занятие — бояться за себя, но Морган знал, что нужна самая малость, чтобы прежняя ярость вспыхнула вновь. Ненавидел Морган другое: напрасную трату энергии на то, что в данный момент не имело отношения к устранению главной помехи к захвату контроля над миром — *всеми мирами,* — к устранению Джека Сойера, который из мелкого вредителя вырос в самое чудовищное препятствие, какое только возникало на пути Слоута.

Запищала рация Гарденера.

— Командир четвертой красной бригады Лучезарному! Лучезарный, как слышите?

— Лучезарный слушает, командир четвертой красной бригады! — рявкнул Гарденер. — Что там у вас? — Один за другим последовали четыре сбивчивых, возбужденных донесения, почти одинаковых. В них не было ничего такого, о чем они с Морганом не знали сами: вспышки света, остановка флюгеров, дрожь земли, возможно, предвестник землетрясения, — но Гарденер всякий раз слушал внимательно, задавал короткие вопросы, по окончании каждого разговора рявкал: «Конец связи!» — а по ходу иной раз вставлял «повтори» или «понял». Слоут подумал, что преподобный очень напоминает эпизодический персонаж в фильме-катастрофе.

Но если его это успокаивало, почему нет? Опять же, разговоры по рации избавляли Слоута от необходимости отвечать на вопрос Гарденера... однако теперь, думая об этом, он склонялся к тому, что Гарденер и не *хотел* услышать ответ на свой вопрос и по этой причине ушел с головой в никчемную болтовню по рации.

Хранители мертвы или выведены из игры. Потому-то и остановились флюгеры. Об этом свидетельствовали вспышки света. Джек еще не добрался до Талисмана... пока не добрался. Если доберется, тогда все в Пойнт-Венути *действительно* содрогнется, затрещит, покатится. И теперь Слоут думал, что мальчишка доберется до Талисмана... что только он и мог заполучить Талисман. Впрочем, Слоута это не пугало.

Его рука поднялась и коснулась ключа на шее.

«Конец связи», и «понял», и «сообщение принято» Гарденера иссякли. Он выключил рацию и посмотрел на Моргана широко раскрытыми, испуганными глазами. Прежде чем преподобный успел произнести хоть слово, Морган мягко положил руки ему на плечи. Если он и

любил кого-то, не считая своего бедного умершего сына, если и любил — по-своему, разумеется, не так, как все, — то именно этого человека. Они прошли долгий путь в обоих мирах, и Морган из Орриса с Осмондом, и Морган Слоут с Робертом Гарденером по прозвищу Лучезарный.

Примерно такая же винтовка висела на плече Гарденера в тот день, когда он застрелил в Юте Фила Сойера.

— Послушай, Гард, — спокойно произнес он. — Мы победим.

— Вы в этом уверены? — прошептал Гарденер. — Я думаю, он убил Хранителей, Морган. Я знаю, это звучит безумно, но я действительно думаю... — Он замолчал, его губы дрожали, на них блестели капельки пены.

— Мы победим, — повторил Морган тем же спокойным голосом, нисколько не сомневаясь в своих словах. В нем говорила предопределенность. Многие годы он ждал этого, и ведшая его решимость никуда не делась. Джек выйдет из отеля с Талисманом в руках. Талисман обладал безмерной мощью... но отличался и хрупкостью.

Морган посмотрел на оснащенный оптическим прицелом карабин, чья пуля могла остановить носорога, потом прикоснулся к ключу, из которого вылетали молнии.

— У нас есть все необходимое, чтобы разобраться с ним, когда он выйдет из отеля, — продолжил он. — В любом мире. Если ты сохранишь самообладание, Гард. Если будешь стоять со мной плечом к плечу.

Губы преподобного стали дрожать чуть меньше.

— Морган, разумеется, я...

— Помни, кто убил твоего сына.

В тот самый момент, когда Джек Сойер вогнал горячую монету в лоб чудовища в Долинах, у Руэла Гарденера, который с шести лет страдал не причинявшими особого ущерба здоровью слабыми эпилептическими припадками (в том же возрасте у сына Осмонда начали

проявляться симптомы так называемой болезни Проклятых земель), случился сильный припадок, когда он сидел на заднем сиденье управляемого Волком «кадиллака», мчавшегося по автостраде 70 на запад, из Иллинойса в Калифорнию.

Он умер, полиловевший и задохнувшийся, на руках Лучезарного Гарденера.

И теперь глаза Гарденера начали вылезать из орбит.

— Помни, — мягко повторил Морган.

— Плохой, — прошептал Гарденер. — Все мальчишки. Аксиома. Этот мальчишка — особенно.

— Точно! — согласился Морган. — Не забывай об этом! Мы можем остановить его, но я хочу сделать так, чтобы он вышел из отеля по суше.

Он повел Гарденера к скалам, к тому месту, откуда наблюдал за Паркером. Обратил внимание, что мухи — раздувшиеся мухи-альбиносы — уже начали садиться на мертвого ниггера. Они смотрелись на нем как пятна краски. Если бы существовал журнал «Вэрайети» для мух, Морган с радостью купил бы в нем место для рекламного объявления, сообщающего о местоположении Паркера. Прилетай каждая. Прилетайте все. Они отложат яйца в трещины его уже гниющей плоти, и человек, который заклеймил бедра двойника Моргана, послужит пищей личинкам. Моргана это вполне устраивало.

Он указал в сторону балкона.

— Надувной матрац где-то под ним. Он в форме лошади, уж не знаю почему. Где-то в тени. Но ты всегда был отменным стрелком. Если разглядишь матрац, пусти в него пару пуль. Утопи эту чертову хрень.

Гарденер снял карабин с плеча, приник к прицелу. Долго водил ствол из стороны в сторону.

— Я его вижу, — наконец удовлетворенно прошептал он и нажал спусковой крючок. Эхо выстрела прокатилось

над водой. Ствол карабина поднялся, потом опустился. Гарденер выстрелил вновь. И еще раз.

— Попал. — Гарденер опустил карабин. Храбрость вернулась, страх ушел. Он улыбался, точно так же, как при возвращении из Юты. — Плавает, как сдувшаяся шкура. Хотите взглянуть? — Он протянул карабин Слоуту.

— Нет, — покачал головой Слоут. — Если ты говоришь, что попал, значит, так оно и есть. Теперь он выйдет из отеля по суше, и мы знаем, куда он направится. Думаю, он принесет с собой то, что мешало нам столько лет.

Гарденер смотрел на него, сверкая глазами.

— Я предлагаю переместиться вон туда. — Слоут указал на старый дощатый променад. Он находился за изгородью, и там Морган проводил долгие часы, разглядывая отель, гадая, что же находится в бальном зале.

— Хоро...

Тут земля начала стонать и дрожать у них под ногами: подземное чудовище пробудилось. Встряхнулось и заворчало.

В этот самый момент ослепляющий белый свет заполнил все окна «Эджинкорта»: свет тысячи солнц. А потом все стекла разом вылетели. Осколки посыпались алмазным дождем.

— ПОМНИ О СВОЕМ СЫНЕ И СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ! — проревел Слоут. Чувство предопределенности стало особенно сильным и ясным. *В конце концов победить суждено ему!*

Вдвоем они побежали по пляжу к набережной.

8

Джек, наполненный благоговейным трепетом, медленно шел по паркету бального зала. Он смотрел вверх, его глаза сверкали. Лицо купалось в ярком белом сиянии,

в котором слились все цвета: заката, восхода, радуги. Талисман висел в воздухе высоко над головой, медленно вращаясь.

Хрустальный шар диаметром около фута, сиявший так ярко, что не представлялось возможным определить его точные размеры. Плавно закругляющиеся линии виднелись на поверхности Талисмана, напоминая параллели и меридианы... *И почему нет?* — подумал Джек, по-прежнему пребывая в трепетном восторге. — *Это же мир — ВСЕ МИРЫ — в миниатюре. Более того: это ось всех возможных миров.*

Талисман пел, вращался, *сиял.*

Джек стоял под ним, купаясь в тепле и чистоте доброй силы. Стоял, словно попав в грезу, ощущая, как эта сила вливается в него *чистым весенним дождем, пробуждающим* миллиард крохотных семян. Невероятная радость ракетой наполнила сознание, и Джек Сойер поднял обе руки над вскинутым к Талисману лицом, смеясь в ответ, чувствуя, будто сам поднимается к потолку.

— *Так приди ко мне!* — крикнул он

и прыгнул

(*сквозь? через?*)

в

Джейсона.

— *Так приди ко мне*! — крикнул он вновь на более мягком и напевном языке Долин: крикнул, смеясь, но по щекам текли слезы, и он понимал, что поход этот начал другой мальчик и ему же предстоит его закончить, а потому надо вернуться,

прыгнуть

обратно

в

Джека Сойера.

Над его головой Талисман задрожал в воздухе, медленно вращаясь, излучая свет, и тепло, и ощущение истинного добра, *белизны*.

— *Приди ко мне!*

И Талисман начал спускаться.

9

Вот так, после долгих недель, заполненных суровыми испытаниями, и темнотой, и отчаянием, после того как друзья находились и терялись вновь, после дней тяжелого труда, после ночей в сырой соломе, после встреч с демонами темных мест (не говоря о тех, которые живут в собственной душе), после всего этого и многого другого Талисман пришел к Джеку Сойеру.

Он наблюдал, как спускается Талисман, и хотя ему не хотелось убежать со всех ног, Джека охватило всесокрушающее чувство, что все миры в опасности и на карту поставлена их судьба. Действительно ли в нем существовала ипостась Джейсона? Сына королевы Лауры убили, он стал призраком, именем которого клялись жители Долин. Но Джек думал, что не ошибся. Отправившись в поход за Талисманом, он взял на себя уготованное Джейсону, и благодаря этому Джейсон ожил, пусть и на время. То есть в каком-то смысле у Джека был двойник в Долинах. И если Джейсон был призраком, как и все эти рыцари, он мог исчезнуть, когда этот сверкающий вращающийся шар прикоснется к пальцам Джека. Умереть во второй раз.

Не волнуйся, Джек, прошептал голос, теплый и ясный.

Шар спускался, мир, все миры — сияющий и теплый, чистое добро, непреходящая белизна. Но, как и любая белизна, Талисман был очень хрупким.

И пока он спускался, миры роились вокруг Джека. Теперь он не мчался сквозь слои, а, казалось, целиком видел

вселенную реальностей, накладывающихся друг на друга, переплетенных, как кольца

(*миров*)

кольчуги.

Ты тянешься вверх, чтобы взять вселенную миров, вселенную добра, Джек. Этот голос принадлежал его отцу. *Не урони его, сынок. Ради Джейсона, не урони его.*

Миры, и миры, и миры, некоторые прекрасные, другие адские, но все они на мгновение осветились теплым белым светом этой звезды — хрустального шара, покрытого филигранными линиями. Он медленно спускался к вытянутым ему навстречу дрожащим рукам Джека Сойера.

— *Иди ко мне!* — крикнул Джек, глядя на приближавшийся Талисман. — *Иди ко мне, прямо сейчас!*

Вот Талисман всего в трех футах над его руками, заливает их мягким, целительным теплом; вот — в двух футах, в одном... На мгновение шар помедлил, неспешно вращаясь вокруг слегка наклоненной оси, и Джек увидел на его поверхности контуры континентов, и океанов, и полярных шапок. Помедлил... а потом плавно скользнул в протянутые руки мальчика.

Глава 43
НОВОСТИ ОТОВСЮДУ

1

Лили Кавано, крепко заснувшая после того, как ей почудилось, будто она услышала где-то внизу голос Джека, резко села на кровати. Впервые за долгие недели ее восково-желтые щеки окрасил румянец. Глаза засверкали безумной надеждой.

— Джейсон? — выдохнула она и тут же нахмурилась. Ее сына звали иначе. Но во сне, из которого ее словно выдернули, сына звали именно так, и она сама в этом сне была кем-то еще. Причина, конечно, в таблетках. От них ей снилось бог знает что.

— Джек? — предприняла она вторую попытку. — Джек, где ты?

Ответа не получила... но *ощутила* сына и теперь знала наверняка, что он жив. И первый раз за долгое время — может, за полгода — она действительно почувствовала себя хорошо.

— Джеки, — сказала она и схватила сигареты. Секунду смотрела на пачку, а потом швырнула ее через комнату, и она приземлилась в камине на куче мусора, который Лили собиралась сжечь чуть позже. — Думаю, я только что бросила курить второй и последний раз в жизни, Джеки, — заявила Лили. — Держись, малыш. Твоя мама любит тебя.

И безо всякой на то причины ее губы растянулись в широченной глупой улыбке.

2

Донни Киган, который работал на кухне «Лучезарного дома», когда Волк выбрался из Ящика, пережил тот ужасный вечер; составлявшему ему компанию Джорджу Ирвинсону повезло в меньшей степени. Теперь Донни жил в обычном сиротском приюте в Манси, штат Индиана. В отличие от многих других мальчиков из «Лучезарного дома» Донни действительно был круглым сиротой. Гарденеру приходилось иногда брать к себе сирот, чтобы не вызывать неудовольствия властей штата.

И теперь, протирая пол в тускло освещенном коридоре второго этажа, Донни внезапно повернулся к окну, его глаза широко раскрылись. Снаружи, где из серых облаков на декабрьские поля сыпались редкие снежинки, клочок

западного неба вдруг очистился, и землю осветил широкий солнечный луч, удивительный в своей обособленной от мира красоте.

— Ты прав, я ЛЮБЛЮ его! — торжествующе крикнул Донни. Он обращался к Ферду Джэнклоу, хотя Донни, в голове которого хватало места для всего, кроме мозгов, уже забыл и имя, и фамилию. — Он прекрасен, и я его ЛЮБЛЮ!

И Донни загоготал своим диким смехом, только на этот раз даже его смех звучал красиво. Некоторые мальчишки выглянули из дверей, в изумлении уставившись на Донни. Его лицо купалось в свете этого чистого, неземного солнечного луча, и один из мальчишек тем же вечером шепнул на ухо близкому другу, что в тот момент Донни Киган выглядел как Иисус.

Но момент прошел, облака сдвинулись, закрыв необычный просвет, и к вечеру снег усилился, начался первый буран этой зимы. А Донни узнал — пусть и на короткие мгновения, — каково оно, чувство любви и счастья. Оно ушло быстро, как уходит сон при пробуждении... но само чувство он помнил всю оставшуюся жизнь, распирающее ощущение радости, полученной и пережитой, а не обещанной и потом отнятой, это чувство чистой, и светлой, и сладкой любви, экстаз от еще одного пришествия белизны.

3

Судья Фэрчайлд, который отправил Джека и Волка в «Лучезарный дом», уже не был судьей, и ему предстояло отправиться в тюрьму после рассмотрения его последней апелляции. Похоже, даже он сам не сомневался в исходе этого рассмотрения. Срок ему светил долгий, из тюрьмы он, человек пожилой и не слишком здоровый, мог и не выйти. Если бы не нашли эти чертовы тела...

Судья продолжал улыбаться, насколько это было возможно при сложившихся обстоятельствах, но теперь,

когда он сидел в своем домашнем кабинете и чистил ногти длинным лезвием перочинного ножа, на него вдруг гигантской серой волной обрушилась депрессия. Он отвел руку с ножом в сторону, оставив в покое ногти, какое-то время задумчиво смотрел на лезвие, а потом вставил кончик в правую ноздрю. Замер, прошептал: «Твою мать, почему бы и нет?» — и резко двинул кулак вверх, отправив шесть дюймов стали в короткое смертоносное путешествие, пронзив сначала носовые пазухи, а потом мозг.

4

Смоуки Апдайк сидел в кабинке своего бара, просматривал счета и суммировал расходы на калькуляторе, как в тот день, когда с ним встретился Джек. Только в Оутли уже наступил ранний вечер, и Лори обслуживала первых посетителей. Музыкальный автомат играл «Я предпочту бутылку лоботомии».

Все было как всегда, а в следующий момент Смоуки внезапно распрямился, бумажный поварской колпак слетел с его головы. Он схватился за белую футболку с левой стороны груди, где его пронзил резкий укол боли. Словно в сердце вонзили серебряную иглу. «Бог забивает свои гвозди», — сказал бы Волк.

В то же мгновение взорвался гриль. *БАХ!* Осколки ударили в часы над барной стойкой, рекламирующие пиво «Буш», и те грохнулись на пол. И тут же запах сжиженного газа заполнил дальнюю часть бара. Лори закричала.

Музыкальный автомат ускорился: сорок пять оборотов в минуту, семьдесят восемь, сто пятьдесят, четыреста! Шутливые женские стенания превратились в бессмысленную трескотню обезумевших бурундуков. Мгновением позже с музыкального автомата сорвало крышку. Осколки цветного стекла разлетелись во все стороны.

Смоуки посмотрел на калькулятор и увидел одно слово, мигавшее в красном окошке:

ТАЛИСМАН-ТАЛИСМАН-ТАЛИСМАН-ТАЛИСМАН

Потом его глаза лопнули.

— Лори, перекрой газ! — крикнул один из посетителей. Соскользнул с высокого стула и повернулся к Смоуки. — Смоуки, скажи ей... — Мужчина завопил от ужаса, увидев кровь, хлещущую из дыр на месте глаз Смоуки Апдайка.

В это мгновение весь «Бар Апдайка в Оутли» взлетел к серому небу, и прежде чем прибыли пожарные машины из Догтауна и Элмиры, пламя охватило половину центральной части города.

Невелика потеря, дети, можете сказать «аминь».

5

В школе Тэйера, где теперь царили привычные нормы жизненного уклада (как и всегда, за исключением короткой интерлюдии, которую обитатели кампуса запомнили чередой расплывчатых общих снов), только что начался последний в этот день урок. Легкий снег в Индиане превратился в мелкий холодный дождь в Иллинойсе. Ученики, задумчивые и грезящие наяву, сидели по классам.

Внезапно в часовне зазвонили колокола. Мальчики подняли головы. Глаза округлялись. По всей школе Тэйера начавшие забываться сны, похоже, решили вернуться.

6

Этридж сидел на уроке алгебры и ритмично — вверх-вниз — двигал рукой по торчащему члену, невидяще глядя на логарифмы, которые старый мистер Ханкинс громоздил на доске. Он думал о миленькой городской официант-

ке, которую намеревался трахнуть в ближайшее время. Она носила пояс с резинками вместо колготок, и ей очень даже нравилось не снимать чулки во время траха. Но тут Этридж повернулся к окну — и внезапно забыл про свой член, про официантку с длинными ногами и гладким нейлоном: на ум без всякой на то причины пришел Слоут. Чопорный маленький Ричард Слоут, которого, пожалуй, следовало записать в слабаки, но, судя по всему, он таковым как раз и не был. Этридж думал о Слоуте и задавался вопросом, все ли у него хорошо. И почему-то склонялся к мысли, что Слоут, который, никому ничего не сказав, четыре дня назад покинул школу и скрылся в неизвестном направлении, нынче совсем не в шоколаде.

В директорском кабинете мистер Дафри обсуждал исключение из школы за мошенничество некоего Джорджа Хэтфилда с разъяренным — и богатым — отцом последнего, когда неожиданно — и в неурочный час — зазвонили колокола. А когда звон смолк, мистер Дафри обнаружил, что стоит на четвереньках, седые волосы падают на глаза, а язык вывалился изо рта. Хэтфилд-старший застыл у двери — вжавшись в нее спиной — с широко раскрытыми глазами и отвисшей челюстью. Ярость ушла, уступив место изумлению и страху. Только что мистер Дафри бегал по ковру на четвереньках и лаял, как собака.

Альберт Брюхан как раз собирался перекусить, когда зазвонили колокола. Он посмотрел в сторону окна, нахмурился, как хмурится человек, пытающийся вспомнить что-то вертящееся на кончике языка. Пожал плечами и вернулся к вскрытому пакету начос, кукурузных чипсов, покрытых сыром: мамочка только что прислала ему целую коробку. Внезапно глаза Альберта округлились. Он подумал — только на мгновение, но иной раз мгновения более чем достаточно, — что пакет полон толстых извивающихся белых гусениц.

И тут же лишился чувств.

Когда очнулся и собрался с духом, чтобы вновь заглянуть в пакет, стало понятно, что гусеницы ему привиделись. Галлюцинация. Разумеется! Что же еще? Тем не менее эта галлюцинация так и не отпустила Альберта. Всякий раз, вскрывая пакет с чипсами или срывая упаковку с шоколадного батончика, с колбасок «Слим джимс», с вяленого мяса «Биг джерк», он мысленным взором видел этих гусениц. К весне Альберт похудел на тридцать пять фунтов, начал играть в школьной теннисной команде и переспал с женщиной. Он не находил себе места от счастья. И впервые в жизни почувствовал, что, возможно, сумеет пережить мамочкину любовь.

7

Они все начали оглядываться, когда зазвонили колокола. Некоторые смеялись, другие хмурились, третьи рыдали. Где-то завыли собаки, и это всех удивило, потому что собаки на территорию кампуса не допускались.

Мелодия, которую выводили колокола, не входила в список запрограммированных записей, в чем позднее с неохотой признался комендант кампуса. В еженедельном издании школьной газеты какой-то остряк предположил, что кто-то из программистов уже начал готовиться к Рождеству.

Колокола играли мелодию песни «Вновь пришли счастливые денечки».

8

Хотя она считала себя слишком старой, чтобы забеременеть, месячные не пришли к матери Волка, друга Джека Сойера, во время Изменения где-то двенадцатью месяцами раньше. И три месяца назад она родила тройню: двух

«сестер-по-помету» и одного брата. Роды проходили трудно, и она предчувствовала, что один из ее старших детей должен умереть. Знала, что этот ее сын отправился в Другое место, чтобы оберегать стадо, и что он умрет в Другом месте, и она больше никогда его не увидит. Это было тяжело, и от этого она плакала сильнее, чем от родовых болей.

Но сейчас — она спала со своими маленькими под полной луной, на безопасном расстоянии от стада — мать Волка с улыбкой перекатилась на бок, подтянула к себе сына и начала вылизывать. Не проснувшись, Волчонок обнял руками косматую шею матери, прижался щекой к ее груди и тоже заулыбался, а в нечеловеческом мозгу Волчицы возникла вполне человеческая мысль: *Бог забивает свои гвозди хорошо и правильно.* И лунный свет заливал этот прекрасный мир, где все пахло правильно, и под этим светом они спали, обнимая друг друга, рядом с двумя «сестрами-по-помету».

9

В городе Гослин, штат Огайо (неподалеку от Аманды и примерно в тридцати милях от Колумбуса), мужчина по имени Бадди Паркинс в сумерках лопатой чистил курятник от помета. Его нос и рот закрывала марлевая повязка, чтобы уберечь дыхательные пути от удушающего белого облака распыленного гуано. Воздух вонял аммиаком. От этого запаха у Бадди болела голова. Болела и спина, потому что с его ростом в низком курятнике приходилось нагибаться. Наверное, не стоило и говорить, что нынешнее занятие не приносило ему ни малейшего удовольствия. У него было три сына, но у всех находились неотложные дела, когда возникала необходимость почистить курятник. Радовало только одно: работа подходила к концу. И тут...

Парнишка! Господи Иисусе! Тот парнишка!

Он внезапно, с абсолютной ясностью и ошеломляющей любовью, вспомнил подростка, который назвал себя Льюисом Фарреном. Подростка, утверждавшего, что едет к своей тетке, Элен Воэн, в город Бакай-Лейк; подростка, который повернулся к Бадди после того, как Бадди спросил, не убежал ли он из дому, и именно в тот момент Бадди открылось, что лицо мальчика светится истинной добротой и необычайно, потрясающе красиво: эта красота вызвала мысли о радугах, которые появляются после гроз, и закатах в конце дней, тяжелых и потных от работы, которая хорошо сделана и за которую не стыдно.

Он со вздохом выпрямился и приложился головой к потолочной балке курятника, достаточно сильно, чтобы заслезились глаза... но при этом Бадди улыбался во весь рот. *Ох, Господи, этот парнишка ТАМ, он ТАМ*, думал Бадди Паркинс, и хотя понятия не имел, что подразумевал под «там», его вдруг охватила неодолимая, всепоглощающая жажда приключений; никогда еще, с тех пор как он в двенадцать лет прочитал «Остров сокровищ» и впервые — в четырнадцать — ощутил в ладони девичью грудь, он не ощущал себя таким потрясенным, таким возбужденным, до такой степени наполненным теплой радостью. Он начал смеяться. Отбросил лопату и под тупо-изумленными взглядами наседок пустился в пляс среди птичьего помета, смеясь под марлевой повязкой и щелкая пальцами.

— *Он там!* — сквозь смех крикнул Бадди Паркинс курам. — Клянусь Богом, он там, он добрался, куда хотел, и *теперь это у него!*

Позже он почти убедил себя — почти, но не совсем, — что каким-то образом закайфовал от запаха куриного помета. Хотя, конечно, с ним случилось что-то совсем другое. Ему было откровение, пусть он и не мог вспомнить, что именно ему открылось... Бадди полагал, что нечто подобное случилось с одним английским поэ-

том, о котором им рассказывал в старших классах учитель литературы: этот парень накурился опиума и, обкуренный, начал писать поэму о каком-то выдуманном китайском борделе... а вернувшись в реальный мир, не смог ее закончить.

Вроде того, подумал Бадди, зная, что ошибается. Он не мог точно вспомнить причину столь неземной радости, но, как и Донни Киган, навсегда запомнил, как эта радость пришла, такая чистая и безмерная, и не забыл сладостно-неистовое чувство прикосновения к великому приключению, когда на мгновение ему открылся какой-то удивительный белый свет, вобравший в себя все цвета радуги.

10

В старой песне Бобби Дарина поется: «И земля отхаркивает корни / в сапогах, чтобы бежать проворней, / и отбрасывает прочь... отбрасывает прочь». Эту песню дети, проживающие в Кайюге, штат Индиана, восприняли бы с пониманием, вот только популярна она была задолго до их рождения. «Лучезарный дом» пустовал чуть больше недели, но местная детвора уже утверждала, что там живут призраки. С учетом страшных находок, сделанных у огораживавшей Дальнее поле каменной стены, появлению таких слухов удивляться не приходилось. Табличка «ПРОДАЕТСЯ», выставленная на лужайке перед домом девятью днями раньше, выглядела так, будто простояла здесь целый год, а риелтор уже снизил цену и подумывал над тем, чтобы сделать это вновь.

Но так уж сложилось, что снижать цену не пришлось. Когда первые снежинки упали на Кайюгу из свинцовых облаков (Джек Сойер в этот момент прикасался к Талисману в двух тысячах миль к западу), взорвались стоявшие за кухней баллоны для сжиженного газа. Механик «Газо-

вой и электрической компании восточной Индианы» приезжал неделю назад и откачал весь газ в резервуар, установленный в кузове его грузовика. Он клялся, что мог заползти в любой из этих баллонов с зажженной сигаретой и ничего бы не случилось, но они взорвались в тот самый момент, когда окна «Бара Апдайка» вылетели на улицу (вместе с несколькими посетителями, которые носили сапоги... их потом увезли «скорые» из Элмиры).

«Лучезарный дом» сгорел дотла в считанные минуты.

Скажите «аллилуйя».

11

Во всех мирах что-то сместилось и замерло в несколько ином положении, словно огромный зверь... но в Пойнт-Венути зверь этот находился в земле. Он проснулся и зарычал. И не засыпал в течение последующих семидесяти девяти секунд, согласно данным сейсмологической-лаборатории Калифорнийского технологического института.

Землетрясение началось.

Глава 44
ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

1

Прошло какое-то время, прежде чем Джек осознал, что «Эджинкорт» трясется, грозя развалиться на части, и его это не изумило. Потому что он оседлал изумление и мчался на нем. В каком-то смысле Джек находился не в «Эджинкорте», или в Пойнт-Венути, или в округе Мендосино, или в Калифорнии, не в Америке, или в Долинах, или где-либо еще, но пребывал и в них, и в беско-

нечном числе других миров одновременно. Причем не в каком-то конкретном месте всех этих миров, а повсюду, потому что он *был* этими мирами. Талисман, похоже, являл собой нечто большее, чем представлял отец Джека. Он был не только осью всех возможных миров, он вбирал в себя все миры — и миры, и пространства между ними.

Весь этот трансцендентализм вполне мог свести с ума святого тибетского отшельника, размышляющего о смысле жизни в уединении горной пещеры. Джек Сойер был везде, Джек Сойер был всем. В мире, отстоящем от Земли на пятьдесят тысяч других миров, травинка умирала от жажды на никому не ведомой равнине посреди континента, расположенного примерно на месте Африки, и Джек умирал с этой травинкой. В другом мире драконы совокуплялись в центре облака высоко над землей, и яростное дыхание их экстаза смешивалось с холодным воздухом, с дождем, которому предстояло потоками излиться на землю. Джек был драконом; Джек был драконихой; Джек был спермой; Джек был яйцеклеткой. Далеко-далеко, за миллион вселенных отсюда, три пылинки плавали рядом в межзвездном пространстве. Джек был и пылинками, и межзвездным пространством. Галактики разворачивались над его головой, будто длинные бумажные ленты, и судьба случайным образом пронзала их, превращая в макрокосмические магнитофонные записи пианиста, который сыграет все, от регтайма до панихиды. Счастливые зубы Джека вгрызались в апельсин; несчастная плоть Джека кричала, когда ее рвали чужие зубы. Он был триллионом пыльных катышков под миллиардом кроватей. Он был детенышем кенгуру, грезящим о своей предыдущей жизни в сумке матери, которая скакала по пурпурной равнине, где бегали и прыгали кролики размером с оленя. Он был окороком, висящим на крюке в Перу, и яйцами, которые высижи-

вала одна из куриц в курятнике в штате Огайо, который чистил Бадди Паркинс. Он был распыленным пометом, который лез в нос Бадди Паркинса; он был вибрирующими волосками в ноздрях, которые скоро заставят Бадди Паркинса чихнуть; он был микробами, живущими в мокроте, вылетающей из ноздрей при чихании; он был атомами в этих микробах; он был тахионами, несущимися сквозь время назад к большому взрыву, с которого началось творение.

Его сердце дернулось, и тысячи солнц взорвались, став сверхновыми.

Он видел гуголплекс воробьев в гуголплексе миров и знал о падении и благополучии каждого.

Он умер в геенне рудных Ям Долин.

Он жил вирусом гриппа в галстуке Этриджа.

Он мчался ветром над далекими просторами.

Он...

О да, он...

Он был Богом, или кем-то близким к Богу, до такой степени, что разница не имела значения.

— *Нет!* — в ужасе закричал Джек. — *Нет, я не хочу быть Богом! Пожалуйста! Пожалуйста, я не хочу быть Богом, Я ТОЛЬКО ХОЧУ СПАСТИ ЖИЗНЬ МОЕЙ МАТЕРИ!*

И внезапно бесконечность сложилась, как карточный веер. Сузилась до луча ослепительно белого света, и он вернулся в бальный зал, где прошли лишь секунды. По-прежнему держа в руках Талисман.

2

Снаружи земля начала ходить ходуном. Прилив, уже набегавший на берег, внезапно передумал и превратился в отлив, обнажая песок, загоревший дотемна, как бедра старлетки. На песке бились странные рыбы, напоминавшие желатиновые скопления глаз.

Холмы за городом номинально считались сложенными из осадочных пород, но любой геолог сразу сказал бы вам, что эти холмы имеют такое же отношение к осадочным породам, как нувориши — к аристократам. Холмы над Пойнт-Венути состояли из обычной земли, а теперь пошли трещинами, которые поползли в разные стороны. Несколько мгновений холмы еще держались на прежнем месте, но все новые трещины распахивались и захлопывались, словно голодные рты, и в какой-то момент оползни двинулись на город. Потоки земли текли вниз. Некоторые тащили валуны размером с большой трактор.

Волчья бригада Моргана значительно поредела после внезапной атаки Джека и Ричарда на лагерь «Готовность». Теперь Волков стало еще меньше. Многие разбежались, крича и воя от суеверного страха. Некоторые катапультировались в собственный мир. Кто-то спасся, но большинство поглотила земля, разверзшаяся и там. Аналогичные катаклизмы происходили во всех мирах, будто полый щуп-пробоотборник старателя пронзил их насквозь. Группа из трех Волков, одетых в мотоциклетные куртки, успела залезть в свой автомобиль — старый ржавый «Линкольн-Марк-IV» — и проехать полтора квартала под звучавшую из динамиков трубу Гарри Джеймса, прежде чем с неба свалился валун и расплющил их в лепешку.

Другие Волки просто с криком бежали по улицам, их Изменение началось. Женщина с цепочками в сосках спокойно вышла перед одним из них. Принялась рвать волосы на голове. Протянула Волку зажатые в кулаках пряди. Женщина пританцовывала на уходящей из-под ног земле, и окровавленные корни волос покачивались, словно кончики морской травы.

— Вот! — воскликнула она, безмятежно улыбаясь. — Букет! Для тебя!

Не разделявший ее безмятежности Волк одним махом отгрыз женщине голову и побежал, побежал, побежал дальше.

3

Джек рассматривал Талисман с тем же восторгом, с каким ребенок глядит на пугливого лесного зверька, который вышел из травы и ест из его рук.

Талисман светился в его ладонях, увеличиваясь и уменьшаясь, увеличиваясь и уменьшаясь.

В такт моему сердцебиению, подумал Джек.

Вроде бы Талисман был из стекла, но его поверхность оказалась чуть податливой. Джек надавил, и она подалась сильнее. В местах нажима выстрелили внутрь цветные стрелы: чернильно-синие из-под левой руки, густо-красные — из-под правой. Джек улыбнулся... а потом его улыбка поблекла.

Этим ты, возможно, убил миллиард людей, вызвав пожары, наводнения, бог знает что еще. Помни про здание, рухнувшее в Анголе, штат Нью-Йорк, после того...

— *Нет, Джек*, — прошептал Талисман, и мальчик понял причину податливости. Талисман был живой. Ну разумеется. — *Нет, Джек. Все будет хорошо... все будет хорошо... и всем всегда будет хорошо. Только верь, не отступайся, держись, действуй решительно.*

Умиротворенность — и какая глубокая.

Радуга, радуга, радуга, думал Джек и гадал, заставит ли себя когда-нибудь выпустить из рук этот удивительный шар.

4

На берегу, у променада, Гарденер в ужасе распластался на животе. Его пальцы взрывали песок. Он мяукал.

Морган, пьяно пошатываясь, подошел к нему, стащил с его плеча рацию.

— Оставайтесь под открытым небом! — проревел он и только тут осознал, что забыл нажать кнопку передачи. — ОСТАВАЙТЕСЬ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ! ЕСЛИ ПОПЫТАЕТЕСЬ ВЫБРАТЬСЯ ИЗ ГОРОДА, ПОГИБНЕТЕ ПОД ГРЕБАНЫМИ ОПОЛЗНЯМИ! СПУСКАЙТЕСЬ СЮДА! СПУСКАЙТЕСЬ КО МНЕ! ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ГРЕБАНЫЕ СПЕЦЭФФЕКТЫ! СПУСКАЙТЕСЬ СЮДА! ОЦЕПИТЕ ПЛЯЖ! ТОТ, КТО ПРИДЕТ, БУДЕТ ВОЗНАГРАЖДЕН! ТЕ, КТО НЕ ПРИДЕТ, УМРУТ В РУДНЫХ ЯМАХ И В ПРОКЛЯТЫХ ЗЕМЛЯХ! СПУСКАЙТЕСЬ СЮДА! ЗДЕСЬ ОТКРЫТОЕ МЕСТО! СПУСКАЙТЕСЬ СЮДА, И ВАМ НА ГОЛОВЫ НИЧЕГО НЕ СВАЛИТСЯ! СПУСКАЙТЕСЬ СЮДА, ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ!

Он отбросил рацию. Та развалилась на две части. Из щели десятками полезли насекомые с длинными усиками.

Морган наклонился и рывком поднял на ноги скулящего, побледневшего Гарденера.

— Поднимайся, красавчик.

5

Ричард вскрикнул, не приходя в сознание, когда стол, на котором он лежал, подпрыгнул, сбросив его на пол. Джек услышал крик и оторвался от зачарованного созерцания Талисмана.

Он услышал, что «Эджинкорт» стонет, как корабль в сильный шторм. Оглядевшись, увидел, как отрываются половицы, обнажая ходящие ходуном балки. Белые гусеницы расползались, спеша убраться от чистого света Талисмана.

— Я иду, Ричард! — крикнул Джек и двинулся к двери по разваливающемуся полу. Один раз его бросило в сторону, и он упал, высоко подняв светящийся шар, зная, какой он хрупкий. А что произошло бы, если бы Талисман раз-

бился, было ведомо только Богу. Джек поднялся на одно колено. Потом снова упал, вскочил.

Снизу донесся крик Ричарда.

— Ричард! Иду!

Сверху послышался перезвон колокольчиков. Джек поднял голову и увидел раскачивавшуюся из стороны в сторону люстру на цепи. И раскачивалась она все быстрее. Звук издавали сталкивавшиеся хрустальные подвески. На глазах Джека цепь порвалась, и люстра рухнула на вздыбленный пол, словно бомба, начиненная бриллиантами. Осколки полетели во все стороны.

Джек повернулся и большими, размашистыми шагами покинул бальный зал, очень напоминая комичного пьяного матроса.

В коридоре его отбросило сначала к одной стене, потом к другой. Пол вспучивался и разламывался. Врезаясь в стены, Джек держал Талисман в вытянутых руках, и они напоминали щипцы, зажимающие раскаленный добела уголь.

Ты не сможешь спуститься по лестнице.

Должен. Должен.

Он добрался до площадки, на которой ему противостоял черный рыцарь. Покачнулся и увидел, как откатился в сторону лежавший на полу шлем.

Джек смотрел вниз. Ступени напоминали катящиеся друг за другом волны. От одного их вида его замутило. Одна ступень отскочила, открыв черную дыру.

— Джек!

— Иду, Ричард!

Ты не сможешь спуститься по этим ступеням. И не мечтай, беби.

Должен. Должен.

Держа драгоценный хрупкий Талисман двумя руками, Джек двинулся по лестничному пролету, который теперь напоминал попавший в торнадо ковер-самолет из арабской сказки.

Ступени наклонились, и мальчика отбросило к тому же проему в перилах, через который свалился вниз шлем черного рыцаря. Джек закричал и отшатнулся, правой рукой прижимая к груди Талисман, а левой ища хоть какую-то опору. Тщетно. Его ноги заскользили вперед, утаскивая Джека вниз, в небытие.

6

С начала землетрясения прошло пятьдесят секунд. Только пятьдесят секунд — но выжившие скажут вам, что объективное время, время, отсчитываемое на часах, при землетрясении теряет всяческое значение. Через три дня после землетрясения в Лос-Анджелесе, случившегося в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году, репортер телевизионного выпуска новостей спросил у выжившего, который находился рядом с эпицентром, сколько времени оно продолжалось.

— Оно все еще продолжается, — невозмутимо ответил выживший.

Через шестьдесят две секунды после начала землетрясения холмы над Пойнт-Венути решили, что их судьба — стать равниной Пойнт-Венути, и разом сползли на город с громким *к-у-р-р-у-м-м-м-м-м*, оставив лишь один прочный скальный выступ, формой напоминавший палец, обвинительно нацеленный на «Эджинкорт». Над новой равниной осталась торчать только грязная дымовая труба, похожая на эрегированный пенис.

7

На берегу Морган Слоут и Лучезарный Гарденер стояли, поддерживая друг друга, покачиваясь, словно в танце. Гарденер сбросил «уэзерби» на песок. К ним присоединились несколько Волков с выпученными от ужаса,

сверкающими дьявольской яростью глазами. Другие были на подходе. Они уже изменились или продолжали изменяться. Одежда превратилась в лохмотья. Морган увидел, как один Волк упал на землю и принялся грызть ее зубами, словно врага, которого можно убить. Слоут с мгновение наблюдал за этим безумием, потом отвернулся. Фургон психоделической раскраски с надписью «ДИКОЕ ДИТЯ» на борту несся через Пойнт-Венути-сквер, где когда-то дети просили родителей купить им мороженое или флажки с изображением «Эджинкорта». Вот он пересек площадь, въехал на тротуар. А потом продолжил путь к берегу, сшибая заколоченные ларьки. Но тут земля разверзлась, и «ДИКОЕ ДИТЯ», убившее Томми Вудбайна, провалилось в трещину, кабиной вперед. Топливный бак взорвался, над трещиной полыхнуло пламя. Глядя на него, Слоут подумал о своем отце, проповедовавшем об Огне Святого Духа. Потом трещина захлопнулась.

— Держись! — крикнул он Гарденеру. — Я думаю, отель рухнет ему на голову и раздавит его, но если он доберется до берега, ты его застрелишь, и к черту землетрясение.

— Если ОНО разобьется, мы об этом узнаем? — пропищал Гарденер.

Морган Слоут заулыбался, как боров в зарослях сахарного тростника.

— Мы узнаем, — ответил он. — Солнце почернеет.

Прошло семьдесят четыре секунды.

8

Рука Джека ухватилась за обломанный конец перил. Талисман яростно светился, прижатый к его груди, линии долготы и широты стали такими же яркими, как вольфрамовые нити в лампах накаливания. Ноги Джека по-прежнему скользили к бездне.

Падаю! Спиди! Я сейчас сва...

Семьдесят девять секунд.

Землетрясение прекратилось.

Внезапно просто прекратилось.

Только для Джека, как и для выжившего в землетрясении шестьдесят четвертого года, оно продолжалось. Во всяком случае, в какой-то части сознания. В этой части сознания земле предстояло раскачиваться, как желе на церковном пикнике, до скончания веков.

Джек отступил от края пропасти, дотащился до середины лестницы, замер, тяжело дыша, с блестящим от пота лицом, прижимая к груди яркую круглую звезду Талисмана. Постоял, вслушиваясь в тишину.

Где-то что-то тяжелое — комод или шкаф, — находившееся в неустойчивом равновесии, рухнуло с оглушающим грохотом.

— Джек! Пожалуйста! Кажется, я умираю! — Беспомощный, стонущий голос действительно свидетельствовал о плачевном состоянии Ричарда.

— Ричард! Бегу!

Джек начал спускаться по ступеням, покореженным, перекошенным, хлипким. Многие вылетели, и ему приходилось перешагивать через пустоту. В одном месте не хватало четырех ступеней подряд, и Джек прыгнул, прижимая Талисман к груди одной рукой и скользя по перилам другой.

Отель продолжал разваливаться. Разбивались стекла. В каком-то туалете вновь и вновь спускалась вода.

В вестибюле регистрационная стойка из красного дерева треснула посередине. Двустворчатая дверь распахнулась, через нее падал яркий клин солнечного света. Старый сырой ковер, казалось, негодующе шипел и дымился.

Облака разогнало, подумал Джек. *Снаружи светит солнце.* И тут же пришла другая мысль: *Мы выйдем через эту дверь, Ричи-бой. Ты и я. Во всей красе и гордые собой.*

Коридор, который вел мимо бара «Цапля» к обеденному залу, напомнил Джеку декорации в некоторых сериях «Сумеречной зоны»: покореженные руины. Здесь пол наклонился влево, там — вправо, дальше выгнулся двумя верблюжьими горбами. Джек разгонял сумрак светом Талисмана, словно самым большим в мире ручным фонариком.

Добравшись до обеденного зала, он увидел Ричарда, который лежал на полу, запутавшись в скатерти. Из его носа текла кровь. Подойдя ближе, Джек увидел, что некоторые из твердых красных выпуклостей лопнули, и белые черви вылезают из плоти Ричарда и лениво ползут по щекам. У него на глазах один выбрался из ноздри.

Ричард закричал слабым, захлебывающимся, тоскливым криком и ухватился за червя. То был крик человека, умирающего в мучениях. Рубашка колыхалась от копошащейся под ней мерзости.

Джек двинулся к своему другу по искореженному полу... и паук слетел вниз из темноты, брызжа ядом.

— *Парш-ш-шивый вор!* — прокричал он высоким, дребезжащим, насекомоподобным голосом. — *Ты, парш-ш-шивый вор, полож-ж-жи это на место. Полож-ж-жи на место!*

Джек машинально поднял Талисман. Тот сверкнул чистым белым огнем — огнем радуги, — и паук задрожал и обуглился, вмиг превратившись в дымящийся уголек, который раскачивался все медленнее, пока не остановился.

Но Джек не мог в удивлении смотреть на это чудо. Ричард умирал.

Он добрался до друга, упал рядом на колени, откинул напоминавшую саван скатерть.

— Все-таки я своего добился, дружок, — прошептал Джек, стараясь не смотреть на червей, выползавших из плоти Ричарда. Поднял Талисман, задумался, а потом опу-

стил его на лоб своего друга. Ричард отчаянно вскрикнул и попытался отбросить Талисман. Джек положил руку на исхудавшую грудь Ричарда и удержал его на месте. Особого труда это не составило. Завоняло: Талисман поджаривал червей.

Что теперь? Надо сделать что-то еще, но что именно?

Джек огляделся, и его взгляд задержался на зеленом стеклянном шарике, который он оставил Ричарду: шарике, который в другом мире был волшебным зеркалом. У него на глазах шарик сам по себе прокатился шесть футов. Потом остановился. Он катился, да. Катился, потому что это шарик, а шарики должны катиться. Шарики круглые. Шарики круглые, как Талисман.

В мятущемся разуме вспыхнул свет.

Держа Ричарда одной рукой, Джек медленно покатил Талисман по его телу. Когда добрался до груди, Ричард перестал вырываться. Джек подумал, что его друг лишился чувств, но одного взгляда хватило, чтобы понять, что это не так. Ричард смотрел на него с нарастающим изумлением.

...и прыщи исчезли с его лица! И твердые красные выпуклости бледнели!

— Ричард! — крикнул Джек и бешено расхохотался. — Эй, Ричард, ты только посмотри на это! Бвана творит заклинания!

Ладонью он медленно перекатил Талисман на живот Ричарда. Талисман ярко светился, пел ясную и чистую безмолвную песнь здоровья и излечения. Дальше, к промежности Ричарда. Джек свел вместе тощие ноги друга и покатил Талисман по ложбине между ними, к щиколоткам. Талисман светился ярко-синим... густо-красным... желтым... зеленью июньской луговой травы.

Потом снова стал белым.

— Джек? — прошептал Ричард. — Мы пришли за ним?

— Да.

— Он прекрасен. — Ричард замялся. — Могу я подержать его?

Джек ощутил внезапный приступ жадности, достойный Скруджа. На мгновение крепко прижал Талисман к себе. *Нет! Ты можешь его разбить! А кроме того, он мой! Ради него я пересек всю страну! Я сражался за него с рыцарями! Ты не можешь прикасаться к нему! Он мой! Мой! Мо...*

В его руках Талисман вдруг похолодел и на мгновение — мгновение, более ужасное для Джека, чем все землетрясения во всех мирах — стал чернильно-черным. Белый свет иссяк. И в этой густой, абсолютной черноте Джек увидел черный отель. С надстройками, и мансардами, и башнями, и куполами, которые напоминали бородавки, набитые злокачественными опухолями и непрерывно вращающимися кабалистическими символами: волком, и вороной, и перекошенной звездой.

— *Значит, ты будешь новым «Эджинкортом»?* — прошептал Талисман. — *Даже мальчик может стать отелем... если захочет.*

В голове Джека ясно зазвучал голос матери: *Если ты не хочешь поделиться им, Джеки, если не можешь заставить себя рискнуть им ради близкого друга, тогда лучше оставайся там, где ты сейчас. Если ты не можешь заставить себя разделить приз — рискнуть призом, — незачем возвращаться домой. Дети слышат эту муть всю свою жизнь, но когда приходит время проявить себя или забить на все, оказывается, что это две большие разницы, верно? Если ты не можешь поделиться Талисманом, дай мне умереть, дружок, потому что за такую цену я жить не хочу!*

Талисман вдруг стал невероятно тяжелым, словно в него влился вес мертвых тел. Но Джек каким-то образом поднял его и передал в руки Ричарда. Бледные и исхудалые... однако Ричард легко удержал Талисман, и Джек

осознал, что ощущение веса — плод его воображения, извращенного и болезненного стремления не расставаться с Талисманом. И как только Талисман вновь засиял восхитительно белым светом, Джек ощутил выходящую из него внутреннюю темноту. Пришло смутное осознание, что право на обладание вещью можно измерить только легкостью, с которой ты готов с ней расстаться... а потом эта мысль ушла.

Ричард улыбнулся, и от улыбки его лицо стало прекрасным. Джек много раз видел улыбку Ричарда, но никогда еще в ней не было такой умиротворенности. Казалось, она выше его понимания. В белом, целебном свете Талисмана Джек видел, что лицо Ричарда, по-прежнему истощенное, осунувшееся и больное, на глазах изменяется к лучшему. Ричард прижимал Талисман к груди, словно ребенка, и счастливо улыбался Джеку.

— Если это экспресс «Сибрук-Айленд», я готов купить проездной. Конечно, при условии, что нам удастся покинуть его.

— Тебе лучше?

Улыбка Ричарда сияла в свете Талисмана.

— Словами не передать насколько. А теперь помоги мне встать, Джек.

Джек хотел взять друга за плечо. Ричард протянул Талисман.

— Сначала возьми его. Я еще слишком слаб, и он хочет вернуться к тебе. Я это чувствую.

Джек взял Талисман и помог Ричарду подняться. Ричард обнял Джека за шею.

— Ты готов... *дружок*?

— Да, — ответил Ричард. — Готов. Но я почему-то думаю, что морем нам не выбраться. Вроде бы я слышал, как рухнула веранда.

— Мы выйдем через парадную дверь, — заявил Джек. — Даже если бы Господь перекинул трап из окна на берег, я

бы все равно вышел через парадную дверь. Мы не убегаем из этого места, Ричард. Мы уходим как постояльцы, оплатившие пребывание здесь. Я чувствую, что заплатил сполна. Как думаешь?

Ричард вытянул тощую руку, ладонью вверх. Красные высыпания заметно побледнели, но полностью еще не ушли.

— Я думаю, мы должны выйти через парадную дверь ради него. Дай пять, Джеки.

Джек шлепнул ладонью по ладони Ричарда, а потом они вместе двинулись обратно к коридору, и рука Ричарда по-прежнему обнимала Джека за шею.

Уже в коридоре Ричард уставился на груды мертвого мéталла.

— Это еще что?

— Жестянки из-под кофе, — ответил Джек. — «Максвелл-хаус».

— Джек, что ты нес...

— Не важно, Ричард. — Джек улыбался, по-прежнему в прекрасном настроении, но вновь ощущая тревогу. Землетрясение закончилось... однако сражение за Талисман продолжалось. Морган *поджидал их. И Гарденер.*

Не важно. Пусть все идет своим чередом.

Они добрались до вестибюля, и Ричард в удивлении воззрился на лестницу, на разломанную регистрационную стойку, на разбросанные охотничьи трофеи и флаги. Голова черного медведя уткнулась носом в одну из ячеек для почтовой корреспонденции, словно из нее хорошо пахло... возможно, медом.

— Вау, — покачал головой Ричард. — Тут все грозит развалиться.

Джек увлек его к двустворчатой двери и отметил, с какой жадностью друг смотрит на солнечный свет.

— Ты действительно готов к этому, Ричард?

— Да.

— Там твой отец.

— Нет, не он. Мой отец мертв. А там его... как ты их называешь? Его двойник.

— Ох.

Ричард кивнул.

Несмотря на близость Талисмана, он вновь выглядел изможденным.

— Да.

— Борьба будет жестокой.

— Что ж, я сделаю все, что смогу.

— Я люблю тебя, Ричард.

Ричард чуть улыбнулся.

— Я тоже люблю тебя, Джек. А теперь пошли, пока я не струсил.

9

Слоут действительно верил, что все под контролем: и ситуация, и — что намного более важно — он сам. Верил в это, пока не увидел своего сына, безусловно, ослабевшего, безусловно, больного, но очень даже живого, который вышел из черного отеля, обнимая Джека за шею и привалившись головой к его плечу.

Слоут также верил, что сумел обуздать чувства, которые вызывал в нем ублюдок Фила Сойера: именно ярость привела к тому, что он упустил Джека, сначала у павильона королевы, потом на Среднем Западе. Господи, Джек пересек Огайо целым и невредимым, а Огайо — тот же Оррис, еще одна твердыня Моргана. Но ярость подвела его, и мальчишка вновь ускользнул. Морган подавлял ярость, однако теперь она вспыхнула и вырвалась на свободу. Словно кто-то плеснул керосина в ровно горевший костер.

Его сын по-прежнему живой. Его единственный сын, которому он хотел передать власть над мирами и вселенными,

опирается на этого Сойера, потому что не может идти сам.

Но это еще не все. В руках Сойера сверкала и поблескивала упавшая на землю звезда: Талисман. Даже с такого расстояния Слоут чувствовал его: словно гравитационное поле планеты внезапно усилилось и тянуло к земле, заставляя сердце биться сильнее, словно время ускорялось, высушивая плоть, туманя глаза.

— Больно! — взвыл стоявший рядом Гарденер.

Большинство Волков, переживших землетрясение и сбежавшихся к Моргану, теперь пятились, закрывая лица руками. Двух или трех вырвало.

На мгновение Морган ощутил страх... а потом его ярость, его возбуждение, его безумие, которые так давно кормились грезами о безраздельной власти, разорвали сеть самоконтроля.

Он поднял руки к ушам, глубоко, до боли вогнал большие пальцы в слуховые проходы, потом высунул язык и помахал свободными *пальцами мистеру* Джеку Сучьему-Сыну-и-Вскорости-Покойнику Сойеру. Мгновением позже верхние зубы Моргана опустились, словно замковые ворота, и отхватили кончик вывалившегося изо рта языка. Он этого даже не заметил. Схватил Гарденера за жилетку.

Лицо преподобного побледнело от страха.

— Они вышли, у них ЭТО, Морган... Господи... мы должны бежать, мы должны бежать...

— *ЗАСТРЕЛИ ЕГО!* — крикнул Морган в лицо Гарденеру. Кровь из прокушенного языка брызгами летела во все стороны. — *ЗАСТРЕЛИ ЕГО, ЭФИОПСКИЙ ЗАДРОТ, ОН УБИЛ ТВОЕГО СЫНА! ЗАСТРЕЛИ ЕГО И РАЗБЕЙ ГРЕБАНЫЙ ТАЛИСМАН! ВЫСТРЕЛИ МЕЖДУ РУК И РАЗБЕЙ ЕГО!*

Слоут принялся пританцовывать перед Гарденером, корча жуткие гримасы, большие пальцы вновь уткнулись

в уши, остальные мотались у головы вперед-назад, лишившийся кончика язык высовывался изо рта. Он напоминал кровожадное дитя: веселое, но при этом отвратительное.

— ОН УБИЛ ТВОЕГО СЫНА! ОТОМСТИ ЗА СВОЕГО СЫНА! ЗАСТРЕЛИ ЕГО! ЗАСТРЕЛИ ЭТО! ТЫ ЗАСТРЕЛИЛ ЕГО ОТЦА, ТЕПЕРЬ ЗАСТРЕЛИ ЕГО!

— Руэл, — задумчиво произнес Гарденер. — Да. Он убил Руэла. Это самый плохой сучонок из всех, что когда-либо дышали этим воздухом. Все мальчишки. Аксиома. Но он... он...

Преподобный повернулся к черному отелю, поднял «уэзерби», приставил к плечу. Джек и Ричард уже миновали развороченную лестницу, которая вела к парадной двери, и двинулись по широкой пешеходной дорожке, несколькими минутами ранее ровной, а теперь с торчащей во все стороны брусчаткой. Благодаря оптическому прицелу оба мальчика выросли до размера мебельных фургонов.

— ЗАСТРЕЛИ ЕГО! — проревел Морган. Вновь высунул изо рта окровавленный язык, потом мерзко им поцокал. Его ноги, в туфлях от Гуччи из мягкой кожи, продолжали что-то отплясывать. Одна наступила на откушенный кончик языка и втоптала его в песок.

— ЗАСТРЕЛИ ЕГО! ЗАСТРЕЛИ ЭТО! — вопил Морган.

Ствол «уэзерби» несколько секунд двигался по кругу — точно так же Гарденер готовился к выстрелу по резиновой лошади. Потом замер. Джек прижимал Талисман к груди. Перекрестие прицела остановилось на этом мерцающем круглом световом пятне. Пуля тридцать шестого калибра взорвет его, и солнце почернеет... *Но прежде*, подумал Гарденер, *я увижу, как взорвется грудь этого отвратительнейшего плохого мальчишки.*

— Он покойник, — прошептал Гарденер и начал плавно давить на спусковой крючок «уэзерби».

10

Ричард с трудом поднял глаза и сощурился от ударившего по ним солнечного зайчика.

Двое мужчин. Один склонил голову набок, второй, похоже, танцевал. Снова солнечный зайчик, и Ричард понял. Он понял... а Джек смотрел не в ту сторону. Джек смотрел на скалы, где лежал Спиди.

— *Джек, берегись!* — крикнул Ричард.

Джек с удивлением повернулся к нему.

— Что?..

Все произошло быстро, и Джек этот момент упустил полностью. Ричард все понял, но так и не смог объяснить Джеку, что произошло. Солнечный свет вновь отразился от оптического прицела винтовки. На этот раз зайчик ударил в Талисман, а Талисман отразил его обратно. Именно это скажет потом Ричард Джеку. С тем же успехом он мог бы сказать, что высота Эмпайр-Стейт-билдинг составляет несколько этажей.

Талисман не просто отразил солнечный зайчик, он каким-то образом многократно его *усилил*. И к стрелку вернулся мощный луч, под стать лучам смерти в фантастических фильмах. Он погас через секунду, но отпечаток на сетчатке Ричарда сохранялся добрый час, сначала белый, потом зеленый, синий и, наконец, лимонно-желтый, как солнечный свет.

11

— Он покойник, — прошептал Гарденер, и тут прицел превратился в струю огня. Толстые оптические линзы разлетелись. Спекшееся стекло подалось назад, в правый глаз Гарденера. Патроны в магазине «уэзерби» взорвались, разметав центральную часть карабина. Кусок летящего металла снес правую щеку преподобного. Другие осколки

вихрем пролетели мимо Слоута, чудом не задев его. Три Волка остались рядом с ним после того, как Джек с Талисманом вышли из отеля. Теперь двое бросились бежать. Третий упал на спину, уставившись мертвыми глазами в небо. Спусковой крючок «уэзерби» торчал у него во лбу.

— Что такое? — проревел Морган. Его окровавленный рот раскрылся. — Что? Что?

Гарденер странным образом напоминал Хитрого Койота из мультфильмов про Дорожного Бегуна после сбоя очередного хитроумного приспособления «Акме компани».

Он отбросил карабин, и Слоут заметил, что пальцев на левой руке Гарда больше нет.

Правая рука преподобного с женским изяществом вытащила подол рубашки из-за пояса брюк. Изнутри к поясу крепился мягкий кожаный чехол для ножа. Гарденер достал из него перевитый хромированными кольцами столбик из слоновой кости. Нажал кнопку, и из столбика выскочило тонкое семидюймовое лезвие.

— Плохой, — прошептал он. — Плохой! — Его голос начал набирать силу. — Все мальчишки! *Плохие! Это аксиома! АКСИОМА!* — И Гарденер побежал по песку к дорожке, на которой стояли Джек и Ричард. Постепенно его голос сорвался на визг:

— ПЛОХОЙ! ЗЛОЙ! ПЛОХОЙ! ЗЛО-О-ОЙ! ПЛОХО-О-О-О-О-О-О...

Морган постоял еще мгновение, потом схватился за висевший на шее ключ. Забегавшие было в панике мысли сразу замерли.

Надо идти к старому ниггеру. И там я его подловлю.

— ...О-О-О-О-О-О-Й-Й-Й-Й-Й... — Гарденер на бегу выставил перед собой нож.

Морган повернулся и направился в другую сторону, к воде. Обратил внимание, что Волки, все до единого, разбежались. Не беда.

Он полагал, что самолично разберется и с Джеком Сойером, и с Талисманом.

Глава 45
В КОТОРОЙ МНОГОЕ РЕШАЕТСЯ НА БЕРЕГУ

1

Лучезарный Гарденер сломя голову несся к Джеку, кровь лилась по изуродованному лицу. И окружало его безумие разрушения. Под ярким солнечным светом Пойнт-Венути впервые за многие десятилетия превратился в руины: рухнувшие здания, разорванные трубы, вздыбившиеся плиты тротуаров, словно покосившиеся книги на полках. Настоящие книги — с надорванными переплетами, присыпанные землей — валялись на улицах. За спиной Джека отель «Эджинкорт» издал жуткий звук, отдаленно напоминавший стон. Потом Джек услышал, как проваливаются тысячи половиц, а на них в дожде планок и штукатурки падают стены. Краем глаза заметил похожего на жука Моргана, бегущего по берегу, и с тревогой осознал, что его противник направляется к Спиди Паркеру... или к трупу Спиди.

— У него нож, Джек, — прошептал Ричард.

Из руки Гарденера, на которой не было пальцев, выплескивалась кровь на прежде безупречно чистую рубашку.

— ПЛОХО-О-О-ОЙ! — визжал он, но его голос едва перекрывал рев обрушивавшихся на берег волн и шум продолжавшейся агонии города. — ПЛОХО-О-О-О-О-О...

— И что ты собираешься делать? — спросил Ричард.

— Откуда мне знать? — ответил Джек... и это был наилучший и самый правдивый ответ. Он понятия не имел,

как победить этого безумца. Однако знал, что победит. Не сомневался в этом. *Вам следовало убить обоих братьев Эллис*, повторил себе Джек.

Гарденер, по-прежнему визжа, бежал по песку. Он преодолел только половину расстояния, первоначально отделявшего его от входа в отель. Одна сторона лица преподобного превратилась в красную маску. Бесполезная левая рука продолжала выплескивать кровь. В следующую секунду безумец вдруг заметно приблизился к мальчикам. Добрался ли Морган до Спиди? Джека тянуло туда, тянуло с той же силой, с какой раньше тянул его к себе Талисман.

— Плохой! Аксиома! Плохой! — вопил Гарденер.

— Прыгай! — громко крикнул Ричард...

и Джек

прыгнул,

как в черном отеле.

И тут же оказался лицом к лицу с Осмондом под сияющим солнечным светом Долин. Здесь уверенность разом покинула Джека. Все было таким же, но при этом совершенно другим. Не оглядываясь, он знал, что за его спиной — нечто более чудовищное, чем «Эджинкорт». Прежде он не видел снаружи замка, в который превращался отель в Долинах, но внезапно *понял*, что из парадных дверей высовывается язык... и Осмонд собирается загнать их с Ричардом к этому языку.

Правый глаз Осмонда закрывала повязка, на левой руке была грязная перчатка. Хвосты кнута соскользнули с его плеча.

— О да, — то ли прошипел, то ли прошептал он. — *Этот* мальчик. Сын капитана Фаррена. — Защищая Талисман, Джек прижал его к животу. Хвосты извивались на земле, реагируя на движения кисти и запястья Осмонда, как лошадь в забеге — на руку жокея. — Какой смысл мальчику приобретать стеклянную безде-

лушку, если при этом он теряет целый мир? — Кнут словно сам по себе взвился в воздух. — НИКАКОГО! НИКАКОГО! — Истинный запах Осмонда — гнили, и грязи, и скрытого тлена — бил в нос, и его тощее безумное лицо шло рябью, словно под кожей метались молнии. Осмонд ослепительно улыбнулся — его взгляд оставался пустым — и вскинул свернувшийся кольцом кнут над плечом.

— Ах ты, козел, — почти нежно проворковал он. Хвосты кнута запели, рассекая воздух, летя к Джеку. Внезапно охваченный паникой, тот отступил назад, но недостаточно далеко.

Рука Ричарда сжала его плечо, когда он прыгнул снова, и ужасный, смеющийся посвист кнута мгновенно смолк.

— *Нож!* — услышал Джек крик Спиди.

Борясь с инстинктом самосохранения, вопреки требованиям тела и здравомыслия, он шагнул вперед, туда, где был хлыст. Рука Ричарда соскользнула с его плеча, и голос Спиди затих. Джек прижимал Талисман левой рукой к животу, а правую выставил вперед. Его пальцы магическим образом сомкнулись на костлявом запястье.

Лучезарный Гарденер засмеялся.

— ДЖЕК! — крикнул сзади Ричард.

Он вновь стоял в этом мире, в потоках очищающего света, и нож в руке Лучезарного Гарденера, преодолевая сопротивление, опускался к нему. Изуродованное лицо преподобного зависло в считанных дюймах от лица Джека. Их окутал запах свалки и давно умерших животных, оставленных на дороге.

— Ничтожество, — прошептал Гарденер. — Можешь сказать мне «аллилуйя». — Он попытался опустить элегантный смертоносный нож ниже, но Джеку удавалось сдерживать его руку.

— ДЖЕК! — вновь крикнул Ричард.

Лучезарный Гарденер победоносно смотрел на Джека. И по-прежнему пытался всадить в него нож.

Разве ты не знаешь, что он сделал? — спросил голос Спиди. *До сих пор не знаешь?*

Джек заглянул в безумно пляшущий глаз Гарденера. Да.

Ричард подскочил и пнул преподобного в лодыжку, затем слабым кулаком ударил в висок.

— Ты убил моего отца, — вырвалось у Джека.

Единственный глаз Гарденера сверкнул.

— Ты убил моего сына, наимерзейший ублюдок!

— Морган Слоут велел тебе убить моего отца, и ты убил!

Гарденеру удалось опустить нож еще на два дюйма. Комок желтой слизи и крови выполз из образовавшейся на месте его правого глаза дыры.

Джек закричал — от ужаса, ярости и глубоко запрятанного чувства одиночества и беспомощности, возникшего после смерти отца. И обнаружил, что оттолкнул руку Гарденера, державшую нож, до самого верха. Закричал снова. Лишенная пальцев левая рука Гарденера колотилась о левую руку Джека. Мальчику удалось вывернуть Гарденеру правую руку, но кровоточащий кусок плоти пролез между грудью и левой рукой Джека. Ричард продолжал наскакивать на Гарденера, а тот левой рукой почти добрался до Талисмана.

Да еще чуть ли не ткнулся лицом в лицо Джека.

— *Аллилуйя!* — прошептал он.

Джек развернулся всем телом — он понятия не имел, что способен на такое, — наваливаясь весом на правую руку Гарденера. Другую руку, без пальцев, отнесло в сторону. А Джек сжимал и сжимал запястье правой руки. Натянутые сухожилия извивались под его пальцами. Потом нож выпал, такой же бесполезный, как и левая беспалая рука, колотящая Джека по ребрам. Мальчик плечом толк-

нул потерявшего равновесие Гарденера, и тот отлетел в сторону.

Джек протянул Гарденеру Талисман.

— *Что ты делаешь?* — взвизгнул Ричард.

Но Джек знал, что поступает правильно, правильно, правильно. Выставив перед собой Талисман, он шел на Гарденера, который злобно, но без прежней уверенности смотрел на него. Преподобный ухмыльнулся — при этом из глазницы вылез еще один сгусток крови — и махнул рукой в попытке выбить Талисман из рук Джека. Потом нырнул за ножом. Джек рванулся вперед и прикоснулся теплой рифленой поверхностью Талисмана к коже Гарденера. Что сыну, то и отцу. Потом отпрыгнул.

Гарденер взвыл, как раненый зверь. В месте прикосновения Талисмана кожа почернела, потом потекла жижей, слезая с черепа. Джек отступил еще на шаг. Преподобный упал на колени. Кожа на его голове стала белесой. Полсекунды — и блестящий череп торчал над воротником грязной рубашки.

С тобой разобрались, подумал Джек. *Туда тебе и дорога.*

2

— Хорошо. — Джек ощущал шальную уверенность. — Теперь возьмемся за него, Ричи. Возьмемся...

Он посмотрел на Ричарда и понял, что его друг на грани обморока. Тот стоял на песке, покачиваясь, веки наполовину прикрыли затуманившиеся глаза.

— Может, тебе посидеть здесь? — предложил Джек. — Пожалуй, наилучший вариант.

Ричард покачал головой.

— Иду, Джек. Сибрук-Айленд. Весь путь... до конечной точки.

— Возможно, мне придется его убить, — заметил Джек. — Да, я убью его, если смогу.

Ричард покачал головой, решительно и упрямо.

— Это не мой отец. Я тебе говорил. Отец мертв. Если ты бросишь меня, я поползу. Будь уверен, поползу по грязи, которую оставил после себя этот парень.

Джек повернулся к скалам. Моргана он не видел, но нисколько не сомневался, что тот где-то там. И если Спиди еще жив, Морган в этот самый момент мог предпринимать необходимые шаги, чтобы исправить ситуацию.

Джек попытался улыбнуться, но не смог.

— Подумай о микробах, которые ты можешь подцепить. — После короткого колебания он с неохотой протянул Талисман Ричарду. — Я тебя понесу, но тебе придется держать Талисман. Не урони этот шар, Ричард. Если уронишь...

Как там говорил Спиди?

— Если уронишь, все погибнет.

— Не уроню.

Джек передал Талисман Ричарду, и вновь от его прикосновения тот сразу приободрился... но не сильно. Его лицо осталось изнуренным. Купаясь в ярком свете Талисмана, оно напоминало лицо мертвого ребенка, освещенное вспышкой полицейского фотографа.

Это отель. Он травит его.

Но причина была не в отеле. Точнее, не только в нем. В Моргане. Ричарда травил Морган.

Джек отвернулся, обнаружив, что не хочет отрывать глаз от Талисмана даже на мгновение. Потом нагнулся и вытянул руки назад, чтобы подхватить Ричарда.

Тот забрался Джеку на спину. Одной рукой он держал Талисман, другой обнял друга за шею. Джек схватился за бедра Ричарда.

Он легкий как перышко. У него свой рак. Он болел им всю жизнь. Морган Слоут — радиоактивное зло, и Ричард умирает от его многолетнего воздействия.

Джек трусцой побежал к скалам, за которыми лежал Спиди, ощущая свет и тепло Талисмана, который Ричард держал над его головой.

3

Он огибал скалы слева, с Ричардом на спине, полный этой ошалелой уверенности... и понимание ее ошалелости обрушилось на Джека, как пыльный мешок. Полная нога в брючине из светло-коричневой шерсти (и в коричневом же нейлоновом носке) резко высунулась из-за последней скалы, будто шлагбаум.

Блин! — вскричал разум Джека. *Он меня поджидал! Какой же я кретин!*

Ричард тоже вскрикнул. Джек попытался устоять, но не смог.

Морган сшиб его с ног так же легко, как школьный хулиган сшибает какого-нибудь младшеклассника на игровой площадке. После Смоуки Апдайка, и Осмонда, и Гарденера, и Элроя, и чего-то среднего между крокодилом и танком казалось невероятным, что сбить Джека Сойера с ног вполне по силам толстому гипертонику Моргану Слоуту, притаившемуся за скалой и ждущему, когда же чересчур самоуверенный мальчишка сам к нему прибежит.

— Держись! — крикнул Ричард, когда Джека бросило вперед. Слева от себя он видел их общую тень, с множеством рук, как у индусского идола. Джек чувствовал, как психический вес Талисмана смещается, смещается... и валит его на землю.

— БЕРЕГИ ЕГО, РИЧАРД! — крикнул он.

Ричард перелетел через голову Джека, в его широко раскрытых глазах стоял ужас. Жилы на шее напоминали туго натянутые струны. Падая, он поднял Талисман вверх. Уголки рта опустились вниз в бессильном отчаянии. Ри-

чард ударился о землю лицом, как ракета — носом при неудачном запуске. Песок рядом с тем местом, где лежал Спиди, густо усеивали камушки и ракушки. Ричард упал на камень, который землетрясение вывернуло на поверхность. Послышался глухой удар. Мгновение он напоминал страуса, зарывшегося головой в песок. Его зад в грязных хлопчатобумажных брюках покачивался в воздухе из стороны в сторону. В других обстоятельствах — которым, к примеру, не предшествовал бы этот ужасный глухой звук — такая поза выглядела бы комичной, достойной того, чтобы ее запечатлели на пленку: «Рациональный Ричард безумствует на пляже». Но тут комизмом и не пахло. Пальцы Ричарда медленно разжались... и Талисман прокатился три фута по чуть наклонному песку, прежде чем остановился, отражая небо и облака: не поверхностью, а мягко светящимся нутром.

— *Ричард!* — крикнул Джек.

Морган находился где-то сзади, но Джек совершенно о нем забыл. Вся уверенность ушла, покинула его в тот момент, когда эта нога в светло-коричневой брючине шлагбаумом выросла из-за скалы. Его провели, как мальчишку на школьной игровой площадке, и Ричард... Ричард...

— *Рич...*

Ричард перекатился на спину, и Джек увидел, что бледное, усталое лицо друга залито кровью. Треугольный лоскут кожи с волосами свисал над глазом, словно порванный парус. Джек видел, как волосы трутся о щеку Ричарда, словно трава песочного цвета... а выше блестел голый череп.

— Он разбился? — спросил Ричард, срываясь на крик. — *Джек, он разбился, когда я упал?*

— Все хорошо, Ричи... он...

Глаза Ричарда, залитые кровью, вылезли из орбит. Он таращился на что-то за спиной Джека.

— Джек! Джек! Бере...

Что-то — по ощущениям, кожаный кирпич (нога Моргана Слоута, обутая в туфлю от Гуччи из мягкой кожи) — ударило Джека между ног, точно по яйцам. Результат не замедлил себя ждать: Джек повалился вперед, пронзенный самой сильной болью, какую испытал за всю свою жизнь. Он и представить себе не мог, что возможна такая физическая агония. Он даже не закричал.

— Все действительно хорошо, — сообщил Морган Слоут. — Правда, не в твоем случае, Джеки-бой. Только

не

в твоем.

Он медленно приближался к Джеку — медленно, потому что наслаждался моментом, — мужчина, которому Джека должным образом так и не представили. Джек видел бледное лицо в окне большой черной кареты — мельком, — лицо с темными глазами, которые каким-то образом почувствовали его присутствие. Этот мужчина — идущий рябью, изменяющийся — силой прокладывал себе путь в реальность поля, на котором Джек и Волк говорили о таких чудесах, как «братья-по-помету» и Изменения при полной луне. Он был тенью в глазах Андерса.

Но до этого момента я никогда не видел Моргана из Орриса, подумал Джек. Он остался Джеком — Джеком в вылинявших, грязных хлопчатобумажных штанах, какие обычно носят азиатские чернорабочие, и сандалиях из сыромятной кожи, — но не Джейсоном. Его промежность визжала от боли.

В десяти ярдах лежал Талисман, мягко светившийся на черном песке. Ричарда не было, однако Джек это осознал чуть позже.

Темно-синий плащ Моргана схватывала на шее серебряная пряжка. Брюки были из той же тонкой шерсти, что и у Моргана Слоута, но этот Морган заправил их в черные сапоги.

Этот Морган прихрамывал, его деформированная нога оставляла в песке череду полос. Серебряная пряжка свободно покачивалась при движении, и Джек понял, что она никак не связана с плащом, который стягивался обычным шнурком. Серебряная штуковина больше напоминала подвеску. На мгновение Джек подумал, что это миниатюрная клюшка для гольфа, вещица, которую женщина может снять с браслета-амулета и носить на шее забавы ради. Но когда Морган приблизился, мальчик заметил, что для клюшки она слишком тонкая и заканчивается не крюком — ровным срезом.

Как лучемет.

— Да, мой мальчик, выглядишь ты не очень, — покачал головой Морган из Орриса. Подошел к лежавшему Джеку, который стонал, держась руками за промежность, подтянув ноги к груди. Наклонился вперед, уперев руки в колени, и всмотрелся в Джека, как человек, разглядывающий зверушку, которую переехал его автомобиль. Не вызывающую особого интереса зверушку, вроде сурка или белки. — *Совсем* нехорошо.

Морган наклонился еще ближе.

— Ты превратился для меня в проблему. — Ближе. — Причинил немалый вред. Но в конце концов...

— Я думаю, что умираю, — прошептал Джек.

— Еще нет. О, я знаю, что ты сейчас чувствуешь, но поверь мне, ты еще не умираешь. Однако минут через пять или около того ситуация изменится.

— Нет... правда... внутри... все... — простонал Джек. — Наклонитесь... я хочу сказать... попросить... вымолить...

Темные глаза Моргана сверкнули на бледном лице. Вероятно, он представил себе молящего Джека. И наклонился еще ниже, его лицо почти вплотную приблизилось к лицу Джека. Боль заставила Джека прижать ноги к груди. Теперь же он резко выпрямил их. Вперед и

вверх. На мгновение ему показалось, будто ржавое лезвие, пронзив гениталии, впивается в низ живота, но звук сандалий, бьющих по лицу Моргана, расплющивающих губы и сворачивающих набок нос, с лихвой компенсировал боль.

Морган из Орриса отлетел назад, взревев от боли и удивления, полы плаща поднялись, как крылья большой летучей мыши.

Джек поднялся. На мгновение увидел черный замок, чьи размеры, похоже, намного превышали размеры «Эджинкорта», а потом быстро-быстро засеменил мимо лежавшего без сознания (*или мертвого!*) Паркуса. Он спешил к Талисману, мирно светившемуся на песке, и по пути к нему

прыгнул обратно

в Америку.

— *Ах ты, ублюдок!* — проревел Морган Слоут. — *Маленький мерзкий ублюдок! Мое лицо, мое лицо, ты разбил мне лицо!*

Что-то зашипело, тут же запахло озоном. Яркая сине-белая молния пролетела возле правой руки Джека и вонзилась в песок, превратив его в стекло.

А потом он схватил Талисман: *он снова держал его в руках!* Рвущая, пульсирующая боль в промежности сразу же начала утихать. Джек повернулся к Моргану, сжимая стеклянный шар в поднятых руках.

Кровь лилась из порванной губы Моргана, и он прижимал одну руку к щеке: Джек надеялся, что ему удалось выбить несколько зубов. Во второй руке, вытянутой в сторону Джека, Слоут стискивал похожую на ключ вещицу, которая только что стрельнула молнией, вонзившейся в песок рядом с мальчиком.

Джек шагнул в сторону, держа руки перед собой. Талисман переливался, словно машина по производству радуг. Стеклянный шар, похоже, чувствовал близость Слоу-

та, потому что вдруг загудел. Гудение это Джек не столько услышал, сколько ощутил ладонями. Вспыхнула полоса чистого белого света, идущего прямо из центра Талисмана. Слоут отскочил в сторону и нацелил ключ в голову Джека.

Вытер кровь с нижней губы.

— Ты меня поранил, вонючий маленький ублюдок. Не думай, что этот стеклянный шар поможет тебе. Его будущее даже короче твоего.

— Поэтому ты так его боишься? — спросил Джек, выставляя Талисман перед собой.

Слоут ушел в сторону, словно Талисман тоже мог стрелять молниями. *Он не знает, на что способен Талисман*, осознал Джек. *Он ничего о нем не знает, просто хочет, чтобы Талисман принадлежал ему.*

— Брось его немедленно, — потребовал Слоут. — Избавься от него, маленький обманщик. Или я тотчас же снесу тебе голову. Брось его.

— Ты боишься, — ответил Джек. — Теперь, когда Талисман перед тобой, ты боишься подойти и взять его.

— Мне незачем подходить и брать его, — отрезал Слоут. — Ты чертов Самозванец. Брось его. Давай поглядим, как ты разобьешь его сам, Джеки.

— Возьми его, Блоут. — Джека охватила дикая злоба. *Джеки.* Так называла его мать, и он не желал слышать это имя слетающим с мокрых губ Слоута. — Я не черный отель, Блоут. Я всего лишь ребенок. Неужели ты не в состоянии забрать у ребенка стеклянный шарик? — Не вызывало сомнений, что, пока Джек держал в руках Талисман, ситуация была патовая. Темно-синяя искра, яркая, как искры «демонов» Андерса, сверкнула и умерла в центре Талисмана. За ней последовала вторая. Джек по-прежнему ощущал мощное гудение, идущее из глубин покрытого меридианами и параллелями стеклянного шара. Взять Талисман предназначалось ему

судьбой: только он и мог его взять. *Талисман знал о моем существовании с того самого момента, как я родился*, подумал Джек. *Ему требовался Джек Сойер, и никто другой.*

— Подойди и попробуй его взять.

Слоут выставил ключ перед собой. Оскалился. Кровь стекала по подбородку. На его лице отражалось недоумение, а яростью он напоминал быка в загоне, и Джек даже улыбнулся ему. Но потом бросил короткий взгляд на Ричарда, и улыбка исчезла. Лицо Ричарда залила кровь, волосы слиплись.

— Ты мерза... — начал он, но не следовало отрывать глаз от Слоута. Раскаленный сине-желтый разряд ударил в песок у самой его ноги.

Джек повернулся к Слоуту, который вновь выстрелил. Мальчик отпрыгнул, и разряд разрушительного света вонзился у его ног, растопив песок в желтую жидкость, которая, тут же затвердев, превратилась в длинную стеклянную полосу.

— Твой сын может умереть, — заметил Джек.

— Твоя мать может умереть! — рявкнул в ответ Слоут. — Брось этот чертов шар, прежде чем я снесу тебе голову. Немедленно. Избавься от него.

Нацеленный в голову Джека ключ ушел в сторону. Глаза Слоута блеснули, а потом он вскинул руку с ключом к небу. Длинный луч света вырвался из кулака Моргана, по мере подъема расширяясь. Небо потемнело. В этой внезапно упавшей на землю тьме светились лишь Талисман и лицо Моргана Слоута, последнее — потому что его освещал первый. Джек догадался, что и его лицо тоже светится отраженным сиянием Талисмана. И как только он выставил Талисман перед собой, стараясь добиться неведомо чего — заставить Слоута бросить ключ, разозлить его, показать ему, что он бессилен, — выяснилось, что о способностях своего противника Джек знал

далеко не все. С темного неба посыпались крупные снежинки. Слоут исчез за снежной завесой. Джек услышал его злобный смех.

4

Она выбралась из кровати и подошла к окну. Посмотрела на пустынный декабрьский берег, освещенный единственным фонарем на набережной. Внезапно на подоконник за окном села чайка. Из ее клюва торчал кусочек хряща, и в этот момент Лили подумала о Слоуте. Чайка напоминала Слоута.

Сначала Лили отпрянула, потом вернулась к окну. Ее разбирала нелепая злость. Чайка не могла выглядеть как Слоут, и чайка не могла проникнуть на ее территорию... все было как-то неправильно. Лили забарабанила пальцами по холодному стеклу. Птица раскинула крылья, но не улетела. И Лили уловила мысль, шедшую из холодного разума чайки, ясную и четкую, словно переданную по радио:

Джек умирает, Лили... Джек умира-а-а-а-а-а...

Чайка наклонила голову вперед. Постучала клювом по стеклу, как мрачный ворон По.

Умира-а-а-а-а-а...

— НЕТ! — крикнула Лили. *— ПОШЕЛ НА ФИГ, СЛОУТ!* — На этот раз она не просто забарабанила по стеклу, а пробила его кулаком. Чайка с визгом отпрянула и чуть не свалилась камнем на землю. Ледяной воздух ворвался в номер.

Кровь капала с руки Лили... нет, нет и нет, не просто капала. Лилась. Она сильно порезалась в двух местах. Лили вытащила осколки стекла из края ладони, потом вытерла руку о ночную рубашку.

— И НЕ МЕЧТАЙ ОБ ЭТОМ, СЛЫШИШЬ, СКОТИНА? — крикнула она птице, которая продолжала беспо-

койно кружить над садами. И разрыдалась. — *А теперь оставь его в покое! Оставь его в покое! ОСТАВЬ МОЕГО СЫНА В ПОКОЕ!*

Она вся перепачкалась в крови. Холод сочился сквозь пробитое окно. Лили видела, как первые снежинки падают с неба, кружась в белом свете фонаря.

5

— Берегись, Джеки.

Тихонько. Слева.

Джек развернулся на голос, держа Талисман перед собой. Как фонарь. Луч света уперся в белую пелену падающего снега.

И больше ничего. Темнота... снег... шум океана.

— Не туда смотришь, Джеки.

Он развернулся вправо, ноги заскользили на снегу. Ближе. Морган все ближе.

Джек поднял Талисман над головой.

— Подойди и возьми его, Блоут!

— У тебя нет ни единого шанса, Джек. Я могу разобраться с тобой в любой момент.

За спиной... и еще ближе. Джек поднял пылающий Талисман, но Слоута не увидел. Снег хлестал в лицо. Мальчик вдохнул его и закашлялся от холода.

Смех Слоута раздался прямо перед ним.

Джек отпрянул и едва не упал, наткнувшись на Спиди.

— Ку-ку, Джеки!

Из темноты слева высунулась рука и дернула Джека за ухо. Он повернулся с гулко бьющимся сердцем, выпученными глазами. Нога заскользила, и Джек упал на одно колено.

Где-то рядом хрипло застонал Ричард.

Над головой, во мраке, который каким-то образом наслал на землю Слоут, раздались раскаты грома.

— Брось его мне! — дразнил Джека Слоут, выпрыгивая из снежной бурлящей темноты. Он щелкал пальцами правой руки, а левой тыкал в Джека ключом. В его нервных, дерганых движениях был какой-то ритм. Джек подумал, что Слоут похож на латиноамериканского руководителя оркестра давно ушедших дней, возможно, Хавьера Кугата. — Давай, брось его в меня! Стрелковый тир, Джек! Мишень! Большой старый дядя Морган! Что скажешь, Джек? Давай! Брось шар и выиграй куклу Кьюпи!

И Джек обнаружил, что опустил Талисман к правому плечу, вероятно, с тем, чтобы так и сделать. *Он тебя пугает, старается нагнать на тебя страху, чтобы ты потерял голову, чтобы...*

Слоут растворился в темноте. Снег по-прежнему хлестал Джека по лицу.

Он нервно крутил головой, но не видел Слоута. *Может, он ушел. Может...*

— Как ты, Джеки?

Нет. Он по-прежнему здесь. Где-то. Слева.

— Я смеялся, когда умер твой дорогой папочка, Джеки. Я смеялся ему в лицо. Когда его мотор остановился, я почувствовал...

Голос завибрировал, на мгновение стих. Снова зазвучал. Справа. Джек развернулся в ту сторону, не понимая, что происходит, с нарастающим ужасом.

— ...что мое сердце летает, как птичка в вышине. Летает вот так, Джеки-бой.

Из темноты вылетел камень. Нацеленный не в Джека, а в стеклянный шар. Джек увернулся. И увидел в темноте Слоута. На короткое мгновение.

Пауза... потом Слоут вернулся, с новой песней.

— Я трахал твою мамулю, Джеки, — сообщил голос из-за спины. Толстая горячая рука ухватила Джека за зад.

Джек развернулся и снова чуть не упал, на этот раз споткнувшись о Ричарда. Слезы — жаркие, жгучие, ярост-

ные — потекли из глаз. Джек ненавидел их, но они потекли, и ничто в мире не могло их удержать. Ветер ревел, как дракон в аэродинамической трубе. *Магия в тебе*, говорил Спиди. Где же она, где, где?

— Не говори так о моей матери!

— И часто, — самодовольно добавил Слоут.

Справа. Толстый танцующий силуэт в темноте.

— Трахал по *ее приглашению*, Джеки!

За спиной! *Близко!*

Джек развернулся. Поднял Талисман. Тот полыхнул белым лучом. Слоут выпрыгнул из светового пятна, но Джек успел заметить гримасу боли и злости на его лице. Свет коснулся Слоута и обжег его.

Не обращай внимания на то, что он говорит; это ложь, и ты это знаешь. Но как он это делает? Научился чревовещанию? Нет... он — индейцы в ночи, сжимающие кольцо вокруг вереницы повозок. Как он это делает?

— На этот раз ты прижег мне усы, Джеки. — Слоут довольно хохотнул. Вроде бы он запыхался, но совсем чуть-чуть. Почти незаметно. А Джек дышал, как собака в жаркий летний день, его глаза лихорадочно метались, выискивая Слоута в засыпанной снегом темноте. — Но я не держу на тебя зла, Джеки. Так что там дальше? О чем мы говорили? Ах да, о твоей матери...

Голос завибрировал... на мгновение стих... а потом камень вылетел из темноты справа и угодил Джеку в висок. Он развернулся, но Слоут вновь исчез, растворившись в снежной пелене.

— Она обвивала меня длинными ногами и сжимала их. Пока я не *молил* о пощаде! — сообщил Слоут спине Джека. И тут же справа донеслось: — *О-О-О-О-О-О-О!*

Не позволяй ему вывести тебя из равновесия не заводись не...

Но Джек ничего не мог с собой поделать. Этот мерзкий человек говорил о его *матери* — его *матери*!

— Прекрати! Заткнись!

Теперь Слоут находился прямо перед ним, так близко, что Джек должен был четко видеть его, несмотря на снег, — но видел лишь слабую рябь, словно лицо под водой в ночи. Еще один камень вылетел из темноты и угодил Джеку в затылок. Его бросило вперед, и он вновь едва не упал, наткнувшись на Ричарда... а сам Ричард быстро исчезал под снежным покрывалом.

Затем Джек увидел звезды... и понял, в чем дело.

Слоут прыгает! Прыгает... перемещается... прыгает обратно!

Джек начал неуверенно поворачиваться, описал полный круг, как человек, противостоящий сотне врагов. Молния сверкнула в темноте узким зеленовато-синим лучом. Он протянул к ней Талисман в надежде, что молния, отразившись, ударит в Слоута. Слишком поздно. Молния погасла.

Тогда почему я не вижу его там? Там, в Долинах?

Ответ вспыхнул в голове Джека... и, словно почувствовав это, Талисман выбросил луч ослепительно белого света, который разрезал снежную пелену, как прожектор локомотива.

Я не вижу его там, не реагирую на него там, потому что меня там НЕТ! Джейсон ушел... а я от природы одиночка! Слоут прыгает на берег, где нет никого, кроме Моргана из Орриса и мертвого или умирающего человека по имени Паркус... Ричарда там тоже нет. Потому что сын Моргана из Орриса, Раштон, давно умер, и Ричард — тоже одиночка! Когда я прыгнул туда чуть раньше, Талисман был там... но не Ричард! Морган прыгает... перемещается... прыгает снова... пытается до смерти напугать меня...

— Хо-хо! Джеки-бой!

Слева.

— Вот он я!

Справа.

Но Джек больше не слушал. Он всматривался в Талисман, ожидая новой вспышки. Самой важной вспышки в его жизни.

Сзади. В следующий раз голос раздастся сзади.

Талисман вспыхнул, словно мощная лампа в снегу.

Джек развернулся... и, разворачиваясь, прыгнул в Долины, в яркий солнечный свет. И конечно же, не удивился, увидев перед собой Моргана из Орриса во всей его красе. В первое мгновение тот и не понял, что Джек разгадал его трюк: продолжал хромать по кругу, чтобы оказаться за спиной Джека, прыгнув обратно в Америку. С лица Моргана из Орриса не сходила злая улыбка маленького мальчика, делающего какую-то гадость. Плащ развевался за спиной. Левую ногу он подволакивал, и Джек видел оставленные ею следы, которые образовывали замкнутый круг. Здесь Морган ходил по кругу и то и дело возвращался в Америку, оскорбляя мать Джека, бросая в него камни.

Джек крикнул:

— Я ТЕБЯ ВИЖУ!

Во всю глотку.

Морган начал потрясенно оглядываться, одна его рука сомкнулась на серебряной трубке.

— ВИЖУ ТЕБЯ! — повторил Джек. — Хочешь сделать еще кружок, Блоут?

Морган из Орриса направил на него трубку, в мгновение ока изумление слетело с его лица, уступив место осознанию того, что такой удачной ситуацией грех не воспользоваться. Глаза превратились в щелочки. И Джек едва не прыгнул в Америку в тот самый момент, когда Морган из Орриса, прищурившись, смотрел на него поверх смертоносной серебряной трубки. Это решение убило бы Джека. Но за секунду до того, как благоразумие или паника заставили его в буквальном смысле броситься под мчащийся

грузовик, интуиция, подсказавшая Джеку, что Морган прыгает между мирами, вновь его спасла. Джек понял, какими методами пользуется противник. И остался на месте, задержав дыхание. Если бы Морган хоть на толику меньше гордился своей изощренностью, в этот самый момент он мог бы убить Джека Сойера, к чему так стремился.

Но вместо этого, как Джек и предполагал, Морган покинул Долины. Джек вдохнул. Недвижимое тело Спиди (*тело Паркуса*, поправился он) лежало рядом. Талисман вспыхнул. Джек выдохнул и прыгнул обратно.

Новая полоска стекла появилась на пляже Пойнт-Венути, заблестела, отражая яркий белый свет Талисмана.

— Не попал, да? — прошептал из темноты Морган Слоут. Снег падал на Джека, ветер леденил конечности, горло, лоб. Лицо Слоута зависло перед ним, со знакомыми глубокими морщинами на лбу, с раскрытым окровавленным ртом. Под густо падающим снегом он протягивал руку с ключом к Джеку, на коричневом рукаве формировался снежный хребет. Джек заметил черную струйку крови, сбегавшую из левой ноздри несообразно маленького носа. Глаза Слоута, налитые кровью от боли, светились в темном воздухе.

6

Ричард Слоут открыл глаза, не понимая, что происходит. Все тело, каждая его клеточка, закоченела. Поначалу, совершенно бесстрастно, он подумал, что умер. Возможно, свалился с крутых, неудобных ступенек, которые вели на главную трибуну стадиона школы Тэйера. После чего замерз и умер, так что с ним больше ничего не может случиться. На секунду ощутил он безмерное, всепоглощающее облегчение.

Но тут голову пронзила боль, и он почувствовал, как теплая кровь течет по холодной руке: из этого следовало, что Ричард Ллевеллин Слоут вовсе не мертв и прежнее

предположение ошибочно. Он всего лишь превратился в раненое, страдающее существо. Ему казалось, что его макушку срезало как ножом. Он понятия не имел, где находится. Чувствовал только холод. Глаза на мгновение сфокусировались и подсказали Ричарду, что он лежит в снегу. Пришла зима. И снег продолжал падать на него с неба. Потом он услышал голос отца и вспомнил все.

Прижимая руку к макушке, Ричард очень медленно повернул голову, чтобы посмотреть в ту сторону, откуда раздавался отцовский голос.

Джек Сойер держал в руках Талисман: это Ричард разглядел прежде всего. Талисман не разбился. Часть облегчения, которое Ричард испытал, подумав, что мертв, вернулась. Даже без очков он видел, что Джек по-прежнему выглядит непобедимым и непреклонным, и у него запела душа. Джек выглядел как... как герой. Это точно. Он выглядел как грязный, взъерошенный, яростный юный герой; вроде бы никоим образом не подходящий на роль героя — но тем не менее герой.

Джек теперь стал просто Джеком, Ричард это видел. Экстраординарная, *дополнительная* составляющая, присущая, скажем, кинозвезде, вынужденной изображать одетого в лохмотья двенадцатилетнего подростка, ушла. И поэтому его героизм производил еще большее впечатление.

Отец Ричарда хищно улыбался. Но это был не его отец. От его отца давно уже осталась одна оболочка. Все нутро выели зависть к Филу Сойеру, жадность и честолюбие.

— Мы можем кружить здесь вечно, — сказал Джек. — Я никогда не отдам тебе Талисман, а ты никогда не сможешь уничтожить его этой своей штуковиной. Сдавайся.

Кончик ключа сдвигался в сторону и вниз, пока вместе с перекошенным злобой и жадностью лицом Моргана не нацелился на Ричарда.

— Сначала я разнесу Ричарда в клочья, — ответил его отец. — Ты действительно хочешь увидеть, как твой дру-

жок превращается в поджаренный бекон? Гм-м-м? Хочешь? И разумеется, я окажу такую же услугу паразиту, который лежит рядом с ним.

Джек и Слоут обменялись короткими взглядами. Его отец не шутил, Ричард это знал. Он убьет его, если Джек не отдаст Талисман, а потом убьет старого негра, Спиди.

— Не делай этого, — сумел прошептать Ричард. — Не уступай ему, Джек. Пошли куда подальше.

Джек едва не свел Ричарда с ума, подмигнув ему.

— Просто брось Талисман, — услышал Ричард голос отца.

И в ужасе наблюдал, как Джек разводит ладони рук и позволяет Талисману выпасть из них.

7

— Джек, нет!

Джек и не взглянул на Ричарда. *Ты не владеешь вещью, если не можешь расстаться с ней*, твердил ему внутренний голос. *Ты не владеешь вещью, если не можешь расстаться с ней, зачем она человеку, абсолютно незачем, и тебе не научиться этому в школе, ты можешь узнать об этом только на жизненном пути, ты можешь узнать об этом от Ферда Джэнклоу, и от Волка, и от Ричарда, упавшего на камни лицом вниз, словно неудачно стартовавшая ракета «Титан-2».*

Ты учишься всему этому — или умираешь там, где свет никогда не бывает чистым.

— Больше никаких убийств, — бросил Джек в заполненную снегом тьму этого дня на калифорнийском пляже. Он чувствовал, что совершенно вымотался: сказался четырехдневный забег по ужасам. И теперь Талисман выскользнул из его рук, как мяч — из рук начинающего куотербека, которому предстоит многому научиться. Он проиграл. Но услышал голос Андерса, того самого Андерса в килте, который опустился на колени перед Джеком/Джейсоном, и

склонил голову, и произнес: «Все сделается хорошо, все сделается хорошо, все разрешится и сделается хорошо».

Талисман светился, лежа в снегу, снег таял крупными каплями, и в каждой играла радуга, и в тот миг Джек с ошеломляющей ясностью осознал, что именно это от него и требовалось: *выпустить из рук Талисман*.

— Хватит убийств. Разбей его, если сможешь. Мне тебя жаль.

Последняя фраза окончательно свела с ума Моргана Слоута. Если бы в нем оставалась хоть капелька здравомыслия, он отыскал бы камень под этим неестественным снегом и разбил Талисман... а *разбить* его не составляло труда, он лежал на снегу, хрупкий и уязвимый.

Вместо этого Морган нацелил на него ключ.

И едва он это сделал, как в голове у него возникли такие живые, такие ненавистные воспоминания о Джерри Бледсоу и его жене. Джерри Бледсоу, которого он убил, и Ните Бледсоу, с которой следовало бы взять пример Лили Кавано... Лили, врезавшей ему по носу с такой силой, что потекла кровь, когда он, пьяный, единственный раз попытался прикоснуться к ней.

Вспыхнул огонь: зелено-синий луч выстрелил из отверстия над бородкой ключа. Дотянулся до Талисмана, ударил в него, растекся по нему, превратив в горящее солнце. Все цвета сосредоточились в этот момент в Талисмане... все *миры* собрались в нем. А потом луч исчез.

Талисман проглотил огонь, вырвавшийся из ключа Моргана.

Проглотил без остатка.

Темнота вернулась. Ноги Джека больше не держали тело, и он плюхнулся на ноги Спиди Паркера. Спиди что-то буркнул и дернулся.

Последовала двухсекундная пауза, во время которой ничего не двигалось... а потом, внезапно, огонь потоком

вырвался из Талисмана. Глаза Джека широко раскрылись, несмотря на тревожную, предостерегающую мысль,

(*он ослепит тебя, Джек! он...*)

и изменившийся ландшафт Пойнт-Венути осветился, словно Бог всех вселенных наклонился вперед, чтобы сделать фотографию. Джек увидел «Эджинкорт», просевший и полуразвалившийся; увидел сползшие вниз холмы, превратившиеся в равнину; увидел лежащего на спине Ричарда; увидел лежащего на животе Спиди, который повернул голову в сторону. Спиди улыбался.

А Моргана отбросило назад. Его окутывало море огня, того самого огня, что вылетел из его ключа, огня, который Талисман вобрал в себя, как отсветы телескопического прицела карабина Лучезарного Гарденера, а потом вернул с тысячекратным усилением.

Дыра открылась между мирами — дыра размером с тоннель в Оутли, — и Джек увидел, как Слоут, в пылающем модном коричневом костюме, все еще сжимая ключ обгоревшими до костей пальцами, улетает сквозь эту дыру. Глаза Слоута кипели в глазницах, но оставались живыми... он понимал, что происходит.

И когда он пролетал по тоннелю-дыре, Джек видел происходившие с ним изменения: плащ, полы которого напоминали летучую мышь, охваченную пламенем, горящие сапоги, горящие волосы. Увидел, как ключ становится миниатюрной трубкой-лучеметом.

Увидел... *дневной свет!*

8

Свет ударил по глазам. Джек откатился от него по заснеженному берегу. Голова гудела. В ушах — мысленных ушах — звучал предсмертный крик Моргана Слоута, которого вышибло через все возможные миры в небытие.

— Джек? — Ричард с трудом сел, держась руками за голову. — Джек, что случилось? Кажется, я упал со ступенек главной трибуны стадиона.

Спиди заворочался в снегу, и Джек увидел, что он приподнялся, оттолкнувшись руками от земли, и смотрит на него. Глаза старика были усталыми, но лицо очистилось от язв.

— Хорошая работа, Джек. — Он улыбнулся. — Хорошая... — Спиди едва не упал лицом в снег, но вновь приподнялся на руках, тяжело дыша.

Радуга, мечтательно подумал Джек. Встал на ноги, снова упал. Холодный снег облепил лицо, а потом начал таять, превращаясь в слезы. Джек поднялся на колени, вновь встал. Перед глазами вспыхивали точки, но он увидел огромное выжженное пятно на снегу в том месте, где стоял Морган. По форме оно напоминало каплю.

— *Радуга!* — крикнул Джек Сойер и, плача и смеясь, вскинул руки к небу. — *Радуга! Радуга!*

С залитым слезами лицом он повернулся к Талисману, поднял его.

Подошел с ним к Ричарду Слоуту, который был Раштоном; к Спиди Паркеру, который был самим собой.

И излечил их.

Радуга, радуга, радуга!

Глава 46
ЕЩЕ ОДНО ПУТЕШЕСТВИЕ

1

Джек излечил их, но так и не смог вспомнить, что именно делал: какое-то время Талисман сверкал и пел в его руках, и у Джека вроде бы осталось смутное воспоми-

нание, что он видел, как Спиди и Ричарда *окутало сияние* и они словно купались в свете. Это все, что осталось у него в памяти.

А в конце драгоценный свет в Талисмане начал угасать... угасать... и угас.

Подумав о матери, Джек, издал хриплый, отчаянный крик.

Спиди проковылял по тающему снегу и обнял Джека за плечи.

— Свет вернется, Странник Джек. — Он улыбался, но выглядел намного более уставшим, чем Джек. Спиди излечился... однако ему по-прежнему было плохо. *Этот мир убивает его*, подумал Джек. *По крайней мере убивает в нем Спиди Паркера. Талисман излечил его... но он все равно умирает.*

— Ты сделал для *него* все, что мог, — продолжил Спиди, — и, будь уверен, *он* сделает все для *тебя*. Волноваться не о чем. Подойди сюда, Джек. Подойди к тому месту, где лежит твой друг.

Джек подошел. Ричард спал в тающем снегу. Жуткий лоскут кожи исчез, на голове остался только белый шрам, который потом так и не зарос волосами.

— Возьми его за руку.

— Зачем? С какой стати?

— Мы собираемся прыгнуть.

Джек вопросительно посмотрел на Спиди, но тот не собирался ничего объяснять. Просто кивнул, как бы говоря: *Да, ты правильно расслышал мои слова.*

Что ж, подумал Джек, *до этого момента я ему доверял...*

Он наклонился и взял Ричарда за руку. Спиди взял Джека за другую руку.

Безо всякого усилия все трое покинули этот мир.

2

Джек так и предполагал: рядом с ним на черном песке, испещренном следами хромой ноги Моргана из Орриса, стоял человек, который выглядел крепким, и сильным, и здоровым.

Джек с благоговением — но и с некоторой неловкостью — взирал на этого незнакомца, который, пожалуй, пусть и с натяжкой, мог сойти за младшего брата Спиди Паркера.

— Спиди... я хочу сказать, мистер Паркус... что вы...

— Мальчики, вам надо отдохнуть, — ответил Паркус. — Тебе — так точно, а второму молодому сквайру — тем более. Он подошел к смерти совсем близко... но я не думаю, что он из тех, кто готов в этом признаться, даже себе.

— Да, — кивнул Джек. — В этом вы правы.

— Ему лучше отдохнуть там. — Паркус поднял Ричарда на руки и двинулся подальше от воды и от черного замка. Джек поплелся следом. Сначала он изо всех сил пытался держаться рядом с Паркусом, но почти сразу начал отставать. Он задыхался, ноги стали ватными. И голова жутко разболелась — вероятно, в ответ на чудовищное напряжение финальной схватки. *Шоковое похмелье*, подумал Джек.

— Почему... куда... — Вот и все, что он сумел выдохнуть, прижимая к груди Талисман. Шар больше не светился, грязноватая темная поверхность не вызывала ни малейшего интереса.

— Надо немного отойти от этого места, — ответил Паркус. — Ты и твой друг не захотите отдыхать там, где был *он*, правда?

И Джек, при всей своей усталости, согласно кивнул.

Паркус оглянулся, с грустью посмотрел на Джека.

— Здесь все провоняло его злобой и твоим миром, Джек. Для меня оба эти запаха одинаково неприятны.

И двинулся дальше с Ричардом на руках.

3

В сорока ярдах от того пятачка на пляже, где кружил Морган из Орриса, Паркус остановился. Песок заметно посветлел и стал серым. Паркус осторожно уложил Ричарда. Джек тоже растянулся на теплом, божественно теплом песке. Никакого снега.

Паркус сел рядом с Джеком, скрестив ноги.

— Сейчас вы поспите. Возможно, проснетесь только завтра. Здесь вас никто не потревожит. Посмотри.

Паркус обвел рукой территорию, на которой в Америке располагался Пойнт-Венути. Прежде всего Джек обратил внимание на черный замок, часть которого обрушилась и разлетелась в стороны, словно после мощного взрыва. Теперь замок не производил ни малейшего впечатления. Исходившую от него угрозу выжгли, спрятанное сокровище унесли. Сложенные в некоем порядке камни — ничего больше.

Джек заметил, что здесь землетрясение оказалось не столь разрушительным... да и что оно могло тут уничтожить? Он увидел несколько развалившихся хибар из плавника да разбитые кареты, которые могли быть — а могли и не быть — «кадиллаками» в Америке. Кое-где валялись косматые тела.

— Оставшиеся в живых уже удрали, — пояснил Паркус. — Они знают, что произошло, знают, что Морган из Орриса мертв, и не доставят вам никаких хлопот. Зло, обитавшее здесь, ушло. Ты это знаешь? *Чувствуешь?*

— Да, — прошептал Джек. — Но... мистер Паркус... вы не... не... не...

— Ухожу? Да. Очень скоро. Ты и твой друг сейчас хорошенько выспитесь, но сначала нам надо поговорить. Времени это много не займет, поэтому я хочу, чтобы ты постарался и оторвал подбородок от груди, хотя бы на время.

Не без усилия Джек вскинул голову и полностью — ну или почти — раскрыл глаза. Паркус кивнул.

— Когда вы проснетесь, идите на восток... но не прыгайте! Какое-то время оставайтесь тут, в Долинах. На вашей стороне сейчас слишком много суеты: спасательные команды, репортеры, Джейсон знает кто еще. По крайней мере снег успеет растаять, прежде чем кто-нибудь увидит его, за исключением нескольких человек, которых сочтут сумасшедшими...

— Почему вы должны уйти?

— Потому что есть дела, Джек. Много работы. Новость о смерти Моргана уже продвигается на восток. Продвигается быстро. Сейчас я отстаю от новостей, а должен их опережать. Я хочу вернуться в Пограничье... и на восток... до того, как множество плохих парней успеет перебраться в другие места. — Он посмотрел на океан, его холодные серые глаза напоминали гранит. — Когда придет счет, людям придется заплатить. Морган ушел, а долги остались.

— Вы тут вроде полицейского?

Паркус кивнул.

— Меня можно назвать верховным судьей и главным королевским палачом в одном лице. — Он положил сильную теплую руку на голову Джека. — Там я всего лишь человек, который кочует с места на место, где-то работает, где-то перебирает струны. И иной раз, поверь, такая жизнь нравится мне гораздо больше.

Он вновь улыбнулся, став вылитым Спиди.

— И ты время от времени будешь встречать этого парня, Джеки. Да, время от времени, то в одном месте, то в другом. В торговом центре, может, в парке.

Он подмигнул Джеку.

— Но Спиди... нездоров, — сказал Джек. — Я не знаю точно, что с ним не так, но Талисман не может это исправить.

— Спиди старый, — ответил Паркус. — Мы одного возраста, но в твоем мире он старел быстрее, чем я. Тем не менее еще несколько лет он протянет. Может, и гораздо дольше. Так что не грусти, Джек.

— Вы обещаете? — спросил Джек.

Паркус улыбнулся.

— Ей-бо.

Джек устало улыбнулся в ответ.

— Вы с другом двинетесь на восток. Отшагаете миль пять. Перевалите через эти низкие холмы, а за ними — равнина, будете идти в свое удовольствие. Ищите большое дерево — самое большое чертово дерево, какое вы когда-либо видели. Когда доберетесь до этого старого дерева, Джек, ты возьмешь Ричарда за руку, и вы прыгнете обратно. Окажетесь рядом с громадной секвойей, в стволе которой прорублен тоннель для проезда автомобилей. Это Семнадцатое шоссе, и оно приведет вас на окраину маленького городка в северной Калифорнии. Он называется Сторивилл. Войдете в город. Найдете заправочную станцию «Мобил» рядом со светофором.

— А потом?

Паркус пожал плечами.

— Точно не скажу. Скорее всего, Джек, ты увидишь там знакомого.

— Но как мы доберемся до...

— Ш-ш-ш. — И Паркус положил руку ему на голову, как делала мать, когда он был

(*баю-бай, засыпай, Джеки, мой в окошке свет, твоего папаши нет, он уехал слушать джаз, не до нас ему сейчас, баю-бай, мой Джеки, все у нас так хорошо, все у нас так хорошо, все...*)

совсем маленьким. — Довольно вопросов. Я думаю, теперь у вас с Ричардом все будет хорошо.

Джек лег. Положил темный шар на сгиб руки. К его ресницам, казалось, привязали бетонные блоки.

— Ты показал себя храбрым и благородным, Джек, — спокойно и торжественно произнес Паркус. — Мне бы хотелось, чтобы ты был моим сыном... и я отдаю тебе честь за твою смелость. И твою веру. Во многих мирах есть люди, которые в большом долгу перед тобой за все, что ты сделал. И, так или иначе, я думаю, большинство из них это чувствуют.

Джеку удалось улыбнуться.

— Побудьте со мной еще немного, — попросил он.

— Хорошо, — кивнул Паркус. — Пока ты не заснешь. Волноваться не о чем, Джек. Здесь никто и ничто не причинит тебе вреда.

— Моя мама всегда говорила...

Но сон забрал его к себе, прежде чем он успел закончить.

4

И каким-то загадочным образом сон не отпускал его на следующий день, когда он вроде бы проснулся. Может, дело было не во сне — включилась некая защитная функция мозга, благодаря которой течение времени замедлилось и явь стала напоминать сон. В какой-то момент он и Ричард, движения которого стали такими же замедленными и неуверенными, оказались под высочайшим деревом мира. Вокруг них плясали солнечные лучи, сумевшие пробиться сквозь крону. Десять взрослых мужчин, взявшись за руки, не смогли бы обхватить основание ствола. Дерево уходило в небо, массивное и одинокое, напоминая левиафана в лесу высоких деревьев, идеальный пример изобилия Долин.

Волноваться не о чем, убеждал Джека Паркус, собираясь растаять в воздухе, будто Чеширский кот. Джек запрокинул голову, чтобы взглянуть на вершину дерева. Он не до конца осознавал, насколько вымотался эмо-

ционально. Размеры дерева вызвали только легкое удивление. Джек провел рукой по удивительно гладкой коре. *Я убил человека, который убил моего отца*, сказал он себе. Другой рукой сжал темный, на вид мертвый шар Талисмана. Ричард тоже смотрел на вершину гигантского дерева, которое небоскребом возвышалось над ними. Морган мертв, Гарденер тоже, снег на берегу к этому времени наверняка растаял. Однако не весь. Джек чувствовал, что голова у него набита тем самым снегом с пляжа. Когда-то — тысячу лет тому назад, никак не меньше — он думал, что будет визжать от восторга, волнения и благоговейного трепета, если ему действительно удастся взять в руки Талисман. Но теперь он ничего такого не испытывал. Зато в голове валил снег, и он не мог заглянуть дальше границ инструкции Паркуса. Тут Джек понял, что гигантское дерево его приворожило.

— Возьми меня за руку, — попросил он Ричарда.

— Но как мы попадем домой? — спросил Ричард.

— Волноваться не о чем, — ответил Джек и сжал пальцами руку друга. Подумаешь, невиданное дерево. Джек Сойер побывал в Проклятых землях, победил черный отель, показал себя *храбрым и благородным*. И теперь Джек Сойер — выдохшийся двенадцатилетний подросток, в мозгу которого валит снег. Он безо всяких усилий вернулся в свой собственный мир, и Ричард вместе с ним.

5

Лес изменился: стал целиком и полностью американским. Мягко шелестевшие кроны заметно опустились, стволы деревьев стали тоньше. Джек еще не успел сжиться со всеми этими отличиями, когда увидел перед собой двухполосную асфальтированную дорогу. И тут реальность двадцатого столетия обрушилась на него: глаза за-

метили дорогу, а уши услышали стрекотание небольшого двигателя. Джек инстинктивно подался назад и потащил за собой Ричарда. В ту же секунду мимо проскочил маленький белый «рено-лекар». Миновав мальчиков, автомобиль нырнул в тоннель, прорубленный в стволе секвойи (которая размерами почти вдвое уступала долинскому дереву-великану). Но пассажиры не обратили внимания на секвойи, посмотреть на которые приехали из Нью-Хэмпшира («Жить свободным или умереть!»). Женщина и дети, сидевшие на заднем сиденье, обернулись, уставившись на Джека и Ричарда. Их широко раскрытые рты напоминали черные пещеры. Они только что увидели двух подростков, которые появились у дороги, словно призраки, чудесным образом материализовавшись из воздуха. Прямо-таки капитан Кирк и мистер Спок, перенесенные телепортирующим лучом со звездолета «Энтерпрайз».

— Сможешь пройти еще немного? — спросил Джек.

— Конечно, — ответил Ричард.

Джек шагнул на асфальт шоссе 17 и прошел сквозь огромную дыру в стволе секвойи.

Подумал, что, возможно, *ему все это снится и он по-прежнему в Долинах, лежит на песке рядом с Ричардом, под добрым взглядом Паркуса. Моя мама всегда говорила... моя мама всегда говорила...*

6

Словно прорезая густой туман (хотя тот день в северной Калифорнии выдался сухим и солнечным), Джек Сойер вывел Ричарда Слоута из леса секвой, и они зашагали по дороге, шедшей чуть под уклон, мимо сухих декабрьских лугов.

...что самый важный человек на съемках любого фильма — кинооператор...

Его тело определенно недоспало. Его разуму требовалось отвлечься.

...что вермут губит хороший мартини...

Ричард молча брел следом, поглощенный своими мыслями. Шел гораздо медленнее, и Джеку то и дело приходилось останавливаться на обочине и ждать, пока Ричард догонит его. До маленького городка, вероятно, Сторивилла, им предстояло пройти еще полмили или чуть больше. Несколько низких белых домов расположились вдоль дороги. На крыше одного виднелась вывеска «АНТИКВАРИАТ». За домами над пустым перекрестком мигал желтым светофор. Джек разглядел край щита-указателя «МОБИЛ» рядом с автозаправочной станцией. Ричард волочил ноги, так низко опустив голову, что подбородок едва не касался груди. Когда он приблизился к дожидавшемуся его Джеку, тот увидел, что друг плачет.

Джек обнял Ричарда за плечи.

— Я хочу тебе кое-что сказать.

— Что? — На залитом слезами лице Ричарда читался вызов.

— Я тебя люблю.

Взгляд Ричарда вновь вернулся к дорожному покрытию. Джек не убирал руку. На мгновение Ричард бросил взгляд на Джека, кивнул, их глаза встретились. Все это напоминало слова, которые Джек пару раз слышал от Лили Кавано Сойер: «Джеки, иногда следует промолчать».

— Мы уже у цели, Ричи. — Джек подождал, пока Ричард вытрет глаза. — Думаю, кто-то должен встретить нас на заправке «Мобил».

— Гитлер, наверное? — Ричард прижал ладони к глазам. Через мгновение взял себя в руки, и в Сторивилл мальчики вошли плечом к плечу.

7

В тени автозаправочной станции стоял «кадиллак-эльдорадо» с похожей на бумеранг телевизионной антенной на крышке багажника. Огромный, как дом на колесах, и черный, как смерть.

— Ох, Джек, вот дерьмо-о-о, — простонал Ричард и схватил Джека за плечо. Его глаза широко раскрылись, губы дрожали.

Джек почувствовал, как в кровь вновь вспрыснулся адреналин. Только теперь он не бодрил. Наоборот, лишал силы. Это уже перебор, перебор, перебор.

Сжимая в руках темный, ни на что не годный стеклянный шар, в который превратился Талисман, Джек двинулся вниз по склону к автозаправочной станции «Мобил».

— *Джек!* — отчаянно вскрикнул Ричард. — Что ты делаешь? *Это один из НИХ! Такие же автомобили были в Тэйере! В Пойнт-Венути!*

— Паркус велел нам прийти сюда, — ответил Джек.

— Ты рехнулся, дружок, — прошептал Ричард.

— Знаю. Но все будет хорошо. Ты увидишь. И не называй меня дружком.

Дверца «эльдорадо» распахнулась, показалась мускулистая нога, обтянутая линялой джинсой. Тревога переросла в дикий ужас, когда Джек увидел, что мысок мотоциклетного сапога аккуратно срезан и из дыры торчат длинные волосатые пальцы.

Стоявший рядом Ричард пискнул, как полевая мышь.

Из-за руля вылезал Волк, не иначе, Джек понял это, прежде чем водитель повернулся к ним лицом. Ростом под семь футов, с длинными, косматыми, не очень чистыми волосами. В них застрял репейник. Когда же здоровяк наконец обернулся, Джек увидел блеск оранжевых глаз, и внезапно ужас сменился радостью.

Он побежал к Волку, не обращая внимания ни на заправщика, который подошел поближе, чтобы лучше разглядеть здоровяка, ни на зевак у магазина. Волосы сдувало со лба, потрепанные кеды звонко шлепали по асфальту, широченная улыбка едва не разрывала лицо пополам, глаза сверкали, как Талисман.

Комбинезон с нагрудником: «Ошкош», кошкин еж. Круглые очки без оправы, как у Джона Леннона. И широкая добрая улыбка.

— *Волк!* — крикнул Джек Сойер. — *Волк, ты живой! Волк, ты живой!*

Он прыгнул, находясь еще в пяти футах от Волка, и Волк, улыбаясь, легко и непринужденно поймал его.

— Джек Сойер! Волк! Вы только посмотрите! Как Паркус и говорил! Я здесь, в этом Богом поколоченном месте, которое воняет, словно говно в болоте, и ты тоже здесь! Джек и его друг! Волк! Хорошо! Отлично! Волк!

Именно запах подсказал Джеку, что перед ним не его Волк, но родственник Волка... и очень близкий.

— Я знал твоего «брата-по-помету».

Волк по-прежнему держал подростка в своих крепких волосатых руках. Теперь, всмотревшись в лицо, Джек увидел, что он старше и мудрее его Волка. Но тоже добрый.

— Моего брата Волка. — Волк опустил Джека на землю, протянул руку и коснулся Талисмана подушечкой пальца. На его лице читалось восторженное благоговение. И от прикосновения в глубинах Талисмана появилась, сверкнула и исчезла яркая искра. Словно метеор.

Волк глубоко вздохнул. Посмотрел на Джека, улыбнулся. Джек ответил тем же.

Подошедший Ричард смотрел на обоих с удивлением и тревогой.

— В Долинах есть хорошие Волки, не только плохие... — начал Джек.

— Множество хороших Волков, — перебил его Волк.

Он протянул руку Ричарду. Тот после секундного колебания пожал ее. Едва кисть Ричарда исчезла в волосатой ручище Волка, превратившийся в узкую полоску рот мальчика выдал его опасения: он определенно ожидал, что с рукой произойдет что-то ужасное.

— Это «брат-по-помету» моего Волка. — В голосе Джека слышалась гордость. Он откашлялся, не зная, какими словами выразить горечь утраты. Принимают ли Волки соболезнования? Или нет? — Я любил твоего брата. Он спас мне жизнь. За исключением Ричарда, у меня не было такого близкого друга, как он. Мне жаль, что он умер.

— Он сейчас на луне, — ответил брат Волка. — Он вернется. Все уходит, Джек Сойер, как луна. Все возвращается, как луна. Пошли. Хочу убраться из этого вонючего места.

На лице Ричарда отразилось недоумение, но Джек понимал и сочувствовал: заправочную станцию окутывал густой запах нефтепродуктов, напоминавший прозрачный коричневатый саван.

Волк подошел к «кадиллаку» и открыл заднюю дверцу, как профессиональный водитель, кем он, судя по всему, и являлся.

— Джек? — Ричард выглядел испуганным.

— Все нормально, — заверил его Джек.

— Но куда?..

— Думаю, к моей матери, — ответил Джек. — Через всю страну в Аркадия-Бич, штат Нью-Хэмпшир. Первым классом. Вперед, Ричи.

Они подошли к автомобилю. На широком заднем сиденье лежал старый потрепанный футляр для гитары. Джек почувствовал, как заколотилось сердце.

— Спиди! — Он повернулся к «брату-по-помету» Волка. — Спиди поедет с нами?

— Я такого не знаю, — ответил Волк. — Правда, был у меня дядя с таким прозвищем, очень быстрый, но потом охромел — Волк! — и больше не мог приглядывать за стадом.

Джек указал на гитарный футляр:

— А это откуда?

Волк улыбнулся, продемонстрировав множество больших зубов.

— Паркус. Оставил еще вот это. Чуть не забыл.

Он достал из заднего кармана очень старую открытку. На ней была запечатлена карусель с очень знакомыми лошадками — среди них Джек увидел и Шуструю Эллу, и Серебряную Леди, — но стоявшие вокруг женщины носили турнюры, мальчишки — бриджи, а мужчины с шикарными усами — котелки. От старости открытка стала шелковистой на ощупь.

Джек перевернул ее и сначала прочел печатную надпись: «КАРУСЕЛЬ В АРКАДИЯ-БИЧ, 4 ИЮЛЯ 1894 г.».

Потом взглянул на две строчки, нацарапанные от руки. Писал Спиди — не Паркус, — размашисто, не соблюдая правил, мягким тупым карандашом:

Ты сотворил чудеса, Джек. Из того, что в футляре, используй нужное тебе — остальное сохрани или выброси.

Джек сунул открытку в карман джинсов и влез на заднее сиденье «кадиллака», скользя по плюшевой обивке. Увидел, что одна из защелок старого гитарного футляра сломана. Открыл три оставшиеся.

Ричард уже сидел рядом с Джеком.

— Е-мое! — выдохнул он.

Футляр для гитары заполняли двадцатидолларовые купюры.

8

Волк вез их домой, и хотя очень скоро Джек с трудом вспоминал многие события той осени, каждое мгновение этой поездки запечатлелось в его памяти до конца жизни.

Они с Ричардом расположились на заднем сиденье «эльдорадо», а Волк вез их на восток, и на восток, и на восток. Волк знал все дороги, и Волк вез их. Иногда запускал кассеты «Криденс клируотер ривайвл» — безусловным фаворитом была песня «Бег по джунглям», — очень громко, так, что едва не лопались барабанные перепонки. Много времени проводил, слушая ветер, для чего кнопкой перемещал стекло водительской дверцы. Его это совершенно завораживало.

На восток, на восток, на восток: в зарю наступающего утра, в углубляющуюся синеву сумерек надвигающегося вечера, слушая сначала Джона Фогерти, потом ветер, снова Джона Фогерти и опять ветер.

Они ели в «Стакис». Они ели в «Бургер кинг». Они заглянули в «Кентакки фрайд чикен». Там Джек и Ричард взяли по обеду, а Волк — «Семейное ведерко», которое съел целиком, двадцать один кусок, судя по звукам, вместе с костями. Джеку сразу же вспомнился Волк и попкорн. Где это было? В Манси. На окраине Манси, в «Таунлайн-сиксплексе». Перед тем как они оказались в «Лучезарном доме». Он улыбнулся... и тут же почувствовал, как стрела вонзилась в сердце. Джек отвернулся к окну, чтобы Ричард не увидел слез в его глазах.

На вторую ночь они остановились в Джулсбурге, штат Колорадо, и Волк приготовил им роскошный ужин на портативном мангале, который достал из багажника. Они ели на заснеженном поле под светом звезд, одетые в теплые куртки, купленные на деньги из гитарного футляра. Метеоры прочерчивали небо, а Волк танцевал на снегу, как ребенок.

— Я люблю этого парня, — задумчиво проговорил Ричард.

— Да, я тоже. Тебе бы встретиться с его братом.

— Жаль, что не удалось. — И Ричард принялся за уборку, а следующая его фраза потрясла Джека до глубины души: — Я многое забываю, Джек.

— В каком смысле?

— В прямом. После каждой оставшейся позади мили помню чуть меньше о том, что произошло. Все уходит в туман. И я думаю... я думаю, что именно этого и хочу. Послушай, ты уверен, что с твоей матерью все в порядке?

Джек трижды пытался дозвониться до матери. Трубку на другом конце провода никто не брал. Джек не слишком переживал из-за этого. Не сомневался, что все будет хорошо. Надеялся на это. Знал, что она будет в отеле, когда он вернется туда. Больная... но живая. Он надеялся.

— Да.

— Почему она не берет трубку?

— Слоут как-то нахимичил с телефонами, — ответил Джек. — Возможно, с помощью персонала «Альгамбры». Я готов на это поспорить. С ней все в порядке. Она больна... но с ней все в порядке. Она там. Я это чувствую.

— И если эта штуковина излечит ее... — Ричард поморщился, но потом договорил до конца: — Ты по-прежнему... я хочу сказать, ты по-прежнему думаешь, что она позволит мне... ты понимаешь, остаться с вами?

— Нет. — Джек принялся помогать Ричарду с уборкой остатков ужина. — Она приложит все силы, чтобы отправить тебя в сиротский дом. Или в тюрьму. Не мели чушь, Ричард, конечно же, ты останешься с нами.

— Знаешь... после того, что сделал мой отец...

— Это был твой отец, Ричард, — заметил Джек. — Не ты.

— И ты не станешь напоминать мне? Ты понимаешь, заставлять рыться в памяти?

— Нет, если ты хочешь все забыть.

— Хочу, Джек. Действительно хочу.

Волк вернулся.

— Вы готовы, парни? Волк!

— Так точно, — ответил Джек. — Послушай, Волк, как насчет кассеты Скотта Гамильтона, которую я купил в Шайенне?

— Конечно, Джек. А потом как насчет «Криденс»?

— «Бег по джунглям», верно?

— Хорошая песня, Джек! Крутая! *Волк!* Богом поколоченная *крутая* песня!

— Именно так, Волк. — Джек повернулся к Ричарду и закатил глаза. Ричард ответил тем же и улыбнулся.

Следующий день они ехали по Небраске и Айове, днем позже миновали закопченные развалины «Лучезарного дома». Джек предположил, что Волк специально выбрал этот маршрут, потому что, возможно, хотел увидеть место, где умер его брат. Он вновь поставил кассету «Криденс», увеличил громкость до максимума, но Джек все равно расслышал его рыдания.

Время, казалось, остановилось, и Джек плавал в нем, потеряв связи с реальностью, ощущая торжество и завершенность. Он справился с порученным ему делом.

На закате пятого дня они въехали в Новую Англию.

Глава 47
ВОЗВРАЩЕНИЕ

1

Вся продолжительная поездка из Калифорнии до Новой Англии, казалось, слилась в долгую вторую половину одного дня и вечер. Вторую половину дня, которая вобрала в себя все дни, и вечер длиной в жизнь, заполненный закатами, и музыкой, и эмоциями. *Огромные чертовы шары огня,* подумал Джек. *Да я не в себе.* Он во второй раз за последние шестьдесят минут — по его прикидкам — посмотрел на маленький циферблат на приборной панели и обнаружил, что прошло целых три часа. И было ли это в один и тот же день? От «Бега

по джунглям» дрожал воздух, Волк покачивал головой в такт, непрерывно улыбался, безошибочно находя нужные дороги, а в заднем окне небо огромными полосами раскрашивали цвета сумерек: пурпурный, и синий, и удивительный густо-красный, присущий только заходящему солнцу. Джек помнил каждую подробность этой долгой поездки, каждое слово, каждую трапезу, каждый музыкальный нюанс, и Зута Симса, и Джона Фогерти, и Волка, радостно вслушивающегося в шумы воздуха, — но реальное время у него в голове сжалось так сильно, что по плотности не уступало алмазу. Он спал на мягком заднем сиденье и открывал глаза при свете или в темноте, под солнцем или под звездами. Среди прочего его память отчетливо запечатлела лица людей — особенно жителей Новой Англии, при въезде в которую Талисман засветился вновь, сигнализируя о возвращении настоящего времени или, в случае Джека Сойера, времени вообще, — которые заглядывали на заднее сиденье «эльдорадо» в надежде увидеть, а вдруг к ним пожаловал Мик Джаггер или Фрэнк Синатра: люди на автостоянках; и матрос и девушка с лошадиной физиономией в кабриолете, остановившемся на светофоре в солнечном маленьком городке в Айове; и тощий парнишка в Огайо, ехавший на велосипеде в полной защитной амуниции. Нет, друзья, это всего лишь мы. Сон продолжал утаскивать Джека к себе. Однажды, проснувшись (в Колорадо? Иллинойсе?) под грохот рока (Волк щелкал пальцами, большой автомобиль плавно катился, небо полыхало оранжевым, и пурпурным, и синим), Джек увидел, что Ричард где-то раздобыл книгу и теперь читает при свете лампочки, вмонтированной в спинку переднего сиденья. Книга называлась «Мозг Брока». Ричард всегда точно знал, который час. Джек закатил глаза и позволил музыке и небесной раскраске поглотить его. Они сделали *это*,

они сделали *все*... за исключением того, что им предстояло сделать в опустевшем маленьком городке в Нью-Хэмпшире.

Пять дней или одни долгие, дремотные сумерки? «Бег по джунглям». Тенор-саксофон Зума Симса, твердящий: *Вот история для тебя, тебе нравится эта история?* Ричард, ставший его братом, его братом.

Время вернулось к Джеку, когда, на величественном закате пятого дня, ожил Талисман. *Оутли*, подумал Джек на шестые сутки. *Я могу показать Ричарду тоннель Оутли и то, что осталось от «Бара Андайка». Я могу показать Волку дорогу туда*... Но ему не хотелось вновь видеть Оутли, посещение этого города не принесло бы ни радости, ни удовлетворения. И он отдавал себе отчет, как близка заветная цель, сколь много они проехали. Пока Джек дрейфовал во времени, Волк уже выехал на широченную автостраду 95, они пересекали Коннектикут, и от Аркадия-Бич их отделяли лишь несколько штатов, от Аркадия-Бич и изрезанного побережья Новой Англии. Теперь Джек считал и мили, и минуты.

2

В четверть шестого вечера двадцать первого декабря, через три месяца после того, как Джек повернулся лицом на запад и связал с ним свои надежды, черный «кадиллак-эльдорадо» повернул на усыпанную гравием подъездную дорожку отеля «Альгамбра», расположенного в городе Аркадия-Бич, штат Нью-Хэмпшир. На западе красно-оранжевый закат плавно переходил в желтизну... и синеву... и королевский пурпур. В окружавших отель садах голые ветви колотились друг о друга под холодным зимним ветром. Среди них, буквально неделей раньше, еще росло дерево, которое ловило и ело мелкую

живность: сурков, птиц... его жертвой стал и отощавший кот дневного портье. Это дерево внезапно умерло. Все остальные пребывали в обычной зимней спячке.

Колеса «эльдорадо» шуршали по гравию подъездной дорожки. Изнутри, приглушенная тонированными стеклами, доносилась одна из песен «Криденс клируотер ривайвл». «Люди, что знают мою магию, — пел Джон Фогерти, — дымом заполнили землю».

«Кадиллак» остановился перед широкой двустворчатой дверью. За ней царила темнота. Фары погасли, и длинный автомобиль застыл в тени. Лишь белый дымок лениво поднимался над выхлопной трубой да горели оранжевые габаритные огни.

Здесь, в конце дня; здесь, на закате, пламенеющем во всем своем великолепии на западном небосклоне.

Здесь:

Прямо здесь и сейчас.

3

Заднее сиденье «кадиллака» заливал слабый, колеблющийся свет. Талисман мерцал... светился едва-едва, словно умирающий светлячок.

Ричард медленно повернулся к Джеку. На его бледном лице читался испуг. Он сжимал книгу Карла Сагана обеими руками, скрутив ее, точно прачка — простыню.

Талисман Ричарда, подумал Джек и улыбнулся.

— Джек, ты хочешь...

— Нет, — оборвал его Джек. — Жди здесь, пока я тебя не позову.

Он открыл заднюю дверцу и, уже вылезая из салона, взглянул на Ричарда. Маленький и сжавшийся, с несчастным видом, тот сидел в углу, свернув книгу в трубочку, словно пытался выжать из нее воду.

Не раздумывая, Джек нырнул обратно в салон и поцеловал Ричарда в щеку. Ричард на мгновение обнял Джека и крепко прижал к себе. Потом отпустил. Ни один из них не произнес ни слова.

4

Джек двинулся к лестнице, которая вела к парадной двери... но повернул направо и подошел к краю подъездной дорожки. За металлическим ограждением земля обрывалась, отвесно падая к пляжу. Справа черным силуэтом на фоне темнеющего неба прорисовывались «американские горки» парка развлечений «Аркадии веселая страна».

Джек посмотрел на восток. Ветер, трепавший сады «Альгамбры», подхватил волосы с его лба и отбросил назад.

Джек поднял шар на вытянутых руках, словно собираясь принести его в дар океану.

5

Двадцать первого декабря 1981 года мальчик по имени Джек Сойер стоял неподалеку от того места, где вода встречалась с землей, держа в руках предмет, обладавший определенными достоинствами, и смотрел на уходящий в ночь Атлантический океан. В тот день ему исполнилось тринадцать лет, пусть он об этом и не помнил, и его отличала необыкновенная красота. Легкий бриз отбрасывал с высокого, чистого лба каштановые, пожалуй, слишком длинные волосы. Мальчик стоял, думая о своей матери, об их номере в этом отеле. Включит ли она свет там, наверху? Он полагал, что да.

Джек повернулся, его глаза ярко блеснули в мягком сиянии Талисмана.

6

Дрожащей исхудалой рукой Лили ощупывала стену в поисках выключателя. Нашла и нажала. И любой увидевший ее в этот момент тут же отвернулся бы. В последнюю неделю рак, живший у нее внутри, прибавил прыти, словно почувствовал, ему могут помешать довести дело до конца. Лили Кавано весила теперь семьдесят восемь фунтов. Кожа пожелтела и обтягивала череп, будто пергамент. Коричневые мешки под глазами стали мертвенно-черными, а сами глаза лихорадочно горели, но были пустыми. От груди не осталось и следа, как и от плоти на руках. На ягодицах и бедрах расцвели пролежни.

Этим беды не исчерпывались. Несколько дней назад Лили еще и подхватила пневмонию.

Впрочем, с учетом ее состояния оставалось только удивляться, как она не заболела раньше. Пневмония могла начаться и при более сносных условиях проживания... а Лили попала в экстремальные. Горячая вода больше не подавалась в батареи центрального отопления. Лили не могла сказать, с каких пор: время стало для нее столь же неопределенным и расплывчатым, как и для Джека в «эльдорадо». Знала она только одно: топить перестали в тот самый вечер, когда она разбила окно, прогоняя чайку, похожую на Слоута.

С той поры «Альгамбра» превратилась в брошенный холодильник. В склеп, в котором ее вскорости ждала смерть.

Если все это произошло благодаря Слоуту, то он проделал чертовски хорошую работу. Из отеля ушли все. *Все.* Горничные больше не катили по коридорам поскрипывавшие тележки. Не насвистывал сантехник. Из-за регистрационной стойки исчез портье с поджатыми губами. Слоут сунул их всех в карман и унес с собой.

Четырьмя днями раньше — когда она не смогла найти в номере достаточно еды, чтобы утолить свой птичий аппетит, — Лили вылезла из постели, вышла в коридор и медленно добралась до лифта. В эту экспедицию она взяла с собой стул, то присаживаясь на него отдохнуть, свесив голову, то используя его в качестве ходунков. Ей потребовалось сорок минут, чтобы преодолеть сорок футов до лифтовой шахты.

Она нажимала и нажимала кнопку вызова, но кабина не поднялась. Кнопка даже не засветилась.

— Твою мать, — хрипло пробормотала Лили и медленно прошла еще двадцать футов до лестницы.

— Эй! — крикнула она вниз, а потом надолго закашлялась, навалившись на спинку стула.

Может, они не услышали моего крика, но точно должны услышать, как я выхаркиваю то, что еще осталось от моих легких, подумала Лили.

Однако никто не пришел.

Она крикнула снова, вызвав еще один приступ кашля, а потом двинулась в обратный путь по коридору, напоминавшему автостраду в Небраске в ясный день. Она не решилась спуститься вниз, зная, что подняться ей уже не удастся. Да внизу никого и не было — ни в вестибюле, ни в «Седле барашка», ни в кафетерии, *нигде*. И телефоны не работали. Во всяком случае, у нее в номере телефон точно не работал, и она не слышала ни одного звонка в этом старом мавзолее. Спускаться не имело смысла. Плохая идея. Она не хотела замерзнуть до смерти в вестибюле.

— Джеки, — пробормотала она, — где ты, черт по...

Тут Лили вновь закашлялась, да так сильно, что в какой-то момент, потеряв сознание, повалилась на бок, уронив на себя этот уродливый стул, и пролежала на холодном полу чуть ли не час. Возможно, именно тогда пневмония и переселилась в быстро хиреющий район, в

который превратилось тело Лили Кавано. *Привет, большой мистер Эр! Можете называть меня большая Пэ! Я тут новенькая, но на финише собираюсь обогнать вас!*

Каким-то образом Лили добралась до своей комнаты, потом у нее начала подниматься температура, дыхание становилось все громче и громче, и в какой-то момент ее воспаленный мозг решил, что легкие — это два аквариума, в которых гремят утопленные цепи. И все-таки она держалась... держалась. Потому что какая-то часть ее разума продолжала утверждать — какой бы безумной ни казалась эта идея, — что Джек уже возвращается, спешит к ней из той дали, где побывал.

7

Начало ее последнего забытья напоминало появление ямочки на песке — ямочки, которая, вращаясь, быстро становится воронкой. Стук утопленных цепей перешел в долгий сухой хрип: *Х-х-х-х-х-р-р-р-р*...

Потом что-то вырвало Лили из этой углубляющейся спирали и направило на поиски выключателя в холодной темноте. Она выбралась из кровати. У нее не могло хватить на это сил. Врач рассмеялся бы при одной мысли об этом. Однако Лили выбралась. Дважды упала, но все-таки поднялась, стиснув губы в решительную полоску. Поискала стул, нащупала, начала продвигаться к окну.

Лили Кавано, королева би-фильмов, ушла. К окну приближался ходячий ужас, сожранный раком, горящий в лихорадке.

Она добралась до окна и выглянула.

— *Джек!* — попыталась крикнуть Лили. С губ сорвался едва слышный шепот. Она подняла руку, попыталась махнуть. Едва

(*А-а-а-а-х-х-х-х*...)

не потеряла сознание. Схватилась за подоконник.

— Джек!

Внезапно светящийся шар в руках темной фигуры ярко вспыхнул, осветив лицо, и Лили увидела, что это ее сын. Это Джек, слава Богу, это Джек. Джек вернулся.

Фигура сорвалась с места.

Джек!

Запавшие, умирающие глаза вспыхнули. Слезы потекли по желтым, ссохшимся щекам.

8

— *Мама!*

Джек пересек вестибюль, заметил, что старомодный телефонный коммутатор оплавлен и закопчен, как после пожара, вызванного коротким замыканием, и мгновенно забыл о нем. Он увидел ее, и она выглядела *ужасно*: силуэт мертвеца в окне.

— *Мама!*

Он взбежал по лестнице, перескакивая сначала через две ступеньки, потом через три. Талисман в его руках испустил красно-розовую вспышку и потемнел.

— *Мама!*

Уже в коридоре, ведущем к их комнатам, он услышал ее голос: не звонко-гремящий или чуть вибрирующий смехом. Нет, теперь она хрипела, как существо, переступившее порог смерти.

— Джеки?

— *Мама!*

Он ворвался в комнату.

9

Сидя в припаркованном у отеля автомобиле, Ричард Слоут смотрел вверх через тонированное стекло. Что делал здесь он, что делал здесь *Джек*? У него болели глаза.

Он напрягал их, пытаясь разглядеть верхние этажи в вечернем сумраке. Когда чуть наклонил голову набок, ослепительная вспышка вырвалась из нескольких окон, на мгновение словно укрыв фасад простыней белоснежного света. Ричард опустил голову между коленями и застонал.

10

Она лежала на полу под окном — именно там он наконец разглядел ее. Смятая, какая-то серая постель была пустой, поначалу ему показалось, что и спальня, беспорядком напоминавшая детскую, тоже пуста... У Джека все похолодело внутри, слова застряли в горле. Но тут Талисман выстрелил очередной ослепляющей вспышкой, и на мгновение все в комнате стало бесцветно-белым. Она вновь прохрипела: «*Джеки?*» — и он проорал в ответ: «Мама!» — увидев под окном ее, напоминающую смятую конфетную обертку. Исхудавшую донельзя, с волосами, рассыпанными по грязному ковру. Ее руки были как лапки маленького зверька, бледные и скребущие по полу. «Господи, мама, черт побери, как же так», — пролепетал он, а в следующее мгновение уже пересек комнату, не сделав ни шага: *проплыл, проскользил* по заставленной мебелью, застывшей спальне Лили, и мгновение это запечатлелось в его памяти, будто изображение на фотопластинке. Ее волосы на грязном ковре, ее ставшие такими тоненькими руки.

Джек вдохнул густой запах болезни, близкой смерти. Он не был врачом и понятия не имел, что не так с телом Лили. Знал только одно: его мать умирала, жизнь уходила через невидимые трещины, и времени у нее оставалось совсем ничего. Она дважды произнесла его имя, но, похоже, это исчерпало ее силы. Плача, он положил руку на голову потерявшей сознание Лили, а Талисман опустил на пол.

Ее волосы словно были полны песка, голова горела.

— Ох, мама, мама.

По-прежнему не видя лица матери, Джек подсунул под нее руки. Бедро под тонкой ночной рубашкой раскалилось и обжигало ладонь. Под другой ладонью пылала лопатка. На костях не осталось плоти. На безумное, застывшее мгновение Лили будто превратилась в грязного маленького ребенка, оставленного умирать в одиночестве. Слезы потоком текли из глаз Джека. Он поднял мать, как поднимают груду старой одежды. Застонал. Руки Лили бессильно повисли, словно две соломинки.

(*Ричард*)

Ричард чувствовал себя... не так плохо в сравнении с Лили, даже когда мешком лежал у него на спине во время спуска в отравленный Пойнт-Венути. Кожу Ричарда покрывали прыщи, язвы, высыпания, и у него тоже поднялась температура, но Джек понимал, что его мать находится в куда более жутком состоянии, что в таком состоянии уже и не живут. И тем не менее она произнесла его имя.

(*и Ричард едва не умер*)

Она произнесла его имя. Джек уцепился за это. Она *добралась до окна*. Она *произнесла его имя*. Даже представить себе, что она умрет... невозможно, невероятно, аморально. Одна рука болталась перед ним, тростинка, ожидающая, пока ее срежут серпом... обручальное кольцо давно соскользнуло с пальца. Джек плакал и не мог остановиться.

— Все хорошо, мама, — бормотал он, — все хорошо, теперь все хорошо, все хорошо.

Обвисшее на его руках тело вдруг завибрировало, словно соглашаясь.

Джек осторожно положил Лили на постель, и она легко перекатилась на бок. Оперся на кровать коленом, наклонился над матерью. Тонкие волосы упали с ее лица.

11

Однажды, перед самым началом путешествия, он ощутил стыд, когда не узнал мать, решив, что это какая-то старуха — уставшая, вымотавшаяся пожилая женщина, сидевшая в чайной. Иллюзия ушла, Лили Кавано Сойер обрела привычный неизменный образ. Истинная, настоящая Лили Кавано не могла постареть, оставалась вечной блондинкой, улыбка которой сверкала, как выкидное лезвие, а лицо весело посылало всех к черту. Фотография этой Лили на рекламном щите когда-то укрепила сердце ее сына.

Женщина на кровати ничем не напоминала ту актрису. Слезы ослепили Джека.

— Нет, нет, нет, — пробормотал он и провел пальцами по пожелтевшей щеке.

У нее не осталось сил даже для того, чтобы поднять руку. Он взял в свои ладони ее худенькую посеревшую кисть, превратившуюся в птичью лапку.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не... — Джек не смог заставить себя произнести это слово.

И внезапно осознал, как много сумела сделать эта иссохшая женщина. Она же подошла к окну, чтобы посмотреть вниз. Его мать знала, что он возвращается. Не сомневалась в этом — и благодаря какой-то неведомой ему связи с Талисманом почувствовала момент его приезда.

— Я здесь, мама, — прошептал он. Из носа потекло. Он вытер его рукавом.

Только тут Джек понял, что дрожит.

— Я привез Талисман. — В этот момент он искренне гордился тем, что ему удалось сделать. — Я его привез.

Джек осторожно опустил хрупкую руку на покрывало.

Талисман по-прежнему светился там, куда он его положил (крайне осторожно): на полу, рядом со стулом. Но

свет этот был слабым, нерешительным, мутным. Джек вылечил Ричарда, прокатив светящийся шар по телу друга; вылечил и Спиди. Однако здесь предстояло свершиться чему-то другому. Джек это знал, но не мог сказать, что именно должен сделать... потому что вопрос заключался не в знании, а в вере.

Он никогда не разбил бы Талисман, даже для того, чтобы спасти жизнь матери, — это он понимал прекрасно.

Нутро Талисмана медленно наполнялось туманной белизной. Импульсы сливались воедино, превращаясь в устойчивый свет. Джек положил руки на шар, и тот выстрелил ослепительной стеной света. *Радуга!* — казалось, говорил этот свет. *НАКОНЕЦ!*

Джек направился к кровати, Талисман озарял комнату от пола до потолка, от стены до стены, ярко освещая постель.

Как только Джек подошел вплотную к кровати, поверхность Талисмана начала изменяться под его пальцами. Стеклянная твердость становилась менее гладкой, более пористой. Подушечки пальцев теперь вдавливались в Талисман. Заполнявшая его непрозрачная белизна клубилась и темнела.

В этот миг Джек ощутил сильное — точнее, яростное — чувство, какого и представить себе не мог в тот давний день, когда отправился на первую прогулку по Долинам. Он осознал, что Талисман, из-за которого пролилось столько крови, который принес столько хлопот, каким-то непредсказуемым образом собирается измениться. Он собирается измениться навеки, и ему, Джеку, предстоит с ним расстаться. Талисман больше *не будет принадлежать ему*. Чистая поверхность Талисмана тоже начала туманиться, размягчаться. Теперь Джек словно держал в руках не стекло, а нагретую пластмассу.

Он торопливо сунул изменяющийся Талисман в руки матери. И Талисман знал, что нужно делать. Именно ради

этого момента — и никакого другого — его создали в некой волшебной мастерской.

Джек не знал, чего он ждет. Вспышки света? Запаха лекарств? Большого взрыва?

Ничего не произошло. Мать продолжала умирать у него на глазах.

— Пожалуйста, — прошептал Джек. — Мама... пожалуйста...

У него перехватило дыхание. В Талисмане вдруг беззвучно разошелся шов — одна из вертикальных канавок. Свет медленно полился из него, окутывая руки матери. Из туманного нутра вспоротого, пустеющего шара выплескивалось все больше света.

Снаружи внезапно донеслось громкое пение птиц, празднующих свое существование.

12

Все это Джек воспринимал как в тумане. Затаив дыхание, он наклонился вперед и наблюдал, как Талисман изливается на постель его матери. Облачная яркость набрала силу. Вертикальные и горизонтальные полоски вновь стали четкими. Веки матери дрогнули.

— Ох, мама, — прошептал Джек. — Ох...

Серо-золотистый свет продолжал вытекать через вскрывшийся шов и, клубясь, поднимался по рукам матери. Ее ссохшееся лицо с провалившимися щеками чуть нахмурилось.

Джек глубоко вздохнул, сам того не ведая.

(*Что?*)

(*Музыка?*)

Серо-золотистое облако из глубин Талисмана растягивалось над телом матери, накрывая его полупрозрачной, чуть матовой, движущейся оболочкой. Джек наблюдал, как эта жидкая пленка скользит по груди Лили, по ее вы-

сохшим ногам. Из раскрытого шва в Талисмане вместе с серо-золотистым облаком исходил удивительный запах, сладкий и терпкий, цветов и земли, добрый, жизнерадостный. Запах рождения, подумал Джек, хотя никогда не присутствовал при родах. Джек втянул его в легкие и, изумляясь увиденному, вдруг вспомнил, что он, Джек Сойер, тоже родился в эту самую минуту, а потом представил себе, едва ли осознавая, о чем речь, что щель в Талисмане — влагалище (разумеется, он никогда не видел влагалища и имел самые зачаточные представления о его строении). Он смотрел на эту щель.

И тут Джек впервые услышал невероятный гомон, поднятый птицами за окнами, смешанный с далекой музыкой.

(*Музыкой? Что за?..*)

Маленький цветной шарик света пронесся перед его глазами и, на мгновение сверкнув в открытой щели, исчез под затуманенной поверхностью Талисмана, словно голубь, нырнувший в движущееся газовое облако. Джек моргнул. Шарик напоминал... За первым последовал второй, и на этот раз Джек успел разглядеть на крошечном шарике пятна синего, и коричневого, и зеленого, линии берегов и горных хребтов. Ему пришло в голову, что в этом маленьком мире стоит застывший Джек Сойер и смотрит вниз на еще более крохотный цветной шарик, а на том крохотном шарике стоит свой Джек ростом с пылинку и смотрит на мир размером с атом. Третий мир последовал за первыми двумя и, вращаясь, исчез в глубинах Талисмана.

Лили шевельнула правой рукой и застонала.

Джек уже плакал навзрыд. Она будет жить. Теперь он это знал. Все сработало, как и говорил Спиди, и Талисман возвращал жизнь в иссушенное, пожранное болезнью тело его матери, убивая зло, которое убивало ее. Джек наклонился вперед, едва не поддавшись всепогло-

щающему желанию поцеловать Талисман. Его окутали запахи жасмина, и гибискуса, и свежевспаханной земли. Слеза упала с кончика носа и сверкнула звездой в колоннах света, поднимавшихся из Талисмана. Он увидел вереницу звезд, проплывших мимо вскрытого шва, сверкающее желтое солнце, окруженное черными просторами. Музыка, казалось, наполняла Талисман, комнату, весь мир. Лицо женщины — незнакомки — проплыло через вскрытый шов. Лица детей, потом лица других женщин. Слезы катились по лицу Джека, он видел в Талисмане лицо своей матери, улыбающееся лицо королевы десятков фильмов. Потом увидел собственное лицо, плававшее среди всех этих миров и жизней, спешивших к рождению внутри Талисмана, и подумал, что сейчас взорвется от избытка чувств. Он *расширялся*. Он дышал светом. И наконец-то услышал звуки изумления, которые раздались вокруг него: глаза матери открылись и оставались открытыми как минимум две благословенные секунды...

(живые, как птицы, как миры внутри Талисмана, к нему пришли звуки тромбонов и труб, крики саксофонов, голоса лягушек, и черепах, и голубей, поющих «Люди, что знают мою магию, дымом заполнили землю»; к нему пришли голоса Волков, играющих волчью музыку на луне. Волна била в нос корабля, и рыба выпрыгивала из озера, чтобы удариться боком о поверхность воды, и радуга накрывала землю, и странствующий подросток разбивал каплю слюны, чтобы решить, в какую сторону идти, и отшлепанный ребенок морщил лицо и открывал рот, и оглушающий голос оркестра пел всем своим огромным сердцем; и комната заполнилась дымным следом единственного голоса, поднимающегося, и поднимающегося, и поднимающегося над этими набегами звука. Рев мощных двигателей, и свист фабричных гудков, и где-то лопнула шина, и где-то взорва-

лась петарда, и влюбленная прошептала «еще», и запищал ребенок, и крик нарастал, и какое-то время Джек не осознавал, что ничего не видит, но потом зрение вернулось).

Глаза Лили широко раскрылись. Непонимающе уставились на Джека. То же непонимание читается в глазах новорожденного, которого шлепком приводят в этот мир. Потом Лили судорожно вдохнула.

...и от этого миры, и вращающиеся галактики, и вселенные рекой поднялись и вытекли из Талисмана. Они поднимались потоком, переливаясь всеми цветами радуги. Они втекали в ее рот и нос... поблескивая, рассыпались капельками росы на ее иссохшей коже и таяли, проникая внутрь. На мгновение все тело его матери сияло разноцветьем...

...на мгновение его мать стала Талисманом.

Все признаки болезни ушли с ее лица. Это случилось не за какой-то промежуток времени, постепенно, как показывают в кино. Все произошло *разом. Мгновенно.* Она болела... а тут выздоровела. На щеках цвели розы. Тонкие, жидкие волосы стали гладкими и густыми, обрели цвет темного меда.

Джек смотрел на нее, а она, с постели, вглядывалась в его лицо.

— Ох... ох... Господи... — прошептала Лили.

Радужное сияние уже таяло... но здоровье осталось.

— Мама? — Джек наклонился ниже. Что-то затрещало под его пальцами, сминаясь, как целлофан. Хрупкая оболочка Талисмана. Он положил ее на прикроватный столик. Чтобы освободить место, отодвинул несколько пузырьков с таблетками. Некоторые упали на пол и разбились, но теперь это не имело значения. Лили больше не требовались лекарства. Джек выпустил оболочку из рук с благоговением, чувствуя — нет, зная, — что и она скоро исчезнет.

Его мать улыбнулась.

Очаровательной, довольной, немного удивленной улыбкой: *Привет, мир, это опять я, вернулась! Ну кто бы мог подумать?*

— Джек, ты снова дома, — сказала она и потерла глаза, чтобы убедиться, что он не мираж.

— Конечно. — Джек попытался улыбнуться. И преуспел, несмотря на катившиеся по лицу слезы. — Конечно, будь уверена.

— Я чувствую себя... гораздо лучше, Джеки.

— Да? — Продолжая улыбаться, он вытер мокрые глаза ладонями. — Это хорошо, мама.

Ее глаза сверкали.

— Обними меня, Джеки.

В комнате на четвертом этаже пустующего отеля на крохотном побережье Нью-Хэмпшира тринадцатилетний подросток по имени Джек Сойер наклонился вперед, закрыл глаза и, улыбаясь, крепко обнял свою мать. Он осознал, что к нему вернулась обычная жизнь со школьными занятиями, и друзьями, и играми, и музыкой; жизнь, где по утрам ходили в школу, а вечерами залезали под одеяло, — обычная жизнь тринадцатилетнего подростка (если, конечно, жизнь подростка можно назвать обычной, со всей ее красочностью и обилием впечатлений). И это подарил ему Талисман. Когда Джек вспомнил о нем и повернулся к прикроватному столику, Талисман исчез.

ЭПИЛОГ

В белоснежной спальне, заполненной встревоженными женщинами, Лаура Делессиан, королева Долин, открыла глаза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так кончается эта хроника. И поскольку это история мальчика, она должна остановиться на этом, а если ее продолжить, она станет историей взрослого человека. Когда пишешь роман о взрослых, то наперед известно, где надо поставить точку — на свадьбе; а когда пишешь о детях, приходится ставить точку там, где это всего удобнее.

Большинство героев, действующих в этой книге, еще не умерли и до сих пор живут счастливо и благополучно. Быть может, автору захочется со временем заняться дальнейшей судьбой младших героев книги и посмотреть, что за люди из них вышли, а потому не следует рассказывать сейчас об этой поре их жизни.

Марк Твен. Приключения Тома Сойера

Пользуясь случаем, переводчик выражает искреннюю благодарность русскоязычным фэнам Стивена Кинга (прежде всего Алексею Анисимову из Сестрорецка, Ольге Бугровой из Москвы, Александру Горешневу из Ставрополя, Антону Егорову из Тулы, Алексею Ефимову из Санкт-Петербурга, Егору Куликову из Томска, Сергею Ларину из Рязани, Валерию Ледовскому из Ставрополя, Анне Михайловой из Новосибирска, Алексею Рожину из Санкт-Петербурга, Анастасии Садовой из Саратова, Екатерине Сойманової из Томска, Анатолию Уманскому из Екатеринбурга), принявшим участие в работе над черновыми материалами перевода, и администрации сайтов «Стивен Кинг.ру — Творчество Стивена Кинга», «Русский сайт Стивена Кинга» и «Стивен Кинг. Королевский клуб» в лице Дмитрия Голомолзина, Екатерины Лян и Сергея Тихоненко, усилиями которых эту работу удалось провести.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая
ДЖЕК УБЕГАЕТ

Глава 1. «АЛЬГАМБРА: ОТЕЛЬ И САДЫ» 7
Глава 2. ВОРОНКА 18
Глава 3. СПИДИ ПАРКЕР 35
Глава 4. ПЕРЕХОД ДЖЕКА 60
Глава 5. ДЖЕК И ЛИЛИ 82
ИНТЕРЛЮДИЯ. Слоут в этом мире (I) 100

Часть вторая
ДОРОГА ИСПЫТАНИЙ

Глава 6. ПАВИЛЬОН КОРОЛЕВЫ 113
Глава 7. ФАРРЕН 126
Глава 8. ТОННЕЛЬ ОУТЛИ 170
Глава 9. ДЖЕК В «ЛОВЧЕМ КУВШИНЕ» 184
Глава 10. ЭЛРОЙ 213
Глава 11. СМЕРТЬ ДЖЕРРИ БЛЕДСОУ 229
Глава 12. ДЖЕК ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ЯРМАРКУ 247
Глава 13. ЛЮДИ В НЕБЕ 255
Глава 14. БАДДИ *ПАРКИНС* *279*
Глава 15. СНЕЖОК ПОЕТ *297*
Глава 16. ВОЛК 316
ИНТЕРЛЮДИЯ. Слоут в этом мире (II) 323
Глава 17. ВОЛК И СТАДО 325
Глава 18. ВОЛК ИДЕТ В КИНО 339
Глава 19. ДЖЕК ПОД ЗАМКОМ 362

Часть третья
СТОЛКНОВЕНИЕ МИРОВ

Глава 20. В ЛАПАХ ЗАКОНА 393
Глава 21. «ЛУЧЕЗАРНЫЙ ДОМ» 409
Глава 22. ПРОПОВЕДЬ 424
Глава 23. ФЕРД ДЖЭНКЛОУ 446
Глава 24. ДЖЕК НАЗЫВАЕТ ПЛАНЕТЫ 463
Глава 25. ДЖЕК И ВОЛК ОТПРАВЛЯЮТСЯ В АД .. 473
Глава 26. ВОЛК В ЯЩИКЕ 486
Глава 27. ДЖЕК СНОВА УБЕГАЕТ 518
Глава 28. СОН ДЖЕКА 521
Глава 29. РИЧАРД В ШКОЛЕ ТЭЙЕРА 529
Глава 30. СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ШКОЛЕ ТЭЙЕРА 544
Глава 31. ШКОЛА ТЭЙЕРА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В АД 549
Глава 32. «ПРИШЛИ НАМ СВОЕГО ПАССАЖИРА!» 555
Глава 33. РИЧАРД ВО ТЬМЕ 567
ИНТЕРЛЮДИЯ. Слоут в этом мире/ Оррис в Долинах (III) 588

Часть четвертая
ТАЛИСМАН

Глава 34. АНДЕРС 600
ИНТЕРЛЮДИЯ. Слоут в этом мире (IV) 620
Глава 35. ПРОКЛЯТЫЕ ЗЕМЛИ 625
Глава 36. ДЖЕК И РИЧАРД ИДУТ НА ВОЙНУ 664
Глава 37. РИЧАРД ВСПОМИНАЕТ 685
Глава 38. КОНЕЦ ПУТИ 718
Глава 39. ПОЙНТ-ВЕНУТИ 725
Глава 40. СПИДИ НА БЕРЕГУ 742
ИНТЕРЛЮДИЯ. Слоут в этом мире (V) 758
Глава 41. ЧЕРНЫЙ ОТЕЛЬ 765

Глава 42. ДЖЕК И ТАЛИСМАН 783
Глава 43. НОВОСТИ ОТОВСЮДУ 803
Глава 44. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ 813
Глава 45. В КОТОРОЙ МНОГОЕ РЕШАЕТСЯ НА БЕРЕГУ 833
Глава 46. ЕЩЕ ОДНО ПУТЕШЕСТВИЕ 857
Глава 47. ВОЗВРАЩЕНИЕ 873
ЭПИЛОГ 890
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 891

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен
Страуб Питер

Талисман

Ответственный редактор *А. Батурина*
Редакторы *К. Егорова, С. Тихоненко*
Художественный редактор *Е. Фрей*
Компьютерная верстка *Г. Сениной*
Технический редактор *О. Панкрашина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 23.05.2017. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура Newton. Печать офсетная. Усл. печ. л. 47,04.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ 605.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ISBN 978-5-17-090875-2

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.
Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.
Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.
Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

...Вновь и вновь двенадцатилетний Джек Сойер и его мать в спешке переезжают из одного города в другой, бегут, сменяя отели и стараясь не оставлять следов.
От кого они прячутся? Кто — или что — их преследует?
Этого Джек не знает, но он абсолютно уверен: его матери грозит смертельная опасность и только он может спасти ее.
Однако для этого ему придется переступить черту — попасть в другую реальность, где обитают силы Тьмы, уже готовые нанести удар...

«Талисман» — одно из самых ярких произведений Стивена Кинга — в новом переводе и без сокращений!
Читайте «Черный дом» — продолжение романа «Талисман».

www.ast.ru
ISBN: 978-5-17-090875-2
9 785170 908752